

Русская литература

4

2023

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2023

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. Е. Багно. Эссе И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», дописанное Ф. М. Достоевским (к истории идей в России)	5
ЛИТЕРАТУРА И МЕДИЦИНА	
С. А. Кибальник. «Мнимый доктор» в русской литературе XIX века	12
И. А. Кравчук. Знахарство против хирургии: Юрий Олеша на Второй Всесоюзной конференции авторских обществ	19
В. М. Дмитриев. Повесть В. С. Яновского «Челюсть эмигранта»: искусство памяти в стоматологическом кабинете	33
ФЕДОР СОЛОГУБ: РАЗЫСКАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ	
Л. В. Евдокимова. О пушкинском мифе Ф. К. Сологуба	48
Т. В. Мисникевич. «Избранные» и «выбранные» стихи: к вопросу о композиционных принципах и составе книг переводов Ф. К. Сологуба из Поля Верлена	64
А. Л. Соболев. Еще раз о неудавшейся попытке эмиграции Ф. К. Сологуба и А. Н. Чеботаревской	73
Приложение. А. В. Карташев. Письмо к К. К. Энкелю (публикация М. М. Павловой) . .	87
Ф. К. Сологуб в дневнике Е. П. Казанович (подготовка текста А. В. Вострикова; вступительная статья и комментарии М. М. Павловой при участии А. В. Вострикова) . .	90
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
Т. Г. Иванова. Ростово-Сузdalская земля в былинах и ее роль в сложении песенно-эпической традиции	111
И. В. Федорова. Константинопольские легенды в русской паломнической литературе XII–XIX веков	130
Н. Ю. Алексеева. К вопросу об участии А. П. Сумарокова в подготовке Большого маскарада («Торжествующая Минерва») 1763 года	139
А. С. Бодрова. Журналист Фиглярин и торжество дружбы в 1827 году: к интерпретации эпиграммы Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина	151
Н. В. Калинина. Малиновка и Малиновец: портретная галерея слуг в произведениях И. А. Гончарова и М. Е. Салтыкова-Щедрина	161

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

А. В. Вдовин. Был ли М. М. Достоевский автором рецензий на народные рассказы Марко Вовчок в журнале «Светоч»? (из комментария к статье Ф. М. Достоевского «Г-н – бов и вопрос об искусстве»)	172
С. Н. Гуськов. Зачем «Северная почта» в 1863 году призывала русских дворян вернуться на родину? (еще раз о деятельности И. А. Гончарова на посту главного редактора правительственной газеты)	180
Приложение. И. П. Письмо в редакцию «Северной почты»	187
О. В. Макаревич. Об умении плести лапти, литературных юзниках и секретной печати (рецензия Н. С. Лескова в «Новом времени» конца 1870-х годов)	191
В. Н. Быстров. А. А. Блок и Вл. В. Гиппиус: завершение одной поэтической полемики . .	207
К. А. Кумпан. Над рукописями статей Вяч. Иванова. Часть 1. «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана»	213
Л. В. Хачатуян. Жизнь после ЛЕФа. Рабочие тетради Алексея Крученых 1927–1930 годов . .	230
Е. Н. Пенская. А. В. Сухово-Кобылин и Серебряный век. Диалог рукописных источников в коллекции Ю. А. Красовского	236
А. М. Любомудров. Пушкинодомцы в борьбе за бунинское наследство. К истории отношений академических ученых и советской номенклатуры в 1960-е годы	246
Приложение. Письма Л. Н. Назаровой, П. П. Ширмакова и В. А. Мануйлова	254
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	
Т. И. Акимова. «Князь Вяземский, Российских стран писатель...»	260
И. А. Лобакова. О реконструкции рукописной библиотеки Ф. О. Плигина	261
А. М. Грачева. «Путешествие по стране разнообразных сновидений русских писателей-сновидцев»	265
В. Ю. Выогин. Территория словесности профессора И. Н. Сухих	267
ХРОНИКА	
Л. В. Соколова. XI Чтения по истории и культуре Древней и Новой России	269
Н. В. Семенова. Четвертый Междисциплинарный научный семинар «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации»	272
В. В. Турчаненко. Научный семинар «Проблемы издания критико-публицистической прозы А. С. Пушкина»	276
С. А. Семячко. Одиннадцатый Агиографический семинар	279
Е. М. Филиппова. XLII Некрасовская конференция	282
В. Филичева. Научная конференция «К 160-летию со дня рождения Федора Сологуба» .	284
О. А. Воробьева, Л. А. Новицкая. XII конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс»	287
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2023 году	290
Summaries	296

**Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН**

Редакционный совет:

*М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
ДЖ. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, М. Б. ПЛЮХАНОВА, ДЖ. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
Р. ХЁДЕЛЬ, Т. В. ЦИВЬЯН, В. ШМИД*

Главный редактор В. Е. БАЛНО

Редакционная коллегия:

*М. Л. АНДРЕЕВ, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, В. В. ГОЛОВИН,
А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Е. Е. ДМИТРИЕВА,
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА,
С. И. НИКОЛАЕВ, Г. В. ОБАТНИН, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО,
В. В. ПОЛОНСКИЙ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

*Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01; e-mail: ruslitr@mail.ru*

© Российской академии наук, 2023

© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2023

© Составление. Редколлегия журнала
«Русская литература», 2023

RUSSKAYA LITERATURA

Nº 4

Historical and Literary Studies

2023

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
V. E. Bagno. <i>Hamlet and Don Quixote</i>, an Essay by I. S. Turgenev, Expanded by F. M. Dostoyevsky (Towards the History of Ideas in Russia)	5
FICTION AND MEDICINE	
S. A. Kibalnik. «The Fake Doctor» in the 19th Century Russian Literature	12
I. A. Kravchuk. Quackery against Surgery: Yury Olesha at the Second All-Union Conference of the Authors' Societies	19
V. M. Dimitriev. <i>Emigrant Jaw</i> by V. S. Yanovsky: The Art of Memory in the Dental Office	33
FYODOR SOLOGUB: RESEARCH AND BIOGRAPHICAL STUDIES	
L. V. Evdokimova. Pushkin Myth by F. K. Sologub	48
T. V. Misnikevich. «Selected» and «Chosen» Poems: Concerning the Compositional Principles and Content of F. K. Sologub's Books of Translations from Paul Verlaine	64
A. L. Sobolev. More on F. K. Sologub and A. N. Chebotarevskaya's Failed Attempt to Emigrate	73
Appendix. A. V. Kartashev. Letter to K. K. Enkel (Published by M. M. Pavlova)	87
F. K. Sologub in the Diary of E. P. Kazanovich (Edited by A. V. Vostrikov; Introduction and Commentary by M. M. Pavlova with Contributions by A. V. Vostrikov)	90
REPORTS AND RELEASES	
T. G. Ivanova. Rostov-Suzdal Land in Epics and its Contribution to the Emergence of the Epic Tradition	111
I. V. Fedorova. Constantinople Legends in the Russian Pilgrimage Literature of the 12–19th Centuries	130
N. Iu. Alekseeva. A. P. Sumarokov's Participation in the Preparation of the Great Masquerade («Minerva in Triumph»), 1763	139
A. S. Bodrova. The Journalist Figlyarin and the Triumph of Friendship in 1827: Towards the Interpretation of an Epigram by E. Baratynsky and A. Pushkin	151
N. V. Kalinina. <i>Malinovka</i> and <i>Malinovets</i>: The Portrait Gallery of Servants in the Works by I. A. Goncharov and M. E. Saltykov-Shchedrin	161
A. V. Vdovin. Were the Reviews of Marko Vovchok's Stories in the <i>Svetoch</i> Journal Authored by M. M. Dostoyevsky? (Commentary to F. M. Dostoevsky's Essay <i>Mr. –bov and the Question of Art</i>)	172

S. N. Gus'kov. Why did <i>Severnaya Pochta</i> Urge the Russian Aristocrats to Return to their Homeland in 1863? (More on I. A. Goncharov's Experience as an Editor-in-Chief of a Government's Newspaper)	180
Appendix. I. P. Letter to the Editor of <i>Severnaya Pochta</i>	187
O. V. Makarevich. Concerning the Craft of Making <i>Lapti</i> , Literary Inmates and Secret Printing (N. S. Leskov's Reviews, Published in <i>Novoye Vremya</i> in the Late 1870s)	191
V. N. Bystrov. A. A. Blok and Vl. V. Gippius: the Outcome of a Poetic Polemics	207
K. A. Kumpan. Working on the Manuscripts of Vyach. Ivanov's Articles. Part 1. « <i>The Inspector General</i> by Gogol and the Comedy by Aristophanes»	213
L. V. Khachaturian. Life After <i>LEF</i> : Alexey Kruchenykh's Workbooks of 1927–1930	230
E. N. Penskaya. A. V. Sukhovo-Kobylin and the Silver Age. Dialogue of the Manuscript Sources in Yu. A. Krasovsky's Collection	236
A. M. Lyubomudrov. Scholars from the Pushkin House as the Champions of the Bunin Legacy. Towards the History of Relations between Academia and the Soviet Nomenclature in the 1960s	246
Appendix. Letters of L. N. Nazarova, P. P. Shirmakov and V. A. Manuilov	254
REVIEWS	
T. I. Akimova. «Knyaz' Vyazemsky, Writer of Russian Lands...»	260
I. A. Lobakova. Reconstructing the F. O. Pligin Manuscript Library	261
A. M. Gracheva. «A Journey through the Land of Various Dreams of the Russian Dreaming Writers»	265
V. Iu. Viugin. Professor I. N. Sukhikh's Territory of Literature	267
NEWSREEL	
L. V. Sokolova. 11 th Readings on the History and Culture of Ancient and New Russia	269
N. V. Semenova. <i>Forms of Cultural Recycling in Modern Russia: Trends and Interpretations</i> Fourth Interdisciplinary Research Seminar	272
V. V. Turchanenko. <i>Problems of Publishing Pushkin's Critical and Journalistic Prose</i> Research Seminar	276
S. A. Semiachko. The Eleventh Hagiographic Seminar	279
E. M. Filippova. 42 nd Nekrasov Conference	282
V. V. Filicheva. <i>Celebrating the 160th Anniversary of Fyodor Sologub</i> Research Conference . .	284
O. A. Vorobyova, L. A. Novitskas. <i>Textology and Historical and Literary Process</i> 12 th Conference for the Young Researchers	287
Index of Contributions to <i>Russkaya Literatura</i> , 2023	290
Summaries	296

**Published under the Auspices of History and Philology Department
Russian Academy of Sciences**

Editorial Council:

*M. GARZANITI, S. GARZONIO, R. HODEL, J. F. JACCARD, J. MALMSTAD,
G. NIVAT, M. B. PLIUKHANOVA, V. SCHMID, G. SMITH, R. D. TIMENCHIK,
T. V. TSIVIAN, WENFEI LIU*

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

*M. L. ANDREYEV, I. F. DANILOVA (Deputy Editor-in-Chief), E. E. DMITRIEVA, V. V. GOLOVIN,
A. M. GRACHEVA, N. N. KAZANSKY, A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, A. F. NEKRYLOVA,
S. I. NIKOLAEV, G. V. OBATNIN, M. V. OTRADIN, A. A. PANCHENKO, V. V. POLONSKII,
A. L. TOPORKOV, T. S. TSAR'KOVA, M. N. VIROLAINEN, E. G. VODOLAZKIN*

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034.
Phone/fax (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru

© Russian Academy of Sciences, 2023
© Institute of Russian Literature
(Pushkinskij Dom), 2023
© Compilation. *Russkaya Literatura*
Editorial Board, 2023

ЭССЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ», ДОПИСАННОЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКИМ (К ИСТОРИИ ИДЕЙ В РОССИИ)*

Далеко не случайно пик русского донкихотства падает на вторую половину XIX века, период самоидентификации России. Речь, по всей вероятности, нужно вести о столь частом и столь благотворном в истории идей взаимообогащении между идеей донкихотовской и русской идеей.

Как в русскую идею, так и в донкихотовскую в разное время различными идеологами, мыслителями, публицистами, писателями вкладывался разный смысл и вкладывается до сих пор. Однако несмотря на все эти различия под определенным углом зрения в них обнаруживается весьма близкий смысл. При этом для того, чтобы попытаться доказать, в чем он заключается, необходимо договориться о понимании этих идей, на которое мы будем опираться в наших рассуждениях.

Смысл, вкладываемый нами в донкихотовскую идею, будет совпадать с интерпретацией И. С. Тургенева, изложенной им в речи «Гамлет и Дон-Кихот». Что же касается русской идеи, то, учитывая чрезвычайную разноголосицу мнений, мы считаем возможным опираться на то ее понимание, которое было особенно близко Ф. М. Достоевскому, утверждавшему, что высокое предназначение России заключается в том, чтобы спасти сбившуюся с пути европейскую цивилизацию. Обостренное чувство ответственности за Европу, утратившую, с его точки зрения, духовные ориентиры, позволяет ему в знаменитой речи о Пушкине утверждать, что первоочередной задачей России является внесение «примирения в европейские противоречия», указание исхода «европейской тоске в своей русской душе».¹

В основе нашей гипотезы лежит убеждение в том, что в этом сближении идей донкихотовской и русской идеи огромную роль сыграли Тургенев (неосознанно) и Достоевский (вполне сознательно).

В знаменитой речи, произнесенной в 1860 году, Тургенев утверждал: «Нам показалось, что все люди принадлежат более или менее к одному из этих двух типов; что почти каждый из нас сбивается либо на Дон-Кихота, либо на Гамлета».² Однако писатель не делает вполне, казалось бы, ожидаемого следующего шага, после слов: «все люди» не добавляет «и все народы». Забегая вперед, скажем, что в 1877 году, в «Дневнике писателя» этот шаг делает Достоевский.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00527, <https://rscf.ru/project/21-18-00527/>, в ИРЛИ РАН.

¹ См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1984. Т. 26. С. 148.

² Цит. по: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1980. Т. 5. С. 331. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

Напомним, что отличительные черты образа Гамлете, согласно Тургеневу, заключаются в следующем: «Что же представляет собою Гамлете? Анализ прежде всего и эгоизм, а потому и безверье. Он весь живет для себя самого, он эгоист» (5, 333).

В противоположность типу Гамлете, тип Дон Кихота в понимании русского писателя таков: «Жить для себя, заботиться о себе — Дон-Кихот почел бы постыдным. Он весь живет (если так можно выразиться) вне себя, для других, для своих братьев, для истребления зла, для противодействия враждебным человечеству силам — волшебникам, великанам, т. е. притеснителям. В нем нет и следа эгоизма, он не заботится о себе, он весь самопожертвование — оцените это слово! — он верит, верит крепко и без оглядки» (5, 332).

На наш взгляд, прямая подсказка к важнейшей переакцентуации и перекодировке речи Тургенева есть в ее тексте, правда, всего одна. Тургенев пишет о том, что в некоем разъединении, дуализме следует признать коренной закон всей человеческой жизни. Гамлете — суть выражение центростремительной силы природы, по которой все живущее считает себя центром творения и на все остальное взирает как на существующее только для себя, в то время как Дон Кихоты олицетворяют собой противоположный принцип преданности и жертвы — центробежной силы, по закону которой все существующее существует только для другого. И далее он подводит нас к мысли, что эти две силы, косности и движения, консерватизма и прогресса — суть основные силы всего существующего. Они же, завершает он свою мысль, «дают нам ключ к уразумению развития могущественнейших народов» (5, 341). При этом не забудем, что уже на первой странице статьи Тургенев недвусмысленно дает понять, что именно Россия является Дон Кихотом в его, тургеневском, истолковании. Именно русскому народу, утверждает он, следовало бы понимать под дон-кихотством «высокое начало самопожертвования» (5, 330). Знаменательно, что задолго до Достоевского Тургенев упомянул в одном контексте русский народ, Дон Кихота и «высокое начало самопожертвования».

Тургенев сам подсказывает здесь понимание его речи как своеобразной увертюры к изводу русской идеи, основывающейся на вере в Россию, которой предназначено спасти европейскую цивилизацию.

Можно только удивляться, почему разговор о Гамлете и Дон Кихоте как Европе и России не был артикулирован раньше, в первые же месяцы после прочитанной речи и опубликованной статьи.

Любопытно, что Тургенев по ходу работы над статьей «Гамлете и Дон-Кихот» настолько изменил свой первоначальный замысел, что, будучи истолкованными как Европа и Россия, Гамлете и Дон Кихот становятся достойными противниками. Так, в окончательный текст не вошло упоминание «трусости» (5, 515) Гамлете и «тупости» (5, 516) Дон Кихота, обнаруживаемые в черновом автографе. Из окончательного текста Тургенев снял утверждение о Гамлете, что «в сущности он мелок и антипатичен», а Дон Кихот, в противоположность ему, «в сущности трогателен и велик».³ Первый оппонент стал сложнее и противоречивее, второго Тургенев заметно идеализировал и героизировал.

Знаменательно, что подобного рода допущение, уподобление Гамлете и Дон Кихоту стран и народов встречалось в европейской публицистике как в эти годы, так и в XVII и XX веках. В XVII столетии португальцы вскоре после освобождения своей страны от испанского господства сравнивали

³ См.: Левин Ю. Д. Гамлете и Дон-Кихот. План-конспект и наброски текста // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1966. С. 73–74.

с Дон Кихотом, представляющим свой народ, чванливую Испанию.⁴ Политический обозреватель «Отечественных записок» В. Санин, обсуждая в статье «Выгодный обмен» передел Италии в 1860 году, уподоблял Гамлету и Дон Кихоту Францию и королевство Сардиния (5, 518; комм. Ю. Д. Левина). Задолго до речи Тургенева с Гамлетом сами немцы сравнивали Германию. Он для них стал символом немецкого народа, не способного к борьбе за свое освобождение. Людвиг Берне считал Гамлета копией немцев. А Ф. Фрейлиграт утверждал: «Гамлет — это Германия».⁵ В период Гражданской войны героическую, республиканскую Испанию сравнивал с Дон Кихотом А. Мачадо.⁶

Нет ничего удивительного в том, что политические оппоненты и противники в идеологических баталиях эпохи могли прямо противоположным образом смотреть как на описанные Тургеневым архетипы, так и на национальное своеобразие русского народа. Так, Писарев в статье «Схоластика XIX в.», рассуждая об особенностях последнего, утверждает, что ему ближе Гамлет, чем Дон Кихот: «Здравый смысл и значительная доля юмора и скептицизма составляют, мне кажется, самое заметное свойство чисто русского ума; мы более склоняемся к Гамлету, чем к Дон-Кихоту; нам мало понятны энтузиазм и мистицизм страстного адепта» (цит. по: 5, 519; комм.).

С другой стороны, речь Тургенева вдохновляла деятелей культуры России на самые неожиданные толкования. В результате не только страны и народы, но и эпохи могли претендовать на гамлетовский или донкихотовский статус. Так, критик-народник А. М. Скабический в статье, напечатанной в 1875 году в № 10 журнала «Отечественные записки», предложил считать 1840–1860-е годы эпохой «гамлетизма», а 1870-е, годы активных людей, не мучающихся укорами совести, — эпохой «донкихотства». Достоевский читал отзыв об этой статье в журнале «Гражданин».⁷

Знаменательно, что в поэме «Venezia la bella» Аполлона Григорьева, «сопрата» Достоевского по почвенничеству, мы находим одну из самых ярких и запоминающихся художественных интерпретаций донкихотства, в чем-то предваряющую тургеневскую, но в то же время отчасти предвмещающую толкование Достоевского:

Но было в этом донкихотстве диком
Не самолюбье пошлое одно:
Кто слезы лить способен о великом,
Чье сердце жаждой истины полно,
В ком фанатизм способен на смиренье,
На том печать избранья и служенья.⁸

На речь и на статью Тургенева так или иначе откликнулись А. И. Герцен, Н. А. Добролюбов, П. В. Анненков, Д. И. Писарев, И. И. Панаев, А. А. Григорьев, Н. С. Лесков, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, П. А. Кропоткин и многие другие. Достоевский, казалось бы, не откликнулся, подобно другим деятелям русской культуры, славянофилам и западникам, революционным демократам и консерваторам. Однако спустя

⁴ Подробнее см.: Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988. С. 430.

⁵ Подробнее см.: Левин Ю. Д. Статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева) // Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965. С. 129–131.

⁶ См.: Тертерян И. А. Философско-психологические истолкования образа Дон Кихота и борьба идей в Испании XX в. // Сервантес и всемирная литература. М., 1969. С. 70.

⁷ [Б. п.]. Из текущей жизни // Гражданин. 1875. 21 дек. № 51. С. 1254–1255.

⁸ Григорьев А. А. Собр. соч.: В 10 т. СПб., 2021. Т. 1. С. 372.

годы он отреагировал на нее самым важным и значительным для истории идей в России образом: в «Дневнике писателя».⁹

Оценка современной европейской цивилизации в творчестве Достоевского принципиально отличалась от отношения к ней большинства его соотечественников. Вместе с тем речь идет не о резкости суждений или обоснованности претензий, а о том, что его сетования и прогнозы воспринимаются как взгляд «изнутри», в то время как его соотечественники, при всей широте амплитуды, в основном смотрели на Европу «извне», оценивая ее проблемы, восхищаясь ее достижениями или предрекая ее грядущий крах отстраненно, лишь в связи с интересами России. Тем самым есть основания поставить вопрос о том, что Достоевский в своей критике Запада скорее близок тем западноевропейским мыслителям, таким как Р. Шатобриан, Ж. де Местр, Ф. Баадер, Ф. Шеллинг, Х. Доносу Кортес, А. Мандзони, которые на протяжении всего XIX столетия, задолго до О. Шпенглера, высказывали мысли о «закате» Европы. Мысли, как и в случае с Достоевским, пронизанные болью за то состояние европейской цивилизации, которое явилось следствием Великой французской революции.¹⁰

В главе «Примирительная мечта вне науки» «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский, как если бы он дополнял статью Тургенева историософским смыслом и геополитическим содержанием, утверждал: «Так точно и в народах: пусть есть народы благородные, честные и умеренные, спокойные, без всяких порывов, торговцы и кораблестроители, живущие богато и с чрезвычайною опрятностью; ну и бог с ними, всё же далеко они не пойдут; это непременно выйдет средина, которая ничем не сослужит человечеству: этой энергии в них нет, великого самомнения этого в них нет, трех этих шевелящихся китов под ними нет, на которых стоят все великие народы. Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, — нет, такая вера есть залог самой высшей жизни наций, и только ею они и принесут всю ту пользу человечеству, которую предназначено им принести, всю ту часть жизненной силы своей и органической идеи своей, которую предназначено им самой природой, при создании их, уделить в наследство грядущему человечеству. Только сильная такой верой нация и имеет право на высшую жизнь. Древний легендарный рыцарь верил, что пред ним падут все препятствия, все призраки и чудовища и что он победит всё и всех и всего достигнет, если только верно сохранит свой обет „справедливости, целомудрия и нищеты“. Вы скажете, что всё это легенды и песни, которым может верить один Дон-Кихот, и что совсем не таковы законы действительной жизни нации. Ну, так я вас, господа, нарочно поймаю и уличу, что и вы такие же Дон-Кихоты, что у вас самих есть такая же идея, которой вы верите и через которую хотите обновить человечество!»¹¹

Там же он выдвинул идею подлинно донкихотовскую, т. е., с одной стороны, гениальную по своей простоте и общедоступности, а с другой — абсолютно утопическую по своей неосуществимости. Выстраданная Достоевским идея о своеобразном объединении всей русской интеллигенции под знаком донкихотства, на основе веры в «общечеловечность» — это итог его многолетних раздумий о ее расколе.

⁹ Упоминаний самой речи Тургенева в окончательном тексте «Дневника писателя» нет, однако их можно обнаружить в «Записях к „Дневнику писателя“ 1876 г. из рабочих тетрадей 1875–1877 гг.» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 91, 167).

¹⁰ Подробнее об этом см.: Багно В. Е. Русская идея Запада (к постановке проблемы) // К истории идей на Западе. «Русская идея». СПб., 2010. С. 5–25.

¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 19.

Речь шла о реальной (с точки зрения Достоевского) возможности преодоления — под знаменем донкихотства — раскола между славянофилами и западниками, о проникнутой почти экуменистским пафосом возможности объединения в лоне донкихотства не только всей русской интеллигенции, но и всего русского народа.

Вспомним, что в статье «Гамлет и Дон-Кихот» первых ее читателей удивило то, что несмотря на несомненную близость Тургенева описанному им типу Гамлета, восхищаться он был готов Дон Кихотом. Тем самым именно в нем сформулированная позднее Достоевским идея объединения на основе веры в «общечеловечность» идеиных оппонентов в России была уже представлена, хотя и не декларирована.

Создается впечатление, что Достоевский спустя семнадцать лет возвращается к эссе Тургенева, которое некогда произвело огромное впечатление на его поколение, и прочитывает его заново, увидев в нем то, что ускользнуло от их внимания в 1860 году, т. е. историософский, а не только психологический и культурологический смысл.

В главе «Меттернихи и Дон-Кихоты» «Дневника писателя» за этот же год Достоевский взглянул на противостояние России-Дон Кихота и Европы-Гамлета с другой стороны: «Поверьте, что Дон-Кихот свои выгоды тоже знает и рассчитать умеет: он знает, что выигрывает в своем достоинстве и в сознании этого достоинства, если по-прежнему останется рыцарем; кроме того, убежден, что на этом пути не утратит искренности в стремлении к добру и к правде и что такое сознание укрепит его на дальнейшем поприще».¹²

В наборной рукописи «Дневника писателя» за сентябрь 1877 года Н. А. Тарасова реконструировала вычеркнутые слова и строки подглавки «Ложь ложью спасается», в том числе восторженную характеристику самого сервантесовского героя, чрезвычайно напоминающую тургеневскую: «И самая картина судьбы столь великого и прекрасного существа [как Дон Кихот], может быть лучшего из людей....».¹³

Любопытно, что в следующей подглавке писатель, воспользовавшись публицистическим и историософским ключом, допускает, что уже не Россия, а Европа превращается в некоего анти-Дон Кихота, у которого «ложь ложью спасается». Европа, с ее «поврежденным умом», которая спасает свою мечту о «ничтожности и бессилии России», придумывает «гораздо нелепейшую мечту», неимоверно возвышенную Турцию: «В Европе случилось то же самое, что произошло в поврежденном уме Дон-Кихота, но лишь в форме обратной, хотя сущность факта совершенно та же: тот, чтобы спасти *истину*, выдумал людей с телами слизняков, эти же, чтобы спасти свою основную мечту, столь их утешающую, о ничтожности и бессилии России, — сделали из настоящего уже слизняка организм человеческий, одарив его плотью и кровью, духовною силою и здоровьем. Об России же самые образованные европейские государства со страстью распространяют теперь совершенные нелепости. В Европе и прежде нас мало знали, даже до того, что всегда надо было удивляться, что столь просвещенные народы так мало интересуются изучить тот народ, который они же так ненавидят и которого постоянно боятся».¹⁴

И далее, развивая идеи Тургенева и продолжая свою мысль о России-Дон Кихоте, предназначение которой — жертвовать собой во имя ближнего и во имя человечества, он утверждает: «Обнажим, если надо, меч во имя угнетенных

¹² Там же. С. 50.

¹³ Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877). Критика текста. М., 2011. С. 332.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 27.

и несчастных, хотя даже и в ущерб текущей собственной выгоде. Но в то же время да укрепится в нас еще тверже вера, что в том-то и есть настоящее назначение России, сила и правда ее, и что жертва собою за угнетенных и брошенных всеми в Европе во имя интересов цивилизации есть настоящее служение настоящим и истинным интересам цивилизации».¹⁵

Достоевский утверждает, что Россия-Дон Кихот наконец поняла, в чем ее призвание. Теперь она не будет нападать на мельницы, а будет жертвовать собою «за угнетенных и брошенных всеми в Европе».

С точки зрения русского писателя, предназначение России-Дон Кихота — расколдовать Европу-Дульсинею, временно себе на беду превратившуюся в Европу-Гамлета, и спасти ее от неминуемой гибели. Расколдовать Европу, чтобы она снова стала дорогой его сердцу Дульсинеей.

В пылу полемики самого русского писателя оппоненты, авторы сатиры «Послание Белинского к Достоевскому» (1846), которыми, по всей видимости, были Тургенев и Некрасов, уже в самом начале его литературной карьеры готовы были сравнивать с Витязем Горестной Фигуры (1, 332, 544–546). Спустя десятилетия в связи с «Дневником писателя» А. М. Скабичевский заметил, что сам Достоевский-прорицатель, «воображающий, что одним ударом меча в одни сутки можно решить все европейские, западные и восточные вопросы», напоминает Дон Кихота.¹⁶

Трагедия современной ему Европы, с точки зрения как Достоевского, так и консервативных мыслителей Запада, донкихотов христианства, заключалась в том, что она отошла от Христа. России предопределено вернуть ее в лоно религии, а ей предначертано быть провозвестником этого грядущего торжества.

В Европе близкие Достоевскому концепции особого предназначения России рождались в среде интеллектуалов, разочаровавшихся в европейской цивилизации, ее современным состоянием, процессом секуляризации культуры, технократическими победами и духовными поражениями.

При этом озабочены они были лишь судьбами Европы, а Россия волновала их лишь постольку, поскольку ею можно было воспользоваться в собственных интересах, и в отношении к ней не было и не могло быть единодушия. Если Ж. де Местр пришел к убеждению, что Россия благодаря такому «азиатскому средству», как склонность к насилию и убийству, является орудием, избранным Провидением для спасения европейской христианской цивилизации,¹⁷ то, согласно Баадеру и Шеллингу, России предначертано силой духа залечить раны Европы.¹⁸

Если уподобление Дон Кихоту русской интеллигенции прошло почти незамеченным, то второе — уподобление ему России — вызвало жаркие дискуссии, восторги, недоумение, а подчас и отповедь, в том числе со стороны испанцев. Так, известный франкистский философ и историк С. Монtero Диас писал: «Если под первом Тургенева сервантесовский герой обрусл, то Достоевский пошел еще дальше. Он уподобил ему саму Россию, навязал ему мистическую, имперскую, вселенскую тоску, столь свойственную этому народу. Неожиданная участь для героя, являвшего собой саму доблесть, которая была в то же время взвешенной, сбалансированной и гармоничной».¹⁹

¹⁵ Там же. Т. 25. С. 50.

¹⁶ См.: Там же. С. 340.

¹⁷ См., например: Степанова М. Жозеф де Местр в России // Лит. наследство. 1937. Т. 29/30. С. 587–588.

¹⁸ См.: Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001. С. 383.

¹⁹ Montero Diaz S. Cervantes, compañero eterno. Madrid, 1957. P. 70–71.

Огромная роль, которую сыграл в русской культуре образ Дон Кихота, объясняется тем местом, которое занимала в России этой поры проблема самоидентификации. Споры о судьбах России, столь волновавшие русскую интеллигенцию, концепции особого ее предназначения ассоциировались с донкихотовской «идеей», со знаменитым девизом Дон Кихотов всех времен и народов: «Я знаю, кто я».

Донкихотовская идея — повернуть историю вспять, возродить преданную забвению рыцарскую цивилизацию оказалась чрезвычайно актуальной в России XIX столетия, когда русская интеллигенция формулировала «русскую идею» — представление об особом предназначении России, призванной спасти европейскую христианскую цивилизацию, растоптанную Великой французской революцией, протянуть руку охваченному кризисом, утратившему духовные ориентиры Западу.

Не последнее место донкихотовский субстрат занимает в тот период самоидентификации России, который опосредованно связан с Великой французской революцией и Наполеоновскими войнами. Не будет преувеличением сказать, что «идея» Рыцаря Печального Образа — спасти гибнущее человечество, утратившее моральные ценности, опутанное меркантильными заботами, претворилась на русской почве в одну из составляющих «русской идеи». Донкихотовский утопизм, донкихотовский нонконформизм, мессианский элемент донкихотовства оказались во второй половине XIX столетия востребованы именно в России, и эта востребованность донкихотовства русской культурой не осталась незамеченной Западом.

Как ни парадоксально, одним из отцов русской идеи оказывается западник Тургенев, который в своей речи «Гамлет и Дон-Кихот» подсказал возможность противопоставить Дон Кихота, олицетворяющего Россию, Гамлету, олицетворяющему Европу. Однако именно эта возможность, несмотря на огромный резонанс, который речь произвела на общественное сознание, не была востребована его современниками. И лишь в 1877 году, в нескольких главах «Дневника писателя» Достоевский, не упомянув Тургенева и не ссылаясь на его речь, но воспользовавшись ею, как всеобщим достоянием, расставил все по своим местам.

ЛИТЕРАТУРА И МЕДИЦИНА

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-12-19

© С. А. КИВАЛЬНИК

«МНИМЫЙ ДОКТОР» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА*

Тема «мнимый больной» в мировой литературе довольно обширна. И конечно, представлена в русской литературе — хотя бы в пушкинском «Станционном смотрителе». А вот врачами люди притворяются реже — соответственно, и образ «мнимого врача» встречается не так уж часто. Впрочем, например, у Чехова в рассказе «Ночь перед судом» (1886), в начале 1890-х годов переделанном им в пьесу, он налишо.

Однако в заглавии настоящей статьи мы имеем в виду не сюжетную ситуацию, когда литературный герой притворяется доктором. И даже не то, когда врач не умеет лечить, — оттого что небрежно относится к исполнению своих обязанностей, как, к примеру, Трилецкий в пьесе Чехова «Безотцовщина» (1878), или оттого, что позабыл все, чему его учили, как Чебутыкин в его же «Трех сестрах» (1900).

Речь пойдет о другом, также достаточно распространенном явлении, когда герой — медик, а его прототип никакого отношения к медицине не имеет. Такие «доктора» в художественных произведениях, как правило, никого не лечат, а только рассуждают — чаще всего с материалистических позиций. Зачастую это вообще не реально практикующие врачи, а ученые, как доктор Фауст или чеховский Николай Степанович из «Скучной истории», а то и студент-медик, как Базаров.¹

Иногда писатель делает своего героя таким «доктором» главным образом для того, чтобы читатель не догадался о его реальном прототипе. Может быть, и называть этот тип «врача», во избежание путаницы, стоит не столько «мнимым», сколько «условным» доктором.

Классическим случаем подобного рода является тургеневский Базаров.

1

Как известно, замысел романа «Отцы и дети» (1860–1861) возник под влиянием ссоры И. С. Тургенева с Н. А. Добролюбовым и последовавшим за ней разрывом его с «Современником». В образе Базарова многие, как, например, М. Н. Катков, увидели «апофеозу „Современника“», а некоторые, как Ю. Г. Жуковский, даже «пасквиль на Добролюбова».² Бывший свидетелем

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Правда, после разрыва с Одинцовской Базаров некоторое время «участвовал» в «практике» своего отца Василия Ивановича и «в деревне» во вскрытии «тифозного мужика». Но все это скорее служит мотивированкой ранней смерти Базарова.

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1981. Т. 7. С. 424, 438. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

ухудшения личных отношений между двумя литераторами Н. Г. Чернышевский также полагал, что роман «Отцы и дети» был «открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову» (7, 438).

В конце концов Тургенев был вынужден сам выступить с печатным объяснением «По поводу „Отцов и детей“» (1869). В нем писатель, с одной стороны, признавался в том, что «никогда не покушался „создавать образ“, если не имел исходною точкою не идею, а живое лицо, к которому постепенно примишивались и прикладывались подходящие элементы.³ <...> Точно то же произошло и с „Отцами и детьми“». А с другой, заявлял: «...в основание главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. (Он умер незадолго до 1860 года⁴)» (11, 86).

Как отмечали комментаторы академического издания, «в противовес параллели Добролюбов — Базаров, неоднократно выдвигавшейся в критике того времени, в статье выдвигается параллель Базаров — врач Дмитриев,⁵ которою отнюдь не исчерпывалось содержание даже первоначального замысла романа» (11, 370–371). Быть может оттого, что версия с «врачом Дмитриевым» мало кого убеждала, впоследствии на эту роль был выдвинут провинциальный орловский врач В. И. Якушкин.⁶

Связь же своего героя с Добролюбовым Тургенев в очерке «По поводу „Отцов и детей“» отрицал, ссылаясь на то, что с ним «почти не видался» и что статья Добролюбова о его «последнем произведении перед „Отцами и детьми“ — о „Накануне“» «исполнена самых горячих <...> похвал» (11, 88).⁷ При этом свое знакомство с Добролюбовым Тургенев явно умаляет, а о его не только журнальных, но и личных выпадах умалчивает.⁸ Из воспоминаний Н. Г. Чернышевского и А. Я. Панаевой мы знаем, что Тургенев довольно часто встречался с Добролюбовым на квартире Н. А. Некрасова и что с некоторых пор между ним и Тургеневым произошла размолвка.⁹

В статье его, очевидно, проявились «предосторожности всякого рода», которые Тургенев соблюдал в мемуарном жанре, объясняя их существованием «множества вещей, о которых нельзя говорить» (11, 370). Скорее всего, именно поэтому о других прототипах Базарова он предпочел высказаться предельно обтекаемо. Так, «уверяя, что все это результат непосредственных

цы арабскими цифрами. Здесь и далее выделения курсивом в цитатах принадлежат авторам текстов, полуожириным — нам. — С. К.

³ В сущности, именно так и обстояло дело с главными героями других романов Тургенева, начиная с «Рудина», во многом вызванного к жизни общением с М. А. Бакуниным.

⁴ Последнее указание похоже на хорошо известный беллетристический прием и не укрепляется в читателе доверия к сделанному Тургеневым утверждению.

⁵ Здесь имеется в виду мемуарное свидетельство А. В. Половцова о Тургеневе, в котором названа фамилия «доктора Д.» — «Дмитриев» (Половцов А. Воспоминания об И. С. Тургеневе // Царь-Колокол. Иллюстрированный всеобщий календарь на 1887 год. М., 1886. С. 77). Отмечая: «говорили мы мало, о пустяках» — Тургенев выделяет лишь поразившую его «базаровскую манеру» собеседника.

⁶ Чернов Н. М. Об одном знакомстве И. С. Тургенева // Вопросы литературы. 1961. № 8. С. 188–192.

⁷ В действительности окончательный разрыв Тургенева с «Современником» произошел под влиянием резкого отзыва Чернышевского о «Рудине» в рецензии на книгу Н. Готорна «Собрание чудес, повести, заимствованные из мифологии», опубликованной в июньской книжке «Современника» за 1860 год. Рецензия была анонимной, и Тургенев, по свидетельству П. В. Анненкова, решил, что она написана Добролюбовым. См.: Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева / Под общ. ред. Н. К. Пиксанова. М., 1934. С. 118.

⁸ Ср.: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862) / Отв. ред. Н. П. Генералова; авторы-сост. Н. П. Генералова, С. А. Ипатова, В. А. Лукина. СПб., 2018. С. 156, 169, 180, 198–203, 276–277, 326–327 и др.

⁹ Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников / Сост., подг. текста и комм. С. А. Рейсера. М., 1986. С. 154–166, 175–190.

„наблюдений“ над его „знакомцем, доктором Д.“, Тургенев сопроводил эти признания многозначительным добавлением: и над „**подобными ему лицами**“. В числе „подобных лиц“ он, видимо, подразумевал прежде всего Добролюбова и Чернышевского» (11, 371).

Основанием полагать именно так является то, что «отдельные факты **нарочитого огрубления некоторых важных высказываний Добролюбова** (да и не только его) при создании образа Базарова все-таки имели место» (11, 370).

Между тем достаточно условная принадлежность Базарова к корпорации врачей объясняется легко, и никакие доктора-прототипы для этого не нужны. Публицисты того времени, в том числе и публицисты «Современника» с их особым вниманием к естественным наукам, нередко прибегали к сравнениям и аналогиям между жизнью, литературой и медициной. Например, «внушительное резюме медика и демократа Базарова: „Исправьте общество, и болезней не будет“, — как отметили комментаторы академического издания, — звучит почти как цитата из статьи Чернышевского о „Губернских очерках“ Щедрина (1857), где Чернышевский, намекая на необходимость радикального переустройства существующего социального порядка, писал: „Надобно отыскать причины, на которых основывается непонятное нам явление общественного быта, и против них обратить свою ревность. Основное правило медицины: «отстраните причину, тогда пройдет и болезнь...»“» (7, 425).

Как отмечал А. В. Кубасов, «прототипы из жизни могут подчас выходить за круг социального, профессионального или иного родства с героями».¹⁰ При этом зачастую трансформация прототипа в лицо другого пола, возраста и профессии делается намеренно, чтобы как можно тщательнее его закамуфлировать.

Подтверждают эту точку зрения и подготовительные материалы к роману, в которых о Базарове сказано: «Смесь Добролюбова, Павлова и Преображенского» (12, 566). Отметим, что Добролюбов назван первым по счету. Из двух других первый был врачом, а о личности второго ведутся споры.¹¹ При этом о Базарове сказано, что он «доктором не хочет быть, ждет случая» (12, 566). То есть Базаров готовится стать революционером.

Современные исследователи также признают, что Тургенев, «создавая образ Базарова, несомненно, имел в виду Добролюбова», и лишь справедливо отмечают, что это был не памфlet против него, а напротив, довольно сочувственно его изображение:¹² «Вопреки собственным философским и социальным воззрениям, вопреки отрицательному опыту личных взаимоотношений», Тургенев «был прельщен тем типом личности, который воплощал собою Добролюбов...».¹³ Примирению былых противоречий, конечно, могла способствовать и серьезная болезнь критика, обострившаяся еще до начала работы Тургенева над романом.¹⁴

¹⁰ Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: поэтика стилизации. Екатеринбург, 1998. С. 236.

¹¹ Батюто А. И. К истории создания романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (По поводу одной публикации) // Русская литература. 1985. № 4. С. 156–165; Генералова Н. П., Хитрово Л. К. К родословной главного героя романа «Отцы и дети» (Кто дал фамилию Евгению Базарову?) // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. СПб., 2012. Вып. III. К 150-летию романа «Отцы и дети». С. 335–338.

¹² Доманский В. А. Тургенев и Добролюбов: полемический диалог и контекст // Тургенев и либеральная идея в России. Пермь, 2018. С. 95–110.

¹³ Ребель Г. М. Искушения русского романа: «Накануне» И. С. Тургенева в добролюбовской интерпретации // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 222.

¹⁴ Добролюбов еще в мае 1860 года выехал за границу для лечения туберкулеза (от которого в ноябре 1861 года и скончался), а Тургенев начал писать «Отцов и детей» только в октябре 1860 года (7, 418). Нельзя исключить, что решение закончить роман преждевременной смертью Базарова было отчасти вызвано слухами об умирающем Добролюбове. Известно, что здоровьем его Тургенев осенью 1861 года «весьма интересовался» (см. письмо Обручева к Добролюбову от 3 (15) ноября: Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1859–1862). С. 347).

Итак, если писатель и в самом деле воспользовался при создании образа Базарова отдельными деталями облика знакомых ему врачей, то основным его прообразом все же был Добролюбов. Решение же Тургенева сделать своего героя врачом, судя по всему, основывалось на расхожей метафоре революционера как «врачевателя общественных болезней».

2

Разумеется, определенная условность есть в любом герое-враче. В отличие от современных сериалов, посвященных медицине, писатель — в особенности писатель XIX века — естественным образом изображает такого героя по преимуществу вне его профессиональной деятельности.

Так, лермонтовского доктора Вернера мы видим в основном в беседах с Печориным. Достаточно условный образ и герценовский доктор Крупов. В романе «Кто виноват?» (1846) у него функция резонера — опытного человека, который напоминает молодым героям о сложности человека и жизни. В повести же «Доктор Крупов» (1847) его врачебная специальность — и вовсе лишь повод для автора развить на мотив философских повестей Вольтера его теорию всеобщего человеческого безумия.

Базаров был сделан доктором отчасти для того, чтобы скрыть истинного прототипа. Нередко так происходило в русской литературе и позднее. Например, профессор-медик Николай Степанович из повести Чехова «Скучная история» и военный доктор Чебутыкин из его пьесы «Три сестры» — в действительности в значительной степени закамуфлированное изображение личности близкого знакомого автора, издателя А. С. Суворина.¹⁵ Присущее старшему другу равнодушие к близким Чехову было легче всего воплотить — и в то же время скрыть — в образе врача.

Другой интересный случай мы находим в романе Чехова «Драма на охоте» (1885). У главного героя следователя Камышева (изображенного в написанной им повести под фамилией «Зиновьев») есть хороший знакомый, доктор Павел Иванович Вознесенский. Казалось бы, первейшее место в его литературной родословной должен занимать лермонтовский доктор Вернер. Однако на самом деле роль его среди прототипов Вознесенского самая скромная.

Уже его фамилия, имя и отчество имеют оксюморонный характер. Имя-отчество у него как у гоголевского Чичикова, а фамилия — как у лиц духовного происхождения. Так же противоречив и характер героя. Противоречивость Вознесенского, выразившаяся уже в его именовании, в Вернере раскрывается постепенно, по мере развертывания сюжета лермонтовского романа.

Отзыв Камышева о Вознесенском в написанной им повести:¹⁶ «...единственный человек, сентенции которого я выслушиваю с легкой душою, не морщась...»¹⁷ — как будто бы самый располагающий к нему. Однако то, что о нем рассказывается далее, является перед нами довольно жалкую личность.

Характеристика эта: «человек <...>, которому дозволяется **вопросительно** заглядывать в мои глаза и запускать исследующую руку в дебри моей

¹⁵ См. об этом: Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: поэтика стилизации. С. 236–238; Кубальник С. А. «Поэтика медицины» в творчестве А. П. Чехова // Русская литература. 2022. № 3. С. 38–40.

¹⁶ Своим построением «Драма на охоте» также больше всего напоминает «Героя нашего времени». У Лермонтова значительная часть романа представляла собой дневник героя («Журнал Печорина»), а у Чехова почти весь роман составляет повесть Ивана Петровича Камышева, в которой он рассказывает свою историю от лица Сергея Петровича Зиновьева.

¹⁷ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М., 1985. Т. 3. С. 291. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием серии, номера тома и страницы.

душ...» (С 3, 291) — явно напоминает лермонтовского Вернера: «Его маленькие черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли».¹⁸ Ср. также у Чехова: «Я люблю его простое, далеко не пластическое лицо с большим носом, прищуренными глазами и жидкой рыжей бородкой» (С 3, 291); и у Лермонтова: «...неровности его черепа, обнаженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей».¹⁹

Общая же оценка отношений Вознесенского с Зиновьевым: «Мы с ним **приятели в самом лучшем смысле этого слова** и уважаем друг друга...» (С 3, 291) — также почти воспроизводит печоринское: «Мы друг друга скоро поняли и **сделались друзьями...**».²⁰ Хотя далее Зиновьев оговаривается: «Меж-ду мною и им, как черная кошка, прошла женщина» (С 3, 291). И тут уже повествование развивается по сюжетной линии «Печорин — Грушницкий».

Именно под Грушницкого Вознесенский и стилизован далее как неудачный соперник Зиновьева в любви к Наде Калининой. Даже фамилия его «Вознесенский» лишь начальной буквой похожа на фамилию «Вернер», а своим окончанием воспроизводит окончание фамилии «Грушницкий».

3

Однако Грушницкий из Вознесенского тоже получается какой-то необычный. Ведь «Щур», как прозвали Вознесенского «за его вечно прищуренные глаза» (С 3, 288), делает все, чтобы предмет его воздыханий Надя Калинина досталась Зиновьеву. И в этом отношении скорее напоминает героя «Бесов» Достоевского Маврикия Николаевича Дроздова — секунданта Гаганова в его дуэли со Ставрогиным и офицера, ухаживающего за Лизой Тушиной.

Уже приведенная нами характеристика Зиновьева: «Мы с ним **приятели в самом лучшем смысле этого слова и уважаем друг друга...**» — близка к словам повествователя «Бесов» о Гаганове: «...еще с вечера припас себе секунданта, а именно Маврикия Николаевича Дроздова, **своего друга, школьного товарища и особенно уважаемого им человека**».²¹

Вознесенский напоминает Дроздова своим поклонением Калининой, а одно и высоким ростом, отмеченным с самого начала: «Доктор **любил ее так, как способны любить только такие хорошие натуры**, как мой милый „щур“ Павел Иванович... Теперь он, как шест, стоял около нее, держа руки по швам и вытянув шею... Изредка он вскидывал свои любящие вопрошающие глаза на ее сосредоточенное лицо... Он словно сторожил ее молитву, и в его глазах светилось **страстное, тоскующее желание быть предметом ее молитвы**» (С 3, 298).

Преданность Дроздова Тушиной декларирована ею: «**Это самый лучший и самый верный человек** на всем земном шаре <...>! Il fait tout ce que je veux»²² — а затем не раз продемонстрирована им самим. Не раз подчеркивается и его высокий рост: «„Боже, как вы **непозволительно высоки** ростом, Маврикий Николаевич!“ И опять смех. Маврикий Николаевич **был роста высокого**, но вовсе не так уж непозволительно».²³

¹⁸ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1981. Т. 4. С. 243.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 222.

²² Там же. С. 87. И он делает все, что я хочу (фр.).

²³ Там же. С. 156.

Вместо двух разговоров, в ходе которых Вознесенский уговаривает Зиновьеву жениться на Калининой, в «Бесах» только один. И он носит гораздо более драматический характер: «Если можете, то женитесь на Лизавете Николаевне, — подарил вдруг Маврикий Николаевич, и, что было всего любопытнее, никак нельзя было узнать по интонации голоса, что это такое: **просьба, рекомендация, уступка или приказание**».²⁴ Тем не менее в этом разговоре есть некоторые детали, из которых развились оба разговора Вознесенского.

Дроздов сообщает Ставрогину, что его невеста в действительности любит его, Ставрогина: «**Из-под беспрерывной к вам ненависти, искренней и самой полной, каждое мгновение сверкает любовь и... безумие...** самая искренняя и безмерная любовь и — безумие!»²⁵ Аналогичным образом после того, как надежды Нади Калининой выйти замуж за князя Карнеева рухнули, Вознесенский объясняет Зиновьеву: «**Чтобы уколоть вас, она задумала выйти за этого графа... Не нужно ей было ни его денег, ни знатности...**» (С 3, 367).

Ставрогин не признает, что по его поведению можно было «заключить» о его «чувствах к Лизавете Николаевне». Дроздов же искренне удивляется этому: «Как? — даже вздрогнул немного Маврикий Николаевич, — разве вы не домогались? Не домогаетесь и не хотите домогаться?»²⁶ Вознесенский как будто бы лишь распространяет эту его тираду: «Не вы ли сами добивались этих поползновений на вашу особу? Вы каждый день ездили, обыкновенные гости так часто не ездят. Днем вы удили с нею рыбу, вечерами гуляли в саду, ревниво оберегая ваше tête-à-tête... Вы узнали, что она любит вас и ни на йоту не изменили вашего поведения... Можно было после этого не подозревать в вас добрых намерений? Я был уверен, что вы на ней женитесь!» (С 3, 302).

С учетом того, что в Зиновьеве также есть черты Ставрогина:²⁷ необыкновенная красота, харизматичность и одновременно порочность, — пародийная стилизация Вознесенского под Дроздова не оставляет сомнений. Хотя одновременно этот герой отмечен отдельными чертами Грушницкого и Вернера.

Возможно, некоторые из приведенных параллелей кому-то могут показаться случайными, а сходство между Вознесенским и его литературными прототипами в произведениях предшественников Чехова скорее типологическим. Однако в своей совокупности они выглядят убедительно. Особенно если иметь в виду, что роман «Драма на охоте» вообще — это стилизация с элементами пародии едва ли не на всю русскую классическую литературу в целом, и на Достоевского в особенности.²⁸

²⁴ Там же. С. 295. Ранее эта единичная параллель между Дроздовым и Вознесенским была проведена Р. Г. Назировым: «Чехов в своей парадигме полностью переменил отношение двух соперников — благородного чудака и пожирателя женских сердец. У него благородный персонаж не грозит, а плачет и умоляет. <...> Чехов отменял романтику жоржзандизма» (Назиров Р. Г. Достоевский и Чехов: Преемственность и пародия // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет. Уфа, 2005. С. 164).

²⁵ Достоевский Ф. М. Бесы. С. 296.

²⁶ Там же. С. 297.

²⁷ То, что Ставрогин оказывается женат и признается в этом Дроздову (а это делает невозможным его брак с Лизой Тушиной), в «Драме на охоте» отозвалось тем, что женатым оказывается граф Карнеев, и это разбивает надежды Нади Калининой. В свою очередь, эта героиня пародийна не только по отношению к главной героине «Дворянского гнезда» Лизе Калитиной, что подчеркнуто прозрачной анаграмматичностью ее фамилии, но и по отношению к Лизе Тушиной. Надя Калинина и сама сравнивает себя с пушкинской Татьяной (С 3, 330), однако навязывается Зиновьеву гораздо более явным образом. Зато она отказывается от его предложения стать его любовницей, в то время как Лиза Тушина идет на это сама.

²⁸ Кибальник С. А. Из истории детективной литературы в России: случай Чехова. Литературологическое исследование. СПб., 2022.

Итак, чеховский Вознесенский — также весьма условный доктор. Среди его ипостасей: «несчастливый соперник в любви», «самоотверженный влюбленный» и др. — нет почти ничего, что имело бы отношение к медицине. А ведь это один из немногих чеховских докторов, образ которого был создан писателем в то время, когда он сам был по преимуществу врачом.

4

Из образа Вознесенского в зрелом творчестве Чехова вырастает целый ряд докторов, которые предстают перед нами не столько как врачи, сколько как просто хорошие люди. «Настоящие» доктора у Чехова вообще не совершают чудес спасения безнадежно больных пациентов. Возможности медицины в то время были довольно ограничены. Скорее это люди, которые неравнодушны к своим пациентам и понимают, что им нужно. Причем иногда это совсем не лекарства.

Так, доктор Самойленко изо всех сил пытается достать для Лаевского денег взаймы. Хотя, скорее всего, если он когда-нибудь и получит их обратно, то явно нескоро. Да и деньги эти нужны Лаевскому на то, чтобы бежать от гражданской жены Надежды Федоровны, которую он увез от мужа. Не одобряя эти планы, Самойленко, тем не менее, старается помочь другу во что бы то ни стало.²⁹

Некоторая преемственность этого героя по отношению к доктору Вознесенскому-Щуру прямо выражается в том, что Чехов наделяет его одной «щурковской» чертой. Самойленко любит давать деньги взаймы, и потому у него самого их никогда нет: «всем давал деньги взаймы» (С 7, 353). Та же страсть владела и Щуром: «Взаймы дает он всякому просящему, не говоря ни слова и не заикаясь об обратной получке... Никаким гвоздем не выковыришь из него бесшабашной веры в людскую добросовестность...» (С 3, 292).

В чеховском Дорне из пьесы «Чайка» отчасти воплощено *alter ego* автора в пьесе.³⁰ Не столько как врач, сколько как хороший человек явлен и герой рассказа «Случай из практики» (1898) «ординатор» Королев. Видя, что дочь фабрикантки Ляликовой Лиза вовсе не больна, а угнетена окружающим, он не боится донести до нее, что «ей нужно поскорее оставить пять корпусов и миллион, если он у нее есть, оставить этого дьявола, который по ночам смотрит; для него было ясно также, что так думала и она сама и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она верит, подтвердил это» (С 10, 84).

В русской литературе XX века вообще, в том числе в советской, начиная с «Записок юного врача» (1925–1926) М. А. Булгакова, все чаще изображается врач как таковой.³¹ И тем не менее тип «условного доктора» продолжил свое существование. В частности, очередной его модификацией стал образ доктора Живаго в одноименном романе Б. Л. Пастернака (1957), представляющим собой гибридный гипертекст романов Достоевского «Идиот»³² и «Братья Карамазовы».³³ Недаром, по мнению поэта О. Седаковой, «святость»

²⁹ Как заметила Е. Н. Петухова о Самойленко, «каким он был врачом, неизвестно, но, исходя из человеческих качеств, предполагается, что хорошим» (Петухова Е. Н. Доктора в прозе и пьесах Чехова // Петухова Е. Н. О Чехове. Продолжение разговора. СПб., 2023. С. 39).

³⁰ Кибальник С. А. Доктор Дорн против писателя Мопассана (об интертекстуальном подтексте чеховской «Чайки») // Филологические науки. 2022. № 1. С. 62–72.

³¹ См.: Волчекович М. «Чудесный доктор»: эволюция образа врача в дореволюционной и советской литературе // Филологические науки. 2023. № 2. С. 97–100.

³² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб., 2020. Т. 9. С. 626–628.

³³ Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М., 1996. С. 154–197.

в «Докторе Живаго» «является как врач, как великий диагност — герой романа».³⁴

Изложенные выше соображения имеют особое значение, если вспомнить, что в работах по антропологии медицины «литературные образы врачей нередко сопоставляются с образами реальных врачей — в таком ряду лермонтовский Вернер „встречается“ с пятигорским доктором Майером, тургеневский Базаров с Сеченовым, чеховские Астров, Дорн и Чебутыкин с самим Чеховым».³⁵

Как мы видели, существует гораздо больше оснований для того, чтобы сопоставлять Базарова с Добролюбовым, а Чебутыкина с Сувориным. Постановка же тем вроде «образы врачей в творчестве Чехова», как нам представляется, вообще не имеет особого смысла, так как в этом случае разнородные литературные образы ставятся в единый ряд по достаточно формальному внешнему признаку.

³⁴ Седакова О. А. «Неудавшаяся епифания»: два христианских романа — «Идиот» и «Доктор Живаго» // Континент. 2002. № 112. С. 376.

³⁵ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М., 2005. С. 12.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-19-32

© И. А. КРАВЧУК

ЗНАХАРСТВО ПРОТИВ ХИРУРГИИ: ЮРИЙ ОЛЕША НА ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АВТОРСКИХ ОБЩЕСТВ*

«Я говорю об интеллигенте-пособнике, интеллигенте-переметчике, интеллигенте-перебежчике, трусе, предателе и мерзавце, выражавшем общественный слой», — такими словами заканчивал свою знаменитую книгу о Юрии Олеше литературовед и диссидент А. В. Белинков.¹ Название книги — «Сдача и гибель советского интеллигента» — как бы оторвалось от ее главного героя, став универсальным обозначением «морального износа». Многолетний политзаключенный, Белинков судил Олешу строгим судом. Более пристальное и менее пристрастное изучение олешинского наследия заставило последующие поколения исследователей пересмотреть этот подход. Как пишут Н. А. Гуськов и А. В. Кокорин, «непредвзятое знакомство с фактами жизни Олеши и его сочинениями (особенно их черновиками) заставляет отчасти усомниться в мифе о нем и как о жертве тоталитарной системы, и как о недостаточно стойком борце за идеалы, не одобряемые этой системой. Все обстояло гораздо сложнее, и, только распутав загадочный узел жизненных и творческих перипетий писательской судьбы, мы сможем должным образом понять и по достоинству оценить произведения Олеши».² Мы бы хотели

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Белинков А. В. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. Мадрид, 1976. С. 609.

² Гуськов Н. А., Кокорин А. В. Чудотворец, завистник и «истинный нищий» — Олеша // Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Стругий юноша. СПб., 2017. С. 332.

внести посильный вклад в этот процесс, осветив небольшой эпизод из биографии писателя, а именно выступление на Второй Всесоюзной конференции авторских обществ в январе 1932 года. В этой небольшой речи, как нам кажется, Олеша предстает не заложником эпохи, ищущим с ней компромисс, но активным участником литературной борьбы, последовательно и точно обозначающим свою эстетическую позицию. Центральное место в нашем анализе займет «медицинская» метафора захарства, которому Олеша, совершенно неожиданно с точки зрения советского публичного дискурса, уподобляет творческий процесс.

Конференция открылась 11 января 1932 года в Ленинградском отделении Коммунистической академии (ЛОКА). Среди ее участников — делегаты крупнейших творческих организаций начала десятилетия: Всероссийского союза советских писателей (ВССП), Всероссийского общества драматургов и композиторов (Всероскомдрам), Литературного объединения Красной армии и флота (ЛОКАФ), Всероссийской ассоциации пролетарских музыкантов (ВАПМ), Ассоциации работников революционной кинематографии (АРРК). Статус мероприятия подчеркивается участием заместителя председателя Главного репертуарного комитета (Главреперткома) О. С. Литовского, а также второго секретаря и заведующего культпропотделом Ленинградского горкома ВКП(б) А. И. Угарова (только что перешедшего на эту должность с поста редактора «Ленинградской правды»). Почетным председателем конференции был избран А. М. Горький, находившийся тогда в Сорренто. Конференцию в ЛОКА едва ли можно назвать уникальным событием в череде полемик первой пятилетки, но нельзя назвать и проходным. «Пять дней, в течение которых в Ленинграде работала вторая всесоюзная авторская конференция, обещают стать серьезным переломным этапом в деле перестройки драматургического фронта», — сообщал 30 января 1932 года журнал «Рабочий и театр».³ «Литературная газета» писала, что ее задача — «разрешить все вопросы, связанные с созданием подлинно революционного, пролетарского репертуара».⁴ Очевидно, конференция воспринималась в контексте дискуссий предыдущего года о проблемах и перспективах советского театра. Направление разговору задало театральное совещание РАПП, проходившее с 25 января по 4 февраля 1931 года.

Реальное культурное и политическое влияние РАПП составляет предмет научного спора. «Именно в РАППе советская литература сформировалась как институция», — пишет Е. А. Добренко, — армия литературных чиновников, проводивших „линию ЦК“, заложила приемы и формы полемики, эстетические критерии и этические нормы, навсегда сохранившиеся в советской критике».⁵ Сдержанную оценку могущества «рассказской дубинки» дает К. Кларк, напоминая, что РАПП — лишь одна из многих групп, конкурировавших друг с другом за право диктовать свою волю литературному миру. К тому же после кратковременного подъема она пережила стремительное падение.⁶ Подобного мнения придерживался в монографии «Неистовые ревнители» (1970) и С. И. Шешуков: уже в начале 1930-х организация была колоссом на глиняных ногах — и не последнюю роль в этом сыграли конфликты

³ [Б. п.]. 2-я всесоюзная конференция авторских обществ // Рабочий и театр. 1932. № 3. С. 17.

⁴ Б. Открылась всесоюзная авторская конференция // Литературная газета. 1932. 16 янв. № 3 (172). С. 1.

⁵ Добренко Е. Становление института советской литературной критики в эпоху культурной революции: 1928–1932 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М., 2011. С. 160–161.

⁶ См.: Кларк К. РАПП и институционализация советского культурного поля в 1920-х — начале 1930-х годов // Соцреалистический канон: Сб. статей. СПб., 2000. С. 209, 217–218.

с партийным и комсомольским начальством.⁷ Некоторые исследователи рассматривают РАПП как слепое орудие большевистской культурной политики, наемный отряд, получавший в обмен на определенные услуги иллюзию власти.⁸ Как бы ни подходить к феномену РАПП, его вклад в институционализацию литературы в СССР несомненен. Нельзя не признать и то, что недовольство рапповцами вызревало годами, а их положение в системе советской культурной политики стало шатким задолго до 23 апреля 1932 года, когда постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» положило конец их коллективному детищу. Факты, говорящие об ослаблении РАПП в 1931–1932 году, представляются особенно важными для нашего анализа.

1931 год для РАПП стал решающим годом борьбы за идеологическое господство не только в литературе, но и в театре. Так, весь февраль секретариат организации согласовывал с партийными органами проект большого пролетарского театра в Москве, призванного стать флагманским для пролетарских трупп по всей стране.⁹ Идея была поддержанна ЦК, но так и не была воплощена в жизнь. Обсуждалась также возможность создания театра РАПП на базе нещадно критиковавшегося рапповцами МХАТ.¹⁰ 5 декабря 1931 года на пленуме правления ассоциации А. Н. Афиногеновым был представлен так называемый *театральный документ*, в котором излагались ключевые позиции РАПП по теоретическим и организационным вопросам советской сцены.¹¹

Для Олеши выступление на авторской конференции продолжает спор о пьесе «Список благодеяний», поставленной в Государственном театре им. Вс. Мейерхольда (ГосТИМе) 4 июня 1931 года. Подготовка и последующая судьба спектакля были в свое время досконально изучены В. В. Гудковой.¹² Она убедительно опровергает распространенное мнение о том, что постановка Мейерхольда обернулась провалом: напротив, спектакль стал одним из самых кассовых в истории театра — он шел с аншлагом вплоть до февраля 1933 года. Тем разительнее контраст между приемом, оказанным спектаклю широкой публикой, и реакцией рецензентов, прежде всего из партийной печати. Основная масса упреков может быть сведена к двум пунктам. Во-первых, пьеса Олеши наглядно демонстрирует крах интеллигентской «двойной бухгалтерии», но автор как будто недостаточно отделяет себя от главной героини, любуется ее душевными метаниями. Во-вторых, тематика и проблематика пьесы, как утверждалось, была глубоко чужда советскому рабочему зрителю: интеллигентские драмы прошлого выглядят

⁷ Впоследствии Г. А. Белая критиковала Шешукова за стремление (как ей казалось, предвзятое) провести водораздел между рапповой и большевистской идеологией. См.: *Белая Г. А. Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей*. М., 1989. С. 274–277.

⁸ См., например: *Фельдман Д. М. Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов*. М., 1998. С. 133–134, 144–145.

⁹ См.: Записка Л. Л. Авербаха В. М. Молотову, А. С. Бубнову // «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг.: Документы. М., 1997. С. 107–108; Записка Л. Л. Авербаха, В. М. Киршона, Ф. И. Панферова, В. П. Ильинкова в ЦК ВКП(б) // Там же. С. 108–109; Постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «Об организации театра Российской ассоциации пролетарских писателей» // Там же. С. 111–112.

¹⁰ См.: *Соловьева И. Н. Художественный театр: Жизнь и приключения идеи*. М., 2007. С. 532–533; Дневник Елены Булгаковой. М., 1990. С. 149.

¹¹ [Б. п.]. Дневник пленума РАПП // Литературная газета. 1931. 8 дек. № 66 (165). С. 1; [Б. п.]. О задачах РАПП на театральном фронте. Постановление секретариата РАПП // Рабис. 1931. № 35–36. С. 17–30.

¹² См.: *Гудкова В. Юрий Олеша и Всеволод Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодеяний»*. М., 2008.

ничтожными перед задачами социалистической реконструкции; большая часть интеллигентов давно приняла советские реалии, а меньшинству не-определившихся суждена участь отщепенцев. Несмотря на давление партийной печати, Мейерхольд и Олеша решили отстоять свое произведение. На открытых дискуссиях в Клубе театральных работников и Федерации объединения советских писателей (ФОСП) режиссер и драматург доказывали, что пьеса нисколько не чужда пролетарскому зрителю.

В Ленинграде Олеша решает поставить точку в этом споре: «Мне как-то говорили, что моя пьеса „Список благодеяний“ запоздала (это говорили критики), а между тем я видел, как смотрели эту пьесу здесь, в Ленинграде, как ее смотрели рабочие Путиловского завода, как ее смотрели в Москве — и я понял, что все это ерунда, что критики ошибаются: пьеса великолепно чувствуется, смотрится хозяевами жизни. <...> В результате у меня получается глубокая, святая, музыкальная уверенность в том, что я пишу именно для пролетария, и эту уверенность во мне никто не разобьет».¹³

В этом заявлении читается открытый выпад против сложившейся к 1930-м годам системы контроля над литературным процессом. Добренко отмечал, что в советской эстетике уже в 1920-е годы ориентация на реальные запросы и вкусы читателей сменилась «доктриной постоянного усиления статуса критики, которая является „проводником мнения народного“ и одновременно „воспитателем“».¹⁴ К примеру, критик Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП) Е. Я. Мустангова характеризовала советский пролетариат как «чрезвычайно пестрый в бытовом отношении и очень близкий в некоторых своих слоях к психологии мелкой буржуазии, вовсе не гарантированный от мелкобуржуазных влияний в идеологии вообще»,¹⁵ следовательно, нуждающийся в идейном и эстетическом руководстве. Л. Авербах призывал соратников не «подлаживаться» к рабочему читателю, а «поднимать его выше по ступеням культурной лестницы»¹⁶ — только так можно совладать с «опасностями, которые вскрываются при анализе читательских интересов».¹⁷

Выступление Олеша в январе 1932 года — протест против такого вездесущего организационного посредничества: «Я считаю, что весной, когда меня крыли за „Список благодеяний“, я излишне засуетился. В этих ошибках я не раскаиваюсь — это был правильный, закономерный путь художника, который своим путем хочет прийти к коммунизму. <...> Я понимаю критику. Но сразу чувствуешь, на расстоянии чувствуешь человека, которому можно поверить, который тебя учит чему-то, но... есть и газетная мелкота, поучающая писателя. Если бы я слушал все то, что говорит критика, — я перестал бы себя уважать как писателя. Я сам найду пути — без кондуктора».¹⁸

За утверждением права писателя напрямую обращаться к читателю следует еще одно — о праве художника на гениальность, на собственное место во всемирном пантеоне. «Я говорю о зависти. Раздирает зависть. Я читал на днях случайно Сен-Симона, о XV веке. Он говорит, что XV век был верши-

¹³ Олеша Ю. К. Речь на диспуте «Художник и эпоха» // Советский театр. 1932. № 3. С. 30.

¹⁴ Добренко Е. А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 25.

¹⁵ Мустангова Е. «Круговая» порука // Удар за ударом. Удар второй: Литературный альманах. М.; Л., 1930. С. 250–251.

¹⁶ Авербах Л. Культурная революция и вопросы современной литературы. М.; Л., 1928. С. 51.

¹⁷ Там же. С. 60. Курсив мой. — И. К. Примечательно, что по своему социальному составу большинство напостовцев не имело отношения к рабочей среде (см.: Кларк К. РАПП и институционализация советского культурного поля... С. 214, 223).

¹⁸ Олеша Ю. Речь на диспуте «Художник и эпоха». С. 30.

ной человеческого развития в Средневековье. Он говорит, что в одном веке жил Коперник, Ньютон, Леонардо да Винчи, Гуттенберг... И думаешь — я тоже живу на какой-то вершине человеческого развития, неужели я не буду в этом списке? И от этого начинаешь мечтать найти ту силу, которая может меня сделать большим мастером, большим художником, достойным эпохи». ¹⁹ Источник, к которому обращается Олеша, понятен: это «Рассуждения философские, литературные и промышленные» А. де Сен-Симона, впервые изданные в 1825 году. Конечно, Сен-Симон не относил к умам XV века Исаака Ньютона. Олеша сознательно допускает анахронизм, стремясь сблизить между собой время Коперника, Ньютона и пролетарской революции, создать из них единую эру торжества человеческого разума. «Не надо стесняться, надо больше быть гордым, что ты поэт, художник. Не надо бояться. Думаю, что кто несет в себе звездочку нового мира, тот может выражать свою индивидуальность. Надо только, чтобы эта звездочка сверкала внутри тебя самого». ²⁰

Спустя примерно два с половиной года эти мысли найдут отражение в пьесе Олеши для кинематографа «Строгий юноша» (1934), экранизированной А. М. Рoomом. В ней много внимания уделяется судьбе и власти гения в социалистическом обществе, идее диалектического снятия конфликта между творческой индивидуальностью и всеобщим равенством. ²¹ Культ гения не тождествен культу неравенства.

Художественный дар становится общим достоянием и неразрывно спаян с интересами «восходящего класса» — пролетариата. Для Олеши пролетариат и творческий дар в равной степени ассоциируются с молодостью, энергией, избытком жизненных сил. Неслучайно в речи он прибегает к медицинским, биологическим образам: «Я хочу свежей артериальной крови и я ее найду. У меня поседели волосы рано, потому что я был слабым. И я мечтаю страстно, до воя, до слез мечтаю о силе, которая должна быть в художнике восходящего класса, каковым я хочу быть». ²²

На поверхности здесь — аллюзия на опыты марксистского философа и экономиста А. А. Богданова. В 1926 году он создал и возглавил Институт по переливанию крови, а в 1928-м погиб, проводя на себе эксперимент по омоложению путем гемотрансфузии. Интерес Олеши к медицинским и естественно-научным темам, проникновение медицинских метафор и мотивов в его тексты могли быть обусловлены персональными особенностями писателя, в частности ипохондрией. ²³ Годы спустя среди записей, составивших книгу «Ни дня без строчки», Олеша осознает себя не только как пациента, но и как аптекаря от литературы: «Мне кажется, что я только называтель вещей. Даже не художник, а просто какой-то аптекарь, завертыватель порошков, скатыватель пилюль. Толстой, занятый моральными, или историческими, или экономическими рассуждениями, на ходу бросает краску. Я все направляю к краске». ²⁴

В ленинградском выступлении Олеша одновременно заявляет о себе как о пациенте и целителе, говоря о требованиях к писателям перестраиваться: «...как у нас делается перестройка? Вырываются глаза у попутчика и в пустые орбиты вставляются глаза пролетария. Но никто из хирургов,

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 31.

²¹ См. об этом: Блюмбаум А. Оживающая статуя и воплощенная музыка: контексты «Строго юноши» // Новое литературное обозрение. 2008. № 1. С. 138–189.

²² Олеша Ю. Речь на диспуте «Художник и эпоха». С. 30.

²³ См. характерное признание писателя: Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 1999. С. 37.

²⁴ Там же. С. 409.

которые производят операцию, не знают, что такое глаза пролетария. Сегодня — глаза Демьяна Бедного, завтра — Афиногенова, и оказывается, что глаза Афиногенова с некоторым бельмом (*Смех*). От этой медицины я обращаюсь к знахарству — интуиции».²⁵ Далее Олеша иллюстрирует свой тезис красноречивым примером. При подготовке отдельного издания «Списка благодеяний» благонамеренный корректор самовольно заменяет фразу Лели «...в эпоху быстрых темпов художник должен думать медленно» на «...в эпоху быстрых темпов художник должен думать немедленно». Перед нами идеальный случай бездумной трансплантации в текст чужого ему смысла.

В нарисованном образе, безусловно, ироническую реакцию вызывает двойная подмена: не только писателю-попутчику вживляются глаза пролетария, но и пролетарий при ближайшем рассмотрении оказывается не пролетарием, а пролетарским писателем. Почему Олеша упоминает именно Демьяна Бедного и Афиногенова? На вторую половину 1931-го — начало 1932-го пришелся процесс «раздемянивания» раппщев, по аналогии с ранее выдвинутым РАПП призывом к «одемяниванию» литературы. На первых порах 1931 год мыслился редакцией «На литературном посту» как год тотального «одемянивания». Вехой на этом пути стала статья Ю. Н. Либединского в первом же номере,²⁶ но она же вызвала недовольство. Группа литераторов, прымывавшая к Ф. И. Панферову (В. П. Ильенков, А. А. Ильин), решила воспользоваться неустойчивым положением Либединского и подала жалобу в комфракцию секретариата РАПП. Административный нажим принес свои плоды: в № 10 журнала «На литературном посту» вышел покаянный текст Либединского «О моей ошибке». 3 ноября 1931 года лозунг был осужден со страниц «Правды» Г. Васильковским в статье «Создадим произведения, достойные нашей эпохи».²⁷ Сложнее дело обстояло с «бельмом» Афиногенова, совсем не выглядевшего на начало 1930-х опальным драматургом. Не кто иной, как Афиногенов, был ключевым разработчиком театральной стратегии РАПП. В конце 1931 года на сценах Москвы и Ленинграда ставится его пьеса «Страх». Как и «Список благодеяний», она посвящена месту интеллигента в новом обществе — обществе, строящем социализм. Сравнение «Страха» и «Списка благодеяний» в газетах — всегда в пользу Афиногенова. «<Если> „Страх“, делающий ударение не на словесной орнаментике, дает идейное напряжение, большее, чем „Список благодеяний“ с его блестящим языком, то это — результат партийности пьесы».²⁸ Олеша и сам оставил лаконичный и условно благоприятный отзыв в «Вечерней Москве» о мхатовской постановке «Страха»: «„Страх“ открыл советскую публику в широком смысле. И это завидная удача».²⁹ Что же могло повредить репутации Афиногенова в тот момент? Шешуков упоминает о партийном взыскании, наложенном на Афиногенова в конце 1931 года, но на заседании комфракции РАПП 1 января 1932 года этот инцидент был, по-видимому, уже исчерпан.³⁰ Вероятнее всего, Олеша

²⁵ Олеша Ю. Речь на диспуте «Художник и эпоха». С. 30.

²⁶ Либединский Ю. Задача одемянивания // На литературном посту. 1931. № 1. С. 23–28.

²⁷ См.: Либединский Ю. О моей ошибке // На литературном посту. 1931. № 10. С. 25; Шешуков С. И. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1970. С. 308–309.

²⁸ Амаглобели С., Вишневский Вс., Горев Я., Зельцер И., Никитин Ник., Рафалович В., Штейн А. «Страх» в Ленинграде и «Страх» в Москве. Впечатления от двух спектаклей // Литературная газета. 1931. 23 дек. № 69 (168). С. 4.

²⁹ Олеша Ю. К. О «Страхе» А. Афиногенова // Олеша Ю. К. Пьесы. Статьи о театре и драматургии. [М.,] 1968. С. 266. О предыстории текста см.: Мильчина В. А. Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М., 2019. С. 261 (изложение доклада И. Г. Венявкина на «Гаспаровских чтениях» 2009 года).

³⁰ См.: Шешуков С. И. Неистовые ревнители. С. 312–313.

намекал на критические замечания в адрес книги Афиногенова «Творческий метод театра: диалектика творческого процесса» (1931), в которой драматург пытался дать диалектическое обоснование рапповской театральной платформе. В результате самому Авербаху пришлось признать чуждые влияния в книге.³¹ Сам Афиногенов с готовностью говорил с трибуны авторской конференции о своих заблуждениях.³²

Бесконечные волны критики и самокритики, возвеличивания и разоблачения авторов Олеше претили. Как сможет писатель перестраиваться по критериям «пролетарской» критики, если эти критерии регулярно меняются?

Фраза о знахарстве и интуиции также нуждается в комментарии. На первый взгляд, явление знахарства должно быть отнесено к абсолютно неприемлемым в советской жизни — это вредный предрассудок, подлежащий искоренению. Слово «знахарство» как уничтожительная характеристика чужой аргументации проникло и в речи Сталина: «Оппозиция думает „объяснить“ свое поражение личным моментом, грубостью Сталина, неуступчивостью Бухарина и Рыкова и т. д. Слишком дешевое объяснение! Это знахарство, а не объяснение».³³ Использовался этот образ и в литературной борьбе, к примеру, против регулярно преследовавшегося Б. А. Пильняка. В 1929 году в самом первом номере советской «Литературной газеты» была опубликована его краткая заметка «Фельдшера и академики». Пильняк настаивал, что цель литературы не «отображать» реальность, а «формовать эмоции»: «Пушкин был человеком, всячески связанным со своей эпохой <...>. И Пушкин — ничего не „отображал“ и ничего не „изображал“, и в эпоху всеевропейских войн и восстания декабристов Пушкин писал „Моцарта и Сальери“, „Скупого рыцаря“, целый ряд вещей, которые не относились к его времени по теме, — и все же именно эти вещи определяют для нас эпоху и формовали эмоции той эпохи...».³⁴ Уточнял Пильняк и требование нести литературу в массы. Писатель предложил образ условного фельдшера Павлова и академика Павлова, каждый из которых полезен на своем месте, где находится оптимальное применение его дарованиям. Рядом с заметкой Пильняка помещена ответная заметка рапповца В. А. Сутырина «Об академике, который фельдшер». Сутырин увлеченно издавался над Пильняком за самомнение и плохое понимание марксистской эстетики. Кроме того, он писал: «Пильняк хочет, чтобы за академиками-беллетристами было закреплено право не думать о продвижении литературы в массы. Это дело, по его мнению, должно целиком лежать на литературных фельдшерах. Фельдшера у нас в литературе, действительно, есть, мало этого — есть и знахари, но значит ли это, что такое положение нормально? Фельдшер, как чеховский персонаж, изгоняется из медицины. Его надо изгнать и из литературы вместе со „знахарем“. Но нельзя стремиться в литературе и к учреждению института лекромов <...>. Литература — не физиология. <...> самый большой мастер литературы («академик») должен работать так, чтобы быть одновременно практикующим лекарем, т. е. должен вырабатывать „форму, понятную миллионам“».³⁵

Помимо такого использования, термины «знахарь», «знахарство» могли приобретать в советской литературе и вовсе нетривиальные коннотации.

³¹ Авербах Л. За гегемонию пролетарской литературы. Л.; М., 1931. С. 68.

³² Афиногенов А. Темы великой стройки // Рабочий и театр. 1932. № 3. С. 2.

³³ Сталин И. В. Троцкистская оппозиция прежде и теперь: Речь на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г. // Сталин И. В. Соч.: В 18 т. М., 1949. Т. 10. С. 193. См. также: Сталин И. В. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии: Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ 7 декабря 1926 г. // Там же. Т. 9. С. 46.

³⁴ Пильняк Б. Фельдшера и академики // Литературная газета. 1929. 22 апр. № 1. С. 2.

³⁵ Сутырин В. Об академике, который фельдшер // Там же.

Так, в 1929 году на страницах десятого тома «Большой медицинской энциклопедии», выпускавшейся под редакцией наркомздрава Н. А. Семашко, знахарство было признано не только общественным злом, но и сложным культурным феноменом. «Знахаря следует отличать от шарлатана», — подчеркивал автор статьи, заведующий кафедрой социальной гигиены Ленинградского медицинского института Г. И. Дембо.³⁶ Низшие классы веками не имели доступа ни к какой иной медицине, кроме медицины народной, знахарской. Знахари накапливали разрозненные сведения о лекарственных растениях, диете и простейших лечебных процедурах, таких как массаж или кровопускание. Особая трудность, признает Дембо, связана с ростом популярности знахарей «в культурной среде», прежде всего в странах Запада. На общем фоне выделяется Германия: здесь с 1869 года действует закон, вводящий знахарскую практику в строгие рамки, но тем самым и легализующий ее. Интересно, что советский врач считает причиной подобной моды: «Прогресс науки и техники повышает врачебные возможности, но уменьшает вместе с тем престиж личного искусства врача»;³⁷ «...у знахаря нередко подкупает индивидуальная внимательность к каждому отдельному больному и его болезни; знахарь именно картину переживаний больного делает почвой для своих успехов»;³⁸ «В настоящее время медицина освобождается от преувеличения значения личности и ее индивидуальных талантов; терапия приобретает прочные научные основания, становится знанием. С таинственного, чудесного срывается покров».³⁹

Всякий успешный знахарь — искусный психотерапевт. Между тем современная медицина до сих пор недооценивает значимость психотерапевтического воздействия на пациента. Размышления Дембо отчасти близки тезисам данцигского хирурга и медицинского публициста Эрвина Лика. На рубеже 1920–1930-х годов Лик превратился в популярную и скандальную фигуру, которого одни считали одаренным и оригинальным мыслителем, а другие — убежденным врагом научного прогресса. В 1928 году в Днепропетровске вышел сокращенный перевод наиболее известной книги Лика «Врач и его призвание» («Der Arzt und seine Sendung»), выдержавшей множество переизданий на родине автора. Впоследствии Лик радикализирует свои позиции в книге «Чудо в медицине» («Das Wunder in der Heilkunde»). В общих чертах взгляды Лика на врачевание сводятся к следующему. Причина кризиса, остро ощущаемого в современной медицине, кроется в дефиците врачей и переизбытке медиков. Медик для Лика — продукт сложившейся системы подготовки медицинских кадров, когда во главу угла ставятся не талант, опыт, интуиция, душевные и интеллектуальные качества врача, а голая техника, отвлеченная, сухая, академическая наука, карьера, самолюбие. Лик пишет: «Настоящий врач является, конечно, художником, но не исключительно им. Со временем се-дой старины в нем интимно сплелись священнодействие и колдовство, техника и наука».⁴⁰ Лик делится тревогой и за свою отрасль. Слишком ранняя специализация, цеховая рутина приводят к тому, что хирург лечит не пациента и даже не болезни, а механически исправляет органы, иногда лишь потому, что расположение или вид одного из органов больного не соответствует нормативной анатомической схеме, даже если орган при этом функционирует правильно и не несет угрозы пациенту. За всеми искажениями медицинского

³⁶ Дембо Г. Знажарство // Большая медицинская энциклопедия. М., 1929. Т. 10. Желтуха—Зрачок. Стлб. 708.

³⁷ Там же. Стлб. 710.

³⁸ Там же. Стлб. 710–711.

³⁹ Там же. Стлб. 710.

⁴⁰ Лик Э. Врач и его призвание. Днепропетровск, 1928. С. 2.

знания стоит утрата внимания к личности и душе пациента, низкая философская, духовная культура нынешних эскулапов. Вот почему он предлагает не третировать популярных в народе знахарей, но стремиться соединить профессионализм и ответственность врача со здравым смыслом и чуткостью народного доктора: «Так как еретиков больше не сжигают, то я могу спокойно сказать: я питаю даже симпатию к некоторым знахарям и — люди точной науки могут перекреститься — я советую, правда, редко, некоторым ищущим чудес больным обратиться к знахарю. <...> Сущность врача не находится в связи с государственным дипломом. Среди знахарей попадаются врачи, а среди врачей знахари. Больной ищет и находит у многих, не скажу, конечно, у всех, знахарей нечто такое, в чем ему отказывает современное врачебное дело...».⁴¹ В СССР продолжили следить за полемикой вокруг книги и на следующий год. В предисловии к русскому переводу немецкого сборника «Боевые вопросы врачевания» (1929) советский врач профессор С. А. Бруштейн назвал «блестящие парадоксы» Лика «новым видом утонченнейшего „захарства“». Составитель сборника А. Гольдштейдер ставил концепции данцигского доктора в один ряд с выступлением светила европейской хирургии Ф. Зауэрбруха на съезде естествоиспытателей 1926 года. Зауэрбрух упрекал молодое поколение докторов в потере интереса к больному, бескрылому техницизму и пагубной недооценке врачебной интуиции. Современный медик, чрезмерно полагаясь на фармакологию и новейшие методы лечения, оторван от живого общения с пациентом и лишен воображения.

Мог ли Олеша быть знаком с этой дискуссией? Прямых упоминаний Лика в его опубликованных текстах обнаружить не удалось. Несмотря на это, известно, что Олеша был человеком любознательным и имел широкий кругозор — на обилие современной научно-технической терминологии в прозе писателя обращала внимание М. О. Чудакова.⁴² О том, что пример Лика интересовал не одних медиков, говорит и то, что его симпатии к знахарству стали излюбленным примером в советской публицистике 1930-х годов, живописавшей упадок рационализма и науки на Западе, «маразм» загнивающей буржуазной Европы.⁴³ Мода на знахарей и магов, дискредитация материализма также рассматривались как первые признаки надвигавшейся нацистской тирании.⁴⁴ Свою лепту внес и Авербах. 29 мая 1931 года на заседании пленума совета Всесоюзного объединения ассоциаций пролетарских писателей (ВОАПП) он спорил со статьей австрийского социал-демократа О. Бауэра «Мировой культурный кризис»: «Говоря о том, что техническое и позитивное мышление забивает мышление гуманитарное, Бауэр хочет открыть двери и открывает их для агностицизма, для расцвета мистики, для воскрешения средневекового суеверия на основе развенчания науки. <...> Недаром не только в современной Германии знахари нередко предпочтитаются врачам и „интуиции“ алхимиков и знахарей отдается предпочтение перед знанием — это по сути дела оправдывается и Бауэром».⁴⁵ Авербах упоминает знаменитую аферу «алхимика» Ф. Таузенда. Тот убедил самого генерала Э. Людендорфа в своем умении изготавливать золото. Людендорф принял участие в акционерном обществе Таузенда, надеясь с его помощью помочь Германии заплатить reparations и преодолеть экономические последствия Первой мировой

⁴¹ Там же. С. 117.

⁴² См.: Чудакова М. О. Мастерство Юрия Олеши. М., 1972. С. 11. См. также свидетельство Л. А. Озерова: Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975. С. 234.

⁴³ См.: Вольфсон С. Союз буржуазной медицины с религией // Фронт науки и техники. 1932. № 2. С. 76; Варшавский Л. За рубежом. Смертность, рождаемость, браки. Статья вторая // Новый мир. 1933. Кн. 3. С. 243–244.

⁴⁴ См.: Зильберфарб И. Погромщики культуры // Театр. 1937. № 9. С. 143–144.

⁴⁵ Авербах Л. За гегемонию пролетарской литературы. С. 7.

войны. Таузенд присвоил себе деньги инвесторов и уехал в Италию, однако вскоре был доставлен на родину и отдан под суд.⁴⁶

В творчестве самого Олеши образ ученого, врача, инженера неизменно балансирует на грани науки, искусства, магии и циркового трюка. Повесть «Три толстяка» (1924, 1928) начинается фразой «Время волшебников прошло».⁴⁷ Но, несмотря на обстоятельное внушение рассказчика (а возможно, благодаря нему), доктор Гаспар проявляет себя и магом, и алхимиком, и фокусником, и простаком.⁴⁸ Другой типаж ученого в романе — инженер Туб, некогда соорудивший механическую куклу наследника Тутти, а затем отказавшийся заменить сердце мальчика на железное, брошенный в темницу и превратившийся в получеловека-полузверя. М. Комия проводит параллели между доктором Гаспаром и Тубом с одной стороны, Иваном Бабичевым из романа «Зависть» — с другой.⁴⁹ Действительно, образ Ивана Бабичева тоже колеблется: он предстает то инженером, то волшебником, то артистом, то идеологом («Я скромный фокусник советский, / Я современный чародей!»⁵⁰).

Еще несколько источников. В 1930 году издательством «Безбожник» переиздается перевод книги Г. Эйльдермана о первобытном коммунизме (впервые — 1923). Автор анализировал социальное устройство первобытных сообществ («орд») и современных народов мира, живущих, как было принято считать, на первобытном уровне развития. Эйльдерман пытался реабилитировать интеллект первобытного человека, доказывая, что на самых ранних этапах общественного развития люди могли вырабатывать достаточно разумные формы сосуществования, заботиться друг о друге и мыслить научно. Также Эйльдерман развивает концепцию «первобытных врачей» — первых людей, решивших не оставлять своих заболевших сородичей умирать, а облегчить их положение. Отличительной особенностью первобытного мышления было, по Эйльдерману, понимание нерушимой взаимосвязи между природой, телом человека и социальным порядком. Магические обряды были призваны выразить понимание этой связи. Исследователь приводит в подтверждение своих гипотез пример медицинского ритуала в одном из племен: что старших родственников, зять и невестка отдают заболевшим старикам свою кровь. Кровь молодых пьется как общеукрепляющее средство.⁵¹

Не менее интересна гипотеза, возводящая к первобытным знахарям интеллигенцию. С этой гипотезой Олеша мог ознакомиться по двухтомнику знаменитого немецкого марксиста К. Каутского «Материалистическое понимание истории» (1927). Несмотря на, мягко говоря, непростые взаимоотношения марксистского мыслителя с СССР, его сочинение было переведено на русский Е. А. Преображенским и издано «Соцэкизом» в 1931 году. Каутский утверждает, что профессии в первобытном обществе возникают в тот момент, когда

⁴⁶ Подробнее об этом см.: Гофман К. Можно ли сделать золото? Мошенники, обманщики и ученые в истории химических элементов. Л., 1987. С. 114–120. Портрет Таузенда публиковался «Огоньком» в 1929 году (17 февр. № 7 (307). [С. 14]).

⁴⁷ Олеша Ю. К. Три толстяка // Олеша Ю. К. Избранное. М., 1974. С. 97.

⁴⁸ О родстве доктора Гаспара с Фаустом см.: Подлубнова Ю. С. Метажанры в русской литературе 1920 — начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория). Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. С. 134, 137, 141.

⁴⁹ Комия М. Романы Ю. К. Олеши «Зависть» и «Три Толстяка» как метапроза. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 22, 41, 74.

⁵⁰ Олеша Ю. К. Зависть // Олеша Ю. К. Избранное. С. 56, 67. Ср. также анализ сравнения Андрея Бабичева с факиром: Маркина П. В. Творчество Ю. К. Олеши в литературно-эстетическом контексте 1920–1930-х годов (И. Э. Бабель, В. П. Катаев, М. М. Зощенко). Барнаул, 2012. С. 217–218.

⁵¹ См.: Эйльдерман Г. Первобытный коммунизм и первобытная религия. М., 1930. С. 204.

в нем возникает интеллигенция. И первой профессией интеллигенции была профессия знахаря. Каутский вступает в заочный спор с историком Э. Майером, дающим чисто психолого-антропологическую трактовку возникновению знахарства: Майер связывал накопление и использование знаний с девиантностью, сводя первых интеллигентов к типам философа (оригинального мыслителя), сумасшедшего и шарлатана. Каутский же, оставаясь ортодоксальным марксистом, объясняет выделение знахарей появлением более совершенных форм разделения труда по мере роста его производительности. Тогда возникает возможность обменивать излишки производства на те знания и услуги, которые может предложить знахарь.⁵²

Наконец, укажем и на очерк М. С. Шагиняна «Змеиная женщина» (1927), в 1931 году включенный писательницей в сборник «Советское Закавказье». В очерке описывается посещение села Давалу, населенного армянскими переселенцами из Персии. Село и его окрестности традиционно страдают от огромного количества ядовитых змей, регулярно уносящих жизни людей и скота. Но в Давалу живет уникальная женщина — Джаваир Саркисова, чей организм каким-то образом выработал иммунитет против змеиного яда. Джаваир лечит пострадавших от змеиных укусов, вводя в их ранки свою целисточную слюну. Ученые, признавая, что организм способен выработать иммунитет против змеиного яда, полностью отрицают возможность «раздавать» его при помощи слюны — это противоречит научной точке зрения. С Джаваир враждует молодая девушка-врач, недавняя выпускница университета, назначенная практиковать в Давалу. Однако, как подмечает Шагинян, девушка боится змей и мало помогает укушенным, в то время как «старуха из Персии, обмотанная змеями», реально спасает жизни. Писательница сетует на то, что вне Давалу Джаваир считают шарлатанкой и знахаркой. Шагинян же называет ее честной и талантливой мастерицей. Это «индивидуальность яркая, умная и сильная, выдвинувшаяся в отведенных ей исторических условиях собственным стараньем и заслуживающая внимания и изучения. <...> Проблема змеиного иммунитета не имеет ничего общего с „знахарством“, и если его можно создать искусственно, — секрет старой Джаваир заслуживает быть открытым».⁵³

В приведенных примерах мы видим альтернативные коннотации понятия «знахарство», считываемые современниками Олеши. Знахарство понимается далеко не только как проявление медицинской неграмотности и мракобесия. Это знание, обращенное к практике, интуиции, творчеству и сопреживанию, знание естественное, не опосредованное техникой и дисциплиной. Обратим внимание и на то, что образу «пролетарского писателя», созданному искусственно, подобно чудовищу Франкенштейна, противопоставлен не хроматический образ поэта-пророка или поэта-жреца, не пильняковский писатель-академик, а именно знахарь. Толковый знахарь лучше плохого хирурга, видеть мир своими глазами для художника лучше, чем пересаженными, даже если это глаза «правильного» пролетарского писателя. В рассказе «В мире» (1930) Олеша описывает оптический эксперимент: мысленным усилием можно на какое-то время сделать свое зрение микроскопическим. Тогда самые малые предметы начнут казаться огромными, различимыми во множестве деталей: «Чрезвычайно полезно для писателя заниматься такой волшебной фотографией. И притом — это не выверт, никакой не экспрессионизм!

⁵² См.: Каутский К. Материалистическое понимание истории. М.; Л., 1931. Т. II. Государство и развитие человечества. С. 18–26.

⁵³ Шагинян М. С. Змеиная женщина // Шагинян М. С. Советское Закавказье. Л.; М., 1931. С. 296.

Напротив: самый чистый, самый здоровый реализм».⁵⁴ Смена творческой оптики оказывается равносильна ослеплению.

Свою речь Олеша завершает тезисом парадоксальным и во многом провокационным — время для настоящего пролетарского художника еще не пришло! Писатель заявляет: «Я думаю, что придет настоящий пролетарский художник, который спутает все карты. Это будет, может быть, через 10, может быть, через 30 лет, потому что Гюго — сын революционного генерала, генерала Великой французской революции, появился через 40 лет после Великой французской революции. Может быть, искусство делается более медленно, чем политические акты. Может быть, в искусстве нет той площади, на которой можно взять Зимний дворец. Я думаю, что класс делает искусство в союзе с временем все-таки. Я думаю, что моя писательская функция... моя линия — продумать вопросы искусства, для того чтобы подготовить путь для грядущего пролетарского художника».⁵⁵

Заявление, опасно напоминающее то, в чем было принято обвинять А. К. Воронского — в недооценке или отрицании пролетарской культуры, пролетарских писателей.⁵⁶ В рапповском перечне грехов «воронщина» была одним из тягчайших. Лидер «Перевала» критиковал умозрительные теории пролетарской культуры, развивая ряд положений Троцкого, выраженных им еще в 1923 году в работе «Литература и революция». По его мысли, пролетариат приобретет достаточно ресурсов для создания собственной культуры лишь к тому времени, когда во многом перестанет быть пролетариатом. На переходный же период есть более насущные задачи. Кроме того, «через культурное свое ученичество буржуазная верхушка третьего сословия прошла под крышей феодального общества; уже в недрах его она культурно превзошла старые правящие сословия и стала двигателем культуры прежде, чем пришла к власти. С пролетариатом вообще, с русским в особенности, дело обстоит наоборот: он вынужден взять власть прежде, чем усвоит основные элементы буржуазной культуры; он вынужден опрокинуть буржуазное общество революционным насилием именно потому, что оно не дает ему доступа к культуре».⁵⁷ Вот почему абстракции пролетарской культуры надлежит противопоставить культурничество. Обучить грамоте миллионы крестьян — дело намного более революционное, чем неуклюжие попытки «создать классовую культуру за спиной класса».⁵⁸ Тезис Олеши о десятилетиях, которые, вероятно, отделяют нас от будущего пролетарского Гюго, удивительным образом напоминает конкретные формулировки Троцкого: «...те 20–30–50 лет, которые займет мировая пролетарская революция, войдут в историю как тягчайший перевал от одного строя к другому, но никоим образом не как самостоятельная эпоха пролетарской культуры»; «...пролетарские Шекспиры и Гете бегают сейчас где-то босиком в школу первой ступени. <...> Но полноценная культурная и художественная жатва будет уже — к счастью! — социалистической, а не „пролетарской“».⁵⁹

Воронский солидаризировался с Троцким: «И пролетарские писатели и художники-промежуточники — при всем различии их в идейной окраске,

⁵⁴ Олеша Ю. К. Избранное. С. 239. Отметим, что к такому же эксперименту прибегает Лодейников в одноименной поэме Н. А. Заболоцкого (1932).

⁵⁵ Олеша Ю. К. Речь на диспуте «Художник и эпоха». С. 31.

⁵⁶ О сходстве эстетических взглядов Олеши и Воронского см. также: Комия М. «Факт» и «беллетристика» в творчестве Ю. Олеши // Вестник Тамбовского гос. ун-та. 2013. № 3 (119). С. 204–207.

⁵⁷ Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1991. С. 153.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же. С. 150, 158.

фактически творили и творят в рамках старого искусства». ⁶⁰ Редактор «Красной нови» настаивал на просветительской работе и последовательно предотвратил от группового догматизма и вторжения в культурное строительство фанатичных и честолюбивых администраторов, имеющих крайне слабое понятие как о культуре, так и о пролетариате, от лица которого они делают свои заявления.⁶¹

Почему же Олеша позволил себе последовательно выступить против всех основных компонентов рапповской идеологии, многие из которых к тому же разделялись и другими литературными группами, составляя отличительные признаки эпохи? Обратимся к более раннему событию — дискуссии по докладу участника РАПП А. П. Селивановского в сентябре 1931 года. 7 сентября Селивановский выступил на дискуссии Московского отделения ВССП на довольно предсказуемую тему: «От попутничества к союзничеству». В докладе критиковался художественный метод таких авторов, как Олеша, Б. Л. Пастернак, О. Д. Форш, Вс. В. Иванов, Ю. Н. Тынянов и др. От лица РАПП Селивановский клеймит понимание творческого процесса как сна, «противопоставление логического и образного мышления», отказ от идейного искусства в пользу искусства интуитивного.⁶² Речь рапповца встретила солидарный отпор со стороны попутчиков: Л. М. Леонов призвал уважать «биологический рост писателя».⁶³ Л. М. Сейфуллина высказалась против навязывания литературе не свойственных ей производственных темпов, а равно против необдуманного почина по привлечению ударников в литературу, причем новоиспеченные «писатели» не проходят ни должной проверки, ни обучения: «Это кастрирование литературы».⁶⁴ «Леонов сказал, что пора писателям перестроить свой станок. Это хорошо сказано. Но я спрашиваю: кто станок и кто писатель? Писатель ведь и есть свой собственный станок», — последние слова Вяч. Полонского зал встретил возгласами: «Правильно!»⁶⁵ Полонский же, отвечая на очередные политические обвинения со стороны РАПП в свой адрес, вспоминает старинный медицинский анекдот о больном, которого, несмотря на его возражения, санитары везут в покойницкую, поскольку так решил врач.⁶⁶ Бурную реакцию вызвали и нападки Селивановского на интуицию в творчестве. Судя по сохранившимся стенограммам, решившийся поддержать рапповского критика П. А. Павленко оказался в меньшинстве.⁶⁷

Надо полагать, предчувствие скорого конца РАПП носилось в воздухе. Кроме диспута в ВССП, на осень 1931 года пришли громкий конфликт верхушки РАПП с редакцией «Комсомольской правды» и ЦК ВЛКСМ из-за панфировской группы, а также статья в «Правде» главного редактора газеты Л. З. Мехлиса «За перестройку работы РАПП» (24 ноября), в которой жестко критиковался рапповский стиль управления. В самом начале 1932 года журнал «На литературном посту» признал ошибки, допущенные РАПП, и тут

⁶⁰ Воронский А. К. О пролетарском искусстве и о художественной политике нашей партии // Красная новь. 1923. № 7. С. 272.

⁶¹ См.: Там же. С. 273–274.

⁶² См.: От попутничества к союзничеству. Доклад тов. Селивановского // Литературная газета. 1931. 10 сент. № 49 (148). С. 3. На той же полосе была напечатана статья К. Л. Зелинского «Змея в букете, или О сущности попутничества», целиком посвященная творчеству Олеши.

⁶³ Дискуссия в ВССП // Новый мир. 1931. № 10. С. 125. Добренко обращает внимание на эту дискуссию как на выражение кризиса в попутническом лагере (см.: Добренко Е. А. Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. С. 454).

⁶⁴ Там же. С. 127.

⁶⁵ Там же. С. 135.

⁶⁶ См.: Там же. С. 147–148.

⁶⁷ См.: Там же. С. 143–145.

же перешел в наступление на попутчиков: на сей раз была осуждена «воронщина».⁶⁸ Недовольство росло. Тогда же, в январе 1932-го, в ЦК было направлено письмо А. С. Серафимовича с подробным перечислением грехов рапповской верхушки.⁶⁹ Серафимович был одним из старейших и авторитетнейших советских писателей, кроме того, он оказывал покровительство оппозиционной группе Ф. И. Панферова, В. П. Ильинкова, А. А. Исбаха и др. К февралю Авербах уже станет героем карикатуры крокодильца Ротова.⁷⁰ До апрельского постановления, окончившего существование РАПП с его проектом «пролетарской литературы», оставались считанные месяцы. Олеша наверняка был в курсе многих слухов, событий и публикаций. Сентябрьский «бунт попутчиков» также не мог пройти мимо него. Стремительно менявшаяся ситуация создавала благоприятные условия для того, чтобы смелее заявить о своей творческой автономии.

Обсуждение тезисов Олеши непосредственно на конференции не содержало чего-либо большего, чем простое повторение прежних лозунгов в разных комбинациях. Среди отзывающихся на речь была писательница Е. И. Катерли, услышавшая в ней главное: «Прежде всего Олеша хочет перестраиваться *сам, в самом себе*, без внешних влияний, без указаний со стороны. <...> Олеша говорит о закономерном пути художника, *своем индивидуальном пути*, которым он придет к социализму».⁷¹ Тон статьи показывает специфику положения Олеши на начало 1930-х годов. В тексте журнала «Рабочий и театр» слово «ошибки» выделено разрядкой. В то же время за автором признается право пройти этим путем, на личном опыте убедиться в своих заблуждениях. М. Бачелис в сопроводительной статье к рассказу «Кое-что из секретных записей попутчика Занда» также оставляет за Олешей определенное пространство для творческой свободы. Явно догадываясь, что этот герой автобиографичен, Бачелис все-таки соглашается «заметить разность» между Зандом и его творцом: «Мы будем рады, если наш ответ попутчику Занду тов. Олеша не должен будет принять на свой счет и сам подпишется под нашим ответом попутчику Занду».⁷²

Десятилетия спустя В. Б. Шкловский с присущей ему афористичностью напишет: «Энергия заблуждения — это поиск истины в романе».⁷³ В 1934 году в свет выйдет 15-й том «Литературного наследства». Его ответственным редактором станет уже потерпевший поражение на фронте эстетической борьбы Авербах. Среди жемчужин тома — переписка Достоевского с высокопоставленными лицами Российской империи. Ценный историко-литературный материал сопровождала статья Л. П. Гроссмана, в которой нельзя пройти мимо следующей фразы: «...великий мастер романа Достоевский вообще не может быть признан непогрешимым. Напротив, своеобразнейшая черта его дарования — это право на ошибку, обеспечивающее ему свободу, непосредственность и горячность его художественной речи».⁷⁴

В разгар одного из наиболее трагичных периодов в истории отечественной литературы мы встречаем писателя Юрия Олешу отстоявшим свое право на ошибку. Иначе говоря, на поиск истины.

⁶⁸ См.: *Юрганов А. Л. Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 204–205, 208, 210–211.*

⁶⁹ Частично процитировано А. А. Исбахом. См.: *Исбах А. А. На литературных баррикадах. М., 1964. С. 31–36.*

⁷⁰ См.: *Крокодил. 1932. № 6. С. 5.*

⁷¹ Катерли Е. Пути, которые никуда не приводят // Рабочий и театр. 1932. № 3. С. 12.

⁷² Бачелис М. Наш ответ попутчику Занду // 30 дней. 1932. № 1. С. 18.

⁷³ Шкловский В. Б. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М., 1981. С. 44.

⁷⁴ Гроссман Л. П. Достоевский и правительственные круги 70-х годов // Лит. наследство. 1934. Т. 15. С. 98.

ПОВЕСТЬ В. С. ЯНОВСКОГО «ЧЕЛЮСТЬ ЭМИГРАНТА»: ИСКУССТВО ПАМЯТИ В СТОМАТОЛОГИЧЕСКОМ КАБИНЕТЕ*

Сюжет повести В. С. Яновского «Челюсть эмигранта» (1957) балансирует на грани анекдота. Русский писатель-эмигрант Богдан, живущий в Америке, приходит на прием к дантисту, чтобы удалить себе очередной зуб. В стоматологическом кресле он начинает вспоминать все свои вырванные ранее зубы и медленно — фрагменты повести соединены ассоциативно — переносится все дальше и дальше в прошлое, от Америки к разным этапам своей жизни во Франции, Испании, Турции и России. События его биографии, по мере накапливания деталей, начинают выстраиваться в причудливые параллельные ряды. Заканчивается повествование фантасмагорическим видением возвращенного прошлого и побежденного времени — и происходит это благодаря процессу непроизвольного вспоминания.

Мотивировкой воскрешения прошлого, сравнимого по патетике с пруссакской эпопеей, становится поход к стоматологу. Сами же удаленные зубы предстают метафорами изгнания и эмигрантской жизни: Богдан насмешливо и в то же время сочувственно называет их в начале повести *foreign body* и *corps étranger*, проводя аналогию между этими медицинскими терминами для обозначения инородного тела и положением эмигранта. Повесть заигрывает с жанровыми границами: мемуарные очерки, написанные с точки зрения фокального автобиографического персонажа Богдана, экспрессивные описания военных событий и эмигрантского быта перемежаются философскими рассуждениями о природе времени, физиологической боли и изгнании и эссеистическими зарисовками о «русской идее».

Статья посвящена пересечениям медицинского и литературного дискурсов в этой повести Яновского. Нас будет в первую очередь интересовать, почему рассказ об изгнаннической жизни главного героя мотивирован походом к стоматологу, а также каким образом в повествовании соединяются темы эмиграции, врачебной практики и памяти.

Яновский — «русский монпарнасец», чью литературную технику связывали с поэтикой Л.-Ф. Селина — известен в первую очередь как автор мемуарной книги о межвоенном русском Париже «Поля Елисейские: Книга Памяти» (1983), между тем его экспериментальная проза остается малоизвестной и малоисследованной.¹ «Челюсть эмигранта» интересна в первую очередь

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00481, <https://rscf.ru/project/21-18-00481/>, ИРЛИ РАН.

¹ Наиболее значимые тексты, посвященные непосредственно прозе Яновского, принадлежат специалисту по русскому Монпарнасу Л. Ливаку (*Livak L. How It Was Done in Paris. Russian Emigré Literature and French Modernism*. Madison, 2003. Р. 142–153), а также М. Рубинс. См., к примеру, ее предисловие к подготовленному изданию избранной прозы Яновского: *Рубинс М. О. Странный писатель русского зарубежья // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. М., 2014. С. 5–48*. Именно Рубинс заново открывает его прозу, делает доступными неизвестные архивные источники, связанные с Яновским, переводит его англоязычные сочинения и издает тексты с комментариями. Тем не менее о его послевоенной художественной прозе практически ничего не написано. Исключение составляют эссе о философских подтекстах творчества Ю. Линника (*Линник Ю. Философские исследования в прозе В. Яновского // Новый журнал (Нью-Йорк). 1994. № 194. С. 205–231*) и статья Рубинс (*Rubins M. Transnational Identities in Diaspora Writing: The Narratives of Vasily Yanovsky // Slavic Review. 2014. Vol. 73. Issue 1. P. 62–84*).

своим полидискурсивным характером: эта повесть маркирует переход Яновского от межвоенных экспериментов по скрещению в текстах натуралистической и мистической эстетики к американскому периоду, для которого было характерно создание текстов, имеющих не только разножанровую природу, но и неоднозначную прагматику. Труд на медицинские темы превращался в эссе о назначении искусства, а мемуарно-автобиографическая повесть в философский трактат. На протяжении большей части своей жизни Яновский, получивший медицинское образование в Париже в 1920-е годы, совмещал литературную и врачебную деятельность и использовал врачебный опыт в художественных текстах. В свою очередь, в «медицинской» эссеистике, в том числе в итоговой англоязычной книге «Медицина, наука и жизнь» (1978), он использовал характерные для литературы композиционные и риторические приемы. Но если в прозе Яновского межвоенных десятилетий врачебный опыт в большей степени мотивировал ввод эволюционно значимых для эмигрантского Парижа историко-литературных особенностей текста, связанных с эстетикой «человеческого документа» и с ориентацией на образцы европейского модернизма,² то в американский период Яновский пытается совместить различные дискурсивные практики, подчиняя «языки» науки, литературы, религиозной мистики и философии идее создания синтетической теории.³

Смешение этих «языков» можно объяснить как раз специфическим подходом автора к медицине: Яновский стремился к интеграции в своей врачебной практике нетрадиционных методов, эзотерических учений и воображал себе идеальный образ врача как соединение ученого, мистика, философа и богослова. Еще до того, как Яновский делает проблемы медицины темой своих размышлений 1950–1970-х годов, он уже вводит подобное представление о врачебных методах в роман «Портативное бессмертие», который начал публиковаться еще до начала Второй мировой войны, но отдельным изданием вышел только в 1953 году. Главный герой этого романа, от чьего лица ведется повествование, живет полунищей жизнью в Париже, работает врачом и участвует в деятельности своеобразного мистического братства, члены которого, такие же неприкаянные, как и повествователь, пытаются придумать действенные способы преодолеть атомизированность окружающего их парижского общества. Они проповедуют на площадях, воображая себя библейскими пророками, устраивают спонтанную врачебную практику, мешая в своих методах с классической западной медициной самые неожиданные представления о природе болезни и способах лечения, проводят ночи в борделях, стараясь убедить работающих там женщин в необходимости изменить судьбу. Идейный вдохновитель этого братства Жан Дут и становится глав-

² Подробнее о Яновском в контексте полемики о литературе «человеческого документа», прагматике обращения к натуралистической поэтике в 1920–1930-х годах см.: *Livak L. How It Was Done in Paris. P. 135–142; Красавченко Т. Н. Л.-Ф. Селин и русские писатели-младоэмигранты первой волны (В. Набоков, Г. Газданов, В. Яновский и др.) // Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу: 1920–1940. М., 2007. С. 180–200; Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki, 2012. С. 131–176; Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М., 2017. С. 28–64.*

³ О последней книге на медицинские темы в ключе синтетического подхода Яновского к литературе см. нашу статью: Димитриев В. М. «Медицина, наука и жизнь» в литературном проекте В. С. Яновского // Русская литература. 2022. № 3. С. 63–73. Желание Яновского «смести все границы между наукой, верой и искусством, синтезировать их, создать из них нечто единое, целое, неделимое» отмечалось в литературной критике по поводу его послевоенной прозы: Завалишин В. Литература и чувство нового // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1961. 7 сент. С. 2.

ным изобретателем нетрадиционных методов лечения, основанных на целостном и системном характере любой болезни.

Вот как об этом говорится: «Медицина Жана Дута — это сплав всех ее партий: левых и правых, революционных и консервативных, гипермодернистических и античных, брутальных и умеренных, европейских и азиатских; разные школы: французская, немецкая, американская, русская (оккультные и эзотерические), противоречиво соединялись в одно дышащее целое благодаря его личному дарованию».⁴ Но и манера его общения представляет собой смешение разных стилей: «Так или почти так, варьируя основную тему, искусно вклеивая, группируя картины улицы, нравов, убедительные до самоочевидности, Жан Дут неутомимо и упрямо вбивал свои гвозди. Ругая шоферов, слишком громко прорубившего, заговаривая с негром на гарлемском жаргоне, призывая в свидетели апостолов, сыпя пословицами, сравнениями, остротами, цитируя правительственные декларации и газетные рекламы, пророчествуя, споря, шельмую и зовя, он был внушителен: один против всех, мечась и тараня».⁵

Несмотря на то, что члены этого братства (как и сам Яновский) обладали профессиональным медицинским образованием, они могли давать своим пациентам весьма экстравагантные рекомендации. Против психосоматических расстройств могло предлагаться трехмесячное молчание, почти беспрерывный сон в течение нескольких недель или специально подобранный в зависимости от случая физический труд и спортивные упражнения. Для лечения нервных расстройств — копирование отдельных особенностей выбранных людей (например, почерка) для приобретения их душевных качеств.⁶ Можно привести любопытный фрагмент, когда герой на очередном обходе лечит сердечную недостаточность одного умирающего старика, по наитию вдруг начав шептать ему на ухо все знакомые ему эротические истории, а затем, когда иссякла память, читая по оказавшимся в доме книгам «Декамерон», Овидия, французские *contes galantes*, успешно выравнивая при помощи этого нестандартного метода пульс и дыхание больного.⁷ Примеры можно множить. Подобный подход к лечению — делать вопрос о здоровье частью целостного представления о жизни через расширение дискурсивного и методологического инвентаря — переносится и на художественное творчество Яновского.

Повесть «Челюсть эмигранта» — характерный для автора пример сюжетного и стилистического парадокса: философское размыщение о времени, памяти и судьбе человека, прошедшего войны и революции, помещается в рамку истории о вырванных зубах и плохо поставленных коронках. Предметом изображения в этом фрагментарном рассказе о прошлом становятся первые годы жизни Богдана в Нью-Йорке в 1950 и 1940 годах, бегство из Парижа летом 1940 года, участие героя в гражданской войне в Испании на стороне республиканцев, описание нескольких дней из его монпарнасской жизни в 1928 году, несколько парижских фрагментов более раннего времени, в одном из которых рассказывается о встрече героя с Джойсом, эпизоды константинопольского и бизернского периода эмиграции в 1920 году, события Гражданской войны в России, революции и Первой мировой войны, наконец, переход к детству героя и возврат к нью-йоркскому настоящему. В сердцевине каждого из этих воспоминаний — удаление очередного больного зуба. Зубная боль становится в повести переключателем событий и условием их ассоциативного соединения.

⁴ Яновский В. С. Портативное бессмертие // Яновский В. С. Соч.: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 53.

⁵ Там же. С. 47.

⁶ Там же. С. 53–58.

⁷ Там же. С. 110–111.

Диковинный образ «челюсти эмигранта», вынесенный в заглавие, появляется уже на первых страницах повести. Главный герой Богдан в день святого Патрика оказывается в приемной зубного врача, расположенной на двадцатом этаже одного из нью-йоркских небоскребов. Дантист по имени Шумахер показывает герою коллекцию находящихся в его кабинете снимков и макетов на стоматологические сюжеты. Один из экспонатов — это «челюсть, найденная в Перу: ей тысяча лет!» Шумахера удивляет, что «пломбы и коронки» или, скорее, их древние аналоги в интересующей его челюсти имеют очень разную структуру и происхождение и даже сделаны из разного материала. Богдан предполагает, что этот древний житель, должно быть, эмигрант: «Бежал с родины, скитался по многим государствам с разным уровнем культуры, и в зубах сохранился след его передвижений».⁸

Шумахер усаживает Богдана в стоматологическое кресло, и вскоре после этого хронология повествования начинает нарушаться. В начальном рассуждении Богдана, предваряющем процесс спонтанного вспоминания прошлого, появляется вновь обнажающее метафоричность заглавия понятие о лишнем зубе как об инородном теле: «Годы французской жизни интимно связали Богдана с полицейскою кличкою *étranger*. И определение больного зуба как *foreign body* ему напомнило многое жестокого в его жизни. Чужое тело, конечно, следует удалить; и все же душа эмигранта сжалась, слегка сочувствуя этому инородному меньшинству, если и мешающему, то не всегда по своей вине» (с. 233–234).

И тогда герой как бы по наитию предпринимает виртуальное путешествие по событиям своего прошлого, потому что убежден, что если «выяснить основные чувства, мысли, влюбленности и вдохновения, если отметить пунктиром разных цветов действительную и воображаемую реальность, в недрах коей Богдан обретался, когда удалял каждый свой обреченный корень, то получится весьма правдоподобный макет всей его жизни — и в совершенно неожиданном разрезе» (с. 236). Притом этот опыт будет наделен в равной степени индивидуальными и неповторимыми, и коллективными чертами.

Описание физиологической боли делает возможным всякий раз связать события интимной духовной жизни героя с жизнью его тела: «Пронзительная боль ударила только на минуту-две, но успела затемнить, стереть ощущение недавнего блаженства <...> Богдан пробовал себя утешать в разгар мерзкой боли: „Вот теперь мука, но раньше я блаженствовал — одно покрывает другое, вознаграждает“. Но ему было ясно: самообман! Радость, счастье, расцвет, весна, любовь, Олимпия, творчество не имеют ничего общего с переломом костей, нарывом в кишках, сорокаградусным морозом, пыткою, гвоздями под ногтем, допросом, позором, подлостью, глупостью, удушием, агонией; хотя все это и стоит рядом, но совсем не встречается друг с другом, как волны света и звука не пересекаются — и стало быть, не могут дополнять, уравновешивать себя» (с. 263).⁹

Боль в зубах или от удаления зуба, в том числе без наркоза, постоянно возвращает героя к двойственности жизни. Стоматологическая практика, зубные протезы, смена молочных зубов коренными, разные манеры выры-

⁸ Яновский В. С. Челюсть эмигранта // Яновский В. С. Соч. Т. 1. С. 231–232. Далее ссылки на роман приводятся в тексте по этому изданию сокращенно, с указанием номера страницы.

⁹ В дневниковой записи 1958 года Яновский, напротив, утверждает, что «боль и наслаждение не противоположности, последующие грани на той же „полке“ (frequency band): начинаешь раздражать — наслаждение, дальше страдание (в каждой боли поэтому есть элемент удовольствия)... то это тьма и свет, добро и зло. Это все развитие одной темы, а не два начала, два полюса» (Яновский В. С. Из дневника 1955–1959 гг. / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. № 209. С. 192).

вать зубы — все это в оптике Богдана приобретает вес серьезных метафизических вопросов.

Герой Яновского вспоминает именно те события, которые позволяют ему пережить исключительность своей жизни. В свою очередь зубная боль напоминает ему о всеобщем опыте. «В опухоли десны нет личного, исключительного: это коллектив, казарма, племя, раса. Восход солнца или стихи, любовь к девушке, прощение врагам, долг и жертву — это всякий переживает по-своему, особенно! А флюс у всех один» (с. 273). Парадоксальность совмещения блаженства и муки, и даже такой незначительной, казалось бы, муки, как боль в зубах, при том что незначительность этой боли не мешает ей захватывать все внимание и все сознание человека, — явная отсылка к рассуждению о зубной боли в «Записках из подполья» Достоевского.¹⁰ Подпольный парадоксалист приводит в пример случай, когда у него целый месяц болели зубы и как даже в этой боли он отыскал мазохистское наслаждение, основывающееся на сознании, что боль бессмысленна и вместе с тем способна поколебать любые «героические» представления человека о самом себе.¹¹ Достоевский упоминается в повести Яновского, но прежде всего в качестве предшественника и выразителя идей национальной мифологии, негативно повлиявшей на интеллектуальную и политическую жизнь и в советской, и в эмигрантской России. Вместе с тем речевая специфика, а именно исповедальность и ретроспективность рассказа, обилие парадоксальных смешений низких и высоких проявлений человеческой психики в «Челости эмигранта», указывает на связь с повестью Достоевского, которую замечали и современные Яновскому читатели. К примеру, вот что пишет Г. Адамович: «Автор „Челости эмигранта“ не любит Достоевского и отзыается о нем пренебрежительно, притом уже не в первый раз. Между тем повесть его напоминает именно Достоевского, в частности „Записки из подполья“, самую „достоевскую“ из книг Достоевского. Не говоря уже о зубной боли, которой и в „Записках из подполья“ уделено много внимания, это такой же монолог, скачущий от предмета к предмету, нервный и тревожный, с отзвуками пережитых обид, со взрывами уязвленного самолюбия и сознанием коренной несправедливости бытия».¹²

Повесть Яновского, в которой мотив зубной боли вырастает до масштабов метафизических обобщений и движет сюжет о прошлом героя, рассказанном

¹⁰ О важном месте, которое понятие «подполья» и конкретно эта повесть Достоевского занимали в риторике «молодой» эмиграции, см., например: Димитриев В. М. О социализме и религии: Ф. М. Достоевский в восприятии В. С. Варшавского // Достоевский и мировая культура. 2019. № 2 (6). С. 163–166.

¹¹ Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5. С. 106.

¹² Адамович Г. «Челость эмигранта», повесть В. Яновского // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1957. 8 дек. С. 8. Внимание Адамовича обращала на себя и явная автобиографичность этого текста писателя. Несмотря на использование повествования от третьего лица, текст проникнут, считает критик, осмыслением личного опыта, за фигуру Богдана угадывается фигура автора. О связи с Достоевским Адамович более резко и определенно писал в частной переписке. В письме В. С. Варшавскому он формулирует это так: «Он (Яновский. — В. Д.) ругается на Достоевского, а это, в сущности, разжиженный вариант „Записок из подполья“ («Я с вами привык к переписке идеологической...»). Письма Г. В. Адамовича В. С. Варшавскому (1951–1972) / Прелюдия, подг. текста и комм. О. А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. М., 2010. С. 313). Именно с Достоевским, считает Ф. А. Степун, роднит эта повесть Яновского: «...как и Достоевского, его интересует не отображение видимого, а постижение невидимого мира. Однако и поклонники Достоевского отталкиваются от Яновского, что ввиду той хулы, которую он возводит на величайшего русского писателя и мыслителя («в каждом большом чекисте сидит маленький Достоевский»), в конце концов не удивительно» (Степун Ф. А. В. С. Яновский. Челость эмигранта // Новый журнал (Нью-Йорк). 1958. № 54. С. 296).

с эпическим размахом, может быть встроена и в широкий круг текстов на стоматологические сюжеты. К. А. Богданов, исследовавший эту тему на огромном материале русской и советской литературы, показывает, как частью стоматологического кода как раз и становятся подобного рода обобщения: «Непроявленные причины зубной боли, — пишет он о связи здоровых зубов и морали в риторике XVIII–XX веков, — предстают обратимыми в этих случаях к социальному или даже экзистенциальному предопределению — природе человеческих страданий, превратностям жизни и неизбежности смерти. В теологическом истолковании зубная боль подвигает некоторых проповедников видеть в ней проявление первородного греха: гниение зубов и адские муки зубной боли являются следствием преступления Адама — ведь именно зубами, как рассуждает один из таких моралистов, Адам надкусил запретный плод».¹³ Вместе с тем в литературе и изобразительном искусстве эти же мотивы могли дать «поворот к сатире, сарказму и юмору».¹⁴ Богданов приводит примеры, в том числе «Записки из подполья» Достоевского, «Трус» В. Гаршина и «Бен-Товит» Л. Андреева, где мотив непреодолимой зубной боли мог становиться предлогом для метафизических рассуждений или встраиваться в эпическое повествование.¹⁵ В каком-то смысле Яновский обыгрывает сразу и сатирическое, и мистическое отношение к зубной боли: например, бытовые зарисовки болтовни очередного дантиста, комические сцены выдергивания зуба сопряжены с фантазиями о том, как, сидя в стоматологическом кресле, герой как бы смотрит на себя со стороны или ему представляются какие-то причудливые видения.¹⁶

Именно сочетание индивидуального и всеобщего формирует условия воспоминания героя. Не только зубная боль объединяет героя с остальными людьми, но и травматический и катастрофический опыт: большинство эпизодов, отобранных памятью Богдана, это переломные события первой полу-

¹³ Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры. СПб., 2017. С. 488.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 490–495.

¹⁶ Соблазнительно было бы полагать, что «Челюсть эмигранта» являлась своего рода откликом на набоковского «Пинна» (1957), где мотив лечения и удаления зубов занимает важное место. Герою готовят искусственную челюсть, между тем как «тоска» по своим прошлым зубам приобретает в романе характер тоски по прошлому. Хоть издание романа и вышло в тот же год, когда и «Челюсть эмигранта», отдельные главы печатались в «New Yorker» в 1953–1955 годах и могли быть известны проживающему в Нью-Йорке Яновскому. Яновский не мог простить Набокову, что тот отказался дать ему положительную рекомендацию в переписке с Э. Уилсоном еще в начале 1940-х годов: Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти // Яновский В. С. Соч. Т. 2. С. 431–432. Элемент соревнования вполне мог быть важен для писателя в его заочных отношениях с Набоковым. Утверждать это наверняка пока что невозможно. О «Пинне» Набокова с точки зрения мотива удаления зубов см. статью: Анисимова Е. Е. Стоматологический код в романе Владимира Набокова «Пинн» // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 49. С. 136–146. Интереснейшие наблюдения в статье сопровождаются и таким замечанием: «В „Пинне“ Набоков применяет целую систему литературных приемов, демонстрирующих ложность занимаемого эмигрантами положения: трансформацию жанровой балладной модели, аллюзии на образы гоголевских самозванцев, многочисленные языковые коды, указывающие на нелегитимный, „незаконнорожденный“ статус экспатрианта, неизбежное удвоение его вербальной и ментальной реальности. В число таких смысловых кодов входит и удаление зубов как утрата витальной энергии и вырывание культурно-исторических корней. Вскоре после выхода набоковского „Пинна“ эта метафора была упрощена и разъяснена в „Челюсти эмигранта“ (1957) Василия Яновского, открывающейся сценой сеанса удаления зуба в приемной дантиста» (Там же. С. 141). Как мы показываем в нашей статье, мотив удаления зуба, зубной боли выходит в повести Яновского далеко за пределы метафоры «вырывания культурно-исторических корней». Напротив, это ориентировано скорее на фантазию по поводу будущего воскрешения и преобразования времени. Да и появляется подобная сцена не только в начале повести, а раскрывается и осмысливается во множестве других случаев на протяжении всего текста.

вины XX века. Как пережить их заново, если их индивидуальность стирается под натиском коллективного прошлого?

В «Челюсти эмигранта» представление о созидательном характере воспоминания, позволяющего нам проникнуть в подлинную реальность жизни, соперничает с искажающим влиянием коллективной памяти эмигрантов, продолжающих быть верными «великорусской» имперской мечте спасения народов через «русскую идею». В структуре эмигрантского дискурса форма воспоминаний тяготеет одновременно к обоим полюсам: личные воспоминания становятся фрагментами истории, но и коллективные воспоминания выступают как бы рамкой любым частным инициативам памяти, в силу «рамирующего» опыта изгнания. В этом смысле уместным фоном для понимания работы памяти в повести будет противопоставление идеи «чистого воспоминания», «памяти-воспоминания» А. Бергсона, внимательным читателем которого был Яновский, и концепции «социальных рамок памяти» М. Хальбвакса, развитой в одноименной книге 1925 года. Вопрос, заданный самой историей в 1920-х годах: может ли существовать независимое чистое воспоминание, память-воспоминание, или же каждая наша попытка восстановить прошлое встраивается в социальный опыт и целиком им обусловливается? Хальбвакс пытается доказать, что нечтоб способно быть вызвано в нашей памяти только а) как часть коллективной предустановки, б) заключенное в определенные социальные рамки, к примеру, прикрепленное сознанием к конкретному времени и пространству. Он хочет продемонстрировать, «что коллективные рамки памяти не образуются задним числом при сочетании индивидуальных воспоминаний, но и не являются просто пустыми формами, в которых откладывают приходящие извне воспоминания, — что они, напротив, служат орудием, которым пользуется коллективная память для воссоздания таких образов прошлого, какие в данный период согласны с господствующими идеями данного общества».¹⁷ Хальбваксу же принадлежит и лаконичное описание искажений памяти, вызванных социологической потребностью регулировать память о прошлом: «...мы подчиняемся его суревостям и прощаем их, поскольку при воспоминании нам кажется, что оно не подвергало им нас в прошлом <...> общество обязывает людей время от времени не просто мысленно воспроизводить прежние события своей жизни, но также и ретушировать их, подчищать и дополнять, с тем чтобы мы, оставаясь убежденными в точности своих воспоминаний, приписывали им обаяние, каким не обладала реальность».¹⁸ Когда Хальбвакс говорит о локализации воспоминаний во внешнем мире, наделении конкретного воспоминания оформляющими его контурами времени и пространства, он вплотную подходит к тому, что впоследствии Пьер Нора расширит до представления о «местах памяти».

Парадоксальным образом для героя повести Яновского «местами памяти» станут не только объединяющие его с другими эмигрантами знаковые исторические события, но и вырванные зубы — самое личное и самое безличное в его эмигрантском опыте. Посмотрим, как воспоминания героя вступают в противостояние с другими языками памяти в повести и прежде всего с «имперским» эмигрантским дискурсом.

В воспоминаниях героя постоянно подчеркивается межнациональный, гибридный и пограничный характер его опыта. Одним из самых частых приемов, подчеркивающих эту гибридность, являются перечисления культурных явлений, топонимов или текстов, в которых подытоживается либо

¹⁷ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М., 2007. С. 30.

¹⁸ Там же. С. 151.

география перемещений Богдана, либо его интеллектуальные интересы. Эти культурные и географические реалии приводятся в повести таким образом, чтобы сделать неощущимыми переходы между ними. Временные границы благодаря этому смешению также размываются, да и в ряды эти вводится материал, связанный с другими эпохами и уже не существующими цивилизациями. В одном из фрагментов рассказывается о том, как на хлебопекарную фабрику в Бизерте заполз скорпион, которого один ловкий араб окружил бумагами, поджег их, заставив скорпиона ужалить себя самого. В последовавшем за этим описании смерти скорпиона мешаются события прошлого, будущего, культурные отсылки и аналогии: «...скорпион поразил самого себя в уязвимую часть между мозгом и спинным хребтом. И все конечно. Маленький божественный творческий комок протоплазмы, икры, сукровицы, ничтожный, как мусор, уже посеревший, но в чем-то родственный Данте, Пушкину, Александру Македонскому. Африканское солнце садилось за Карфаген, за ним Гибралтар, а дальше Азоры. Атлантическая стихия, рукав Великого и Индийского океанов только промоины в льдинах Млечного Пути. А там, на севере, чудесная Марианна Каролингов и Клемансо (от Карла Великого до Карла Маркса): Марсель, Париж, Сорbonна, либеральные генералы и эмигрантские Улиссы (разговоры о Шиллере, о славе, о любви) <...> Месяц спустя Богдан уплыл во Францию» (с. 304).

Такие коллажи из событий и знаковых для описываемого момента имен — в целом отличительная черта пространственно-временной организации повести. Вот как вводится пассаж о национальной идентичности героя: «Из России вынес ровно столько, чтобы отравить себе безмятежное существование на трезвом Западе; верность звучному и варварскому, молодому и не-объезженному языку без четкой грамматики, без полного словаря <...> Однако к Достоевскому, к Дарданеллам, к разбитым зеркалам и смердяковским клятвам, что русский человек вместе с красотой спасет мир, и даже к толстовским онучам и советам постаревшим хозяйствам, ко всему этому африканскому максимализму Богдан с юных лет относился со здоровым юмором.

Так, постепенно, родился цельный образ, докучавший Богдану: континент, разбитый на манер Версальского парка. Тайга с грушами дюшес, пропотоп Аввакум и Марсель Пруст; Чаадаев и Кафка, Федоров, Джойс и Бергсон. Закон и чувство меры; православная совесть, знакомая с колыбели, и честь, прельстившая его на католическом западе <...> Да, честь впереди совести. „Дело эмиграции привести в Россию этот цветок, изнутри его пересадить, привить к дичку совести. Вот наша миссия!“ — решал Богдан, и друзья его поддерживали, чему помогало красное винцо, которое, если привыкнуть, не уступает соборной водке» (с. 286–287). Подобная принципиальная кросс-культурность является отличительной чертой парижских эмигрантов, создающих собственную идентичность во многом через описание литературной и культурной генеалогии.¹⁹ Яновскому важно подчеркнуть не только культурную гибридность своего опыта, но и неопределенность своего профессионального статуса. Быть не только писателем, но и врачом. В монпарнас-

¹⁹ Непосредственно этой проблеме применительно к межвоенным десятилетиям посвящены книги Л. Ливака, А. Морар и М. Рубинс, в каждой из которых по-разному предлагается посмотреть на русскую эмиграцию в Париже с точки зрения разнообразия культурных влияний монпарнасского интернационального сообщества: *Livak L. How It Was Done in Paris; Morard A. De «l'émigré» au «déraciné»: la «jeune génération» des écrivains russes entre identité et esthétique* (Paris, 1920–1940). *Genève, 2009; Рубинс М. Русский Монпарнас. Особенно продуктивен в этом ключе подход Рубинс, в рамках которого такая литературная стратегия осмысливается в русле транснационального модернизма. Перечни «авторов» в схожей с Яновским манере составляли также Б. Поплавский, Г. Газданов, В. Варшавский, Ю. Фельзен и другие представители «младшего» поколения парижской эмиграции.*

ский период не только просиживать целые дни в библиотеке, но и усиленно заниматься спортом. Читать Плотина, Якоба Беме, Тертуллиана и Леонтьева и в то же время «кормить и чистить лохматых беженцев из Центральной Азии или Экваториальной Африки» (с. 287) в зверинце. Настойчивое желание героя описать самого себя с точки зрения совмещения самых разных форм культурного и повседневного опыта задано в повести его положением эмигранта: одновременно своего и чужого в каких бы то ни было странах или ролях.²⁰

Противостоит такому представлению о гибридной идентичности героя другая форма эмигрантской идентичности, описываемая в повести. В одном из фрагментов мы найдем целую «отповедь» русской культуре, понятой в узких национальных рамках, предопределяющих ростки современной автору «чекистской» действительности. Вот как эта «отповедь» появляется в «Челюсти эмигранта». После первого приема у Шумахера рассказывается, как Богдан посещает собрание нью-йоркских христианских активистов, на котором можно встретить представителей самых разных национальностей и культур.²¹ За краткой характеристикой оказавшихся там людей — французов, американцев, англичан, итальянцев и др., следует описание эмигрантов, выступления которых были «самыми утомительными» и могли «одновременно и напугать, и насмешить слушателей». Дело как раз в том, что хоть в мировоззрении этих людей и занимала значимое место ненависть к большевизму «с его куцей социальной правдой и гигантской жизненной ложью», они при этом не отказывались от «детского мессианизма времен Достоевского; после сорока лет позорного коммунизма соплеменники совсем не конфузились и еще норовили спасти кустарными средствами остаток человечества (на меньшее степная душа не соглашалась). В порыжевших башмаках они топтались у чужого котла, подкармливаясь часто не по заслугам, и норовя в благодарность преподать непонятливым иностранцам урок в политике, праве, морали, совести, организации земных и небесных учреждений» (с. 240–241). В повести явственно подчеркивается, что ориентация на культуру и литературу в ущерб элементарным представлениям о политической жизни, обустройству общественных институтов и моральному самоограничению в притязаниях на учительскую роль — не только делала эмигрантов чудаками среди нью-йоркских реалистов, но и дискредитировала используемую ими литературу, делая линию «Толстого–Достоевского» составной частью тоталитарной идеологии. «Богдан знал, что в каждом большом чекисте сидит маленький Достоевский; отношение последнего к полячишкам, иудеям, французишкам, католикам и Дарданеллам вряд ли враждебно природе Ленина–Сталина.

²⁰ Изучение языковой и культурной гибридной идентичности, которая оказывается возможной благодаря положению эмигранта, — одно из самых перспективных направлений в современных исследованиях эмиграции и диаспоры. См. сборник статей, изданный под редакцией и со вступительной статьей Рубинс: Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020) / Под ред. М. Рубинс; пер. с англ. А. Степанова, Н. Махлаюка, Е. Гудвин. М., 2021. См. также цитату из статьи Ю. Линника о Яновском: «Писатель рано понял, что эмиграция несет в себе своеобразный позитив: поворачивает изгнанника лицом ко всему миру — во всем широчайшем развороте его культуры, конфессий, языков. Это горестное преимущество свободного рассеяния перед несвободным отечеством Василий Яновский сумел использовать в полной мере. Он стал гражданином Вселенной, оставшись глубоко русским человеком, и этот его замечательный опыт обретает в наши дни особую актуальность» (Линник Ю. Философские искания в прозе В. Яновского. С. 206).

²¹ Хотя название этого собрания и не появляется в повести, ясно, что его прообразом стали встречи экуменического общества «Третий час», в организации и деятельности которого Яновский принимал активное участие. Там он заводит дружбу с У. Х. Оденом. См.: Яновский В. Елена и ее «Третий час» / Пер. с англ. М. Рубинс // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. С. 446–452.

„Русский человек — всечеловек!“ — вещал Достоевский. И это так польстило враждевавшим западникам и славянофилам, что они даже помирились. Те самые здравомыслящие лысины, которых рассмешил немецкий тупоголовый сверхчеловек, отлично уживаются с уютным сознанием собственного всечеловечества, забывая основной урок евразийской истории: не до жиру, быть бы живу!» (с. 241). Доказательство «всечеловечности» русского характера «через Пушкина» тоже вызывает критику Богдана, поскольку этот аргумент взят из мира литературных явлений: «Достоевского, по-видимому, потому и любят потенциальные чекисты, что он их заверил в безусловном всечеловечестве: навеки и при любых обстоятельствах» (с. 242). Шовинистские идеи в публицистике Достоевского, совмещенные с его же утверждениями о всечеловеческом служении русского человека — предмет язвительной критики героя и опорный аргумент для того, чтобы утверждать, что подобная «парадная» идеология, совмещающая широкость идеи и узость национального применения, стала удобной почвой для «всечеловеческих» аппетитов коммунистического режима и его готовности пойти на любые жертвы. Конечно, подобные претензии к Достоевскому — не редкость в эмигрантской риторике, причем парадигматическим текстом, задающим тон для этой линии рецепции Достоевского, можно считать, наверное, мысли Н. Бердяева, высказанные им еще до высылки из России в статье «Духи русской революции» (1918). Однако Яновскому важно не столько связать большевизм с великорусской риторикой, сколько показать, что у идей в эмигрантском обществе могут быть разные генеалогии.

Уместно будет привести здесь еще один пример того, как Яновский выстраивает собственную идентичность, отталкиваясь от читательского опыта. В 1955–1956 годах разворачивается полемика вокруг «Незамеченного поколения» В. Варшавского — историографического обзора «младшего» поколения эмиграции первой волны. В 1955 году Варшавский публикует фрагмент, посвященный только литературному Монпарнасу, а на следующий год и всю книгу, в которой охарактеризованы также переволовационные течения, христианские молодежные движения, участники войны и сопротивления. Не все представители эмиграции согласились с интерпретацией этого литературного поколения как «незамеченного». Основной спор сперва ведут Е. К. Кускова, М. С. Слоним и Яновский. Позже присоединяются самые разные участники. И вот каким образом Яновский описывает представителей своего поколения в пику его оппонентам: «Без денег, подчас голодные, бесправные, растеряв ломоносовскую пунктуацию, шарахаясь от культа Горького, с образом Гогена, с внутренним опытом Рембо, Блуа, Пруста, Джойса, Кафки и, пожалуй, Линдberга, эти русские призраки в порыжевших²² туфлях и ненглаженых брюках приносили неприличные рукописи в редакции эмигрантских изданий, где сидели честные и непримиримые враги сволочной, большевицкой идеологии в области политики, экономики, науки... но только не в искусстве!»²³ Все эти знаковые имена повторяются также и в «Челюсти эмигранта» в ряду других «перечней имен», характеризующих становление Богдана.²⁴ Яновский среди прочих аргументов приводит в пример книгу о русской литературе, подготовленную Слонимом для американских студентов,

²² Заметим в скобках, что туфли и башмаки порыжели не только у «молодой» эмиграции, но и у любителей политической публицистики Достоевского (см. цитату выше).

²³ Яновский В. С. Мимо незамеченного поколения // Варшавский В. С. Незамеченное поколение / Сост. О. А. Коростелева и М. А. Васильевой. М., 2010. С. 326.

²⁴ Ср.: «Не удивляйтесь мыслям Богдана; гностики, Плотин, книга Зогар, блаженный Августин, Федоров, Якоб Бёме — это родные, будничные имена, как и липы над Сеною, Гоген, „*A la recherche du temps perdu*“ и полет Линдberга в одиночестве» (с. 235).

в которой удельный вес присутствия эмигрантской и советской литературы распределен так: «Подглавка в 11 страниц посвящена эмигрантской литературе <...> Зато масштабы Горького другие; ему М. Слоним посвящает 28 страниц».²⁵ Речь идет о книге «Modern Russian Literature: From Chekhov to the Present» (New York, 1953). Яновский убежден, что подобное игнорирование эмигрантской литературы, в том числе той ее части, что появилась уже в изгнании и к которой относится и его творчество, — это узаконивание линии «Ленина–Сталина» и советских концлагерей. Мотивы, которые возникают в этом споре, отчасти выражены и переосмыслены в повести «Челость эмигранта». Полемика, в которую вступает Яновский и которую у нас нет задачи подробно разбирать, несомненно, стала одним из источников замысла повести. Общей задачей и для спора, и для повести можно назвать попытку отстоять *свой* образ прошлого — как личного, так и поколенческого. Неслучайно отдельный эпизод в «Челости эмигранта» посвящен жизни парижского русского Монпарнаса.

Повесть Яновского закончена в 1956 году. Об этом говорит запись в дневнике от 1 июня 1956 года: «Прошел год тяжелый. Написал „Зубы эмигранта“ (вот уже месяц лежит у Карповича)».²⁶ К 1956 году межвоенный Париж и в том числе представители «младшего» поколения уже стали героями мемуарно-автобиографических сочинений. Изданы «Встречи» (1953) Ю. Терапиано, «Одиночество и свобода» (1955) Г. Адамовича, в 1956 году выходит «Незамеченное поколение» Варшавского, написан первый историко-литературный обзор эмигрантской словесности «Русская литература в изгнании» Г. Струве. «Челость эмигранта» — первая попытка Яновского дать свой образ недавно ушедшего прошлого. В этой повести разрабатываются мнемонические стратегии, которые будут использованы также и в его мемуарной книге.²⁷

Идея написать собственные мемуары приходит Яновскому как раз после окончания работы над повестью. Запись от 4 сентября 1957 года: «Хочется вдруг писать, а отыск и как будто не о чем... 1. Свои Воспоминания, 2. Теория искусства (Толстого, Джойса, Бергсона, Пруста и свое), 3. О докторах (составить кусочек для печати)».²⁸ Каждый из этих планируемых замыслов был осуществлен, притом все они в конечном счете реализуются параллельно. «О докторах» сперва становится рассуждением об анестезии, а затем обрастает все новыми и новыми сюжетами, оформляясь в отдельную книгу.²⁹ «Теория искусства» — опубликованное в 1960 году эссе о трансреальной литературе под названием «Пути искусства». Работа над «своими Воспоминаниями», о необходимости писать которые Яновский периодически напоминает себе в дневнике с 1957 года, ведется с 10 марта 1961 года: «Начал

²⁵ Яновский В. С. «Спор о вкусах» // Варшавский В. С. Незамеченное поколение. С. 338–339.

²⁶ Яновский В. С. Из дневника 1955–1959 гг. С. 171. М. М. Карпович (1888–1959) был с 1945 по 1959 редактором «Нового журнала».

²⁷ «Как бы там ни было, но в „Челости эмигранта“ (произведении, где были выработаны композиционные и повествовательные принципы „Полей Елисейских“) Яновскому удалось гармонично соединить образно-символический язык художественной прозы с глубокими мировоззренческими обобщениями и памфлетно-публицистическими отступлениями на животрепещущие социально-политические и нравственно-философские темы» (Мельников Н. «Русский мальчик с седыми висками». Жизнь и творчество Василия Яновского // Яновский В. С. Соч. Т. 1. С. 20–21). Можно заметить, что некоторые формулировки из повести переносятся в мемуары: это касается, к примеру, рассуждения о чести, которой не хватает «русской идее», или использования образа «Дарданелл» как выразителя имперских аппетитов эмиграции на примере П. Н. Милюкова и др. См., скажем: Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти. С. 369, 428–429.

²⁸ Яновский В. С. Из дневника 1955–1959 гг. С. 171.

²⁹ Об этом см.: Димитриев В. М. «Медицина, наука и жизнь» в литературном проекте В. С. Яновского. С. 67–69.

„Парижские Янки“ — Поплавский, Фельзен, Федотов, Фондаминский, „Круг“, зубры литературные, зубры вообще».³⁰ Первый черновик закончен 23 мая того же года.³¹

Это еще раз подчеркивает важную для нас идею, что Яновский экспериментирует с полидискурсивностью в своих текстах. Он берет, к примеру, важнейшую для себя идею обратимости времени и преодоления детерминистской обусловленности человеческой жизни и развивает ее на разных «языках» в художественной прозе, эссеистике, медицинской публицистике и воспоминаниях. В «Челюсти эмигранта» мы сперва убеждаемся, что изменения в человеческой жизни необратимы, время необратимо, эмигрантские зубы нельзя вернуть, умерших друзей нельзя вернуть. И тем не менее, сидя в стоматологическом кабинете и переходя в спонтанных воспоминаниях от одного события прошлого к другому, герой Яновского как бы нарушает логику «необратимости» и собирает эти осколки своей личности по выпавшим коронкам, выдернутым зубам, воспоминаниям о щипцах дантиста и т. п. Более того, в конце повести перед нами не то галлюциногенные последствия обморока героя, не то реальная встреча во плоти со всеми людьми, связанными с его прошлым.

Яновский при этом не скучится на пространные философские рассуждения об этом возвращении прошлого, связанного с переживанием физической боли. В фантасмагорической концовке Шумахер убеждает героя: «Еще ребенком вы поняли, что самое реальное в жизни человека его память <...> Поэтому вы весьма остроумно сообразили, что если смерть — реальность, то она не может быть ничем иным, как тоже формой памяти. Но тут произошел конфуз, и вы задержались надолго. А между тем последующий шаг напрашивался сам собою: борьба со смертью, по существу, есть борьба с линейной памятью» (с. 312). На место линейной памяти, соединяющей события в хронологический ряд, должна встать «вертикальная память», которая будет концентрироваться вокруг знаковых событий личного прошлого, двигаясь в обратной хронологии или не подчиняясь какой-то определенной хронологии вообще. Такая память способна будет увести героя в том числе за границы его физического опыта, показав ему, как продемонстрировано в повести, фрагмент то ли реального, то ли привидевшегося герою посмертного «воскрешения во плоти» всех, кого он знал, и даже его зубов.

Путешествие протагониста по «вертикальной памяти» присоединяет его к модернистской разработке темы воспоминания, понятой как восстановление целостности личности через индивидуальное возвращение прошлого. Именно этот мнемонический аспект повести особенно отмечает Ф. А. Степун, whom Яновский гордится и о чем вспоминает в «Полях Елисейских».³²

При этом параллельно Яновский развивает, как мы уже сказали, ту же самую идею и в других текстах этого периода. В «Путях искусства» (1960) он,

³⁰ Яновский В. С. Из дневника 1960–1964 / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал (Нью-Йорк). 1999. № 214. С. 137.

³¹ Там же.

³² Степун Ф. А. В. С. Яновский. Челюсть эмигранта. С. 297. По словам Яновского, эту мысль Степун уже отмечал у него в ходе их «межвоенных», «монпарнасских» разговоров. Кроме того, Яновский приводит и письмо Степуна к нему от 1958 года все о той же теории «двух памятей», говорящей о религиозной идее повести Яновского: Яновский В. С. Поля Елисейские: Книга памяти. С. 344–345. Как кажется, Степун недостаточное внимание уделяет памфлетному и серьезно-смеховому началу повести, основой которого являются выдранные зубы героя. «Вертикальная память» Яновского обладает телесной, физиологической экспрессивностью. В мемуарах Яновский явно с удовольствием вспоминает письмо Степуна. А вот в дневниковой записи от 28 октября 1958 года находим такие слова по поводу этой рецензии: «Статья Степуна в „Новом Журнале“ (чушь)» (Яновский В. С. Из дневника 1955–1959 гг. С. 137).

отталкиваясь от эстетических размышлений Л. Толстого, А. Бергсона и Пруста, приходит к выводу, что «основной темой искусства» современности стало «различие между очевидностью и действительностью».³³ То, что очевидно предстает человеку в ежедневном опыте, отмечено автоматизмом восприятия, «реалистическое» воссоздание реальности не приблизит к действительности ни автора, ни читателя. Задачей художника является своеобразное возвращение вещам и переживаниям их связи с творческим (жизненным) порывом (*élan vital* Бергсона), и потому Яновский предлагает в «Путях искусства» заменить реализм «трансреализмом», допускающим обращение к фантастическим, мистическим областям человеческого сознания и мира: «...область разработки, промывки, осознания и преображения действительности раздвигается в оба конца ад инфинитум: в антхеос и постапокалипсис, поскольку они существуют для человека. Отныне надлежит также познать ту действительность, где душа наша, не имеющая начала, должна была обретаться до первого стущения космических газов. А также заглянуть вперед, поскольку нет шаблонного конца (по Прусту, тоже): надлежит вспомнить реальность, существующую там дальше за воображаемой линией настоящего, и осветить новые возможности выбора».³⁴

И даже его эссе об анестезии, которое вошло потом в книгу о философии медицины, сосредоточено на представлении о возможности средствами современной науки и медицины нарушить законы времени. Запись от 6 ноября 1963 года: «Философия обратимости. Охватывает всю историю, науку, религию, искусство. Медицина есть попытка *вернуть* здоровье, молодость, силы... Анестезия *вводит* смертные яды и немедленно занимается обратимостью процесса...»³⁵.

Дело, конечно, не в том, что Яновский развивает *именно* эту идею в текстах, принадлежащих к разным жанрам. В конце концов, идея обратимости волновала его и гораздо раньше; в пример можно привести эссе о Н. Федорове, опубликованное в первом выпуске «Третьего часа» в 1946 году.³⁶ Интерес здесь представляет скорее стремление смешать эти разные языки и речевые манеры для выражения важной ему идеи.

Неожиданной и дополнительной иллюстрацией для такой задачи может служить эпиграф, выбранный Яновским для «Челюсти эмигранта». Он использует фрагмент арии из мюзикла «Kismet», поставленного на Бродвее в 1953 году, незадолго до издания повести. В мюзикле по мотивам одноименной пьесы Эдварда Кноблока 1911 года, адаптированной Робертом Райтом

³³ Яновский В. С. Пути искусства // Яновский В. С. Любовь вторая: Избр. проза. С. 481.

³⁴ Там же. С. 496.

³⁵ Яновский В. С. Из дневника 1960–1964. С. 147.

³⁶ «В семени каждого из нас жив „нюклейс“ многих, давно ушедших предков. Надо расщепить эту клетку, извлечь, отделить ряд „нюклейсов“ и развить их, дать им ход. И как одной искры достаточно, чтобы раздуть целое пламя, так одного этого может быть достаточно, чтобы восстановить всего человека. Надо культивировать память, осознавать прошлое, закреплять все черты любимых существ, как внешние, так и внутренние. Это задача искусства. Здесь рядом с Федоровым неожиданно оказываются художники типа Марселя Пруста, чье „A la Recherche du Temps perdu“ и есть попытка воскрешения. Но если эта попытка удастся, то „temps“ уже не будет „perdu“. Все пути: эгоистический, нравственный и религиозный... скрещиваются в этом пункте, — воскресение. Других тем нет. Других дел нет» (Яновский В. С. Время Николая Федорова // Третий час (Нью-Йорк). 1946. Вып. 1. С. 31). О том, как именно в замыслах Яновского получали специфическое развитие одновременно идеи Николая Федорова, эзотерические учения, западноевропейская философия и модернистская проза, см. в работе Рубинс (*Rubins M. Transnational Identities in Diaspora Writing: The Narratives of Vasily Yanovsky*. P. 62–84), где особенное внимание уделено контексту «Портативного бессмертия» и «По ту сторону времени» — двух романов Яновского, выражавших его футуристические, мистические и сиентистские фантазии. См. об этом также цитируемую выше статью Ю. Линника.

и Дж. Форрестом, обыгрывается вариация на темы из «Тысячи и одной ночи»: экзотический Восток для американского зрителя. Притом в качестве музыкального сопровождения используются фрагменты из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». Яновский берет две начальные строки из ставшей впоследствии знаменитой песни «Stranger in Paradise» («Чужак в раю» / «Незнакомец в раю»): «Hold my hand / I'm a stranger in Paradise». Уже в этом эпиграфе задается, с одной стороны, совмещение нескольких важных для повести оптик: эмигрантского существования чужака или странника и метафизического восстановления своей личности. Да и стилистический синкретизм мюзикла вполне соответствовал гротескной манере «Челюсти эмигранта». В мюзикле эта песня о «незнакомце» или «чужаке» в раю сопровождает встречу возлюбленных, у Яновского отдельные две строчки как бы предваряют все дальнейшее развертывание событий о странствиях по собственному прошлому. Это может быть и своего рода обращение к читателю повести. Экзотичность для американского зрителя «арабского» мира бродвейской «Тысячи и одной ночи» неслучайно подчеркнута темой из оперы Бородина. Арабский мир и условное русское средневековье сливаются здесь, в этом бутафорском «варварском» мире, окрашенном в тона романтической истории. Притом конкретно для песни «Stranger in Paradise» использовался фрагмент «Половецкие пляски». Как мы знаем, не в последнюю очередь «Половецкие пляски», поставленные М. Фокиным в Париже в качестве балетного фрагмента в 1909 году, стали проводником интереса к восточной и в том числе арабской эстетике (балет «Шехеразада» на музыку Н. А. Римского-Корсакова был поставлен Фокиным в 1910 году).³⁷ Сложно сказать, в какой мере все эти смешения культурных влияний учитывались Яновским, когда он выбирал эпиграф для своей повести, но они успешно оттеняют синкретичность его художественного стиля и многонациональный мир его прозы.

При этом знаменательно, что в повести мы встретим еще только один эпиграф, перед одиннадцатой главкой, посвященной Гражданской войне в Испании, где герой попадает в храм, один из покровителей которого — св. Иоанн Креста. В качестве эпиграфа и взята цитата из «Духовного гимна» «Cántico espiritual» Иоанна Креста: «В погребке у Любимого / Я выпил вина...».³⁸ Ария «Stranger in Paradise» и этот фрагмент взаимно подчеркивают сюжетную условность: встреча возлюбленных может быть интерпретирована и в качестве духовного путешествия. Конечно, у Иоанна Креста речь идет о духовном преображении души своим Женихом, то есть Христом. Совместить бродвейский мюзикл «Kismet» и «Духовную песнь» Креста — хорошая

³⁷ Гарафола Л. Русский балет Дягилева / Пер. с англ. М. Ивониной и О. Левенкова. М., 2021. С. 29–88.

³⁸ Этот отрывок дан в повести в переводе самого Яновского. Вот эта строфа в оригинале с подстрочником: «En la interior bodega / de mi amado bebí, y cuando salía, / por toda aquesta vega, / ya cosa no sabía / y el ganado perdí que antes seguía» («Во внутреннем погребе / я пила от моего Возлюбленного, и когда выходила / в плодородную долину, / я уже не помнила ни о чем, / и стадо потеряла, за которым раньше ходила»). Св. Иоанн Креста (San Juan de la Cruz, 1542–1591) — испанский богослов, мистик и поэт — был известен в межвоенном Париже, в том числе он имел большое значение для «мистической атмосферы» русского Монпарнаса (см., к примеру, концовку романа Б. Ю. Поплавского «Домой с небес»). Интересу к этому кармелитскому святыму способствовала книга Жана Барюзи «Saint Jean de la Croix et le problème de l'expérience mystique» (1924) и немалая роль, которую Иоанн Креста играл в мистических идеях позднего Д. С. Мережковского. См. также: Багно В. Е. Кармелитская мистика (Святая Тереса и Сан Хуан де ла Крус) в восприятии русского религиозного Ренессанса // Багно В. Е. Русская поэзия Себерянного века и романский мир. СПб., 2005. С. 153–162. Я крайне признателен Марии Игнатьевой, которая поделилась со мной фрагментами пока еще не опубликованного перевода «Духовного гимна» Иоанна, так же как и своими соображениями по поводу этого фрагмента из повести Яновского.

иллюстрация того, как Яновский интегрирует в письме далеко отстоящие друг от друга явления.

Ключом к специфике временного и стилистического устройства повести «Челюсть эмигранта» оказывается именно попытка отразить то, каким образом может быть восстановлено прошлое от лица эмигранта. Это вырабатывание специфического языка индивидуального и коллективного эмигрантского воспоминания. С одной стороны, Богдан вспоминает знаковые события XX века, с другой стороны, мельчайшие подробности своей повседневной жизни. «Вся тайна в том, что нам не дано предвидеть, — пишет он в дневнике, — что в этом [нрэб.] росте души важно и чревато действительными последствиями, а что только мешает и отвлекает».³⁹ И в другом месте: «„Фрагменты“, „осколки“». Человек проходит чуть ли не ежедневно в течение своей жизни через какие-то маневры, действия, ситуации, при этом каждый раз он переживает (думает, чувствует, говорит) те же эмоции — постепенно осознавая и развивая их... Вот это все описать. [нрэб.] камни, стержни повседневной жизни объединены одним (светом) духом, одним „умным“ светом... Примеры. 1. Бритье человека. 2. У парикмахера (стрижка). 3. Испражнения (газы — удовлетворение). 4. Совокупление. 5. Покупки в магазинах. 6. Маневры с деньгами... 7. Синема и т. д.».⁴⁰

Жанровый и стилистический синкретизм письма Яновского, вероятно, и придает его повести оригинальность. Странная история, предлагающая нам философскую рефлексию на материале воспоминания эмигранта о выдраннных и запломбированных зубах — лишь часть одного большого проекта Яновского, которым он занимался в послевоенные годы. Проект при этом не силится соединить написанное в один нарратив. Однако все эти разные тексты пытаются утвердить одну и ту же трансреальную, если пользоваться словом писателя, действительность, существование которой можно доказать естественно-научно, через размышления об искусстве, в философской рефлексии, и даже написав роман или воспоминания.

³⁹ Яновский В. С. Из дневника 1960–1964. С. 140.

⁴⁰ Там же. С. 147.

ФЕДОР СОЛОГУБ: РАЗЫСКАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

Предлагаемая вниманию специалистов и прежде всего исследователей русского модернизма тематическая подборка приурочена к 160-летию со дня рождения Федора Сологуба. Сюда вошли статьи и публикации преимущественно источниковедческого содержания, посвященные вопросам биографии и творчества писателя и имеющие практическое значение для дальнейшего изучения его литературного наследия.

В статье «О пушкинском мифе Ф. К. Сологуба» Л. В. Евдокимова дает оригинальную интерпретацию псевдонима писателя посредством аналитического прочтения авторского пушкинского мифа. Т. В. Мисникевич в работе «„Избранные“ и „выбранные“ стихи: к вопросу о композиционных принципах и составе книг переводов Ф. К. Сологуба из Поля Верлена», в дополнение к уже известным исследованиям сологубовских переводов, принадлежащих В. Е. Багно и А. Б. Стрельниковой, представила подробный текстологический комментарий пяти версий перевода верленовского стихотворения «Il pleure dans mon cœur...» (1874). А. Л. Соболев в очерке «Еще раз о неудавшейся попытке эмиграции Ф. К. Сологуба и А. Н. Чеботаревской» вводит в научный оборот ранее не известные архивные документы, существенно корректирующие, казалось бы, уже основательно изученную историю несостоявшегося отъезда четы Сологуб из большевистской России (в дополнение сюжета в приложении М. М. Павлова публикует письмо А. В. Карташева к К. К. Энкелю 1919 года). Завершает подборку подготовленная А. В. Востриковым и М. М. Павловой публикация фрагментов дневника Е. П. Казанович, в которых повествуется о встречах диаристки с Ф. К. Сологубом в 1920–1923 годах.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-48-64

© Л. В. ЕВДОКИМОВА

О ПУШКИНСКОМ МИФЕ Ф. К. СОЛОГУБА

Пушкинский миф — общность и взаимодействие рецепций личности и творчества А. Пушкина как Первого национального поэта России.¹ Изучение пушкинского мифа в качестве материала для вторичного моделирования в пространстве русской литературы, исследование функционирования данного мифа в различных историко-литературных контекстах позволяет современному литературоведу прийти к убедительному обобщению о том, что пушкинский миф представляет собой объединение реальных событий прошлого и метафизических открытий о роли и предназначении Пушкина в русской культуре.²

¹ Загидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001. С. 9.

² Шеметова Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2011. С. 5.

Индивидуальные манифестации пушкинского мифа вовлекают в свою сферу биографию и творчество не только первого поэта России,³ но и тех писателей, которые переосмысливают и развивают пушкинское наследие в художественных произведениях и литературном быту. Пушкинский миф Сологуба является выразительным примером взаимодействия встречных векторов мифотворческого процесса.

Известно, что Серебряный век воспринимался современниками как повторение Золотого века русской поэзии. Значение личности и творчества Пушкина было осознано символистами в русле идей русского ницшеанства — как феномен, благодаря которому в русской культуре намечается возможность примирения трагических противоречий (Христос и Антихрист, Аполлон и Дионис, дух и плоть, человек и поэт и др.).⁴ Пушкинское мировосприятие не только восхищало Сологуба своей гармоничностью,⁵ но и вызывало отрицательные оценки. В эссе «Демоны поэтов» (1907), вторая часть которого посвящена Пушкину, Сологуб утверждал, что подлинная поэзия характеризуется двуполюсностью, которую представляют две эстетические категории — «лирика» и «ирония». «Лирика» отрицает данную реальность и противопоставляет ей мир, творимый автором. «Ирония» принимает жизнь при осознании всех ее противоречий, «открывает неизбежную двойственность всякого познания и всякого действия».⁶ Подлинная поэзия сочетает «лирику» и «иронию», однако «бесовское» искушение поэта заключается в неправильном употреблении приемов «лирики» и «иронии». Так, по мысли Сологуба, Пушкин языком «лирики» говорил о земном, в частности стремился «слагать правый дифирамб» сильным мира сего — Петру Великому, Николаю I, Наполеону.⁷

Пушкин был для Сологуба неоднозначной фигурой. Сологуб-критик не мог принять его согласия с официальной идеологией патриархально-самодержавной России, но это не помешало символисту признать Пушкина великим поэтом.⁸ Поэтика сологубовских произведений свидетельствует об усвоении автором литературных приемов Пушкина, например, сюжетообразующего мотива обмана, который становится катализатором развития художественного конфликта, или способа построения текста на основе смысловой вертикали.⁹ Мотивные переклички между параллельными сюжетными линиями в прозе и драматургии Сологуба¹⁰ напоминают выявленный

³ См.: Муравьева О. С. Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. статей. СПб., 1995. С. 113–133.

⁴ См.: Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Современное американское пушкиноведение. СПб., 1999. С. 42–68. См. также: Мусатов В. В. Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М., 1998; Минц З. Г.) Блок и Пушкин // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 145–260; 2) У истоков «символистского Пушкина» // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 146–149, и др.

⁵ См.: Сологуб Ф. К всероссийскому торжеству // А. С. Пушкин: pro et contra. Личность и творчество А. Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 343.

⁶ Сологуб Ф. Демоны поэтов // Сологуб Ф. Творимая легенда: В 2 кн. / Сост., подг. текста, послесловие Л. Соболева; комм. А. Соболева. М., 1991. Кн. 2. С. 165.

⁷ Там же. С. 165–169. См. исследования, посвященные вопросу отношения Сологуба к Пушкину: Пильд Л. Пушкин в «Мелком бесе» Ф. Сологуба // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2000. Вып. 2. С. 306–321; Дворяншина Н. А. «Весь живой»: Ф. Сологуб о Пушкине // Творчество А. С. Пушкина. Вопросы содержания и поэтики. Сургут, 2001. С. 82–94; Мескин В. А. А. Пушкин в зеркале философской критики Ф. Сологуба. О типологии поэтического творчества // Вестник РУДН. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2016. № 4. С. 58–66.

⁸ См.: Сологуб Ф. Демоны поэтов. С. 165.

⁹ См.: Павлова М. М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007. С. 256–270.

¹⁰ См.: Минц З. Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских симвлистов // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. С. 67.

В. В. Виноградовым «принцип симметрического расположения, отражения и варьирования образов и тем в строе литературного произведения», в том числе и «принцип контрастного параллелизма»,¹¹ который организует композицию «Евгения Онегина», «Капитанской дочки», «Станционного смотрителя» и др.

Нельзя не признать, что Сологуб импонировал «синтетический» характер пушкинского творчества, способность поэта на основе стертых поэтических клише своего времени создавать качественно новый язык.¹² На это указывает его эпатажное высказывание: «Новым Пушкиным будет только такой поэт, который беззастенчиво и нагло обворует всех своих современников и предтеч».¹³ Сологуб также обращался к уже известным образам, сюжетам, полагая, что подлинная авторская индивидуальность наложит неизбежный отпечаток на заимствованный литературный материал.¹⁴

Характерно, что В. Брюсов признавал органичность пушкинской традиции в рамках эклектичного символистского стиля лишь в поэзии Сологуба, отличающейся, по мнению мэтра символизма, поистине пушкинской простотой формы.¹⁵

Культ Пушкина на рубеже XIX–XX веков выразился не только в сфере литературного творчества. Поэты обнаруживали параллели между фактами своей жизни и пушкинской биографией. И. Паперно, анализируя «жизненное пушкинианство» писателей и поэтов Серебряного века, пришла к убедительному выводу: «В конечном итоге у человека начала XX века оказывается как бы двойная биография — конструкция, подобная схеме жизнеописаний Плутарха. Собственная жизнь выступает как параллель жизни человека Золотого (пушкинского) века, и, в первую очередь, самого Пушкина, подобно тому, как у Плутарха жизнь римлянина была параллелью к жизни его двойника — греческого героя».¹⁶ События жизни Пушкина, люди из его окружения, герои его произведений воспринимались как прообразы современных персонажей жизни и творчества. Концепция «вечного возвращения» (Ф. Ницше) — повторение исторических событий и человеческих личностей — находила подтверждение и в ассоциативной цепи знаковых имен: *Александр I / Александр Пушкин — Александр Блок*.¹⁷ Тем самым русская культура в очередной раз продемонстрировала особую чувствительность к именам исторических лиц или мировых образов — именам, которые становились своеобразным знаком поведенческих моделей, усвоения или вульгаризации философских, литературных идей, нередко мифотворческих процессов на их основе.¹⁸

Оsmелимся предположить, что и в творчестве Сологуба просматриваются контуры мифа, который выражает отношение к пушкинской традиции посредством развития смыслового потенциала имен, принадлежавших историческим персонажам Золотого века русской культуры. В пушкинском мифе Сологуба приведенный выше ассоциативный ряд был дополнен еще двумя значимыми именами, обогатившими онтологию имени поэта-символиста, которая заслуживает особого внимания.

¹¹ Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1999. С. 543, 542.

¹² Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999.

¹³ Смиренский В. В. Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и комм. И. С. Тимченко // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 404.

¹⁴ См.: Там же. С. 418, прим. 21.

¹⁵ См.: Брюсов В. Федор Сологуб как поэт // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 283; Половская Э. Статьи о Пушкине // Там же. Т. 7. С. 445.

¹⁶ Паперно И. Пушкин в жизни человека Серебряного века. С. 56.

¹⁷ См.: Там же.

¹⁸ См.: Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни / Отв. ред. В. Е. Багно. СПб., 2003.

Известно, что полное имя поэта *Федор Кузьмич Тетерников*, слишком «простое» для модернистского вкуса, было заменено псевдонимом. В самом деле, фамилия *Тетерников*, которую отец поэта избрал вместо родовой — *Тютюнников*,¹⁹ вызывает ассоциации с просторечными однокоренными словами.²⁰ Однако смысловой «след» этого имени мы обнаружим в поэтике прозы писателя, у которого символизм сочетается с бытописательным, иногда почти натуралистическим, внешним планом.

Нередко псевдоним противостоит реальному имени тем, что создает истиный «идентитет» писателя, подчеркивает наиболее существенные особенности его личности и творчества.²¹ В случае с Сологубом мы имеем дело с исключительным характером взаимодействия автонима и псевдонима, поскольку каждый символизирует какой-либо компонент творческого пространства личности Сологуба и определенный вектор отношения к Пушкину и его поэтическому наследию.²²

Система личных имен Сологуба, размывая границы между «текстом жизни» и «текстом искусства» (З. Г. Минц), вписывается в «поэтику имени», характерную для творчества символистов. Так, герои Вяч. Иванова («Повесть о Светомире царевиче») и А. Белого (роман «Петербург») имеют несколько номинаций, сложные отношения между которыми осознаются как сосуществование в человеке противоположных начал.²³ Показательно, что и заголовок монографии М. М. Павловой актуализирует «двусоставность» имени поэта: «Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников». Литературовед приходит к убедительному выводу о том, что жизнь Ф. К. Тетерникова, школьного учителя в глухой провинции, будучи важным источником знаменитого образа Передонова из «Мелкого беса», стала неустранимой составляющей бытия Сологуба: «Мог ли Сологуб, „протащив Передонова через себя“, забыть о нем или отречься от него? Едва ли — он был частью его души. Уничтожение Передонова было равносильно убийству в себе поэта и „великого писателя“, — мог ли Федор Сологуб поднять руку на Ф. К. Тетерникова?»²⁴ Как будет показано ниже, ощущимая привязанность Сологуба к своему автониму могла иметь и другие причины.

Два личных имени поэта являются выражением мифотворческой грамматики Сологуба, нацеленной на поэтическое преображение пространства личности автора. Особенности сологубовской мифической отрешенности, т. е. первично-интуитивного взаимоотношения поэта с действительностью,²⁵ во многом

¹⁹ См.: Черносвитова О. Н. Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и комм. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. С. 228.

²⁰ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999. Т. 4. С. 403.

²¹ См.: Бенчич Ж. Псевдоним (имя и «идентитет») // Russian Literature. 2001. Vol. 49. № 2. Р. 121–125.

²² Данная ситуация образно иллюстрирует важное положение философского учения А. Лосева о цельности организма имени: «В имени — средоточие всяких физиологических, психологических, феноменологических, логических, диалектических, онтологических сфер...»; «В имени — какое-то интимное единство разъятых сфер бытия, единство, приводящее к совместной жизни их в одном цельном, уже не просто „субъективном“ или просто „объективном“, сознании» (Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Бытие — имя — космос. М., 1993. С. 628, 642).

²³ См.: Долгополов Л. К. Символика личных имен в произведениях Андрея Белого // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции) / Под ред. В. Г. Базанова. М., 1976. С. 348–354; Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М., 1992. С. 193–224; Гей Н. К. Имя в русском космосе Вячеслава Иванова («Повесть о Светомире царевиче») // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 192–208.

²⁴ Павлова М. М. Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. С. 356.

²⁵ Согласно А. Лосеву, миф личности — это ее осмысливание и организация с точки зрения мифического сознания или самосознания, которое формируется благодаря мифической отрешенности «от смысла и идеи повседневных фактов, но не от их фактичности». Мифическая отрешенность означает элементарную, свойственную каждому человеку интуицию, которая определяет своеобразие его мировосприятия: это «какая-то первичная реакция сознания на вещи, какое-

обусловлены психологическим комплексом, отразившимся и в системе личных имен символиста Сологуба. Предпосылки его психологического портрета следует искать в детских переживаниях Феди Тетерникова, отец которого был незаконнорожденным сыном украинского помещика Иваницкого.²⁶ Двойная жизнь, на которую был обречен мальчик в семье Агаповых (положение «кухаркина сына», имевшего доступ к образованию и культурным ценностям),²⁷ находит продолжение и на первых этапах творческого пути — в существовании между жестоким обращением матери, абсурдным мещанским бытом, скучными инспекторскими обязанностями и — «творимой легендой» поэта.

Ощущение двойственности бытия, пожалуй, и сформировало неповторимый мифический символ личности Сологуба, смысловая наполненность которого постигается «как арена встречи известных конструкций сознания с тем или другим возможным предметом этого сознания»,²⁸ а значит, находит выражение и в поэтическом творчестве. Известно, что Сологуб как поэт и критик диалектически мыслил полярными понятиями, акцентируя не только «двойственность всякого познания и всякого действия», но также «великий закон тождества совершенных противоположностей».²⁹ Показательно, что внутренняя антиномичность характерна как для автонима, так и для псевдонима поэта.

В своем интервью А. А. Измайлову поэт говорит о случайности выбора псевдонима в редакции журнала «Северный вестник» и его собственном безразличии к этому процессу: «...ведь, вообще, человек не сам выбирает себе имя, — и меня окрестили Федором, не спрашивая моего согласия». Сологуб упоминает лишь об удобстве псевдонима как защитной маски, необходимой для писателя, который находится на «казенной службе».³⁰ Намеренно демонстрируя личную незаинтересованность и в имени, и в псевдониме, он следует общемифологическим представлениям, согласно которым получение имени связано с обретением судьбы.³¹ Заметим, что имена героев Сологуба всегда наделяются знаковой функцией и программируют сюжет.³² Действительно, личные имена Сологуба имели прогностический характер для пушкинского мифа, да и сологубовского творчества в целом.

Следует признать, что псевдоним, в дополнение к семантической ауре фамилии поэта, удачно выражал другие особенности сологубовского творчества. Во-первых, актуализировалась связь с классической литературой, и прежде всего с пушкинской эпохой: псевдоним отличался лишь долготой одного звука от фамилии известного прозаика XIX века — графа Владимира Александровича Соллогуба (1813–1882). Соллогуб является также автором «Воспоминаний», полностью опубликованных в журнале «Исторический вестник» в 1886 году, после смерти писателя. В мемуарах Соллогуб рассказывает и о своих отношениях с Пушкиным. Соллогуб входил в круг знакомых поэта, а в последний год жизни Пушкина они сблизились и стали хорошими друзьями. Писатель осо-

то первое столкновение с окружающим». По мысли философа, характеристика мифической отрешенности писателя способствует пониманию специфики его образности и стиля в целом. См.: Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М., 1994. С. 66–68.

²⁶ См.: Черноуситова О. Н. Материалы к биографии Федора Сологуба. С. 228, 235–236.

²⁷ См.: Там же. С. 235–240.

²⁸ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995. С. 14.

²⁹ См.: Сологуб Ф. Демоны поэтов. С. 164–165.

³⁰ См.: Измайлов А. А. УФ. К. Сологуба (Интервью) // Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 2. С. 225–227.

³¹ См.: Топоров В. Н. Имена // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 508–510; Агапкина Т. А. Имя // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 210–213.

³² См.: Ильев С. П. Русский символистский роман. Аспекты поэтики. Киев, 1991. С. 16, 23–24; Клейман Л. Ранняя проза Федора Сологуба. Ann Arbor, 1993.

знавал значимость для развития русской литературы творчества Пушкина, которого считал «великим художником».³³ Но мемуарист с сожалением отмечал «какое-то непостижимое пристрастие»³⁴ Пушкина к жизни светского общества, в котором тот не имел высокого положения, а потому не мог рассчитывать на признание своего личного превосходства. Отсюда, полагает Соллогуб, излишние эмоциональность и подозрительность Пушкина, которые привели поэта к гибели. По мнению писателя, Пушкин «не выдержал своего мнимого унижения», не «устоял против своих врагов».³⁵ Судьба настоящих художников в русской жизни видится мемуаристу печальной: и Пушкин, и Гоголь «не были подготовлены современным им общественным духовным развитием к твердой стойкости перед жизненными искушениями. Оба не нашли вокруг себя настоящей точки опоры, общего трезвого взгляда на отношение искусства к жизни и жизни к истине».³⁶ Мотив гармоничного соотношения литературы и действительности, мотив искушения поэта как аллюзии к «Воспоминаниям» В. Соллогуба просматриваются в эссе Ф. Сологуба «Демоны поэтов». В частности, в финале «старый чорт Савельич» пытается убедить «лирически» настроенных поэтов, что воспевать богатство и пышность земного мира — великая честь:

«И так редко слышит достойный человека ответ:

— Не о хлебе едином... Не искушай... Иди...

Пушкин этого ответа решительно и ясно не дал. Он остался с Савельичем. И Савельич замучил его даже до смерти....»³⁷ Невольно напрашивается вывод о сходстве отношения В. Соллогуба и Ф. Сологуба к Пушкину, и полагаем, здесь не обошлось без влияния, может быть непреднамеренного. Писатель, псевдоним которого вызывал ассоциации с литератором прошлого века, не мог не проявить интереса к личности и творчеству своего почти однофамильца на литературном поприще. Похоже, что псевдоним в какой-либо степени программировал направление восприятия символистом Пушкина. В любом случае фамилия Сол(л)огуб становится знаковой по отношению к личности великого русского поэта и его творчеству.

В оппозиции *классика/модернизм*, присутствующей в псевдониме, отразилась также оригинальная черта стиля Сологуба: в его творчестве эксперименты с формой обычно скрыты в художественной ткани произведений, и, на первый взгляд, сологубовская поэтика вполне традиционна и отличается пушкинской ясностью.³⁸ На «декадентское» содержание именования «Федор Соллогуб» указал Вяч. Иванов, который, отмечая внутреннюю противоречивость псевдонима и крестного имени, предложил свою дешифровку в стихотворении «Федору Соллогубу (в истолковании: Божидару, нарекшемуся Солнцегубителем)». В интерпретации Иванова псевдоним, связанный с сологубовской темой «солнцеборчества» (СОЛНЦЕГУБИТЕЛЬ), отрицает крестное имя Федор, что означает «Божий дар».³⁹ Однако и внутри автонима *Ф. К. Тетерников* содержался мифотворческий потенциал, создающий напряжение между профаническими и сакральными смыслами. Имя и отчество поэта

³³ Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания / Сост., подг. текста, вступ. статья, комм. И. Чистовой. Л., 1998. С. 553.

³⁴ Там же. С. 468.

³⁵ Там же. С. 479.

³⁶ Там же.

³⁷ Сологуб Ф. Демоны поэтов. С. 170–171.

³⁸ См.: Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993. С. 267.

³⁹ См.: Шишкин А. К философии литературного имени: Вячеслав, Вольфинг, Велимир и другие // Чужое имя. СПб., 2001. С. 27 (Альманах «Канун»; вып. 6). «Оксюморонность» псевдонима адекватна дуалистическому видению мира в модели раннего символизма, где личность предстает внутренне полярной. См.: Ханзен-Леве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999. С. 74–81.

было *Федор Кузьмич*, как и у странствующего по Сибири в 1830-х годах старца, которому узнавали добровольно ушедшего с престола Александра I. Следует отметить, что Сологуб проявлял особый интерес к жизни императора эпохи Золотого века русской культуры: в описании библиотеки поэта содержатся исторические труды Н. Шильдера «Император Александр I: Его жизнь и царствование: В 4 т.» (СПб., 1904–1905); Т. Шимана «История России: Александр I / Пер. с нем.» (М., 1910), а также исследование Г. Василича «Император Александр I и старец Федор Кузьмич» (М., 1910).⁴⁰ В книге Шильдера впервые в научной исторической работе было уделено внимание народным слухам о таинственном исчезновении Александра I в Таганроге и появлении свидетельств о загадочном старце, похожем внешностью и манерами на бывшего царя. Как и двусмысленные замечания автора, рассредоточенные по всей книге, финал IV тома может рассматриваться в качестве намека на правдивую основу народной легенды: «Если бы фантастические догадки и народные предания могли быть основаны на положительных данных и перенесены на реальную почву, то установленная этим путем действительность оставила бы за собою самые смелые поэтические вымыслы; во всяком случае, подобная жизнь могла бы послужить канвою для неподражаемой драмы, с потрясающим эпилогом, основным мотивом которой служило бы искупление».⁴¹

К истории о старце Федоре Кузьмиче обращаются на рубеже XIX–XX веков Л. Толстой («Посмертные записки старца Федора Кузьмича...», 1905), Д. Мережковский («Александр I», 1912). А. Добролюбов посвящает один из разделов книги «Natura Naturans. Natura Naturata» (1895) — «Федору Кузьмичу, великому служителю Бога». Как предполагает А. Эткинд, Добролюбов посвятил раздел и Сологубу, и старцу.⁴² А. Амфитеатров в своих воспоминаниях сравнивал замкнутый внутренний мир Сологуба с тайной известного старца.⁴³ И если современники допускали подобные «странные сближенья», то логично предположить, что и Сологуб не избежал соблазна вовлечь свое знаковое имя-отчество в пространство творимой им легенды.

Таким образом, в пушкинском мифе Сологуба в ряду великих Александров появилось еще одно имя, которое формировало в мироощущении и творчестве поэта важный семантический комплекс. Имя *Федор Кузьмич* обретало статус символа, воплощающего принцип «мировых соответствий», устанавливало смысловые связи и с монархом, и с Пушкиным, и со странником, порождая ряды мистических двойников в творчестве поэта-символиста.⁴⁴ Имя *Федор Кузьмич* моделировало в мифopoэтической системе имен отношения, которые вписывались в универсальные для Сологуба законы поэтического творчества. То есть не только объединяло разные грани личности, сплавляя их в противоречивое целое, по закону «вечной иронии», но и являло собой чистую «лирику» — отстраненность от социальных, «земных» отношений власть предержащих и подданных — отношений, которых не избежали оба Александра, поэт и царь. Не эта ли антитеза служила источником пафосных выпадов Федора Кузьмича (Сологуба) — против Александра Пушкина? Если допустить, что старец *Федор Кузьмич* — покинувший престол император

⁴⁰ См.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба: Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. С. 486, 508, 507.

⁴¹ Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. 2-е изд. СПб., 1905. Т. 4. С. 448.

⁴² См.: Эткинд А. Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998. С. 266.

⁴³ Амфитеатров А. В. Мои встречи с Сологубом и Чеботаревской // Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. М., 2004. Т. 2. С. 402–403.

⁴⁴ По словам А. Ф. Лосева: «Только в мифе я начинаю знать другое как себя, и тогда мое слово — магично. Я знаю другое как себя и могу им управлять и пользоваться» (Лосев А. Ф. Философия имени. С. 738).

Александр I, отказавшийся преследовать членов тайного общества, будущих декабристов, и чувствовавший вину за убийство отца, избравший путь покаяния и молитвы, то конфликт Пушкина и монарха обретает смысловую многомерность, как и пушкинское противопоставление непокорной главы своего «нерукотворного» памятника и alexandрийского столпа, на вершине которого — смиренно склоненный ангел с крестом.⁴⁵ Вопрос о нравственном превосходстве конфликтующих сторон становится спорным. Возможно, неожиданный поворот в своем противостоянии с императором тонко почувствовал Пушкин, создавший в 1833 году поэму «Анджело», которая содержит намеки на то, что поэту были известны петербургские слухи об Александре I, тайно покинувшем престол. Однако Пушкин не допускал подобного развития событий. В поэме «предобрый» Дук исчезает вследствие своего мягкосердечия, которое мешает ему сурово управлять страной. Власть берет в свои руки Анджело, который беспощадно карает за нарушения закона, но сам становится преступником из-за тайной любовной страсти. Впоследствии Дук, верный царскому долгу, снова становится главой государства и прощает Анджело. Таким образом, для Пушкина уход властителя предполагает его неизбежное возвращение для блага страны.⁴⁶ Сологубу, напротив, даже в ранний период творчества был интересен сюжет о бесповоротном уходе от спокойной и роскошной жизни ради скитальчества, духовного поиска и помощи страждущим. В 1891 году поэт завершил большое стихотворение «Странник», в котором главный образ полигенетичен и восходит как к житию преподобного Серапиона Синодонита (V век), так и к известной буддийской легенде о царском сыне.⁴⁷ Полагаем, внимание Сологуба к такого рода сюжетам было инициировано переживанием смыслов собственного имени-отчества.

Творческое и гражданское противостояние Пушкину имело ономастический аспект. Внутри оппозиции *Александр — Федор Кузьмич* поляризация акцентируется вследствие выявления этимологических значений имен. «Мирское», активное *Александр* (от греч. *alexō* — защищать и *aner* — мужчина) противостоит *Федору Кузьмичу* — имени с трансцендентной направленностью. *Федор* означает «Божий дар» (от греч. *theos* — Бог и *dōron* — дар), *Кузьма* происходит от греч. *kosmos* — мир, украшение.⁴⁸ Напротив, *Александра*, согласно трактовке Флоренского, отличает «ум крепкий и быстрый, но без духовного натиска», «отсутствие достаточно плотного соприкосновения с космосом»; хотя это имя, утверждает философ, имя великих людей и гениев, «не самое глубокое, но самое гармоничное».⁴⁹

Сближение Сологубом феноменов, наделенных одним и тем же именем, может быть объяснено через обращение к диалогу Платона «Кратил», в котором утверждается, что имя имеет «правильность от природы» (391b), а потому предметы, у которых одинаковое сущностное содержание, названы одним и тем же именем. Суть сологубовского понимания имениозвучна также идеям современника поэта, П. Флоренского, который писал: «В имени наиболее четко познается духовное строение личности, не затуманенное вторичными

⁴⁵ См.: Бежин Л. Усыпальница без праха: Записки сентиментального созерцателя // Новый мир. 1992. № 8. С. 101, 110.

⁴⁶ См.: Лотман Ю. М. Идейная структура поэмы Пушкина «Анджело» // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. С. 430–444.

⁴⁷ См.: Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2012. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1877–1892 / Изд. подг. М. М. Павлова. С. 1162–1164 (сер. «Литературные памятники»). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы.

⁴⁸ Этимологию имен см.: Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. 3-е изд. стереотипное / Специальный науч. ред. О. Д. Митрофанова. М., 1984. С. 44, 214–215, 137.

⁴⁹ Флоренский П. Имена. СПб., 2007. С. 235, 236, 238.

проявлениеми и свободное от шлаков биографий и пыли истории <...> Имя предопределяет личность и намечает идеальные границы ее жизни».⁵⁰

Общность «духовного строения» личности поэта с легендарным старцем могла проявиться в особенностях творческого мира Сологуба. Так, писатель демонстративно скрывал подробности своей биографии, заслужив славу самого «закрытого» автора.⁵¹ Имя *Федор Кузьмич*, в противовес фамилии *Тетерников*, становилось символом сологубовского приема умолчания, было знаком некоей переживаемой тайны своего существа.

Известно, что повторяющиеся художественные символы, формирующие постоянную мифологию каждого писателя, должны быть исследованы в связи с биографическими обстоятельствами.⁵² Но для Сологуба биографическая канва не имела существенного значения. В интервью критику А. А. Измайлову Сологуб отказался сообщать биографические данные о себе, поскольку был убежден в том, что сведений о разрозненном, внешнем ряде событий жизни писателя недостаточно для понимания его творчества. Необходимо провидеть «нечто целое, органически связанное», «где все едино», следует знать внутреннюю, психологическую мотивацию биографических фактов.⁵³ А в беседе с В. И. Анненским-Кривичем поэт утверждал, что показателем творческого состояния является «уход из времени», отождествление с другой личностью из социально и исторически чужой среды, и приводил пример, когда им «в течение 36-ти часов владел какой-то епископ».⁵⁴ Высказывания Сологуба позволяют предполагать, что в творческом сознании поэта существовала виртуальная — сакральная — версия его биографии, которая послужила почвой для появления сюжета о царской личности, находящейся в не соответствующих царскому сану обстоятельствах. В ряде стихотворений Сологуба лирический субъект сознательно отрекается от царской власти. Так, в раннем «Избородил я все окрестности...» (1888) ничего не боявшийся бродяга со страхом узнает о своем царском происхождении. В стихотворении «Мне говорит наставник мудрый, / Что я — царевич...» (1920) «отрок чернокудрый» пренебрегает «порфирий» и «золотой диадемой», выбирая простую жизнь и нелегкий сельский труд. Отголосок данного сюжета ощутим и в стихотворении «Настала светлая минута, — / Совсем не император я...» (1885). В этом тексте, как и в рассказах «Мечта на камнях», «В плену», царственный образ возникает в мире мечты, обретает сказочный колорит, противопоставляя романтически настроенного героя серой обыденности.

В поэзии Сологуба лирический субъект нередко предстает в образе странника. Исследователи отмечают, что в поэзии рубежа веков тема «жизнь — путь» имеет максимально большое число вариаций в сологубовской лирике.⁵⁵ Причем путь лирического «я», как правило, не достигает желаемой пространственной цели, но обретает экзистенциальный смысл⁵⁶ («Пилигрим», 1896; «Идти б дорогою свободной...», 1898 и др.).

В этом случае с лирическим «я» сопряжены мотивы, связанные с феноменом странничества в русской культуре: «Я бреду с клюкою, / Тяжек путь и долг» («Проселок», 1883, 1892; 1, 613); «И сзади в ру比ще смиренном тащусь я, бледный и босой» («Я рано вышел на дорогу...», 1889; 1, 399); «Скиталец вечный, ныне здесь, / А завтра там, опять бездомный, / Найду ли кров себе

⁵⁰ Там же. С. 212, 225.

⁵¹ См.: Измайлов А. А. У Ф. К. Сологуба (Интервью). С. 227–228.

⁵² Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 145–147.

⁵³ Измайлов А. А. У Ф. К. Сологуба (Интервью). С. 228.

⁵⁴ Анненский-Кривич В. И. Две записи // Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 2. С. 251.

⁵⁵ См.: Кожевникова Н. Н. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. С. 73–74.

⁵⁶ Ср.: Максимов Д. Е. Поэзия и проза Александра Блока. Л., 1981. С. 26–28.

и весь, / Где положу мой посох скромный?» («На Волге», 1915; 3, 65). Как социокультурное явление странничество амбивалентно: странник вызывает уважение как человек, взыскивающий религиозной святости, помочь ему считается богоугодным делом. Одновременно странник не соблюдает общественных законов, не вписывается в общество и отторгается им.⁵⁷ В облике лирического «я» Сологуб гипертрофирует и развивает мотивы чуждости странника окружающему большинству вследствие духовного превосходства, личной уникальности, причастности к трансцендентной инаковости: «По жестоким путям бытия / Я бреду, бесприютен и сир» («По жестоким путям бытия...», 1890; 1, 492); «Темный путь мой пребудет / Нелюдим и сокрыт» («Утешающий свет», 1897; 2-1, 492); «Я холодной тропой одиноко иду...» («Если трудно мне жить...», 1898; 2-1, 506); «Один в полях моих иду. / Земля и я, и нет иного...» («Один в полях моих иду...»; 2-2, 398).

В стихотворениях «Преодолев тяжелое косненье...» (1901), «В последнем свете злого дня...» (1903) образ странника сопряжен, как и в русском странничестве, с вечным поиском Бога на дорогах мира, хотя сологубовское представление об Абсолюте отличается от ортодоксального. В стихотворении «Надо мною жестокая твердь...» (1896) обозначен ряд ролевых образов, благодаря которым в пространстве поэтической игры становится возможным избавление от предопределенности земного существования и преодоление смерти:

Я — царевич с игрушкой в руках,
Я — король зачарованных стран.
Я — невеста с тревогой в глазах,
Богомолкой бреду я в туман.

(2-1, 376)

Данная парадигма подтверждает значимость соприсутствия в творческом сознании поэта образов странника и венценосной особы — в прямом или переносном смысле.

Лирическое «я» Сологуба имеет облик, близкий историческому или мифическому оппоненту Пушкина — странствующему старцу Федору Кузьмичу, ушедшему с престола Александру I, для которого странничество и сопровождающие его невзгоды стали самоцелью, духовным очищением. Различие в том, что в сологубовской поэзии странничество становится символической моделью творческих исканий («Путь мой трудный...», 1896; «Беспредельно утомленье...», 1910; «Какая радость — по дорогам...», 1913).

Возможно, легендарный тезка поэта, бывший царь, и стал прообразом лирического субъекта-странника. Помня о своем происхождении, поэт осознавал, какой большой путь он прошел благодаря творчеству — в обществе и литературе. Образ старца Федора Кузьмича из пушкинской эпохи также мог стать для Сологуба своеобразным архетипом сопряжения крайних точек человеческого бытия.

Ощущение общности имени могло вызывать эмоции, которые подпитывали интенции Сологуба и стали катализатором критической направленности позиции Сологуба по отношению к Пушкину. В сологубовском сюжете о царе, не знающем о своем происхождении, просматривается полемическое противостояние образам пушкинских «самозванцев», о которых Сологуб писал в эссе «Демоны поэтов». Однако Сологуб не только спорил с Пушкиным, и доказательством этого является особая модификация пушкинского мифа в трилогии «Творимая легенда» (1907–1914).

⁵⁷ См.: Дорофеев Д. Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Вестник культурологии. 2010. № 1 (52). С. 63–87.

В юбилейных статьях Д. Мережковского («Пушкин», 1896) и Вл. Соловьева («Значение поэзии в стихотворениях Пушкина», 1899) были выделены основные вариации образа поэта в пушкинском творчестве — «пророк» и «царь».⁵⁸ Между тем существование данной парадигмы — следствие особенностей эволюции пушкинского стиля. Как показал Б. Гаспаров, поэтический язык Пушкина характеризуется устойчивостью возникших в ранней поэзии элементов, несмотря на их последующую реализацию в контрастных контекстах и, соответственно, трансформацию. Так, поэтическая риторика 1810-х годов, в которой отразился национальный культурный миф, стала в пушкинском творчестве не только данью героическому периоду русской истории, но и органически развивающимся смысловым блоком. Мессианистический ореол образа Александра I в пушкинской поэзии периода Отечественной войны 1812 года, оставив «след» в арзамасском «травестийном мессианизме», спроецировался на образ поэта-пророка, поэта-мессии.⁵⁹ А образ царя нашел воплощение в позднем стихотворении «Поэту» (1830). В трилогии «Творимая легенда» на основе пушкинской парадигмы *поэт/пророк/царь* Сологуб выражает свое поэтическое кредо. Следовательно, в диахронической проекции одним из источников сологубовского мифотворчества становится мессианистическая риторика, появление которой в пушкинском творчестве связано с образом Александра I. Показательно, что Сологуб отдает предпочтение образу поэта-царя в поэзии Пушкина. Пушкинский поэт-пророк, которого Вл. Соловьев охарактеризовал как «идеальный образ истинного поэта в его сущности и высшем призвании»,⁶⁰ напротив, подвергается максимальной трансформации в «Творимой легенде».

Есть основание интерпретировать индивидуальность Григория Триродова, главного героя «Творимой легенды» и *alter ego* автора, как экспликацию пушкинского образа поэта-царя:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд...⁶¹

«Царственность» Триродова определяется не происхождением, но особыми качествами, среди которых центральное место отводится поэтическому дару. В трилогии Сологуба, как и в поэтическом языке Пушкина, реализуется полисемия слова царь («Общее наименование государя какой-нибудь страны, монарха»; «О том, кто духовно свободен, независим»⁶²). Но отличие сологубовского словоупотребления в том, что многозначность слова в рамках одного художественного текста создает смысловое напряжение, порождающее символ.

Триродов — самодостаточная личность, посвятившая себя поэтическому и научному творчеству. Он тяготится общением с людьми и предпочитает «сладкое одиночество». Триродов не озабочен мнением толпы, поэтому неч-

⁵⁸ См.: Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX века / Сост., вступ. статья, библиографические справки Р. А. Гальцевой. М., 1990. С. 66–87, 130–131.

⁵⁹ См.: Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. С. 99–255.

⁶⁰ Соловьев Вл. Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX века. С. 64.

⁶¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1. С. 223.

⁶² Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1961. Т. 4. С. 857–858.

сто публикуют его произведения, которые носят «печать чего-то изысканного и странного».⁶³ Ему не нужна слава, он довольствуется тем, что во время творчества «знал он самозабвение, — удивительное состояние, когда дивное вдохновение награждает избранника светлым восторгом за все тяготы, за всю смуту жизни».⁶⁴ Но поэт-царь в сологубовской трилогии не только метафора.

Триродов уверен в целесообразности совмещения лаврового венца поэта с королевской короной. Он выдвигает свою кандидатуру на престол королевства Соединенных Островов, изображение которого, по сравнению с Россией, отличается большей степенью геополитической условности: «...там полезнее будут люди, как я, наклонные к мечтам и утопиям, страстно пожелавшие мечту превратить в действительность».⁶⁵ Но и социальный эксперимент для Триродова — это лишь этап в процессе личного совершенствования; в случае неудачи он готов довериться другой утопии.

Пушкинская соотнесенность поэта и царя подтверждается «рифмовкой» образов Триродова и королевы Ортруды, даже имена героев анаграмматически связаны. Мировосприятие и жизненная позиция обоих героев характеризуется стремлением преобразить реальность мечтой. Оба наделены творческим даром: Триродов — поэт, Ортруда занимается живописью. Детская колония Триродова и Лакониум Ортруды имеют схожее устройство, подчинены идеи воспитания «естественного» гармоничного человека. Однако поэт в трилогии превосходит венценосную особу по своим возможностям творить «сладостную легенду» из несовершенной действительности, и это не результат противостояния монарха и поэта, которое имеет место в творчестве Пушкина, но закономерность. В отличие от пушкинской концепции, поэт Триродов даже не пророк, но соперник Создателю. Показателен эпизод, в котором Триродов воскрешает Гришу, «посвящает» его в мир «тихих детей». В монологе Триродова, восходящем к «Пророку» Пушкина, наблюдается «перераспределение» ролей: поэт выполняет функции божественных сил, а быть «всевидящим и всезнающим» предназначено «тихому» мальчику, образ которого является эманацией самого Триродова: «Я открою твои глаза, — и увидишь, чего не видел доныне. Я открою твой слух, — и услышишь, чего не слышал доныне <...> Ты от меня, ты мой, ты — я, приди ко мне. Проснись!»⁶⁶

Соглашаясь с утверждением Х. Барана о том, что тихие дети занимают ту же онтологическую нишу, что и произведения искусства (ни живы ни мертвы),⁶⁷ можно предположить, что обряд воскрешения Гриши выражает представления автора о безграничной власти поэта над его созданиями, художественными образами. Лирический герой Пушкина воспринимает поэзию как божественный дар и долг перед Всевышним: «Веленью божию, о муз, будь послушна...» («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836⁶⁸). Триродов отстает от своего права «подкорректировать» новозаветные законы бытия в беседе с князем Эммануилом Давидовым, в котором угадывается намек на одну из ипостасей христианского Бога. Но при этом Сологуб со своейственной ему мистической иронией не исключает возможность «чудес» Триродова лишь в пространстве творческой личности. В «Творимой легенде» есть эпизод, в котором Триродов осознает себя действующим лицом литературного произведения, автор которого не заботится о правдоподобии.⁶⁹ На вопрос

⁶³ Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 1. С. 73.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. Кн. 2. С. 8.

⁶⁶ Там же. Кн. 1. С. 156.

⁶⁷ См.: Баран Х. Пoэтика русской литературы начала XX века. М., 1993. С. 221.

⁶⁸ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 424.

⁶⁹ Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 1. С. 114.

Петра Матова, откуда появились «тихие дети», Триродов отвечает: «Я слишком часто принимаю за действительность то, что живет только в моем воображении. Может быть, всегда».⁷⁰

Мысль автора трилогии «Творимая легенда» о том, что поэт может реализовать свой дар только в замкнутом пространстве личного творческого мира, подтверждает стихотворение «Ты — царь...», начинающееся с цитаты из пушкинского поэтического завещания «Поэту». Стихотворение было написано в 1908 году, когда шла работа над «Творимой легендой», и первая часть романа уже была опубликована в альманахе издательства «Шиповник» (СПб., 1907, кн. III). Общность времени создания обусловила концептуальные переклички данных произведений. Лирический субъект стихотворения, как и Триродов, живет в изолированном мире — в саду за золотой решеткой, где он взрастил «благородные мечты». Сологубовское стихотворение полемизирует с источником, что нашло выражение прежде всего в трансформации художественного пространства пушкинского текста, суть которой станет понятнее, если учесть, что Пушкин и Сологуб относятся к разным психологическим типам в соответствии с классификацией К. Г. Юнга. Пушкин — экстраверт, и пушкинское экстравертное творчество, преимущественно нацеленное на изображение внешнего мира, открыто для художественного воспроизведения жизненного многообразия. В интровертной поэзии Сологуба доминируют самоуглубленность, эстетизация личных переживаний поэта, его раздумий и интуиций.⁷¹ Вероятно, поэт-символист находил противоречие в пушкинском призывае к поэту-царю: «Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум...» — и одновременном требовании: «Живи один...». В стихотворении «Поэту», которое посвящено вопросу достойного отношения автора к читающей толпе, локусы дороги и царственного одиночества поэта взаимно дополняют друг друга, поскольку осознание своей исключительности, творческой самодостаточности, эстетического превосходства вместе с интонациями обиды⁷² не отменяют интереса поэта-экстраверта к внешней динамической реальности.

В стихотворении «Ты — царь...» Сологуб как поэт-интроверт отдает предпочтение замкнутому пространству поэтического мира «царствующего» поэта, и локусы, восходящие к пушкинскому «Поэту» (сад с золотой решеткой и простор), образуют антитезу. Поэтому завершается сологубовское стихотворение полемическими по отношению к пушкинскому тексту строками:

Презрел широкие раздолья,
Вдыхаешь алый аромат.
Тебя широкие раздолья
Тоской по воле не томят.

(2-2, 336)

Однако парадоксальность позиции Сологуба заключается в том, что в целом сологубовское творчество формально усваивает общие контуры пространственной организации стихотворения Пушкина «Поэту», но привносит в нее новое содержание. В изображении Сологуба и пространство дороги в лирике, и замкнутый мир поэта характеризуются антикоммуникативностью: лирического субъекта-странника и Триродова из «Творимой легенды» объединяет одиночество, что соответствует интровертному типу творчества. Аналогичная

⁷⁰ Там же. С. 110.

⁷¹ См.: Мескин В. А. А. Пушкин в зеркале философской критики Ф. Сологуба. С. 58–66.

⁷² См.: Соловьев В.Л. Судьба Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX века. С. 28.

пространственная семантика компактно выражена в стихотворении «По тем дорогам, где ходят люди...» (1902):

Оставь селенья, иди далеко,
Или создай пустынный край
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

(2-2, 112)

В противовес синтагматическим отношениям между рассматриваемыми локусами в пушкинском стихотворении «Поэту» в сологубовском творчестве появляется парадигма. Сологуб чаще всего дистанцирует эти пространства, подобно тому как разведены в разных «хронотопах» одиночества две ипостаси легендарной личности, известной в качестве императора Александра I и старца Федора Кузьмича.

Флоренский писал, что «духовная сущность» литературного произведения сконцентрирована в именах собственных его героев, которые символизируют полноту «формообразующей интуиции» писателя, ибо посредством имен, как и человеческого тела, порождается художественное пространство.⁷³ Полагаем, что в нашем случае идеи философа могут быть распространены и на один из прообразов сологубовской манифестации пушкинского мифа. Имя старца Федора Кузьмича, соединившее Золотой и Серебряный век русской культуры, послужило импульсом для формирования пространственных уровней в творчестве Сологуба, в которых просматривается неметафорическая основа, укрепляющая личные коннотации поэта с легендарным и — опосредованно — с историческим персонажем эпохи Золотого века русской культуры.

Действительно, хотя царствующий владыка постоянно взаимодействует со своими подданными, на экзистенциальное одиночество обречен каждый монарх в силу исключительности своего положения («помазанник Божий»). В этом смысле Александр I не мог не разделить судьбу венценосных собратьев, но внутреннее одиночество императора усугублялось вследствие мучительного осознания своего преступного попустительства заговорщикам, благодаря которым он взошел на престол. Характерно, что личные несчастья, исторические и природные катаклизмы (наполеоновское нашествие 1812 года, петербургское наводнение 1824 года) Александр I воспринимал как расплату за свои грехи. Возможно, его влечение к сектантству и мистицизму является показателем душевного беспокойства и духовного поиска, который не мог удовлетвориться традиционными для России религиозными формами. В последние годы царствования одиночество Александра I выразилось в отдалении от государственных дел, в стремлении к уединению и потребности углубиться в свой внутренний мир. Легендарный старец Федор Кузьмич добровольно избрал одиночество как аскетический подвиг: скитаясь по России, он хранил тайну своего происхождения до самой смерти.

Об этих фактах Сологуб мог узнать из упоминавшейся выше книги Шильдера, которая на рубеже XIX–XX веков была издана дважды (1897–1898; 1904–1905).⁷⁴ Позволительно предположить, что исторический образ русского царя, запечатленный на страницах названного труда, мог стать источником эстетической концепции Сологуба, которая была изложена в статье «Демоны поэтов», написанной и опубликованной в период работы писателя над трилогией «Творимая легенда».

⁷³ См.: Флоренский П. Имена. С. 40–43.

⁷⁴ См.: Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 2. С. 7, 321–328, 339–340; Т. 4. С. 4–6, 110–115, 131–141, 232–236, 324, 445–448.

С одной стороны, в описании Шильдера цесаревич Александр предстает романтически настроенным юношем, восторгающимся природой, идиллической жизнью. Он не разделял политику и нравы царского двора, порицал злоупотребления, ненавидел деспотизм, тайно приветствовал польское освободительное движение. Историк показывает, что цесаревич строил невероятные планы о будущем России, но не заботился о средствах их осуществления и не осознавал исторических ограничений.⁷⁵ Александр I тяготился своим предназначением, и в разные периоды своей жизни он сообщал доверенным лицам (своему наставнику Ф. Лагарпу, дипломату графу В. Кочубею, польскому князю А. Чарторижскому, принцу Оранскому, князю П. Волконскому, сопровождавшему императорскую чету в поездке в Таганрог) о желании отречься от царского сана и жить в качестве частного лица в Европе, Америке или в Крыму.⁷⁶ В начале своего царствования император был уверен, что сможет осуществить радикальные либеральные реформы в России, но не был поддержан дворянским обществом; создавая европейский Священный союз после крушения наполеоновской Франции, он надеялся, что политическая организация будет существовать на основе христианских принципов.⁷⁷ Вероятно, неосуществимые намерения русского императора могли стать для Сологуба примером «лирического отношения к миру», т. е. поэтического отвержения неидеальной земной действительности, когда творческая мечта созидает «дивные чертоги несбыточного».⁷⁸

С другой стороны, утопическим устремлениям Александра I всегда противостояла политическая и придворная реальность, способная разрушить доброе начало в человеке. Императрица Екатерина II писала, что ее внук «состоиняет в себе множество противоположностей». Как отмечает Шильдер, психологические задатки были развиты воспитанием цесаревича враждующими дворцовыми группировками.⁷⁹ И хотя данное качество впоследствии претерпело негативные изменения, переродившись в двуличие и недоверие к людям, Сологубу, полагаем, была лично понятна отмеченная историком «неизбежная двойственность в делах и мыслях» Александра I, порожденная обстоятельствами детства и юности будущего царя. Возможность проведения параллелей между ментальными характеристиками императора Золотого века и символистским мироощущением могла послужить новой мотивацией для своеобразных суждений поэта о Пушкине.

Есть основание допустить, что акцентированные Шильдером внутренняя эволюция Александра I, а также характерное для политики императора сочетание прогрессивных начинаний с последующим от них отказом, гонениями и охранительными установлениями были соотносимы Сологубом с описываемой в статье «Демоны поэтов» «роковой» закономерностью, которой подчиняется каждый поэт, сказавший жизни «да» и принявший земное несовершенство: истинная «лирическая» поэзия становится «иронией».⁸⁰ Наше предположение подтверждает цитирование в статье пушкинского стихотворения «К бюсту завоевателя» (1929): «Недаром лик сей двуязычен».⁸¹ Созданное в жанре надписи к портрету, стихотворение начинается с эпифразиса, характеризующего детали мраморного бюста Александра I — изваяния работы

⁷⁵ Там же. Т. 1. С. 111–132.

⁷⁶ Там же. Т. 1. С. 112, 114, 119, 132; Т. 4. С. 350, 370.

⁷⁷ См.: Там же. Т. 2. С. 45–54, 76–79, 162–164, 215, 249–258; Т. 3. С. 1–12, 31–52; Т. 4. С. 111–112 и др.

⁷⁸ Сологуб Ф. Демоны поэтов. С. 162–163.

⁷⁹ Шильдер Н. К. Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 92.

⁸⁰ Сологуб Ф. Демоны поэтов. С. 164.

⁸¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 206.

Б. Торвальдсена.⁸² Торжественно-возвышенная реплика о скульптурном портрете русского императора сменяется в finale неприязненной интонацией и саркастической оценкой, снижающей образ завоевателя: «Таков и был сей властелин: / К противочувствиям привычен, / В лице и в жизни арлекин». В контрастном изображении знаменитого датского скульптора (одновременно улыбка уст и гнев чела) Пушкин видит не творческую ошибку, но соответствие внешнего облика внутренним качествам Александра I, которые поэт подвергает уничтожающему осмеянию.

Взаимоисключающие характеристики скульптурного портрета, ставшие основой для пушкинской политической сатиры, Сологуб истолковал как неизбежный процесс метаморфоз поэта-мечтателя, когда на смену «лирическому» мириощущению приходит «незваная, нечаянная ирония», раскрывающая «вечно двойственный, вечно противоречивый, всегда и навеки искаженный лик» посюстороннего мира.⁸³ Следует подчеркнуть, что мистическая ирония Сологуба предполагает особое единство смехового и серьезного начал вследствие символистского признания мирового «многоголосия» — противоречащих точек зрения на преходящую действительность. В метаисторической перспективе, по отношению к области «бесконечного» смысловые антитезы обнаруживают свою относительность и ограниченность, претендуют на новую целостность, репрезентирующую сферу непостижимого — реальность тождественных противоположностей.⁸⁴ В контексте символистских теоретических построений аллюзии к книге Шильдера имплицитно проясняют суть содержания сологубовской полемики с Пушкиным не только по поводу скульптуры, но и самого императора. Сатирический образ замещается интерпретацией в русле идей символизма, что свидетельствует о тенденции реабилитировать личные качества Александра I, которые Пушкин язвительно критиковал в своих эпиграммах и романе «Евгений Онегин».

В мечтательности Александра I, созвучной легенде о его отречении от престола, и в необходимости для монарха сочетать противоположные свойства характера, способствовать сосуществованию и примирению противоборствующих политических сил Сологуб обнаружил не только нечто близкое своей личной истории, но и универсальные векторы человеческого мировосприятия (отрицание/принятие несовершенной реальности), отразившиеся в его теории «лирической» и «ионической» поэзии.

Возможно, ощущимый в книге Шильдера контраст между цесаревичем-мечтателем с поэтическим воображением и императором Александром I, вынужденным действовать в соответствии со своим положением и обстоятельствами, послужил источником для создания системы образов и параллельных сюжетных линий в трилогии «Творимая легенда». Так, королева Ортруда, которая разочаровалась в семейном счастье и осознала бремя монаршой власти, мечтает о свободе своего мистического двойника из России — возлюбленной Триродова, Елизаветы Рамеевой. Королеве грезится «счастливая, смелая девушка в далекой стороне, которая идет, куда хочет, и делает, что вздумает, и любит пламенно и счастливо».⁸⁵ С большой долей уверенности можно сказать, что приводимая на страницах исторического труда мысль цесаревича

⁸² См.: Кока Г. М. Стихотворение «К бюсту завоевателя»// Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2. С. 324–333. Ср.: Аксаментова Е. А. Скульптурная презентация Александра I и стихотворение А. С. Пушкина «К бюсту завоевателя»// Русская литература. 2022. № 2. С. 124–135.

⁸³ Сологуб Ф. Демоны поэтов. С. 164, 169.

⁸⁴ См.: Брайтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008. С. 218–221.

⁸⁵ Сологуб Ф. Творимая легенда. Кн. 1. С. 310.

о том, что престолонаследие — несправедливое установление и царем должен быть избран способнейший к управлению государством,⁸⁶ была перефразирована Сологубом и вложена в уста его *alter ego* Триродова.

Таким образом, изначальная авторская интенция в изображении поэта-царя в трилогии «Творимая легенда» идет из глубины существа самого автора, определяется всей иерархией значений имени Федор Кузьмич. Существование прямого и метафорического значения слова «царь» в описании Триродова восходит не только к пушкинскому первоисточнику, но также к историческому и одновременно мифическому прообразу из Пушкинской эпохи, создает дополнительный подтекст, который был полемически направлен против пушкинской эстетики. Сологуб не воспевал царя, но мог найти в нем нечто общее со своей жизнью, оценить преимущества поэта перед царем и даже исполнял его мечты на страницах своей трилогии.

В конце жизненного и творческого пути Сологуба, когда характерный для русской культуры конфликт Поэта и Власти обрел иной масштаб и стал чреват фатальными последствиями, выбранный поэтом-символистом аспект полемики с Пушкиным исчерпал свою актуальность. Мифотворческое единство *странник/царь*, представленное дополнительной вариацией, теперь характеризует для Сологуба лучших писателей, в том числе его былого оппонента. Согласно воспоминаниям Э. Голлербаха, в 1925 году Сологуб во время беседы в ночном поезде отметил: «Мне представляется треугольник: Пушкин — Мопассан — Блок <...> Их сближает то, что все трое были *настоящие* люди, равные и царю и нищему. У них было все, что ценно, что *вечно* в человеке».⁸⁷ Круг замкнулся. Идеал Пушкина остался незыблемым, несмотря на прежние разногласия.

⁸⁶ Шильдер Н. К. Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. Т. 1. С. 119.

⁸⁷ Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб., 1998. С. 152.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-64-72

© Т. В. МИСНИКЕВИЧ

«ИЗБРАННЫЕ» И «ВЫБРАННЫЕ» СТИХИ: К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИОННЫХ ПРИНЦИПАХ И СОСТАВЕ КНИГ ПЕРЕВОДОВ Ф. К. СОЛОГУБА ИЗ ПОЛЯ ВЕРЛЕНА

К настоящему времени накоплен достаточно богатый опыт изучения переводов Федора Сологуба из Поля Верлена в самых различных аспектах. Одним из этих аспектов являются принципы отбора текстов и порядка их расположения в авторских изданиях переводов из Верлена.¹ Однако материалы архива поэта дают возможность дополнять и развивать существующие исследовательские построения.²

¹ См.: Верлен П. 1) Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. СПб.: Факелы, 1908 (далее — *Верлен-1908*); 2) Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. 2-е изд., исправленное и дополненное. Пг., М.: Книгоиздательство «Петроград», 1923 (далее — *Верлен-1923*).

² См.: Стрельникова А. Б. Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010; Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов // Багно В. Е. «Дар особенный»:

Сам Сологуб в «Предисловии» к первому изданию переводов, обозначен-ному им как седьмая книга стихов, представил концепцию ее состава сле-дующим образом: «Выбор стихотворений, сделанный по моему личному вку-су, может показаться довольно случайным. Как и все в жизни, подчиненной капризам своенравной Айсы. Но есть, я думаю, в этом выборе и влияние ее суровой сестры, которая под пестротою случайностей вечную устанавливает свободу в ее земном обличии неизбежной необходимости» — и сделал поясни-тельное примечание после содержания: «Цифрами I, II и III означенены пере-воды одного стихотворения. 16 переводов, отмеченных знаком *, печатаются впервые. Остальные были напечатаны в „Северном вестнике“ 1893 и 1894 г., „Петербургской жизни“ 1896–1898 гг., „Новом журнале иностранной лите-ратуры“ 1904 и 1905 г. и „Образовании“ 1907 г. Последнее в книге стихотво-рение напечатано также в первой книге стихов Федора Сологуба».³ В заметке «От переводчика» ко второму изданию Сологуб более конкретно прокоммен-тировал принцип отбора текстов: «Из первого издания здесь перепечатыва-ются без изменения 12 стихотворений <...>, 10 стих <отворений> печатаются в исправленном виде <...>; для 15 стих <отворений> даны новые переводы <...>. Вновь переведено 16 стих <отворений> <...> Итак, из 53 стихотворений этой книги 31 печатаются первый раз. Далее приведены из первого издания те стихотворения, которые не вошли в основной текст».⁴

Перевод стихотворения «Il pleure dans mon cœur...» дает широкую воз-можность рассмотреть вопрос о том, что могло определять авторскую волю Сологуба в выборе и оценке (первый — второй — третий перевод/основной текст — вариант/«исправлённый» перевод — новый перевод) той или иной вер-сии текста в изданиях его переводов: своенравная Айса или строгая Ананке. Он является в данном смысле особо показательным, поскольку, по сравнению с другими переводами, представлен наибольшим числом завершенных редак-ций, в свою очередь имеющих большее или меньшее число вариантов; при этом одна из редакций так и не была доведена автором до печати.

Напомним, что само стихотворение «Il pleure dans mon cœur...» является третьим стихотворением цикла «Ariettes oubliées» сборника «Romances sans paroles» («Романсы без слов», 1874).⁵ Уже в первой подробной публикации Зи-наиды Венгеровой о творчестве Верлена в русской печати оно расценивалось как одно из самых выразительных и четко передающих «особое душевное на-строение неопределенных страданий, тревоги и смутных ожиданий», прису-щее сборнику «Romances sans paroles»: «Из стихотворений этого сборника наи-более известна ariette, начинающаяся словами: „Il pleure dans mon cœur comme il pleut sur la ville“; она в самом деле очень музикальна, нежна — и понятна».⁶ Брюсов в неопубликованной статье «Поль Верлен и его поэзия» (1893–1894), отметив, что из стихотворений «Романсов без слов» особой славой пользует-ся раздел «Забытые ариетты», выделил именно третий текст: «Здесь помеще-но и то стихотворение, которое так же связано с именем Верлена, как, напри-мер — „Шепот, робкое дыханье“ с именем Фета».⁷ Зинаида Венгерова, вновь

Художественный перевод в истории русской культуры. М., 2016. С. 207–267; Мисникевич Т. В. Основной текст и вариант: стихотворение Поля Верлена «L'ombre des arbres dans la rivière em-brumée...» в переводческой практике Федора Сологуба // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст: коллективная монография. СПб., 2022. С. 256–276.

³ Верлен-1908. С. 7.

⁴ Верлен-1923. С. 6.

⁵ Экземпляр издания из личной библиотеки Сологуба (*Verlaine P. Romances sans paroles. Paris, 1891*) хранится в фондах библиотеки ИРЛИ (см.: Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба: Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 454).

⁶ Венгерова З. Поэты-символисты во Франции // Вестник Европы. 1892. № 9. С. 124.

⁷ Гиндин С. И. Из ранней верленианы Валерия Брюсова // De visu. 1993. № 8. С. 39.

обратившись к творчеству Верлена в некрологической статье о нем, писала о важной роли сборника в становлении символизма как литературного направления: «Этот небольшой сборник, в особенности в первом его отделе „Ariettes oubliées“, состоит из серии маленьких стихотворений, символических по замыслу и исполнению. Они рисуют настроения вне всяких чувств, вызвавших их, и отражают жизнь души самой в себе и в отношении лишь к тайным источникам всех человеческих порывов. Тихая поэзия интимных настроений выражена в своеобразных образах, и отсутствие всего частного, определенного создает примирительные аккорды в этих „песнях души“. Верлэн отразил в них близость человеческой души к тихим голосам природы, к бессознательной жизни трав и вод в импрессионистических картинках, в описаниях города под дождем или закрытой снегом равнины <...> От бессознательности жизни внешней природы Верлэн переходит к бессознательным процессам человеческой души и рисует стихийные настроения, без причины, без связи с жизнью и потому более глубокие и вечные. Стихотворение „Il pleure dans mon cœur comme il pleut sur la ville“ сделалось уже почти классическим в французской поэзии, и в нем ясно видно, насколько Верлэн далек от прежнего понимания скорби и страданий. В то время как романтики противополагали человека природе и для поэтических целей наделяли природу человеческими свойствами, Верлэн, напротив, сливает человека с общей мировой жизнью и черпает в этом свое спокойное отношение к жизни и наслаждение ею более в прошлом, чем в настоящем».⁸

Соответственно, вполне закономерно, что Сологуб, ищущий «новые пути» в литературе, включил это стихотворение в сферу своего переводческого интереса. Стремление передать все творческие находки Верлена, воплощенные в этом шедевре его лирики, побудило Сологуба к чрезвычайно тщательной работе над своим переводом; он имеет четыре ранние редакции и одну позднюю.

Автографы всех редакций расположены в рабочей тетради 1892–1893 годов,⁹ в едином хронологическом ряду с оригинальными стихотворениями.¹⁰ Автограф первой редакции — беловой, без заглавия, с единственной правкой в стихе 13. Его текст записан на втором листе вырванного из блокнота сдвоенного листа; на его обороте находится автограф четвертой редакции, а на первом листе — автограф второй редакции. Верхний слой соответствует тексту публикаций в *Верлен-1908* и *Верлен-1923*. Автограф датирован 16 января 1893 года; с этой же датой перевод зафиксирован в авторской хронологической картотеке (в ней также есть перечеркнутая помета «Не позже 26 ф<евраля> [19]07»)¹¹ и картотеке переводов, с указанием первой строки и перечнем публикаций: «Верлен. На сердце слезы упали. Образование. 26 ф<евраля> [19]07 возвр<а-щено>. Стихи 7. Эпоха 27 м<a>r<ta> [19]22. Верл<ен>. Изд<ание> 2».¹²

Автограф второй редакции, беловой, с правкой, также не имеет заглавия,¹³ верхний слой соответствует тексту публикаций в *Верлен-1908* и *Верлен-1923*. Он датирован 31 января 1893 года и с этой же датой зафиксирован в авторской

⁸ Венгерова З. Поль Верлэн // Северный вестник. 1896. № 2. С. 282–283.

⁹ Рабочая тетрадь стихотворений и переводов 1892–1893 годов вошла в состав единицы хранения «Стихотворения. Переводы из Поля Верлена. Отдельные листы рукописей, машинописей, печатные, объединенные Сологубом в три обложки» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38), в ней сосредоточено большинство материалов к переводам из Верлена — автографы, авторизованные машинописи и печатные тексты; подробнее об особенностях этой рабочей тетради см.: Мисникевич Т. В. Лирика Федора Сологуба 1890-х годов: источники текста // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2: В 2 кн. / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. Кн. 1. Стихотворения и поэмы 1893–1899. С. 701–703.

¹⁰ См.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 337.

¹¹ См.: Там же. Ед. хр. 543.

¹² См.: Там же. Ед. хр. 545.

¹³ См.: Там же. Ед. хр. 38. Л. 336.

карточке неопубликованных текстов, с поясняющей пометой: «Верлен. Romances sans paroles. „Il pleure dans mon cœur“. Мне в сердце слезы пали».¹⁴

Автограф третьей редакции расположен в рабочей тетради в ряду оригинальных текстов и переводов в соответствии с датой оформления его текста — 7 августа 1893 года. Он имеет многослойную правку чернилами и карандашом. Промежуточный слой соответствует тексту публикаций в *Верлен-1908* и *Верлен-1923*, за исключением стиха 3, фиксирующего вариант первой журнальной публикации.¹⁵ Верхний слой — тексту пятой редакции, опубликованной в основном корпусе *Верлен-1923*; дата поздней редакции не зафиксирована. В качестве заглавия использовано указание на источник перевода: «Paul Verlaine. Romances sans paroles, p. 6». В хронологической картотеке третья редакция зафиксирована с датой 7 августа 1893 года, с пометой «Верлен. Romances sans paroles, p. 6. В слезах моя душа», в картотеке переводов — с той же датой и с перечнем публикаций «Верлен. В слезах моя душа. Нов^{ый} журналь^{ный} ин^{остранн}ой лит^{ературы}. 21 августа 1904. — [19]04. [№] 11. Стихи 7. Эпоха 27 м^{есяц} [19]22. Верл^{ен}. Изд^{ание} 2»; указание на публикацию в *Верлен-1923* зачеркнуто. Пятая редакция зафиксирована в хронологической картотеке с пометой «Верлен. Р^{омансы} б^{ес}с^{лов}. В слезах моя душа / дождем заплакан город» и датой 17 марта 1922 года, в картотеке переводов — «Верлен. R^{omances} s^{ans} p^{aroles}. В слезах моя душа / дождем заплакан город. В^{ерлен}. Изд^{ание} 2» и с той же датой.

Машинописные копии всех пяти редакций представлены среди материалов, отобранных Сологубом при подготовке *Верлен-1923*: оттисков предисловия и содержания *Верлен-1908* с авторскими пометами и авторизованных машинописей ранних и поздних редакций переводов.¹⁶

Приведем текст оригинала (с подстрочником) и тексты редакций перевода:¹⁷

Оригинал	Подстрочник
Il pleure dans mon cœur Comme il pleut sur la ville. Quelle est cette langueur Qui pénètre mon cœur?	Плачется в моем сердце, Словно дождь идет над городом. Что это за слабость / вялость / апатия / томление / нега, Которая(—ое) проникает в / наполняет / захватывает мое сердце?
O bruit doux de la pluie Par terre et sur les toits! Pour un cœur qui s'ennuie, O le chant de la pluie!	О сладкий / нежный / мягкий / слабый шум / гул / звук дождя По земле и по крышам / кровлям! Для сердца, которое скучает / тоскует. О пение / песнь дождя!
Il pleure sans raison Dans ce cœur qui s'écoire. Quoi! nulle trahison? Ce deuil est sans raison.	Плачется без причины В этом сердце, которое противно самому себе / вызывает уныние. Как! никакого предательства / измены? Этот траур / скорбь без причины.
C'est bien la pire peine De ne savoir pourquoi, Sans amour et sans haine Mon cœur a tant de peine! ¹⁸	Это худшее наказание / горе / страдание / боль От незнания, почему Без любви и без ненависти Мое сердце полно боли / горя / страдания!

¹⁴ См.: Там же. Ед. хр. 544.

¹⁵ См.: Там же. Ед. хр. 38. Л. 213.

¹⁶ См.: Там же. Л. 409 («В слезах моя душа / Дождем заплакан город...», без даты; от руки вписан эпиграф: «Il pleut doucement sur la ville (Arthur Rimbaud)»); 410–411 («В слезах моя душа...», 7 августа 1893); 445–446 («Мне в сердце слезы пали...», без даты); 458–459 («На сердце слезы упали...», без даты), 509–510 («Слезы в сердце моем...», без даты).

¹⁷ Опубликованные редакции приводятся по тексту *Верлен-1908* и *Верлен-1923*, неопубликованные — по верхнему слою автографа, в подстрочных примечаниях отмечены варианты, зафиксированные в автографах.

¹⁸ Verlaine P. Romances sans paroles. Paris, 1891. P. 6.

Первая редакция

На сердце слезы упали,
Словно на улице дождик.
Что это, что за печали?
В сердце глубоко упали?

Дождика тихие звуки,
Шум по земле и по крышам,
Сердцу в томлениях скуки
О, мелодичные звуки!

Слезы твои без причины, —
Сердце, ведь ты же боролось
С непостоянством судьбины!
Траур надет без причины.

Вряд ли есть худшее горе:²⁵
Даже не знать, отчего же,
Не примиряясь, не споря,
Сердце исполнено горя.

16 января 1893

Вторая редакция

Мне в сердце слезы пали, —
На город дождь упал.
Томления печали,
Зачем вы в сердце пали?

О звуки дождевые,
По кровлям тихий шум!
В минуты скуки злые,
О песни дождевые!

Те слезы без причины.
Ведь сердцу не претят²²
Измены и кручини.
Ах, траур без причины!

Нет горшего мученья:²⁶
Не знаешь, отчего
Без злобы, без прощенья
Душа полна мученья.²⁷

31 января 1893

Третья редакция

В слезах моя душа, —
Под проливнем селенье;¹⁹
Унынием дыша,²⁰
О чем грустит душа?

Потоки дождевые²¹
По кровлям, по земле!
В минуты скуки злые
О, песни дождевые!

О, слезы без причин²³
В душе, что провожает²⁴
Измены без кручин!
Мой траур без причин.

Вот горшее страданье:
Не знаешь, отчего,
Чужда очарованья,
Душа полна страданья!

7 августа 1893

Четвертая редакция

Слезы в сердце моем, —
Плачет дождь за окном.²⁸
О, какая усталость
В бедном сердце моем!

Шуму проливня внемлю.²⁹
Бьет он кровлю и землю, —
Много в сердце тоски, —
Пенью проливня внемлю.³⁰

Этих слез не пойму, —
Не влечет ни к чему
Уж давно мое сердце.
Что жалеть, — не пойму.

Тяжелей нет мученья, —
Без любви, без презренья,³¹
Не понять, отчего
В сердце столько мученья.

12 июня 1896

Пятая редакция

В слезах моя душа,
Дождем заплакан город.
О чем, тоской дыша,
Грустит моя душа?

О, струи дождевые
По кровлям, по земле!
В минуты, сердцу злые,
О, песни дождевые!

Причины никакой,
Но сердцу все противно.
К чему же траур мой?
Измены никакой.

Нет горшее этой муки, —
Не знаешь, почему,
Без счастья, без разлуки,
Так много в сердце муки!

17 марта 1922

Трудности и интересные находки Сологуба-переводчика в передаче импрессионистического характера и мягких полутонов «ariette», а также пол-

¹⁹ Первоначальный вариант: Как под дождем селенье.

²⁰ Вариант автографа и первой публикации (Новый журнал иностранной литературы. 1904.

№ 11. С. 109): Бессилем дыша.

²¹ Первоначальный вариант: О струи дождевые.

²² Первоначальный вариант: Ведь сердцу не противны.

²³ Первоначальные варианты: *a* И слезы без причин, *b* Те слезы без причин, *c* И слезы без причин.

²⁴ Первоначальный вариант: В том сердце, где проходят.

²⁵ Первоначальный вариант: Горшее не выдумать горя.

²⁶ Первоначальный вариант: Нет горшего томленья.

²⁷ Первоначальный вариант: Душа полна томленья.

²⁸ Первоначальный вариант: Плачет город дождем.

²⁹ Первоначальный вариант: Тихо дождiku внемлю.

³⁰ Первоначальный вариант: Пенью тихому внемлю.

³¹ Было начато: От любви ль, от.

ного слияния мира лирического героя с миром природы, осуществленного в шедевре Верлена, в редакциях, включенных в *Верлен-1908*, подробно проанализированы А. Б. Стрельниковой.³²

В неопубликованной второй редакции Сологуб явно стремился скомпенсировать присутствующие в первой лексико-семантические отступления от оригинала и изменил размер на трехстопный ямб со сплошными женскими клаузулами, за исключением второго стиха каждой строфы (нерифмующегося), удачно передающий песенный характер «ariette», в очевидном поиске аналога французскому шестисложнику: на автографе есть метрическая схема первой строфы.

Попробуем разобраться, что может скрываться и прочитываться за авторским отбором редакций перевода стихотворения «Il pleure dans mon cœur...» и установлением порядка их расположения в *Верлен-1908* и в *Верлен-1923*. Сразу оговоримся, что «мера точности» перевода, релевантная в ряде других случаев, здесь явно не актуальна: все редакции перевода отличает, согласно методологии М. Л. Гаспарова,³³ высокая, около 70 процентов, точность.

В *Верлен-1908* срабатывает отмеченная Стрельниковой закономерность: первый по времени создания перевод того или иного стихотворения в большинстве случаев оказывается последним в ряду при публикации его нескольких редакций. Опираясь на лексико-семантические и фонетические особенности редакций, Стрельникова приходит к выводу, что «переводы I и II в *Верлен-1908* — это попытка донести смысл, в первом случае, через звучание <...>; и во втором случае, через отражение оригинала в личностном сознании переводчика, частное прочтение, проецирующее импрессионистический верленовский текст».³⁴

³² Исследовательница отметила, что в первой редакции, по сравнению с оригиналом, происходит смысловой сдвиг, предопределенный заменой некоторых лексических единиц и интонации, разведение субъекта сознания и концепта «сердце»: сердце пребывает «в томлениях скуки», а субъект сознания, лирический герой, активен; мы видим не описание состояния, а осмысление и оценку, т. е. уход от импрессионистического характера стихотворения Верлена. Это наблюдение абсолютно точно, его подкрепляет то, что в первых редакциях переводов Сологуб нередко привносит в свой текст не свойственную оригиналом динамику: в данном случае слезы и печали «упали», подменив медленно проникающую в сердце лирического героя тоску и апатию. Однако данная потеря компенсируется на фонетическом уровне: удачно использована аллитерация, построенная на звуках «л» и «р». Третья редакция перевода, по мнению Стрельниковой, ближе всего к личности самого переводчика, это обеспечивается изменениями на различных уровнях текста: «город» заменяется «селением», в чем можно усмотреть отсылку к биографии переводчика, «грусть» сменяется мотивами «уныния» и «страдания», характерными для творчества Сологуба, происходит сдвиг от частного душевного состояния к изображению состояния мира как такового, «тихий дождик» перевоплощается в «проливень» и «потоки дождевые», что в целом уводит от верленовских полутонов и намеков, несмотря на максимальную суггестивность и безглагольность, воссоздающую импрессионистичность оригинала. Особенна важна, как показывает Стрельникова, замена «сердца» «душой», подчеркивающая близость данной версии внутреннему миру переводчика, проецирующего на себя оригинальное произведение и по-своему его прочитывающего: у Верлена — образ беспричинной тоски, здесь — описание состояния героя, вызванное разочарованием во внешнем мире. В четвертой редакции Стрельникова усматривает наибольшую, пусть и условную, близость перевода к оригиналу в фонетическом отношении, позволяющую трактовать ее как легко воспринимаемую на слух «фонетическую записовку», в сочетании с серьезным отличием от него на уровне субъектной организации и интонации: у Сологуба четко вырисовывается лирическое Я (глаголы употребляются в личной форме), нет отождествления с природным миром, вопросительная интонация Верлена сменяется у Сологуба констатацией неясности, душевные метания — тоской (см.: Стрельникова А. Б. Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. С. 87–91).

³³ См.: Гаспаров М. Л. Брюсов и подстрочник. Попытка измерения // Гаспаров М. Л. Избр. труды: В 4 т. М., 1997. Т. 2. О стихах. С. 130–140.

³⁴ Стрельникова А. Б. Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. С. 91.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что в *Верлен-1908* и *Верлен-1923* Сологуб в полной мере продемонстрировал свои находки в ритмической и строфической организации переводов.³⁵ В *Верлен-1908* в качестве первого перевода и в качестве первого варианта в *Верлен-1923* выбрана четвертая редакция, в которой использован двустопный анапест с разной расстановкой мужских/женских клаузул (ММЖМ в первой и третьей строфах, ЖЖМЖ — во второй и четвертой). Второй перевод в *Верлен-1908* представлен третьей редакцией, оформленной трехстопным ямбом опять же с разной метрической схемой строф (ММЖМ в первой и третьей строфах, ЖЖМЖ — во второй и четвертой). В *Верлен-1923* в основном корпусе мы встречаем ее «исправленную» позднюю версию, метрически и строфически идентичную ранней. Для третьего перевода в *Верлен-1908* и второго варианта в *Верлен-1923* выбрана первая редакция, оформленная трехстопным дактилем, с неполными (усеченными) последними стопами.

Таким образом, в *Верлен-1908* Сологуб выбрал для расположения редакций перевода симметричную композицию в метрическом плане: трехсложный размер, двухсложный размер и снова трехсложный. Не исключено, что по этой причине он не стал публиковать вторую редакцию, метрически дублирующую первую. В *Верлен-1923* для основного корпуса он предпочел двухсложный размер стиха.

«Обратный» хронология создания редакций порядок их определения как «первый», «второй» и «третий» перевод в *Верлен-1908* служит отражением, в том же обратном порядке, этапов работы Сологуба с текстами Верлена в 1890-е годы. Возможность такой трактовки эдиционного решения поэта дает обращение к творческому контексту их появления, а также последовательность первых публикаций той или иной версии перевода.

Первый перевод (четвертая редакция) — предпоследнее обращение Сологуба к Верлену в этот период. Последний перевод — «Тени ив погасли за туманно рекою...» — третья редакция перевода стихотворения «L'ombre des arbres dans la rivière embrumée...» также из сборника «Романсы без слов» датирован 18 июня 1896 года. Этот перевод под № 5 с заголовком «Paul Verlaine. Romances sans paroles. Ariettes oubliées, IX, р. 16» включен в рабочей тетради 1895–1896 годов в хронологическую подборку текстов,³⁶ начатую 7 июня 1896 года и завершенную, по-видимому, в конце июля. Данная подборка включает, в частности, стихотворения: «В одежде пыльной пилигрима...», 7–8, 12 июня (№ 1); «Едва прикрывши тогой...», 14 июня (№ 3); «Скоро солнце встанет...», 16–17 июня (№ 4); «Влачится жизнь моя в кругу...», 10, 12 июля (№ 15); «Страны есть недостижимые...», 22 июля (№ 16).³⁷ Под № 2, согласно датировке, в рабочей тетради должен быть несохранившийся второй автограф четвертой редакции перевода стихотворения «Il pleure dans mon cœur...» (первый автограф, как отмечено выше, представлен на обороте автографа первой редакции).

Переводы, знаменующие «прощание» с Верленом на данном этапе, на равных правах были включены в ряд оригинальных произведений и стали элементами плотного лирического потока, в котором в единое целое сливались оригинальные и переводные тексты. Не исключено, что дальнейшая утрата переводческого интереса к Верлену, возобновившаяся только на позднем этапе творческого пути, была связана с ростом уверенности в собствен-

³⁵ См. также: Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов. С. 232–234.

³⁶ Подробнее о хронологических рядах текстов в рабочих тетрадях Сологуба см.: Мисникевич Т. В. Лирика Федора Сологуба 1890-х годов: источники текста. С. 703–714.

³⁷ См.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 114–115, 227–243.

ных поэтических силах, подкрепленной выходом первого авторского сборника «Стихи. Книга первая» в декабре 1895 года и подготовкой второго «Тени: Рассказы и стихи», увидевшего свет в ноябре 1896 года. Такую уверенность демонстрирует и характер работы с четвертой редакцией: ради собственных художественных задач и замыслов поэт отказывается от вполне удачных переводческих решений, в частности от более «верленовских» первоначальных вариантов стихов 2, 5 и 8.³⁸ Тем не менее, приводя примеры, объясняющие, почему Верлен стал «русским поэтом», М. А. Волошин цитирует именно первые две строфы перевода «Слезы в сердце моем...»: «Не чувствуется ли в этих строфах, взятых почти случайно, именно того интимного оттенка голоса, который дает Верлэну совсем особое положение среди поэтов XIX века? Кажется, сам Верлэн заговорил русским стихом, так непринужденно, просто и какизно звучит он. Стихи приведенные повторяют подлинник с точностью буквальной».³⁹ В этой версии Сологуб впервые обнародовал свой перевод до публикации в составе *Верлен-1908*.⁴⁰

Второй перевод в *Верлен-1908*, соответствующий третьей редакции, напоминает о первом всплеске переводческой активности Сологуба весной–летом 1893 года и его погружении в мир верленовских текстов. Так, в июле–августе 1893 года были созданы переводы из различных сборников, например: «Ну-тка, спляшет джигу!...», 25 июля 1893 («Streets», «Romances sans paroles»); «Покорно приношу с цветами и плодами...», 25 июля 1893 («Green», «Romances sans paroles»); «Я любанья боюсь...», 25 июля 1893 («A poor young shepherd», «Romances sans paroles»); «Был ветер так нежен, и даль так ясна...», 4 августа 1893 («Beams», «Romances sans paroles»); «Пока блестит твой бледный диск...», 19 июля 1893 («Avant que tu ne t'en ailles...», «La Bonne chanson»); «Женщине» («Тебе мои стихи о ласке утешительной...») («A une femme», «Poèmes saturniens»), 25 июля 1893.⁴¹ Данная версия стала второй публикацией перевода до выхода *Верлен-1908*.⁴²

Третий перевод (первая редакция) возвращает нас к самому началу переводческого освоения Сологубом поэзии Верлена. Это второе, согласно авторской хронологии, обращение Сологуба к Верлену; первый перевод — стихотворения «Небо там над кровлей...» («Le ciel est, par-dessus le toit...», «Sagesse», 1880), сохранившийся в архиве писателя, датирован 24 сентября 1892 года. Как и в случае первого перевода, автограф предваряет выписанный Сологубом на отдельном листе текст на языке оригинала, с указанием источника: «Из „Romances sans paroles.“ Paule Velaine»;⁴³ на его обороте — выписки вариантов перевода отдельных слов из французско-русского словаря: «éccœurer — омерзеть, опротиветь; // производить, вызывать отвращение. langueur — бессилие, слабость; // томность, томление; // вялость; Qoui! — Как! haine — ненависть, злоба, отвращение».⁴⁴

³⁸ Удачно найденная в первоначальном варианте стиха 2 метафора: «Плачет город дождем» обрела некоторое соответствие в созданном 31 декабря 1900 года оригинальном стихотворении: «Как же богат я слезами! / Падают с неба дождем, / Тихо струятся ручьями, / Бьют и сверкают ключом» (Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2. Кн. 2. С. 49).

³⁹ Волошин М. А. Лики творчества / Изд. подг. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. Л., 1988. С. 442 (сер. «Литературные памятники»).

⁴⁰ См.: Петербургская жизнь. 1896. № 205 (6 октября). С. 1739.

⁴¹ См.: Стрельникова А. Б., Филичева В. В. Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 634–640.

⁴² См.: Новый журнал иностранной литературы. 1904. № 11. С. 109.

⁴³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 38. Л. 335.

⁴⁴ В дальнейшем Сологуб уже не переписывал оригинал, при подготовке переводов, осуществленных в марте–апреле 1893 года, он создавал автоподстрочки с множественными вариантами перевода отдельных слов; подробнее см.: Багно В. Е., Мисникевич Т. В. Верлен

Ритмико-интонационная организация и лексический состав этой редакции показывают ее зависимость от созданных в то время оригинальных сологубовских текстов. Согласно материалам рабочих тетрадей, перевод из Верлена оказывается первым в ряду стихотворных произведений Сологуба 1893 года: несколько ранее, 5 января, была завершена работа над стихотворением «Липочка», начатая 20 декабря 1892 года. Однако это не означает, что поэт считал данную версию неудачной. Именно этот вариант он направил в редакцию журнала «Образование» 26 февраля 1907 года в ответ на просьбу М. П. Арцыбашева прислать подборку оригинальных стихотворений и переводов.⁴⁵ Первая редакция могла стать третьей публикацией перевода в периодической печати. При этом вторая редакция, связанная с этим же периодом, в дальнейшем утратила для Сологуба интерес.

В *Верлен-1923* в основной корпус был помещен второй перевод (третий вариант) в «исправленном» виде — пятая редакция перевода. Сложно судить, по каким причинам Сологуб подверг переработке именно четвертую редакцию своего перевода. Возможно, его выбор предопределил стихотворный размер, актуальный в биографическом и творческом контексте весны 1922 года. В трехстопном ямбе русской версии «ariette» прозвучал переполняющий поэта плач по утраченной спутнице — Анастасии Чеботаревской. Работа над поминальным циклом «Анастасия» предопределила и изменения, внесенные Сологубом в лексический состав исходного текста: он «исправил» ранний перевод, вернув в его текст «город», «сердце» и «муки», и отказался от сохраненного в машинописной версии эпиграфа из Рембо на языке оригинала.

Публикация в составе *Верлен-1923* «исправленной» второй редакции и первой и третьей в разделе «Варианты» завершила творческую историю перевода. На ее примере мы можем увидеть разницу в подходе Сологуба при подготовке *Верлен-1908* и *Верлен-1923*.⁴⁶ Для первого издания, в подтверждение его названия, поэт «избирал» близкие ему по настроению и художественным особенностям стихотворения французского символиста и «назначал» им конкретную роль в составе седьмой авторской книги стихов. Предпочтение тех или иных версий переводов и порядок их расположения отражали авторское видение творчества Верлена, ставшего для Сологуба одной из важнейших опор в период поэтического становления, а также демонстрировали широту его метрических, строфических, лексико-семантических поисков, значимых для обретения собственного голоса. Для второго издания зрелый Сологуб уже «выбирал» из имеющегося у него набора ранних и поздних переводов те, которые отвечали его задачам — обобщить свой опыт освоения наследия Верлена и утвердить новые переводческие принципы, не устранив полностью при этом и личностное поэтическое начало.

в подстрочниках и Верлен в переводе: творческая лаборатория Федора Сологуба // *Studia Litteгагум*. 2020. Т. 5. № 3. С. 358–377.

⁴⁵ Публикация не состоялась; Арцыбашев ответил Сологубу: «Большое спасибо Вам за стихи. Я взял сколько мог, сильно стесненный „реалистическим составом“ прежней редакции, с которым мне пришлось бороться» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 35. Л. 3, 5).

⁴⁶ О различиях в подходе при формировании *Верлен-1908* и *Верлен-1923* см. также: Стрельников А. Б. Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. С. 119–155.

ЕЩЕ РАЗ О НЕУДАВШЕЙСЯ ПОПЫТКЕ ЭМИГРАЦИИ Ф. К. СОЛОГУБА И А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ*

Ключевой сюжет биографии Сологуба закатных дней — череда обреченных попыток покинуть Советский Союз — неоднократно становился предметом квалифицированных исследований. Начало им было положено лаконичной публикацией в парижском «Континенте»;¹ ощущимые приращения материала содержались в работах В. Н. Шепелева и В. Любимова,² Н. А. Мышова,³ А. В. Лаврова⁴ и М. М. Павловой.⁵ Между тем этот представительный набор фактов и документов все равно не создает связной картины. Не говоря уже о том, что мы не знаем в подробностях, как принимались решения большевистским конclave, который то разрешал Сологубам выезд, то срочно де-завуировал свое собственное решение, — в этой хронике очевидным образом не хватает нескольких важных элементов. Так, например, необъясним один из центральных эпизодов этой драмы: хорошо известно, что в конце января 1921 года для Сологуба и Чеботаревской были приготовлены заграничные паспорта с открытыми визами. Примерно месяц спустя паспорта эти были затребованы обратно (что сорвало очередную возможность бегства) — но примечательно, что физически они — с полным набором необходимых виз — сохранились в собственном сологубовском архиве.⁶ Нижеследующий комплекс документов, большая часть которых хранится в фондах Российского государственного военного архива (РГВА), добавляет несколько существенных деталей к уже известным фактам.

Первый из отложившихся там документов относится к зиме 1919–1920 года. Известно, что 20 декабря 1919 года Политбюро ЦК отклонило ходатайство Сологуба о разрешении ему выезда за границу, в качестве компенсации поручив его заботам комиссии по улучшению условий жизни ученых.⁷ Как следует из сохранившегося протокола, заявление Сологуба было внесено на рассмотрение Политбюро Л. Д. Троцким — и это обстоятельство представляется весьма знаменательным.

Сологуб с Чеботаревской (как, впрочем, и большинство писателей-символистов) обладали весьма обширными знакомствами в революционной среде. Так, полицейский департамент, внимательно следивший еще с 1890-х годов за сестрами Чеботаревскими, несколько раз фиксировал их недозволенные контакты:

* Приношу глубокую благодарность за помощь в работе И. Р. Петрову и Н. Н. Соболевой.

¹ Письма Федора Сологуба в Совнарком, В. И. Ленину и А. В. Луначарскому / Публ. Ф. Федорова // Континент. 1992. № 2 (72). С. 255–259.

² «Шипение Сологуба не прибавит ничего» / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. 1995. № 5. С. 66–71.

³ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». Документы российских архивов о писателе Ф. Сологубе. 1920-е гг. / Публ. подг. Н. А. Мышов // Отечественные архивы. 2006. № 6. С. 84–95.

⁴ Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 299–300.

⁵ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». Материалы к поздней биографии Федора Сологуба // «Радость ждет сокровенного слова...»: Сборник научных статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига, 2013. С. 184–195.

⁶ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. Ед. хр. 6. Этот факт впервые был обнародован в указанной работе М. М. Павловой.

⁷ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 1999. С. 14.

в частности, 25 апреля 1901 года московский обер-полицеймейстер сообщал, что «Татьяна Чеботаревская <...> в настоящее время, вместе с сестрами своими Александрой и Анастасией Чеботаревскими и Ольгой Николаевной Черносвитовой, урожденной Чеботаревской, привлечены при Московском Губернском Жандармском Управлении к дознанию в качестве обвиняемой по делу о „Московском Комитете Российской социал-демократической рабочей партии“, ликвидированном 1-го минувшего Марта...».⁸ С одним из будущих высокопоставленных большевиков они состояли и в родстве: Ольга Николаевна Чеботаревская была замужем за Н. Н. Черносвитовым, чья сестра приходилась снохой А. В. Луначарскому. Анастасия Николаевна была знакома и с Л. Б. Каменевым — в марте 1915 года, покуда тот вынужденно пребывал в Туруханском крае, она, беспокоясь о его учёных занятиях, писала Блоку:

«Дорогой Александр Александрович, обращаюсь к Вам с просьбой, переданной мне сегодня от заключенного по делу с.-д. депутатов: Л. Б. Каменева (Розенфельда) его женою:⁹ не будете ли Вы так любезны передать для него (можно через нее, тел. 65-65 или меня) Ваши стихотворения, он хочет заняться их изучением и писать о них что-то. Я бы не писала Вам об этом, помня Ваше неудовольствие в последнем нашем разговоре (ибо Л. Б. принадлежит к той же злосчастной нации), но дело в том, что средств на приобретение книг у них абсолютно нет и я взялась передать эту просьбу совершенно объективно: хотите дайте — хотите нет. Кроме того, с тех пор произошли некоторые события, которые в известном смысле могли повлиять на Ваше несколько одностороннее мнение в известных положениях.

А затем, я бы очень просила Вас, милый Александр Александрович — не вносить этого элемента раздора в наши личные отношения — и так не слишком интенсивные, но которыми я и Ф. К. всегда очень дорожим, — дело ведь не в том, чтобы часто видеться, а в том, чтобы читая книгу или смотря картину (пиесу, музыку) вспомнить иногда — это понравилось бы Александру Александровичу или наоборот — такой тонкий, еле ощутимый контакт чувств сквозь и через все и вся. Поверьте, что во всех „делах“, кот^{орые} делаешь (и сейчас) есть много привкуса, претящего и нам — но иногда нужно заткнуть нос, чтоб перевязать рану или подать воду... А когда Вы читали стихи Ваши недавно у нас, это был единственно светлый момент за весь этот год...¹⁰ Поэтому — не сердитесь и ответьте. Ваша Аns. Чебот.».¹¹

Хорошо были они знакомы и с Троцким. Мы не знаем в точности времени и обстоятельств их первой встречи, но известно, что они виделись в Мюнхене около 4 октября 1911 года (по новому стилю). В этот день, рапортую Зинаиде Гиппиус о немецкой части своего заграничного вояжа, Сологуб писал: «...были мы в веселой Вене, теперь в веселом Мюнхене. <...> Сочетание Пропилеев и сосисок, античности и пива производит ошеломляющее впечатление: когда же от него очнешься, то видишь, что здесь очень приятно жить».¹² И в тот же самый день он получил письмо от Троцкого, где, в частности, говорилось: «Спа-

⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 97. Ед. хр. 3500. Л. 10. Дело об Ал. Н. Чеботаревской было выделено в другое производство: Там же. Ф. 63. Оп. 19 (1899). Ед. хр. 1637.

⁹ Каменева Ольга Давидовна (урожд. Бронштейн; 1883–1941; расстреляна) — жена Каменева и сестра Троцкого; в будущем — крупный деятель советской культуры.

¹⁰ Возможно, речь идет о вечере 20 января 1915 года (см. в записной книжке Блока под этой датой: «Я у Сологуба до 6 ч. утра (Л. Андреев, Петров-Водкин, Верховский, Тиняков, Щеголовы)» (Блок А. Записные книжки, 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Вл. Орлова. М., 1965. С. 254)).

¹¹ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 447. Л. 25–26 об. На письме пометы Блока «получ. 5.III.1915» и «Отв. 7 III (посл. книги и письмо)». Блоковедческие работы Каменева нам неизвестны. Какие обстоятельства начала 1915 года должны были поколебать юдофобию Блока, не слишком очевидно.

¹² РГАЛИ. Ф. 154. Оп. 1. Ед. хр. 12. Л. 1 (датируется по почтовому штемпелю).

сибо за память и за теплые слова привета. Рад очень, что несколько часов, проведенных нами вчетвером, Вами хорошо вспоминаются. Надеюсь, что не в последний раз встретились с Вами. Жму сердечно руку Настасье Николаевне и Вам. Н. И.¹³ Вам обоим очень кланяется. Надеюсь, что эти строки еще застанут Вас в Мюнхене».¹⁴

Документирована еще одна их встреча, три года спустя, во время заграничного путешествия Сологубов весной 1914 года, описывая сестре обстоятельства этой поездки, Чеботаревская, в частности, сообщала: «Мы вернулись 14 июня только из путешествия — в общем оно было чрезвычайно удачно, только рулетка была не столь любезна, как в первый раз, но это пустяки, конечно, в сравнении с массой приятных и забавных впечатлений. Из Парижа мы направились в С-ан>-Себастьян, где только понюхали Испании, от которой я уже в восторге и мечтаю о путешествии внутри страны, как следует; оттуда — через Пиренеи — очень живописно (посетили там Мазона,¹⁵ жившего летом в Фуа) — в Монако, где было очаровательно, — масса цветов, — персики изумительные (с большое яблоко), черешни, гвоздика, лилии — прямо за гроши — пробыли там всего неделю; оттуда через Венецию — в Вену, где два дня провели с Троцкими, очень мило, ездили на гору с рестораном, в шантан и театртик, были у них, много говорили о литературе и пр. Он очень скучает и томится в Вене, но очень по-моему развился и был очень интересен — она немного поблекла и как-то молчал больше; мальчики¹⁶ очень славные, самостоятельные, живые — в него. В Париже видели, конечно, Шейниса,¹⁷ кот-орый уговорил Ф. К. прочесть в пользу Т-ургеневской библиотеки свою лекцию (в Берлине тоже чит-ал-), Минских,¹⁸ Буйэ,¹⁹ Луначарских,²⁰ Апостолов,²¹ Бальмонта... Анатолий очень много бегает и пишет (и читает!), но как-то рассеян и ни на чем определенном и большом не сосредотачивается... „Анюта“ как-то постарела, утихомирилась, стала проще, менее претенциозна. С удовольствием побывала в неск-ольких театрах и на вечере Иветты Гильберт.²²

15-го были уже в „Тойле“, где вазильки и черника должны заменить нам розы и персики Ривьеры».²³

Вполне вероятно, что в одну из этих встреч Троцкий сообщил своим сопротивникам, что ему нравится рассказ Сологуба «Старый дом», чем Анастасия Николаевна позже пыталась козырять, чтобы добиться его републикации.²⁴ В любом случае, через пять лет Троцкий по своему положению в новой

¹³ Седова Наталья Ивановна (1882–1962) — жена Троцкого.

¹⁴ Константинов С. В. «В неверном озаренье славы...». Реформаторы и жертвы. М., 2008.

С. 73. Письмо осталось в архиве Троцкого в РГАСПИ, так что до адресата, может быть, и не дошло.

¹⁵ Мазон Андре (1881–1967) — французский славист, знакомый и корреспондент Сологуба.

¹⁶ Сыновья Седовой и Троцкого: Лев Львович Седов (1906–1938) и Сергей Львович Седов (1908–1937; расстрелян).

¹⁷ Шейнис Лев Исаевич (1871–1924) — врач и журналист, председатель правления упомянутой далее Тургеневской библиотеки; его контакты с Сологубом нам неизвестны — вероятно, сестры Чеботаревские знали его по парижским годам, как важное действующее лицо русской диаспоры.

¹⁸ Минские — Николай Максимович Минский (1885–1937) и Людмила Николаевна Вилькина (1873–1920).

¹⁹ Буйэ Поль (1864–1949) — профессор, преподаватель русского языка.

²⁰ Луначарские — Анатолий Васильевич (1875–1933) и его первая жена, упоминаемая далее «Анюта», Анна Александровна Малиновская (1883–1959).

²¹ Апостолы — юрист и историк Павел Николаевич (1872–1942; погиб в Аушвице) и его жена музыкант Ольга Марковна (1872–1943; погибла в Аушвице).

²² Гильбер Иветта (1865–1944) — певица.

²³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 5. Ед. хр. 8. Л. 51–52 (письмо Ан. Н. Чеботаревской к О. Н. Чеботаревской от 2 июля 1914 года).

²⁴ Ср., например, в ее письме к Е. А. Ляцкому от 12 марта 1917 года: «Глубокоуважаемый Евгений Александрович, / не хотите ли — в порядке спешности издать в „Огнях“ мой перевод Мишле „Женщины Революции“, который я скоро кончу? Также повесть Ф. К. „Старый Дом“,

власти мог оказать им существенную протекцию — но представленное им ходатайство оказалось отвергнуто Центральным комитетом. Несмотря на это, через неделю после этого Сологуб и Чеботаревская пишут ему новое письмо:

«27 декабря 1919 г.

Уважаемый Лев Давыдович,

Обращаемся к Вам на этот раз уже не для себя, а с просьбою, касающейся судьбы, может быть, жизни человека, который волею случая причислен к опасным „заговорщикам“, а по существу честнейший, способнейший и благороднейший человек. Вся вина его в том, что он — гражданин в лучшем смысле слова, любил Россию, невыразимо страдал от бездны несчастий, обрушившихся на нее, остро переживал все это и, м. б., безрассудно, нелепо, отчаянно (отчаяние искажает исторические перспективы, затемняет сознание, родит безумие) бросился в какие-то дела, абсолютно чуждые ему по натуре, но по благородству взял на себя в признаниях, может быть, чужую вину и чужую роль, — по скромности он вряд ли мог претендовать на приписываемую ему роль „министра“ путей сообщения — просто мог согласиться работать по восстановлению транспорта. Это — инженер М. Д. Альбрехт, которого мы совсем случайно знали (он был немного беллетристом) по литературным отношениям, знали внешне очень мало, но вполне достаточно для профессионалов-литераторов, художественное зрение которых не могло не заметить, какой ценный человеческий материал он собою представляет. Мы только что прочли в „Правде“ призыв к инженерам, техникам, — и какою злую иронию кажется то, что в момент величайшего напряжения технической энергии страны люди, одушевленные высшим строительным пафосом, как Альбрехт, сидят на Шпалерной, а не кипят в горниле работы. Мы говорим с Вами, Лев Давыдович, не как с представителем власти, а как с художником и строителем, как человеком, способным на широкий и великолужный жест, и Вы поймете, что мы, лично далекие всегда, как Вы это знаете, от всяких конспираций (нам интересно лишь то, что художественно-экспрессивно), просим Вас обратить внимание на этого человека, как на большую созидательную силу, в которых так нуждается и будет еще долго нуждаться Россия для залечивания тяжких ран. К тому же он сейчас болен и здесь совершенно одинок. Мы не знаем точно ни степени его вины, ни его роли в приписываемом ему деле, — повторяем, случайно узнали его только, как первоклассного человека и спаса, и убеждены, что он нужен, что он пригодится России, столь бедной и теми, и другими. Возьмите его в концентрационный лагерь на технические работы, заставьте его работать умело, используйте его силы, но не отнимайте жизни, — таких людей в России мало, уже почти не осталось.

С приветом

Федор Сологуб

Анс. Чеботаревская

P. S. Лично Вас горячо благодарим.

Ф. С.

Анс. Чеботаревская-Сологуб».²⁵

Здесь требуется определенный комментарий. Во второй половине октября 1919 года Петроградская губернская ЧК, всероссийский Особый отдел и Осо-

написанную на сюжет трагической судьбы моего брата (в 1906 г.) и признанную известным Троцким (б<ывший> предс<едатель> Совета Рабочих Депутатов 1905) лучшей беллетристикой из революционного быта?» (Письма Ан. Н. Чеботаревской к Е. А. Ляцкому (1912–1917) / Вступ. статья, публ. и прим. Дж. Меррилла // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 436).

²⁵ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 304. Л. 51–52 об.

бый отдел 7-й армии раскрыли в Петрограде крупный заговор, состоявший из отставных сановников, членов кадетской партии и партии эсеров. Дело было весьма значительное, о нем четыре года спустя напечатали многостраничный сборник.²⁶ Среди прочих содержащихся там подробностей назывался персональный состав «Временного правительства», которое должно было возглавить Россию после победы заговора. Вторым лицом в нем — будущим министром транспорта — значился инженер Михаил Давидович Альбрехт.²⁷ В чекистском отчете приводится довольно много подробностей о нем: в частности, обильно цитируются материалы его допроса. Именно за этого человека заступается в письме Сологуб.

Он был не только инженером, но и беллетристом — под псевдонимом «Мищенко-Атэ» выпустил в 1910-е годы в типографии «Сириус» две глубоко-мысленные ультра-декадентские драмы, прошедшие незамечеными — роскошные издания на прекрасной бумаге.²⁸ Биографические сведения, касающиеся его отношений с современной ему литературой, немногочисленны; в периодике он не печатался. Но его младший брат в мемуарах вспоминает, что у него была многолетняя связь с дамой-писательницей значительно старше его — по фамилии Гнедич. «Она ввела его в литературный круг Санкт-Петербурга и поощряла его поэтические склонности».²⁹ Может быть, через эту таинственную даму он и познакомился с Сологубом — но не исключено, конечно, что Сологуб действовал по просьбе кого-то, кто знал о его знакомстве со всеми Троцким. В любом случае, заступничество это успеха не имело — Альбрехт был расстрелян в 1920 году. Но кажется, сам факт ходатайства за крупного заговорщика (по версии ЧК, естественно) сказался в дальнейшем на собственной судьбе Сологуба.

Весь 1920 год проходит в попытках выезда. 1 апреля Сологубы получают утешительные известия из Москвы — Ал. Н. Чеботаревская пишет сестре: «О выезде за границу я слышала, что здесь хлопотал и получил разрешение выехать А. Белый (первый по счету), затем подали заявление ваш питерский Браун (приезжал сам в Москву) и наш Вяч. Иванов. Для обоих порядок такой: комиссариат запрашивает Эстонию, могут ли данные лица выехать в Ревель и, получив утвердительный ответ, выдает паспорт лицу, кот^{орое} выезжает в Ревель, а там снова консульства запрашивают ту страну, куда они едут, можно ли выехать дальше, а до того времени надо сидеть в Ревеле и ждать ответа. Браун и Иванов получили разрешение выехать в Ревель, теперь могут ехать и дожидаться дальнейших разрешений».³⁰ Вероятно, имея в виду описанную перспективу, 21 апреля Сологуб сообщал И. С. Рукавишникову: «Мы не теряем надежды на то, что нам разрешат выехать на короткое время за границу: и мне и Анастасии Николаевне надо полечиться и отдохнуть от тех

²⁶ Борьба за Петроград. 15 октября — 6 ноября 1919 года. М.; Л., 1923.

²⁷ Там же. С. 10. Здесь же приводится краткий экскурс его биографии: «Второй крупной фигурой предполагавшегося белогвардейского правительства является инженер Михаил Давидович Альбрехт. Служит в комитете государственных сооружений Северного района. Семья находится в Минске под покровительством белогвардейцев поляков. До февральской революции был начальником технического отдела, с Октябрьской революции до ареста состоял в должности за-ведывающего отделом технических изысканий Ужедорстроя в Москве».

²⁸ Мищенко-Атэ. 1) Три победителя. СПб., 1910; 2) День испытания. СПб., 1911. В новейшее время они переизданы в сопровождении труднообъяснимо апологетических статей: Мищенко-Атэ М. Д. День испытания. М., 2009. Его двухтомное собрание сочинений напечатано по-немецки: *Mischenco-Ate. Ein neuentdeckter Dichter des Silbernen Zeitalters* / Urtextausg. u. Erstübers. von H. Hammer; hrsg. von M. von Albrecht. Frankfurt a/M., 1987–1988.

²⁹ Альбрехт Г. фон. От народной песни к дodeкафонии / Под общ. ред. М. фон Альбрехта; пер. Е. Федоровой. М., [2006]. С. 36; фамилия дамы названа на с. 280.

³⁰ Обатнин Г. В. Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // Русская литература. 1997. № 2. С. 224.

тяжелых условий, в которых нам пришлось жить последние годы».³¹ 5 июня отправлено известное письмо Ленину со свежим перечнем обид и просьбой отпустить на три месяца в Эстонию.³² Скорее всего, до адресата оно так и не добралось, а было Л. А. Фотиевой, тогдашним ленинским секретарем, перенаправлено в ЦК, где на нем оставили резолюции оба сологубовских знакомых: и Каменев, и Троцкий единогласно предлагали выезд запретить.³³ Несмотря на это обескураживающее обстоятельство, хлопоты были продолжены, причем на этот раз по линии Министерства просвещения: 8 октября того же 1920 года руководящим органом Наркомпроса было подтверждено, «что к выезду писателя Ф. Сологуба и А. Н. Чеботаревской со стороны Коллегии Наркомпроса препятствий не встречается».³⁴ В Москве (где Сологубы были осенью 1920 года) о них продолжала хлопотать Александра Николаевна Чеботаревская, регулярно отчитывавшаяся перед мужем сестры об успехах: «постановление гласит сообщить наркоминделу что выезду ревель сологуба чеботаревской со стороны коллегии наркомпроса препятствий не встречается теперь надо хлопотать наркоминделе» (телеграмма; 12 октября).³⁵ 20 октября она отправляет в Петроград опросные листы, необходимые для получения паспортов: «Одновременно с этим посылаю *заказным* письмом опросные листы для заполнения их. Необходимо каждому из вас заказать по *три* фотографич³⁶ карточки и приложить к листам при возвращении».³⁷ В последних числах декабря Сологуб и Чеботаревская отправляются в Москву: проезд партикулярных лиц по железным дорогам в это время затруднен, так что они получают командировочное удостоверение,³⁸ а в Москве устраиваются в здравнице на Воронцовом поле.³⁹ Отсюда начинается новый комплекс документов из архива Троцкого.

«14 января 1921

Многоуважаемый Лев Давидович,

Решаемся снова побеспокоить Вас по следующему поводу. Наше дело о поездке за границу все еще на точке замерзания, отчасти из-за того, что мы не решались вверить анкетные листы почте, отчасти оттого, что ждали накопления необходимых для этого средств от представлений моей пьесы „Узор из роз“, шедшей с большим успехом во 2 Студии Художественного Театра. Но пьеса в последние три месяца не могла идти вследствие того, что О. Д. Каменева, не видав ее, находила ее, по чьим-то отзывам, „кадетскою“, и только товари-

³¹ РГАЛИ. Ф. 1147. Оп. 2. Ед. хр. 28. Л. 2.

³² «Шинение Сологуба не прибавит ничего». С. 67–68; «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 87–88.

³³ Эти пометы приводятся только в публикации «Отечественных архивов»: «Я не верю, что Сологуб не будет поливать нас грязью за границей. Полагаю (вероятно, «предлагаю». — А. С.) дать ему здесь паек, поселить в санатории, издать „Старый дом“ (что действует³⁶ хорошо) хорошая вещь, очень!). Л. Каменев. 21.06.20»; «На мой вопрос т. Зиновьев ответил, что Сологуб получает паек. За границею и он, и жена его (особенно она) будут клеветать всячески. Троцкий» (Там же. С. 88).

³⁴ *Берд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919–1929) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40 С. 324–325.* Копия (впрочем, датированная 5 октября) сохранилась в архиве Сологуба: Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 186.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 726. Л. 29.

³⁶ Там же. Л. 30.

³⁷ Удостоверение на бланке Всероссийского Профессионального союза писателей оформлено 28 декабря 1920 года, зарегистрировано в Петросовете 29 декабря (Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 187).

³⁸ 10 января 1921 года Сологуб сообщал Н. Г. Чулковой: «Пишу Вам из здравницы, где я и Ан. Ник. поместились, приехав в Москву, — Воронцову поле, Б. Николо-Воробинский переулок, 3, телефон 43-80» (РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 3).

щи, просмотревшие наконец пьесу, дали разрешение ставить ее (с 22 декабря). Таким образом нам не удалось скопить необходимую для отъезда сумму.

Не скрою, что мы далеко не с легким сердцем решаемся расстаться хотя бы временно с Россиею; выжидали, как и все эти три года, возможности быть полезными своей стране, но увы! До сих пор мне не удалось напечатать ни строчки, и я вынужден обратиться к рукописному изготовлению книжек стихов, которые продавал любителям, зарабатывая этим, конечно, гроши.³⁹ Я всю жизнь прожил своим личным трудом, и теперь положение, хотя бы и почетного, пенсионера ученого пайка (учительской пенсии я лишен) меня крайне тяготит, и я все-таки хотел бы поехать туда, где могу что-нибудь напечатать.

Одновременно с нами хлопотал о командировке за границу наш друг, талантливый молодой ученый, проф. Григорий Леонидович Лозинский, большой туберкулезом костей и передвигающийся при помощи костыля. Хорошо зная буквально подвижническую деятельность этого человека, совершающего походы верст по 12 во всякую погоду в 5 учебных заведений, где он преподает, деятельность,ющую служить образцом добросовестности и высокого сознания своих преподавательских обязанностей, я убедительно прошу Вас обратить внимание на его просьбу и дать ему возможность поехать хотя бы на 6 месяцев (с марта по сентябрь) в единственный для этого рода больных курорт Berck-Plage в Бретани, а также закончить свою диссертацию, для которой нужны рукописи и книгохранилища во Франции. Л. Г. Лозинский — лингвист, беспартийный, исключительно предан науке и педагогической деятельности, протекающей весьма успешно в Петроградском Университете, двух Педагогических институтах и др. высших учебных заведениях. Если Вам покажется подозрительной его якобы польская фамилия, то документально известно, что он и родители его — русские, он родился и всю жизнь прожил в Петербурге. (Есть другой Лозинский, кадет и историк, с которым его иногда смешивают). Я позволю себе обратить Ваше внимание, бесконечно занятое, на его очень тяжелое положение, так как секретариат Наркомпроса затягивал его прошение, и на этом дело затормозилось; я же, зная Ваше гуманное и деловое отношение к вопросам, не терпящим отлагательства, *«прошу?»* не отказать еще раз уделить нам несколько минут Вашего, конечно, высоко-ценного времени (письменно, а еще бы лучше лично, — все это можно было убедительнее объяснить Вам и помочь нам обоим, а также нашему другу, которым, как ученым и гражданином, наша страна вполне может гордиться (Лозинского знают и ценят за границей), поехать на краткое время за границу, чтобы, вернувшись, с обновленными силами приняться за строительную работу, которая, Бог даст, к тому времени все-таки наладится.

Наш Московский адрес: Воронцово поле, Николо-Воробинский переулок, телефон 43-80.

С приветом

Федор Сологуб».⁴⁰

Обстоятельства появления в сюжете нового лица — филолога Григория Леонидовича Лозинского (1889–1942) — хорошо известны благодаря неизуриданной памяти А. А. Ахматовой. Дважды она рассказывала своим конфидентам — в 1940 году Л. К. Чуковской и двадцать лет спустя М. С. Лесману

³⁹ Возможно, к письму прилагался образец одной из них — экземпляр № 1 рукописной книги «Кануны» (о том, что он был преподнесен Троцкому, сообщает Дж. Меррилл в предисловии к своей работе: Письма Ан. Н. Чеботаревской к Е. А. Ляцкому (1912–1917). С. 429).

⁴⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 184. Другой Лозинский — историк Самуил Горациевич (1874–1945). О его участии в кадетской партии сведений у нас нет.

о мучительной неразделенной любви Чеботаревской, подтолкнувшей ее к роковому шагу.⁴¹ Предметом этой страсти (что также выяснилось благодаря череде устных преданий) и был Лозинский.⁴² Кажется невозможным установить, было ли ходатайство за него перед Троцким личной инициативой Чеботаревской, или он специально просил Сологубов об этом. Согласно его собственным воспоминаниям, последний раз они встречались лишь в феврале 1920 года,⁴³ но очевидно, что психологический контекст их отношений не располагал к скрупулезной фактографии мемуаров.

Между тем приведенное письмо начинает перемещаться по инстанциям. Отправлено оно из Москвы 14 января 1921 года, причем, вероятно, не по почте, а с посыльным либо подано лично. В тот же день Троцкий накладывает резолюцию: «Анатолий Васильевич? Ваш отзыв?»⁴⁴ И в этот же самый день управляющий аппаратом Троцкого пересыпает его Луначарскому с просьбой по прочтении возвратить обратно в канцелярию. Луначарскому на раздумья понадобились две недели. 28-го он отвечал на официальном бланке: «Возвращаю вам письмо Сологуба. Вновь подтверждаю, что с моей стороны никаких препятствий к выезду Сологуба за границу нет, о чем, насколько я помню, я уже сообщал как т. Троцкому, так и т. Чicherину. Что касается Лозинского, то ему надлежит подать обычное ходатайство М. Н. Покровскому, который ведает вопросом о посылке за границу ученых».⁴⁵ Примечательно, что, покуда сам оригинал письма находится у Луначарского, Троцкий, не дожидаясь ответа последнего, продолжает действовать — может быть, в память о давнем знакомстве. 18-го января, то есть через четыре дня, он отдает распоряжение секретарю, Георгию Васильевичу Бутову (1891–1928; погиб в заключении), который записывает для памяти: «Сообщить по телефону 2-79-80⁴⁶ Сологубу следующее: Лев Давыдович должен был выехать внезапно из Москвы. До отъезда он не успел выяснить интересующий Вас вопрос ввиду отсутствия из Москвы т. Луначарского. Получено ли Вами было несколько месяцев тому назад формальное разрешение на выезд в Ревель? Если такое было получено, но не было использовано, или если имеются другие документы, свидетельствующие, что такое разрешение уже имелось, то это несомненно облегчило бы дело».

Когда т. Бутов получит ответ, пусть снесется с т. Дзержинским, с которым я об этом говорил и с т. Карабахом. Если со стороны этих товарищей не будет препятствий, то пусть т. Бутов технически ускорит получение разрешения».⁴⁷

На следующий день, 19 января, кто-то из секретариата Троцкого звонил в здравницу и говорил с Сологубом: резюме их беседы (снабженное неразборчивой подписью абонента) подшито в том же деле: «Тов. Сологуб передал, что разрешения на выезд за границу он не получал. Имеется у него лишь протокольная запись коллегии Нар. Комиссариата по Просвещению о неимении препятствий со стороны Наркомпроса к выезду за границу. Недавно т. Сологубом были получены анкеты от Наркоминдела для заполне-

⁴¹ См. об этом: Тименчик Р. Д. Ахматова и emigrantica // Литературный факт. 2020. № 2. С. 376–377.

⁴² Там же. С. 377.

⁴³ Там же. С. 379.

⁴⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 184.

⁴⁵ Там же. Л. 183.

⁴⁶ Появление этого номера весьма любопытно: Сологуб оставлял Троцкому другой телефон здравницы (43-80), хотя указанный здесь тоже принадлежал ей. Поскольку само медицинское заведение относилось к сануправлению Кремля, для секретаря Троцкого не было сложным выяснить номер, но зачем? Перепроверять его слова? Попросить местное начальство относиться к нему повнимательнее?

⁴⁷ Там же. Л. 191.

ния на предмет выезда за границу. Также на этих анкетах должна быть подпись поручителей, но он таковые направил в Петроград для соответствующей подписи».⁴⁸

После вялого течения предыдущих месяцев ситуация вдруг стала развиваться стремительно: во-первых, в сюжет оказались вовлечены еще два наркома — Ф. Э. Дзержинский и Л. М. Каракан. Во-вторых, вероятно, Троцким было отдано распоряжение максимально ускорить дело: это видно по интенсивности бумагооборота, возникшего в ближайшие дни. Главным камнем преткновения оказались вдруг анкеты с поручительствами: это недолго продержавшееся раннесоветское требование каждому покидающему СССР заручиться ходатайством остающегося в стране гражданина (подразумевалось, что эмигрант будетдержан в клевете на оставленную родину, чтобы не подвести поручителя). В деле подшиты сразу два документа, датированных следующим, 20 января — оба они явно свидетельствуют о желании поскорее отправить Сологуба в Европу.

Первый из них — записка Бутова, возможно, для памяти: «Надо узнать еще дополнительно как отправил анкеты в Петроград товарищ Сологуб — с нарочным или по почте — и каким образом можно ускорить их подпись и обратную отправку. Может быть на чье-нибудь имя послать т^{елеграм}му. Или уж послать с другой анкетой специально нарочного из поезда в Питер».⁴⁹

Выглядит этот документ довольно парадоксально. Еще недавно большевики не только отказывали Сологубу в выезде (прошло меньше года с отрицательных резолюций Каменева и Троцкого), но, судя по всему, были настроены вообще не выпускать писателей — и вот секретариат члена Политбюро готов отправить фельдъегера, чтобы хоть немного ускорить эмиграцию беспартийного литератора. Может быть, конечно, Бутов не разгадал замысла своего патрона и проявил излишнее усердие — но все равно эта энергия впечатляет. Очевидно, в этот же день звонил в здравницу еще один подручный Троцкого, Александр Николаевич Горяинов:

«СПРАВКА

Тов. Сологуб добавил, что к анкетам должны быть представлены 2 поручительства на отдельных листах. Один лист для него уже подписал Лурье из Наркомпроса,⁵⁰ другой он послал Павлу Елисеевичу Щеголеву, <в> Петроград, для подписи, недели две тому назад заказным письмом. Очень хорошо будет, если мы тем или иным способом сообщим Щеголеву, что следует ускорить присылку поручительства Сологубу в Москву.

Принципиальных согласий на выезд из России т. Сологуб ни от каких ведомств не имеет.

На основании вышеизложенного, передана в Петроград уполномоченно му связи поезда т. Александрову нижеследующая телефонограмма: „Павлу Елисеевичу Щеголеву Петроград Б. Дворянская д. 10 или дворец Урицкого, музей революции члену коллегии музея Щеголеву. Сологуб просит Вас ускорить присылку поручительства. Помуправканц ПредРВСР Горяинов“. И добавлено, чтобы т. Александров тем или иным способом доставил эту телефонограмму Щеголеву и взял от него если это будет возможно просимое поручительство для доставки с поездом в Москву в секретариат».⁵¹

⁴⁸ Там же. Л. 190.

⁴⁹ Там же. Л. 187. Под поездом, вероятно, подразумевается легендарный «поезд Троцкого» — передвижная многовагонная тяжеловооруженная канцелярия. Из этого следует, что сам Троцкий и его поезд в это время находились в Петрограде.

⁵⁰ Лурье Артур Сергеевич (1892–1966) — композитор и музыковед, на тот момент высокопоставленный сотрудник Наркомпроса.

⁵¹ Там же. Л. 186.

Впервые Сологуб просил Павла Елисеевича Щеголева о поручительстве в недатированном (вероятно, относящемся к осени 1921 года) письме:

«Дорогой Павел Елисеевич,

Обращаюсь к Вам с просьбою дать поручительство, требуемое для выезда за границу. Как я уже имел случай говорить Вам, поездкою за границу я намерен воспользоваться исключительно для устройства моих литературных дел, — напечатание <так!> моего нового романа „Заклинательница Змей“ и перевод его на иностранные языки. Заниматься политикой я совершенно не намерен. Буду очень благодарен Вам, если Вы дадите необходимые подписи и таким образом поможете мне исполнить установленные формальности.

С приветом,

Федор Сологуб». ⁵²

Щеголев, со своим богатым революционным прошлым и вполне ортодоксально большевистским настоящим, был идеальным поручителем, но, исполнив сологубовскую просьбу, он допустил оплошность бюрократического свойства, о чем Сологуб сообщал ему 11 января 1921 года:

«Дорогой Павел Елисеевич,

Большая к Вам просьба: Вы уже были любезны подписать наши анкетные листы в качестве поручителя. Теперь оказывается, что это поручительство надо повторить на отдельном листе. Прилагаю листы мой и А. Н. Будьте добры подписать и вернуть поскорее заказным по адресу: Москва, Воронцовское Поле, Б. Николо-Воробинский переулок, 3, Здравница. Очень обяжете.

Как видите, здесь мы приютились в здравнице. Уютно, сътно, вообще хорошо. Пока еще никого почти не видели.

Поклон и приветы от меня и А. Н. Валентина Андреевне⁵³ и Павлуше,⁵⁴ — он у Вас все энергичнее обращается в Павла Павловича. С новым годом.

Привет и лучшие пожелания

Федор Сологуб». ⁵⁵

Еще через пять дней все бумаги были собраны. 26 января Сологуб отвозит в Наркоминдел анкеты с поручительствами, и ему обещают в течение недели дать ответ. На следующий день Сологуб сообщает об этом в канцелярию Троцкого и просит напомнить о своем деле Каракану.⁵⁶ На рапорт Горяинова об этом наложена резолюция — кажется, рукой Троцкого (хотя почерк у него непримечательный) — «довести до конца». И правда — на следующий день выписаны заграничные паспорта и открыты визы, действительные до осени на выезд через Ямбург в Эстонию. Как раз еще через день, 28 января, подоспела приведенная выше одобрительная резолюция Луначарского, вызревавшая две недели. 2 февраля Сологуб и Чеботаревская забрали паспорта из канцелярии (с чем связана четырехдневная задержка — неясно, может быть, им не сразу сообщили о готовности).⁵⁷ 5 февраля Сологуб специально звонил в кан-

⁵² ИМЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 35–35 об.

⁵³ Щеголева Валентина Андреевна (урожд. Богуславская; 1878–1931) — актриса; жена Щеголева.

⁵⁴ Щеголев Павел Павлович (1903–1936) — историк; сын Щеголева.

⁵⁵ Там же. Л. 28–29.

⁵⁶ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 185.

⁵⁷ Единственный источник сведений об этой дате — летнее (19 июля 1921 года) письмо Сологуба А. Н. Горяинову: «2 февраля я и моя жена получили уже заграничные паспорта...» («Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 89).

целярию Троцкого и благодарили его (через секретаря).⁵⁸ Среди прочего, он сообщил, что они с женой еще несколько дней пробудут в Москве для получения разрешения на вывоз рукописей и других хлопот. 8 числа они оформили доверенности на получения пайков на имя Ольги Черносвитовой, сестры Чеботаревской. 11-го взяли справку о том, что Сологуб продолжает находиться в лечебнице.⁵⁹ И в тот же день они получили телеграмму о том, что их петроградская квартира ограблена.⁶⁰

Вечером этой же злосчастной пятницы, спешно уезжая из Москвы, Сологуб пишет Троцкому:

«Многоуважаемый Лев Давидович.

Уезжая спешно в Петроград, где у нас обкрадена квартира, унесены все необходимые вещи и одежда, я не могу не выразить Вам своей бесконечной признательности. К сожалению, мы не сможем осуществить нашей поездки, о котором <так!> мы просили Наталью Ивановну — когда у Вас будет свободная минута, м. б. Вы сможете это устроить.

Также очень прошу Вас еще раз вступиться за злосчастного проф. Г. Л. Лозинского (я убедился из шестинедельных бесплодных хлопот в Нар. Ком. Прос., что только Вы способны гуманно отозваться и двинуть какое-либо его живое дело), чтобы ему дали разрешение на 6 мес. лечебную поездку за границу. Все формальности исполнены, но дело стоит за резолюцией т. Покровского.

С приветом

Федор Сологуб».⁶¹

12-го утром Сологуб и Чеботаревская возвращаются в Петроград. В ближайшие несколько дней они пытаются возместить хотя бы часть ущерба, нанесенного им ограблением — просят Губисполком и Петрокоммуну выдать им паек, самовар, носильное и постельное белье, теплое пальто — и так далее.⁶² Очевидно, никаких новых хлопот, касающихся поездки, не предпринимается, но, несмотря на это на горизонте вдруг возникает зловещая тень.

В бумагах канцелярии Троцкого подшита бумага, датированная 23 февраля. Это справка, составленная и завизированная уже упоминавшимся выше А. Н. Горяиновым. В ней написано: «Ф. К. Сологуб не может осуществить поездки из-за отсутствия денег, принимаемых за границей. Несмотря на просьбу Натальи Ивановны об обмене Сологубу двести тысяч <так!> советских рублей на николаевские тов. Аванесов в этом отказал».⁶³

Ничего в описанной биографии Сурена Карапетовича Мартиросяна, более известного как Варлам Александрович Аванесов, не объясняет этого поступка.⁶⁴ Сын армянского крестьянина, учился в Ставропольской гимназии. Рано сойдясь с революционерами, эмигрировал в Швейцарию, закончил медицинский факультет Цюрихского университета. Состоял секретарем партийной ячейки города Давоса. Использовал псевдоним Карпич. После большевистского переворота сделал стремительную карьеру. Его отказ обменять

⁵⁸ «Тов. Сологуб позвонил по телефону и просил передать его благодарность тов. Троцкому за оказанное ему содействие в получении разрешения на выезд за границу, чего он добился вчера, получив таковое, из Наркоминдела» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 181).

⁵⁹ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 188.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 641–641 об.

⁶² См.: Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 189–190.

⁶³ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 640.

⁶⁴ См. прежде всего: Аванесов В. А. Статьи. Доклады. Материалы / Сост. и автор прим. С. У. Саркисян. Ереван, 1985.

Сологубу советские деньги на золотые червонцы был лишь дополнительным проявлением антипатии. Главный же шаг, оказавшийся фатальным, — отзыв уже выданных паспортов.

Про то, что паспорта были отозваны, мы знаем из нескольких источников. 22 апреля 1921 года Чеботаревская писала об этом Александре Михайловне Коллонтай (вот, кстати, еще одна большевистская дружба): «...к^{ак} к^{ак}им^и-то чудом все же в М^{оск}ве н^ам выдали загр^{аничные} паспорта, но лишь только мы приехали в П^{етроград} у н^ас их потребовали по приказу М^{оск}ск^{овского} ком^{итета} иностр^{анных} д^{ел} (подпись ос^{обого} от^{дела} и все уже было на пасп^{ортах}) обратно».⁶⁵ 19 июля 1921 года Сологуб, напоминая о своем деле А. Н. Горяинову, восстановливал хронику минувших месяцев: «22 февраля их (паспорта. — А. С.) потребовали обратно».⁶⁶ Само предписание о возврате паспортов, датированное 22 февраля, сохранилось в сологубовском архиве.⁶⁷ И наконец, в служебной переписке между иностранным отделом ВЧК и секретариатом Троцкого единственный раз называется истинный виновник: «ИНО ВЧК сообщает, что паспорт Сологубу ^{так!}, выданный в начале февраля, был отобран обратно ввиду протеста Аванесова».⁶⁸

Здесь, кстати, две сюжетных линии — официальная и лирическая — сплетаются, чтобы вновь разойтись. Сологуб снова и снова просит официальные лица о помощи Лозинскому — предмету безнадежной страсти своей жены. 25 апреля 1921 года он вновь пишет Троцкому и опять посвящает часть письма его судьбе: «В совершенно невозможном состоянии также проф. Г. Л. Лозинский, о котором мы неоднократно просили и Луначарского, и Покровского, и Семашко, так как он сам, туберкулезный, на костылях, лишен возможности приехать для личного ходатайства в Москву».⁶⁹ Но летом этого же года Сологуб неожиданно пишет Лозинскому чрезвычайно возмущенное письмо — которое, возможно, так и не было отправлено: «На днях я совершенно случайно узнал, что в феврале этого года письмо от Ан. Н. к Вам, присланное из Москвы, попало в чужие руки, и Вы это скрывали 4 месяца, хотя Вам было известно, что для нас это повлекло весьма неприятные последствия».⁷⁰

Комментировать все это непросто — не только из-за деликатности темы, но и потому, что все за пределами этого фрагмента погружено в полный туман. Но, учитывая, что главное огорчение февраля (после ограбления) — это отзыв паспортов, не исключено, что небрежность Лозинского имела к нему отношение. Сам он, кстати, бежал в том же августе после гибели Гумилева и ареста брата — и его отъезд послужил одной из причин обострения душевной болезни Чеботаревской. Близко наблюдавшая Сологубов В. Щеголева писала в частном письме: «На нее ^{Ан. Чеботаревскую. — А. С.} очень повлияла смерть Блока, а затем Гумилева. К этому прибавилась еще тревога за Фед. Куз., у которого участились сердечные припадки. Но это еще не все. Самым горьким и острым переживанием была мука неразделенной любви к одному, только что уехавшему за границу, человеку. Она страшно тосковала и совершенно потеряла голову».⁷¹

⁶⁵ «Шипение Сологуба не прибавит ничего». С. 68.

⁶⁶ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 89.

⁶⁷ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 190.

⁶⁸ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 88.

⁶⁹ «Шипение Сологуба не прибавит ничего». С. 69.

⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 31. Л. 3–3 об. (письмо от 20 июня 1921 года).

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 1–1 об. (письмо к Н. Г. Чулковой от 7 февраля 1922 года).

Весной и летом 1921 года хлопоты о выезде не прекращаются ни на один месяц. 19 мая секретариат РКП(б) постановляет в очередном запросе на выезд отказать.⁷² В конце мая Сологубы сами прибывают в Москву в надежде разрешить коллизию с паспортами. 8 июня датировано новое письмо Троцкому:

«Многоуважаемый Лев Давидович,

Пробыли мы здесь 2 недели и с трудом удалось добиться свидания с т. Давыдовым (В. Ч. К.), от которого мы пытались узнать причину отобрания у нас паспортов. Но, разумеется, ничего не узнали. Самый факт выдачи паспортов т. Давыдов⁷³ объяснил „недоразумением“. После этого нам нечего больше делать, и остается только уехать, пока в Кострому, где вопреки желанию Нат. Ив. у нас все-таки взяли дачу; мы спешим взять хоть книги и рукописи из запертой комнаты и вернуться в Петроград. Мы понимаем, что Вы и Наталья Ивановна сделали все, что могли, — но здесь противостоит какая-то темная и слепая стихия „непущения“, от которой можно только отойти территориально, но увы! Это дано не нам. Какой смысл держать нас здесь, как и того несчастного туберкулезного профессора, о котором мы Вам писали? Какие мы враги народа? — На это, очевидно, ответит только история.

С приветом

Федор Сологуб.

Наш костромской адрес: Кострома, Раб.-Кр. Университет».⁷⁴

На рубеже июня и июля это письмо Сологуба проходит через канцелярию В. Р. Менжинского.⁷⁵ 6 июля иностранный отдел ВЧК отказывается выдавать паспорт Сологубу, как и вообще писателям.⁷⁶ 16 июля А. Г. Орг, владелец ревельского издательства «Библиофил» (под маркой которого издавались книги Сологуба) отправляет ему сочувственное письмо: «Получил Вашу записку о постигшей Вас в Москве неудаче. Особенно унывать не следует, что-нибудь придумаем».⁷⁷ Но неожиданно в деле появляется оптимистическое известие — и вновь оно исходит из секретариата Троцкого: 13 июля тот телеграфирует Сологубу в Кострому, что им с Чеботаревской разрешен выезд.⁷⁸

Это разрешение, полученное на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 12 июля, было частью сложной и до сих пор неочевидной литературно-политической интриги: на том же заседании рассматривались ходатайства Горького и Луначарского о разрешении на выезд Блока — и оба они были отклонены. Луначарский, встревоженный неудачей, пытался это решение оспорить, в полемическом запале нападая на своего дальнего родственника: «Сообщенные мне решения ЦК РКП по поводу Блока и Сологуба кажутся мне плодом явного недоразумения. Трудно представить себе решение, нерациональность которого в такой огромной мере бросалась бы в глаза. Кто такой Сологуб? Старый

⁷² «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 88. Вероятно, это рассмотрение было инспирировано письмом А. В. Луначарского в ЦК РКП(б) от 10 мая 1921 года («Шипение Сологуба не прибавит ничего»). С. 71.

⁷³ Давыдов — Яков Христофорович Давтян (1888–1938; расстрелян).

⁷⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 739–739 об.

⁷⁵ Известна исходящая сопроводительная бумага из канцелярии Троцкого: «Прилагая письмо Федора Сологуба, сообщаю стенограмму т. Троцкого: Бутову. Поговорите с т. Менжинским или т. Могилевским. Их заключение. Покажите им это письмо» (Там же. Л. 639).

⁷⁶ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 88–89.

⁷⁷ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не лешишь...». С. 192.

⁷⁸ «Вам принципиально разрешен выезд за границу точка поэтому следует выправлять все бумаги точка Некоторое содействие в этом окажет мой Секретариат точка» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 438. Л. 737). Телеграмма отправлена на адрес Костромского рабоче-крестьянского университета (Сологубы проводили лето в Костромской губернии).

писатель, не возбуждающий более никаких надежд, самым злостным и ядовитым образом настроенный против Советской России, везущий с собой за границу злобную сатиру под названием „Китайская Республика равных“. И этого человека, относительно которого я никогда не настаивал, за которого я, как народный комиссар просвещения, ни разу не ручался (да и было бы бессовестно), о котором я говорил только, что я поставлен в тяжелое положение, ибо ВЧК не отпускает его, а Наркомпрод и Наркомфин не дают мне средств его содержать, этого человека Вы отпускаете. Кто такой Блок? Поэт молодой, возбуждающий огромные надежды, вместе с Брюсовым и Горьким главное украшение всей нашей литературы, так сказать вчерашнего дня»⁷⁹ и т. д.

Примечательно, что Сологубы, несмотря на многолетнее ожидание и очевидную шаткость бюрократической конструкции, вовсе не торопятся: в письме к секретарю Троцкого Сологуб поясняет, что выехать в Москву немедленно из-за нездоровья Чеботаревской они не могут, а прибудут только в августе.⁸⁰ И вновь, как было в феврале, тщанием канцелярии Троцкого для Сологубов организуется режим наибольшего благоприятствования — бесплатный проезд из Костромы в Москву,⁸¹ охрана петроградской квартиры,⁸² ходатайство по поводу обмена валюты⁸³ и так далее. Вскоре радостная весть достигла и провинции — тот же А. Г. Орг восторженно приветствовал пришедшие из Костромы новости:

«Глубокоуважаемый Феодор Кузьмич!

Искренно, от всей души поздравляю с успехом! Дай Бог нам скорее свидеться! Тут для Вас и Анастасии Николаевны все подготовлено: приезжайте спокойно, встретим Вас „Сочтеными днями“, поотдохнете, наберетесь сил и обрадуете нас новыми книгами.

Разрешение на въезд посылаю Вам сегодня же. Очень прошу Вас сразу же сообщить, когда выезжаете, чтобы мог встретить»⁸⁴

Этим надеждам не суждено было сбыться: из-за обострения наследственного психического заболевания Чеботаревской поездку пришлось отложить. Трагедия 23 сентября поставила точку в этой истории.

⁷⁹ «Он будет писать стихи против нас». Правда о болезни и смерти Александра Блока / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. 1995. № 2. С. 39–40. Загадочен источник сведений Луначарского о действительно написанной Сологубом «Китайской республике равных» (см.: Сологуб Ф. Богдыхан: Эпизоды из романа, который может быть написан / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 528–542).

⁸⁰ «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 89.

⁸¹ Ср. в телеграмме от 11 августа 1921 года из секретариата Троцкого к костромскому военному: «Вам явится писатель Сологуб точка. Просьба оказать ему необходимое содействие проезду Москву смысле железнодорожного тарифа выдаче проездных документов литера точка» (РГВА. Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 467. Л. 98; по другой копии и с разночтениями этот и три следующих фрагмента напечатаны: «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». С. 91–93).

⁸² Телеграмма от 14 августа из секретариата Троцкого к петроградскому военному: «Писатель Сологуб задерживается Костроме чтением пользу голодящих точка Петрограде опись веющей дома 5 по 10 линии Васильевского острова окажите содействие охране веющей квартиры т. Сологуб» (Там же. Л. 165).

⁸³ Ср. в «почто-телефонограмме» Троцкого к Л. Б. Красину от 25 августа 1921 года: «Прилагаю письмо писателя Сологуба. Его выезд два раза разрешался, потом разрешение отменялось и пр. и пр. Он сильно голодал с женой. Теперь как будто все устроилось, но остановка за валютой. Что можно сделать?» (Там же. Л. 204).

⁸⁴ Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». С. 192.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. В. Карташев

ПИСЬМО К К. К. ЭНКЕЛЮ

(ПУБЛИКАЦИЯ © М. М. ПАВЛОВОЙ)

Публикуемый документ фиксирует еще одну неудавшуюся попытку получения транзитной визы для Ф. Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской, которую по просьбе Мережковских в марте 1919 года предпринял их ближайший соратник по религиозно-общественной деятельности, бывший министр вероисповеданий Временного правительства Антон Владимирович Карташев (1875–1960), находившийся в Гельсингфорсе (Хельсинки).¹

Как следует из публикуемого письма, Мережковские просили Карташева о содействии в получении транзитной визы в Финляндию также для своего секретаря Владимира Ананьевича Злобина (1894–1967),² его матери — Екатерины Александровны Злобиной (урожд. Падерина) и их знакомой — некоей Елены Владимировны Альтшуль.

Скудные анкетные сведения об Альтшуль удалось обнаружить в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга (личное дело хранится в фонде латвийских оптантов).³ Согласно анкетным данным, она родилась в 1893 году в Либаве (Лиепае), православного вероисповедания, по месту жительства на 1912 год зарегистрирована в Воронеже; в 1914-м приехала в Петербург, поступила на курсы (какие — не указано). В личной карточке по найму ПСНХ (Петроградского Совета народного хозяйства) значится, что с марта по ноябрь 1917 года Альтшуль работала каторщицей в земском союзе; в июле 1919 года поступила на службу в должности счетовода в счетно-финансовый отдел Петротопа. К личному делу приложен опросный лист с фотографией (очень интересное девичье лицо), прошение от 24 сентября 1918 года о выдаче загранпаспорта (в графе «Цель поездки»: «за полным отсутствием средств к жизни еду на иждивение к брату в Киев», адрес указан); удостоверение о том, что препятствий в выезде в оккупированные области со стороны Совета Трудовой коммуны не встречается.⁴

Письмо Карташева с просьбой о выдаче транзитных виз для пятерых поименованных лиц адресовано видному финскому государственному деятелю, последнему министру статс-секретарю Финляндии (8 апреля — ноябрь 1917 года),

¹ В ночь с 25 на 26 октября 1917 года А. В. Карташев вместе с другими министрами Временного правительства был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен в тюрьму «Кресты»; после освобождения в январе 1918 года перешел на нелегальное положение и уехал в Москву. Будучи членом Высшего церковного совета при патриархе Тихоне, летом 1918 года принимал участие в Поместном соборе; одновременно работал в подпольной антибольшевистской организации «Национальный Центр» (1918–1920). После роспуска большевиками Поместного собора бежал в Финляндию; в ночь на новый 1919 год перешел финскую границу. В Гельсингфорсе вошел в «Политическое совещание» при генерале Н. Н. Юдениче, занимался организацией Белого движения на Северо-Западе; с 1920 года — в Париже, председатель Русского национального комитета (1924–1940). См.: Автобиография Антона Владимировича Карташева (1875–1960) // Вестник русского студенческого христианского движения (Париж; Нью-Йорк). 1960. № 58–59.

² О планируемом совместно с Мережковскими отъезде Злобина см.: Переписка З. Н. Гиппиус с В. А. Злобиным. 1916–1919 / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Лит. наследство. 2021. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 2. С. 555, 565–566, 596 (письма Гиппиус от 18 сентября 1918-го, 17 января и от марта 1919 года).

³ Личное дело Е. В. Альтшуль: ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 16. Д. 99 (Иностранные отделение. Латвийцы «Ал»); Ф. Р-80. Оп. 22. Д. 79; личная карточка: Там же. Ф. З-1366. Оп. 4. Д. 130.

⁴ Там же. Ф. Р-80. Оп. 22. Д. 79. Л. 114.

с которым как член Временного правительства Карташев, очевидно, соприкасался. Карл Карлович Энкель (полное имя: Карл Йохан Алексис Энкель, Carl Johan Alexis Enckell; 1876–1959) родился в Петербурге в семье генерала Российской армии К. К. Энкеля (1839–1921), подробные сведения о династии Энкелей можно почерпнуть в обстоятельной работе М. Витухновской-Кауппала,⁵ здесь этой темы мы касаться не будем.

Энкель младший, получивший военное образование в кадетском корпусе во Фридрихсгаме (по его окончании в 1896-м три года служил в Лейб-гвардии Измайловском полку) и инженерное в Германии, свободно вращался в политических, промышленных и в военных кругах Петрограда, имел тесные связи с членами Временного правительства и непосредственно с А. Ф. Керенским.⁶ После большевистского переворота и объявления независимости Финляндии его должность стала именоваться так: представитель Финского сената в России. С 1918 года Энкель занимал пост министра иностранных дел Финляндии (позднее на этот пост его назначали неоднократно).⁷ К нему («русскому» финну) с просьбами о содействии в получении визы постоянно обращались многочисленные русские оптантанты.

Ответ Энкеля на обращение Карташева неизвестен; возможно, его помощью по каким-то причинам не воспользовались. Злобин бежал из Петрограда 24 января 1919 года вместе с Мережковскими и Д. В. Философовым, Е. А. Злобина осталась в России, в 1922 году она приезжала в Германию повидать сына (с надеждой склонить его к возвращению на родину); Е. В. Альтшуль, согласно имеющимся в ее личном деле документам, могла покинуть Россию не ранее 1921 года,⁸ однако о ее дальнейшей судьбе нам ничего не известно.

Письмо А. В. Карташева к К. К. Энкелю публикуется по копии, хранящейся в фонде Д. Д. Гrimm⁹ в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (США): The Hoover Institution on War, Revolution, and Peace. Coll. David D. Grimm. Correspondence Kartashev. 1919–1921. Box 1. Оригинал письма не выявлен.

Приносим благодарность Г. В. Обатину за консультацию и тщательное обследование корреспонденции К. К. Энкеля в хельсинкском архиве (National Archives of Finland. Carl Enckell's archive. Box 84).

⁵ Витухновская-Кауппала М. Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель–ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3. С. 117–131.

⁶ Там же. С. 123.

⁷ Как отмечает М. Витухновская-Кауппала, Энкель занимал должность министра иностранных дел Финляндии в самые решительные периоды финской истории: возглавлял финскую делегацию на Парижских мирных переговорах (1919), был послом Финляндии во Франции; руководил финской делегацией на переговорах о перемирии с СССР (1944), от лица Финляндии подписал мирный договор с СССР (1947). На всем протяжении «карьеры политика ему помогали навыки, полученные в имперской России, и многочисленные социальные сети, сложившиеся в молодые годы» (Там же. С. 130).

⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-1001. Оп. 16. Д. 99 (Иностранные отделение. Латвийцы «Ал»). Л. 114. В личном деле имеется документ: «Удостоверение от февраля 1921 г. на имя Е. В. Альтшуль, конторщицы из Железкома Мурманской ж. д. в том, что к увольнению ее со службы в виду отъезда на родину в Латвию препятствий со стороны Железкома Мурманской ж. д. не встречается».

⁹ Гrimm Давид Давидович (1864–1941) — юрист, правовед, в 1910–1911 годах ректор Санкт-Петербургского университета; видный член конституционно-демократической партии; в марте 1917 года был назначен комиссаром Временного правительства над Государственной Канцелярией и Канцелярией по принятию прошений. С февраля 1920 года в эмиграции в Финляндии, позднее в Париже; участвовал в антибольшевистском движении; с конца 1920 года — представитель Главнокомандующего Русской армией барона П. Н. Врангеля и парижского Совета послов. Позже вошел в состав Русского национального комитета (1921–1940) с центром в Париже.

Глубокоуважаемый
Карл Карлович

Позволяю себе затруднить Вас ходатайством о разрешении въезда в Финляндию из Петрограда известному русскому беллетристу Федору Кузьмичу Тетерникову (Соллогубу) *<так!>* и его жене, также писательнице Анастасии Николаевне Чеботаревской.¹

Соллогуб как публицист в течение всей войны был врагом пораженчества,² а затем стал врагом большевиков и потому теперь уста его запечатаны и делать ему в бывшей России нечего. Насколько мне известно, супруги Соллогуб имеют целью своего путешествия Париж. Потому пребывание их в Финляндии должно быть времененным, и финляндская виза может быть только транзитной.

В такой же транзитной визе нуждаются и еще три лица по просьбе Д. С. Мережковского: Екатерина Александровна Злобина, Владимир Ананьевич Злобин и Елена Владимировна Альтшуль.

Это бывшие домовладельцы и состоятельные буржуа, у которых Д. С. Мережковский жил на даче³ и с которыми он поддерживал близкие отношения.

В случае Вашего согласия, не откажите дать моему ходатайству немедленное движение.

Примите уверения в совершенном моем уважении и преданности.

Гельсингфорс Марта 1919 г.

¹ План бегства через Финляндию Мережковские обсуждали совместно с Сологубами. 2 января 1919 года Гиппиус осторожно писала Чеботаревской: «Не собираетесь ли вы в Финляндию? Посмотреть бы на небо да на снег в какой-нибудь санатории, легче бы, я думаю, стало» (Письма З. Н. Гиппиус к Федору Сологубу и А. Н. Чеботаревской (1894–1917) / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Лит. наследство. Т. 106. Кн. 1. С. 556). См. также очерк «Отрывочное. О Сологубе»: Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица / Вступ. статья, сост., подг. текста, комм. Н. А. Богомолова. М., 1991. С. 370).

² С самого начала Первой мировой войны Сологуб занял «оборонческую» позицию, за что не раз подвергался резкой критике в «пораженческой» печати, в частности в «Голосе жизни», в редакцию которого входили Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философов (с января 1915 года — редактор); подробнее об этом см.: Голлербах Е. А. Федор Сологуб и «Отечество» З. И. Гржебина // Русская литература. 2016. № 1. С. 159–176; Козыменко М. В. Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: Политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 476–503; Павлова М. М. Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014. С. 15–29; Сологуб Ф. Публицистика Первой мировой войны / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Там же. С. 30–165.

³ С июля по сентябрь 1918 года Мережковские жили на даче в Дружноселье — бывшем имении генерала П. Х. Витгенштейна в Царскосельском уезде Петроградской губернии, неподалеку от станции Сиверская Варшавской железной дороги. О последних владельцах дачи сведениями мы не располагаем.

Ф. К. СОЛОГУБ В ДНЕВНИКЕ Е. П. КАЗАНОВИЧ

(ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © А. В. ВОСТРИКОВА;
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © М. М. ПАВЛОВОЙ
ПРИ УЧАСТИИ © А. В. ВОСТРИКОВА)

Основная часть дневниковых записей Евлалии Павловны Казанович (1885–1942) о Федоре Сологубе относится к 1920–1923 годам, одному из наиболее драматичных периодов биографии писателя. Переживание последствий социальной катастрофы, болезнь и самоубийство жены — писательницы и переводчицы Анастасии Николаевны Чеботаревской (1876–1921), несостоявшийся отъезд за границу — все вместе заметно сказалось на его внешнем и внутреннем облике («...было что-то умирающее в голосе и выражении лица Сологуба: чужое, далекое, бесстрастное, потухающее...»; запись в дневнике Казанович от 13 декабря 1920 года). Этот период получило широкое отражение в мемуарах, дневниках и письмах современников (библиография источников объемна и хорошо известна исследователям, здесь мы ее не приводим). Записи Казанович освещают образ позднего Сологуба с нового ракурса, дополняют его штрихами, деталями и ранее неизвестными фактами, и уже по этой причине заслуживают внимания.

Личность диаристки — одной из первых сотрудниц Пушкинского Дома, в развернутом представлении не нуждается,¹ следуя жанру, напомним основные вехи ее биографии.

Евлалия Павловна Казанович родилась в Могилеве в обедневшей дворянской семье, училась в Могилевской женской гимназии, в 1905 году приехала в Петербург и поступила на физико-математическое отделение Высших женских (Бестужевских) курсов, а вскоре перешла на историко-филологическое; училась с перерывами (обусловленными семейными и финансовыми проблемами) и окончила курсы только в 1913 году (группа русской филологии, подгруппа литературы). В 1911 году академик Н. А. Котляревский привлек ее к описанию книжного собрания Пушкинского Дома, где Казанович с тех пор стала постоянным сотрудником, сначала внештатным, а затем и штатным; по штатному расписанию 1919 года была утверждена в должности библиотекаря, затем помощника хранителя книжных собраний (1921), а после — научного сотрудника Рукописного отдела II разряда. В октябре 1929 года при начале «академического дела» была арестована, провела около двух месяцев в заключении (без предъявления обвинений), а после освобождения уволилась из Пушкинского Дома по собственному желанию; впоследствии недолго работала в различных библиотеках; жила литературным трудом; погибла в Ленинграде в первую блокадную зиму.

Казанович принадлежит ряд историко-литературных работ (о творчестве Д. И. Писарева, Ф. И. Тютчева, А. С. Пушкина и др.), воспоминания (о Д. Н. Овсянико-Куликовском, Н. А. Котляревском и др.) и переводы (в том числе перевод сборника статей Р. Роллана «Над схваткой» (Л., 1935)); событием в отечественной тютчевиане стал подготовленный ею альманах «Ура-

¹ См.: Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 160–161; Измайлова Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003. С. 326; Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 63, 451.

ния» (1928)² со статьями Л. В. Пумпянского, С. Н. Дурылина, Г. И. Чулкова и др.

Однако в контексте темы публикации Казанович интересует нас, прежде всего, как автор дневника, который с полным правом можно назвать замечательным памятником эпохи и выразительным автопортретом.³ Не останавливаясь подробно на достоинствах и особенностях этого исторического и человеческого документа, обратим внимание только на некоторые специфические качества его автора.⁴ Казанович была очень непростым человеком, иногда крайне резким и неуживчивым. Повторяя (вслед за братом) применительно к себе малороссийское слово «одынец», она прожила свои полвека с лишним, не обзаведясь ни семьей, ни сколько-нибудь постоянными и прочными дружескими связями. Сосредоточенная на себе, она постоянно металась между безудержными фантазиями о собственной исключительности и высоком предназначении и ламентациями по поводу своей несостоительности и бесмысленности жизненного прозябания. Столь же полярными были ее суждения о «виденном и слышанном». С одной стороны, легко внушаемая и не обладавшая сколько-нибудь серьезным жизненным опытом девушка принимала на веру прочитанные в газетах, услышанные от знакомых или даже незнакомых людей сведения; с другой стороны, декларируемые самобытность и духовная независимость могли заставить столь же немотивированно отвергать «мнение толпы». Впрочем, эта немотивированность обычно была только внешней и основывалась на сложившейся внутренней системе ценностей и идеалов. Попав под влияние какой-либо идеи, личности, исторической фигуры, Казанович доводила свое увлечение до абсолюта, до восторженного поклонения.

Нам известны два персонифицированных «объекта» такого поклонения. Первый — профессор философии Петербургского университета и Высших женских курсов, председатель философского общества при университете Александр Иванович Введенский (1856–1925). В отношении Казанович к Введенскому сложилось все: и увлечение популярным лектором, и гимназическое «обожание», и женская влюбленность, и стремление к высокой мудрости (хотя сколько-нибудь серьезных философских познаний она не обрела), и фантазии о своем предназначении.⁵ Введенского отодвинул на задний план Нестор Александрович Котляревский (1863–1925), не только ученый и профессор, но и галантный мужчина, и остроумный собеседник, и внимательный старший товарищ. («Предметом ее многолетней восторженной привязанности был Нестор Александрович, приходивший к ней, по заведенной традиции, каждую неделю в определенный день (кажется, по воскресеньям) на чашку чая. Сам он относился к ней с большой симпатией, но иногда и с легкой, свойственной ему иронией».⁶) Именно благодаря Котляревскому, с 1910 года ставшему во главе Пушкинского Дома, Казанович и оказалась в его стенах — сначала в роли неофициальной помощницы, а затем и первого постоянного сотрудника.

² Урания: Тютчевский альманах. 1803–1928 / Под ред. Е. П. Казанович; вступ. статья Л. В. Пумпянского. Л., 1928.

³ Казанович вела дневники с детства, в разных форматах (иногда даже параллельно). В настоящей публикации мы имеем в виду основной (и наиболее известный) текст, охватывающий период с 1912 по 1923 год: Казанович Е. П. Записки о виденном и слышанном: Тетради I–IV // РНБ. Ф. 326. № 17–20.

⁴ Подробнее см.: Востриков А. В. Евлалия Павловна Казанович и ее «Записки о виденном и слышанном» // История отечественной культуры в архивных документах: Сб. статей. СПб., 2021. Вып. 2. С. 172–181.

⁵ Подробнее об этом (включая проект создания Философского института) см.: Орлова Н. Х. Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки. СПб., 2018. С. 22–32.

⁶ Измайлова Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. С. 292.

Одним из самых известных и оригинальных фактов ее историко-литературной биографии можно назвать альбом, в котором знакомые ей литераторы оставляли автографы — в подарок Пушкинскому Дому. В первом номере «Вестника литературы» за 1922 год была помещена заметка: «Одна из сотрудниц Пушкинского Дома при Академии Наук завела альбом автографов, предназначаемый ею в дар Пушкинскому Дому. Альбом открывается стихотворением А. Блока («Имя Пушкинского Дома в Академии наук...», 1 мая 1921), ставшим последним произведением поэта. Тема стихотворения — Пушкинский Дом и связанные с ним переживания. Далее следуют автографы Анны Ахматовой («Смуглый отрок бродил по аллеям...»), Алексея Ремизова и др.».⁷

Впоследствии Казанович вспоминала: «Мысль эта, зародившаяся давно, начала осуществляться однако довольно поздно, и побудительным толчком к этому явилось быстрое исчезание людей в годы революции; надо было торопиться поймать тех, которые еще оставались на нашем горизонте».⁸

Альбом пополнялся вплоть до 1936 года включительно, в нем также остались автографы Вс. Рождественский, Влад. Княжнин, Андрей Белый, М. Кузмин, Ю. Верховский, Ф. Сологуб, О. Форш, Е. Замятин, Г. Чулков, И. Новиков, Конст. Эрберг, О. Мандельштам, Вал. Кривич, Мих. Лозинский, Инн. Оксенов; акварели — К. Петров-Водкин, М. Волошин, Н. Фогт; музыкальные автографы — С. Ляпунов и В. Щербачев.

В своем дневнике Казанович об альбоме пишет очень мало и только в тех случаях, когда интересным оказалось общение само по себе — с А. Ф. Кони⁹ или Андреем Белым,¹⁰ или несостоявшимся с М. Горьким.¹¹ И пожалуй, наиболее обстоятельно изложена история взаимоотношений с Сологубом с финальной альбомной кодой.

Первые упоминания о Сологубе относятся к 1912 году. Сложно сказать, читала ли она к этому времени что-нибудь, кроме «Мелкого беса» (1907), но «Мелкого беса» читала определенно, а в 1923 году даже перечитывала (см. запись от 8 мая). Судя по всему, сочинения «модного» писателя, к тому же имевшего репутацию «махрового декадента», не входили в круг ее читательских предпочтений, хотя именно в эти годы (начало 1910-х годов) для многих Сологуб был «кумиром», поклонники его музы и начинающие поэты, а особенностями поклонницы — гимназистки, курсистки, поэтессы, писали ему восторженные письма.¹²

С современной русской литературой Казанович была знакома выборочно, в области поэзии сама себя называла «крайне невежественной». В Пушкинском Доме литература предстала перед ней своей бытовой стороной — черновиками, письмами, библиотеками литераторов, а современные писатели — живыми людьми, участниками литературных чтений, посетителями выставок

⁷ Вестник литературы. 1922. № 1. С. 23. Альбом Е. П. Казанович: ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 282.

⁸ Казанович Е. П. Как было написано А. Блоком стихотворение «Пушкинскому Дому» // РНБ. Ф. 326. № 62. Л. 5. Статья была опубликована В. Н. Сажиным (Звезда. 1977. № 10. С. 199–201), однако цитируемые нами строки, по цензурным соображениям советского времени, были опущены.

⁹ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 92–93 (запись от 27 октября 1921 года).

¹⁰ Там же. Л. 84 об. — 85 (запись от 20–21 августа 1921 года).

¹¹ Там же. Л. 91–91 об. (запись от 12 октября 1921 года).

¹² См.: Мисникевич Т. В. Федор Сологуб, его поклонницы и корреспондентки // Эротизм без берегов. М., 2004. С. 349–390; Мисникевич Т. В., Филичева В. В. Становление литературной репутации Федора Сологуба (по материалам переписки с современниками) // Писатель — критик — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX вв.). СПб., 2022. С. 67–128.

и торжественных вечеров. Если еще в начале 1910-х годов фигура «писателя в жизни» — любого! — вызывала у нее жгучий интерес,¹³ то теперь она смогла со многими познакомиться лично.

Ее внимание к Сологубу, вероятно, привлек Котляревский. Он был знаком с ним со времен ивановских «сред» (1905–1907),¹⁴ знал, как высоко ценят его лирику и прозу в кругу символистов и какое место в современной литературе ему предписывала авторитетная критика и историки русской словесности.¹⁵

В 1908 году Котляревский был назначен членом Санкт-Петербургского отделения Театрально-литературного комитета и заведующим репертуаром драмы Императорских театров (эту должность он занимал до 1917 года). Знаток и ценитель поэзии Золотого века, Котляревский не приветствовал проникновение на императорскую сцену пьес модернистов, оставаясь сторонником классического репертуара. Во время его заведования из пьес Сологуба, предложенных для постановки на Александринской сцене, была дозволена и шла только одна — «Заложники жизни» (1910),¹⁶ при этом из-за сопротивления Театрально-литературного комитета (в лице Ф. Д. Батюшкова, П. О. Морозова и самого Котляревского) прохождение «Заложников жизни» на сцену длилось почти полтора года. Премьера состоялась 6 ноября 1912 года (в постановке В. Мейерхольда).¹⁷

За три дня до премьеры в «Биржевых ведомостях» появилась статья Котляревского «О современном репертуаре», в которой, не упоминая о «Заложниках», но подразумевая среди прочего и пьесу Сологуба, он писал: «Все жалобы на репертуар относятся не к пьесам старым, не к нашему „классическому театру“, который достаточно богат и самобытен, а к современной драматургии... <...> тот, кто следил за современным репертуаром не только на сцене, но и в печати, мог заметить нарождение особого типа пьес, грядущую судьбу которых предсказать трудно, но которые, во всяком случае, имеют за собой достоинство новизны. Определенного названия эти пьесы пока еще не имеют, школы они пока еще не создали: называют их пока пьесами „нового“ направления, стиля „модерн“, — хотя они не так молоды, если годом их рождения считать тот год, когда появилась в печати пьеса Минского „Альма“».¹⁸

¹³ Ср. об А. М. Ремизове, которого она увидела в Белоострове у И. А. Шляпкина в мае 1912 года: «Весь мой интерес направился, конечно, к фигуре Ремизова, т. к. мне довольно знать о ком-нибудь, что он писатель, хотя бы даже и не из особенно вкусных, чтобы он сразу привлек мой интерес, но это до тех пор, конечно, пока я не узнаю, что это такое, стоит ли интереса, или нет. О Ремизове же я не имела еще никакого своего мнения; читать его не приходилось; слышала только, что он что-то чудит. Поэтому я уставилась на него с большим любопытством» (РНБ. Ф. 326. № 18. Л. 30 об.).

¹⁴ См.: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М., 2009. С. 135, 186 (и по указ.).

¹⁵ См.: Горнфельд А. Федор Сологуб // Русская литература XX века / Под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 1915. Т. 2. С. 14–64.

¹⁶ Впервые: Сологуб Ф. Заложники жизни. Драма в пяти действиях // Альманахи издательства «Шиповник». СПб., 1912. Кн. 22. С. 1–108.

¹⁷ Подробно об истории постановки см.: Галанина Ю. Вокруг «Заложников жизни» // Мейерхольд и другие: Документы и материалы. М., 2000. С. 157–175; Ф. Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом (1906–1927) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Ю. Е. Галаниной // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 247–253.

¹⁸ Имеется в виду драма Н. Минского «Альма. Трагедия из современной жизни» (СПб., 1900); прототипом главной героини («святой грешницы») послужила З. Гиппиус (в 1890-е годы Минский был ее поклонником и корреспондентом). Гиппиус отклинулась на публикацию «Альмы» статьей «Торжество в честь смерти» (Мир искусства. 1900. Т. 4. № 13–24. С. 85–94), в которой провела границу между искусством будущего — символизмом и нежизнеспособным декадентством, при этом драму Минского она рассматривает как произведение декадентское. Подробнее см.: Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским (1891–1912) / Вступ. статья, прим.

С появления этой пьесы до наших дней это „новое“ направление, сколько нам известно, не создало ни одного сценического произведения, если не считать двух или трех философских драм и мистерий, не для сцены и очень трудных для постановки. Очевидно, то направление еще все в будущем, и остается пожелать, чтобы свое появление на сцене оно ознаменовало каким-нибудь действительно крупным явлением, которое осталось бы на страницах истории театра, как остались многие пьесы, написанные в старом стиле».¹⁹

Вторая часть статьи (опубликована в «Биржевых ведомостях» 5 ноября) заканчивалась полемической адресацией к символистам, утверждавшим превосходство искусства над жизнью, и непосредственно к Сологубу, автору романной трилогии «Творимая легенда» (1907–1913):²⁰ «Жизнь всегда отражает искусство, и она всегда ярче своего отражения, но пусть искусство идет по пятам жизни, а не топчется в кругу таких настроений и мыслей, которые хоть и имеются на лице во всякой жизни, но не придают ей ни темпа, ни красоты».²¹

По-видимому, в эти же дни между Котляревским и Сологубом состоялся разговор о «новой» драме. Предположительно 4 ноября Сологуб писал Котляревскому: «Мне, действительно, думается, что репертуар русского театра вообще (не только казенного) следовало бы расширить. Я думаю, что могли бы быть поставлены такие пьесы, как „Земля“ Брюсова, „Альма“ Минского, „Маков цвет“ З. Гиппиус, Мережковского и Философова, „Песня судьбы“ Блока, „Темный ветер“ Городецкого²² и еще некоторые, но то, что эти пьесы не ставятся, я не думаю ставить в упрек Вам как заведующему репертуаром. Может быть, вся сложная машина театра сложилась так, что этих пьес театр не может ставить. Но, никого ни в чем не обвиняя, все же я считаю себя в праве желать того и говорить о том, чтобы театр сделал некоторые усилия к тому, чтобы нашлась возможность ставить пьесы этих писателей».²³

С. В. Сапожкова; сост. и подг. текстов А. В. Сысоевой, С. В. Сапожкова // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1. С. 116–119; Лавров А. В. Иван Коневской — полемист // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М., 2015. С. 91–103 (по поводу статьи И. Коневского «Альма, трагедия Минского»).

¹⁹ Котляревский Н. О современном репертуаре // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 3 нояб. № 13230. С. 5.

²⁰ Ср. эстетические декларации Сологуба: «Беру кусок жизни грубой и бедной и творю из нее сладостную легенду, ибо я — поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую легенду об очаровательном и прекрасном» (вступление к романной трилогии «Творимая легенда» (1907–1913): Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 4. С. 7); «Искусство идет впереди жизни и требует от нее творческого подвига, заражает жизнь жаждо этого подвига. Где искусство не выполняет своей верховной, руководящей деятельности, там жизнь обращается из деятельного, хотя и подражательного искусства подвига в быт, от искусства независимый, но зато застойный. Искусство, идущее за жизнью, знаменует всегда эпохи застоя, хотя бы и блестательного» (Сологуб Ф. Искусство наших дней // Сологуб Ф. Собр. соч. Т. 6. С. 441; впервые: Русская мысль. 1915. № 12). В виде лекции текст был прочитан во время поездки Сологуба по городам России в 1913–1914 годах. Подробно см.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 297, 327–348.

²¹ Котляревский Н. О современном репертуаре // Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 5 нояб. № 13232. С. 5.

²² Упоминаются: пьеса В. Брюсова «Земля» (др. название: «Земля. Сцены из будущих времен»), 1904, опубликована в составе сборника Брюсова «Земная ось. Рассказы и драматические сцены» (М., 1907); пьеса З. Гиппиус, Д. Мережковского и Д. Философова «Маков цвет», впервые опубл.: Русская мысль. 1907. № 11; отд. изд.: СПб., 1908; «Темный ветер» (1911) — комедия С. Городецкого, при жизни не была опубликована; лирическая драма А. Блока «Песня судьбы» (1908), впервые опубликована в девятой книге альманаха «Шиповник» (СПб., 1909). О драме «Альма» Н. Минского см. прим. 18; см. также запись в дневнике Казанович от 28 ноября 1912 года.

²³ ИРЛИ. Ф. 135 (Н. А. Котляревский). № 667. Л. 8–8 об. Датируется по содержанию.

4 ноября (датируем по почтовому штемпелю) Котляревский писал в ответ: «...я очень рад нашему разговору. <...> В одном я с Вами не согласен, это — возможности подогнать под условия сцены — „Землю“ Брюсова, „Маков Цвет“ и „Темный ветер“, по-моему, пьесы очень слабые. „Альму“ я давно люблю и еще лет 10 тому назад сватал ее Попову²⁴ для постановки. Пьеса Блока мне неизвестна».²⁵

Вопреки мнению Котляревского о несценичности «новой» драмы, постановка «Заложников» на Александринской сцене имела оглушительный успех, вызвала шумные споры, дискуссии и широкий резонанс в критике.²⁶

В конце лета 1912 года Сологуб представил в Театрально-литературный комитет инсценировку по роману Л. Толстого «Война и мир»,²⁷ которая была приурочена к празднованию столетия победы в войне 1812 года. Несмотря на заверения Котляревского в успехе дела («Сегодня я передал „Войну и мир“ в наш Комитет. Уверен вполне, что пьеса возражений не встретит. По крайней мере, с моей стороны таковых не будет» — письмо от 31 октября 1912 года²⁸), инсценировка в репертуар не попала.²⁹

Та же участь постигла и пьесу «Любовь над безднами» (1915),³⁰ которую на сцене Михайловского театра предполагал поставить молодой талантливый режиссер Ю. Л. Ракитин. 27 апреля 1915 года он писал Чеботаревской: «Относительно пьесы Федор<а> Кузьмич<а> и Михайловского театра могу сказать следующее: Он находится всецело в руках Нестора Александровича Котляревского и репертуар его должен быть, как велось все это время, строго классический — как приспособленный для учащейся молодежи. / Рекомендовать же мне пьесу Федора Кузьмича, мне кажется, будет бесцельно, т. к. Нестор Алекс<андрович> не принимает в расчет вкусы и желания режиссеров, а выбирает пьесы сам, проводя затем их через Комитет».³¹

Котляревский и возглавляемый им Комитет своих позиций не сдавали, полемика по поводу современного репертуара не утихала. Ее отголоски слышатся в статье Сологуба «Наблюдения и мечты о театре» (1917), написанной в соавторстве с Чеботаревской, в которой они предлагали включить в репертуар современного революционного театра пьесы символистов — Вяч. Иванова,

²⁴ Попов Николай Александрович (1871—1949) — режиссер, драматург, театральный деятель; в 1902—1907 годах руководил с перерывами Народным театром Василеостровского общества народных развлечений в Петербурге, в 1904—1906 — режиссер театра В. Ф. Комиссаржевской, в 1901—1910 — главный режиссер киевского театра «Соловцов», в 1907—1910 — режиссер московского Малого театра. В 1909 году на сцене театра «Соловцов» поставил авторскую инсценировку Сологуба по роману «Мелкий бес».

²⁵ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 355. Л. 4.

²⁶ См. прим. 17.

²⁷ Впервые (литографированное издание): Война и мир. Картины из романа Л. Н. Толстого, избранные и приспособленные для сцены Федором Сологубом. СПб., [1912]. Александринский театр, отклонивший переделку Сологуба, открыл сезон исторической хроникой А. И. Бахметьева «Двенадцатый год». См. об этом: Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловой / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 231; Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом. С. 334, 337—346.

²⁸ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 355. Л. 1.

²⁹ В письме к Сологубу от 24 января 1913 года (датируем по почтовому штемпелю) Котляревский сообщал, что решение Комитета относительно инсценировки по роману «Война и мир» было для него неожиданностью, он имел другое мнение (Там же. Л. 7).

³⁰ Пьеса Сологуба «Любовь над безднами» (1915), написанная в соавторстве с Ан. Чеботаревской (впервые: Пг., 1915), не была одобрена Театрально-литературным комитетом для постановки на сцене Александринского и Михайловского театров (официальный ответ от 3 марта 1916 года: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 878. Л. 51). Подробно см.: Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом. С. 357—377.

³¹ Там же. С. 377.

Ал. Ремизова, Блока, В. Брюсова, Л. Андреева и Сологуба («репертуар, однако, почти целиком упорно отвергаемый»³²).

Годы знакомства не сблизили Котляревского и Сологуба, однако уставившиеся между ними контакты не прерывались, а после 1917 года, в новой общественно-политической обстановке, сплотившей деятелей дореволюционной культуры, и заметно потеплели. Наиболее вероятным местом их встреч в 1920–1922 годах был Дом литераторов (1918–1922), самоорганизовавшийся для выживания творческой интеллигенции в обстоятельствах экономического и идеологического государственного террора. С весны 1920 года Котляревский возглавлял Комитет Дома литераторов, членом которого состоял и Сологуб (в разные годы в состав входили А. В. Амфитеатров, А. А. Ахматова, А. А. Блок, А. В. Ганзен, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, Ф. Ф. Зелинский, А. Ф. Кони, А. М. Ремизов).³³

7 декабря 1920 года Сологуб писал Котляревскому: «С большим утешением слушали мы от одной из наших добрых знакомых краткий пересказ Вашей лекции о русской литературе. И мне, и Анастасии Николаевне показалось в этом что-то очень близкое к нашим мыслям и настроениям. Мы были бы очень рады, если бы удалось побеседовать с Вами на эти темы. Не соберетесь ли к нам как-нибудь пообедать, и потом можно было бы вечером собрать несколько людей, более или менее близких, и поговорить. Быть может, созвонимся или спишемся относительно дня в ближайшее время».³⁴

В тот же день Котляревский писал в ответ: «Многоуважаемый Федор Кузьмич / Я с большой охотой найду случай побеседовать с Вами на тему, которая Вас заинтересовала, тем более что мне хотелось бы еще о кое-каких литературных делах поговорить с Вами. В данную минуту я совершенно разорван на части днем (кстати сказать, по вечерам я никуда не годен), так как должен к 1-му Января составить целый ряд отчетов (годичных) по тем комиссиям, которые в моем ведении.³⁵ Работа очень хлопотливая, а хотелось бы поговорить с Вами по существу и без „рассеяния“./ Время, впрочем, терпит, и я надеюсь, что мы его не упустим. А беседовать в <нрзб.> кружке, как Вы пишете, будем после того, как потолкуем вместе».³⁶

Благодаря дружеским отношениям и беседам с Котляревским, Казанович была подготовлена к встрече с Сологубом. Завязтой театралкой она не была, однако театром интересовалась. В их разговорах репертуарная тема возникала не раз, а на немноголюдных «журфиксах» при появлении Котляревского иногда становилась навязчивой.³⁷ Вероятно, упоминалось и имя Сологуба — и как современного драматурга, и как популярного писателя, и как челове-

³² Русская мысль. 1918. № 1–2. Отд. II. С. 6–7. Опубликована за подписью Сологуба.

³³ Подробный очерк см.: Кукушкина Т. А. «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...». Дом литераторов (1918–1922) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. С. 77–95.

³⁴ ИРЛИ. Ф. 135. № 667. Л. 11–11 об.

³⁵ Речь идет о постоянных комиссиях, работавших в Пушкинском Доме — Археографической и академической Пушкинской (первой Пушкинской комиссии по изданию академического собрания).

³⁶ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 355. Л. 9.

³⁷ Ср. в записи от 28 октября 1912 года: «...пока, наконец, Н<естор> А<лександрович> не выдержал и не проговорил расслабленным, полным комического страдания голосом <...>: „Ради Бога, только не о театре, а то я сейчас сбегу...“ <...> Со мной же он иногда сам заговаривает об нем, рассказывает о своих театральных горестях, о всех пакостях, на какие пускается Савина, <...> горюет о том, что нет хороших пьес. / „А между тем, мы должны ведь наряду с классическим репертуаром ставить несколько новых пьес в год, давать дорогу и современным авторам“, — добавляет он» (РНБ. Ф. 326. № 18. Л. 108 об. — 109). Упоминается Мария Гавриловна Савина (1854–1915), актриса, заслуженная артистка Императорских театров.

ка — строптивого, несговорчивого, обидчивого, «колючего» («Порою С

ого-
губ» — еж, а не человек, весь колется» — П. Н. Медведев³⁸).

В сознании Казанович сложилось некое представление о Сологубе, пусть достаточно неопределенное, а последующие встречи с ним дали возможность сверить абстрактный образ с реальностью. Она отнюдь не задавалась целью написать нечто вроде очерка, ей было важно получить у него автограф в альбом Пушкинского Дома. Между тем ее рассказы о нескольких встречах и разговорах с Сологубом, объединенные «альбомным» сюжетом, в совокупности складываются в мемуарный текст, в котором ярко проступают черты облика писателя в позднейшие годы.

По своему эмоциональному фону записи Казановичозвучны воспоминаниям Елены Яковлевны Данько (1898–1943),³⁹ как и Данько, ее оценки личности Сологуба имеют широкую амплитуду (не исключая негативных); по содержанию — записям Павла Николаевича Медведева (1892–1938),⁴⁰ той же Данько и отчасти Владимира Викторовича Смиренского (1902–1977).⁴¹ Все трое основываются на личных беседах с Сологубом в 1924–1926 годах, и каждый из них записывает его парадоксальные, подчас эпажные, провокационные и противоречивые высказывания о современниках (более всего о Блоке) и Пушкине.⁴² Этот примечательный факт свидетельствует о непрекращавшемся внутреннем диалоге Сологуба с Блоком, к поэтической славе которого в 1920-е годы он испытывал своего рода ревность, и с Пушкиным, поэзия которого всегда находилась в сфере его напряженной рефлексии.⁴³ В 1925 году Медведев записал: «Беспощадные отзывы о современниках-символистах. Только — поросячий писк, гениальные поросята. А нужно было просто вернуться к Пушкину и разъяснить, что такое поэзия и стихи».⁴⁴

В поздней лирике Сологуба отчетливо прослеживается тяготение к традиции пушкинского Золотого века, к неоклассицизму (характерная тенденция в поэзии 1920-х). В 1925 году он патронировал кружок молодых ленинградских поэтов-неоклассиков (Вл. Смиренский, Л. Аверьянова, В. Алексеев, Н. Беляевский, М. Борисоглебский, Е. Данько, А. Палей, Н. Рославлева и др.),⁴⁵ провозгласивших в своем манифесте: «Вперед, к Пушкину!».⁴⁶

³⁸ Медведев П. Н. У Ф. Сологуба // Медведев П. Н. Собр. соч.: В 2 т. / Изд. подг. Ю. П. Медведев, Д. А. Медведева. СПб., 2018. Т. 1. История литературы. С. 605 (прим. М. М. Павловой).

³⁹ См.: Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и комм. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 190–261.

⁴⁰ Медведев П. Н. У Ф. Сологуба. С. 597–610.

⁴¹ Смиренский В. В. Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и комм. И. С. Тимченко // Неизданный Федор Сологуб. С. 395–422.

⁴² См. также: В. В. Вересаев о Федоре Сологубе. Воспоминания. Переписка (1924–1927) / Вступ. статья, публ. и комм. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 472–473, 495–496.

⁴³ См. об этом: Павлова М. М. «Путеводная нить». Поэтическое творчество Федора Сологуба последнего десятилетия в контексте биографии // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2020. Т. 3. Стихотворения и поэмы, 1914–1927 / Изд. подг. М. М. Павлова. С. 628–638 (сер. «Литературные памятники»).

⁴⁴ Медведев П. Н. У Ф. Сологуба. С. 608.

⁴⁵ О вечерах «неоклассиков» см.: Аверьянова-Дидерихс Л. И. Запись о «вторнике» «неоклассиков» 16 ноября 1926 года / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 555–559; В. В. Смиренский и Л. И. Аверьянова. Переписка (1925–1929, 1935). Неизданные стихотворения Владимира Смиренского из собрания Лидии Аверьяновой / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Литературный архив советской эпохи. СПб., 2018. Т. 1. С. 238–342.

⁴⁶ Осенью 1921 года вскоре после гибели жены Сологуб переехал с Васильевского острова (угол Большого проспекта и 10-й линии, д. 5) на Петроградскую сторону к Черносвитовым

Первая развернутая запись о Сологубе в дневнике Казанович датирована 13 декабря 1920 года.⁴⁷ Она зафиксировала его спонтанное выступление в Неофилологическом обществе на докладе А. С. Полякова о новых материалах к дуэли Пушкина из секретного архива III отделения.⁴⁸

Сологуб говорил о гибели культуры и культурного слоя, о ненужности для современной России интеллигентии, литературы и Пушкина — ее главного национально-культурного символа. Речь произвела угнетающее, «жуткое впечатление» не только на Казанович, но и на ее старших коллег.

В архиве Сологуба тексты публичных выступлений, весьма нередких в 1920–1924 годах, практически не сохранились (возможно, из соображений автоцензуры); за единичными исключениями, они не получили освещения и в газетной хронике. Запись Казанович в этой связи приобретает особую ценность. Кроме того, содержание речи Сологуба в Неофилологическом обществе бросает свет на запланированное, но не состоявшееся выступление писателя в феврале 1921 года в Доме литераторов на торжествах по случаю 84-й годовщины смерти Пушкина. (12 февраля Казанович записала в дневнике: «О, какой карикатурой на что-то был вчерашний Пушкинский вечер в Доме Литераторов. И смешно, и жалко, и грустно было смотреть. <...> Кони был трафаретен, Блок — скучен; только стихи Кузмина Пушкину были милы, да Нестор Александрович пытался в нескольких заключительных словах сказать что-нибудь соответствующее исторической, казалось бы, торжественности момента. Но этого оказалось мало, чтобы оживить вечер и придать ему краски».⁴⁹)

В программе вечера и на афише,⁵⁰ наряду с выступавшими, значилось выступление Сологуба (тема не названа). В той же афише на 14 февраля была объявлена его речь «Смерть Пушкина и русская интеллигенция» (текст не известен).⁵¹ Сологубу не довелось присутствовать на собрании, в начале февраля он и Чеботаревская находились в Москве в ожидании выдачи долгожданных загранпаспортов.⁵² 10 февраля они получили телеграмму, что во время их отъезда квартира была ограблена, и поспешили вернуться в Петроград (налетчики не тронули только книги и рукописи).⁵³ Однако благодаря записям

(в семью свояченицы — Ольги Николаевны Черносвитовой; 1872–1943): угол Ждановской набережной и Малого проспекта, д. 3/1, кв. 26.

⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 355. Л. 9.

⁴⁸ Неофилологическое общество при Санкт-Петербургском (Петроградском) университете (1887–1928) образовалось на основе Романо-германского отделения Филологического общества при университете; выпускало «Записки Неофилологического общества» (СПб., 1888–1915. Вып. 1–8). Заседание проходило в Историко-филологическом институте, который размещался во «Дворце Петра II», Университетская наб., 11 — сейчас здание Филологического факультета СПбГУ. См. также прим. 10 к публикации.

⁴⁹ Подробно запись о пушкинском вечере см.: Из дневника Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина. С. 171–172. Отчет о вечере опубл.: Вестник литературы. 1921. № 2 (26). С. 15. Речи выступавших были напечатаны в журнале «Летопись Дома литераторов» (1921. № 3 (27): Речь А. Блока «О назначении поэта» (с. 15–17), «Речь А. Ф. Кони» (с. 18–19), «Заключительное слово Н. А. Котляревского» (с. 19); прочитанное на вечере 11 февраля стихотворение М. Кузмина «Пушкин» («Он жив! У всех душа нетленна...») (с. 17)).

⁵⁰ Литературный музей Пушкинского Дома. Шифр: И.68547.

⁵¹ О выступлении Сологуба сообщалось также в обзоре «Пушкинские дни в Доме литераторов» (Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 18), см.: «На воскресенье 5-го марта был назначен 2-й Пушкинский вечер: Ф. К. Сологуб — „Смерть Пушкина и русская интеллигенция“, Н. С. Гумилев — „Современность в поэзии Пушкина“, Н. О. Лернер — „Один из забытых рассказов Пушкина“, П. Н. Губер — „Пушкин и русская культура“. Вечер этот был отложен вследствие запрещения зрелищ и собраний на время осадного положения».

⁵² О несостоявшемся отъезде см. в статье А. Л. Соболева в настоящем номере журнала.

⁵³ Подробно см.: Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». Материалы к поздней биографии Федора Сологуба // «Радость ждет сокровенного слова...»: Сб. научных

Казанович можно предположить, о чем Сологуб мог говорить на пушкинских торжествах. Тема, обозначенная на афише, корреспондировала по смыслу с его выступлением в Неофилологическом обществе (13 декабря 1920) на докладе А. С. Полякова.

Следующая запись в дневнике (12 октября 1921) — предельно лапидарна, в ней дословно воспроизведен текст типографского объявления о розыске Чеботаревской. Лишь через год в дневнике появляются развернутые заметки о Сологубе. 3 сентября 1922 года Казанович описывает вечер памяти Блока (2 сентября), устроенный Пушкинским Домом в Доме литераторов, и в заключении сообщает, что Сологуб пообещал ей написать в альбом. 11 сентября она подробно рассказывает о визите с альбомом к нему на Ждановку, фиксирует его желчные высказывания о Брюсове, Белом, Блоке и Пушкине; упоминает о не отраженной в дневнике встрече в Доме литераторов в июне 1922 года, когда Сологуб заявил, что не напишет ей в альбом, так как Пушкинский Дом его «за писателя не считает». Раздосадованная Казанович резюмировала: «мелко самолюбивый, ничтожный и притом неумный человек, п<отому> ч<то> умный не стал бы говорить все это незнакомому лицу». Вслед за тем, возвращаясь к недавнему блоковскому вечеру и дополняя свои наблюдения новыми деталями, она заключает: «И на этот раз старик показался мне чудаковатым. Но сегодня я почувствовала уважение к нему, и за всеми этими чудаковатостями и странностями почувствовала что-то настоящее, свое, большое, простое и мудрое».

Эмоциональные оценки Сологуба в дневнике Казанович весьма подвижны, 18 апреля 1923 года она записывает: «...он, вероятно, добрый человек по сердцу, но возвышенности и благородства духа я в нем не почувствовала; в этом отношении он, вероятно, довольно ничтожен, а вообще — мелочен, может быть <...>, завистлив, не образован и не умен; время, с ним проведенное, пропало даром и, кроме того, остался неприятный, обидный за русского писателя осадок». Через месяц (28 мая 1923): «...трудный, вероятно, у него характер, но человек он, верно, не плохой и во всяком случае — прямо и просто выражавший свое мнение и отношение к тому, о чем речь, не считаясь с впечатлением от этого у слушателя; и я думаю, что он никогда и ни перед кем не станет поддевливать своих мнений; это значит, что он человек честный и с сознанием и чувством своего достоинства». — Последняя запись о Сологубе в дневнике Казанович.

В итоге их встреч и разговоров в альбоме Пушкинского Дома появился сологубовский автограф — вторая, четвертая и пятая (без последнего катрена) строфы из первой главы его незавершенной «пушкинской» поэмы «Григорий Казарин. Из ненаписанного романа в стихах».⁵⁴ Строки этого вдохновенного сологубовского оммажа органично вписались в «пушкинский» текст альбома вместе с записями Блока, Ахматовой, М. Кузмина, Ю. Верховского и других поэтов:

Для стихотворного романа
Мне образец высокий дан.
Вам, несравненная Татьяна,
Я посвящаю мой роман.
Инную повесть Вы прочтете,
Чтобы понять, не осудить,

статьей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига, 2013. С. 189.

⁵⁴ Впервые: Стрелец. Сб. третий и последний. СПб., 1922. С. 1–5. Полный текст глав из поэмы и комментарий к ней см.: Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 3. С. 480–494, 849–853.

И улыбнетесь, может быть,
И, может быть, порой вздохнете.
Иные люди, век иной,
И все как будто не похоже,
Но сердце человека то же,
И жалок так же род людской,
И мы склоняемся над чашей,
Дошедшей к нам от жизни Вашей.
В ту чашу Бог обильно вил
Огонь эфирный Ваших сил.

Воздвигла творческая сила
Страну, где вечен каждый миг.
Воображенье населило
Ее народом вещих книг.
Светло мечтая, Дульцинея
Перебирает жемчуга,
На вечно-свежие луга
Идет Альдонса, — и затея
Безумца старого опять
Свой неизменный круг свершает,
И время тихо упадает,
Чтобы покойно созерцать⁵⁵
Спасенный силой вдохновенья
От черной пропасти забвенья
На берегах глубоких вод
Неумирающий народ.

Венчанный славою учитель,
Свершая дивный произвол,
В ту чародейную обитель
Сладчайшими путями вел.
Великий Пушкин, наша слава!
Пока живут его слова,
И наша родина жива,
Какая б чуждая отрава
Не возмущала бытие⁵⁶
Им возвеличенной России,
Какие б дикие стихии
Не ополчались на нее.

Мы не знаем, продолжались ли встречи Казанович с Сологубом после того, как он оставил автограф в альбоме Пушкинского Дома; поздние дневники, если она их вела, до нас не дошли (последняя запись датирована 9 августа 1923 года).⁵⁷

Казанович наверняка присутствовала в Александринском театре 11 февраля 1924 года на праздновании сологубовского юбилея — 40-летия его литературной деятельности,⁵⁸ ее подпись значится на коллективном поздрави-

⁵⁵ Вариант, в опубликованном тексте: «Чтоб на просторе созерцать».

⁵⁶ Вариант, в опубликованном тексте: «И чужестранная отрава / Не умерщвляет бытие».

⁵⁷ Последняя запись в четвертой тетради дневника Казанович обрывается буквально на пословце; финал сюжета дописан другими чернилами на обложке — после значительной паузы. Была ли заведена пятая тетрадь, и если да, то какая судьба ее постигла: утеряна? уничтожена? изъята при аресте? — неизвестно.

⁵⁸ Материалы юбилейного чествования и адреса юбиляру от литературных и общественных организаций опубликованы, см.: Юбилей Федора Сологуба (1924 год) / Публ. А. В. Лав-

тельном адресе сотрудников Пушкинского Дома, который со сцены читал Б. Л. Модзалевский.⁵⁹ Однако она отправила Сологубу и личное приветствие со словами искреннего признания его таланта:

«Глубокоуважаемый Федор Кузьмич.

Позвольте мне сердечно поздравить Вас с днем Вашего праздника, который является праздником и для всех тех, которых Вы дарили минутами высокого художественного наслаждения. Не всем доступен тот „ясный холод вдохновенья“, который „из грез кристаллы создает“, но многим доступно чувство наслаждения этими кристаллами, созданными вдохновением художника, чувство отраженного творчества, повторного перевоплощения, которым может быть названо переживание художественных произведений в чтении. И тот художник, который способен дать в своих созданиях повод для таких переживаний, — дорог своим читателям, а день его праздника является днем праздника и для них, поскольку они могут разделить его с любимым писателем.

Поэтому позвольте вместе с поздравлением пожелать Вам еще много, много лет, озаренных бодрым и ясным вдохновением к созданию новых и новых кристаллов в сокровищнице родной нам литературы, которую Вы обогатили уже столькими драгоценностями художественного слова.

Примите уверения в моем неизменном к Вам уважении и преданности.
Е. Казанович».⁶⁰

Можно предположить, что 5 декабря 1927 года Казанович была на панихиде по Сологубу в доме Союза писателей на Фонтанке, 50, где с прощальным словом от Пушкинского Дома выступал Модзалевский. Вполне возможно, что она каким-то образом участвовала в приеме архива и библиотеки Сологуба, которые начали поступать в Пушкинский Дом с февраля 1928 года.⁶¹ Мы можем только догадываться, о чем она думала, что чувствовала, какие детали припомнила в эти моменты. Для нас Сологуб в восприятии Казанович ограничен 1923 годом. Но и эти сведения важны и интересны.

рова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 315–343.

⁵⁹ Модзалевский Борис Львович (1874–1928) — пушкинист, публикатор и комментатор сочинений А. С. Пушкина, историк русской литературы, библиограф, генеалог; академик (1925). Один из создателей Пушкинского Дома и его старший учений хранитель. За месяц до юбилея Б. Л. Модзалевский был арестован, 12–16 января 1924 года он пребывал в заключении по ложному обвинению в денежной растрате. Арест губительно сказался на его здоровье и общем состоянии (он отказался от должности директора Пушкинского Дома, которую занимал в период заграничной командировки Н. А. Котляревского в Париж в 1922–1924). Тем не менее Модзалевский пришел приветствовать Сологуба. В его «Записной книжке» под датой 11 февраля 1924 года отмечено: «Юбилей Сологуба в Александрийском театре. Я читал адрес Пушкинского Дома со сцены» (Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920–1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. С. 38).

⁶⁰ Юбилей Федора Сологуба (1924 год). С. 339. В письме процитированы строки из стихотворения Сологуба 1893 года «Творчество» («Темницы жизни покидая, / Душа возносится твоя...»), с отчетливым «эхом» пушкинского стиха и скрытой цитатой из стихотворения Пушкина «Жуковскому» (1818): «И быстрый холод Вдохновенья / Власы подъемлет на челе...». Ср.: «И ясный холод вдохновенья / Из грез кристаллы создает...» (Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 2: В 2 кн. / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. Кн. 1. С. 13 (сер. «Литературные памятники»)). При публикации этого стихотворения в «Северном вестнике» (1894. № 4. С. 52) Сологуб впервые воспользовался своим псевдонимом.

⁶¹ См. об этом: Иванов-Разумник в переписке с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской (1910–1927) / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. С. 448; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 552–555; см. также письмо О. Н. Черносвитовой Т. Н. Чеботаревской от 13 апреля 1928 года (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317–320; публ. М. М. Павловой).

Фрагменты «Записок о виденном и слышанном» публикуются по автографу: РНБ. Ф. 326. № 17–20. Орфография и пунктуация приведены к современной грамматической норме.

24/VI. <1912 года>

<...> «Огненным ангелом»¹ Брюсов вытеснил из моей души Мережковского, царившего там превыше всех современников за свою Трилогию,² и показал себя гораздо тоньше и умнее как художник.

А только все-таки в его натуре есть патологические элементы, а в психике — известные дефекты; это — его дань времени; как и у Сологуба³ и мн. др.⁴

28/XI. <1912 года>

<...> Я очень рада одному: Н<естору>А<лександрови>чу «Альма» Минского⁵ «очень» нравится.

— Я бы охотно поставил ее сейчас на сцене, да разве с нашими господами говоришься! Во всяком случае, она и равняться не может с Сологубом.⁶ <...>

13/XII. <1920 года> Вчера в нео-филолог<ическом> о<бщест>ве⁷ доклад Полякова⁸ о Пушкине (новые материалы о дуэли из секретного архива III <отделения>). Доклад пустой и легкий, как и все в этом смелом недоучке не без внешних, однако, способностей.

Любопытно было выступление Сологуба, Федора Кузмича <так!>. Он начал с того, что зачем заговорили о Пушкине, кому сейчас нужен и интересен в России Пушкин, сейчас нужны и интересны пайки,⁹ а не Пушкин. Да и нет больше России: своим выстрелом Дантес убил не только Пушкина, но и Россию; все эти Белинские, Добролюбовы, Писаревы и Чернышевские только продолжали его дело — добивание России и Пушкина. Да и хорошо сделали, что добили их: в России некому ими интересоваться. Интеллигенции у нас нет, а то, что считается интеллигенцией, стоит на самой низкой ступени культуры; если сравнить русскую интеллигенцию с русским мужиком, окажется, что последний гораздо выше в своей культуре, чем интеллигенция в своей; можно сказать, если считать лестницу культуры состоящей из ста ступеней, что мужик стоит на сотой ступени своей лестницы, тогда как интеллигенция едва добралась до третьей, в лучшем случае — до четвертой. Это мы видим и сейчас по тому, как оба они борются за свою культуру. Мужику нужна его религия, для нее ему нужно вино и хлеб причастные, и он их имеет; ему нужно масло для лампад и воск для свечей — и он их имеет, их у него не посмели отнять, а у интеллигенции отняли бумагу, отняли типографию, и она молчит... Нет России, умерла Россия.¹⁰ Вот придут сюда немцы, англичане, французы и поглотят русский народ, как в свое время поглотили гораздо более высоко развитых греков и римлян, и вот тогда только начнется настоящее, красивое существование России в истории; тогда будет нужен и Пушкин. Милые, трудолюбивые, идеалистически настроенные немецкие студенты примутся раскапывать Россию из пыли архивов, с любовью примутся изучать Пушкина и то время, в которое он жил, и под их первом, в их воображении воскреснет Пушкин, как воскресли Гомер и Вергилий, Гораций и Эсхил...¹¹ Им нужен будет Пушкин и современная ему Россия, а нам они ни к чему.¹²

Трудно передать, какое жуткое впечатление произвели эти слова, по крайней мере, на меня. Это было «со святыми упокой»,¹³ пропетое себе самим умирающим. И было что-то умирающее в голосе и выражении лица Сологуба: чужое, далекое, бесстрастное, потухающее...¹⁴

12 окт<ября 1921 года>

<...>¹⁵ На пути домой прочла на Троицком мосту вот какой (печатный) литературный документ:

«Объявление.

Три миллиона (3 000 000) рублей

тому, кто укажет, где находится больная женщина, ушедшая из дома 23-го сентября, худая, брюнетка, лет 40, черные волосы, большие глаза, небольшого роста, обручальное кольцо на руке; была одета в темно-красный костюм с черным, серое пальто, черная шелковая шляпа, серые валенки. Имя — Анастасия Николаевна.

Сообщить: по адресу — В. О. 10 линия, д. 5, кв. 1.

Федору Сологубу. Тел. 2-23».¹⁶

Ничего не забыл, и «большие глаза»! Об исчезновении Чеботаревской я услышала тогда же. Говорят, она последнее время была не вполне вменяема, к ней даже было приглашено особое лицо для присмотра. Предполагают самоубийство. Были приглашены водолазы, но ничего не обнаружили.¹⁷

3 сент<ября 1922 года> Вчерашний вечер наш памяти Блока удался вполне. Вечер был интимный, устраивали его Энг¹⁸ и я от имени «группы сотрудников Пушкинского Дома», Модз¹⁹ не было, хотя ему и было передано официальное приглашение, и мы об этом не жалели. Публики было для нашего зала много, но все — своя, по билетам: много эрмитажников, наша молодежь со своими знакомыми, кое-кто из литераторов: Сологуб, Ахматова, Муйжель,²⁰ Н. А. Энгельгардт с дочерью (Гумилевой),²¹ знакомые Щербачевых²² и Дорлиак,²³ Щеголев.²⁴ Участвовали: Верховский («Улыбка Блока»²⁵ и стих<отворе>ния Блока к сюите Щербачева), Вс. Рождественский (стих<отворе>ние «Память Блока»),²⁶ Стакова²⁷ и ее ученик из студии (стих<отворе>ния Блока), Дорлиак (романсы Сенилова и Гнесина),²⁸ Щеголева (стих<отворе>ния Блока),²⁹ опять Дорлиак (романсы Щербачева на слова Блока) и у рояля — Щербачев во всех трех отделениях. Лучше всех были: Верховский, Щеголева, Дорлиак (прекрасно пела) и Щербачев. Публика — верх культуры, и знакомые Щербачева и Дорлиак — верх элегантности. Чаепитие вышло тоже очень просто, хорошо и уютно. Ахматова мне опять очень понравилась: она, несомненно, умна, чутка, изящна и горда при полной простоте и скромности; такой она опять была вчера. И лицо у нее прекрасно: сине-серые грустные глаза, детские и вместе горькие (с горькой складкой у углов) губы. Старичок Сологуб, давно сердитый на Пушкинский Дом, вчера под конец совсем смягчился и обещал написать мне в альбом стих<отворе>ние.³⁰

Но измучились мы порядком с этим вечером!³¹

11/IX. <1922 года> Была у Сологуба с альбомом. Своеобразный старик, но действительно, верно, добрый, хороший, честный. Его задело стих<отворе>ние А. Белого «О, не летающие...»³² и он долго говорил по его поводу, об нем и о самом авторе. «Это что ж, вас всех имел он в виду, когда говорил: „Вы — переломанные жерди...“?» — так начал Ф. К. Я ответила, что мы тоже в шутку говорили между собой, что это стих<отворе>ние — об нас, но тем не менее тем из нас, кому я показывала альбом, стих<отворе>ние очень понравилось, и в конце концов мы его все-таки не отнесли к себе, считая себя — «летающими».

— Это кто ж такие «летающие»? все эти грабители, разбойники, убийцы, которые могут убивать, грабить и презирать тех, у кого «совесть чиста» и «пovесть спокойна», т. е. настоящих людей, тех, которые создают жизнь и копят ее ценности?..

Когда я изложила свое понимание стих^{<отворе>}ния и добавила при этом, что Белый написал его до того, когда я принесла ему альбом, и не зная ничего о существовании альбома, так что автор именно к нам, членам учреждения, которому альбом предназначен, его не относил и, значит, не имел намерения нас им обругать, — на последнее Ф. К. ничего не ответил, а на первое опять разразился суповой филиппикой. «Истинно великие люди никогда не презирают простых людей за то, что у них повесть спокойна и совесть чиста; Пушкин, например, умел ценить их, и Машу из „Капитанской дочки“, и Полину из „Пиковой дамы“, и Парашу из „Домика в Коломне“,³³ и вообще всех простых и скромных обывателей. А кто дал Белому это право, и не тем ли он велик, что всюду кричит о своем величии, о том, что ему издатели мало платят, что ему не дают работать и пр. И кто ему сказал, что обыватель „к тверди не подымает глаз“? Вероятно, он делает это чаще и благоговейнее, чем сам Белый и все эти „летающие“ грабители, разбойники, убийцы, святотатцы, которые не так еще грабили, оскорбляли и убивали всех истинных, честных, благородных людей со спокойной повестью и чистой совестью. И что за выражение: „не упадет огонь Сент-Эльма“?³⁴ Во-первых, огни святого Эльма не падают, а без всякого падения откуда бы то ни было начинают светить на верхушках мачт корабля в море; затем — огонь святого Эльма не бывает, а бывают огни святого Эльма; наконец, что за коверкание русского языка: Сент-Эльма? Это все равно что он сказал бы об апостоле: послание Сен-Павла, или: я видел изображение сен-Бернара...» И много еще в таком же роде говорил старик своим обычным спокойным, ровным голосом, как бы прерываемым легкой одышкой. Досталось тут и Брюсову за то, что он продался власти³⁵ («еще год тому назад он говорил, что его семья не может существовать без шести миллионов в м^{<еся>}ц, а теперь ему нужно, очевидно, шестьсот; и это говорит русский писатель!»), и Белому — за то же,³⁶ и многим другим.

Я вышла со странным, очень смещанным, но в то же время и несколько более определенным впечатлением, чем после первых двух раз беседы с ним. Первый раз я говорила с Сологубом прошлым летом (в начале) в Доме Литераторов³⁷ и просила его написать что-нибудь в альбом. Ф. К. начал обиженным тоном: «Зачем я буду писать в альбом для Пушк^{<инского>} Дома? Ни Академия, ни Пушк^{<инский>} Дом меня не признают: я даже до сих пор не почетный академик, а Пушк^{<инский>} Дом отказался купить мои рукописи. Я вовсе не нужен Пушк^{<инскому>} Дому, он меня даже и за писателя не считает...»³⁸ Тогда я только посмеялась над этим и подумала: мелко самолюбивый, ничтожный и притом неумный человек, п^{<отому>} ч^{<то>} умный не стал бы говорить все это незнакомому лицу. Второй раз мы виделись у нас на Блоковском вечере.³⁹ Я встретила его в первой маленькой зале какой-то любезной фразой и провела в первый ряд; потом за чаем подсела к нему, но так как я была страшно утомлена, то говорила мало. Но все же в удобную минуту навела разговор на альбом, и старик согласился написать. А перед этим, на вопрос его о том, что делает теперь Пушк^{<инский>} Дом, и мой ответ, в котором я, между прочим, упомянула и об издании «Гаврилиады», — Ф. К. буквально напал на меня: как издавать «Гавр^{<илиаду>}»,⁴⁰ произведение скверное, порнографию,⁴¹ которая не делает чести Пушкину и которую его почитатели должны были бы уничтожить, делать этим изданием угодное власти, подпевать ей и т. д. и т. д. <...> И после этого, в добрую минуту Ф. К. все же согласился написать в альбом и собрался даже идти ко мне для этого, но потом сказал: «Нет, сейчас поздно, лучше я приду к Вам в другой раз и тогда напишу». А еще позже, когда все разошлись, за исключением его, Ахматовой, Верховского, Рождественского, Щеголовой, и после чтения всеми ими стихов Блока, — вернулся опять к Пушкину. Блок не понимал России,⁴² и Пушкин не

знал, что такое Россия и не понимал ее. Вот Петра он понимал, но и ненавидел его; он заставлял себя говорить прекрасные слова о Петре, но не любил его.⁴³ И о России говорил прекрасные слова, не зная и не понимая ее. И в Бога он не верил, потому и Россию не понимал. Вот Лермонтов, тот верил в Бога и понимал Россию — и т. д. И на этот раз старик показался мне чудаковатым. Но сегодня я почувствовала уважение к нему, и за всеми этими чудаковатостями и странностями почувствовала что-то настоящее, свое, большое, простое и мудрое. И странно-поэтичное чувство вынесла от него. Самая комната его мне тоже понравилась.⁴⁴

А от Сологуба поехала к Петрову-Водкину,⁴⁵ с намерением оставить ему альбом до моего следующего приезда из Царского.⁴⁶ <...>

18 апр<еля 1923 года> Сегодня после выставки, на которой я дежурила,⁴⁷ пришел ко мне Сологуб. Сначала на полчаса, потом остался обедать, потом просидел до начала 9-го и... оставил довольно тошный от себя осадок во мне. В начале его визита зашла речь о моей книжке о Писареве, которой Сологуб, по его словам, интересовался, и я дала ему ее. Сол<огуб> попросил надписать;⁴⁸ я сделала и это и потом жалела: если бы книжка была дана в конце, я бы или совсем не надписала, или надписала бы иначе. В конце концов, он, вероятно, добрый человек по сердцу, но возвышенности и благородства духа я в нем не почувствовала; в этом отношении он, вероятно, довольно ничтожен, а вообще — мелочен, может быть (говорю «может быть», п<отому> ч<то> в этом еще не убедилась), завистлив, не образован и не умен; время, с ним проведенное, пропало даром и, кроме того, остался неприятный, обидный за русского писателя осадок.⁴⁹

8 мая. <1923 года> Оказывается, Сологуб ждал меня вчера, а я, не успевшись как следует с Верх<овским> или, вернее, не поняв его, — не пошла. Ужасно обидно! Сол<огуб> пригласил Ахматову⁵⁰ и др<угих> писателей, читал свои новые стихи; вообще, обидно пропустила интересный для меня вечер с новыми, вероятно, интересными людьми. Жаль.

Перечитала «Мелкий бес»;⁵¹ крупная все-таки вещь, но в известном отношении противная, выматывающая. В каком душевном состоянии автор должен был писать его, и как хватило у него желания возиться с Передовым, образ которого довольно ярок и тонок в передаче его отвратительной психопатологии. Сологуб остался вполне объективным художником в нем, и несправедливы обвинения, о которых он упоминает в предисловии ко 2-му изданию.⁵² Неправдоподобна только сцена в маскараде: или предводитель дворянства Верига не мог присутствовать на маскараде, где могли происходить подобные сцены, или маскарад, на котором он присутствовал, — не мог быть таким.⁵³ Я согласна, что купчики, мещане, мелкие чиновники уездного города (этот город по своим нравам похож больше на уездный, чем на губернский) могут произвести такой дебош в маскараде, но это может произойти только на их вечере, в их собрании, где предводители дворянства не бывают старшинами, по крайней мере, не принимают участия в вечерах подобного рода, и самое большое, что могут сделать, — уступить на вечер зал своего клуба этой разночинной публике.⁵⁴

28 мая. <1923 года> Была у Сологуба. Ужасно трудно с ним говорить. У него прием разговорный таков: выхватит из речи собеседника одно какое-нибудь слово и начнет на нем расписывать,⁵⁵ правда, своеобразно, но не всегда понятно и вразумительно; мысли собеседника он не улавливает, разных оттенков значения, в которых употребляется какое-нибудь слово или выражение, он

не воспринимает, а поняв слово по-своему, — даже не в общеупотребительном в известных комбинациях смысле, — строит на нем свою реплику, большей частью идущую мимо собеседника.

Трудно, повторяю, с ним говорить, трудный, вероятно, у него характер, но человек он, верно, не плохой и во всяком случае — прямо и просто выражавший свое мнение и отношение к тому, о чем речь, не считаясь с впечатлением от этого у слушателя; и я думаю, что он никогда и ни перед кем не станет подделывать своих мнений; это значит, что он человек честный и с сознанием и чувством своего достоинства.⁵⁶

¹ Роман В. Брюсова «Огненный ангел» впервые был напечатан в журнале «Весы» в 1907 году; отд. изд.: М., 1908.

² Имеется в виду трилогия Д. Мережковского «Христос и Антихрист», состоящая из трех романов: «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1895), «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1901), «Петр и Алексей» (1904–1905); отд. изд.: СПб., 1906–1907; *Мережковский Д. С. Полн. собр. соч.: В 17 т. СПб.; М., 1911–1912. Т. 1–5.*

³ В тексте: Сологуба.

⁴ РНБ. Ф. 326. № 18. Л. 60.

⁵ См. вступ. статью, прим. 18.

⁶ РНБ. Ф. 326. № 18. Л. 126. Запись фиксирует разговор Е. П. Казанович с Н. А. Котляревским, произошедший днем в Академии наук во время совместной расстановки книг. Подразумевается пьеса Ф. Сологуба «Заложники жизни» (1910), поставленная на сцене Александринского театра В. Э. Мейерхольдом. За год до премьеры (6 ноября 1912 года) в прессе подогревался интерес к новой драме Сологуба, печатались репортажи о репетиционном периоде, интервью с режиссером и автором. Накануне премьеры Котляревский в статье «О современном репертуаре» писал, что считает наиболее существенным в современной пьесе ее бытовой план, «воплощение нашей повседневной жизни» (Биржевые ведомости (веч. вып.). 1912. 3 нояб. № 13230. С. 5). Этот взгляд не отвечал замыслу Сологуба. Подробно см.: Галанина Ю. Вокруг «Заложников жизни». С. 157–175; Ф. Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом. С. 247–253. См. также вступ. статью.

⁷ См. вступ. статью, прим. 48.

⁸ Поляков Александр Сергеевич (псевд. А. Ундорский; 1882–1923) — литературовед, поэт, библиограф, историк театра. Учился в Психоневрологическом институте, затем на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета; активный участник Пушкинского семинара С. А. Венгерова; член Русского библиологического общества; в 1916–1918 годах внештатный сотрудник Пушкинского Дома (работал в Древлехранилище, занимаясь описанием и регистрацией рукописей), в первые дни Февральской революции принимал участие в спасении архива III отделения. В 1917–1918 годах — приват-доцент историко-филологического факультета Петроградского университета. В 1918 году возглавил Центральную библиотеку русской драмы (ныне Государственная театральная библиотека), где создал Фонд Драматической цензуры, составил неизданный указатель к «Ежегоднику Императорских театров», издавал журнал «Бирюч петроградских государственных театров» (1918–1920). Подробно о нем см.: *Модзальевский Б. Л. Из записных книжек 1920–1928 гг.* С. 82. Доклад А. С. Полякова был одним из первых подходов к материалу, который впоследствии он представил в книге «О смерти Пушкина (По новым данным)» (Пб., 1921 (на обл. 1922)). О докладе Полякова упоминал в письме от 2 декабря 1920 года к товарищу по Пушкинскому семинарию и затем по работе в Книжной палате А. Г. Фомину: «В то воскресенье (12 дек^абря) я не могу быть, так как у меня доклад в Неофилолог^а Общ^аестве^а о Пушкине. Если есть время — приходите (Филологич^аеский инст^аитут^а в 2 часа)» (Из архива А. С. Полякова (Письма к С. А. Венгерову, А. Г. Фомину и Н. К. Никольскому) / Публ. М. Д. Эльзона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 339). Императорский Историко-филологический институт, существовавший с 1867 года, после 1917-го преобразован в Педагогический институт при университете, а в 1921 году присоединен к университету.

⁹ Сологуб состоял членом Комитета петроградского Дома литераторов, при котором работала Хозяйственная комиссия, занимавшаяся распределением пайков, см.: Кукушкина Т. А. «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...» Дом литераторов. С. 79–82.

¹⁰ Один из лейтмотивов газетной публицистики и лирики Сологуба 1918 — начала 1920-х годов. См., например: «Пляска смерти» («Пляшет пляску нестройную...»), 1918; «Умертвили Россию мою...», <1918> и др. Подробно о настроениях Сологуба в 1918–1921 годах см.: Павлова М. М. «Путеводная нить»: Поэтическое творчество Федора Сологуба последнего десятилетия в контексте биографии. С. 604–619.

¹¹ Вероятно, имеются в виду археологические раскопки и открытия Генриха Шлимана в Микенах, Трое и Тиринфе в 1870–1880-х годах, а также достижения немецкой классической филологии, расцвет которой пришелся на XIX — начало XX века.

¹² Скрытая отсылка к выступлению Сологуба просматривается в речи Котляревского на торжественном заседании в Доме литераторов по случаю 125-летия гибели Пушкина (11 февраля 1921 года), ср.: «Позвольте закончить сегодняшнее собрание несколькими словами. Надо быть высокого мнения о своем народе, если хочешь способствовать его силе и славе. Надо верить в свой народ. В нас всегда была крепка эта вера. Но когда произносишь слово „народ“, иногда наталкиваешься на многие недоразумения. Их не должно быть. Народ один и неделим. Все мы — народ. Бывает в жизни, и это неизбежно, что в семье царят раздор и смятение. Но все-таки семья едина» (Заключительное слово Н. А. Котляревского. С. 19).

¹³ Слова надгробной литии.

¹⁴ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 108–108 об.

¹⁵ Первая часть записи посвящена визиту на квартиру к М. Горькому (Кронверкский пр., д. 23), который был болен и никого не принимал. Автограф Горького в альбоме Казанович отсутствует.

¹⁶ Текст типографского оттиска сохранился в архиве Сологуба (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 174. Л. 1), там же имеются рукописные объявления о розыске Ан. Чеботаревской (л. 2–4), они были расклеены по городу в конце сентября — октябре 1921 года.

¹⁷ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 91 об. 23 сентября 1921 года Ан. Чеботаревская в состоянии приступа психастении покончила с собой, бросившись в речку Ждановку с дамбы Тучкова моста. См.: Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Щуко / Публ. М. М. Павловой // Memento Vivere. Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 494–496.

¹⁸ Энгельгардт Николай Александрович (1866–1942) — журналист, критик.

¹⁹ Модзалевский замещал Котляревского в должности директора Пушкинского Дома в период его командировки в Париж (ноябрь 1922 — октябрь 1924).

²⁰ Муйжель Виктор Васильевич (1880–1924) — писатель, художник.

²¹ Энгельгардт Анна Николаевна (1894, по другим сведениям — 1895–1942) — вторая жена Н. С. Гумилева (с 1918 года).

²² Владимир Владимирович Щербачев (1889–1952) — композитор, педагог; автор ряда сочинений на слова А. Блока — сюиты «Нечаянная радость» (1912–1913), девяти романсов (1915–1924), а также «Блоковской» симфонии (Вторая симфония b-moll для оркестра, соч. 8. Лейпциг: М. Р. Belaieff, 1912) — монументальной пятичастной вокально-симфонической композиции на стихотворения Блока. В первом отделении вечера были исполнены 8 стихотворений Блока к сюите Щербачева (у рояля — автор): «Сольвейг», «Болотные чертенята», «В лапах косматых и страшных...», «За корявые пальцы взялась...», «Болотный попик», «Невидимка» («Под красной зарей вдалеке...»), «Старушка и чертенята», «Сольвейг» (повторно), а также сюита «Нечаянная радость» на слова Блока. В четвертом отделении К. Дорлиак исполнила романсы Щербачева на стихи Блока: «Здесь дух мой злобный и упорный», «Мэри», «Не спят, не помнят», «Двойник», у рояля — автор (см. программу: Вечер памяти А. А. Блока. 2 сентября 1922 года: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5). Жена В. В. Щербачева — Мария Илларионовна Щербачева (урожд. Изюмова; 1888–1967) — выпускница Бестужевских курсов (историко-филологическое отделение; 1912), с 1920 года сотрудник Эрмитажа, впоследствии главный хранитель отделения итальянского искусства Государственного Эрмитажа.

²³ Здесь и далее в тексте: д'Орлеак или д'Орлеак. Ксения Николаевна Дорлиак (1882–1945) — оперная певица, профессор Петроградской консерватории. См. также прим. 22.

²⁴ Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) — историк общественной мысли и литературы, пушкинист. Щеголевы (его жена — В. А. Щеголова, см. прим. 29) были связаны с Сологубом и Ан. Чеботаревской многолетними дружескими отношениями. В архиве Сологуба сохранилось восемь писем Щеголова: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 778 (1909–1914 гг.), также три письма к Ан. Н. Чеботаревской (Там же. Оп. 5. № 338); восемь писем В. А. Щеголовой к ней же (Там же. № 339; 1908–1916). В соавторстве с Сологубом подготовил издание: Уединенный домик на Васильевском: Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова / С послесловием П. Е. Щеголова и Федора Сологуба. СПб., 1913.

²⁵ Верховский Юрий Никандрович (1878–1956) — поэт, близкий кругу символистов, историк литературы, знаток поэзии пушкинской поры; друг А. Блока, см.: Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3. С. 43–44. Верховский открыл первое отделение вечера, прочитав мемуарный очерк «Улыбка Блока» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5), впервые опубл.: Верховский Ю. Струны. Собр. соч. / Сост., статья, комм. В. Калмыкова. М., 2008. С. 706–715.

²⁶ Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) — поэт; в третьем отделении вечера читал два стихотворения — «Памяти Ал. Блока» («Обернулась жизнь твоя цыганкою...»;

впервые опубл.: Записки Передвижного театра. 1923. № 61. С. 1; без загл.) и «Добро строитель! Не взял дара...» (Там же). Подробно см.: Блок в архиве В. А. Рождественского / Предисловие и публ. М. В. Рождественской; комм. Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. Т. 92. Кн. 4. С. 686.

²⁷ Враская Варвара Степановна (по сцене — Стахова; в замужестве Котляревская; 1882—1942) — драматическая артистка, вторая жена Н. А. Котляревского. Во втором отделении вечера прочла стихотворения Блока «Все это было...», «Осенняя любовь», «Вот он Христос...» (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5 об.).

²⁸ Сенилов Владимир Алексеевич (1875—1918) — композитор, автор романсов на стихи А. Блока, Ф. Сологуба, В. Брюсова, К. Бальмонта и др. поэтов. Гнесин Михаил Фабианович (1883—1957) — композитор, музыкальный критик, близкий кругу символистов, автор вокальных сочинений на стихи А. Блока (в том числе к драме «Роза и Крест»). Ф. Сологуба, К. Бальмонта, В. Брюсова, Вяч. Иванова, А. Ахматовой и др. Перечень стихотворений А. Блока, положенных на музыку В. А. Сениловым и М. Ф. Гнесиным, а также другими композиторами, опубликован в книге Т. А. Хопровой «Музыка в жизни и творчестве А. Блока» (Л., 1974. С. 149—151). Романсы Сенилова и Гнесина на стихи Блока во втором отделении вечера исполнила К. Дорлиак, у рояля — В. Щербачев (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5 об.).

²⁹ Щеголева Валентина Андреевна (урожд. Богуславская; 1878—1931) — драматическая артистка, жена П. Е. Щеголова; ей посвящен поэтический цикл А. Блока «Три послания» (1908—1910), см. также прим. 25. В третьем отделении вечера Щеголева прочла восемь стихотворений Блока; у рояля — В. Щербачев (ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 20. Л. 5 об.).

³⁰ См. вступ. статью.

³¹ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 108—108 об. Фрагмент записи впервые опубл.: Из дневника Е. П. Казанович. С. 176.

³² Фрагмент из поэмы «Первое свидание» (1921) записан Белым в альбом Казанович (ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 282. Л. 7), см. текст: *Белый А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. СПб.; М., 2006. Т. 2. С. 51* (Новая Библиотека поэта); впервые: *Белый А. После разлуки. Берлинский песенник. Пб.; Берлин, 1922.* Приводим текст по автографу из альбома Е. П. Казанович, с пунктуационными разнотечениями и вариантом в строках 336—337 (в окончательном тексте: «О, ваша совесть так спокойна; / И ваша повесть так ясна»).

О, нелетающие! К тверди
Не поднимающие глаз!..
Вы — переломанные жерди:
Жалею вас — жалею вас...

Не упадет на ваши бельма,
Где жизни нет — где жизни нет, —
Не упадет огонь Сент-Эльма
И не обдаст Дамасский свет.

О, ваша повесть так спокойна
И ваша совесть так чиста:
Так небезумно, так пристойно
Дойти до дна — дойти до дна...

Андрей Белый

19/VIII 1921

³³ Наблюдения над пушкинским текстом и его поэтикой Сологуб изложил в послесловии к кн.: Уединенный домик на Васильевском: Рассказ А. С. Пушкина по записи В. П. Титова С. 52—64.

³⁴ См. прим. 34.

³⁵ Об истории взаимоотношений двух поэтов, продолжавшихся около тридцати лет, см.: Брюсов В. Я. Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год. Л., 1976. С. 104—125; Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову / <Публ. А. Л. Соболева> // Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает. Сконопель истоар. М., 2013. С. 320—372 (Летейская библиотека: очерки и материалы по истории русской литературы XX века; т. 2). Речь Сологуба памяти Брюсова (некролог): Fedor Sologub's Speech in Memory of V. Ja. Brjusov / Introduction and Notes by J. D. Grossman // Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University, Jerusalem, 1981. Vol. 5—6. P. 419—422. В представлении Сологуба Брюсов повредил своей репутации сотрудничеством с большевиками: заведовал Московской книжной палатой, с 1918 по 1919 год — отделом научных библиотек Нар-

компроса; в 1919-м перешел на службу в Государственное издательство; в 1920 году организовал Лито (литературный отдел Наркомпроса) и литературную студию при нем.

³⁶ Очевидно, Сологуб подразумевал сотрудничество А. Белого в левоэсеровской газете «Знамя труда» и в сборниках «Скифы» (1917–1918), выходивших под редакцией Иванова-Разумника, С. Д. Мстиславского и А. Белого (второй сборник) в издательстве «Революционный социализм».

³⁷ Петроградский Дом литераторов (1918–1922) — располагался на ул. Некрасова (до 1918 года — Бассейная ул.), д. 11. 6 июня 1922 года Сологуб выступал в Доме литераторов с лекцией по книге Ан. Чеботаревской «Женщина накануне Великой французской революции» (Пг.: Былое, 1922), которую он подготовил к печати и издал посмертно. Сведения о мероприятии, устроенном в Доме литераторов по случаю 123-й годовщины со дня рождения Пушкина (26 мая / 8 июня), не выявлены. В хронике журнала «Литературные записки» за 23 июня 1922 года сообщалось: «123-ю годовщину дня рождения Пушкина (8 июня — 26 мая ст. ст.) Пушкинскому Дому ознаменовал открытием выставки „Пушкин и его современники“ и изданием миниатюрной книжечки, содержащей речь Н. А. Котляревского „Пушкин и Россия“, произнесенной им в Доме Литераторов на торжественном заседании 11 февраля (29 января) с. г.» (с. 18).

³⁸ Документальные подтверждения об отказе Пушкинского Дома приобрести рукописи Сологуба не выявлены. 31 октября 1919 года он писал Котляревскому: «До настоящего времени я хранил у себя все мои рукописи. Теперь, по обстоятельствам, это становится все труднее. Будьте любезны сообщить мне, не пожелает ли Пушкинский Дом купить у меня некоторые рукописи, например, рукопись романа „Тяжелые сны“ (ИРЛИ. Ф. 135. № 667. Л. 10). Рукопись романа «Тяжелые сны» в декабре 1919 года Сологуб продал в Публичную библиотеку (см.: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 181 — записи о доходах за 1918–1919 годы). В 1922 году в Пушкинский Дом поступила наборная рукопись книги Блока «За гранью прошлых лет» (от З. И. Гржебина). Возможно, до Сологуба дошли слухи о том, что Б. Л. Модзалевский, озабоченный судьбой блоковского архива, намеревался вести переговоры с Л. Д. Блок. Об одном его разговоре с вдовой поэта вспоминал И. С. Зильберштейн, см. его очерк «О встречах с Любовью Дмитриевной Блок и судьбе хранившегося у нее архива поэта»: Лит. наследство. 1978. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене. С. 382. Подробно об истории поступления блоковского архива в Пушкинский Дом см.: Лощинская Н. В. Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. С. 13–36.

³⁹ См. запись от 3 сентября 1922 года.

⁴⁰ В 1922 году вышло первое научное издание «Гаврилиады» под редакцией Б. В. Томашевского (П., 1922); первое издание в 1918 году под редакцией В. Я. Брюсова.

⁴¹ Ср. высказывание Сологуба о словах «скверно» и «плохо» в записи Вл. Смирнского: «„Скверно“ и „плохо“ — это слова совсем разные. Стихи, скажем, могут быть плохими, но не скверными. И — наоборот. Мы знаем прекрасную поэму Пушкина „Гаврилиада“, которая — все-таки — скверная поэма. И знаем много других примеров. Поэтому с этим словом надо обращаться осторожнно» (Смирнский В. В. Воспоминания о Федоре Сологубе. С. 406).

⁴² Ср. высказывание Сологуба в записи П. Н. Медведева: «Бл<ок> ничего не понимал в России. „Но и такой, моя Россия...“ — ведь это же тупик. Достоевский так не сказал бы. Мерзость русскую он знал, и любить Россию такой он не мог. Но за этой мерзостной Россией он знал и видел другую. Бл<ок> этой России не знал. Вообще Бл<ок> ничего не знал. Вот почему он — гениальный, но не великий поэт. Великий — вот что: ты можешь взять любую точку, но с этой точки должен быть точно и ясно виден весь мир, правильная его плоскость и правильный его разрез. Как в аналитической геометрии, верная плоскость. Это было у Пушкина, Шекспира, Данте, Достоевского. Поэтому подлинно великое искусство всегда научно — в духе своем. У Бл<ока> не было ни точности, ни ясности. „И первья страуса склоненные...“ — Что, что? — Ничего. Но Бл<ок> был гениальный поэт. Потому он очаровывает и непосредственно влияет. Его поэзия, когда поразмыслишь, — сладчайший яд. Конечно, яд — отрава. Весь он направлен к смерти. Опустошенная душа, опустошенный гений. Но какой, пленительный...» и т. д. (Медведев П. Н. У Ф. Сологуба. С. 604).

⁴³ Л. К. Чуковская зафиксировала слова А. Ахматовой (через несколько лет после смерти Сологуба): «Да, он Пушкина не выносил. Ненавидел. Быть может, завидовал ему: соперник! С<ологуб> был человеком таким причудливым, что мог и завидовать Пушкину. Оленька (О. А. Глебова-Судейкина. — А. В., М. П.), которая знала С<ологуба> гораздо ближе, чем я, говорит, что оно так и было...» (Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 1. 1938–1941. С. 86).

⁴⁴ О какой именно комнате идет речь, сказать трудно, возможно, о комнате в квартире Черновситовых (кв. 26); возможно, о другой — в том же доме (см. сн. 46 к вступ. статье) двумя этажами ниже Сологуб занимал две комнаты в квартире № 22 (на третьем этаже), принадлежавшей известному правоведу, профессору Александру Семеновичу Ященко (1877–1934; с 1919 года — в эмиграции в Берлине).

⁴⁵ Петров-Водкин Кузьма Петрович (1878–1939) — художник; автор двух портретов Сологуба, один был написан в 1926 году, погиб при пожаре, второй — «Сологуб на смертном одре» (Музей ИРЛИ), опубл.: *Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм. Т. 3*, см. вклейку. Петров-Водкин нарисовал в альбом Казанович женский портрет. Акварель. Дата: «1923 — II» (ИРЛИ. Р. I. Оп. 12. № 282. Л. 17).

⁴⁶ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 110–112. С 12 сентября по 11 октября 1922 года Казанович отдыхала в Царском Селе (с 1918 по 1937 год — Детское Село, ныне город Пушкин) в «Сандомуче» — Санатории Дома ученых (подробно см.: РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 112–115).

⁴⁷ Выставка «Русские писатели в изданиях для детей» (на Миллионной ул., д. 22), подготовленная П. Е. Рейнботом, Б. И. Копланом, В. В. Воиновым, открылась 10 апреля и работала по 6 мая 1923 года, на бесплатной основе, сотрудники Пушкинского Дома водили по выставке экскурсии (Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920–1928 гг. С. 139).

⁴⁸ Казанович Е. Д. И. Писарев. Пг., 1922. Дарительная надпись: «Глубокоуважаемому Федору Кузьмичу Сологубу на добрую память автор. 18.IV.1923» (Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома: каталог / Сост. Н. С. Беляев; сост. имен. указ. Г. В. Бахарева, Н. С. Беляев. СПб., 2016. Вып. 2. Е–К. С. 71).

⁴⁹ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 127–127 об.

⁵⁰ Краткий очерк взаимоотношений поэтов см.: Тименчик Р. Д., Лавров А. В. Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С. 53–58.

⁵¹ О каком именно издании романа «Мелкий бес» (1902) здесь идет речь, неизвестно, впервые он был напечатан в «Вопросах жизни» без последних глав, в связи с прекращением журнала (1905. № 6–11); отд. изд.: СПб., 1907. При жизни Сологуба роман выдержал 11 изданий. В 1923 году в издательстве З. И. Гржебина вышло девятое издание; еще один самостоятельный тираж Гржебин отпечатал в Берлине. (Последнее прижизненное издание романа в 1926 году выпустило издательство «Мысль».).

⁵² В предисловии ко второму изданию Сологуб последовательно прокомментировал наиболее распространенные суждения критиков о романе, заключив: «Этот роман — зеркало, сделанное искусно. Я шлифовал его долго, работая над ним усердно. Ровна поверхность моего зеркала, и чист его состав. Многократно измеренное и тщательно проверенное, оно не имеет никакой кривизны. Уродливое и прекрасное отражаются в нем одинаково точно» (*Сологуб Ф. Мелкий бес / Изд. подг. М. М. Павлова. СПб., 2004. С. 6; комм.: С. 762–764* (сер. «Литературные памятники»)).

⁵³ Речь идет об описании маскарада в романе «Мелкий бес» — главы XXIX–XXX.

⁵⁴ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 130–130 об.

⁵⁵ Ср. также описание сологубовской манеры собеседования: *Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения. С. 199–200* (главка «О моих стихах»).

⁵⁶ РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 137 об.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-111-129

© Т. Г. Иванова

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ В БЫЛИНАХ И ЕЕ РОЛЬ В СЛОЖЕНИИ ПЕСЕННО-ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Нам уже приходилось выдвигать положение об иерархии «былинных метрополий».¹ Под «материнской» метрополией мы понимаем территорию, на которой в X–XIII веках складывался русский эпос. Нижняя временная граница определяется созданием Киевского государства (X век); верхняя, XIII век, — это начало монголо-татарского ига, в результате которого в эпосе сформировался образ татар — главного врага русских богатырей. «Материнская» метрополия — это прежде всего Киевская земля (Киев, Чернигов, Муром, Рязань, Ростов, Суздаль, Галич), на которой сложились образы князя Владимира, Ильи Муромца, Добрыни Никитича, Александра Поповича, Дюка Степановича, Чурилы Пленковича и др. Вторая «материнская» метрополия — Новгород, давший былинам таких персонажей, как Садко и Василий Буслаев.

Следующую позицию в иерархии метрополий занимают «колонизационные» метрополии, актуальные для периода XII–XVI веков, когда происходила активная славянская колонизация Русского Севера, сохранившего до XIX–XX веков весомую песенно-эпическую традицию. Как известно, в фольклористике обсуждается проблема новгородской и ростово-суздальской колонизаций Русского Севера. Суть концепции В. Ф. Миллера, автора «новгородской теории» происхождения русского эпоса, сводится к следующему: не только былины с новгородскими аксессуарами, но многие сюжеты киевского цикла сложились в Новгороде; былины сохранились в тех регионах Русского Севера, которые подвергались новгородской колонизации; «низовская» (ростовская, верхневолжская) колонизация былин с собой не несла.² Эта точка зрения получила поддержку у С. И. Дмитриевой, С. Н. Азбелева, В. П. Аникина, Б. А. Рыбакова.³ Однако, по нашему мнению,⁴ песенно-эпическая традиция Русского Севера складывалась благодаря и новгородскому, и ростово-суздальскому колонизационным потокам.

Северорусский регион, давший объемный былинный материал, позволяет выделить понятие «региональные» метрополии — древние славянские географические точки на Русском Севере, откуда песенно-эпическая традиция разворачивалась на окружающие территории. Это средневековые города (села), откуда шло славянское

¹ Подробнее см.: Иванова Т. Г. «Большие» и «малые» метрополии северорусской былинной традиции // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы: Сб. науч. статей. М., 2015. С. 11–21.

² Миллер В. Ф. 1) Наблюдения над географическим распространением былин // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 5. С. 43–77; 2) Очерки русской народной словесности: Былины. М., 1897. [Т. 1]. С. 65–96. О верхневолжской колонизации см.: Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 5–29.

³ Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975; Азбелев С. Н. Былины: Новые книги // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора» / Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1977. Т. 17. С. 176–184; Аникин В. П. Об историческом изучении былин // Русская литература. 1984. № 1. С. 105–119; Рыбаков Б. А. Русский эпос и исторический нигилизм // Русская литература. 1985. № 1. С. 155–160.

⁴ Иванова Т. Г. «Малые» очаги северорусской былинной традиции. СПб., 2001.

освоение северорусских земель; например, г. Кегрола / Кеврола на Пинеге являлся такого рода метрополией для обширного региона Пинеги, Кулоя, Мезени и Печоры.

Последними в иерархии метрополий могут считаться «локальные» метрополии, играющие ту же роль, но для территорий более мелкого масштаба, имеющих единый хозяйствственный уклад и одну историю. Типичной локальной метрополией на Русском Севере является с. Усть-Цильма для Печоры.

В этой иерархии уточнений и детализации требует понятие «материнская» метрополия для Киевских земель, состоящих из отдельных регионов. Отдельного специального рассмотрения заслуживает Муромо-Рязанская территория, о которой мы говорить в этой статье не будем, и Ростово-Суздальско-Владимирский регион, т. е. Северо-Восточная Русь.

Ростов располагается на озере Неро. Археологи считают, что город начинался в VII веке на Сарском городище как мерянское поселение (племенной центр мери). Лаврентьевская летопись сообщает: «на Ростовском *озере* Мера, а на Клещине *озере* Мера же».⁵ Славянская экспансия в Ростовские земли началась в IX веке; в X столетии рядом с Сарским городищем появился княжеский город, задачей которого было стать опорным местом для сбора дани с местного населения. Ростов — один из древнейших городов Киевского государства. В Лаврентьевской летописи под 862 годом говорится, что после прихода на Русь трех братьев-варягов Рюрика, Синеуса и Трувора и после смерти двух из братьев Рюрик стал раздавать мужам своим города: «швому Полотескъ швому Ростов другому Бѣлоозеро». Летопись также подчеркивает, что варяги на этих землях были «находниками», т. е. пришлыми, а первыми «населщиками» в Новгороде являлись словене, в Полоцке — кривичи, в Ростове — мера, в Белоозере — весь, а в Муроме — мурома.⁶ Ростов упомянут в договоре князя Олега, совершившего поход на Царьград в 907 году: греки обязались выплатить дань на ряд отдельных городов — Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Любеч и Ростов.⁷

Далекие и неплодородные земли северо-востока Руси поначалу мало интересовали Киев. Однако в начале XII века ситуация изменилась. В 1108 году Владимир Мономах (1053–1125; князь Ростовский (1066–1075), великий князь Киевский в 1113–1125) на Ростовских землях основал г. Владимир-на-Клязьме. Владимир Мономах передал Ростовские земли своему младшему сыну — Юрию Долгорукому (1090-е — 1157), чьи честолюбивые устремления были направлены на Киевский престол; его же сын Андрей Юрьевич Боголюбский (ок. 1111–1174) Киевом уже не интересовался и сделал своей резиденцией Владимир. Расцвет Владимира-Суздальского княжества, в которое входил и Ростов, приходится на правление Всеволода Большое Гнездо (1154–1212), младшего сына Юрия Долгорукого, ставшего во главе Владимира-Суздальского княжества в 1176 году.

В ходе дробления земель на уделы в 1207 году сформировалось самостоятельное Ростовское княжество под рукой князя Константина Всеволодовича (1185–1218) — старшего сына Всеволода Большое Гнездо, ставшего великим князем Владимирским в 1216 году (подчеркнем — старшего сына, что свидетельствует о высоком статусе Ростова во Владимира-Суздальских землях). В Ростовское княжество входили Белоозеро, Углич, Устюг, Ярославль.

В 1238 году Ростов пал во время монголо-татарского нашествия. Известно, что в 1262 году в городе произошло восстание против татарских сборщиков дани. С XIV века постепенно Ростов стал попадать под власть крепнущей Москвы; этот процесс завершился в 1474 году при Иване III Васильевиче (1440–1505) — великому князю Московскому (1462–1505).

Следует сказать, что Ростов занимал очень важное место в духовной жизни средневековой Руси. С конца XI века город стал центром епархии. Христианство в землях мери укреплялось с большим трудом. Вплоть до XII века в Ростове существовал Чуд-

⁵ Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 10–11 (Полн. собр. русских летописей; т. 1). Здесь и далее курсив мой. — Т. И.

⁶ Там же. С. 20.

⁷ Там же. С. 31.

ской (мерянский) конец, где процветало язычество; в русской же части города был поставлен сначала деревянный, а в 1160 году — каменный Успенский собор. Ростовские иерархи были влиятельными церковными владыками. В конце XIV века они получили сан архиепископов, а в 1589 году (с учреждением в Московской Руси патриаршества) — митрополитов.

В XVIII веке Ростов стал центром уезда — сначала в 1777 году в Ярославском наместничестве, а с 1796 года — в Ярославской губернии. Однако подчеркнем, что исторически он связан не с поволжскими землями Ярославля, а с Владимиро-Сузdalским краем.

Географическое имя *Ростов* в былинах встречается очень редко. Тем не менее былины четко представляют, что Алеша Попович родом был из Ростова. Прикрепление имени третьего по «рангу» русского богатыря (змееборца) к Ростову позволяет предположить, что в X–XIII веках, когда шло формирование былин, Ростовские земли были одной из региональных точек создания общерусского былинного эпоса (наряду с Киевом, Черниговом, Муромом, Рязанью, Галичем).

Ростов, как и Киев, Муром и Рязань, в некоторых текстах оказывается в зчине. Так, один из вариантов с Зимнего берега сюжета «Алеша Попович и Тугарин Змеевич» начинается строкой: «А и как во славном-то было в городи во *Ростови-то*»⁸ (сказительница П. С. Пахолова из семьи Крюковых). Другой зимнебережный текст (былина «Алеша Попович убивает татарина», производная от «Алеши и Тугарина») начинается строкой «Ай во славном-то было-то в прекрасном *Острови*» (Былины Зимнего берега, № 62, ст. 1; сказительница А. М. Крюкова). Комментатор Свода русского фольклора Ю. А. Новиков справедливо полагает, что «Остров» — это испорченное «Ростов».

В пудожской былине на тот же сюжет «Алеша Попович и Тугарин» начало следующее: «Из славного города из *Ростова* / Выезжают тут два удалых добрых молодца».⁹ В другом пудожском варианте, в котором Ростов также заявлен в первой строке, рисуется, как Алеша Попович ходит-гуляет по *городу Ростовскому* (Былины Пудоги, № 302, ст. 1; см. также ст. 21, 28). Данная пудожская былина полностью калькирует ситуацию из «Ильи Муромца и Соловья-разбойника»: победив Тугарина Змеевича на пути в Киев, Алеша Попович приезжает в Киев и представляется князю Владимиру: «Из *Ростова* есть да славна города, / Сын Леонтия я, попа *ростовского*» (ст. 454–455). Князь задается вопросом: «Ты когда с *Ростова* да повыехал / И какой дорожкой ехал в столицу Киев-град?» (ст. 461–462). Услыхав о прямое земской дорожке, один из бояр пытается уличить героя во лжи: «От *Ростова* ли, от славна города, / А до славна ли до города до Киева / Прямое земская дорожка заколодела» (ст. 474–476).

В былинах нередки случаи, когда в зчине былины «Алеша Попович и Тугарин» ростовская тема исчезает, однако затем по ходу действия она проявляется. Так, ростовская тема отражается в топосе обжорливой собаки (коровы), треснувшей от своего обжорства. Наблюдая обжорство Тугарина за столом, в одном из сибирских вариантов Алеша Попович говорит своему парубку Ефимше:

Ох ты вспомнишь ли, Ефимша, вспомятуешь ли,
Как у *нашего* у швета у бачушка,
У Леонтия попа сына *ростовского*
Как була, була собака жанная,

⁸ Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подг. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Ко-мелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков; отв. ред. тома А. Н. Власов. СПб.; М., 2018. № 67. Ст. 1 (Свод русского фольклора. Былины; т. 8). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Зимнего берега, с указанием номера текста и стиха.

⁹ Былины Пудоги / Изд. подг. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кас-тров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новичкова, Е. И. Якубовская. СПб.; М., 2013–2016. № 301. Ст. 1–2 (Свод русского фольклора. Былины; т. 16–18 (2)); см. также: Там же. № 304. Ст. 1 — проза. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Пудоги, с указанием номера текста и стиха.

По хотонам-чи собака-то шаталася,
По подлавицам собака волочилша,
Лебедино кости грызла — подавилася,
Помои те хлебала — захлебалася,
А тому же Тугарину то же будёт
От нашего плеча молодецкого...¹⁰

В другом сибирском тексте этот топос вложен в уста не Алеши Поповича, а его товарища Екима Ивановича, причем *ростовским* оказывается не отец, а дед Екима:

Яким говорит:
У моего *деда ростовского*
Була ... (суга? — Т. И.) обжористая,
Она по-под лавочкой каталася и валялася,
Оттуль она косткой подавилася,
Смерть приключилася.
И этому собаке будет такая ему смерть!

(РЭПС, № 26, ст. 66).

Этот топос может потерять привязанность к отцу Алеши Поповича (или Екиму), но ростовский маркер сохраняется. Так, в сибирском тексте Алеша и его товарищ Еким наблюдают, сколько съедает Змеище Тугаретин, после чего Еким говорит:

У *попа* было *ростовского*
Было кобелище Цингалище,
Охоче по подстолью ходить —
Костью подавится,
О того и переставится.
А тебе, Змею, не миновать того!

(РЭПС, № 21, ст. 85–90;
то же с образом коровы: ст. 101–105).

На Пудоге топос обжорливого кобеля (коровы), причем именно со ссылкой на *ростовского попа*, оказывается включенным и в сюжет «Илья Муромец и Идолище». Соответственно Илья Муромец заявляет прожорливому Идолищу: «У нашего у *попа* у *ростовского* / Была как корова обжориста...» (Былины Пудоги, № 216, ст. 128–129; см. также: № 220, ст. 189–190; № 223, ст. 266–267).

Ростовская тема в эпосе прочно ассоциируется с биографией Алеши Поповича. Обратим внимание на один из сибирских вариантов «Козарина», в котором отсутствует традиционная тема нелюбви родителей к герою. В тексте Алеша Попович замещает традиционного Козарина и освобождает свою сестру от татар; героиня, на которой он уже намеревался жениться, сообщает ему:

Я роду не царского и не боярского,
Не княженецкого, не купецкого
И не крестьянского,
Я того батюшки *попа ростовского*

(РЭПС, № 104, ст. 74–77).

После этих слов полонянки Алеша заявляет:

¹⁰ Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подг. Ю.И. Смирнов и Т.С. Шен-талинская. Новосибирск, 1991. № 23. Ст. 34–44 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока); см. также: Там же. № 25. Ст. 27, 39. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: РЭПС, с указанием номера текста и стиха.

Я думал получить себе
Обручницу и подвенечницу,
А выручил свою родимую сестрицу!

(РЭПС, № 104, ст. 81–83).

Заканчивается данный вариант возвращением богатыря в Ростов, который, правда, смешивается с Литвой:

Заскакивал Алеша на доброго коня
И побежал к себе в *Литву*,
К своему-то *батюшку попу ростовскому*

(РЭПС, № 104, ст. 84–86).

В былине Марфы Крюковой на тот же сюжет «Козарин», но с главным действующим лицом Алешей Поповичем ростовская тема явлена гораздо более выпукло. Один из ее текстов на этот сюжет начинается строками: «Как Алёшенька был же все Петрович млад / Во гостях в *Ростове славном городе* / У своего отца-родителя».¹¹ В соответствии с бытовизацией эпических сюжетов, что характерно для Марфы Крюковой, в этой былине разворачивается длинная сцена, во время которой родители богатыря, приехавшего их навестить, уговаривают его остаться в Ростове и не ездить больше в Киев. В этой сцене на топоним *Ростов* упоминается несколько раз (ст. 6, 11, 14). В ответ на предложение сына переехать к нему в Киев они отвечают: «Нет, не поедем мы, чадушко любимое, / Из своего-то мы города *Ростова*, / Где родились, тут помирать будем» (ст. 57–59).

В другом тексте этого же сюжета, значительно отличающемся от варианта № 30а, Марфа Крюкова рисует сцену, в которой в Киеве на пиру у князя Владимира Алеша Попович просит разрешение съездить в Ростов, чтобы навестить родителей и узнать, не присмотрели ли они ему невесту. Князь Владимир отвечает: «Хоть у нас женись да в красивом Киеви, / Ай хоть у себя женись да в славном городи, / В славном городи в своём да ты в *Ростови-то*» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 30, ст. 45–47). В Ростов герой отвозит спасенную им от татар сестру (ст. 198, 207, 209; см. также третий вариант Марфы Крюковой этой старины: № 30б, ст. 63, 248, 371, 394, 443, 447, 458, 474, 475, 477).

В тяжеловесной былине Марфы Крюковой «Добрыня и неудавшаяся женитьба Алеши Поповича» Алеша Попович, добившийся согласия Настасьи Никуличны на свадьбу, поступает в соответствии с этикетными правилами — посыает «ярлык скорописцетой» в Ростов с приглашением отца и матери на «свадебку весёлую» (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 76, ст. 518). Таким образом, Марфа Крюкова, в репертуаре которой не было главной былины об Алеше Поповиче «Алеша Попович и Тугарин Змееевич», где говорится о начальной биографии богатыря, родившегося в доме его отца *Леонтия попа ростовского*, максимально полно старается реализовать ростовскую тему в других сюжетах. Однако, подчеркнем, это в определенной мере является индивидуальным творчеством сказительницы и отчасти выходит за рамки традиции. Отметим, кстати, что в соседней региональной традиции Западного Поморья ростовская тема полностью отсутствует.

Как уже следует из приведенных примеров, в былинах константно упоминается отец Алеши Поповича — *Леонтий поп ростовский*. См., например, в пудожских старинах на сюжет «Алеша Попович и Тугарин» (Былины Пудоги, № 2, ст. 59); в кижских старинах;¹² в повенецких вариантах.¹³ *Леонтий поп ростовский* исследователями,

¹¹ Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / Изд. подг. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.; М., 2020. № 30а. Ст. 1–3 (Свод русского фольклора. Былины; т. 9). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Зимнего берега. Крюкова, с указанием номера текста и стиха.

¹² Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подг. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989. Т. 1. № 28. Ст. 16, 27.

¹³ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подг. текста и комм. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 1. № 4. Ст. 114.

как правило, связывается с реальным Леонтием Ростовским (ум. не позднее 1077 года) — епископом Ростовским и Суздальским. Сведения о святителе Леонтии (имеется его *Житие*) противоречивы: в одних документах он называется греком, в других — русским. Благочестивый Леонтий побывал в Константинополе, где, возможно, и принял монашество; по возвращении в Киев в Печерскую обитель он был рукоположен в епископы и направлен в языческий Ростов. Жители города встретили его неприязненно, выступили против его христианских проповедей, несколько раз выгоняли из города. По одним сведениям, Леонтий скончался своей смертью; по другим — был убит в 1073 году.¹⁴ В фольклористике считается, что имя популярного христианского проповедника, по мере усиления в русском эпосе православной составляющей, было включено в былины. Так он стал отцом героя-змееуборца; образ же Змея на поэтическом уровне воплощал в себе язычества.

На Пинеге помимо *попа Леонтия ростовского*¹⁵ этот персонаж может получать другое имя — *Федор поп ростовский* (Былины Пинеги, № 47, ст. 1; № 47а, ст. 1; № 48, ст. 1; № 48а, ст. 1; № 170, ст. 167).

Ростов может появляться и в былинах, не имеющих отношения к Алеше Поповичу. На Печоре, например, Соловей Будимирович о себе говорит:

Ах земли-то ле я буду у *Индейской*,
Ах как *города* я буду *Ростовского*,
Ах зовут-то меня да нынче Соловей,
По отечеству зовут да Будимирович.¹⁶

Укажем также, что в былине «Василий Богуслаевич» Марфа Крюкова наряду с московскими, новгородскими и киевскими упоминает *ростовские дорожечки* (Былины Зимнего берега. Крюкова, № 27, ст. 290).

Формульное поле Ростова в былинах очень скромное. Как видно из приведенных примеров, топоним *Ростов* получает эпитет «славный» (как, впрочем, многие русские города). В пудожской традиции имеется также формула с эпитетом «славный красный» (Былины Пудоги, № 303, ст. 1; № 305, ст. 1). На Пинеге зарегистрирован эпитет «крепкий»:

Во *Ростове* было, во *крепком городе*,
У *попа-то* у *Левонтия ростовского*
Зародилосе цадушко мелешенько

(Былины Пинеги, № 46, ст. 1–3 — сюжет
«Алеша Попович и Тугарин»;
см. ростовский маркер в этой былине: ст. 74, 91).

См. также ростовские маркеры в других пинежских текстах: № 170, ст. 1, 8, 92, 167, 172 — проза; № 171, ст. 1 — проза.

Былинная традиция аккумулировала не только *Ростов Великий*, но и *Ростов-на-Дону*. В позднем печорском сюжете «Данило Борисович» Данила с товарищами плывет по тихому Дону и попадает к Митрею-царю Бранскому: «По тихому Дону ноньце в город *Ростов*» (Былины Печоры, № 265, ст. 93). Ростов-на-Дону, расположенный в 46 км от устья Дона, был основан в 1761 году как крепость, в которой была поставле-

¹⁴ Филипповский Г. Ю. *Житие Леонтия Ростовского* // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV вв. С. 159–161.

¹⁵ Былины Пинеги / Изд. подг. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастрев, М. В. Рейли. СПб.; М., 2012. № 46. Ст. 2, 27, 36, 75, 92 (Свод русского фольклора. Былины; т. 7). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Пинеги, с указанием номера текста и стиха.

¹⁶ Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001. № 169. Ст. 70–74 (Свод русского фольклора. Былины; т. 1–2). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Печоры, с указанием номера текста и стиха.

на церковь во имя Димитрия Ростовского; затем сложилась слобода, превращенная в 1796 году в город Ростов. Смешение двух локусов с именем *Ростов*, естественно, является признаком разложения песенно-эпической традиции.

Наличие Ростова в былинах, и особенно связь этого города с эпической биографией третьего по «рангу» богатыря Алеши Поповича, свидетельствует об особой роли Северо-Востока Руси в формировании русского эпоса. На то же указывают и другие топонимы этого региона.

Судьба Ростова в отечественной истории тесно связана с *Суздалем*, расположенным на речке Каменка в 26 км от позднее возникшего Владимира-на-Клязьме. Первоначально поселение было мерянским, постепенно становясь славяно-мерянским. В венгерской хронике «Gesta Hungarorum» под 884 годом сказано, что вождь венгров Альмоша с Волги увел своих людей через «землю Руси, называемую *Суздаль*», в места нынешнего расселения венгров.¹⁷ В русской летописи Сузdalь впервые называется в 1024 году в связи с восстанием волхвов, выступавших против христианства. В начале XII века при Юрии Долгоруком Сузdalь, напомним, стал центром Ростово-Сузdalского княжества. Город имел прочные торговые связи с Новгородом, что находит отражение в новгородских берестяных грамотах, где неоднократно упоминается Сузdalь и сузdalьцы. Тем не менее, как мы уже указывали, в 1157 году Андрей Боголюбский перенес свой стол во Владимир. По мере дробления Руси на более мелкие уделы в середине XIII века было образовано Сузdalское княжество, в дальнейшем — Сузdalско-Нижегородское княжество. В 1392 году Сузdalь был присоединен к великому княжеству Московскому.

В XVII веке, пережив Смутное время, грабительский налет крымских татар (1634), крупный пожар (1644), моровую язву (1654–1655), Сузdalь все-таки с середины столетия вступил в период экономического подъема. В XVIII веке город оказался центром странствующих торговцев («оферней»). С 1796 года Сузdalь — уездный город Владимирской губернии.

В былинах топоним *Сузdalь* зарегистрирован в печорском варианте «Алеши Поповича и Тугарина». В этом тексте в трансформированном виде представлен топос ростани. Сама ростань в тексте отсутствует, но описывается, как Алеша Попович и прабок Еким рассуждают, куда им направиться:

Куды нам ведь, братцы, уж как ехать будёт?
Нам ехать, не ехать нам в *Суздаль-град*?
Да в *Суздале-граде* питья много,
Да будёт добрым молодцам испропитисе

(Былины Печоры, № 115, ст. 6–9).

Сузdalь отвергается, как и Чернигов, и герои едут в Киев. Сохранение Суздаля в топосе ростани в одном ряду с Киевом (столичный город), Черниговом (второй город по статусности) свидетельствует о важности этого города в эпическом сознании. Правда, укажем, что приведенный пример — это единственный случай употребления топонима в былинах. По-видимому, к XIX–XX векам память об этом важном городе Древней Руси в песенно-эпической традиции подверглась решительным процессам выхолащивания.

Сузdalский след в былинах прочитывается в имени богатыря *Суровца-Суздалца* (редкий эпический персонаж). У Кирши Данилова в тексте со знаменитым запевом «Высота ли высота поднебесная» Суровец-Суздалец ищет себе поединника:

Из далеча чиста поля
Выскокал тут, выбегал

¹⁷ Юрасов М. К. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом (Продолжение) // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. 2013. № 1. С. 71. Курсив мой. — Т. И.

*Суровец-богатырь, Суздалец,
Богатова гостя, заморёни сын
(КД, № 58, ст. 19–22).¹⁸*

В образе Суровца-Суздальца вроде бы имеются иномирные черты: он «хоботы» мечет по «темным лесам» («хоботы», напомним, — это характеристика внешности Змея). Однако дальнейшее повествование не оставляет сомнений в принадлежности Суровца-Суздальца нашему миру. Согласно сюжету, он не находит себе противника, приезжает в город Покидощ к князю Михаилу Ефимонтьевичу. Входя в гридню, Суровец-Суздалец ведет себя в соответствии с русским этикетом: «Походил во гридню во светлую, / Спасову образу молится» (ст. 39–40). После представления князю («А меня зовут, добра молодца, / Суровец-богатырь Суздалец, / Богатова гостя заморёни сын» — ст. 50–52) героя приглашают присоединиться к пиру. На этом былина Кирши Данилова заканчивается, производя впечатление явно незавершенного сюжета.

Полноценно, в соответствии с законами эпоса, коллизия разворачивается в другой ранней записи — в былине, опубликованной в изданном в типографии Н. И. Новикова песеннике «Новое и полное собрание российских песен».¹⁹ Этот текст был перепечатан в собрании П. В. Киреевского, причем здесь источником решительно назван «Песенник» Н. И. Новикова. На самом деле «Новое и полное собрание российских песен» — это переиздание собрания М. Д. Чулкова.

В интересующей нас былине Суровец-Суздалец в чистом поле наезжает на черна ворона, тот просит его не убивать, указывает на «силу» (войско) царя Курбана; во время сражения богатырь попадает в третий ров (подкоп), оказывается плененным, но разрывает путы и побивает всех татар. О богатыре в этом тексте сказано:

Как жил на Руси Суровец молодец,
Суровец богатырь, он Суроженин,
По роду города Суздаля,
Сын отца гостя богатого.²⁰

В этом фрагменте богатырь «по роду города Суздаля», но одновременно называется Суроженином. В «Заметке» П. А. Бессонова, опубликованной в 3-м выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским», имеется комментарий к этим географическим именам. Исследователь считает, что герой «по роду Суздалец, по промыслу и занятию Суроженин или Суровец» (Кир. III, с. VIII). Сурож (позднее — крымский город Судак) упоминается в древнерусских летописях в связи с сурожскими гостями (купцами), которые бывали на Руси, и соответственно с русскими торговцами, ходившими в Крым. Сурожское море русских летописей — это Азовское море. Имя Суровец П. А. Бессонов возводит к слову «суровец», т. е. шелк-сырец, который привозили на Русь в том числе и из Сурожа. Один из торговых рядов в Москве некогда назывался Суровским.

Былинный Суровец, обратим внимание, — сын «гостя богатого», т. е. купца. Исключительно Суроженином герой называется в дальнейшем тексте старины (Кир. III, с. 110–112, ст. 25–26, 74–75), тем не менее мы полагаем, что родным городом для этого героя эпоса был не Сурож, а Сузdalь.

В варианте из Симбирской губернии, записанном кем-то из Языковых, богатырь именуется «Суровен богат сам Суздалец» (Кир. III, с. 110, ст. 2, 24, 72, 93, 98). В единственном пудожском тексте (запись 1938 года) герой называется «Суровец богатырь

¹⁸ Древние российские стихотворения, собранные Киршою Даниловым. 2-е изд., доп. / Подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977. № 58. Ст. 19–22. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: КД, с указанием номера страницы или текста и стиха.

¹⁹ Новое и полное собрание российских песен: содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шутливые, простонародные, хоральные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедии. М., 1780. Ч. 2. С. 204–206. № 199.

²⁰ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1861. Вып. 3. С. 110. Ст. 3–6. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Кир. III, с указанием номера страницы и стиха.

Сузdalль-Суздалец» (Былины Пудоги, № 538, ст. 1, 10) или Суровец (ст. 15). Сузdalльский маркер в имени героя к XIX веку исчезает. Так, в былине из Сергачского уезда Нижегородской губернии персонаж именуется «Сурова Сúрого Суровесть богатырь»²¹ или просто Сурога. В Сибири герой называется просто Суровец (РЭПС, № 60–62а).

Помимо богатыря Суровца-Суздалца былинный эпос знает и *братьев Суздалльцев*. В тексте из Архангельской губернии былины «Иван Годинович» мельком, и в общем-то без всякой связи с дальнейшим сюжетом, главный герой говорит, что в Киеве «нет молодцев, *удалых Суздалльцев*, / У нас нет девиц — белых лебедей» (Кир. III, с. 10, ст. 40–41), что и становится для богатыря основанием для отказа искать невесту в столичном Киеве. «Удалые Суздалльцы» в этих строках в данном тексте действующими персонажами не становятся.

На Кулое в сюжете «Камское побоище» «два братёлка два *Суздалльца*»²² играют отрицательную роль: уже после первоначальной победы русских богатырей над татарами их хвастовство («Мы всю бы небесну силу попленили же!» — Былины Кулоя, № 29, ст. 150) приводит к тому, что татары оживают (встают два татарина, которые были разрублены надвое), и русские богатыри, устрашившись этой силушки и поняв, что это наказание со стороны небесной силы (т. е. Бога и ангелов) за хвастовство, уезжают в горы, где окаменевают. Правда укажем, что в другом кулоиском варианте мотив хвастовства *двух братьев Суздалльцев* детей боярских Луки и Матфея отсутствует, соответственно не реализуется и мотив окаменения богатырей (Былины Кулоя, № 28, ст. 283).

В историческом пространстве былин имеется город *Кидоша* (*Покидоша*), который мы склонны трактовать как *Кидекша*. Отметим, что исследователи считают Кидошу (Покидош) отголоском знаменитого Китежа. Так, в комментариях Б. Н. Путилова к былине «Высота ли, высота поднебесная» из сборника Кирши Данилова сказано: «Возможно, что это — искаженное наименование легендарного города Китежа, который якобы при приближении татар опустился на дно озера и был таким образом спасен» (КД, с. 456–457). Нам такое предположение не кажется убедительным. В былинном *Кидоше* (*Покидоше*) нет никаких черт ушедшего в воду города. Легенда же о Китеже получила развитие на совсем другой территории средневековой Руси — в Заволжье, которое только после присоединения Казани к Московскому государству постепенно стало регионом, в котором появилась былинная традиция. Поэтому, полагаем, прототип эпического Кидоша надо искать на старорусских землях.

В настоящее время Кидекша — это село в Сузdalльском районе Владимирской области, расположенное в четырех километрах от Суздаля на реке Каменке при впадении ее в р. Нерль. При Юрии Долгоруком Кидекша была укрепленным княжеским городом. Крепость контролировала речные пути в Сузdalль и являлась форпостом Владимиро-Сузdalльского княжества. Напомним, что в 1125 году Юрий Долгорукий, в бытность свою князем северо-восточных земель, перенес свой стол из Ростова в Сузdalль, причем считается, что сам предпочитал жить именно в Кидекше. В 1152 году в Кидекше была возведена первая в Северо-Восточной Руси белокаменная церковь во имя Бориса и Глеба. В 1238 году город был разорен монголо-татарами и вскоре потерял свое былое значение.

У Кирши Данилова, напомним, Суровец-Суздалец приезжает к князю Михаилу Ефимонтьевичу в его город *Покидаш* (*Покидош*): «И поехал ко городу *Покидашу*, / И приезжал ко городу *Покидошу*» (КД, № 58, ст. 32–33).

В сибирской (Алтай) былине на сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник» Илья, выехав из дома, «едет ко городу ко *Кидошу*»: «Над *Кидошом-градом* по грешам учинился: / Подступала сила поганая» (РЭПС, № 27, ст. 16–17). Кидош в данном

²¹ Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. № 65. Ст. 4.

²² Былины Кулоя / Изд. подг. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.; М., 2011. № 29. Ст. 144 (Свод русского фольклора. Былины; т. 6). Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте сокращенно: Былины Кулоя, с указанием номера текста и стиха.

варианте выполняет функцию традиционного Чернигова: богатырь освобождает город от вражеской осады, узнает от горожан о прямоеездной дороге на Киев-град и направляется к месту столкновения с Соловьем-разбойником (см. упоминание *Кидоша* в ст. 23, 30).

Полагаем, что в данных примерах реально-историческая Кидекша трансформировалась в былинную *Кидошу* (*Покидошу*). Если наша гипотеза с толкованием былинного Кидоша как сузdalского города Кидекша верна, то сузdalская тема в русских былинах получает весомое подкрепление.

Главным городом Северо-Восточной Руси, как известно, очень скоро стал *Владимир*, расположенный на р. Клязьме (левый приток Оки). В историографии он называется Владимир-на-Клязьме или Владимир Залесский (в отличие от Владимира Волынского на Волыни). При Андрее Боголюбском во Владимире были возведены Успенский собор (1158–1160; в 1408 году расписан артелью мастеров Андрея Рублева и Даниила Черного) и Золотые ворота (ок. 1164 года), которые являются выдающимися архитектурными памятниками XII века. При княжении Всеволода Большое Гнездо было поставлено сохранившийся до наших дней Дмитриевский собор (1194–1197). В 1238 году Владимир был разорен монголо-татарами. В XIII веке Владимирские князья — Ярослав Всеволодович (1190–1246; великий князь Владимирский в 1238–1246) и его сын Александр Невский (1221–1263; великий князь Владимирский в 1252–1263) — получали из Орды ярлыки на великое княжение, что позволяло ослабить давление монголо-татарского ига на эту территорию. Привлекательность Владимира в тяжелейший период монголо-татарского ига сказывается, например, в том, что в 1299 году кафедра русского митрополита из Киева была переведена во Владимир. В 1362–1363 годах Владимирские земли перешли к Московскому княжеству. В 1609–1614 годах Владимир пережил набеги польско-литовских интервентов. В XVIII веке во время административных реформ Петра I была образована Владимирская провинция (1719), а в конце этого столетия была учреждена Владимирская губерния (1796).

Любопытно, что главный город Владимирской земли — Владимир, — в отличие от Ростова, Суздаля и Кидекши, по каким-то причинам в былинах не упоминается; он не вошел в песенно-эпическую топонимику. Скорее всего, художественное чутье слагателей былин подсказывало им, что в одном поэтическом пространстве нельзя сталкивать персонажа с именем князь Владимир и топонимом Владимир.

Заметим, что топонимы Ростово-Сузdalской Руси наиболее прочно сохранились в региональных традициях Сибири (РЭПС) и Урала (КД), т. е. в поздних эпических традициях, формировавшихся с конца XVI века, а скорее — с XVII века. Эти традиции в силу удаленности от Европейской России, полагаем, в определенных аспектах оказались консервативнее северорусских: они сохранили определенные черты эпоса, каковым он был на период начала освоения новых земель. Не приходится сомневаться, что в Средневековые ростово-сузdalская тема в былинах звучала гораздо явственнее, чем в XIX–XX веках.

Остановимся на записях былин, сделанных на территории Владимира-Ростово-Сузdalской Руси — на период XIX века во Владимирской губернии и отчасти в Ярославской губернии.

В *Ростовском уезде* — самом южном уезде Ярославской губернии, граничащим с Владимирской губернией, интерес к былинам связан с именем известного ростовского краеведа Александра Яковлевича Артынова (1813–1896), уроженца с. Угодичи. В настоящее время Угодичи входят в состав сельского поселения Семибратово Ростовского района Ярославской области. Село расположено на берегу озера Неро близ Ростова.

Ростовский краевед Андрей Александрович Титов (1844–1911), просвещенный купец и общественный деятель, посвящает Угодичам довольно много места в своей книге «Ростовский уезд Ярославской губернии».²³ Опираясь на рукопись Артынова, он излагает баснословные предания о княгине Будиславе-Лой, прозванной Угодой

²³ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии: Историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда. М., 1885. С. 79–98. О А. А. Титове см.: Смирнов Я. Е. Титов Андрей Александрович // Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г. Антология. Ярославль, 2009. С. 219–222.

за доброту и милосердие. Столь же недостоверны сведения о X–XI веках: якобы князь Владимир Святой сам крестил жителей на Ростовском (Неро) озере; якобы сын Владимира любил Угодичи (Угожь) за звериную охоту; якобы князь Константин Всеволодович посещал селение и занимался здесь учеными трудами и пр.

Достоверные сведения об истории Угодичей в книге Титова начинаются только со времен, когда оно было передано в начале XVII века царем Василием Шуйским Томиле Луговскому. Однако следует сказать, что в исследовании Титова отсутствуют другие, более ранние, подлинные свидетельства об Угодичах.

Первое документальное упоминание села относится к 1328 году, когда Московский князь Иван Калита (1288–1340), отправляясь в Орду (опасное путешествие), в своей духовной грамоте отписал Угодичи своему второму сыну Ивану (1326–1359; в 1354 году он станет великим князем Московским): «А се даю сыну своему Ивану <...> Угожь, Ростовци».²⁴ В XIV–XV веках Угожь (Угодичи) была удельной собственностью князей Дмитрия Ивановича Донского и его потомков.

В 1609 году, как мы уже сказали, царь Василий Шуйский пожаловал Угодичи думному дьяку Томиле Юдину Луговскому. Томила Луговской в ходе исторических событий Смутного времени оказался в плену у поляков. После освобождения из плена царь Михаил Федорович Романов дал ему грамоту на владение «озером Неро, со всеми втекающими и истекающими из него реками и рыбными ловлями».²⁵ В переписной книге 1629–1631 годов о селе имеется следующая запись: «За Томилом Юдина сыном Луговским в вотчине за царя Василья Ивановича московское осадное сиденье по государеве Цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Руси жалованной грамоте за прописью диака Ивана Грязева 129-го году: Село Угодичи у Ростовского озера на речке на Вороболке. А в селе церковь Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, древена, вверх; да церковь с трапезою верховых Апостол Петра и Павла; да на моголицах церковь Архистратига Михаила; да церковь сооружена вновь Николы чудотворца, древян, клетцки. А церкви, и в церквях образы и свечи, и книги, и ризы, и сосуды церковные, и на колокольнях колокола, и всякое церковное строенья мирское того ж села Угодич крестьян. А у церквей у Богоявления Господня и у Петра и Павла поп Леонтий Васильев, дьячек Ивашко Федоров, пономарь Лукашка Попов, просвирница старица Анисья. Да у церкви Архистратига Михаила да у Николы Чудотворца поп Федор Павлов, дьячок Микифор Павлов сын Попов, пономарь Лукашка Попов, просвирница Матреница, трапезник Ивашко Оксенов». Наличие четырех церквей в сельском поселении говорит о его масштабах и значении в округе.

Далее в переписной книге раскрывается хозяйственная жизнь села. «И всего за Томилом Юдина сыном Луговским в вотчине село да три деревни, да пустошь. А в селе четыре церкви, а у церквей девять дворов церковных. Пашни церковные середние земли восемь чети в поле, а в дву по тому ж. Сена восемьдесят пять копен. В селе ж и в деревнях, и на пустоши двор вотчинников, двор конюшенный, двор скотей, тринадцать дворов деловых людей, сорок шесть дворов крестьянских, людей в них семьдесят восемь человек, сто восемь дворов бобыльских, людей в них сто девяносто три человека, осьмнадцать дворов пустых, десять мест дворовых. Пашни паханные опричь села Угодич бобылей, что расположены в четверти против пашенных людей, середние земли пяти чети с осминою и с четвериком да наезжие пашни, пахоно на вотченика, девяносто шесть чети, да перелогом сто чети с осминою бес получетверика, да лесом поросло, и с наезжею пашнею середние земли двесте пять чети в поле, а в дву по тому ж».

Важной частью хозяйственной жизни Угодичей была рыбная ловля. «Под селом же Угодичами подле берег в Ростовском озере рыбная ловля от межи митрополичья села Воржи от трестяного плаву от Михеева Бачега, а в другую сторону от села от Суности от грудные ловли, от поддубные тресты села Суности крестьянин Богдашка Хлудова, что в межах села Угодич со крестьянином Васкою Истомина з грудною же

²⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллекции иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. С. 31 (грамота № 22).

²⁵ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. С. 84.

ловлею, в длину подле озера промеж тех меж на две версты. А строят тое рыбную грудною ловлю села Угодич крестьяне в озере, летом мечут хворост, а в осень бьют колвей, а промеж колъя мечут хворост можжевеловый, а огораживают кольцами и ловят саками и удами. Да к тому ж селу Угодичам з деревнями по государеве Цареве и велико-го князя Михаила Федоровича всеа Русии жалованной вотчиной грамоте написано угодья рыбных ловель в Ростовском озере и в реке во Где и в Устье, и в Котороси, а ловят рыбную ловлю села Угодич ловцы в Ростовском озере летом и зимою неводами и всякими ловлями после государевых подледных ловцов».²⁶

Как пишет А. А. Титов, Илья Луговской (внук первого владельца), продал Угодичи стольнице Ирине Михайловне Мусиной-Пушкиной, от которой село перешло ее сыну окольничему Ивану Алексеевичу. Во времена Елизаветы Петровны Угодичи были взяты в казну у Платона Ивановича Мусина-Пушкина за некие «шалости». Екатерина II пожаловала Угодичи княгине Екатерине Алексеевне Голицыной, урожденной Карр. Имением управлял ее брат Филипп Алексеевич Карр, который после смерти сестры в 1803 году отпустил крестьян на волю.²⁷

Во второй половине XIX века Угодичи — большое торговое село. В 1859 году здесь стояло 314 дворов (861 муж., 1019 жен.), были две церкви, училище, базар, заводы паточный, цикорный и мятного масла.²⁸ В 1897 году в Угодичах значится 1876 человек.²⁹ В 1899 году в селе был 321 домохозяин.³⁰ В 1910–1911 годах Угодичская волость состояла из 21 деревни.³¹

Недалеко от села находилась пароходная пристань. По воскресеньям проводились базары. В связи с малым количеством земли землепашеством жители не занимались. Главными занятиями были огородничество (выращивали зеленый горошек, цикорий, лук, чеснок, мяту, шалфей и пр.), рыболовство и колка льда (снабжали окрестные села и Ростов льдом для погребов). Часть крестьян уходила из села на сторонние заработки. Как мы уже указывали, в Угодичах интерес к былинам проявлял А. Я. Артынов. Однако опубликованные им тексты — это не подлинные образцы песенного эпоса, а литературные произведения по мотивам былин. В книге Артынова «Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда» опубликовано 4 поэтических текста, представляющих некую попытку построения по законам литературного стихосложения.

Первый текст — «Илья Муромец»,³² о котором сказано: «Начало этой песни мною утрачено, песня же эта мне сообщена в 1827 г. крестьянином с. Угодич Вас. Павл. Гороховым; он был приказчик какого-то богатого торговца шелком; в 1827 и 1828 г. Горохов служил в Угодичах земским, но спился и был удален от должности» (Артынов, с. 149). Сюжет артыновского «Ильи Муромца» представляет перепев пушкинского «Руслана и Людмилы»: Илья Муромец встречается с Царь-девицей (Ростовской княжеской дочерью); та ему рассказывает, что во время прогулки с женихом ее конь понес и завез в лес к злому волшебнику Черномору; Черномор добивается ее любви, но, получив отказ, усыпляет красавицу; разбудить ее может только Велесавин перстень, ко-

²⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Л. 928 об. — 1008 (II Писцовая книга патриарших, митрополичьих и монастырских земель). Цит. по: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Угодичи>; дата обращения: 31.07.2023.

²⁷ Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии. С. 84–86.

²⁸ Список населенных мест Российской империи. Т. 50. Ярославская губерния по сведениям 1859 года. СПб., 1865. № 7116.

²⁹ Населенные места Российской империи в 500 и более жителей с указанием наличного в них населения и числа жителей преобладающих вероисповеданий, по данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1905. С. 269.

³⁰ Список населенных мест Ярославской губернии. Ярославль, 1901. С. 251. № 21 (данные о количестве человек здесь не приводятся).

³¹ Список селений Ростовского уезда (по данным статистического исследования 1909–10 гг.). Ярославль, 1914. С. 61. № 18 (данные о количестве человек здесь не приводятся).

³² Артынов А. Я. Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда / С предисловием А. А. Титова. М., 1882. С. 149–155. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Артынов, с указанием номера страницы.

торый оказался у Ильи Муромца; Илья едет на пир к князю Владимиру, куда является неизвестным; поет песню «про витязя удалого, чудодея Илью Муромца». Далее начинается изложенный уже стихом, близким к песенно-эпическому, сюжет об исцелении Илья Муромца:

Как во славном городе во Муроме,
А и в том селе Карабарове
Жил один старик со старухою;
Тот старик Иван Тимофеевич
Имел детище неуклюжее,
Что того ли да Илью Муромца

(Артынов, с. 154).

После того, как Илья явился «светел юноша», он исцеляется и отправляется в Киев дорогой, которая «залегла ровно тридцать лет». К сожалению, Титов, издавший воспоминания Артынова, полностью текст «Ильи Муромца» не печатает. Он обрывает его на самом интересном для фольклористов месте: «Хотя у автора песня эта приведена вполне, но она с этих стихов имеет лишь небольшую разницу против напечатанной Сахаровым в 5 части на 45–55 стр. *Песен русского народа*. Чтобы избежать перепечатки, мы и опускаем ее окончание. А. Тит.» (Артынов, с. 155). В сборнике И. П. Сахарова «Песни русского народа» (СПб., 1838–1839. Ч. 1–5), как известно, былины являются скрытой перепечаткой из собрания Кирши Данилова. Очень соблазнительно предположить, что ненапечатанная часть «Ильи Муромца», в отличие от истории с Царь-девицей, была более аутентичной былинной традиции. В таком случае мы потеряли возможность познакомиться с образцом былины из Ростовских земель на сюжет «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

Второй текст, опубликованный в «Воспоминаниях крестьянина села Угодич», — «Ян Ушмович» (Артынов, с. 156–158). Артынов к этому литературному произведению делает помету: «Со слов Якова Питерца». Это стихотворное изложение известного летописного сюжета о Кожемяке, который перед боем с печенегами, чтобы продемонстрировать свою силу, сражается с быком и сдирает с него шкуру. Автор этой литературной поэмы (Яков Питерец? Артынов?), желая вписать историю о Яне Ушмовиче в былинную традицию, начинает повествование с картины пира, на котором князь Владимир печалится, потому что в Киеве некому сразиться с Печенегом: отсутствует Илья Муромец; Добрыня бьет лягов; Рогдай лежит на одре; млад Олешенька находится в чистом поле; Полкан ищет себе молоду жену.

Третье произведение — «Песня Юрки о Ростовском озере» (Артынов, с. 158) — по указанию Артынова, записано со слов Горохова. Этот текст к эпосу не имеет никакого отношения: Ростовское озеро — «море тинное», в нем нет песочечка, нет заморских рыб; есть только ерш со щукой и пр.

Четвертый текст — «Женитьба князя Владимира» (Артынов, с. 159–160) был записан от Якова Питерца, конец его, указывает Артынов, был утерян. Это произведение создано по мотивам былин и опирается на мотивы сюжетов «Илья Муромец на Соколе-корабле» и «Дунай-сват». Стих «Женитьбы князя Владимира» является стилизацией под устный эпический стих:

О гой еси ты наш батюшка,
Река быстрая, ты широкий Днепр,
Ты быстро катишь струи чистыя
Во утесистых берегах своих

(Артынов, с. 159).

По Днепру плывут «струги осударевы»; на одном струге находятся Ян Кожевников (не былинный персонаж), Добрыня и воевода Илья Муромец сын Иванович. Имеется в этом произведении и былинный отрывок — описание убранства струга:

А подернуты скамьи бархатом,
Рытым бархатом, все хрущатием.
Середи их стоит беседушка
Из заморской дорогой кости,
Дорогой кости — зуба рыбьего

(Артынов, с. 159).

Илья предлагает сослужить службу князю Владимиру — привезти ему из Золотой Орды Афросиньюшку Королевишну:

Привезти ее
Ко великому князю нашему,
Красну солнышку, ко Владимиру.
Ужь не все ему да вдовцом ходить,
Ужь пора ему оженитися!

(Артынов, с. 160).

Сама инициатива поиска невесты для князя Владимира со стороны Ильи Муромца, эпитет «великий князь», указание на вдовство князя — все это внеэпические (литературные) мотивы. Спутники Ильи соглашаются. На этом текст, к сожалению, обрывается. Поэтому у нас нет возможности отследить далее наличие (отсутствие) каких-либо признаков подлинной былины.

Таким образом, из Ростовского региона наука не имеет ни одного аутентичного былинного текста. Тем не менее на основе имеющихся литературных произведений, сохраненных Артыновым, можно сделать осторожное заключение, что Ростов некогда былины знал. Об этом свидетельствует и ненапечатанное Титовым, но существовавшее продолжение литературного «Ильи Муромца», и приведенный нами отрывок с описанием убранства струга.

Ростовский уезд Ярославской губернии с юго-востока граничит с Юрьевским и Сузdalским уездами Владимирской губернии. Еще одна былинная точка нашего региона — *Юрьев-Польский (Юрьев-Польской, Юрьевский) уезд*. Город Юрьев (в летописях первоначально Гюргев) был основан в 1152 году Юрием Долгоруким на землях племени меря. Город стоит на реке Колокш (приток Клязьмы). В 1212 году Юрьев на некоторое время стал центром удельного княжества. На территории крепости в 1234 году был возведен Георгиевский собор, сохранившийся до наших дней. В 1238 году во время монголо-татарского нашествия город был разорен и впоследствии подвергался нападениям в 1382 и 1408 годах. С 1340 года Юрьевские земли входили в состав Московского княжества. В Смутное время Юрьев-Польский был сожжен поляками. В 1796 году город получил статус уездного города Владимирской губернии.³³

В 1883 году в с. Бережок Юрьев-Польского уезда была записана былина о Ставре Годиновиче.³⁴ Бережок ныне административно относится к Гаврилово-Посадскому району Ивановской области. Село стоит на реке Желтуха (правый приток Нерли). Бережок называется в жалованной грамоте царя Федора Иоанновича (1557–1598; младший сын Ивана Грозного, ставший Московским царем в 1584 году) его невестке царице-инокине Александре.³⁵ «...пожаловал есми царевичеву княжь Иванову Ивановича

³³ Земля Владимирская: Географический словарь. Владимир, 1991. С. 198; см. также: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Юрьев>; дата обращения: 31.07.2023.

³⁴ Бережков М. Н. Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии. Нежин, 1895. С. 6–11. См. также: Бережков М. Н. Еще несколько образцов народных исторических песен, записанных во Владимирской губернии // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1895. Т. 15. С. 1–31. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно: Бережков, с указанием номера страницы.

³⁵ Старица Александра — в миру Евдокия Борисовна Сабурова, первая жена царевича Иоанна Иоанновича (1571–1572), сосланная в Сузdalский Покровский монастырь по приказу

царицу старицу Александру, в Суздальском уезде, своим дворцовым посопным селом Бережком того же села с деревнями <...> А ведать старице Александре то село со деревнями и с пустошами, по сей нашей жалованной грамоте; а волно ей та своя вотчина, как по ее душу Бог пошлет, отдати в монастырь, по своей душе, в которой она похочет». ³⁶ Грамотой от 25 марта 1589 года царь Федор Иоаннович подтверждает неподсудность наместникам и волостетелям людей, живущих в сельце Бережок, и освобождает их от всех податей и повинностей. ³⁷

На обороте жалованной грамоты № 218 указано, что вотчину Бережок старица Александра «дала в дом Пречистой Богородице в Покровской монастырь, что в Суздале». ³⁸ Позднее 18 апреля 1615 года царь Михаил Федорович Романов подтверждает принадлежность Бережка Покровскому девичьему монастырю. ³⁹ При Екатерине II в ходе секуляризационной реформы село было переведено в разряд экономических (государственных).

В 1859 году в Бережке, казенном селе, числилось 76 дворов (232 муж., 224 жен.), стояли две церкви, в селе находилось волостное правление, был базар. ⁴⁰ В 1897 году здесь проживало 650 человек; ⁴¹ в 1905 году — 709 человек в 114 дворах. ⁴²

В Суздальском уезде, соседнем с Юрьев-Польским уездом, былины не фиксировались. Однако мы вполне можем рассматривать былину из с. Бережок как осколок именно суздальской традиции: расстояние от села, стоящего недалеко от границы с Суздальским уездом, до Суздаля (через Гаврилов Посад) составляет всего 46 км, да и административно Бережок до приписки Юрьевскому уезду входил в Суздальский уезд.

Былина о Ставре Годиновиче — «Василиса Микулишна и Ставр Одинович» (Бережков, с. 6–11) была записана в 1883–1885 годах от Екатерины Алексеевны Бережковой, «пожилой девицы», просвирни местной церкви. Усвоила она старину от своей матери — диаконицы с. Бережок. Принадлежность сказительницы к духовному сословию существенно дополняет наше представление о сказителях, которые на Русском Севере исключительно принадлежат крестьянскому миру.

Текст о Ставре — неполный, отсутствуют некоторые эпизоды, обозначенные отточиями, нет конца. Тем не менее мы подчеркнем, что это самая аутентичная былина в Ростово-Суздальско-Владимирском регионе. Былина начинается с традиционного пира у князя Владимира, на котором Ставр играет в «эвончатые гусельцы» и наигрывает наигрыши Иерусалимские и Цареградские. Затем разворачивается сцена хвастовства, причем Ставр хвастает не умом Василисы Микулишны, а молодцами, которые не старятся, добрыми конями, которые не изъездятся, и златой казной, которая не «истощится». Пирующие гости просят Ставра разъяснить его хвастовство, и он отвечает, что молодцы его носят «переменные платья», старящихся коней он продает и покупает новых, дает деньги в рост и тем живет. Образ ростово-суздальского Ставра явно смыкается с образом богача Дюка Степановича. Далее бояре, завидуя Ставру, наговаривают на него князю, якобы он «незван гость», и Ставра сажают в погреб. В былине отсутствует традиционная мотивировка — пусть героя выручит его жена, умом и мудростью которой он похвастался. Ставр шлет гонца в Чернигов — в свой родной город. Коллизия с Василисой Микулишной развивается традиционно. Героиня, узнав о случившемся, стрижет волосы, одевается послом Василием и едет в Киев. В пути она

Ивана Грозного якобы из-за бездетности. Умерла в начале царствования Михаила Романова (или в 1614, или в 1619, или в 1620 году).

³⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссию. СПб., 1841. Т. 1. 1334–1598. С. 414 (грамота № 218).

³⁷ Там же. С. 428–429 (грамота № 226).

³⁸ Там же. С. 415 (грамота № 218).

³⁹ Там же. Т. 3. 1613–1645. С. 47–48 (грамота № 59).

⁴⁰ Списки населенных мест Российской империи. Т. 6. Владимирская губерния по сведениям 1859 года. СПб., 1863. № 6329.

⁴¹ Населенные места Российской империи в 500 и более жителей... С. 13.

⁴² Список населенных мест Владимирской губернии. Владимир, 1907. № 7166.

встречает гонца из Киева, который направляется, чтобы «Ставровы животы списывать», а жену его «во поруки взять». Любопытен ответ Василисы, которая говорит, что Ставрова жена уехала в «землю вятскую». Сцена встречи князя Владимира и посла Василия в тексте отсутствует (здесь в тексте пропуск); далее дается картина состязания в стрельбе и в борьбе, после чего посол Василий просит выпустить из погреба Ставра Одиновича (по-видимому, чтобы с ним в борьбе «потешиться»). Только после этого эпизода возникает образ жены князя Владимира Мары Темрюковны (из исторической песни XVI века), которая в после распознала женщину. Былина, повторим, здесь обрывается.

Былина о Ставре в с. Бережок во второй половине XIX века имела довольно весомый песенно-эпический контекст. М. Н. Бережков от той же Е. А. Бережковой записал историческую песню XVI века «Мастрюк Темрюкович» (Бережков, с. 12–16); песни XVIII века «Сборы в поход» (Бережков, с. 17–18; с именем Петра Первого), «Шведский король» (Бережков, с. 18–19; король угрожает Москве, русская царица испугалась, генерал Румянцев ее утешает). От другой сказительницы, жены причетника Катерины Ивановны Альбицкой, были зафиксированы песни «Похороны царя» (Бережков, с. 19–20; с непонятной приуроченностью, к какому государю она относится), «Прусский король» (Бережков, с. 20–21; Семилетняя война), «Пленница Румянцева» (Бережков, с. 21–22). Наконец, в своем доме у кого-то из родственниц М. Н. Бережков записал варианты «Горя» (Бережков, с. 22–23).

Восточную часть Владимирской губернии составляют Вязниковский и Гороховецкий уезды. В *Вязниковском уезде в д. Петушки* краеведом Николаем Александровичем Добротворским (1860 — ок. 1900), жившим некоторое время во Владимирской губернии, был записан не ранее 15 ноября 1883 года фрагмент былины о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче — «Как поехал Чурила через Пугай реку»⁴³ (в составе рукописи собирателя «Песни Вязниковского уезда Владимирской губернии»). Отголоском былины в Вязниковском уезде является историческая песня XVIII века о сбоях солдатушек в поход и о жалобах полковнича на свою молодую жену с началом «Как во городе, как во Муроме, / Во селе было Каракарове» (л. 1–1 об.).

Вязники находятся на правом берегу Клязьмы. Историю города принято вести от древней крепости Ярополч-Залесский, некогда стоявшей в 5 км ниже по течению Клязьмы. По-видимому, крепость была поставлена в 1135–1138 годах сыном Владимира Мономаха князем Ярополком Владимировичем (1082–1139; великий князь Киевский с 1132 года). Во времена Батыева нашествия она была разрушена, однако, возродившись, впоследствии играла роль сторожевого форпоста на северо-востоке Руси. В 1657 году город Ярополч был перенесен на территорию современных Вязников. В 1703 году стены крепости Ярополч при пожаре были утрачены, и центр поселения переместился в выросшую рядом торгово-промышленную слободу Вязники, известную по письменным источникам с 1585 года. В 1778 году Вязники стали уездным городом.⁴⁴

В 1859 году д. Петушки — владельческая деревня в 36 дворов (77 муж., 91 жен.), стоит на проселочной дороге между Балахнинским и Ярославским торговыми трактами.⁴⁵ В 1905 году в Петушках числилось 25 дворов (118 человек).⁴⁶

Добротворскому удалось записать фрагмент лишь в 6 стихов с описанием центрального эпизода в сюжете о Дюке Степановиче и Чуриле:

Как поехал Чурила через Пугай-реку:
У полуреки Чурила в воду вверзился.

⁴³ Архив Русского географического общества. Разр. 6. Владимирская губ. № 54. Л. 1. См. описание рукописи: Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического общества. Пг., 1914. Вып. 1.

⁴⁴ Земля Владимирская. С. 55; см. также: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Вязники>; дата обращения: 31.07.2023.

⁴⁵ Списки населенных мест Российской империи. Т. 6. № 1603.

⁴⁶ Список населенных мест Владимирской губернии. № 1455.

А этот молодой боярин Дюк Степанович
Скоро-наскоро соскочил через Пугай-реку,
Да у полуреки он припадывал,
Чурилу он за желты кудри сухватывал.

Обращает внимание топоним Пугай-река — испорченное от Пучай. Очевидно, что при разрушении традиции у сказителей включаются механизмы народной этимологии, в результате которых непонятное имя реки этимологизируется через слово «пугать».

В связи с былиноведением следует назвать знаменитое село *Мстёру*, расположеннное недалеко от Вязников на реке Мстёрка близ ее впадения в Клязьму. Мстёра (Богоявленская) находится на большом проселочном тракте из г. Вязники в г. Шую. Поселение впервые в письменных источниках называется в 1521 году. В конце XVII — начале XVIII века здесь зародился иконописный промысел, а позднее Мстёра прославилась и кружевоплетением.⁴⁷ В 1859 году здесь было 307 дворов (1205 муж., 1410 жен.), три церкви, сельское и рисовальное училище, литографическое предприятие, три фабрики, пристань, базар.⁴⁸ В 1897 году в Мстёре проживало 4147 человек;⁴⁹ в 1905 году — 600 дворов (3996 человек).⁵⁰

Следы былин в Мстёре в 1962 году были обнаружены экспедицией Московской государственной консерватории. Б. И. Рабинович писал: «...в пос. Мстёра Вязниковского района К. И. Абрамова вспомнила фрагмент текста об Илье Муромце, который она слышала от своей бабушки в начале века (мелодии, к сожалению, она не смогла восстановить).

...Подходили мы к городу Карабарову,
Выходил на нас Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович...
...Выпускал он стрелы меткие.

Нельзя определить, к какому сюжету из цикла былин об Илье относится данный отрывок, но, по-видимому, он ближе к сюжету о станичниках или татарском нашествии. По свидетельству мстёрских же информаторов, былина бытowała еще совсем недавно, буквально за несколько лет до нашей экспедиции».⁵¹

В связи с мстёрской былиной мы обратим внимание на то, что она отражает не крестьянскую традицию, а слободскую.

Гороховецкий уезд располагается южнее Вязниковского уезда. Гороховец стоит на правом берегу Клязьмы в ее нижнем течении. Название города, скорее всего, связано с древнерусским именем Горох. Финно-угорское поселение, датируемое по археологическим раскопкам VI века, в X–XI столетиях превратилось в славянское. Во второй половине XII века во времена Андрея Боголюбского это была уже небольшая крепость — пограничный пункт на восточных рубежах Владимира-Сузdalского княжества. В 1239 году город был сожжен монголо-татарами. В 1539 году Гороховецкая волость пережила набег казанских татар. В 1563 году Иван Грозный передал Гороховец кабардинскому князю Михаилу Темрюковичу, своему шурину. В XVII веке в Смутное время город попал под власть поляков. В 1628–1687 годах он представлял небольшую деревянную крепость. В это время Гороховец переживал свой расцвет, обусловленный торговлей с городами Клязьмы, Оки и Волги. Здесь стояли винокуренные заводы и развивалось кожевенное производство. В 1778 году

⁴⁷ Земля Владимирская. С. 129; см. также: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Мстёра>; дата обращения: 31.07.2023.

⁴⁸ Списки населенных мест Российской империи. Т. 6. № 1301.

⁴⁹ Населенные места Российской империи в 500 и более жителей... С. 14.

⁵⁰ Список населенных мест Владимирской губернии. № 1539.

⁵¹ Рабинович Б. И. Музыкальные записи народных песен во Владимирской области // Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963–1969 гг.). М., 1972. С. 92.

Гороховец был сделан уездным городом Владимирского наместничества, а с 1796 года — губернией.⁵²

В д. *Ольгино*, до революции административно относившейся к Гороховецкому уезду, а впоследствии входящей в Муромский район Владимирской области, в 1988 году был записан фрагмент былины «Илья Муромец на Соколе-корабле».⁵³

Ольгино — это бывшая владельческая деревня, расположенная в 40 км от Мурома. В конце XIX — начале XX века она входила в состав Святской волости Гороховецкого уезда Владимирской губернии. Деревня стоит при урочище Лемешки-Рамешки на проселочном тракте из г. Гороховца в Муром. В 1859 году в деревне числилось 25 дворов (110 муж., 115 жен.);⁵⁴ в 1905 году — 53 двора (399 чел.).⁵⁵

Запись фрагмента «Илья Муромец на Соколе-корабле» была сделана от Якова Федоровича Кувшинова (род. 1911), крестьянина-старообрядца, который указывал, что былину слышал от отца; тот же выучил ее где-то под Вязниковым или Шуей, куда он ходил на отхожие работы. О. В. Гордиенко дает музыкальную характеристику данного текста: «не „напев-речитатив“ сказительского типа, а былинная песня». «В исполнении этого незаурядного певца, — подчеркивает исследователь, — былинный напев звучит темпераментно, живо, артистично. В мелодии его слышатся и маршобразная напористость воинских песен, и размашистые отзвуки бурлацких напевов, и молодецкая удаль, и чуть заметная усмешка».⁵⁶

Зафиксированный фрагмент включает описание богатого кафана Ильи Муромца с чудесными пуговками, на каждой из которых посажено «по льву, да по заморскому коту». Напомним, что Б. Н. Путилов выделил две основных версии былины «Илья Муромец на Соколе-корабле».⁵⁷ В первой версии на корабль нападает Салтан Салтанович; Илья Муромец пускает калену стрелу в грудь Салтану. Версия зарегистрирована в Вологодском, Вятском, Енисейском регионах.⁵⁸ Вторая версия, распространенная в Поволжье, сосредотачивается на описании чудесных пуговиц; рев львов на этих пуговицах пугает татар, бросающихся в море. Очевидно, что былина из д. Ольгино относится именно к этой версии сюжета.

В ряду уездов Владимирской губернии мы не касаемся Муромского уезда. Дело в том, что в Муроме, в противоречие ожиданий, не было записано ни одного песенно-эпического текста. Имеются только прозаические предания об Илье Муромце.⁵⁹ Однако исключение Мурома из состава Владимира-Сузdalско-Ростовских земель вызвано не только этим фактом, но и нашим взглядом на роль Мурома в сложении русского эпоса. Муромо-Рязанское княжество, отпочковавшееся от Черниговско-Северского левобережья Киевской Руси в 1097 году (после Любечского съезда князей) и разделившееся в 1140-е годы на Муромское и Рязанское княжества, было отдельным (самостоятельным) очагом формирования русского эпоса, явившимся, как и Ростово-Сузdalские земли, одной из составляющих частей киевской «материнской» метрополии. Муром, как известно, в былинах стал родиной Ильи Муромца, а Рязань — Добрыни Никитича.

⁵² Земля Владимирская. С. 63; см. также: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Гороховец>; дата обращения: 31.07.2023.

⁵³ Гордиенко О. В. Былинный напев, записанный на Владимирщине // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 31. С. 230–237 (нот.).

⁵⁴ Списки населенных мест Российской империи. Т. 6. № 1729.

⁵⁵ Список населенных мест Владимирской губернии. С. 95. № 2658.

⁵⁶ Гордиенко О. В. Былинный напев, записанный на Владимирщине. С. 231.

⁵⁷ Путилов Б. Н. К вопросу о составе Рязинского песенного цикла (былина о Соколе-корабле) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6. С. 305–328.

⁵⁸ См. также: Иванова Т. Г. Былины в Великоустюжском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003. С. 28–30.

⁵⁹ Русские былины старой и новой записи. С. 277–278; Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-русского наречия. СПб., 1877. С. 310 (Сб. Отделения русского языка и словесности АН; т. 17, № 3).

* * *

Обзор записей былин на бывшей территории Владимира-Суздальского княжества с очевидностью свидетельствует о том, что песенный эпос в этом крае в XIX веке находился уже в последней стадии затухания. Раннее исчезновение былин в данном регионе вызвано, по-видимому, интенсивностью исторической жизни в Центральной России. Разрушение песенно-эпической традиции стало также следствием того, что на этой территории еще в Средневековье произошла полная ассимиляция автохтонного (финно-угорского) населения. Эпос, бравший на себя функцию отстаивания этнического «мы», благодаря чему он долгое время сохранялся на Русском Севере (соседство русских с карелами в Обонежье и с коми в Архангельском регионе), в Поволжье и Сибири,⁶⁰ на Владимирщине, при сохранении полнокровной фольклорной традиции других жанров, постепенно становился неактуальным.

Тем не менее роль Ростово-Суздальско-Владимирских земель в русской эпической традиции во многом является решающей. Помимо того, что именно здесь был один из очагов киевской «материнской» метрополии, северо-восточный регион средневековой Руси взял на себя еще одну функцию — функцию «колонизационной» метрополии. Именно отсюда эпос продвигался на Русский Север, а также на запад в Москву (еще одна территория племени меря) и на восток в Поволжье.

Москва, что важно подчеркнуть в связи с нашей темой, в Средневековье была тесно связана с Северо-Восточной Русью. Согласно Ипатьевской летописи, в городке Москов Ростово-Суздальский князь Юрий Долгорукий в 1147 году назначил встречу своему союзнику Новгород-Северскому князю Святославу Ольговичу: «приди ко мнъ брате въ Москву».⁶¹ Рядом с Москвой (Московой) находилось село Кучково, принадлежавшее суздальскому боярину Кучке, который был убит по приказу Юрия Долгорукого. После смерти великого князя Владимира-Суздальского княжества досталась его второму сыну Юрию Все-володовичу (ок. 1188–1238; великий князь Владимирский в 1212–1216 и 1218–1238). В январе 1238 года Москва была сожжена татаро-монголами. После кончины в 1263 году Александра Невского, сидевшего на Владимирском престоле, Москва стала уделом его младшего сына — Даниила Александровича (1261–1303; Московский князь ок. 1277–1303). Завещание Москвы младшему сыну свидетельствует о незначительности этого удела на ранних этапах существования города. Но именно с Даниила Александровича начинается медленное возвышение захудалого Московского княжества, куда из Владимира-Суздальских земель в XIII веке были принесены былины.

Поволжье же былинным регионом становится гораздо позднее — во второй половине XVI века, когда в 1552 году Иван Грозный присоединил к Московскому царству Казань, в результате чего началось активное продвижение русских на земли реки, вскоре ставшей символом России. Поволжская былинная традиция (равно как и московская) требует специального и пристального рассмотрения. Предварительно можно сказать, что песенно-эпическое знание сюда заносилось служивыми людьми из Москвы, а также крестьянами-переселенцами из Владимирского края.

⁶⁰ См. подробнее о факторе отстаивания этнического «мы» в нашей статье: Иванова Т. Г. Заонежская былинная традиция и проблема географического распространения былин // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 95»: Сб. докладов. Петрозаводск, 1997. С. 82–91.

⁶¹ Ипатьевская летопись. М., 1998. С. 339 (Полн. собр. русских летописей; т. 2).

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ЛЕГЕНДЫ В РУССКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ХII–XIX ВЕКОВ

Легенды, связанные с историей и реликвиями Царьграда-Константинополя, в описаниях русских паломников появляются уже в памятниках Киевского периода. Отдельные сюжеты в составе произведений ХII — начала XVIII века¹ отмечались и комментировались исследователями и публикаторами таких памятников,² однако комплексного обзора репертуара константинопольских легендарных повествований, осмыслиения специфики их передачи паломниками ранее не предпринималось. В настоящей статье мы обратимся к этим вопросам, представляя русскую паломническую литературу в диахроническом аспекте ее развития.

По мнению специалистов, особый интерес с легендарной стороны описания Царьграда в эпоху Средневековья имеет «Сказание о святых местах, о Константине граде и о святых мощах, спасшихся в Иерусалиме и собранных Константином царем в нарицаемый Царьград» (далее — Сказание), обнаруженное М. Н. Сперанским в рукописи ГИМ. Собр. И. Е. Забелина. № 416 (с. 83–137).³ Рассматривая передачу легенды нашими паломниками, посетившими Константинополь в XIV веке, исследователь отметил, что их тексты являются ценным источником для изучения местного фольклора и его распространения на русской почве, но ответить на вопрос о полноте отражения репертуара греческой легенды в таких памятниках, с его точки зрения, не представляется возможным, так как «мы еще недостаточно знакомы с самой греческой легендой и ее историей» (с. 117). Согласно наблюдениям ученого, в описаниях паломников встречается прежде всего легенда, «связанная только с определенным кругом памятников и предметов, которые под руководством гидов осматривали посещавшие Константинополь <...> По характеру и содержанию эта легенда преимущественно религиозная» (с. 117–118). Сперанский реконструировал и репертуар сюжетов, приведенных или упомянутых в Сказании, и отметил, что большинство из них имеют уникальный характер и не известны по другим памятникам (с. 118). Это легенда об иконе Спаса (Халкопратийской), чудо свт. Николы о Димитрии⁴ и чудо от образа Николы о пострадавшем от потопления, об иконе Спаса и беззаконном царе,⁵ об иконе Богородицы,

¹ Это такие памятники ХII–XVIII веков, как *Хождения Антония Новгородского и Стефана Новгородского*, «Сказание о святых местах, о Константине граде и о святых мощах», «Беседа о Царьграде», Ксенона иеродиакона Зосимы, *Хождение Игнатия Смольнянина*, *Хождение Иоанна Лукьянова*, *Переграниация Ипполита Вишенского*.

² См., например: *Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце 12-го столетия / Предисловие и прим. П. Савваитова*. СПб., 1872. Стлб. 57–136 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера столбца); *Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709 гг.) / Под ред. С. П. Розанова*. СПб., 1914. С. 15 (Православный палестинский сборник; вып. 61); *Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV века*. Л., 1934. С. 36–37, 99–102, 117–123 (Памятники древнерусской литературы; вып. 4; далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера страницы); *Малето Е. И. Константинополь в русских средневековых хождениях: К вопросу о взаимоотношениях империи и ойкумены // Русский исторический сборник*. М., 2013. Вып. 5. С. 18–39.

³ Им же было установлено, что Сказание лежит в основе еще одного «царьградского» памятника, известного как «Беседа о Царьграде» (далее — Беседа), открытого Л. Н. Майковым в 1890 году.

⁴ «Въ заду олтаря Софей на восток есть церковь святаго Николы: таа церковь создана у Дмитреевы полаты, гдѣ посадиль святаго Никола, вынимя из моря, святаго Дмитрея» (с. 131).

⁵ «Тотъ ж образ святаго Спасъ, не тряпя зрети от беззаконникъ поругаема, повелъ ангеломъ яти нечестива царя и привести пред ся. И емши ангели нечестиваго царя и принесоша в церковь святаго Спаса и положиша пред святым образом святаго Спаса и начаша бити нечестиваго царя, мучиша и крѣпко, данележе покаялся от беззаконных дел. Тадж послаша и к патриарху, и пришед

посылавшей мастеров в Киев,⁶ о плакавшей иконе Богородицы,⁷ о потире в церкви Св. Софии,⁸ о «мовнице» имп. Константина,⁹ о двух женских статуях на Ипподроме.¹⁰ Уникальными эти легенды являются и для описания Константинополя паломниками Нового времени, к аналогичным сюжетам эпохи Средневековья отнесем и предания, сохранившиеся в других памятниках этого периода. Обозначим их для полноты рассматриваемой картины.

Уникальные легендарные сюжеты читаются уже в древнейшем паломническом повествовании о Царьграде — Хождении Антония Новгородского.

В описании храма Святой Софии в Хождении Антония Новгородского в форме топографической заметки передано чудо о ковре свт. Николая, известного из его Жития: «Ту же есть во церкви коверь святаго Николы висить» (стлб. 63–64). К этому же типу легендарных сюжетов отнесем и подробно изложенную в памятнике легенду о «маль дѣтища святаго Анѣфиногена», за душой которого Бог послал ангела, а Анфиноген испросил у него дозволения завершить вместе «со дѣтищемъ святую службу»: «И совершивъ Анфиногенъ службу со дѣтищемъ, и емъ за руку дѣтища, и поклонився Ангелу Господню и давъ его; Ангель же Господень, приимъ душу дѣтища, и иде къ Богу радуясь и веселяся, и славу возда Богу о спасении души отрочати» (стлб. 65–66).¹¹ Первый

царь к патриарху нача поведати, как мучиша ангели и отрицаша перед патриархом своих беззаконных дел. И от тых времен бысть духовен» (с. 131).

⁶ В Сказании легендарный рассказ об основании Киево-Печерской лавры, известный по тексту Киево-Печерского патерика (XIII век), передан так: «...тая икона посыпала мастера на Киевъ ставтии церкви Печеръскыя во имя святых Богородица» (с. 130).

⁷ Согласно тексту Сказания, это была та же икона Богородицы, что и отправляла мастеров в Киев: «Тая же икона плакала, коли фрязове хотели вынти, и слезы ея поимали пред нею церковники; жемчюгъ тые слезы положены. Таа икона много больных исцеляет» (с. 130). Специалисты, комментируя это сообщение, указывают, что легенда отсылает к четвертому походу крестоносцев (1202–1204), когда был захвачен и разграблен Константинополь и создана Латинская империя, просуществовавшая до 1261 года (см.: *Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников XII–XV века: Исследования, тексты, комментарии*. М., 2005. С. 245, прим. 3). Показательно продолжение приведенной легенды, известное по тексту анонимного Хождения в Царьград, содержащее пророчество об изгнании «фрязей». Учитывая вариативность сведений, зафиксированных в этом памятнике, в сравнении с легендарным рассказом-пророчеством из Сказания, приведем его полностью: «Та же икона плакала, коли фрязи взяли Царьград и держали 62 лета, но веры ради не мучили никого же, и пришедши пред икону сию, имаша слезы ея и запечаташа в рачице злате выделе стенному ту же пред иконою, а самых фряз много крестися. И пришед Калимох из Аравии, изгна фрязы, а град предася Наастасу царю; и тые слезы сседошася аки жемчуг и до сего дни...» (Там же. С. 237).

⁸ «А над дверьми есть Спасъ чудотворный икона высоко: тот Спасъ много больных исцѣляет. Пред тем Спасом висело поникадило, ретязь желѣзна; к той ретязи привязан стѣкляникъ с маслом, а под стѣкляником стоит столпецъ камен, а на столпъци чаша (и древо Ноева ковчега) окована желѣзом ковчежным; в ту чашу масло капало с поникадила; урвався стѣкляникъ с маслом и разби чашю на двои и столпецъ каменны разрази, а стѣкляникъ не разбися и масло ся не пролило. Тот столпец скован обручами желѣзными, и чаша к нему прикована на видѣние крестьяном и на исцѣление болтым» (с. 129).

⁹ Напомним о том, что Сперанский, сопоставляя тексты генетически родственных Сказания и Беседы, отметил, что в последней рассказ о бane императора Константина передан подробнее, чем в Сказании. Следовательно, в их общем источнике читалось сообщение о «мовнице», точнее переданное текстом Беседы. Приводим по нему эту легенду о судьбе бани, опуская ее описание: «Рекоша ми нѣцыи, яко после Лва царя 300 лѣтъ бысть мовница сии, мъяхуся в ней, и не престающе вода текуща из бочки тоя, и фонарь горяще; и егда фрязи начаша взимати мзду, тогда той болванъ испусти стрѣлу и удари в бочку, и бочка разсѣдѣла и фонарь погаше; они же отроша главу болвану тому; тѣмъ же многа фрязи истеряли узорочья» (с. 91).

¹⁰ «...есть на лѣвои сторонѣ на столпѣ двѣ женѣ каменныхъ: тыи жены обличали, которая жена от мужа блудить». Как показал издатель Сказания, в тексте Беседы это предание имеет продолжение, в котором говорится: «и не пущали их на Игрище, но отдали себѣ играли» (с. 134, прим. 38). Учитывая, что оба произведения по-разному отразили текст общего источника, можно думать, что в не дошедшем до нас памятнике эта легенда была передана в полноюжетном варианте.

¹¹ Возможной моделью для этого фрагмента стала ветхозаветная история приношения Исаака в жертву Авраамом (Быт. 22: 1–19), но в царьградской легенде иначе оформлен ее финал.

издатель памятника П. И. Савваитов предполагал, что с этой легендой может быть связан упомянутый в Ксеносе иеродиакона Зосимы «гробъ Кирьяка трилѣтняго» (стлб. 66, прим. 26), но самого сюжета в памятнике не содержится. Уникальна для паломнической литературы и легенда об иконе Спаса с недописанным пальцем на правой руке. Показателен не только ее сюжет, но и его передача автором, построенная как диалог иконописца и Спасителя: «...написанъ образъ Спасовъ великъ мусиою: и у правыя руки не написаль палца; а весь написавъ, рекль писецъ, зря на нь: Господи, какое еси живъ быль, како же тя есмь написаль! И гласъ отъ образа глаголя: а когда мя еси видѣль? И тогда писецъ онѣмѣвъ и умре. И той перстъ не писанъ, но скованъ сребрянъ и позлащенъ» (стлб. 67–68). Отметим, что в хронологически близком Хождению Антония Новгородского Хождении игумена Даниила отсутствует такой тип передачи легендарного сюжета: автором древнейшего отечественного описания богомолья в Иерусалим выбрана форма топографической заметки, которая долгое время будет преобладать в паломническом тексте эпохи Средневековья, а полносюжетные версии появятся только в XVI столетии. Оговоримся, что и авторы царьградских хождений прибегали к форме топографической заметки для передачи легендарных сюжетов. Пример тому — легенда об иконе Спасителя, отвернувшего лицо от «человѣка въ ротѣ не по правдѣ», читающаяся в Хождении Антония Новгородского (стлб. 167).

Вариантом известного сюжета легенды о Богородице-экономиссе можно назвать сказание, записанное Антонием Новгородским о Богородице, явившейся игумену монастыря «за Испигасомъ», которая «повелѣла даяти милостыню, <...> донелиже и монастырь стойти; и нынѣ даютъ всякому человѣку хлѣбъ и вариво и по чаши вина <...>; и молитвами святыя Богородицы не оскудѣваетъ монастырь той» (стлб. 168–170); аналогичный сюжет известен и по синайским преданиям, зафиксированным нашими богомольцами разного времени, и по Житию Афанасия Афонского.

В описаниях средневековых писателей-паломников сохранилось немало легенд или отсылок к ним, связанных с иконами святых угодников Божиих. Большинство из них уникально, и в традиции рассказов о Константинополе Нового времени не зафиксировано. Так, в Хождении Антония Новгородского говорится об иконе святого Николая «Проби-лобъ», «прокованной» серебром (очевидно, серебряный оклад): «...а когда царь приидѣть, и тогда открываютъ сребро, и цѣлуетъ царь во главу, отнюдже кровь шла, и паки покрываютъ сребромъ» (стлб. 170). Однако реконструировать полностью этот легендарный сюжет не удается, как и не отождествлена комментаторами текста описанная икона с конкретным иконописным памятником.

Сперанский отметил еще и своеобразие легендарной версии сказания о Влахернском чуде, читающейся в Хождении Стефана Новгородского: как справедливо указал исследователь, новгородский паломник связывал чудо с осадой Константинополя персами, тогда как традиционно (Хроника Амартола) оно относится к нашествию на Византию Русов (с. 37): «И ту было знамение: приходиль Хозрои, царь перскы, ратиу къ Царюграду и уже хотяше взятия град; и бысть въ Цариградѣ плачъ великъ. Тогда прояви богъ старцу нѣкоему и рече: „Вземше поясь святыя Богородица, и омочите конецъ его в морѣ“. И сотвориша тако с пѣниемъ и плачемъ, и вѣмутися море и разби корабля их о градную стѣну» (с. 55–56). Неизвестны по другим паломническим описаниям и легенда о явлении иконы Богоматери на мучном лотке в Студийском монастыре, и сказание о кладезе «Иордане» в храме Святой Софии и русских каликах,¹² также читающиеся в этом произведении.

Еще одна группа легендарных сказаний связана с чудотворными иконами, хранившимися в разных храмах Константинополя. Отметим общность в передаче их сюжетов, где авторами, как правило, использована форма топографической заметки. В Хождении Игнатия Смольянина в Царьград одна легенда повествует об иконе Богородицы во Влахерне, «иже явися святу старьцу въ пустыни», вторая — «образ Спасов велики, от него же изыде глас прощения на одре лежащему человеку и верою кающуся

¹² Уникальность легендарных сюжетов для традиции описания Царьграда паломниками впервые отмечена Сперанским (с. 37).

своих согрешений», третья — «образ Христов, створшему чудо о купце Федори».¹³ Уникально и сообщение этого текста о другой реликвии — посохе патриарха Афанасия, полученном от Богородицы: «...и идохом в монастыре святого Афонасия патриарха, ему же вдала посох на патриаршество святой Богородицы».¹⁴ А в Хождении дьяка Александра в Царьград явление Богородицы св. Андрею соотносится с иконой «святой Богородицы, юже видъ святый Андреи на воздухъ за мир молящуся».¹⁵ Не находит себе подтверждения в других текстах и сообщение этого паломника о чудотворной иконе Богородицы, которую «поколол жидовинъ в шахматной игрѣ, и изошла кровь, и нынѣ знати кровь».¹⁶

К общему «фонду» царьградских хождений можно отнести такие легендарные сюжеты: предания о явлении ангела при построении Св. Софии (Антоний, Игнатий, Сказание), о Феодосии девице (Стефан, Сказание),¹⁷ об иконе Спаса, ходившей в Рим (Антоний, Сказание),¹⁸ об иконе Спаса, которую поколол еврей (Антоний, Стефан, Зосима, Сказание),¹⁹ о «поручном» Спасе (Антоний, Игнатий, Сказание),²⁰ об иконе Спаса, говорившей с Мамвриkiem (Игнатий, Сказание),²¹ о Правосудах (Сказание, Зосима),²²

¹³ Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников... С. 280.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 294.

¹⁶ Там же; курсив наш. — И. Ф.

¹⁷ Приводим эту легенду по тексту Хождения Стефана Новгородца. Речь идет о пространстве храма Святой Софии: «...ту стоит икона святы Спасъ; о тои иконѣ рѣч в книгах пишется, того мы не можем исписати, ту бо поганый иконоборец лѣтвицю пристави, въскотѣ съдрати вѣнецъ златы, и святая Феодосия опроверже лѣтвицю и разби поганина, и ту святую заклаша рогом козым» (с. 51).

¹⁸ «Оттолѣ поити к Мангани: есть монастырь на правѣ женскыи во имя святаго Богородица <...> в тои же церкви есть икона святаго Спаса: таа икона ходила посольством к Риму к великому со грамотою по морю и во единъ день из Рима из великаго со иною грамотою пришла» (с. 132).

¹⁹ «У тои же церкви на правѣ есть икона чудотворнаа святаго Спаса: ту икону поколол жидовин повыше брови левое; коли поколол жидовин икону, тогда потекла из раны кровь и вода. Тогда, видевъ жидовин чудо престрашное, и ужасеся, взомъ икону, верже в кладезь, а сам отиде в дом свои скоро. Устретоша его крестьяне и узрѣша у него нож окровавлен, въпрашаха жидовину, гдѣ окровавлен быть нож? Жидовин же не потая чудо бываема, како поколол икону образ святаго Спаса, и како кровъ испусти. Крестьяне же яша жидовина и приведоша его ко царю. Царь жидовина вопроси, гдѣ скры святаго образ? Жидовин же рече: „Онамо ввръжен быть въ кладезь“. Царь же с патриархом и множество людеи идяху ко кладезю; пришедши, извлекоша икону образ святаго Спаса ис кладезя, видѣша образ кровавъ, кровъ же святаго образа запечаташа съ Христовою кровью, а икону поставиша въ церкви святаго Николы. Таа икона много болных исцеляет» (с. 131). В начале XIII века Антоний Новгородский эту легенду тоже слышал, но передал ее кратко: «...икона есть, въ ню же уразила жидовинъ Христа въ гортани».

²⁰ У Антония и Игнатия только обозначен легендарный сюжет, ср.: «Ту есть во прикупной обрать Спасовъ, егоже Феодоръ християнинъ даль въ поручение жидовину Аврамию...» (стлб. 97). Представление о нем можно составить по тексту Сказания: «А от Василковъ поити на востокъ мѣжи стены и морем к Поручному Спасу: тот Спасъ поручилъся по крестьянине жидовину; крестьянин, взомъ добытъкъ жидовина, истопи в море; жидовин же, слышавъ, что крестьянин добытъкъ его истопил, иже жидовин поругати Спаса. И прииде къ Спасу и нача поругати образ. И в тои час изверже море сребро его. Жидовин же, видѣвъ чудо, крестися сам и жена его» (с. 137).

²¹ В Сказании легенда передана так: «...есть икона святаго Спаса: таа икона проглагола Маврикию царю. Рече святаго Спаса Маврикию царю: „согрѣшил если, покаяся. Аще ли не покаяшися, то на сем ли свѣте хощешь мучень быти или на оном?“ Царь же, слышав чудо велико, покаялся от беззаконных грѣхъ» (с. 135). У Игнатия Смольнянина легенда зафиксирована в форме топографической заметки, но отмечена особенность чудотворного образа: «...и икону Господню, от нея же изыде глас царю Маврикию, в ней же вковано святых мощей много...» (Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников... С. 281).

²² Несмотря на то, что авторов обоих памятников друг от друга отделяет незначительный временной промежуток, предание ими воспроизведено по-разному. У Зосимы сказано лаконично, что следует объяснить тем, что в его паломническом маршруте Константинополь был не единственным христианским центром, который богомолец посещал: «Ту же близъ того монастыря доспеты два болвана камена велика, се же были при Лве царе Премудромъ Правосуды» (Там же. С. 299). Подробности описания характерны для текста Сказания, ср.: «Далъи поидам по Великои улицы есть на правои руцѣ Правосуды ис червленаго мрамора, да гораздо было сотворено,

об иконе Богородицы, вешавшей к Марии Египетской,²³ и ее иконе, по преданию, написанной евангелистом Лукой.²⁴

Отмеченные сюжеты в основном характерны для памятников русского Средневековья, в эпоху Нового времени такого разнообразного легендарного репертуара в описаниях Константинополя уже не встречается, что объяснимо историческими реалиями. После завоевания Царьграда в 1453 году Османской империей посещавшие его богомольцы не имели возможности не только увидеть многочисленные реликвии бывшей византийской столицы, но под страхом принудительного принятия мусульманства не могли осматривать христианские храмы, превращенные в мечети. С XVI века паломники устремляют свои взоры в прошлое и вспоминают о былом величии Византии и ее главного храма — Святой Софии. История ее построения, как и легенды пророчества о падении Константинополя и возвращении его христианскому миру становятся основными легендарными сюжетами, занимающими рассказы наших паломников о городе. Рассмотрим специфику передачи таких легенд в паломнических описаниях подробнее.

Легенда о построении храма Святой Софии

Легенда о построении Св. Софии по-разному передавалась паломниками эпохи Средневековья и Нового времени. Во многом ее сюжетные ходы имеют параллель в древнерусском «Сказании о създании великыя Божия церкви святыя София, яже есть въ Константинѣ градъ» (далее — «Сказание о построении Софии»), известном, как отмечают специалисты, по «Летописцу Эллинскому и Римскому» и Хронографу.²⁵ Учитывая, что «Сказание о построении Софии» на русский язык было переведено до XV века,²⁶ не будет преувеличением сказать, что паломнические описания Антония Новгородского и других авторов XIII–XIV веков стали одними из первых источников, которые знакомили древнерусского читателя с легендарной историей построения храма Святой Софии. Особенности ее передачи нашими паломниками позволяют говорить, что текстуально они от «Сказания о построении Софии», как и друг от друга, не зависят. В случае и с этой легендой паломники разного времени, вероятнее всего, опирались на рассказы своих «вожей»-гидов. Поскольку без обращения к этому легендарному сказанию не обходился ни один паломник, именно его можно назвать «общим местом» паломнических рассказов при осмотре Святой Софии (что актуально для средневековых авторов) или воспоминаний о ней (что демонстрируют произведения

как люди; попортили их фразове: один перебит на двое, другому руки и ноги перебиты и носа сражено. Тыи Правосуды рассуждали, ан кто кого поклѣпал многим сребром, да вложат Правосудом в руку: колко будет правых кун, толко возмут, да от поклѣпных кун руку сведет» (с. 134).

²³ Процитируем Хождение Игнатия Смольянина, так как его сообщение об этой Иерусалимской иконе Богоматери традиционно и для других паломнических описаний, называющих эту реликвию: «...поклонихомся чудотворней иконе Пречистыя Богородица, от нея же изыде глас Марии Египетской, възброняя ей входа в святую церковь въ Иерусалиме» (Малето Е. И. Антология хождений русских путешественников... С. 279–280).

²⁴ Как правило, о ней сообщения всех паломников лаконичны и не содержат развернутого рассказа о событии, как в Хождении Игнатия Смольянина: «Тут есть церковь святыя Богородица; также чудодействует в пяток Страшной преславно. Есть бо в ней икона святыя Богородица, писание Луки Евангелиста» (Там же. С. 281). Хотя дьяк Александр с этой иконой связывал еще и сюжет о неугасимом 60 лет кадиле, ср.: «В Одигитрии икона святыя Богородици выходить в всяко вторник и творить чудеса, и кто с вѣрою приходитъ, здравие получаетъ. Писал е сию икону Лука евангелистъ. Нѣкогда бысть иконоборение, и съхраниша сию икону въ Пантократорѣ монастыри въ стѣнѣ; зажегше кандило предъ нею, и тоже кандило 60 лѣтъ не угасло передъ нею» (Там же. С. 293).

²⁵ Подробнее об этом см., например: Давыдова С. А. «Сказание о св. Софии цареградской» в Летописце Еллинском и Римском // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52. С. 561–566.

²⁶ Об этом см.: Белоброва О. А. Сказание о построении храма святой Софии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 386.

Нового времени). Многообразие сюжетных линий этого сказания по-разному отразилось и в их передаче паломниками. Забегая вперед заметим, что полносюжетный вариант истории создания храма, известный по версии «Сказания о построении Софии», встречается спорадически только в описаниях Нового времени.

Так, в эпоху Средневековья распространение имел сюжет о явлении ангела при построении храма: его передают Антоний, Игнатий и Сказание. Хронологически поздняя версия легенды, зафиксированная в тексте Сказания, представляет собой развитый сюжет и приурочена к приделу архангела Михаила в церкви Святой Софии: «Во иша во притворъ есть ту придел церковь святаго Михаила: а в том приделъ явися святый Михаиль уноши, стражу рукоделнаго» (с. 128). Дальнейший рассказ организует диалог юноши и святого, который сообщает о построении мастерами церкви «во имя святаго София»: «Иди, рци мастером, да скоро да свершають церковь сию во имя святаго София». От ангела юноша узнает и его имя — «имя мое Михаиль», он же посыпает «рукодельника» к царю с известием о скором построении храма и открывает юношу, что будет стражем «святыя София и рукоделия въ твоемъ мѣсто». В finale рассказа царь отправляет юношу в Рим с требованием, «да не возвратится въспять, да будет страж святаго Михаила дому святаго Софии и Царяграда до его пришествия» (с. 129).

В хронологически раннем Хождении Антония Новгородского содержится только намек на рассматриваемый сюжет: «У олтаря же великаго на лѣвой странѣ мѣсто, идѣже глаголалъ Ангелъ Господень ко отроцищу: не иду отъ мѣста сего, дондеже стоитъ святая София» (стлб. 70). С этим явлением автор соотносит и три иконы, которые «на томъ же мѣстѣ поставлены: а на нихъ написано три Ангелы» (стлб. 70–71). С легендарной историей построения храма в Хождении Антония Новгородского связано и воспоминание о праведной Анне, пожертвовавшей землю под своим домом для возведения храма: в «Сказании о построении Софии» об этом повествуется в главке под названием «Купление 1-е»²⁷ — рассказ о том, как император Юстиниан I скупал землю для построения храма. Дом одной вдовицы — Анны — «исѣненъ бѣ на 200 и на 80 литръ зата», но никакие уговоры не могли ее заставить отдать его. Пришедшему к ней Юстиниану Анна отказалась принять золото, но пожелала быть погребенной возле своего дома: «И обѣщася ей царь погрести ю ту и по съврѣшении церкви поминати ю» (стлб. 61, прим. 18). Это сообщение в Хождении Антония Новгородского уникально для паломнических рассказов о храме Св. Софии и не известно по другим памятникам. Для его фиксации автор выбрал распространенную в паломническом тексте того времени форму топографической заметки, которая не предполагала подробного рассказа или изложения события, а содержала намек на него как на всем известный факт. В описании реликвий, сохраняемых в храме Святой Софии, в Хождении Антония Новгородского читаем: «И за тѣмъ крестомъ лежить Анна, иже давала дворъ свои святы Софии, на немже и поставленъ малый олтарь, и того ради положена бысть ту» (стлб. 60–61; курсив наш. — И. Ф.).

С сюжетом «Сказания о построении Софии» связано и сообщение Антония Новгородского о мраморном камне, увиденном им в храме, который есть «кладязь Самарийска, у негоже глаголаль Христосъ къ самарянину: дай же ми воды пити...» (стлб. 80–81). Об этом же самарийском колодце рассказано в «Сказании о построении Софии».²⁸ Сведения Стефана Новгородца о том, что «Святы Софии имат двери 365, так же и престолов, окованы хитро велми...» (с. 53), также восходит к «Сказанию о построении Софии»²⁹ и основано на числе дней в году: по словам Сперанского (с. 66), эта легенда находит себе параллели и в других сказаниях, известных на Востоке и на Западе, как, например, 365 ступеней, ведущих на Капитолий в Риме.

Условно к этой же легендарной группе отнесем чудеса, произошедшие в храме Святой Софии и зафиксированные, очевидно, со слов проводников, нашими паломниками.

²⁷ Летописец Еллинский и Римский: В 2 т. / Изд. подг. О. В. Твороговым, С. А. Давыдовой. СПб., 1999. Т. 1. Текст. С. 365.

²⁸ Ср.: «Устье же святаго кладязя принесено бысть изъ Самарии, того ради именуется тако, занеже на немъ Господь нашъ Иисус Христос к самарянину бесѣдоваль» (Там же. С. 370).

²⁹ Ср.: «...а двери бысть по всеи церкви 300 и 65 именитых церкви» (Там же. С. 367).

Такое чудо, относящееся к 1200-му году («чудо свято и честно явиль Богъ въ лѣтъ 6708-е, при моемъ животу, мѣсяца маиа»; стлб. 78), описано в Хождении Антония Новгородского и рассказывает о событии, случившемся в алтаре храма Святой Софии, когда «3 кандила со крестомъ Духомъ святымъ вознесошася горѣ выше великаго креста, и паки снидоша тихо, и не угасла» (стлб. 77). Прямо о Божием присутствии в храме Софии сообщает еще одно предание цитируемого памятника о Богородице, которая в ночи молилась «къ Сыну своему и Богу нашему за родъ христианъский», что видел «святый попъ» — «стражъ нощный» (стлб. 79). Такие сюжеты, наряду с описаниями многочисленных реликвий храма, должны были способствовать реализации идеи его великой святости и особого попечения Богом о христианах. Показателен дидактическо-проповеднический финал легенды о трех кандилах, поставленных в храме его строителем императором Юстинианом, который известен по тексту Хождения Антония Новгородского: «...хощеть ны дати Богъ жития, якоже при Константина было, и болъ нынѣ того будетъ: приведетъ Богъ поганыя Жидове во крещение, и будутъ християне во единой любви, не имуще рати между собою; но токмо на тѣхъ имуть воевати, кто не восходитъ во крещение вниди, да и волею и неволею принудить ихъ Богъ внити во крещение; обилия же всего добра на земли будетъ множество, и правда, и святымъ житиемъ начнутъ жити людие, обиды же не будетъ; земля изнесеть плодъ отъ себе Божиимъ повѣлениемъ, аки медъ и млеко, доброго ради жития христианъского» (стлб. 78).

С историей построения Святой Софии связан и легендарный сюжет, переданный подпоручиком Ильей Сысоевым, побывавшим в Константинополе в 1817 году. Причины построения храма он объяснил так: «Чрез одну улицу находится и мечеть Софийская, она находится близ дворцовых ворот. О Софийскомъ храме пишет Дорофеи, митрополит Монемвасийский, что въ лето от воплощения Христова 531-е, въ царствование греческаго царя Устиниана, на учрежденное некогда им конское ристание, т. е. иподром, когда стеклось отвсюду великое множество народа, тогда въ продолжение обыкновенно бывает между собою сражение. Более 35 000 лишились жизни, забавляющихся таковыми играми разнаго рода людей. По окончании же сего самопровозглашеннаго кровопролития Устиниан царь, возжелев убиенных и сокрушааясь о их преждевременной смерти, помышлял, чемъ бы возмог умилостивить своего Создателя, раздраженнаго убивством. Пришло ему на мысль соорудить храм, могущей своим великолепием удивить вселенную».³⁰ Заметим, что этот сюжет отсутствует в «Сказании о Святой Софии», а сам автор отсылает читателя к «Дорофею, митрополиту Монемвасийскому», т. е. имеет в виду Хронику, приписываемую митрополиту Монемвасии Дорофею, переведенную на Русь в середине XVII века и сохранившуюся в многочисленных списках XVII и XVIII веков. Этот же сюжет вспоминал и современник Ильи Сысоева, крестьянин Яким Васильев, но в его пересказе легенды о Святой Софии присутствует еще и сообщение о Божией помощи императору в построении храма, когда неизвестный юноша даровал императору-строителю недостающее золото, и рассказ о создании храмовой трапезы из золота, серебра и драгоценных камней:³¹ в составе «Сказания о построении Софии» эти сюжеты известны как «Чудо 2-е о недоставшем златъ» и «О святѣи трапезѣ».³² Показательна передача последнего сюжета у крестьянина-паломника начала XIX века, представляющего собою один из вариантов легенд-пророчеств о возвращении Константинополя христианам: сообщая, что трапеза потонула вместе с кораблем, когда все храмовые сокровища были отправлены из Византии во время ее взятия турками в 1453 году, со слов греков (очевидно, проводника) автор уточнил, что «когда Царьград взят будет благочестивым царем христианским, то того судна все украшение церковное и престол Господень вънесено будет в церковь Софии, Премудрости Божия...».³³ Это легендарное известие может быть отнесено уже к легендам-пророчествам о падении Византии.

³⁰ «Путевые записки» подпоручика Ильи Сысоева / Подг. текста, комм. И. В. Федоровой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2020. Т. 20. С. 175.

³¹ Путешествие крестьянина Якима Васильева // Там же. С. 227–228.

³² Летописец Еллинский и Римский. С. 368–369.

³³ Путешествие крестьянина Якима Васильева. С. 228.

Легенды-пророчества о падении Византии и возвращении Константинополя христианам

Уже в эпоху Средневековья паломники были знакомы с преданиями-пророчествами о падении Византии и ее возвращении «христианскому царю». Записанные легенды условно можно разделить на две группы: уникальные предания и легенду о рыбке, передаваемую богомольцами начиная со Средневековья. Рассмотрим первую группу легенд, наиболее вариативную.

Пророчество о падении Константинополя было известно уже в конце XII — начале XIII века Антонию Новгородскому и далее в царьградских хождениях не встречалось: «На странѣ же двери стоять икона велика: а на ней написанъ царь Корлѣй о софосѣ, и у него камень драгий въ челѣ, и свѣтить въ ноши по свѣтѣ Софѣи. Той же царь Корлѣй, вземъ грамоту во гробѣ у святаго пророка Даниила, и переписаль ю философски, кому же быти царемъ во Царѣградѣ, дондѣже и стоитъ Царѣградъ» (стлб. 68–69). Саввайотов отождествил названного в легенде царя «Корлѣй» с императором Львом, которому приписывается 17 предсказаний о будущей судьбе Константинополя (стлб. 68, прим. 30).³⁴ Некоторые из них сохранились и в описаниях русских паломников. Как вариант легенды, приведенной в *Хождении Антония Новгородского*, может быть рассмотрено сообщение, читающееся уже в памятнике XIV века, в известном нам Сказании: «...на правой сторонѣ в притворе есть иконы двѣ: тыи иконы писал Премудрый Левъ: на одной писал цари, а на другой писал патриархи; цареи писал 80 до скончания Царяграда, а патриарховъ писал 100. На однои написано царевъ 80 без 3-х, а еще трем царем быти, а на второи патриархи: было 100 и 30 без единого, а еще 13-мъ быти. И си цари минут и патриархи, тогда Царюграду скончание будет...» (с. 133).

В описании мечети Айя-София, по традиции называемой паломником начала XVIII века Ипполитом Вишенским «церковью Премудрости Божией София», читается такая легенда: «В той церкви есть двери на всходѣ солнца, а за дверми пещера: когда турчинъ взялъ Царигородъ, тогда оные двери сами замкнулися; и до днесъ нѣхто не можетъ одомкнуть. Единъ паша хотѣлъ прислужитися цареви, поднялся отомкнуть двери. Царь ему на волѣ даль и радѣ былъ сему. И пошоль той окаянній, паче жъ проклятий, взявши воиновъ зъ собою много; пришедши въ церковь, вземъ секибу, хощетъ двери ломати, але невидимо сила Божия отъять отъ него руцѣ, и назадъ завратишаася, потомъ же тутъ напрасно издше, о чомъ християне возрадовашася, о преславномъ чудеси пресвятой Дѣви. И в той церкви мечети подѣлали турки, а християномъ нѣлзя уйти въ церковь подъ заповѣдио смертною».³⁵ Этую же легенду, но без подробностей в середине XIX века пересказывал иеромонах Иероним из Николо-Пешношского монастыря, связывая ее с падением Константинополя в 1453 году и с Золотыми воротами городской стены: «Султан взошел в сей город через полуразрушенные Златые врата победителем и тогда же повелел их заложить. Доныне стоит Пролом с вратами в том же разрушении, весь поросший древами смоковниц».³⁶ Стоит добавить, что подобные легенды представляют собою вариант известного мирового сюжета «прение о вере».

Тесно с историей взятия Константинополя турками связана легенда о рыбках, которую в полносюжетном варианте или в форме топографической заметки передавали паломники разного времени. Жиздринский купец Анисим Симоченков, побывавший в Константинополе в 1852 году, пересказал ее так: «Во время осады Константинополя турками самый жестокий приступ был зделан недалеко отъсюда, у заставы св. Романа. Варвары, расположив здесь свой лагерь, истребили прелестныя рощи, разрушили церковь и засыпали целебныя воды источника. Когда турки вломились

³⁴ Напомним о том, что с именем Льва IV в описаниях средневековых паломников связана и легенда о каменной жабе, которая «при Лве Премудромъ по улицамъ ходя, сметие жерла, а метлы мели. Встануть по рану люди, а улицы чисты» (Ксеноф иеродиакона Зосимы, цит. по: *Мале-то Е. И. Антология хожений русских путешественников...* С. 298).

³⁵ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 15.

³⁶ Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в 1858 и 1859 гг. в Иерусалим и гору Афонскую: Дневники, зарисовки. М., 2014. С. 32.

в город, священник, сидя подле одного протока незасыпанного, спокойно жарил для себя рыбу. Ему известили, что город турки взяли. Он отвечал, что скорее эта жареная рыба зделается живою, нежели туркам взять город. И тогда будто эта рыба в самом деле спрыгнула со сковрады в священный источник, где плавает и до ныне, которую видел своими глазами. Название сему месту отъ турокъ — Болыкъ-лы, то есть Уро-чище рыбъ, и ныне называют все Балукиею».³⁷

К числу пророческих легенд относится и легенда, связанная Ипполитом Вишенским с именем «премудрого царя» Льва, тогда как у других паломников, как отметил С. П. Розанов, она приписывается императору Константину: «...стоить столпъ, единъ камень немурований, сажней у двадцать и большей, ставиль его премудрий царь Левъ, а написаль на немъ пророчески: „Въ остатние времена Константинополь будетъ во владѣнии восточного царя“». Тие слова есть и до днесъ написание на столпѣ, и того столпа хотѣли турки колко разъ изломати, тико жъ сила Божая не допоскаеть имъ; если турчинъ идетъ мимо столпъ, то, глянувши на писмо, плюетъ».³⁸ Комментируя это сообщение паломника, Розанов отмечал, что в памятнике не было названо имя ни одного из этих византийских императоров, однако народное предание связывало предсказание о будущем Константинополе именно с императором Львом Мудрым.³⁹ В передаче пророчества, приуроченного Ипполитом Вишенским к египетскому обелиску, поставленному императором Феодосием Великим в 390 году, публикатор обращал внимание и на надпись, считая ее происхождение легендарным, однако «когда и каким путем приурочена она к этому памятнику — решить трудно».

К пророческим легендам о судьбе Константинополя отнесем и легенду о Золотой (Замурованной) колонне в Хождении Иоанна Лукьянова, неизвестную по другим текстам: «А писано про етот столпъ: когда будет Царьград потопленъ, тогда толко адинъ сей столпъ будетъ стоять; и корабленики, кои придут и станут к тому столпу корабли привязавать, а сами будут рыдати по Царюграду». В нем же, по словам Лукьянова, «гвоздь Господень заделанъ».⁴⁰ Легенда-пророчество о Змеиной колонне этим паломником передана в уникальном варианте. Описывая ее архитектурные особенности, он заметил, что бывшие на памятнике «три главы змиевъ» в 208 году «с того столпа свалились доловъ», поэтому «турки зело ужаснулись того столпа разрушению, а сами-де говорят: „Уже-де хощет Богъ сие царство у насъ отнять да иному цареви предать, християнскому“». Сами, милыя, пророчествуют неволею».⁴¹ В форме топографической заметки в этом произведении передано и пророчество о вратах Святой Софии: «А пределы в нем все замуравлены, а иные врата сами замуравились. Турчанин нам указывал, что де не турча замуравил, Богъ-де. А что в том пределе есть, и про то и греки, и турчество не знают; какое там таинство, про то Богъ весть».⁴²

Говоря об уникальных вариантах легенд-пророчеств, стоит отметить и легенду, читающуюся в описании богомолья уже упоминавшегося крестьянина Якима Васильева. Рассказывая о храме Святой Софии, он передает местное предание о якобы существовавшем запрете туркам входить в бывший алтарь церкви, так как все посещавшие его иноверцы умирали: «А зделанная царем Иустинианом церковь София, или Премудрости Божии, и ныне стоит на том же месте, не разорена турками, а толко в ней турки по своему обряду совершают свое богомолье. А в олтарь, въ коем была у христиан та святая трапеза, никто ис турок неходит, ибо он так и стоит закладен. А когда турки взяли Царьград и стали въ сей церкве свое богомолье совершать, и стали было входить во святы олтарь, то все начали умирать, или другие призывали христиан-

³⁷ Воспоминание поклонника ко святым местам в Палестине и Синай Анисима Симоченко-ва // РНБ. Собр. Тиханова. № 827. Л. 19–19 об.

³⁸ Путешествие иеромонаха Ипполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон. С. 16.

³⁹ Там же. С. 124.

⁴⁰ Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лукьянова. 1701–1703 / Изд. подр. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М., 2008. С. 41.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 39–40.

скихъ священников, чтобы техъ выводили живыхъ, а сами они не выдут. Въ некоторое одно время взошелъ въ олтарь и самъ царь, салтан турецкой, и не могъ выти изъ него, доколе не призвалъ греческаго патриарха, которой, помолившись Богу, его и вывелъ. После сего салтан наложилъ клятву, чтобъ никто изъ турокъ не въходилъ въ тотъ олтарь, потому и ныне не входятъ, и стоитъ закладенъ. А христиане повествуютъ, что изъ святаго олтаря благодать Божия неизъшедшая, потому по всему сему и гадаютъ, что будетъ въпредь царь христианской, и святы престолъ будетъ поставленъ на своемъ месте».⁴³

Обобщая сказанное, еще раз отмечимъ следующие моменты. Въ описаниях Константина паломниками эпохи Средневековья, въ отличие отъ текстовъ богомольцевъ Нового времени, репертуаръ местной легенды былъ болѣе богатымъ и разнообразнымъ, связаннымъ какъ съ историей построения храма Святой Софии, такъ и съ реликвиями местныхъ церквей. Форма фиксации легенды не была лимитирована принципами описания и отличалась многообразиемъ: наряду съ лаконичнымъ вариантомъ передачи сюжета и формой топографической заметки распространение имѣла и полносюжетная версия легенды, характеризующаяся последовательнымъ изложениемъ события, описаниемъ его обстоятельствъ и деталей, использованиемъ диалоговъ героевъ. Въ Новое время репертуаръ царьградской легенды не отличается тематическимъ разнообразиемъ, что обусловлено исторической действительностью: посещая уже мусульманский городъ, паломники не имѣли возможности видеть и поклоняться всемъ реликвиямъ, которые были собраны въ Константинополе ранее. Поэтому главной темой местныхъ легендъ этого времени становятся воспоминания о быломъ величии города (легенда о создании храма Святой Софии), пророчества о его гибели и возрождении черезъ «восточного царя».

⁴³ Путешествие крестьянина Якима Васильева. С. 229.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-139-150

© Н. Ю. Алексеева

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ А. П. СУМАРОКОВА В ПОДГОТОВКЕ БОЛЬШОГО МАСКАРАДА («ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ МИНЕРВА») 1763 ГОДА

Маскарад, вошедший въ историю какъ «Торжествующая Минерва»,¹ привлекаетъ исследователей и любителей XVIII века въ особенности въ послѣднее время, когда увлечѣніе празднествами, а одновременно и аллегориями потеснило интерес къ чисто литературнымъ проблемамъ. Сегодня редкая работа, посвященная литературѣ или культурѣ екатерининского времени, обходитъ маскарадъ молчаниемъ. Немало въ послѣдние десятилетия появилось и специальныхъ исследований, посвященныхъ ему. Трудность изученія маскарада заключается въ почти полномъ отсутствии документовъ, связанныхъ съ его подготовкой,² а до недавнаго времени и другихъ источниковъ, кроме брошюры «Торжествующая Минерва»,³ позволяющихъ судить о его содержании. Событиемъ въ отношеніи послѣднаго стало обнаружение А. А. Костинымъ описания маскарада, сделанного де

¹ Въ периодъ подготовки и представления маскарада назывался Большимъ маскарадомъ, реже карнаваломъ, впервые «Торжествующей Минервой» его назвалъ, по-видимому, Н. И. Новиковъ въ «Опыте словаря о Российскихъ писателяхъ» (СПб., 1772. С. 39).

² Документы, касающиеся обеспечения полицейскаго надзора за общественнымъ порядкомъ во времена маскарада, а также расходовъ по его устройству, опубликованы въ кн.: Ф. Г. Волковъ и русский театръ его времени. Сб. статей / Отв. ред. Ю. А. Дмитриевъ. М., 1953. С. 154–162.

³ Торжествующая Минерва, общенародное зрелище, представленное большимъ маскарадомъ въ Москве 1763 года, генваря ... дня. Печатано при Имп. Московскомъ университете, [б. г.].

Буляром.⁴ Вопросы же о подготовке литературной части маскарада остаются не проясненными, мы по-прежнему не знаем, был ли письменный проект маскарада, утверждался ли он и кем, сохранились ли документы по производству брошюры «Торжествующая Минерва» и т. п. Молчание архивов приводит к необоснованным предположениям об авторе (авторах) маскарада и его описания в брошюре «Торжествующая Минерва». В предлагаемой статье нет места для разоблачения мифов, в ней делается попытка прояснить подготовку литературной части маскарада путем критического рассмотрения известных источников. В работе рассматриваются два вопроса: об авторстве хоров, исполнявшихся в маскараде, и об участии Сумарокова в подготовке проекта маскарада.

1. Кто же все-таки автор хоров, петых в маскараде?

Большой маскарад, завершивший торжества по случаю коронования императрицы Екатерины II в последние дни масленицы 1763 года, оставался в народной памяти еще в XIX веке, попадая в записки, посвященные екатерининскому времени, как одно из незабываемых событий.⁵ Зрителей поразила сама грандиозность действия, обилие ярких сцен, представленных на огромных помостах, тянувшихся по улицам Москвы десятками лошадей, а также песни, исполнявшиеся актерами и массовкой. В возникшем уже к началу XIX века предании о маскараде автором песен называется Ф. Г. Волков, тогда как на основании опубликованных в «Полном собрании всех сочинений» А. П. Сумарокова «Хоров к Большому маскараду»⁶ им считается последний.

Мнения современников и ближайших потомков дали основание П. Н. Беркову усомниться в принадлежности хоров (песней) Сумарокову.⁷ Не располагая иными документами, как брошюра «Торжествующая Минерва», где хоры были опубликованы впервые, он сосредоточил внимание на анонимности их публикации в ней, что, казалось, косвенно подтверждает свидетельства современников об участии в их создании Волкова. Напечатанное сразу после статьи П. Н. Беркова ее опровержение, сделанное Г. А. Гуковским,⁸ с железной логикой разбившим ее положения, не оставляло места сомнению в авторстве хоров Сумарокова и должно было бы, казалось, снять этот вопрос, однако латентно он присутствует и поныне. Так, Б. А. Успенский в статье, не связанный напрямую с авторством хоров, считает нужным все же подтвердить их принадлежность Сумарокову ссылкой на опубликованную в 1953 году смету расходов на маскарад.⁹ В ней указаны 35 рублей, причитавшихся Сумарокову, которые уже публикатором документа В. Н. Всеволодским-Гернгроссом были оценены как «основания считать этого последнего (Сумарокова. — Н. А.) автором хоральных текстов».¹⁰ Если верить смете по ее публикации, сделанной в выдержках и частичном пересказе, выплата, назначавшаяся Сумарокову, относится к тому же 8-му пункту, что и деньги, определенные Волкову:

«8. Дворянину Волкову — 163 р. 90 к.

В том числе на маски — 13 р. 95 к.

⁴ Костин А. А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва» (1763) глазами иностранца // Русская литература. 2013. № 2. С. 81–113.

⁵ Библиографию отзывов о маскараде см.: Берков П. Н. «Хор к превратному свету» и его автор // XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1. С. 190–191.

⁶ Сумароков А. П. 1) Полн. собр. всех соч. / Собр. и изд. ... Н. Новиковым. М., 1781. Ч. 8. С. 354–364; 2) Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 557–559 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁷ Берков П. Н. «Хор к превратному свету» и его автор. С. 181–202.

⁸ Гуковский Гр. О «Хоре ко превратному свету» (Ответ П. Н. Беркову) // XVIII век. Сб. 1. С. 203–217.

⁹ Успенский Б. А. Заумная речь у Сумарокова // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1. С. 245.

¹⁰ Ф. Г. Волков и русский театр его времени. С. 159.

Его превосходительству Александру Петровичу Сумарокову — 35 р.».¹¹

По-видимому, она, как и расходы на маски, составляла часть расчета с Волковым. Как бы то ни было, обе суммы, отведенные Волкову и Сумарокову, не могли быть оплачены литературного труда из-за их незначительности. Они не идут, например, в сравнение с полученным Сумароковым в конце 1759 года гонораром за описание фейерверка, составившим 300 рублей, которые, однако, производивший выплату П. И. Шувалов посчитал недостаточными, присовокупив к ним дорогую табакерку.¹² Кроме того, в смете отсутствует имя М. М. Хераскова, участвовавшего в подготовке описания маскарада. Означенные в ней суммы касаются, по всей видимости, не гонораров, а каких-то трат. Об оплате литературного и постановочного труда могло говориться в другом документе, возможно сохранившемся и ждущем в архиве своего часа. Но и без него нет никаких оснований сомневаться в авторстве хоров «Торжествующей Минервы» Сумарокова, с чем согласился и сам П. Н. Берков в комментариях к ним в издании «Библиотека поэта»,¹³ оставаясь, впрочем, не убежденным в принадлежности Сумарокову «Другого хора ко „Превратному свету“».¹⁴ Вместе с тем две из затронутых им в статье 1935 года проблемы: о назывании современниками автором хоров Волкова и об анонимности их публикации в «Торжествующей Минерве» — ни тогда, ни позднее не получили удовлетворительного решения, а без него история исполнявшихся в маскараде песен не может считаться написанной.

Анонимность публикации хоров в брошюре «Торжествующая Минерва», исключительная в творчестве Сумарокова, всегда подписывавшего свои сочинения, соотносится с историей подписи под включенными в нее стихотворениями Хераскова «Стихи к Большому маскараду». Кроме хоров и стихотворений брошюра содержит открывающее ее объявление («афишку», анонс) о предстоящем маскараде¹⁵ и «Описание Большого маскарада», сделанное Волковым.¹⁶ Сложность производства книги сказалась в ее трех вариантах, описанных в «Сводном каталоге русской книги гражданской печати».¹⁷ Они разнятся техникой печати виньеток на титульном листе и 18-й странице, датами маскарада, указанными в анонсе, и тремя вариантами подписей под стихотворениями Хераскова. По всей видимости, книгу готовил Волков,¹⁸ и идея анонимных

¹¹ Там же.

¹² Костин А. А. Участие А. П. Сумарокова в подготовке фейерверка на новый 1760 год (по материалам архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. 2. С. 372.

¹³ Сумароков А. П. Избр. произведения. С. 557–559.

¹⁴ Там же. С. 558–559.

¹⁵ Строго говоря, «афишка» не входит в брошюру, а приплетена к известным ее экземплярам до титульного листа. Такого мнения придерживался и П. Н. Берков (Берков П. Н. «Хор к превратному свету» и его автор. С. 186), и Г. А. Гуковский (Гуковский Гр. Очерки по истории русской литературы XVIII века: Дворянская фронтон в литературе 1750–1760-х годов. М.; Л., 1936. С. 170), публикация афишки в ряду документов, связанных с маскарадом (Ф. Г. Волков и русский театр его времени. С. 154) подтверждает их правоту. Однако «Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800» (М., 1966. Т. 3. Р–Я. С. 236 (№ 7306)) описывает ее как часть брошюры.

¹⁶ Так считает и П. Н. Берков (Берков П. Н. «Хор к превратному свету» и его автор. С. 187), и А. А. Костин (Костин А. А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва»... С. 86). Однако Д. П. Ивинский необоснованно предполагает его автором М. М. Хераскова (Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX веков. М., 2018. С. 69). В пользу авторства Волкова говорит невыдержаный стиль «Описания», заметно отличный от стиля Хераскова этого периода, известного по его статьям в издававшихся им журналах «Полезное увеселение» (1760 — июнь 1762) и «Свободные часы» (1763), а также малограмотность автора «Описания» (например, «играки»).

¹⁷ Сводный каталог русской книги гражданской печати. Т. 3. С. 236 (№ 7306).

¹⁸ Вопрос об издателе брошюры «Торжествующая Минерва», кажется, первым поднимает Д. П. Ивинский (Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX веков. С. 69–70), бездоказательно называя им М. М. Хераскова. Однако едва ли Херасков, отличавшийся тактом и проявивший себя к 1763 году как опытный издатель, мог допустить характерную для брошюры небрежность.

подписей под стихотворениями принадлежит ему. Число звездочек, заменявших имена авторов стихотворений и хоров в первом варианте книги, позволяет предположить, что вначале он думал скрыть имя автора первого раздела брошюры (стихотворений) за одной звездочкой, автора второй ее части — «Описание Большого маскарада» — видимо, за двумя звездочками, автора третьей части (хоров) — за тремя, однако успел передумать, и под второй частью значится: «Изображение и распоряжение маскарада Ф. Волкова». Это сообщение, раскрывающее имя автора сценария маскарада и его постановщика, можно расценить как примечание,¹⁹ а можно как подпись под описанием,²⁰ в первом случае оно было бы уместнее в начале книги или в ее конце. Неопределенность его назначения и сама формулировка обнаруживают неискусшенность Волкова в литературных делах. Схожей неловкостью отличается и подпись под хорами, сообщающей излишние в таких случаях сведения: «Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения ***».²¹ Неискусность характеризует и «Описание Большого маскарада». Хотя маскарады и публичные государственные празднества были известны в России с петровского времени, их описаний, кроме описаний фейерверков и иллюминаций, не делалось, и волковское явилось первым в своем роде. Оно, видимо, задумывалось им, возможно, совместно с Херасковым, по аналогии с описаниями фейерверков, в которых, как правило, сочеталось прозаическое описание изображенных на театре фейерверка аллегорий со стихотворениями на тему тех же аллегорий. Для такого развернутого, требующего литературных навыков описания, превращавшегося в самостоятельное произведение словесного искусства, Херасков, видимо, и написал стихотворения, которые должны были быть вплетены в прозаический нарратив. Туда же в идеале должны были бы попасть и хоры. Однако Волков, взявшись за труд описания, не сумел или не успел его исполнить, ограничившись простым перечнем персонажей в каждой представленной в маскараде сцене. В результате этого подготовленные Херасковым стихотворения оказались неоправданным дублетом описания, и вынесенные на их полях указания, к какой аллегории они относятся, только подчеркивают их несамостоятельность. Также и хоры выглядят искусственным дополнением к описанию. Несоответствие изданного описания планировавшемуся, видимо, изначально объясняет самоуправство Волкова в подписях стихотворений и хоров: и Херасков, и Сумароков могли не знать, что их стихотворения будут напечатаны в самостоятельных разделах, и не требовать корректуры. Замена звездочки под стихотворениями Хераскова сначала на криптоним, а потом на полное имя принадлежит, по-видимому, ему самому, имевшему возможность как директор типографии познакомиться с отпечатанными экземплярами до выхода брошюры. Сумароков, не обладавший в этой сфере привилегиями, об анонимной подписи под своими хорами едва ли знал. Разной подписей под разделами свидетельствует о неаккуратности в подготовке книги.

«Описание» Волкова, не позволяющее представить ни размаха, ни красочности развернувшегося на улицах Москвы действия, передает, однако, структуру маскарада. Он строился вокруг 14 аллегорий, 9 из которых были призваны изображать людские пороки, две, Вулкан и Юпитер, по описанию Волкова неясны, последние три — восхвалять наступивший Золотой век и Минерву, олицетворявшую собой новую императрицу. Каждая аллегория была отдельным представлением, в начале которого каким-то образом демонстрировался «знак», его словесной обрисовкой и надписью к нему начинается каждое соответствующее отделение «Описания». Далее в нем следует известие о музыкальном сопровождении данной аллегории, затем перечисляются ее персонажи, их костюмы, сообщается об исполнении ими песен (хоров). Можно было бы предполагать, что Волков называет те самые хоры, что опубликованы после его «Описания», т. е. хоры Сумарокова. Из такого предположения, точнее сказать, из

¹⁹ Сводный каталог русской книги гражданской печати. Т. 3. С. 236 (№ 7306).

²⁰ Берков П. Н. «Хор к превратному свету» и его автор. С. 187.

²¹ Торжествующая Минерва. С. [24]. Ни у Гуковского, ни у Беркова (Берков П. Н. «Хор к превратному свету» и его автор. С. 188) не возникает сомнений, что такое решение принадлежит Сумарокову. При этом они не объясняют странности для любого автора самой формулировки подписи.

уверенности, что напечатанные в брошюре хоры исполнялись в маскараде, исходят все его исследователи. А ведь это совсем не обязательно. Сопоставление названных Волковым хоров с хорами Сумарокова обнаруживает не полное совпадение их состава. Так, согласно описанию Волкова, представление «Бахус» не включало исполнения песен, тогда как Сумароковым к нему написано два хора. Не названы Волковым и хоры к представлению «Обман» и «Мздоимство», хоры к которым Сумарокова известны. Напротив того, в представлении «Мотовство», по Волкову, должны были участвовать, помимо игроков, общитых картами, «бедные, поющие» хор, которого у Сумарокова нет. Об идентичности указанных Волковым хоров с сумароковскими судить нет возможности, поскольку он не раскрывает содержания песен. Однако уже несовпадение состава хоров, указанных в «Описании», с хорами Сумарокова дает место сомнению, сумароковские ли хоры исполняли невольники, стихотворцы, пастухи и прочие персонажи маскарада.

Содержание исполнявшихся в маскараде песен теперь известно благодаря описанию маскарада, сделанному де Буляром.²² Этот адвокат, прибывший осенью 1762 года в Россию в рамках французской дипломатической миссии, был совершенно очарован увиденным им зрелищем и в ближайшие после него дни составил его описание, посвященное Екатерине II, а также краткую его версию, легшую в основу сообщений о маскараде в иностранных газетах.²³ По словам де Буляра, свое описание он, не знавший русского языка, готовил с участием и помощью И. И. Бецкого.²⁴ Описание де Буляра несравненно подробнее «Описания» Волкова. Стремясь не упустить ни одной детали, он дополняет собственные впечатления от увиденного истолкованием изображенных сцен, что было возможным лишь при помощи Бецкого. Также со слов Бецкого он раскрывает содержание большей части исполнявшихся хоров. Хотя де Буляр в своей работе использовал «Описание» Волкова,²⁵ названные им сцены и их детали не всегда с ним совпадают, в том числе и хоры не полностью совпадают с их волковским перечнем. Таким образом, мы располагаем теперь тремя источниками сведений о хорах в маскараде: Волкова, Сумарокова и де Буляра — они сообщают три варианта их состава.

Аллегории и сцены по Волкову	Хоры по Волкову	Хоры по де Буляру	Хоры Сумарокова
Момус или пересмешник	Хор комической музыки	Слышен хор музыки, ее веселый и комический слог...	—
Бахус	—	Слышен хор веселой и приятной музыки...	«Хор Сатир» ²⁶ «Хор пьяниц»
Несогласие	Хор музыки, где музыканты наряжены в различные животные	Слышен ужасный звон адская музыки...	—
Обман	—	Слышен хор обманщиков и обманщиц, поздравляющих друг друга в их проворстве и в простоте тех, которые даются в их обман.	«Хор к „Обману“»
	Цыганы и цыганки, кои поют и пляшут	Восемь цыган и столько же цыганок поют и пляшут прелестным образом...	—

²² Костин А. А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва»... С. 80–113.

²³ Сведения о де Буляре и его описании см.: Там же. С. 83–86.

²⁴ Там же. С. 85.

²⁵ Там же. С. 85–86.

²⁶ Хор Сатир отнесен мною к представлению Бахуса тематически, именно в нем фигурировали Сатиры.

Невежество	Хор слепых, кои ведут друг друга, и 4 человека греют, отдувая, замерзших змей	Хор слепых, кои ведут друг друга и кричат, как поте-рявшие свои костили...	«Хор „Невежества“»
Мздоимство	—	Сыщен вместо хора крик хитрых людей, секретарей и подьячих...	«Хор ко „Мздоимству“»
Превратный свет	Хор в развратном платье	Сыщен хор четырех трубачей, едущих на верблюдах, литаврщика на быке и многих других музыкантов в развратном одеянии...	«Хор ко „Превратному свету“»
Спесь	Хор, состоящий из невольников	Сыщен хор, составленный из литаврщиков и трубачей, коих ведут невольники...	«Хор ко „Гордости“»
Мотовство и бедность с их свитами	Хор обшитых картами	Сыщен хор, составленный из счастливых и разорившихся игроков и из плачущих вдов и сирот.	«Хор игроков»
	Хор бедных поющих	Сыщен хор бедных, которые согласно вздыхают о своих истинных несчастиях, последовавших приятным обманом любви, переменным прельщающим забавам, лестным обещаниям фортуны, блестящим наружностям расточения и самому ложному предусмотрению скupости.	—
Вулкан	—	—	—
Юпитер	—	—	—
Златой век		Слышины попеременно три хора:	«Хор ко „Златому веку“»
	Хор пастухов с флейтами	1) пастухи с своими флейтами поют о должном страхе и почтении богам как творцам и дружбе к человекам как себе подобным	
	—	2) двенадцать пастухов прославляют скромность молодых девиц, их склонность к трудам и прилежание быть потребными в доме своих родителей	
	—	3) мальчики с масличными в руках ветвями поют должность делать другим то добро, которое себе желают, и остерегаться наносить то, что самим противно.	
	—	Хор хлебопашцев с их инструментами, поющих приятство полевыя жизни, невинности земледетелей, веселье, получаемое успехом их трудов, и здоровье, которое от того получают.	

Парнас и Мир	Хор стихотворцев	Хор стихотворцев, поющих богов, государей и себе подобных	«Хор к „Парнасси“»
Минерва и Добротель с их последователями	Хор отроков в белом платье с зелеными ветвями и на головах венцами	Хор отроков с венцами на головах и белой одежде, держа в руках ветви, прославляют храбрые поступки геройства, мудрое предсмотрене законодателей, просвещенное усердие философов, совершенную победу добродетели и скорое исправление прибытим мудрости	«Хор к „Минерве“»

К списку хоров, приведенному Волковым, у де Буляра добавляется хор обманщиков («Обман»), хоры пастухов и мальчиков, а также хор хлебопашцев («Златой век»). Из названных Волковым и де Буляром хоров у Сумарокова отсутствует «Хор бедных поющих» («Мотовство»). Де Буляр подтверждает, как это было и у Волкова, отсутствие исполнения хоров (песен) в представлении «Мздоимства», указав даже, что «вместо хора» здесь слышен был «крик хитрых людей». В «Превратном свете» «Хор в развратном платье», по нему, оказывается оркестром,²⁷ музыканты которого наряжены в «развратное одеяние». Оркестром («хором веселой и приятной музыки») были заменены и оба хора Сумарокова к «Бахусу» (Сатир и пьяница), а литаврами и трубами, не допускающими голосового сопровождения, — хор «Ко Гордости» (примечательно, что название последней аллегории у Волкова звучит как Спесь).

Хоры, названные де Буляром и присутствующие у Сумарокова, не обязательно одни и те же. Так, в хоре «Обмана», по словам де Буляра, «обманщики и обманщицы» поздравляли «друг друга в их проворстве и в простоте тех, которые даются в их обман», о чем у Сумарокова не говорится, а вот продержнутые им приказный и откупщик, как и сама тема вреда государству от жуликов, де Буляром не отражены, по всей видимости, они не были затронуты и в самом представлении «Обмана». Не менее явно несоответствие аллегории «Невежества» с его хором слепых «Хору „Невежества“» Сумарокова, изобразившего невежд, лающих «на вред ученья», «аз и буки», тогда как в представлении главными персонажами выступали олицетворенные Леность и Злословие, а о науках и неучах речи не было.²⁸ Разногласие в трактовке этой аллегории связано с двойным значением слова «невежество»: необразованность и невоспитанность.²⁹ Сумароков раскрывал аллегорию в первом значении слова, постановщик маскарада Волков — во втором. Оба хора пастухов с флейтами не являются хором Сумарокова «Ко „Златому веку“», в котором ничего не говорится ни «о должном страхе и почтении богам», ни о «скромности молодых девиц», а в 10 строках воспевается приход Астреи, которая «во странах Российских водворилась», и наступившее в них благоденствие, коснувшееся и «российских рек», текущих отныне «млеком и медом» «во удивление соседом».³⁰ Хор Сумарокова «Ко „Златому веку“», очевидно, не исполнялся. Так же не соответствует хору Сумарокова «К „Парнасси“» содержание хора стихотворцев («Парнас»), «поющих богов, государей и себе подобных», а его хору «К „Минерве“» — хор отроков. И наконец, в «Мотовстве» хор, «составленный из счастливых и разорившихся игроков и из плачущих вдов и сирот», едва ли трехстишный хор

²⁷ Слово «оркестр» в его современном значении было известно в России с 1730-х годов (Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2007. Ч. 17. Оный—Открутить. С. 77), но, видимо, не имело широкого распространения, его последовательная замена словом «хор» у Волкова, повторенная де Буляром, в описаниях слова «хор» в словарях не зафиксирована.

²⁸ См.: Костин А. А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва»... С. 103.

²⁹ Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2004. Вып. 14. Напролет—Неподцелование. С. 133—134.

³⁰ Сумароков А. П. Избр. произведения. С. 282.

разорившихся игроков Сумарокова, просиявших милостыню («Подайте картежнику милостинку...»³¹).

Из хоров, названных де Буляром как исполнявшиеся в маскараде, Сумарокову явно не принадлежат хор «бедных поющих» («Мотовство») и три хора «Золотого века». Тексты этих песен, нам не известные, очевидно, написаны другим автором. Не так определенно о не сумароковском авторстве можно говорить и в отношении хоров, тематически совпадающих с сумароковскими хорами, но отличающихся от них своим содержанием. О хорах, известных нам лишь в пересказе де Буляра и не вошедших в брошюру «Торжествующая Минерва», а значит, не принадлежащих Сумарокову, косвенно свидетельствует один из зрителей маскарада А. Т. Болотов, вспоминая, что «песни и голоса оных так всем полюбились, что долгое время и несколько лет сряду увеселялся ими народ, заставливая вновь их петь фабричных, которые употреблены были в помянутые хоры и научены песням оным».³² Любители маскарадных песен могли прибегать к услугам фабричных затем, что те знали тексты песен, не вошедших в брошюру «Торжествующая Минерва», изданную огромным для того времени тиражом в 3206 экземпляров,³³ а значит, доступную. Наиболее вероятно, что эти песни написал сам Волков, известный, по свидетельству Новикова, своим стихотворчеством.³⁴ Если это так, то становится понятным возникновение предания о нем как об авторе песен маскарада. Среди известий об авторстве песен наибольшего внимания заслуживает мнение Г. Р. Державина. Он был зрителем маскарада и как поэт едва ли оставался равнодушным к вопросам их сочинительства. Прекрасно зная новиковское издание Сумарокова, он между тем не сводит слышанные им на маскараде песни к напечатанным в нем хорам. По его памяти, их авторами были Волков «и прочие забавные стихотворцы, как то гг. Сумароков и Майков».³⁵ Песни В. И. Майкова, как и песни Волкова, не будучи изданными, неизвестны, они могли сохраниться в рукописных песенниках. Одной из них, возможно, была песня «Станем, братцы, петь старую песню...», автором которой Новиков называет Волкова.³⁶ Ее припев: «О златые, золотые веки / В вас счастливо жили люди...»³⁷ — позволяет допустить, что она могла петься пастухами с флейтами в представлении «Золотого века» (по де Буляру, это первый его хор). Хотя прямо в ней и не говорится «о должном страхе и почтении богам как творцам и дружбе к человекам как себе подобным», ее содержание многое ближе к этому свидетельству о хоре пастухов де Буляра, чем хор Сумарокова «Ко „Златому веку“». В уже первой ее строке указано на ее исполнение группой лиц, т. е. хоровое, что в песнях встречается сравнительно редко. Этим песня Волкова отличается от хоров Сумарокова, в большей части которых лирический субъект не заявлен, а хор «Ко „Превратному свету“» и мыслился автором даже как сольная партия (собаки). Отсутствие

³¹ Там же.

³² Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная самим им для своих потомков / [Публ. М. И. Семевского]. СПб., 1871. Ч. 2. Стб. 390.

³³ Сводный каталог русской книги гражданской печати. Т. 3. С. 236 (№ 7306).

³⁴ Новиков Н. И. Волков Федор Григорьевич // Новиков Н. И. Опыт словаря о Российских писателях. С. 41–44.

³⁵ Державин Г. Р. Соч. / С объяснительными прим. Я. Грота. СПб., 1871. Т. 6. С. 436. Так это место «Записок» Державина читает П. Н. Берков (Берков П. Н. «Хор к превратному свету» и его автор. С. 190). Однако возможно, что слова «На масленицы той зимы был тот славный народный маскарад... в котором представлены были разные того времени страсти, или осмехались в стихах и песнях пьяницы, карточные игроки, подъячие и судьи-взяточники и тому подобные порочные люди — сочинение знаменитого по уму своему актера Волкова и прочих забавных стихотворцев, как то гг. Сумарокова и Майкова» относятся и к маскараду, а не только к песням.

³⁶ Е. А. Погосян, привлекая в своем исследовании, богатом разного рода параллелями к аллегориям маскарада, песню Волкова, близко подходит к тому же предположению (Погосян Е. Момус и Превратный свет в маскараде «Торжествующая Минерва» // И время и место: К 60-летию А. Л. Осповата. М., 2008. С. 66), однако останавливается, не сделав его, находясь в уверенности, что раз песня не была напечатана в брошюре «Торжествующая Минерва», значит она не могла исполняться в маскараде.

³⁷ Ф. Г. Волков и русский театр его времени. С. 167–168. Она вошла в «Собрание разных песен» М. Чулкова (СПб., 1770. Ч. 1. С. 226 (№ 200)).

в текстах Сумарокова установки на многоголосие могло послужить одной из причин отказа от них.

Итак, есть все основания утверждать, что по крайней мере часть хоров, исполнявшихся в маскараде, Сумарокову не принадлежала, по-видимому, это была подавляющая их часть. Участвовали ли в маскараде хоры Сумарокова вообще, и если да, то какие из них, — вопрос, остающийся без ответа.

Несовпадение списков хоров у Волкова и де Буляра, а их обоих — с хорами Сумарокова приводит к выводу, что все три источника отражают разные этапы работы над проектом маскарада. Де Буляр представляет конечный этап — само действие, описание Волкова — промежуточный этап, когда в целом все было намечено, но затем в постановку вносились изменения. Несколько ранее, вероятно, были написаны стихотворения Хераскова, так как их содержание не во всем соответствует «Описанию» Волкова. Хоры Сумарокова отражают наиболее ранний этап работы, когда были придуманы сами аллегории, а содержание сцен лишь набросано и персонажи, в них участвующие, еще окончательно не определены. По ходу разработки и воплощения проекта хоры Сумарокова устаревали, приходилось писать новые хоры, соответствующие вновь найденному содержанию сцен, к которым они назначались. Сумароков в этой работе явно не участвовал.

2. Сумароковское участие в подготовке проекта маскарада

Подготовка всех театральных мероприятий, посвященных коронации, была поручена Волкову,³⁸ и, вероятно, именно он привлек к работе над маскарадом Сумарокова, всегда принимавшего в его театральной судьбе участие. Сотрудничество со знаменитым драматургом, каким был Сумароков, было для Волкова, не обладавшего драматургическим опытом, желательным, а возможно, и спасительным. По всей видимости, именно Сумарокову принадлежит сам замысел маскарада, разделенного на смеховую и панегирическую части. Осенью 1762 года в России не было другого сатирика, кроме Сумарокова, успевшего пристрелять осмеяные в маскараде пороки в притчах, комедиях и прозе журнала «Трудолюбивая пчела» (1759). Но и панегирическая часть маскарада укладывается в заявленную Сумароковым уже в первой его оде к новой императрице «На восшествие на престол...» (написана не позднее 10 июля), а затем развернутую в следующей оде 24 ноября 1762 года «На тезоименитство...» программу ее похвалы. Здесь новым было введение темы золотого века, с соответственным уподоблением Екатерины Астree, а также греческая тема. Историю возникновения мифа об Астree в европейской панегирике подробно излагает В. Ю. Проскурина в своей книге «Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II»,³⁹ прослеживая его и в русских одах.⁴⁰ В ее ценном исследовании, к сожалению, не учитывается фольклорная традиция образа золотого века, отразившаяся, например, в упоминавшейся песне Волкова. Отсюда Проскуриной сужается использование Ломоносовым в одах оборота «золотой век» и ничего не говорится

³⁸ Запись указа имп. Екатерины II о подготовке репертуара к предстоящим московским спектаклям (10 июля 1762 г.) // Ф. Г. Волков и русский театр его времени. С. 149. Другие документы об ответственных лицах за театральную часть коронационных торжеств неизвестны. Между тем в отдельных исследованиях соавтором Волкова в сценарии маскарада часто бездоказательно называют Хераскова (см., например: Берков П. Н. «Хор к превратному свету» и его автор. С. 187; Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX веков. С. 70), распространяя его работу по подготовке литературной части торжественного въезда императрицы в Москву (совместно с А. А. Ржевским и И. Ф. Богдановичем) на театральную часть коронационных торжеств, не имевшую с ней ничего общего. В то же время Херасков был извещен о проекте Большого маскарада, иначе он не смог бы написать своих стихотворений к его описанию; никаких иных данных об его участии в подготовке маскарада нет.

³⁹ Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 59–64.

⁴⁰ Там же. С. 65–82.

о синонимичных ему оборотах «златые дни», «златое время», употреблявшихся им в широком смысле (эпитет «золотой» вообще характерен для его поэтики), не связанном, как правило, с греческим мифом. Достаточно вспомнить начало его эпистолы в защиту петиметров (1753): «Златой младых людей и беспечальной век / Кто хочет огорчить, тот сам нечеловек...». Сумароков же ввел в русский панегирик именно миф об Астрее, впервые прибегнув к нему накануне воцарения Екатерины II в «Речи великому князю Павлу Петровичу в день рождения его 1761 года сентября 20 числа» (1761).⁴¹ Все одописцы первых лет ее царствования, включая Ломоносова, в этом отношении шли вслед за ним. Позднее, когда миф об Астрее стал общим местом русской оды, сумароковский след в нем потерялся. Сама идея положить в основу панегирической части маскарада миф о золотом веке и Астрее едва ли принадлежит не Сумарокову, увлеченному только что открытым им приемом восхваления. Кроме самого замысла маскарада и большей части его аллегорий, Сумароков, вероятно, участвовал в начальной наметке сцен, о чем можно судить по отдельным дошедшим до нас их деталям, например изображению в представлении фурий («Несогласие»),⁴² столь характерных для его поэзии. Использовав первоначальный проект Сумарокова, Волков весьма существенно его изменил. Об этом мы можем судить, сравнив получившиеся представления (сцены), о которых мы теперь знаем по описанию де Буляра, с хорами Сумарокова, отражающими начальный их замысел.

В первой части принципиальное отличие начального проекта от игренного маскарада кроется в характере комизма. Волков снял сумароковскую остроту, заменив сатирическое начало комизмом в духе комедии дель арте, недаром маскарадное шествие открывали Панталоне, Доктор, Педанты и Арлекины со Скарамушами.⁴³ Отсутствие сатиры в маскараде отмечает П. Н. Берков: «...установка „Торжествующей Минервы“ была сделана не на широкую социальную сатирику, а на „осмехание пороков“, как говорил Державин об этом маскараде».⁴⁴ Речь здесь идет не о сатире на нравы в противоположность сатире на лицо, а об ином, несатирическом смеховом начале. Замечательно, что и Г. А. Гуковский не называет первую часть маскарада сатирической, усматривая сатирику лишь в сцене «Момуса».⁴⁵ Однако именно под влиянием его стремления увидеть в аллегориях маскарада обличение реальных лиц первую часть маскарада все чаще сегодня причисляют к сатире, разыскивая вслед за Г. А. Гуковским, с весьма малой, впрочем, убедительностью, зашифрованных в его аллегориях современников. С толку сбивает и помещенный на титульном листе брошюры «Торжествующая Минерва» Сатир, что совсем не обязательно подчеркивало, «что основной упор в маскараде делается именно на обличении пороков»,⁴⁶ а могло указывать на карнавальный характер представления. Сатиры сами были выведены в маскараде в свите Бахуса, смех же в нем олицетворял Мом. Кроме того, маскарад служил прежде всего прославлению нового царствования, и его смеховая часть была подчинена панегирической, «упор на обличение пороков» делаться в нем не могло. Запутанность вопроса со смеховым началом маскарада связана с общей трудностью определения модуса комического, но также и с вошедшим с некоторых пор в обыкновение сведением всякого смехового начала в литературе XVIII века к сатире. Между тем стоит прислушаться к П. Н. Беркову, согласно которому сатира должна иметь социальную направленность. В хорах Сумарокова социальная направленность, безусловно, есть, а в самом маскараде, судя по описанию де Буляра и отзывам о нем современников,

⁴¹ У В. Ю. Прокуриной ошибочная дата — 1754 год (Там же. С. 67).

⁴² Торжествующая Минерва. С. [11]; Костин А. А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва»... С. 102.

⁴³ Торжествующая Минерва. С. [9]; Костин А. А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва»... С. 100, 101.

⁴⁴ Берков П. Н. «Хор к превратному свету» и его автор. С. 196.

⁴⁵ Гуковский Гр. Очерки по истории русской литературы XVIII века. С. 171.

⁴⁶ Костин А. А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва»... С. 90. Здесь же А. А. Костин говорит о другой, первоначальной виньетке, не зафиксированной «Сводным каталогом», будто бы помещенной в первом варианте брошюры, не сообщая источников своих сведений.

царила атмосфера веселости, смеха, радостного удивления от разворачивавшейся на глазах зрителей безудержной фантазии. Это плохо сочетается с едким смехом сатиры. Волков готовил праздник, а не, пусть и в художественной форме, нравоучение, и здесь главными были зрелищность и изобретательность, поражавшие в маскараде. Если Сумароков мыслил персонажей маскарада, как у него обычно в трагедиях и комедиях, по-видимому, немногочисленными, Волков расширил их до возможного предела, декорации превратил в грандиозные сооружения. Само обличение как таковое и государственное измерение человеческих пороков Волкову могли быть чужды. Мы видели, как он изменил содержание сцен Обмана и Невежества в сравнении с хорами Сумарокова, сняв в том числе тему вреда от них государству. В неприятии Волковым сатиры сказалось не своеобразие его вкуса, а скорее общепринятое к ней отношение. Осторожная, если не прямо негативная оценка сатиры была дана ведущими авторами 1740–1750-х годов В. К. Тредиаковским⁴⁷ и Херасковым.⁴⁸ Пользовавшиеся признанием сатиры Кантемира не нарушали такого восприятия, поскольку принадлежали, так сказать, высокой сатире в духе Горация. Пренебрежение сатирой коррелировало со стремлением классицизма дистанцироваться от народного искусства, и в этом смысле как раз Сумароков отличался смелой оригинальностью, отнюдь не брезгую народными истоками в своем сатирическом изображении общества, в том числе и в хорах к маскараду. Волкову как человеку, вышедшему из народа, народный смех и балаганное начало могли быть особенно неприятны. Отразившееся в постановке маскарада отношение Волкова к сатире заставляет по-новому осмыслить восприятие современниками сатирического творчества Сумарокова. Видимо, оно не было обществу желанно и понятно, как это обычно видится, а напротив, шло наперекор ему. Лишь к концу 1760-х годов общество доросло до сатиры. Появившиеся в 1769 году одновременно с «Бригадиром» (1769, первая постановка 1770) Д. И. Фонвизина сатирические журналы свидетельствуют о наступившей в этом отношении смене эпохи. Впрочем, их застрельщик Екатерина II была, вероятно, любительницей сатиры, и в начале 1760-х годов в расчете именно на нее Сумароков мог замысливать маскарад и писать свои хоры.

Не менее значительно Волков изменил и вторую часть маскарада. Оставив прославление Золотого века, он между тем свел обыгрывание Екатерины II как Астреи к минимуму. Предполагавшаяся Сумароковым, в чем можно, зная его оды, не сомневаться, тема государственной пользы, ожидаемой от нового царствования, с перечислением необходимых, по мнению поэта, учреждений и мероприятий у Волкова не звучит совсем. Золотой век изображен в маскараде не как наступившее настоящее России (так в одах Сумарокова и так в его хоре «Ко „Златому веку“»), а как мечтание об оставшемся в доисторическом прошлом идеале. Точно так же тема золотого века раскрыта Волковым в песне «Станем, братцы, петь старую песню...».⁴⁹ Сходство изображения золотого века в маскараде и в песне добавляет вероятности высказанному выше предположению об ее исполнении пастухами с флейтами. Сами пастухи с флейтами, как и участвовавшие в представлении «Золотого века» хлебопашцы, обозначали идеическое пространство, родственное народным социальным утопиям, свободным от злободневности, столь свойственной перу Сумарокова. В целом Волков-панигирист многое осторожнее и традиционнее Сумарокова. Именно ему, должно быть, принадлежит идея вложить прославление Минервы в уста отроков «в белом платье с зелеными ветвями и на головах венцами», т. е. обыкновенных в таких случаях

⁴⁷ Тредиаковский В. К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, по-ныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Сб. материалов для истории Императорской Академии наук в XVIII веке / Изд. А. Куник. СПб., 1865. Ч. 2. С. 437.

⁴⁸ Херасков М. М. К сатирической музе // Полезное увеселение. 1760. Февраль. № 8. С. 89–93.

⁴⁹ Петрова Л. А. Новонайденный список песни Ф. Г. Волкова и социально-утопические легенды о «Золотом веке» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2020. Вып. 8. С. 529–539.

семинаристов.⁵⁰ Вместо Паллады, как у Сумарокова в хоре «К „Минерве“», они воспевали «храбрые поступки геройства, мудрое предусмотрение законодателей и т. п.» песней собственного, вероятно, сочинения.

Заявленное Сумароковым греческое начало панегирической части маскарада, особенно откровенно звучащее в призыве к россиянам «напояться теми сладкими струями, кои Греция пила», и стать греками («И имея на престоле вы афинскую богиню, Будьте афиняне вы» («Хор к „Парнассе“»)⁵¹), должно было, вероятно, лечь в ее основу, но осталось только в хорах. Уподобление русских грекам, не только предвосхитившее, но во многом и определившее греческую тему панегириков времен русско-турецкой войны 1768–1774 годов, было находкой Сумарокова еще в 1750-х годах. С воцарением новой императрицы греческая тема в его панегириках заметно усилилась.⁵² В одах первых лет царствования он неизменно называет Екатерину II, как и в хоре «К „Минерве“», Палладой, отличая ее этим от предшественниц на троне, уподоблявшихся Минерве. Если бы Волков поставил маскарад по проекту Сумарокова, он вошел бы в историю, вероятно, не как «Торжествующая Минерва», а как «Торжествующая Паллада». Однако смелость и привлекательность греческих уподоблений были Волкову чужды, и он заменил греческое начало на более привычное и потому идеологически менее нагруженное римское.⁵³ Название хора Сумарокова «К „Минерве“», не согласующееся с его содержанием, в котором воспевается Паллада, если и было дано самим Сумароковым, то в уступку концепции маскарада Волкова. В свою очередь и Волков, по-видимому, из почтения к Сумарокову напечатал его хоры. При этом он дважды в брошюре «Торжествующая Минерва» указал на непричастность Сумарокова к сочинению маскарада: в подписи под своим описанием и в подписи под хорами («Только одни хоральные песни в сем маскараде сочинения ***»). У Сумарокова на этот счет было иное мнение.

Спустя более года после маскарада, когда Волкова уже не было в живых, в письме к императрице от 3 мая 1764 года он сообщил: «То только неизвестно, что все прожекты умершего Федора Волкова не его, но мои; а что он мое имя умолчал, в том он несколько согрешил».⁵⁴ Нет оснований сомневаться в правдивости Сумарокова, тем более что разбор маскарада ее подтверждает. Однако между проектом, т. е. инвенцией, или изобретением идеи маскарада, чему в XVIII веке придавалось очень важное значение, и его разработкой и воплощением лежит дистанция. Волков если и «согрешил», приписав себе «изобретение» маскарада в подписи под своим описанием, то Сумароков прав, что «несколько». Мы видели, как сильно он переработал первоначальный проект. Остается неизвестным, предъявлял ли Сумароков претензии на свое участие в сочинении проекта во время подготовки маскарада и его представления самому Волкову, а также была ли с его стороны какая-нибудь реакция на игнорирование по крайней мере части его хоров. Возможно, он и высказывал Волкову свои упреки, но последовавшая сразу после маскарада болезнь, а затем смерть его постановщика исключили дальнейшие разбирательства. Приведенный фрагмент письма Сумарокова отличается редким для него благодушием, объяснимым не столько тем, что речь идет о покойнике (как раз это его не всегда останавливало), сколько сердечным расположением к Волкову, сказавшимся в элегии, написанной на его кончину. Видимо, харизма великого актера способна была умягчить сердце даже столь взыскательного обыкновенно поэта.

⁵⁰ Участие в маскараде семинаристов подтверждает «Репорт» с отчетом о возвращении студентами «Иконоспасского учительного монастыря» после представления белых «епанеч, штанов» и т. п., а также «венков зеленых помятых» (Ф. Г. Волков и русский театр его времени. С. 158–159).

⁵¹ Сумароков А. П. Избр. произведения. С. 282.

⁵² Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 297.

⁵³ Михайлов А. В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII–XIX вв. // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997. С. 526–528.

⁵⁴ Сумароков А. П. Письма / [Подг. В. П. Степанов] // Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 96.

**ЖУРНАЛИСТ ФИГЛЯРИН И ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ В 1827 ГОДУ:
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭПИГРАММЫ
Е. А. БАРАТЫНСКОГО И А. С. ПУШКИНА**

Во второй половине 1820-х годов эпиграммы оставались не только распространенным явлением литературного быта, но и важным инструментом журнальной полемики, несмотря на развитие критики как специфического института литературы. Публикация эпиграммы в периодическом издании усложняла, а иногда существенно трансформировала ее прагматику: еще одним участником полемической коммуникации так или иначе становился редактор журнала или альманаха, а собственно журнальный контекст и позиция издания могли влиять на направление рецепции и интерпретации текста. Печатная эпиграмма таким образом оказывалась точкой пересечения нескольких «силовых линий» литературного поля, учет которых необходим для адекватной интерпретации таких текстов. Сходная дифференциация важна, как кажется, и в случае коллективных эпиграмм, так как соавторство не обязательно предполагает полное единство литературных позиций.

В настоящей статье мы попытаемся продемонстрировать многоплановость журнального эпиграмматического текста на примере известной, но до сих пор подробно не прокомментированной коллективной эпиграммы Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина, адресованной Ф. В. Булгарину и напечатанной анонимно в майском номере журнала Н. А. Полевого «Московский телеграф» за 1827 год под заглавием «Журналист Фиглярин и Истина».¹

Он точно, он бесспорно:
Фиглярин-журналист,
Марающий задорно
Свой бестолковый лист!
А это что за дура?
Ведь Истина, ей-ей!
Давно ль его канура
Знакома стала ей?
На чепуху и враки
Чутьем наведена,
Занятиям мараки
Пришла мешать она.

Традиционно эту эпиграмму рассматривают в контексте более поздних антибулгаринских выступлений пушкинского круга, как предвестие ожесточенных полемик «литературных аристократов» с издателем «Северной пчелы».² При этом расклад сил собственно 1827 года оказался в меньшей степени отрефлексированным: вне сферы исследовательского внимания остались существенные различия позиций Пушкина и Баратынского по отношению к Булгарину в данный период, а также роль эпиграммы в истории напряженной полемики редактора «Северной пчелы» с издателями «Московского телеграфа».

¹ Московский телеграф. 1827. Ч. 15. № 9. Отд. II. С. 5. Цензурное разрешение 15-й части «Телеграфа» было выдано 5 мая, номер журнала, получивший цензурный билет 6 июня, поступил в продажу 8 июня (см.: Боратынский Е. А. Поли. собр. соч. и писем. М., 2012. Т. 3. Ч. 1. С. 179).

² Об этой полемике прежде всего см.: Гиппиус В. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6. С. 235–255; а также: Ларионова Е. О. «Услышишь суд глупца...» (Журнальные отношения Пушкина в 1828–1830 гг.) // Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2001. [Вып. 2]. 1828–1830. С. 16–25.

Прежде чем реконструировать контексты бытования эпиграммы, суммируем известные обстоятельства ее сочинения.

Как позволяет судить цензурная рукопись девятого номера «Московского телеграфа» и сохранившийся в ее составе автограф стихотворения,³ оно было сочинено совместно Баратынским и Пушкиным: основная запись сделана рукой последнего, но исправления в текст (в стихи 3, 9, 10, 11) вносили оба поэта.⁴ Многочисленные копии эпиграммы, отложившиеся в семейном архиве Баратынских и не содержащие указаний о соавторстве Пушкина,⁵ заставляют предполагать, что участие первого было более значительным, чем отдельные исправления. Совместный автограф был завизирован цензором И. М. Снегиревым, в тот период рассматривавшим «Московский телеграф», а заглавие, перешедшее в печатный текст, вписал на том же листке редактор журнала Полевой — еще один своеобразный соавтор двух поэтов. Время сочинения эпиграммы также определяется с довольно большой точностью: не ранее 4 мая 1827 года, когда в Москве начали продаваться «Сочинения» Булгарина, послужившие поводом для сатирического выпада,⁶ и не позднее 19 мая, когда Пушкин выехал из Москвы в Петербург.⁷

Весна 1827 года — период чрезвычайно активного общения Баратынского и Пушкина⁸ и их (ко)участия в московской журнальной жизни, еще не омраченной резким размежеванием литературных групп. Несмотря на эстетические и человеческие разногласия между кругом «Московского вестника», начавшего выходить в январе 1827-го, и редакцией «Московского телеграфа» (как братьями Полевыми, так и П. А. Вяземским⁹), их не самые простые отношения с Пушкиным,¹⁰ это была в целом единая, про-

³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 1. № 1604. Л. 49. Цензурная рукопись этого номера «Телеграфа», принадлежавшая московскому коллекционеру В. Г. Данилевскому, была приобретена Пушкинским Домом в 1962 году (*Теребенина Р. Е. Новые поступления в пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР за 1958–1968 гг.* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971. С. 114); автограф Пушкина и Баратынского был подробно описан Т. Г. Цявловской, в публикации которой представлен развернутый комментарий к тексту эпиграммы (*Цявловская Т. Г. Новонайденный автограф Пушкина (Эпиграмма на Булгарина)* // *Русская литература*. 1961. № 1. С. 120–133).

⁴ Там же. С. 121–122. См. также: *Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем*. Т. 3. Ч. 1. С. 179.

⁵ Наиболее полное их описание: Там же. С. 180. В семейном архиве Баратынских эпиграмма имела иное, несколько варьированное заглавие: «На виньетку, представляющую Автора за письменным столом, а подле него Истину».

⁶ *Московские ведомости*. 1827. № 36. С. 1450; указано: *Цявловская Т. Г. Новонайденный автограф Пушкина*. С. 127. На авантитуле первого тома была помещена необычная виньетка, значение которой подробно разъяснялось в «Предисловии в лицах», озаглавленном «Истина и сочинитель». Самоутверженному сочинителю, который, задумавшись о цели собственных трудов, приходит к мысли, что он прежде всего стремится к «пользе и удовольствию своих сограждан» и служит истине, является «женщина, прекрасная, как идеал поэзии» — та самая Истина, служителем которой он себя назвал. Сочинитель не сразу узнает ее («Неужели ты... Истина? <...> — Точно так»), но Истина не удивлена этим, потому что редко встречается в «рассеянной светской жизни» и «со временем Сократа <...> ко всем моралистам, поэтам и прозаикам» вынуждена приходить «не иначе, как в модной светской одежде». Истина готова предстать перед сочинителем в своем настоящем виде, но с условием: «Говори всегда правду, если должно говорить, но умей и молчать, где видишь, что речью свою не можешь принести пользы, или облекай мои советы намеками и украшениями так как я облекаюсь покровами». На этих словах Истина совлекает с себя покровы и, озарив комнату сочинителя ярким светом, исчезает, оставляя ему свои полу-прозрачные одеяния: сочинитель «воспользовался драгоценным подарком: обвернул им свои сочинения и представил публике» (*Булгарин Ф. Соч. СПб., 1827. Т. 1. Ч. 1. С. I–VI*).

⁷ *Летопись жизни и творчества Александра Пушкина*: В 4 т. М., 1999. Т. 2. С. 267.

⁸ Краткую сводку бытовых и литературных фактов см.: *Песков А. М. Пушкин и Баратынский: Материалы к истории литературных отношений* // *Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацуро*. М., 1995–1996. С. 249–251, 267–268.

⁹ См. об этом: *Рогов К. Ю. Из истории учреждения «Московского Вестника* (К проблеме «Пушкин и Вяземский»: осень 1826 года) // *Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования*. М., 2001. С. 106–132.

¹⁰ Об отношениях Пушкина с журналом Полевого в 1826–1827 годах см.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов / Ред., вступ. ста-

ницаемая среда, подразумевавшая интенсивные встречи и контакты. В этот период как Пушкин, так и Баратынский равно посещают вечера Полевого и завтраки Погодина, Баратынский отдает свои тексты и в «Московский вестник», и в «Московский телеграф».¹¹ Общение Пушкина и Баратынского, запечатленное в мемуарах пристрастного к ним обоим К. А. Полевого,¹² подтверждается и подчеркивается совместным эпиграмматическим творчеством — в начале марта оба они пишут эпиграммы на А. Н. Муравьева по следам его неловкого поведения в салоне З. А. Волконской («Лук звенит, стрела трепещет...») и «Убог умом, но не убог задором...»),¹³ на завтраке у Погодина 15 мая они вместе импровизируют эпиграмму на князя П. И. Шаликова («Князь Шаликов, газетчик наш печальный...»)¹⁴ и, очевидно, в близкое время сочиняют интересующую нас эпиграмму на Булгарина. Для Пушкина в этот момент важно оказывать поддержку Баратынскому (не случайно чуть позже, летом 1827 года, он будет набрасывать явно комплиментарную рецензию на готовящееся к выходу издание «Стихотворений»¹⁵), и в таком контексте объяснимым выглядит желание присоединиться к выпаду против его «зоила» Булгарина, который за год до описываемых событий напечатал в «Северной пчеле» резкую рецензию на «Эду».¹⁶

Между тем у самого Пушкина весной 1827 года еще не было особых личных оснований для эпиграмматической критики Булгарина; их заочные отношения были далеки от той агрессивной враждебности, которую они приобрели в полемике о «литературной аристократии» конца 1829-го — 1830-го года.¹⁷

Знакомство Пушкина с Булгариным как с издателем «Литературных листков», где было напечатано стихотворение «Птичка»,¹⁸ состоялось в 1823 году. Февралем 1824-го датируется наиболее раннее известное письмо Пушкина к Булгарину (XIII, 85), в котором поэт отправлял элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты...» и стихотворение «Нереида» для повторной публикации в «Литературных листках», чтобы исправить ошибки, появившиеся в наборе «Полярной звезды на 1823 год» (см.: 2-2, 530 (прим. А. А. Долинина, Н. Г. Охотина, А. И. Роговой), 769 (прим. Е. О. Ларионовой)). Со сходной просьбой Пушкин обратился к Булгарину весной 1825 года, когда захотел печатно уточнить заглавие эпиграммы «Приятелям»,¹⁹ помещенной в «Московском

тъя и комм. В. Орлова. Л., 1984. С. 223–236, 406–410, 422–425; о взаимоотношениях Пушкина с кругом «Московского вестника» см.: Мазур Н. Н. Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999. С. 54–105.

¹¹ См.: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского / Сост. А. М. Песков, подг. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М., 1998. С. 187–195.

¹² Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. С. 210–215, 233–234.

¹³ Об этом эпизоде см.: Вацуро В. Э. Пушкин в московских литературных кружках середины 1820-х годов (Эпиграмма на А. Н. Муравьева) // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000. С. 135–163.

¹⁴ См.: Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. Ч. 1. С. 176–178; Пушкинская энциклопедия. Произведения. Вып. 6 (в печати).

¹⁵ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М., Л., 1949. Т. 11. С. 50. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами.

¹⁶ О самой рецензии Булгарина см. ниже. Пристрастный отзыв Булгарина, повторявший более ранние претензии А. А. Бестужева к поэзме Баратынского, вызвал полемический отклик Пушкина — эпиграмму «К Б^аратынскому» («Стих каждый в повести твоей...»; 1826), написанную, вероятно, по горячим следам, но опубликованную только в начале 1829 года (см.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2019. Т. 3. Кн. 1. С. 842–846, прим. А. С. Бодровой; далее ссылки на это издание даются сокращенно, с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами). О внимании Пушкина к рецензии Булгарина свидетельствует и упоминание о «неприличной статейке в Северной пчеле», встретившей выход «Эды», в незавершенной заметке 1828 года, которая традиционно печатается под редакторским заглавием «<„Бал“ Баратынского>» (XI, 74).

¹⁷ См. выше, прим. 2.

¹⁸ О цензурных затруднениях при публикации, которые удалось разрешить Булгарину, см.: 2-1, 738 (прим. М. Н. Виролайнен). Краткую сводку фактов, касающихся истории отношений Пушкина с Булгариным, см.: Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 52–53.

¹⁹ Северная пчела. 1825. 30 апр. № 52. С. [3].

телеграфе» под названием «Журнальным приятелям», данным Вяземским.²⁰ На «зубок» «Северной пчеле» Пушкин послал стихотворение «Ч[<]аадаеву[>]» («К чему холодные сомненья?...»), увидевшее свет в номере от 27 января (1825. № 12. С. 4; см. также благодарственное письмо Булгарина Пушкину от 25 апреля 1825 года; ХІІІ, 168). В свою очередь, «Северная пчела» в первые годы издания регулярно освещала появление новых сочинений Пушкина и рецензировала их подчеркнуто комплиментарно.²¹

Это, впрочем, не мешало Булгарину — в другой его ипостаси, ипостаси агента III Отделения — отзываться о Пушкине и его ближайших знакомых более чем резко. В записках «Об издателе журнала „Московский вестник“ Михаиле Погодине» (ноябрь 1826 года), «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оного» и «Об Арзамасском обществе» (обе предположительно датируются концом 1826 года) Булгарин заочно давал дискредитирующие аттестации как пушкинскому кругу, так и самому поэту: «Пушкин известен — это несчастное существо с огромным талантом служит живым примером, что ум без души есть меч в руках бешеного. Неблагодарность и гордость — две отличительные черты его характера».²² Кроме того, Булгарину, по всей видимости, принадлежали «Замечания на Комедию о Царе Борисе и о Гришке Отрепьеве»,²³ составленные 9–13 декабря 1826 года, на основании которых последовала высочайшая резолюция, на несколько лет отдалившая публикацию «Бориса Годунова».²⁴

Однако в 1827-м эти обстоятельства не были публично известны²⁵ и не отразились на истории личного знакомства Пушкина с Булгариным, которое состоялось уже после приезда Пушкина в Петербург 27 мая 1827 года,²⁶ т. е. после создания интересующей нас эпиграммы, и, видимо, не сразу.

Первоначально враждебное отношение к издателю «Северной пчелы» петербургские литературные знакомые Пушкина не без основания связывали с влиянием ближайших московских собеседников поэта — Вяземского, Баратынского, Соболевского. Так, в письме от 12 июня 1827 года П. П. Свинин сообщил А. И. Михайловскому-Данилевскому, что Пушкин у него на обеде «открыто воевал против Булгарина, вероятно, по убеждению Вяземского»,²⁷ а сам Пушкин в письме А. А. Дельвигу от 31 июля 1827 года настоятельно не советовал печатать в «Северных цветах» булгаринский мемуарный очерк «Вечер у Карамзина»: «Ей богу не прилично. Конечно вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было бы еще неприличнее» (ХІІІ, 334–335). Тем не менее поздней осенью 1827 года Пушкин начал поддерживать с Булгариным светские отношения: 21 ноября обедал у него вместе

²⁰ Подробнее см.: 3-1, 640 (прим. А. С. Бодровой). Ср. также более позднюю историю повторной уточняющей публикации отрывка «Москва (Из «Евгения Онегина»)» в «Северной пчеле» в начале февраля 1828 года (об этом эпизоде см.: Рогов К. Ю. (Не)известная эпиграмма Пушкина: К творческой истории VII главы «Евгения Онегина» // Лотмановский сборник. М., 2004. Вып. 3. С. 196–199).

²¹ См.: Столлянский П. Н. Пушкин и «Северная пчела» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1914. Вып. 19–20. С. 130–141; тексты отзывов «Пчелы» о произведениях Пушкина см.: Столлянский П. Н. Пушкин и «Северная пчела» (1825–1837) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Пг., 1916. Вып. 23–24. С. 127–194; Пушкин в прижизненной критике. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001. [Вып. 1]. 1820–1827 (по указ.); [Вып. 3]. 1828–1830 (по указ.).

²² Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подг. А. И. Рейтблат. М., 1998. С. 88; тексты записок см.: Там же. С. 88–89, 104–111, 113–114.

²³ Там же. С. 91–99.

²⁴ Об этом эпизоде подробнее в комментариях Л. М. Лотман: 7, 582–585; а также: Пушкин А. С. Соч. Комментированное издание / Под общ. ред. Д. Бетеа. М., 2008. Вып. 2. Борис Годунов. С. 127–130.

²⁵ О формировании репутации Булгарина см.: Рейтблат А. И. Видок Фиглярин (История одной литературной репутации) // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. М., 2016. С. 10–40.

²⁶ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 2. С. 268.

²⁷ Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 67.

с Дельвигом,²⁸ за что Пушкину выговаривал Вяземский: «Не стыдно ли тебе, пакостнику, обедать у Булгарина?» (ХIII, 348; письмо от 22 ноября), 24 и 26 ноября Пушкин встречался с Булгариным у Дельвига, в конце декабря присутствовал на обеде, данном Булгариным в честь приехавшего в Петербург М. П. Погодина, 8 января 1828-го посещал завтрак у Булгарина.²⁹ О расположении Пушкина, вопреки «правилам Сектатора Вяземского», Булгарин писал 6 января 1828 года В. А. Ушакову: «...я познакомился с Пушкиным. Другой человек как мне его описывали и каковым он был прежде в самом деле. Скромен в суждениях, любезен в обществе и дитя по душе. Гусары испортили его в Лицее, Москва подбаловала, а несчастия и тихая здешняя жизнь его образумили».³⁰ Таким образом, участие Пушкина в сочинении эпиграммы, оставшейся для Булгарина анонимным и не повлиявшее на историю их публичных отношений 1827–1828 годов, оказывалось в большей степени данью московскому окружению и текущей журнальной полемике, чем принципиальным жестом.

Иное значение эпиграмма имела для Баратынского, которого с издателем «Северной пчелы» связывало более давнее знакомство, а также сложные литературные и личные счеты. Общение Баратынского с Булгариным началось весной 1821 года, когда они оба были избраны действительными членами Вольного общества любителей российской словесности.³¹ Они вместе присутствовали на собраниях ВОЛРС 16, 23, 31 мая, 13 июня, 1 августа, 12 сентября и 14 ноября 1821 года,³² а также 17 апреля 1822 года.³³ Как следует из записи в дневнике О. М. Сомова, общение не ограничивалось только официальными собраниями — так, после заседания 13 июня 1821 года большая компания литераторов, в составе которой был и Баратынский, отправилась к Булгарину на чай.³⁴ Поэтическим свидетельством этого общения стало послание, адресованное Булгарину — «Нет, нет, Булгарин! ты не прав...».³⁵ В марте 1824 года издатель «Литературных листков» (№ 5. Март. С. 194–195) комплиментарно анонсировал скорый выход собрания стихотворений Баратынского, которое собирались выпускать К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев.³⁶

Перелом в отношениях произошел летом–осенью 1824 года после серьезной ссоры Дельвига с Булгариным в присутствии Баратынского³⁷ и публикации в «Литературных листках» памфлета «Литературные призраки» (1824. № 16. Август. С. 93–113), грубо задевавшего Дельвига и Баратынского, выведенных под именами Лентяева и Неучинского. Эта выходка Булгарина, подхватывавшая обвинения в безнравственности, невежестве и легкомыслии, которые им уже печатно предъявляли литераторы круга «Благонамеренного» (А. Е. Измайлов, Б. М. Федоров, Н. Ф. Остолопов), была

²⁸ См. запись в дневнике К. С. Сербиновича под этой датой и записку Пушкина к Булгарину (ХIII, 346); уточнение датировки см.: Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича / Публ. [и прим.] В. Нечаевой // Лит. наследство. Т. 58. С. 256; см. также: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 2. С. 320–321.

²⁹ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина. Т. 2. С. 322–323, 334, 338.

³⁰ Цит. по: Там же. С. 337–338. О неконфликтных отношениях Пушкина с Булгариным в этот период см.: Ларионова Е. О. «Услышишь суд глупца...». С. 16–17.

³¹ На заседании 28 марта 1821 года Баратынский был переведен в действительные члены Общества из членов-корреспондентов, а Булгарин избран за представленные произведения (см.: ИРЛИ. Ф. 58. № 27. Л. 82 об. — 83, 85–85 об.; Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964. С. 443–444).

³² ИРЛИ. Ф. 58. № 94. Л. 86 об., 87, 87 об., 88, 88 об. — 89, 90 об.

³³ Базанов В. Г. Ученая республика. С. 415.

³⁴ Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 108.

³⁵ Впервые: Сын отечества. 1821. Ч. 70. № 24. С. 175–177 (номер датирован 11 июня); позднейшие редакции, из которых имя Булгарина было убрано, см.: Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 218–219, 220–222. См. здесь же (С. 427–428) краткую сводку основных фактов истории раннего общения Баратынского с Булгариным (прим. И. А. Пильщикова, А. И. Федуты).

³⁶ См.: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 137; проект издания не состоялся.

³⁷ См.: Там же. С. 139; Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 28–29.

особенно неприятна для Баратынского на фоне очередного отказа в производстве в офицерский чин после ходатайств, поданных через А. Н. Голицына, министра народного просвещения и духовных дел, в первой половине 1824 года.³⁸ И если Дельвиг впоследствии восстановил отношения с Булгариным, то Баратынский своего мнения о нем не переменил и высказывался о Булгарине — и публично, и в частной переписке — исключительно враждебно. Так, в начале 1825 года, хваля в письме к В. К. Кюхельбекеру его возражение на статью Булгарина,³⁹ Баратынский отмечал, что Булгарин отвечал на критику издателя «Мнемозины» «глупо и лицемерно».⁴⁰ В письме к Н. В. Путятие от 19 января 1826 года, реагируя на замечания их общего гельсингфорского знакомого П. Г. Буткова, «нежного обожателя Ф. В. Булгарина», поэт посыпал едкую эпиграмму «В своих листах душонкой ты кривишь...»,⁴¹ направленную против последнего.

Булгарин, хотя и постарался сгладить скандальное впечатление от «Литературных призраков» и помириться с задетыми им знакомыми,⁴² о текстах Баратынского продолжал высказываться двойственno, сочетая с обобщенными комплиментами довольно резкую критику. Так, в serialном фельетоне «Сына отечества» «Письма на Кавказ», посвященном обозрению литературных новинок начала 1825 года, рецензенты (по общему убеждению современников и исследователей, Булгарин и Греч), скрывшиеся под криптонимами «Ж. К.» и «Д. Р. К.»,⁴³ подвергали решительному сомнению высокие оценки элегического таланта Баратынского, данные Плетневым в известном «Письме к графине С. И. С. о русских поэтах», а также прямо ругали «Историю кокетства» — прозаическую аллегорию Баратынского, напечатанную, как и статья Плетнева, в «Северных цветах» на 1825 год.⁴⁴ В более ранней рецензии «Северной пчелы», подписанной именем Грече,⁴⁵ была также раскритикована «История кокетства», однако стихотворная часть альманаха оценена весьма высоко, а сам отзыв завершался обширной цитатой из стихотворения Баратынского «Звездочка». Сходная двойственность отличала и «Письма на Кавказ» — в их окончании стихи Баратынского и отрывки из «Эды» были названы отмеченными «огнем Поэзии».⁴⁶

Новое обострение литературных отношений Булгарина и Баратынского произошло в феврале 1826 года, когда Булгарин поместил в «Северной пчеле» — за собственной подписью — обидный и резкий отзыв об «Эде»,⁴⁷ только что вышедшей отдельной книжкой вместе с поэмой «Пиры», а Баратынский отдал в «Московский телеграф» еще одну свою антибулгаринскую эпиграмму — «Что ни толкуй, а я великий муж...».⁴⁸

³⁸ См.: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 137, 145.

³⁹ Кюхельбекер В. К. Разговор с Ф. В. Булгариным // Мнемозина. М., 1824. Ч. 3. С. 157–177.

⁴⁰ Цит. по: Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского. С. 149.

⁴¹ Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 154.

⁴² Вацуро В. Э. «Северные цветы». С. 38.

⁴³ Об истории атрибуции «Писем на Кавказ» и расшифровки псевдонимов см.: Флейшман Л. С. Из истории элегии в пушкинскую эпоху [1968] // Флейшман Л. С. От Пушкина к Пастернаку. Избр. работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006. С. 25–26; Пушкин в прижизненной критике. [Вып. 1]. 1820–1827. С. 430–431 (прим. Е. В. Лудиловой).

⁴⁴ См.: Сын отечества. 1825. Ч. 99. № 2. С. 207–209; № 3. С. 302. О полемике вокруг статьи Плетнева см.: Вацуро В. Э. «Северные цветы». С. 38–43.

⁴⁵ Северная пчела. 1825. 6 янв. № 3. С. 1–3.

⁴⁶ Сын отечества. 1825. Ч. 99. № 3. С. 318; Ч. 101. № 10. С. 201.

⁴⁷ Ср.: «В повести „Эда“ описания зимы, весны, гор и лесов Финляндии прекрасны. Но в целом повествования нет той пийтической, возвышенной, пленительной простоты, которой мы удивляемся в „Кавказском пленнике“, „Цыганах“ и „Бахчисарайском фонтане“ А. С. Пушкина. <...> Чувство любви представлено также не в возвышенном виде, и предмет поэмы вовсе не пийтический. <...> Нет ни одной сцены занимательной, ни одного положения поразительного. Даже в прозе повесть сия не увлекла бы читателя заманчивостью <...>. Скудость предмета имела действие и на образ изложения: стихи, язык — в этой поэме не отличные» (Северная пчела. 1826. 16 февр. № 20. С. 1–2).

⁴⁸ Московский телеграф. 1826. Ч. 7. № 2. Отд. II. С. 60. Номер получил цензурный билет 18 февраля (ЦГА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. № 15. Л. 7; справка А. И. Мартыненко) и поступил в продажу около 20 февраля (Баратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 155).

Судя по хронологии публикаций, эпиграмма не была написана как непосредственный ответ на рецензию «Северной пчелы», но вполне могла быть интерпретирована в таком качестве. Более того, печатая эпиграмму в журнале Полевого, Баратынский вступал на путь публичной полемики с Булгариным, присоединяясь — на стороне «Телеграфа» — к оживленной медийной борьбе с изданиями Булгарина и Грече, под знаком которой проходили первые годы существования «Северной пчелы» и «Московского телеграфа».⁴⁹

В этом смысле показательно, что критика Булгарина на первую книгу Баратынского вскоре вызвала возражение на страницах журнала Полевого. В подробной и чрезвычайно комплиментарной рецензии, вероятнее всего написанной издателем «Телеграфа»,⁵⁰ отводились и опровергались все претензии «Северной пчелы» как к содержанию, так и к стилю «Эды», а сам Баратынский удостаивался более чем лестных характеристик, в которых можно видеть скрытый ответ на иронические сомнения в его таланте, высказанные в «Письмах на Кавказ». Для Полевого в этот период Баратынский был одним из важнейших вкладчиков и литературных союзников,⁵¹ особенно ценимым на фоне охлаждения отношений с Пушкиным. Редактор «Телеграфа» видел в Баратынском крупнейшего русского романтического поэта и пропагандировал его творчество на страницах своего журнала: активно публиковал его тексты, помещал комплиментарные отзывы на его произведения и, наконец, взял на себя издательскую подготовку «Стихотворений Евгения Баратынского», которые в марте 1827 года поэт решил печатать в Москве, а не в Петербурге.

Булгарин, в свою очередь, оставался общим литературным недругом как для Баратынского, так и для редактора «Московского телеграфа», не пожелавшего отказатьься от собственного предприятия в пользу сотрудничества в «Северной пчеле».⁵² Полемику с петербургскими изданиями на страницах журнала поддерживал и Вяземский, давний журнальный противник Булгарина,⁵³ игравший заметную роль в литературной политике «Московского телеграфа» в первые годы его существования. На рубеже 1826–1827 годов нападки на булгаринские издания, прежде всего «Северную пчелу», и полемика с ее мнениями регулярно заполняли разделы «Критика», «Библиография», «Современные летописи».⁵⁴

⁴⁹ О полемике «Московского телеграфа» с изданиями Булгарина и Грече в 1825–1827 годах см.: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. С. 168–170, 398–401; Хмелецкая Л. А. Журнал «Московский телеграф». Дис. ... канд. филол. наук. М., 1948. Т. 1. С. 104–117; а также специальную статью: Селезнев М. Б. Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1827 годах // Ф. В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик. Сб. статей. М., 2019. С. 294–312.

⁵⁰ Московский телеграф. 1826. Ч. 8. № 5. Отд. I. С. 62–76.

⁵¹ О роли «Московского телеграфа» в укреплении репутации Баратынского в 1825–1827 годах и отношениях с братьями Полевыми см.: Мартыненко А. И. Е. А. Баратынский в журнале «Московский Телеграф» // Мурановские чтения — 2016: Материалы научных конференций 3–4 марта и 1–2 декабря 2016 года. М., 2016. С. 54–64.

⁵² Об этом эпизоде см. в воспоминаниях К. А. Полевого: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. С. 152–153; а также в комментариях В. Э. Вацуро к публикации письма Булгарина Полевому от 27 октября 1824 года: Вацуро В. Э. Страница из жизни Грибоедова (Неизданные письма Ф. В. Булгарина к Н. А. Полевому) // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997. С. 167–172, 175–176.

⁵³ См. журнальный спор вокруг булгаринского «Краткого обозрения русской литературы 1822 года»; полемику об И. И. Дмитриеве и И. А. Крылове, разгоревшуюся после выхода «Стихотворений» И. И. Дмитриева (СПб., 1823), сопровождавшихся статьей Вяземского «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева»; дискуссию о романтизме, вызванную предисловием Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану», в рамках которой следует рассматривать и программную статью Вяземского «Жуковский. — Пушкин. — О новой поэтике басен» (подробнее см.: Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959. С. 301–308; Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 44, 83–84).

⁵⁴ Перечень полемических публикаций см., например: Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. С. 398–401; Селезнев М. Б. Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1827 годах. С. 297–307.

В таком контексте появление в «Телеграфе» острой эпиграммы, высмеивающей только что вышедший первый том «Сочинений» редактора «Пчелы», выглядит продолжением этих медийных споров. На внутри журнальную полемическую контекстуализацию работает и анонимность эпиграммы, которая могла восприниматься как редакционное высказывание, и использование пародийно-сатирического именования Булгарина Фигляриным, пущенного в ход Вяземским в его куплетах «Семь пятниц на неделе»: «Устроив флюгер из пера, / Иной так пишет, как подует; / У тех, на коих врал вчера, / Сегодня ножки он целует. / Флюгарин, иль Фиглярин, тот / Набил уж руку в этом деле; / Он и семь совестей сочтет, / Да и семь пятниц на неделе», — которые были процитированы в предыдущем номере «Телеграфа», в той части анонимной статьи «Журналистика», где шла речь об изданиях Булгарина и Грече и непоследовательности их критических оценок.⁵⁵ В обрисовке образа журналиста-сочинителя эпиграмма Баратынского и Пушкина была также близка характеристикам Булгарина, которые давались ему на страницах «Телеграфа»: он «журнальный враль», «марака», легко меняющий мнения, но пытающийся выставить себя поборником Истины.

Хлесткая эпиграмма, печатно зафиксированная раннюю репутацию Булгарина-Фиглярина,⁵⁶ на первый взгляд, должна была бы вызвать острую реакцию адресата и новую волну полемики. Парадоксально, однако, что этот текст, напротив, оказался связан с историей журнального примирения Булгарина с Полевым, окончанием «войны» между «Пчелой» и «Телеграфом», приведшим затем к существенной реконфигурации литературных сил.⁵⁷

Собственно, первый шаг к замирению с издателем «Московского телеграфа» предпринял сам Булгарин, решивший в качестве дружественного жеста послать Полевому только что вышедший экземпляр своих сочинений. 30 апреля 1827 года Булгарин писал ему в своем «первом письме от начала „Телеграфа“», напоминая о прежнем петербургском знакомстве: «Не журналисту, врагу моему непримиримому, критику неумолимому, но литератору Н. А. Полевому, который бывал у меня в доме и которого я полюбил в Петербурге, — посылаю мой экземпляр и прошу поставить в скромный уголок своей библиотеки, обогравши сперва порядочно».⁵⁸ Соблазнительно предположить, что именно этот «подарочный» экземпляр, полученный Полевым у книгопродаца Ширяева, попался на глаза Баратынскому и Пушкину на «вечеринке» у Полевого и, по иронии судьбы, послужил поводом к сочинению язвительной эпиграммы. С другой стороны, в свете письма Булгарина даже такой сатирический текст оказывался санкционированной и ожидаемой самим автором «порядочной руганью».

Публикация эпиграммы, замеченная Булгариным (см. ниже), тем не менее не изменила его миролюбивого настроя. В августе 1827 года, когда Полевой приезжал в Петербург, Булгарин встречался с ним — на обеде у Свиньина и на новоселье у Сомова — и проявлял внешнюю доброжелательность. Как резюмировал свои впечатления Свинин в письме А. И. Михайловскому-Данилевскому от 30 августа: «У меня вчера было примирение петербургских журналистов с московскими, но вряд ли чистосер-

⁵⁵ Московский телеграф. 1827. Ч. 14. № 8. Отд. II. С. 196; перекличка отмечена: Цявловская Т. Г. Новонайденный автограф Пушкина. С. 124.

⁵⁶ Об эпиграммах как индикаторе литературной репутации Булгарина см.: Селезнев М. Б. Роль эпиграммы в создании «булгаринского мифа» // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2004. Т. 2. № 1. С. 48–56.

⁵⁷ Любопытно, что сходную роль — «помода к прекращению развязавшихся было боевых действий и к установлению перемирия» — в истории полемики «Московского телеграфа» с журналом А. Е. Измайлова «Благонамеренный» сыграла публикация в журнале Полевого хлесткой эпиграммы Пушкина «Ex ungue leonem» (см.: Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000. С. 280–288).

⁵⁸ Вацуро В. Э. Страница из жизни Грибоедова. С. 177. Этот эпизод был памятен и Ксенофонту Полевому, который, однако, в своих мемуарах отнес его к лету 1827 года (Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. С. 270–271, 442–444). В исследовательской традиции закрепилась неверная, более поздняя датировка этого письма, из-за чего весь эпизод замирения литераторов часто относится ко второй половине 1827 года (ср., например: Ларионова Е. О. «Услышишь суд глупца...». С. 14–15).

дечное. Обедали Пушкин, Полевой, Греч, Булгарин, Крылов и проч. здешние и наездные литераторы. Много шумели и читали острого и забавного...».⁵⁹ Своему приятелю В. А. Ушакову Булгарин, впрочем, впоследствии рассказывал, что «от руки с ним [Полевым] не мирился» и что они «виделись <...> у Свиньина и Сомова⁶⁰ и говорили вежливо о посторонних предметах». Учитывая позднейшие события, заверения издателя «Северной пчелы» не стоит принимать на веру, тем более что в этом письме он оправдывался перед Ушаковым, удивлявшимся слухам о том, что Булгарин «почитает Полевого умнейшим и честнейшим человеком».⁶¹

Приезд Полевого в Петербург и установка на «замирение» с Булгариным позволяют предположить, что авторство недавней анонимной эпиграммы на Фиглярина-журналиста могло быть раскрыто, причем, вероятно, с умолчанием об участии Пушкина. По крайней мере, Булгарин печатно называл ее сочинителем одного Баратынского, по отношению к которому он продолжил играть ту же «благородную» роль, обозначенную в апрельском письме к Полевому. Рецензируя сборник Баратынского 1827 года, изданный при участии Полевого, Булгарин отозвался о «Стихотворениях» и их авторе чрезвычайно благосклонно.⁶²

Примечательно, что положительная рецензия подавалась Булгариным отчасти как полемический ответ на интересующую нас эпиграмму. Хвала «Стихотворения» по достоинству, Булгарин подчеркивал, с одной стороны, свою беспристрастность и приверженность Истине и, с другой, — необоснованность эпиграмматических обвинений: «Не всякий журналист удостоился стольких сатир, эпиграмм и критик в разных видах, как аз грешный! И верно ни один из моей собратии так мало не гневался за них, как я. <...> Напротив, если сатира или эпиграмма написана остроумно — я первый утешаюсь ими потому, что имею о них мое собственное мнение. Я думаю, что если сатира или эпиграмма заключают в себе правду — надобно исправиться; если в них один вымысел, то они идут мимо; если стихи хороши и завязка замысловата, то сатира или эпиграмма, переменяя цель и применяясь в течение времени к разным лицам, доходят до потомства, как сатиры Марцияла, Персия, Ювенала, Боало. Сатиры и эпиграммы имеют то же действие, что стрельба в сражении: метят в одного, а попадают в другого. <...> Здоровый не боится лекаря, ни аптеки. — Долг платежом красен. Как аукнетсяся, так и откликнется. Писал я критики, писали и противу меня. Наконец, попались и вы, любезный Поэт, в мои руки. Давным-давно вострил я на вас критическое мое перышко: давно поджидал выход в свет ваших стихотворений. <...>. Прочел раз, прочел другой — и критическое перо полетело под стол. Честь вам и слава, г. Поэт! Вы победили меня звуками своей лиры! Вы сделали пародию в стихах, из предисловия к моим Сочинениям: Истина и Автор. Теперь вы удостоверитесь, что я точно так поступаю, как сказал:

⁵⁹ ИРЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 101. Л. 7 об. — 8; Лит. наследство. Т. 58. С. 68 (публикаторы отмечали неточность Свиньина: Пушкин не мог присутствовать на этом обеде, так как с конца июля 1827 года находился в Михайловском, однако дата письма сомнению не подлежит, учитывая другие свидетельства). Тот же обед у Свиньина описывал в записке в III Отделение и сам Булгарин, датируя его воскресеньем, 28 августа, а также упоминал в дневнике Б. М. Федоров (Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 205–206).

⁶⁰ «Вечеринка, данная Сомовым 31 августа, по слухам новоселья», в красках описана в той же агентурной записке (Там же); примечательно, что в ней Булгарин особенно подчеркивает не-благонадежность, «резкие черты» и «дух строптивости» Полевого, разительно отличающегося, по мнению осведомителя, от петербургских литераторов. Попытка «журнального» примирения с Полевым не мешала Булгарину регулярно сообщать в III Отделение о чрезмерном либерализме и «дерзости» издателя «Московского телеграфа» и его сотрудников — прежде всего Вяземского («записки» о Полевом 1827 года см.: Там же. С. 192–199).

⁶¹ Письмо Булгарина от 6 января 1828 года см.: Русская старина. 1909. № 11. С. 351–352.

⁶² Северная пчела. 1827. 3 дек. № 145. С. 1–3; 6 дек. № 146. С. 1–3; 8 дек. № 147; подпись: Ф. В. Характерно, что при этом Булгарин не упустил случая похвалить издателя сборника и открыто им книжную лавку: «При сем долгом поставляем уведомить наших читателей, что Изд^датель „М^{осковского} Т^{елеграфа}“, г. Полевой, завел в Москве <...> книжную лавку. Он берет с авторов за комиссию только по 10 процентов (вместо 20, получаемых другими книгопропавщиками). Спасибо! Предприятие полезное, намерение похвальное. Желаем успеха от искреннего сердца» (Там же. 3 дек. № 145. С. 1).

могу, как человек, ошибаться, но никогда с умыслом не отступаю от истины и не следую внушению страстей — в общем деле».⁶³ С другой стороны, Булгарин пытался напомнить Баратынскому об их давних приятельских отношениях, запечатленных в послании 1821 года («Из посланий лучшие к Н. И. Гнедичу, к Дельвигу <...> и ко мне. <...> имя мое было даже в стихе»), а нынешнюю неблагословность и сатирические выпады Баратынского объяснял влиянием враждебных московских журналистов: «По переселении Поэта в Москву он стал писать ко мне послания другого рода <...> советую Поэту более следовать внушению своего гения, нежели внушениям Журнальных сыщиков».⁶⁴

Рецензия Булгарина, таким образом, была нарочитым примирительным жестом, предлагавшим отказ от недавней журнальной полемики, на который Баратынский, однако, не купился, — его позиция по отношению к издателю «Северной пчелы» осталась неизменной, как и литературная солидарность с Вяземским.⁶⁵

В отличие от Баратынского, Полевой, напротив, предпринял нескользко публичных шагов навстречу издателям «Северной пчелы» и «Сына отечества».⁶⁶ Так, в последней декабрьской книжке «Телеграфа» на 1827 год появилась издательская рецензия на первые два тома «Сочинений Фаддея Булгарина» — рецензия, скорее снисходительная и комплиментарная.⁶⁷ В этом отклике хотя и замалчивалась опубликованная в июне эпиграмма («До сих пор не было известия в „Телеграфе“ о сей книге, и, кажется, некоторые литераторы растолковали молчание „Телеграфа“ в невыгодную сторону...»), но при этом упоминалось «предисловие в лицах (Истина и Сочинитель)», послужившее поводом для эпиграммы Баратынского и Пушкина («многие находят слишком тяжеловесным для небольшого собрания небольших статей»). Тем не менее акценты в этой декабрьской рецензии Полевой расставлял по-новому, декларируя установку на примирение с Булгариным и «хладнокровное беспристрастие».

Таким образом, история публикации и рецепции эпиграммы Баратынского и Пушкина, вышедшей из сферы литературного быта в публичное, журнальное поле, отразила переломный эпизод в истории сложных отношений «Московского телеграфа» с «Северной пчелой» и «Сыном отечества»: появление эпиграммы на страницах журнала Полевого было связано с предшествующей медийной полемикой, однако впоследствии она была реинтерпретирована Булгариным в перспективе новых установок на тактическое примирение петербургского и московского изданий. Но если Полевой предпочел воспользоваться публичными жестами Булгарина для создания нового журнального альянса, то Баратынского этот эпизод лишь укрепил в прежней, антибулгаринской позиции и наметил контуры будущего расхождения с «Московским телеграфом» и его издателем.

⁶³ Там же. 3 дек. № 145. С. 1–2.

⁶⁴ Там же. 8 дек. № 147. С. 1–2. «Журнальный сыщик» — известный псевдоним Вяземского. О послании Баратынского к Булгарину см. прим. 35.

⁶⁵ Характерно, что наиболее резкие характеристики Булгарину и его сочинениям Баратынский в конце 1820-х годов давал именно в письмах к Вяземскому — см. отзыв о выпаде «Северной пчелы» против опального А. П. Ермолова в письме от конца апреля 1828-го (Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 208; комментарий к этому эпизоду см.: Бодрова А. С. Туркманчайский мир и околовалютные войны: О некоторых контекстах письма Баратынского к Вяземскому // Studia Slavica: Сб. науч. трудов молодых филологов. Таллинн, 2007. Вып. 7. С. 52–62), отклики на «Ивана Выжигина» в письмах к Вяземскому от начала апреля и мая 1829 года (Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. С. 222–223, 224). Выход «Выжигина» послужил поводом к созданию еще одной эпиграммы Баратынского на Булгарина — «Поверьте мне — Фиглярин моралист...» (апрель 1829; эпиграмма была опубликована вместе с пушкинской «<На Булгарина>» («Не то беда, Авдей Флюгарин...»; 1830) в альманахе М. А. Максимовича «Денница» на 1831 год — см.: Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. Ч. 1. С. 227–228). По осторожному предположению М. Л. Гофмана, поддержанному А. М. Песковым, Булгарину была адресована и эпиграмма «Так, он ленивец, он негодник...», отнесенная в новейшем издании к весне 1830 года (Там же. С. 251–252).

⁶⁶ Об обстоятельствах примирения Булгарина с Полевым см. также: Селезнев М. Б. Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1827 годах. С. 307–311.

⁶⁷ Московский телеграф. 1827. Ч. 18. № 24. Отд. I. С. 312–315.

**МАЛИНОВКА И МАЛИНОВЕЦ:
ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ СЛУГ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
И. А. ГОНЧАРОВА И М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА**

Цикл очерков И. А. Гончарова «Слуги (Из домашнего архива)» напечатан в первых номерах журнала «Нива» за 1888 год (№ 1–3, 18). Одновременно под названием «На родине. Воспоминания и очерки» в «Вестнике Европы» (Т. 129. Кн. 1, 2) были опубликованы мемуары о поездке будущего писателя в Симбирск после окончания им Московского университета, а незадолго до этого весной 1887 года в том же журнале (Т. 124. Кн. 4) вышли его заметки о студенческих годах «Из университетских воспоминаний. Как нас учили, 50 лет назад».

Все три произведения были задуманы значительно ранее их публикации, основывались на подвергнутых переработке несохранившихся редакциях и описывали факты и события биографии Гончарова 1830–1850-х годов в хронологической последовательности. Взаимодействие пространственно-временных и композиционно-содержательных приемов внутри всего этого блока текстов вкупе с сюжетом «открытого» типа, характерным для сверхжанровых литературных форм (цикл, сборник), позволяют предположить, что изначальный замысел Гончарова простирался далее достигнутых по факту результатов. Прямыми подтверждением такой точки зрения служит содержание фрагмента вступительного текста «Вместо предисловия» из черновой рукописи «Слуг...» (следующего после фразы: «Я иногда отмечал на клочках наиболее выдающиеся фигуры моих слуг...»¹), где писатель разъяснял причины, заставившие его отказаться от мысли о дальнейшей работе с накопившимся творческим материалом.

Процитируем интересующий нас отрывок целиком, включая названный выше абзац, который выглядел в автографе несколько иначе: «Я иногда отмечал на клочках наиболее выдающиеся фигуры из них, характерные черты, нравы, привычки — и забрасывал эти клочки далеко в стол, не думая делать из них когда-нибудь какое-нибудь, всего менее литературное употребление. Когда клочки попадались под руку, я пробегал, смеясь про себя, напоминанию об этих — портретах, не портретах, а больше карикатурах, которые, однако, в свое время иногда, хотя и смешали меня, но чаще подавали мне, что называется у французов, *du fil à retordre*, немало причиняли мне забот, ставили меня в критическое, беззащитное положение.

Разбирая как-то в прошлом году свой [убогий] домашний архив, утопая в хаосе писем, разных деловых бумаг, документов, — я беспрестанно нападал и на наброски воспоминаний, вроде „Воспоминаний из университетской жизни“ (недавно в апреле 1887 напечатанных <в> «Вест<нike> Евр<опы>» по просьбе редактора этого журнала), и на другие. Нашел заметки о приезде моем после университета на родину, о тогдашнем времени, о разных лицах, потом далее о переезде в Петербург.

Затем много летучих заметок о службе в Петербурге и о лицах, с которыми служил или встречался в обществе.

Всего этого беспорядочного материала набралась масса. Многие бумаги и клочки с заметками и эскизами пожелтели и изветшали. Привести этот сырой материал в порядок и обработать для печати — я уже, по летам своим, не надеюсь, да и правду сказать, не считаю эти воспоминания настолько интересными, чтобы они могли иметь права на внимание публики. Моя личность сама по себе не представляет никакого интереса, как и та скромная среда, в которой я вращался. У меня в заметках везде являются обыкновенные, скромные маленькие люди и микроскопические явления жизни.

¹ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7. С. 319. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами.

Надо много таланта, не моему чета, чтобы превратить этих людей в живые типы или портреты, а явления жизни в эффектные картины и сцены.²

Все это и не по силам, и не по летам моим. Есть, между прочим, у меня много набросков и заметок и о литературном кружке сороковых годов, когда я в 1846 году познакомился и сблизился с этим кружком. Часть из этих заметок вошла в мою печатную статью о Белинском. Другие наброски показались бы теперь несколько преждевременными и неудобными для печати, между прочим, и потому еще, что они касаются более интимной стороны этого кружка: характеров, личных отношений между собою литераторов, их семейной жизни и других, мало интересных для публики сюжетов.

Вот в этом архиве я отыскал и клочки с набросками портретов и характеров некоторых наиболее выдающихся моих слуг».³

Судя по дополнительной (литерной) пагинации листов вступительного раздела рукописи с названием «Из домашнего архива»,⁴ он был написан позднее самих очерков, а процитированный (и не вычеркнутый в черновом автографе) фрагмент был исключен на одном из последних этапов подготовки произведения Гончарова в печать.⁵ Заглавие «Слуги старого века» закрепилось за ним после вхождения в состав добавочного тома девятого к Полному собранию сочинений Гончарова в восьми томах.⁶

За длительную историю существования мемуарной литературы ее исходные жанровые установки, изначально тяготевшие к хроникальному (анналы, летопись) или жизнеописательному (житие, биография, патерик) типам повествования, претерпели значительную эволюцию. Документализм как ведущий принцип изложения событий уступал приемам художественной интерпретации прошлого — факт по-прежнему являлся основой изображения, но пересоздавался по законам художественного творчества. В XIX веке многие мемуары вплотную приблизились к таким жанрам художественной прозы, как роман, очерк или рассказ. «Судьбы людей, рассказанные

² По-видимому, одним из подтекстов заявленной Гончаровым литературной позиции стала полемическая отсылка к автобиографической прозе А. И. Герцена, потрясшей современников глубиной социального анализа, достоверностью психологических мотивировок и масштабом исторических обобщений. В программном предисловии к английскому изданию книги «Тюрьма и ссылка» (London, 1855), опубликованной ранее на русском языке (Лондон, 1854) и включенной затем в состав эпопеи «Былое и думы» (Лондон, 1861. Т. 1. Ч. 2), Герцен писал: «Для того, чтобы написать свои воспоминания, вовсе не нужно быть великим человеком или видавшим виды авантюристом, прославленным художником или государственным деятелем. Вполне достаточно быть просто человеком, у которого есть что рассказать и который может и хочет это сделать. Жизнь обыкновенного человека тоже может вызвать интерес, если и не по отношению к личности, то по отношению к стране и эпохе, в которую эта личность жила. <...> В другом месте я скажу, какой глубокий интерес для меня лично представляют эти мемуары и с какой целью я начал их писать. Теперь я довольствуюсь лишь констатацией того факта, что в настоящее время нет такой страны, в которой мемуары были бы более полезны, чем в России. Мы — благодаря цензуре — очень мало привыкли к гласности. Она пугает, удивляет и оскорбляет нас. Пора, наконец, имперским комедиантам из петербургской полиции узнать, что рано или поздно, но об их действиях, тайну которых так хорошо хранят тюрьмы, кандалы и могилы, станет всем известно и их позорные деяния будут разоблачены перед всем миром» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. Былое и думы. 1852–1868. Ч. I–III. С. 405–406).

³ ИРЛИ. Ф. 163 (Архив Е. А. Ляцкого). № 810. Л. 6–8.

⁴ Основной корпус рукописи пронумерован арабскими цифрами в правом верхнем углу лицевой стороны каждого сложенного вдвое листа бумаги, что свойственно всем автографам Гончарова, ведшего подсчет по двойным (полным) листам бумаги писчего (или почтового) формата.

⁵ Следует также отметить, что на последнем листе автографа после зачеркнутого простым карандашом знака концовки главы (в виде горизонтальной черточки под завершающим абзацем) тем же карандашом вписаны авторские пометы — подпись «Гончар<ов>», дата «Май 1887» и помета «Конец».

⁶ См. заметку на шмуцтитуле, предваряющем страницу с «Оглавлением» тома девятого: «По желанию издателя моих сочинений И. И. Глазунова я предоставил ему помещенные в последние два года, 1887–1888, в журналах „Вестник Европы“ и „Нива“ мои литературные очерки, под заглавием „Университетские воспоминания“, „На родине“ и „Слуги“, издать в отдельном IX-м томе в дополнение к „Полному собранию“ моих сочинений в VIII томах. А в тор» (Гончаров И. А. Полн. собр. соч.: [В 9 т.]. СПб., 1889. Т. 9).

историками и мемуаристами, — трагичны, смешны, прекрасны и безобразны, — писала, рассуждая о художественных и документальных тенденциях мемуаристики, Л. Я. Гинзбург. — И все же различие между миром бывшего и миром поэтического вымысла не стирается никогда. Особое качество документальной литературы в той установке на подлинность, ощущение которой не покидает читателя, но которая далеко не всегда равна фактической точности. <...> Фактические отклонения <...> вовсе не отменяют <...> установку на подлинность как структурный принцип произведения <...>. Этот принцип делает документальную литературу *документальной*; литературу же как явлением искусства ее делает эстетическая организованность. Для эстетической значимости не обязателен вымысел и обязательна организация — отбор и творческое сочетание элементов, отраженных и преображеных словом. В документальном контексте, воспринимаемом эстетически, жизненный факт в самом своем выражении испытывает глубокие превращения».⁷

Сходные творческие процессы можно увидеть и в мемуарном цикле Гончарова конца 1880-х годов. Если в воспоминаниях о Московском университете действующие лица — от государя и его министров до профессоров и студентов — фигурируют под собственными именами-фамилиями в неукоснительно соблюдаемых и соответствующих историческим реалиям пространственно-временных параметрах, то в очерке «На родине» они уже заменены вымышленными, хотя и легко идентифицируемыми для симбирского окружения писателя, «прозрачными» эквивалентами: Углицкий (А. М. Загряжский), Якубов (Н. Н. Трегубов), Бравин (М. П. Баратаев), Ростин (И. С. Кротков), Янов (И. К. или Н. К. Якоби), Сигов (Э. И. Стогов),⁸ а фактографически выверенная последовательность повествования о прошлом уступает место более свободному движению авторской мысли, регулярно перебрасывающей читателя из давно прошедшего времени в настояще, переживаемое персонажем-рассказчиком как грядущее. При этом влияние литературной типизации усиливается уже настолько, что ощущение подлинности прототипов, послуживших основой для создания образа и характера героев, почти полностью утрачивается. В «Слугах старого века» исчезает и присущий как «университетским воспоминаниям», так и мемуарам «На родине» сквозной сюжет, после чего композиция произведения окончательно распадается на ряд очерков в форме литературного портрета, объединенных только фигурай автора-повествователя-персонажа в лице Гончарова.⁹

Установление личных имен домашних помощников романиста весьма затруднительно. Благодаря разрозненным упоминаниям в книге «Фрегат „Паллада“» и эпистолярии писателя можно выяснить, что прототипом Матвея из четвертого очерка цикла стал некий Филипп, служивший у Гончарова в годы его проживания в доме Шамшева на Литейном проспекте № 52, в неуютной квартире, о которой в письме к Н. А. и Е. П. Майковым от 20 ноября 1852 года из Портсмута он отзывался как о месте, мало пригодном для «постоянного житья-бытья».¹⁰ Из этого нелюбимого пристанища писатель отправился в кругосветное плавание: «Отъезд откладывался на сутки, и я возвращался еще провести день там, где провел лет семьнадцать <с 1837-го по 1852 год. — Н. К.> и где наскучило жить».¹¹ А по возвращении на родину в нанятую друзьями квартиру в доме Кожевникова на Невском проспекте № 51 был встречен все тем же преданным Филиппом-Матвеем, заботливо приготовившим новое жилье к его приезду: «Через час я уже сидел за чаем, в своем кресле, с сигарой — как будто никуда не выезжал» (7, 380).

⁷ Гинзбург Л. Я. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. 1970. № 7. С. 62–63.

⁸ Подробнее об этом см.: Беспалова Е. К. И. А. Гончаров и симбирские масоны (К вопросу о реалиях очерка «На родине») // Русская литература. 2002. № 1. С. 124–135.

⁹ Вопрос о повествовательной организации «Слуг...» уже затрагивался в научной литературе о Гончарове, см.: Багаутдинова Г. Г. «Слуги старого века» И. А. Гончарова: поэтика композиции в аспекте пространственно-временной точки зрения // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер. Языкоznание и литературоведение. 2015. № 3 (18). С. 58–60.

¹⁰ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2017. Т. 15. С. 109.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 16.

Степан с семьей поступил в прислуги уже после переезда Гончарова в дом тайного советника Устинова на Моховой № 3 летом 1856 года. Здесь писателю довелось прожить без малого 35 лет. Судя по письмам 1865–1869 годов и творческой рукописи «Слуг...», настоящее имя этого персонажа было Савелий, он вселился с женой и дочерью Еленой, а вместо сына, выведенного в тексте очерка под именем Петя, в действительности выступал явившийся из деревни племянник по имени Виктор Лапшин.

Окончательное обострение отношений, после которого Степану с семьей было отказано от места, произошло летом 1869 года. Некоторые подробности конфликта содержатся в письме к С. А. Никитенко от 3 (15) июля 1869 года из Парижа: «Вы сердитесь на брата Елены, что он обирал ее: это все набитая дура мать. К ним таскалось всякого народу, и она готова была угощать всех сплошь да рядом и жить какой-то помешницей. Это не брат ее, а cousin. Я всех их отпускаю, и Варв^{ара} Лук^{инична} к 1-му августа найдет мне новых людей».¹² Позднее, 13 (25) августа тому же адресату сообщалось о полном избавлении от тягости сосуществования с нетрезвой прислугой: «...я писал уже В. Л. Лук^{ьяновой} о Вашем напрасном посещении моей квартиры и просил, чтобы она приказала новому слуге отдать Вам „Отеч^{ественные} зап^{иски}“, если Вы повторите визит. Старые люди, слава Богу, выехали — и — надеюсь — увезли с собой тараканов, клопов, грубости и пьяниство. Но они были все-таки честны — и я отпустил Елену не с пустыми руками. Вы попали именно в промежуток, когда на квартире был один только новый человек, а семейство его еще не переехало. Мне немного страшно за Мимишку. Елена отказалась беречь ее до меня, а к новому человеку, боюсь, она не привыкнет».¹³

«Новым человеком», нанятым после увольнения Степана–Савелия, был Карл Людвиг Трейгут.¹⁴

Несмотря на вхождение значительного документального материала и очевидный автобиографический подтекст очерков, современная Гончарову критика восприняла цикл «Слуги...» как беллетристику. Н. В. Шелгунов в «Очерках русской жизни» охарактеризовал их как устаревший литературный памятник безвозвратно канувшей эпохи и, взвывая к авторитету В. Г. Белинского, тщательно доказывал глубинное несоответствие этого мемуара прогрессивным запросам нового времени: «...настоящий упрек был сделан г. Гончарову Белинским, который сказал, что у г. Гончарова честного человека не отключишь от подлеца <...>. Даже у наиболее образованных писателей былого времени <...> художественный анализ не шел дальше частностей и характеров. <...> Наконец, случилось нечто с самим художественным сознанием <...>, что и заставило художников призадуматься над прежнею художественною программой, а крупных из них и отказаться от нее. <...> Писатель с прежним умственным багажом и развитием, стоявший лет сорок назад в первых рядах, теперь бы уж занял второстепенное место — настолько повысились требования и запросы жизни. <...> кому нужны теперь „Слуги“, если бы они были даже самой новейшей формации? А вообразите, что Салтыков написал сатирику на лакеев? Нет, этого вы не вообразите? А почему? Да просто потому, что какой же крупный, умный писатель станет палить из пушки по воробьям, когда для пушки есть дичь покрупнее? <...> Только слабые беллетристы занимаются еще анализом мелких частных явлений, да и слабые пройдут, не трогая лакеев <...>. Что же касается писателей крупных, как Салтыков и Успенский, то для них совершенно ясно, что теперешняя жизнь течет таким живым потоком, что не даст ни

¹² ИРЛИ. Ф. 134 (Архив А. Ф. Кони). Оп. 8. № 11. Л. 138 об.

¹³ Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978. С. 219.

¹⁴ Подробнее о К. Л. Трейгуте и его семье см.: Жданова М. Б. И. А. Гончаров и Трейгуты (новые материалы) // Материалы Междунар. конф., посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994. С. 275–286; Лобкарева А. В. О чем молчат экспонаты? // Мономах. 2002. № 2 (29). С. 16–17; Валкин М. Х. Тайна великого писателя (И. А. Гончаров и А. К. Трейгут). Ульяновск, 2006; Романова А. В. Письма И. А. Гончарова к А. К. Трейгут // Русская литература. 2016. № 2. С. 92–94; Балакин А. Ю. Вокруг завещания И. А. Гончарова // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4. С. 264–268.

чему кристаллизоваться в установившуюся твердую форму. <...> художественною формой этой шири не охватишь, и беллетристы с обобщающим умом, понявшие это, примкнули к публицистам. <...> вся русская жизнь сводится теперь исключительно к движению, которое стараются изучить и беллетристы, и публицисты, и ученые, и государственные люди».¹⁵

Здесь не место подробно останавливаться на немногочисленных, но достаточно однотипных отзывах печати о творческой деградации Гончарова, равнодушного к общественным вопросам и в силу того окончательно скатившегося до «мелкого», недостойного его таланта круга тем. Полемика о «художнике-индифферентисте» (вариант: «дореформенный беллетрист»), безразличном «к явлениям внутренней гражданской жизни России», «которую, — по словам автора статьи об индифферентизме Гончарова, — некоторые критики возводили и возводят в идеал художественного творчества под различными именами: об ёкти в н о г о творчества, олимпийского спокойствия, искусства для искусства, чистого художественного созерцания и т. д., и т. д.»,¹⁶ продолжалась еще много лет. И практически неизменно, при всей разности эстетических платформ и политических позиций рецензентов, камнем преткновения в истолковании позднего творчества Гончарова становилась его недостаточная публицистичность.

Как это нередко бывает, негативные отзывы литературной критики о «Слугах...» были опровергнуты самой литературой в лице М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вопреки пафосным восклицаниям Шелгунова о немыслимости интереса к столь незначительной тематике, каковой является «сатира на лакеев», со стороны столь крупного художника, как Салтыков, в «Пошехонской старине»¹⁷ — произведении межжанровой природы, выстроенном, по мнению С. А. Макашина, на пересечении «написанного на автобиографической основе „жития“ <...>, исторической „хроники“ <...> и „публицистики“», зачинатель обличительного направления разразился целой галереей «портретов» дворовых крепостных людей.

Это неожиданное для писателей с диаметрально противоположными траекториями художественного развития сближение не прошло мимо внимания современников. Правда, произведением Гончарова, привлеченным для сопоставительного анализа с «Пошехонской стариной», оказался не цикл «Слуги старого века», а воспоминания «На родине».¹⁸ По-видимому, поводом к сравнению послужило то обстоятельство, что первые семь глав будущей книги Салтыкова и воспоминания Гончарова вышли один за другим в одном и том же периодическом издании (Вестник Европы. 1887. № 10–12; 1888. № 1–2). Вдобавок к этому посвященные описанию «крепостной массы» главы XVII–XXV, где содержался ряд прямых перекличек с циклом очерков «Слуги старого века», еще не были написаны, их первая публикация состоялась только в последних номерах журнала за 1888 год, а статья под названием «Два художника-бытописателя (Щедрин и Гончаров)» появилась в газете «Неделя» в начале того же года. Сравнивая нравы русского поместного дворянства в изображении Щедрина с вышедшими из-под пера Гончарова картинами быта, а также служебных и житейских отношений обитателей крупного губернского города, рецензент приходил к мысли, что, «читая <...> главы

¹⁵ Шелгунов Н. В. Очерки русской жизни // Русская мысль. 1888. Кн. 6. Отд. II. С. 115–117.

¹⁶ Л. Об. [Оболенский Л. Е.]. Художник-индифферентист (По поводу смерти И. А. Гончарова) // Русское богатство. 1891. № 9. С. 150.

¹⁷ Вестник Европы. 1887. № 10–12; 1888. № 3–4, 9–12; 1889. № 1–3.

¹⁸ См.: «Небольшой уже группе наших беллетристов старой школы есть два художника, весьма резко отличающихся друг от друга как по характеру своего таланта, так и по своей литературной карьере. <...> Один — резко выраженный тип сатирика; другой — натура по преимуществу художническая. И эти-то два, столь непохожие друг на друга, художника в последних своих произведениях совершенно случайно сошлись на изображении одного и того же предмета — нашей дореформенной, крепостной старины. Параллелизм произведений — полный. <...> Читатель, наверно, уже догадался, что беллетристические новинки, о которых мы намерены поговорить, — не что иное, как <...> „Пошехонская старина“ <...> и „На родине“ <...>. Оба названные произведения, несмотря на явный след в них личных воспоминаний авторов, являются произведениями вполне художественными» (Д. [Кигн В. Л.]. Два художника-бытописателя (Щедрин и Гончаров) // Неделя. 1888. 31 янв. № 5. Стлб. 165–166).

„Пошехонской старины“ г. Щедрина, чувствуешь себя словно перенесенным в один из кругов Дантова ада», тогда как в очерке «На родине», где показано «то же крепостное право <...> и то же всеобщее бесправие <...> перед нами настоящая, обычно-человеческая жизнь». И заключал: «Как это похоже на сцены в доме Затрапезных и в то же время какая тут разница! Условия быта, правá над человеком — одни и те же, но там тираническое, почти сладострастно-жестокое пользование ими, здесь — комическое русское благодушие...».¹⁹

Нельзя не согласиться, что по своему характеру, политической позиции, творческой индивидуальности и мировоззрению Салтыков-Щедрин и Гончаров были полны антиподами. Между писателями существовал обширнейший спектр разногласий, что оба отчетливо понимали, стараясь по возможности не доводить дело до прямых столкновений. Взаимная настороженность и возникшая вследствие этого дистанция в личном общении не влияли на признание силы и глубины таланта — на протяжении всей жизни литераторы внимательно следили за творчеством друг друга.²⁰ Едва ли ошибочно будет предположить, что немалую роль здесь играло не до конца осознанное литературное соперничество.

Первым произведением Салтыкова, вызвавшим искреннюю заинтересованность автора «Обломова», стали «Губернские очерки», которые под псевдонимом Н. Щедрин печатались в журнале «Русский вестник» в течение 1856–1857 годов. Книга получила исключительно положительную оценку со стороны критики и имела феноменальный успех у широкого круга читателей.

На глубинную связь опустившегося персонажа цикла «Талантливые натуры» Павла Петровича Лузгина в «Губернских очерках» и поэтического ленивца Ильи Ильича Обломова в романе Гончарова впервые указал А. Г. Цейтлин.²¹ Негативный отзыв в письме Салтыкова-Щедрина к П. В. Анненкову, последовавший после прочтения первой части романа «Обломов» (при полном одобрении «Сна Обломова», высказанного там же),²² мог объясняться тем, что сатирик, уловивший сходство центрального мужского характера в этих произведениях, был крайне недоволен его интерпретацией — отталкивающий портрет Лузгина проигрывал располагающему своей «голубиной чистотой» образу Гончарова.

Творческим откликом на выход «Обломова» стал замысел города Глупов, задуманный Салтыковым как цикл очерков под рабочим названием «Глупов и глуповцы» для журнала «Современник».²³ «Глупов начала 60-х гг., — пишет З. Т. Прокопенко, — следует рассматривать как протест против застоя, косности и, главное, против восприятия „глуповского“ образа жизни как нормального человеческого существования. <...> Первый очерк щедринского цикла, в котором пропадает Глупов, поразительно напоминающий Обломовку, называется „Наши глуповские дела“ (1861). Сравним „Сон Обломова“ и названный очерк путем текстовых параллелей. Предоставим слово Гончарову: „Где мы? В какой благословенный уголок земли перенес нас сон Обломова? Что за чудный край?“ — так начинается „Сон Обломова“. Очерк Щедрина воспринимается как ответ на этот риторический вопрос: „Вот и опять я в Глупове: вот и опять потянулись заборы да пустыри; вот и опять широкой лентой блеснула в глаза река Большая Глуповица и узенькой — маленькая Глуповица; вот и опять пахнуло на меня ароматами свежеиспеченного хлеба... Детство! Родина, вы ли это?“».²⁴

¹⁹ Там же. Стлб. 166–167, 169–170.

²⁰ Подробнее об этом см.: Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. Воронеж, 1989. С. 110–124.

²¹ Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950. С. 168–169.

²² Подробнее об этом см.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 6. С. 287–289.

²³ Цикл «Глупов и глуповцы» не был допущен к печати; часть очерков была затем включена в циклы «Сатиры в прозе» («Литераторы-обыватели» (Современник. 1861. № 2), «Клевета» (Там же. № 10), «Наши глуповские дела» (Там же. № 11); «Наш губернский день», главы 1–2 и 4 (Время. 1862. № 9)) и «Невинные рассказы» («Деревенская тиши» (Современник. 1863. № 1–2); «Наш губернский день», глава 3 (Там же. № 3)).

²⁴ Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. С. 71; см. также: Прокопенко З. Т. Концепция национального менталитета в творчестве

Наиболее резкий выпад в адрес Гончарова был предпринят Салтыковым уже на ниве литературной критики. В хрестоматийной статье «Уличная философия (По поводу 6-й главы 5-й части романа «Обрыв»)» сатирик обрушился на только что вышедший из печати роман с нескрываемой язвительностью. Отметив, что в прежних своих сочинениях Гончаров «воздерживался от ясного заявления каких-либо политических или социальных взглядов на современность», Салтыков усматривал в новом произведении писателя все признаки «ходячего учения» сороковых годов, основная суть которого заключалась в широко понятой «гуманности» и вере в самоценность искусства. С его точки зрения, «гуманность» такого рода «очень близко граничила с туманностью», представляла собой «нечто в высшей степени неопределенное» и давно исчерпала свое содержание «во всех применении и комбинациях». Но самым ожесточенным нападкам была подвергнута авторская оценка мировоззрения Марка Волохова в главе шестой части пятой, преподнесенная в романе как мысли Веры.²⁵

Роль статьи «Уличная философия»²⁶ для литературной репутации Гончарова в контексте русской общественной мысли 1860–1870-х годов неоднократно освещалась в научных трудах,²⁷ поэтому заострим внимание на другом аспекте этой темы, возможно ускользнувшем от исследователей. Один из принципиальных упреков Салтыкова-критика состоял в несоответствии поступков Марка тому образу мыслей, что приписывались ему автором в главе шестой. Ведь на описанные ранее «выходки» этого персонажа могли быть способны только люди, «страдавшие отсутствием образа мыслей, нежели наоборот, <...> например, всякого рода забулдыги, лихачи-кудрявичи, ухари и т. п.» (IX, 70). «Мысль есть функция крайне неуловимая и колеблющаяся; — писал Салтыков, — чтобы иметь возможность с уверенностью сказать, что вот такая-то мысль составляет существенное и жизненное достояние такого-то субъекта <...>, надо, чтобы она выразилась или в целом ряде повторительных действий, или хотя и в одиночном действии, но настолько характерном и решительном, что оно дает поворот целой жизни, или же, наконец, в полной и строго соглашенной теории» (IX, 82).

Подмеченное противоречие послужило веским аргументом в пользу главных утверждений статьи Щедрина, настаивавшего на том, что «интерес беллетристического произведения, <...> всегда пропорционален степени умственного развития автора» и мнение писателей не должно зависеть от «уличной философии», основанной на предрассудках и заблуждениях. В том числе и потому, что «подобная догматика, особенно ежели содержание ее детское, может серьезно повредить художественной стороне их произведений» (IX, 64–65).

Парадокс состоял в том, что несколько ранее в программной статье Салтыкова-Щедрина «Напрасные опасения», вышедшей в десятой книжке «Отечественных записок»

русских писателей XIX века (https://ruskline.ru/analitika/2011/04/09/koncepciya_nacionalnogo_mentaliteta_v_tvorchestve_russkih_pisatelej_xix_veka; дата обращения: 12.07.2023).

²⁵ Впервые: *Отечественные записки*. 1869. № 6. Разд. «Современное обозрение». Цит. по: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 9. С. 69, 64, 66–67. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами.

²⁶ Статья была опубликована без подписи, что можно объяснить нежеланием Щедрина, чтобы его публицистическое выступление было расценено как личный выпад против Гончарова и исходило от всей прогрессивной литературной партии, возглавленной журнальной редакцией «Отечественных записок»; подробнее об этом см.: Гусков С. Н. Почему был обруган «Обрыв»? (О некоторых причинах негативной критической рецепции романа) // Материалы V Междунар. науч. конф., посвященный 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2012. С. 281–282.

²⁷ Переисплюм лишь некоторые из них: Евгеньев-Максимов В. Е. К характеристике журнальной деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина // Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы. Л., 1930. С. 31–55; Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е — 1870-е годы: Биография. М., 1984. С. 390–391; Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. С. 110–124; Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования. С. 131–132; Гродецкая А. Г. Иван Александрович Гончаров // М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники: Энциклопедический словарь / Сост. и ред. Е. А. Строганова. СПб., 2021. С. 112–113.

за 1868 год, им был поставлен вопрос о чрезвычайной затруднительности изображения «нового типа русского человека», сложившейся из-за «рутинных понятий о добродетели», осмеянных в глазах читателя еще во времена Гоголя. Предубеждение перед многочисленными примерами добродетели, состоящей в «приязненных отношениях <...> с пошлостью», породило при попытке «к объяснению» целей и принципов «нового типа» немало крайностей. В итоге беллетристика пополнилась галереей «невыношенных» и «безжизненных» образов, которые отличаются тем, что «очень мало выражают себя в действии и, напротив того, слишком много предаются теоретизированию различных поступков и действий; <...> не поступают, а только толкуют о том, как поступать должно» (IX, 26–27).

Кроме сложно преодолимых моральных клише, Салтыков назвал и объективные препятствия. Это ограниченность области применения идеологии новых людей, наложивших на себя «неприязненное» отношение со стороны общества, которое не допускает их к «деятельному участию в жизни». «При таком настроении большинства новый человек делается невольным теоретиком, — рассуждает Щедрин. — А так как искусство, имеющее предметом объяснение человеческого образа, ведает исключительно поступки, а не абстрактные взгляды, то понятно, какую ощущительную пустоту должно представить для него то фаталистическое условие, которое преградило или, по малой мере, затруднило для изучаемого субъекта возможность свободного внешнего проявления. За какие типические черты может ухватиться художник-наблюдатель, когда эти черты почти неприступны в своей абстрактности <...>?» (IX, 29). После чего приходит к выводу, что «деятельного» героя следует искать в недостаточно освоенном литературой сегменте русской жизни: среди простонародья и разночинной интеллигенции, выступившей на его защиту.

Возможно, внимательное знакомство Гончарова с этой статьей Щедрина, вышедшей в разгар напряженной работы над главами XVIII–XXII части пятой романа «Обрыв», стало толчком для переосмыслиния конфликта и идейно-психологической концепции центральных мужских характеров: Бориса Райского, Марка Волохова, Ивана Тушина. Именно к этому времени относится решение отказаться от двух глав, начинавшихся со слов «Он только что пришел домой...»; «Райский отправился отыскивать Марка...»²⁸ и следовавших в черновой рукописи «Обрыва» за главой XXI части пятой, после чего сделан ряд замен и дополнений в текст главы VI (в том числе столь возмущивший Салтыкова фрагмент «о случайному порядке бытия, где люди <...> толпятся как мошки»)²⁹ и поправок в главу XVIII. Логика внесенных изменений состояла в корректировке суждений Волохова, направленной на создание образа впавшего в заблуждение «теоретика поневоле», и введении комплиментарных оценок естественной нравственности и «деятельной натуре» Тушина («Удивление это росло по мере того, как Райский пристальное изучал личность этого друга Веры. И в этом случае фантазия со служила ему обычную службу, осветив Тушина ярко, не делая из него, впрочем, никакого романтического идеала: личность была слишком проста для этого, открыта и не романтична»; «Это был чистый самородок, как слиток благородного металла, и полюбить его действительно можно было, кроме корыстной или обязательной любви, то есть какою могли любить его жена, мать, сестра, брат, — еще как человека» и др.).³⁰ Работа по уточнению деталей, в результате которой функция прогрессивного героя должна была полностью перейти к Тушину, продолжилась и далее, вплоть до внесения изменений в корректуру и сверстанные листы; например, дополнение абзаца о «единственном непогрешительном» «старом учении» в главе VI, замена концовки главы XVII или более мелкие, но существенные добавления (вроде фразы: «Тушины — наша истинная „партия действия“ ~ на всей лестнице общества»)³¹ в главе XVIII части пятой.

Таким образом, писатель не только подхватывал поставленную Салтыковым «проблему героя», но и заметно повышал социальную тональность романа, усложнив

²⁸ См.: Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 8. Кн. 1. С. 500–525.

²⁹ Там же. Т. 7. С. 660; Т. 8. Кн. 2. С. 489.

³⁰ Там же. Т. 7. С. 732, 733; Т. 8. Кн. 2. С. 564, 565.

³¹ Там же. Т. 8. Кн. 2. С. 490, 562, 571.

природу конфликта за счет семантического сдвига с любовно-психологической на мировоззренческую основу. Каково же, после предпринятых им усилий, было получить взамен публицистическую статью с обвинениями «почтенного автора» в неверном понимании текущей литературной ситуации и полной художественной несостоительности его произведения? Выведенный из равновесия Гончаров решился отвечать.

Заручившись поддержкой Н. А. Некрасова,³² он планирует написать «Предисловие» к ожидавшемуся в начале 1870 года отдельному изданию романа «Обрыв», как для того чтобы оправдаться перед судом литературной критики, так и с тем чтобы отклонить «упреки в враждебном будто бы отношении моем к новому поколению, выраженному в лице одного из действующих лиц романа <...> Марка Волохова» (8, 141) в глазах читателя. Для опровержения последнего из тезисов в ход была пущена наиболее развернутая аргументация: уравняв «самозванца „новой жизни“» с «седьмым романтиком» Райским,³³ писатель вычеркивал «не признанного никем апостола» из круга прогрессивно мыслящей молодежи и переводил персонажа из социально-возрастной группы в литературную категорию «лишних людей».

Но такая подмена понятий ставила авторскую интерпретацию на грань логического абсурда. Гончаров сомневался как в обоснованности, так и в целесообразности написанного текста, поэтому ближе ко времени сдачи романа в печать обратился к П. В. Анненкову и А. Д. Галахову с просьбой оценить статью. В письме к Анненкову от 8 января 1870 года он попросил ответить: «1) то ли у меня в статье Волохов, что он есть в книге? 2) то ли я говорю про Белинского и вообще про тогдашних деятелей? 3) нет ли противоречий, пошлых общих мест и т. д.? Есть ли что-нибудь недосказанное?» (8, 426). Выслушав замечания (в том числе и по поводу «противоречий о Марке Волохове»), он снял текст с публикации.³⁴

Интересно, что сформулированное в «Предисловии...» «двойничество» Райского и Волохова, которое сложно воспринять иначе, чем авторское лукавство или казус, отозвалось затем на страницах рассказа «Помпадур борьбы, или Проказы будущего» из цикла Салтыкова-Щедрина «Помпадуры и помпадурши», опубликованного в девятом номере «Отечественных записок» за 1873 год. В пародийном пространстве сатирического очерка герои-антагонисты романа «Обрыв» превратились в карикатурных персонажей свиты помпадура Федора Павлыча Кротикова (губернатора, перетянувшегося из либерального лагеря на сторону консерваторов): «Прежде всего он бросился очищать персонал своей собственной администрации. <...> Начав с своих

³² Сведения об этом содержатся в письме к С. А. Никитенко от 26 июня (8 июля) 1869 года из Киссингена: «Сюда приехал Некрасов: так как у меня с ним никогда никаких стычек не было, <...> я сейчас же спросил его о ругательной статье против меня в „Отечественных записках“ — он как будто удивился, взял у меня 5-ю часть романа, прочел, прибежал ко мне с восторженными воскликами, сказав, что я ничего подобного не писал, что вся драма 5-й части — *chef-d'œuvre* и т. д., и выразил удивление, как могли принять это за войну новому поколению, когда я изобразил только нелепые крайности самозванных новых людей, сказал, что меня не поняли, что я должен непременно печатать отдельно и написать предисловие и растолковать мысль и цель романа» (8, 418).

³³ См.: «Очевидно, что ни Волохов, ни Райский — ни тот, ни другой не могут представлять собственно собою ни нового, ни старого поколения, а только некоторую фракцию, в самом незначительном размере. И Райские и Волоховы будут являться среди всех поколений, с свойственными каждому поколению отличиями, настолько, насколько лень, безделье, нетрезвое понимание действительности и другие, свойственные обоим недостатки будут уделом самого общества» (8, 146).

³⁴ См. его признание в письме к П. В. Анненкову от 19 января 1870 года, где после сообщения, что он «по указаниям Алексея Дмитриевича старался согласить противоречия о Марке Волохове, но не только не согласил, а еще больше потерялся в них», писатель объявлял о своем решении совсем не публиковать «Предисловие...». «В статье моей неверно, между прочим, говорится о том, что будто Марк Волохов относится не к новому поколению, а ко многим поколениям, — пишет он, — неправда, в нем *résumé* всего, что исповедует новейшее поколение, изображенное мною в уродливых крайностях, следовательно, отнимает его от нового поколения, я как будто увертываюсь, а вот этого я и не хочу. Может быть, он намекает у меня на крайности и прежних поколений, но мало. Всего более он рисует новейшие типы мальчишек, неучей, с претензией вести общество вперед, чего в наше время не было. <...> Я передельывал, колебался, начал было писать новое, но вижу, что, кроме вреда себе и книге, ничего не выйдет» (8, 427–428).

приближенных, он выказал при этом такую решимость, что многие тут же раскаялись и только этим успели избегнуть заслуженной кары. Первым принес покаяние правитель канцелярии Лаврецкий и увлек за собой чиновников особых поручений Райского и Веретьеву. Лаврецкий в это время уже являл собой только жалкое подобие прежнего Лаврецкого. <...> Что же касается до Райского и Веретьеву, то первый из них не решался выйти в отставку, потому что боялся огорчить бабушку, которая надеялась видеть его камер-юнкером, второй же и прежде, собственно говоря, никогда не был либералом, а любил только пить водку с либералами <...>. Из остальных либералов Марк Волохов отнесся к Феденькиным проказам как-то загадочно, сказав, что ему кто ни поп, тот батька и что таких курицыных детей, как обыватели Навозного, всяко возрождать можно. <...> Ряды либералов странным образом поредели, и затем в течение какого-нибудь месяца погибли все молодые наследники либерализма. Земская управа прекратила покупку плевальниц, ибо Феденька по каждой покупке входил в пререкания; присяжные выносили какие-то загадочные приговоры, вроде „нет, не виновен, но не заслуживает снисхождения“ <...>. Вдали показывался грозный призрак сибирской язвы. <...> Как ни скромно держала себя Анна Григорьевна, но и ее устрашила перспектива сибирской язвы. Марк Волохов подметил в ней этот спасительный страх (увы! она против воли чувствовала какое-то неопределенное влечение к этому змию-искусителю, уже успевшему погубить родственнику Райского) и всячески старался эксплуатировать его.

— Съедят они и вас и вашего помпадура, и водку всю у вас вылакают! — угрожал он ей. — Это, сударыня, сила! Берегитесь, да и помпадура-то поберегите! Мне чтоб! Я уложил чеподан — и был таков! А мне вас жалко! Вас я жалеючи говорю — вот чтоб, красавица вы наша!» (VIII, 182–184). Возможно, содержание ненапечатанного «Предисловия...» к «Обрыву» было, в качестве своеобразного литературного анекдота, доведено до сведения Салтыкова Анненковым, с которым он был по-настоящему дружен. Так или иначе, но «Обрыв» по-прежнему занимал творческое воображение сатирика.

Вернемся к книге «Пошехонская старина» и циклу очерков Гончарова «Слуги старого века». Сохранилось мемуарное свидетельство Л. Ф. Пантелеева, зафиксировавшее смысловую связь между этими произведениями: «По поводу „Пошехонской старины“ припоминаю два разговора.

— Читали вы „Слуг“ Гончарова? (Только что тогда появились в «Ниве»).

— Да.

— Что же о них думаете?

— Да как-то незначительно для Гончарова. Вот я ему покажу настоящих слуг прошлого времени.

В это время Михаил Евграфович писал „Пошехонскую старину“.³⁵

Казалось бы, приведенная цитата недвусмысленно отсылает читателя к названным произведениям — «Слугам старого века» и «Пошехонской старине». Почему же тогда в восприятии современников, незнакомых с процитированным мемуаром, возникали ошибочные ассоциации?³⁶ Как уже говорилось выше, немаловажное значение мог иметь тот факт, что к моменту появления первых рецензий в печати оба произведения не были еще завершены и их сопоставление было попросту преждевременно. Однако инерция соотнесения пошехонского «раздолья» с очерком «На родине» (где описывалось житье хоть и «своим домом», но все-таки в крупном губернском городе) сохранилась и продолжается и поныне.³⁷

Из сказанного ранее можно заметить, что из всех видов литературной коммуникации: в эпистолярии (где в силу конфиденциальности жанра оба писателя подчас позво-

³⁵ М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957. С. 189.

³⁶ Кроме уже упомянутой выше рецензии В. Л. Кигна, где «Пошехонская старина» сравнивалась с воспоминаниями Гончарова «На родине», см. также: Экс. Дневник // Биржевые ведомости. 1888. 8 янв. № 8. С. 1–2; Уманский А. [Дробыш-Дробышевский А. А.]. Литературные заметки // Казанский биржевой листок. 1888. 30 дек. № 288. С. 2.

³⁷ См., например: Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. С. 207–211.

ляют себе не самые сдержанные оценки), в публицистике (где при той же непримириимости суждений соблюдается приличный тон и подобающая ему лексика), в творческих текстах (в диапазоне от прямых упоминаний и цитат — до аллюзивных отсылок, тематических параллелей, скрытой полемики и прототипирования³⁸), наиболее продуктивной для взаимоотношений Гончарова и Щедрина является последняя. Кодом узнавания одного текста в другом могут служить имена персонажей, названия произведений, указание места действия, перифразировка фрагмента текста-источника.

Опираясь на эти критерии, можно заключить, что паронимия вымыщенных топонимов Малиновка и Малиновец у Гончарова и Салтыкова-Щедрина вряд ли случайна. Название усадьбы Затрапезных Малиновец возникает только на последнем этапе создания «Пошехонской старины» (1887–1889). В рукописной редакции одноименного произведения (1883), изначально предназначавшегося для сборника «Пошехонские рассказы», его нет, и в авторском примечании к рукописи подчеркнут обобщающий, а не географический смысл обозначения места действия: «Прошу, однако ж, читателя не принимать Пошехонье слишком буквально. Я разумею под этим названием пошехонскую страну вообще, то есть страну, в которой, по старинному народному преданию, в трех соснах заблудиться можно» (XVII, 477).

Таким образом, думается, что название родового гнезда Затрапезных Малиновец может служить «„свернутым указателем“ чужого текста»,³⁹ отсылающим не к воспоминаниям «На родине», а к роману «Обрыв» с целью дать читателю возможность иной, чем в тексте-источнике, интерпретации художественного пространства. В наибольшей степени это релевантно по отношению к первой части книги «Пошехонская старина» (1887), которая в исследовательской литературе чаще всего фигурирует как «галерея господ» (гл. I–VI). Представление о границах, характере и методах управления собственностью Татьяной Марковной Бережковой, «деспоткой <...> от привычки владеть крепостными людьми»,⁴⁰ многократно подсвечивается описанием хозяйственной деятельности матушки Никанора Затрапезного, проблематизируя едва намеченные Гончаровым темы: запрет на браки среди дворовых, упразднение месячины, отношение к незаконнорожденным, курению и пьянству, патриархальный страх перед любыми денежными расчетами, стремление к натуральному ведению хозяйства и полному самообеспечению своими, а не «купленными» предметами потребления, экономность и бережливость в Малиновке, доведенная до патологического скопидомства в Малиновце и т. п. Количество точек пересечения и отбор материала наводят на мысль о большей, чем простое типологическое сходство, интенсивности смысловых связей с романом «Обрыв» и позволяют говорить о продолжении скрытой полемики Щедрина с Гончаровым. Тот факт, что жанр и повествование «Пошехонской старины» свободны от элементов сатирической поэтики, только усиливает это впечатление.

Сигналом, отсылающим к тексту гончаровского очеркового цикла «Слуги старого века», служит авторское примечание к очередной, написанной летом 1888 года, части третьей книги «Пошехонская старина» (гл. XVII–XXV), содержание которой сам писатель определил как «портретная галерея „рабов“». В небольшом по объему тексте оговаривалось, что «материал для этой галереи» взят «исключительно в дворовой среде» (XVII, 251), далее же выяснялось, что жизнь крепостных крестьян на селе была Салтыкову почти так же мало известна, как и Гончарову: «...я лично знал только быт оброчных крестьян, да и то довольно поверхностно <...> в Малиновце нас не только в гости к крестьянам не отпускали, но в праздники и на поселок ходить запрещали. Считалось

³⁸ Некоторые характерные черты Гончарова, возможно, отразились «в образе изрядно по-правевшего к концу жизни либерала 40-х годов из рассказа Салтыкова „Старческое горе“ (1879)» (Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко. С. 212); Салтыков-Щедрин стал прототипом газетного критика Крякова в очерке Гончарова «Литературный вечер» (1880) (см. об этом: Гейро Л. С. И. А. Гончаров и М. Е. Салтыков-Щедрин (О «Литературном вечере» Гончарова) // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. 1967. Вып. 3. № 14. С. 84–93).

³⁹ Минц З. Г. Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока // Минц З. Г. Блок и русский символизм. Избр. труды: В 3 кн. СПб., 1999. Кн. 1. Поэтика Александра Блока. С. 387.

⁴⁰ Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 7. С. 201.

неприличным, чтобы дворянские дети приобщались к грубому мужицкому веселью» (XVII, 254). Напомним, что в авторском предисловии к «Слугам...», оправдываясь за отсутствие в его творчестве произведений о народе, Гончаров приводил такие же аргументы: «...я не знаю быта, нравов крестьян, я не знаю сельской жизни, сельского хозяйства, подробностей и условий крестьянского существования, или если знаю что-нибудь, то это из художественных и других очерков и описаний наших писателей» (7, 316).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-172-180

© А. В. Вдовин

**БЫЛ ЛИ М. М. ДОСТОЕВСКИЙ АВТОРОМ РЕЦЕНЗИЙ
НА НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ МАРКО ВОВЧОК В ЖУРНАЛЕ «СВЕТОЧ»?
(ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТАТЬЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«Г-Н –БОВ И ВОПРОС ОБ ИСКУССТВЕ»)**

Критическая рецепция народных рассказов Марко Вовчок (псевдоним М. А. Маркович, урожд. Вилинской) из украинского и русского крестьянского быта в советское время была неплохо изучена.¹ Особенный интерес она представляла с точки зрения истории русской критики и публицистики, поскольку такие критики и писатели первого ряда, как А. В. Дружинин, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев и, конечно же, Ф. М. Достоевский посвятили творчеству М. А. Маркович обстоятельные статьи. Некоторые из них носили программный эстетический характер, как, например, известный полемический манифест Достоевского «Г-н –бов и вопрос об искусстве» (1861). Как известно, редактор журнала «Время» в этом насыщенном тексте не только polemически оспорил эстетические представления Добролюбова, но и предложил собственную, весьма скептическую, трактовку русских рассказов Марко Вовчок. Статья была, казалось бы, исчерпывающе прокомментирована В. А. Тунимановым в 18 томе Полного собрания сочинений и писем Достоевского. В частности, комментатор справедливо и доказательно пишет о влиянии на писателя двух анонимных рецензий на рассказы Марко Вовчок в журнале «Светоч» за 1860 год (№ 1, 10). Туниманов приписывает эти статьи перу М. М. Достоевского, не приводя никаких серьезных аргументов, лишь ссылаясь на более раннюю статью Г. М. Фридлендера об этом «предпочвенническом» журнале.² Нижеследующее сообщение ставит задачу отвести авторство М. М. Достоевского и выдвинуть убедительные аргументы в пользу атрибуции двух рецензий о прозе Марко Вовчок основному редактору «Светоч» Александру Петровичу Милюкову. Сразу следует оговорить, что атрибуция будет основываться не на безапелляционных документальных подтверждениях (каковыми являются рукописи, конторские книги или свидетельства из переписки — они до сих пор не обнаружены), а идейные, стилистические и биографические совпадения и пересечения между несомненно принадлежащим Милюкову текстом и обсуждаемыми рецензиями.

Впервые гипотезу об авторстве Милюкова высказал Г. М. Фридлендер в упомянутой этапной статье об идейной позиции журнала «Светоч», однако он лишь предположил, что авторами двух рецензий на рассказы Вовчок мог быть «А. П. Милюков,

¹ Содержательный обзор отзывов критиков в русле традиционной истории рецепции см.: Дорошкевич О. К. Реалізм і народність української літератури XIX ст. Київ, 1986. С. 129–145. Наиболее полный перечень критических отзывов представлен в словаре С. А. Венгерова: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Пг., 1917. Т. 4. С. 176–179.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1978. Т. 18. С. 277. Примечательно, что в монографии того же времени В. А. Туниманов воздержался от указания авторства рецензий (Туниманов В. А. Творчество Достоевского 1854–1862 годов. Л., 1980. С. 213; прим. 32).

а может быть, и М. М. Достоевский».³ Аргументов в пользу кандидатуры последнего Фридлендер, впрочем, не привел. Авторство же Милюкова, очевидно, подразумевалось, поскольку тот заведовал всей редакцией журнала. В 1978 году в подробном комментарии к статье Ф. М. Достоевского «Г-н –бов и вопрос об искусстве» В. А. Туниманов, развивая наблюдения Фридлендера, детально проанализировал возможное влияние рецензий из «Светоча» на формирование мнения Достоевского об украинских и особенно русских народных рассказах Марко Вовчок. Туниманов привел весьма убедительные идеальные параллели между анонимными рецензиями и статьей Достоевского. Однако, когда речь зашла об их авторстве, комментатор без всякой аргументации приписал их «предположительно М. М. Достоевскому».⁴ Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что такая атрибуция была сделана скорее интуитивно, поскольку она позволяла проще всего обосновать тезис о непосредственном влиянии текстов в «Светоче» на статью Ф. М. Достоевского во «Времени». Если автором был М. М. Достоевский, то само собой подразумевалось, что он обсуждал с младшим братом и рассказы Вовчок, и эстетические принципы их оценки.⁵

Атрибуция В. А. Туниманова была использована при составлении ЭНИ «М. М. Достоевский» на сайте интернет-лаборатории Петрозаводского государственного университета, где статья о русских рассказах Вовчок была опубликована под 1859 годом, но без каких бы то ни было объяснений, почему предлагается именно такая датировка (номер «Светоча» вышел в октябре 1860 года).⁶

При всей обаятельности и простоте гипотезы об авторстве М. М. Достоевского, нельзя не заметить, что серьезных и убедительных аргументов в ее пользу до сих пор так и не было предъявлено. Иными словами, не были соблюдены базовые принципы атрибуции, принятые в современной текстологии.⁷ Для того чтобы доказать авторство текста в ситуации, когда у нас нет его документальных подтверждений, необходимо продемонстрировать: «а) идеологическое единство данного произведения с произведениями предполагаемого автора, относящимися к тому же времени; б) стилистическое единство данного произведения с прочими относящимися к тому же времени произведениями предполагаемого автора; <...> в) совпадение биографических фактов, отразившихся в анонимном произведении, с известными фактами биографии автора».⁸ Три критерия должны выполняться одновременно. Кроме того, следует отвести авторство других кандидатов. Наконец, в современной (цифровой) текстологии все чаще используется и статистический метод измерения стилистической близости анонимных текстов, известный как дельта Бёроуза, однако он может применяться только для текстов более 5000 слов.⁹ Ограничение на объем почти полностью выводит из сферы приложения метода критику и публицистику, поскольку

³ Фридлендер Г. М. У истоков «почвенничества» (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч») // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1971. Т. 30. Вып. 5. С. 405.

⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем. Т. 18. С. 277.

⁵ Попутно укажем, что уже после выхода 18-го тома Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского комментаторы издания работ О. К. Дорошкевича без аргументации приписали рецензию на украинские рассказы Вовчок в № 1 «Светоча» за 1860 год М. Ф. Де-Пуле (Дорошкевич О. К. Реалізм і народність української літератури... С. 297). Однако это предположение совершенно невероятно: Де-Пуле в 1859–1860 годах сотрудничал в основном в «Русском слове» и в конце 1860 года, судя по письму, впервые обратился к М. М. Достоевскому с предложением опубликовать во «Времени» его статью «Нечто о мышках и букашках» (см. письма М. М. Достоевского к Де-Пуле: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы. Пг., 1922. С. 507–511). Кроме того, в 1859 году Де-Пуле напечатал в «Русском слове» (№ 10) положительную рецензию на украинские рассказы Вовчок, которая имеет крайне мало общего со статьями в «Светоче».

⁶ См.: <https://philolog.petrsu.ru/mdst/texts/publ/publ.htm>; дата обращения: 31.07.2023.

⁷ См., например: Рейсер С. А. Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978. С. 83–103.

⁸ Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени (1750–1765). М.; Л., 1936. С. 160. См. также: Берков П. Н. Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII в. // Русская литература. 1958. № 2. С. 180–189.

⁹ См., например: Орехов Б. В., Великанова Н. П. Цифровая текстология: атрибуция текста на примере романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Мир Шолохова. Научно-просветительский общенациональный журнал. 2019. № 1. С. 70–82.

в идентификации нуждаются, как правило, сравнительно короткие анонимные рецензии и заметки. Так, длина рецензии на русские рассказы Вовчок всего около 2000 слов, следовательно, мы не можем использовать дельту Бёрроуза и вынуждены ограничиться традиционными методами атрибуции.

Далее мы проанализируем обе рецензии с точки зрения одновременного соответствия всем названным выше критериям.

Говоря о принципе *идеологического единства* обсуждаемых текстов, следует сразу сказать, что в нашем распоряжении есть большая программная статья А. П. Милюкова, авторство которой документально подтверждено и которая посвящена той же тематике — развитию и современному состоянию украинской литературы и, в частности, творчеству Марко Вовчок. Речь идет об опубликованной в № 4 «Эпохи» за 1864 год статье «Вопрос о малороссийской литературе», которая была подписана («А. Милюков») и включена в прижизненное собрание статей критика 1875 года.¹⁰ Что касается альтернативного автора, М. М. Достоевского, то у него нет документально подтвержденных статей в «Светоче», «Времени» и «Эпохе» за 1860–1864 годы, в которых рассматривалась бы та же малороссийская проблематика. Отсюда следует, что у нас есть основания для проверки в первую очередь гипотезы о принадлежности Милюкову как минимум первой из рецензий, которая посвящена именно украинским рассказам Вовчок, вышедшим в русском переводе.

Сравнение текста этой рецензии с подписанной статьей Милюкова «Вопрос о малороссийской литературе» позволяет увидеть идеинные, композиционные и стилистические (на уровне лексики) сходства и даже повторы, которые с высокой долей вероятности указывают на то, что автором обоих текстов был один и тот же человек.

Прежде всего, и в рецензии 1860 года, и в статье 1864-го Милюков развивает одну и ту же концепцию, в которой эстетические достоинства рассказов были увязаны с социально-политическими реалиями того времени и пресловутым вопросом о потенциальной автономии украинского (или, как тогда говорили, «малороссийского») языка и, как следствие, украинской литературы.¹¹ Критик разграничивал литературу «племени» и литературу «народа». Если первая стеснена узкими рамками народных преданий и фольклора, то вторая способна воплощать любое содержание. Милюков считал малороссийскую литературу сугубо «племенной», отказывая ей в народном (т. е. национальном) потенциале. Такая позиция четко и последовательно проводится и в короткой рецензии 1860 года, и в большой статье 1864 года. Более того, авторы обоих текстов выстраивают статью из одних и тех же аргументационных блоков, следуя единой логике, хотя, конечно, статья в «Эпохе» примерно в 2,5 раза длиннее и, соответственно, содержит гораздо больше аргументов. Например, Милюков совершает пристальный экскурс в историю украинского языка и древней словесности, приводит обширные цитаты из В. Г. Белинского, также отрицавшего существование украинского литературного языка. В конце статьи дается серьезный обзор творчества Т. Г. Шевченко, а в самом finale Милюков все-таки, на минуту, допускает возможность существования автономной украинской литературы, но лишь при одном условии — обретении политического суверенитета. Поскольку это невозможно и Малороссия является частью России, то ни о какой самостоятельной украинской литературе говорить не приходится.¹²

В рецензии 1860 года можно выделить четыре блока, в конспективном виде содержащие тезисы и аргументы, развернутые в статье 1864 года. Во-первых, сразу же зада-

¹⁰ Милюков А. П. Отголоски на литературные и общественные явления. СПб., 1875. С. 126–163.

¹¹ О лингвистических и исторических дискуссиях 1850–1860-х годов см., например: Миллер А. И. «Украинский вопрос» в политике российских властей и общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000; Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012. С. 172–243; Лескинен М. В. Великоросс / Великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 203–233.

¹² Милюков А. П. Вопрос о малороссийской литературе // Эпоха. 1864. № 4. С. 101.

ется оппозиция «племенной» литературы / жизни и жизни целого народа / нации. Здесь и далее курсивом мы маркировали повторы одинаковых слов и выражений:

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Вопрос о том, до какой степени возможна литература такой народности, как малороссийская, — вопрос почти решенный. *Племенная* литература, как бы ни было богато одарено от природы самое *племя*, если оно только родственно господствующему народу, всегда бывает *замкнута в кругу очень тесном*; она может быть богата произведениями, выражавшими быт, воспоминания, характер племени, но никогда не возвысится до общенародного значения. Это только материал для литературы народа.¹³

Затем Милюков дает краткий обзор развития малороссийской литературы в XIX столетии от Квитки-Основьяненко до Гоголя, обращая внимание на общую для них всех траекторию — сознательный выбор в пользу русского языка:

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

В настоящем столетии в Украине начала возникать литература в новом более широком смысле; но как самая племенная жизнь, по элементам своего содержания, была слишком узка и ограничена, то большая часть талантов скоро выходила из тесного круга своей народности, оставляя свой *племенной* язык и обращаясь к литературе *русской*, обещавшей содержание более широкое и полное [далее следует упоминание Квитки-Основьяненко и Гребенки] (Светоч-1, с. 69).

Гоголь, несмотря на горячую любовь к родной Малороссии, как великий талант почувствовал сразу, как невозможно для него развитие в пределах племенной народности, а потому, *обогатясь ее элементами, он тотчас же примкнул к общей русской жизни, сам почерпнул в ней могучие и разнородные силы и в нее внес новую, не бывалую струю* (Светоч-1, с. 70).

**Милюков А. П.
Вопрос о малороссийской литературе**

Племенная жизнь отдельной провинции нигде не создавала самобытной литературы; не могла создать ее и настоящая жизнь Малороссии, в которой с перерождением казачества не осталось никаких самобытных элементов, вне общих начал русской жизни, кроме одних местных преданий, провинциальных обычаем и воспоминаний о давно отжившей старине. Вот почему обширному литературному дарованию в Малороссии становилось *душно в тесном и замкнутом кругу провинциального воззрения*.¹⁴

**Милюков А. П.
Вопрос о малороссийской литературе**

Все истинно талантливое неизбежно тяготело к общей русской жизни, к русскому литературному языку и к общей нашей литературе. Целая толпа даровитых представителей новой русской литературы вышла из Украины, и все эти талантливые писатели или с первого своего шага обращались к русскому языку, как Гнедич и Нарежный, или после нескольких опытов на местном наречии неизбежно примыкали к общей русской литературе, как Основьяненко, Гребенка и наконец Гоголь (Милюков, с. 90).

При всей горячей любви к Малороссии, при сочувствии к ее поэтическим преданиям, к ее прекрасной родной поэзии старины, истинно талантливые украинские писатели понимали, что примыкная нераразрывно к общему русскому отечеству <...>, она в будущем не может жить более отдельной, самостоятельной жизнью, и отныне умственная деятельность Украины должна также сливаться с общерусской деятельностью <...>. Все здраво понимающие дело видели, что малороссийские писатели, обращаясь к общерусскому языку, вносят новые элементы в нашу литературу и сами с другой стороны почерпают в ней живительные силы, каких никогда не в состоянии дать узкая среда провинциального быта (Милюков, с. 90).

Далее Милюков почти в одних и тех же выражениях конкретизировал причины, по которым малороссийские авторы переходили на русский язык — не из-за недостатка патриотизма, а в поисках более широкой читательской аудитории:

¹³ [Б. п.]. Украинские народные рассказы Марко Вовчка, пер. И. С. Тургенева. СПб., 1859 // Светоч. 1860. №. 1. Отд. Критическое обозрение. С. 68 (далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно: Светоч-1, с указанием номера страницы).

¹⁴ Милюков А. П. Вопрос о малороссийской литературе. С. 89. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно: Милюков, с указанием номера страницы.

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Это зависело не от недостатка патриотизма, а оттого, что таланту, воспитавшемуся в новой жизни, трудно было дышать в тесной, ограниченной среде племенной народности: его томило в ней, тяготило подавляющей узостью жизни, и он стараясь вырваться в более широкий круг, не находил другого исхода, как только русскую жизнь и литературу, и освежаясь в ее источнике, нередко и сам вносил в нее новую, освежающую струю (Светоч-1, с. 70).

После этого Милюков в обоих текстах задействует аргумент из сравнительной истории стран, культур и литератур, апеллируя к опыту других империй — в частности Британской, которая подчинила себе Шотландию, но автономной шотландской литературы в результате так и не развились, хотя входящие в состав государства «племена» вполне способны дать литературе весьма самобытных поэтов, воспевших локальный колорит своей родины. Если в Великобритании таким был Роберт Бернс, то в России — Тарас Шевченко, к которому далее обращается Милюков:

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Шотландия дала английской литературе несколько талантов, но сама не выработала ни одного замечательного поэта; Малороссия в этом отношении была гораздо счастливее: она подарила России много имен, которыми гордится наша новая литература, и в то же время создала своего самобытного, вполне родного поэта. Мы говорим о Шевченко (Светоч-1, с. 70).

**Милюков А. П.
Вопрос о малороссийской литературе**

Это обращение лучших талантов Украины <...> происходило не от недостатка сочувствия их к своему местному, народному элементу, не от равнодушия или пренебрежения к родной стране, не от чуждого, искусственного воспитания в антинародном духе, но от желания иметь больший круг читателей; но от недостатка литературных элементов в бытовой жизни племени, от тесноты мелкой провинциальной среды, от сознания возможности одного только литературного языка, от убеждения наконец в том, что читающая публика есть общая публика русская (Милюков, с. 89–90).

**Милюков А. П.
Вопрос о малороссийской литературе**

Как народные песни и баллады на шотландском и уэльском наречии, собранные в конце прошлого века, обратили на себя внимание всей Англии, так и издание этих народных памятников малороссийской поэзии вызвало искреннюю симпатию в русском обществе. Но малороссы на этом не остановились. В Англии народные шотландские песни послужили только источником вдохновения для Борисов и Вальтер-Скоттов, но не оторвали их от общей английской литературы и выработанного веками общего английского языка; у нас же в Малороссии нашлись люди, которые обращаясь к живому источнику племенной народной поэзии, начали вместе с тем мечтать о литературной самобытности своего наречия (Милюков, с. 76).

Наконец в недавнее время появился талантливый поэт, который при полном знании русского языка остался верен своему провинциальному наречию и писал на нем с таким успехом, что многие земляки увидели в нем первоклассного гения (Милюков, с. 77).

Наконец, речь в обеих статьях заходит и о рассказах Марко Вовчок. Как видно из сопоставительного примера ниже, в статье 1864 года Милюков суммировал свои выводы из более ранней рецензии, используя те же самые ключевые характеристики прозы Маркович — сентиментальность, монотонность, бедность содержания. В итоге вердикт остается прежним: Вовчок скоро забудут, если она не изменит направление.

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

От этих сантиментально-обличительных повестей вы переходите к тем рассказам, в которых автор рисует любовь, и сперва несколько от-

**Милюков А. П.
Вопрос о малороссийской литературе**

Несмотря на несомненное дарование писательницы, известной под этим именем, на ее неподдельное чувство, задушевную искренность

дыхаете, но и здесь наконец видите ту же монотонную грусть, те же нескончаемые слезы и жалобы. Все эти козаки и козачки точно так же плачут в счастии, как и горестях. *«... книга Марка Вовчка становится нестерпимою, и вам хочется бросить ее и отдохнуть на чем-нибудь другом.* *«... Это зависит вовсе не от силы чувства или слишком резкой самобытности дарования, а оттого, что дарование автора отличается однообразием мотивов и бедностью содержания* (Светоч-1, с. 76).

Положения и лица во всем этом до того сходны, грусть в этих рассказах так монотонна, что кажется вам пересказывают одну слезливую и бесконечно-печальную сказку, и всякий раз, доведя ее до конца, опять начинают сначала (Светоч-1, с. 75–76).

Успех этот едва ли прочен. Если Марк Вовчек не найдет каких-нибудь новых сторон в жизни, не выйдет из монотонного мотива одной вечно повторяющейся песни, то он не пойдет уже далее в нашей литературе — его монотонные рассказы прискучат самым горячим его почитателям и скоро будут забыты (Светоч-1, с. 76).

Как представляется, отмеченные совпадения, будучи одновременно и идеальными, и стилистическими, вплоть до повтора целых фраз, не оставляют почти никаких сомнений, что А. П. Милюков — автор более ранней рецензии и впоследствии использовал ее для подготовки статьи в «Эпоху».

В отличие от рецензии на украинские рассказы, ситуация с отзывом о русских рассказах Вовчок обстоит далеко не так однозначно.

Прежде всего отметим, что, хотя рецензия в № 10 «Светоча» и посвящена все тому же автору (Марко Вовчок), внимание обозревателя смещается на второй ее сборник — «Рассказов из народного русского быта». Теоретически ничего не мешало Милюкову как редактору журнала¹⁵ заказать рецензию кому-то другому — например, тому же М. М. Достоевскому или же Н. М. Соколовскому, поместившему в «Светоче» за 1860 год несколько подписанных статей о крупных произведениях отечественной литературы. Тем не менее следует рассмотреть аргументы в пользу авторства того же Милюкова.

Во-первых, анонимный автор сообщает: «...мнение наше о произведениях Марко Вовчок было уже однажды высказано в нашем журнале; новая книжка этой писательницы еще более убедила нас в прежнем нашем о ней мнении».¹⁶ Обычно такие формулировки в журналах того времени указывают на то, что обозреватель, пишущий от лица «мы», отсылает к своей предыдущей рецензии, а не имеет в виду позицию журнала в целом (хотя, конечно, бывали и исключения).

Идейно-концептуальное наполнение рецензии на русские рассказы в целом совпадает с содержанием предшествующей статьи; автор статьи весьма низко оценивает художественный уровень рассказов, отмечает монотонность содержания и однообразие персонажей, которое создает у читателя ощущение вечного повторения, наподобие бесконечной сказки:

¹⁵ Ср. в его мемуарах: «Когда я заведывал редакцией „Светоча“, у меня каждую неделю собирались по вечерам сотрудники» (Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. СПб., 1890. С. 238).

¹⁶ [Б. п.]. Рассказы из народного русского быта, Марко Вовчка, Москва, 1859 // Светоч. 1860. № 10. Отд. III. С. 41 (далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте сокращенно: Светоч-10, с указанием номера страницы).

в рассказе и даже заметную художественность в компоновке характеров и положений, — какая у нее *бедность в содержании*, какое отсутствие жизненного мировоззрения, однообразие в основной идеи, какая *монотонность в изложении* и наконец какая во всем провинциальная мелкость и *сентиментальность!* *«... Всякий новый рассказ ее только пересказ прежнего; это не новая картина, но тот же самый эскиз с другой и притом очень близкой точки зрения; не новые лица, но те же самые портреты, снятые то в профиль, то в три-четверти. И все это вращается в одном, самом узком кругу, в объеме одного только вопроса, вдобавок теперь совершенно исчерпанного и отжившего. Читать новые рассказы этой писательницы так же утомительно, как слушать двадцать раз к ряду, с ничтожными вариантами, одну и ту же сказку, пересказываемую в одном и том же тоне, тем же самым складом. Будущности у Марка Вовчка нет никакой, пока эта писательница останется верна своему провинциальному воззрению и своему племенному наречию* (Милюков, с. 90).

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Положения и лица во всем этом до того сходны, грусть в этих рассказах така *монотонна*, что кажется вам *пересказывают одну слезливую и бесконечно-печальную сказку, и всякий раз, доведя ее до конца, опять начинают сначала* (Светоч-1, с. 75–76).

**Анонимная рецензия
на русские рассказы Вовчок**

— Сказать тебе сказочку про белого быка?
— Скажи.
— Ты говоришь-сказки, я говорю-сказки и т. д.
Сказать тебе сказочку про белого бычка?
Колыбельная присказка (Светоч-10, с. 39).

В конфектных, приторных рассказах Марка Вовчка мы могли только иногда видеть теплое чувство — но до того *монотонное и однообразное*, что оно сначала только утомляет, но потом делается несносным, нестерпимым, как *бесконечная сказка о белом бычке* (Светоч-10, с. 47).

В первой рецензии Милюков лишь впроброс замечает, что чтение рассказов Вовчок подряд навевает ощущение бесконечной сказки, которая в конце начинается сначала. Во второй рецензии автор как будто подхватывает это сравнение и выносит в эпиграф сказку про белого бычка. Вряд ли такое совпадение случайно.

Рамочная концепция второй рецензии удивительно напоминает рассуждения Милюкова в первой рецензии и статье 1864 года о соотношении «племенной» и «народной» литературы. Эта антитеза и ее лексическое оформление настолько характерны для идиостиля Милюкова, что вряд ли могли бы быть общим местом в критике начала 1860-х годов, поскольку мало кто из критиков обращался к проблеме малороссийской идентичности и литературы:

**Анонимная рецензия
на украинские рассказы Вовчок**

Племенная литература, как бы ни было богато одарено от природы самое *племя*, если оно только родственно господствующему народу, всегда бывает *замкнута в кругу очень тесном* (Светоч-1, с. 68).

...*большая часть талантов скоро выходила из тесного круга своей народности, оставляла свой племенной язык* и обращалась к литературе русской, обещавшей содержание более широкое и полное (Светоч-1, с. 69).

**Анонимная рецензия
на русские рассказы Вовчок**

Из среды *узкой племенной жизни*, которую прежде Марко Вовчек избирала темою для своих рассказов, она перешла теперь в среду русского народного быта, где более живого элемента и красок для художника и где писатель *не стеснен, не сужен бедностью и однообразием племенной жизни*. Но Марко Вовчек и в этой новой среде осталась все той же, с тем же мироизречением, теплым, но утомительным до *монотонности* чувством, с тем же неподвижным *однообразием* (Светоч-10, с. 41).

В правом столбце обращает на себя внимание слово «элемент», встречающееся в анонимной статье два раза (см. также: Светоч-10, с. 42). В статье Милюкова «Вопрос о малороссийской литературе» оно употреблено 18 раз. В двухтомнике сочинений М. М. Достоевского и в двух его критических статьях (о «Грозе» и стихотворениях А. Н. Плещеева) оно не встречается совсем, поэтому есть довольно веское основание считать это слово характерным для Милюкова периода 1860–1864 годов.

В обеих рецензиях есть еще одно сходство — на сей раз композиционное. Обе статьи открываются упоминанием покровителя Марко Вовчек — И. С. Тургенева. В рецензии на украинские рассказы Милюков приводит анекдот о некоем биржевом игроке, у которого, благодаря одному лишь факту знакомства с Ротшильдом, дела пошли в гору. Так же Вовчок, по мнению рецензента, реклама Тургенева принесла внимание читателей и критиков. В рецензии на рассказы из русского быта автор снова вспоминает о проекции Тургенева: «Один писатель, любимый публикой — сам взялся перевести ее малороссийские рассказы на русский язык, справедливо предполагая, что это лучшая рекомендация для начинающего литератора» (Светоч-10, с. 39).

Наконец, во второй анонимной рецензии можно найти два биографических факта, которые, как представляется, также делают авторство Милюкова гораздо более вероятным, чем М. М. Достоевского.

В начале статьи, рассуждая о якобы незрелости некоторых критиков, торопливо объявляющих начинающих писателей гениями и крупными талантами, автор делает выпад в адрес А. А. Григорьева (не называя фамилии) и его фельетона в «Сыне отечества» (1860), где он объявил молодого поэта К. К. Случевского надеждой русской поэзии и «новым Лермонтовым» (Светоч-10, с. 40). Примечательно, что то же неприятие и та же нескрываемая ирония по отношению к Григорьеву и его странной журнальной выходке возникают еще в двух анонимных статьях «Светоча» за 1860 год. Так, в № 4 в рецензии на сочинения Евгения Тур критик иронически и сожалением рассказывал об «одном из наших талантливейших писателей», который «по прихоти» увидел в стихотворениях Случевского будущее русской поэзии и «словами какого-то подставного Ивана Ивановича — торжественно и громогласно объявлял всем о появлении нового, сильного, гениального таланта».¹⁷ В анонимной полемической статье «Крестовый поход наших передовых журналов на Пушкина», судя по всему, тот же автор упрекал «корифеев журналистики» в «старческом недовольстве», «дряхлом охлаждении» и «припадках страсти к оригинальности». В качестве примеров последней приводились восторги критики «сахарными повестями Марко Вовчок и поэзией Случевского».¹⁸ Велика вероятность, что эти анонимные рецензии и обзоры были написаны редактором Милюковым, который, пользуясь своей должностью, мог, как это было принято в то время, не подписывать статьи.

Вероятно, что Милюкову, если это был он, не нравились причуды эксцентричного Григорьева, который в воспоминаниях критика изображен как талантливый, но все время находящийся в долгу у редактора сотрудник. Отношение М. М. Достоевского к Григорьеву было иным, и в своей единственной подписанной статье в «Светоче» он, также не называя критика по фамилии, тем не менее, возводит ему должное за открытие таланта А. Н. Островского и именует его мнение гласом вопиющего в пустыне: «В особенности много, резко и долго вопиал в огромной пустыне один талантливый голос, который так же громко, хотя и менее резко, раздавался в последнее время за г. Островского и в петербургских журналах. Этому голосу принадлежит и та фраза, над которой в былое время так глумилась наша критика: Островский действительно сказал новое слово».¹⁹

Из этой цитаты и из более широкого контекста отношений М. М. Достоевского и Григорьева в 1860–1861 годах следует, что вряд ли первый, будь он автором анонимной рецензии на рассказы Вовчок, стал бы мелочно подтрунивать над вторым за то, что тот неосмотрительно увлекся поэзией Случевского.

Второй биографический факт в анонимной статье не выглядит столь же убедительно, как первый, однако мы обязаны к нему обратиться, поскольку он косвенно связан с предыдущим. Критик сравнивает Машу из одноименного рассказа Вовчок с героем пародии Амоса Шишкина (псевдоним А. П. Сниткина) «Солнечный свет» на стихотворение А. Н. Майкова «Лунный свет» (Искра. 1859. № 47). В 1860 году Сниткин был сотрудником «Светоча» и вел там «Петербургскую летопись» и «Карикатурный листок». В «Летописи» № 3 Сниткин высмеивал ту же самую статью Григорьева о стихотворениях Случевского, что и анонимный критик.²⁰ Логично предположить, что рецензент и Сниткин были хорошо знакомы и читали друг друга на страницах одного и того же журнала. Если бы рецензентом был М. М. Достоевский, вероятность этого была бы в разы меньше, чем в случае с Милюковым, который, будучи редактором, явно прочитывал все материалы журнала.

Осталось понять, какие у нас есть аргументы в пользу авторства других кандидатов — в первую очередь М. М. Достоевского или кого-либо из прочих сотрудников

¹⁷ [Б. п.]. Повести и рассказы Евгении Тур. Москва, 1860 // Светоч. 1860. № 4. С. 46.

¹⁸ [Б. п.]. Критическое обозрение русской литературы. Крестовый поход наших передовых журналов на Пушкина // Светоч. 1860. № 8. Отд. III. С. 22.

¹⁹ Достоевский М. М. «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // Светоч. 1860. № 3. Критическое обозрение. С. 3–4.

²⁰ Сайкина Н. В. Сниткин Алексей Павлович // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 694.

«Светоч». На авторство старшего из братьев Достоевских указывает, по сути, лишь одно обстоятельство — совпадение в требованиях к художественности, которая не должна подчиняться идеологии. Именно в этом состояла суть эстетической позиции в статье Достоевского о «Грозе» Островского. Легко заметить, что примат художественности — весьма распространенный в критике того времени аргумент, обсуждавшийся в статьях П. В. Анненкова, В. П. Боткина, А. В. Дружинина, С. С. Дудышкина, А. А. Григорьева, наконец, и А. П. Милюкова, практически в каждой статье которого в сборнике 1875 года встречается слово «художественный» и его дериваты. Один лишь этот критерий ни в коем случае не может считаться достаточным для определения автора статьи.

Что касается других кандидатов, то вероятным претендентом мог бы быть Николай Михайлович Соколовский, регулярно писавший для «Светоч» большие критические статьи в 1860 году. Однако против него свидетельствуют тематика (неизвестны его тексты об украинских авторах), стиль (его статьи очень риторичны и эмоциональны) и биографические реалии. Все статьи Соколовского в «Светоче» подписаны его именем. Это было важно для начинающего критика, очевидно потому, что в это время он служил судебным следователем в Симбирске и был крайне заинтересован в накоплении символического капитала в петербургских журналах.²¹ Таким образом, авторство Соколовского представляется крайне маловероятным.

Подведем итоги. Как мы попытались доказать, автором первой рецензии «Светоч» на украинские рассказы Вовчок был А. П. Милюков, что с чрезвычайно высокой вероятностью подтверждается совокупностью всех обстоятельств и выполнением всех критериев атрибуции. Об авторстве же второй рецензии на русские рассказы уже не приходится говорить столь уверенно, однако представленные нами аргументы говорят в пользу Милюкова и против М. М. Достоевского. Отсюда следует два вывода. Во-первых, рецензия на рассказы из русского народного быта должна быть выведена из состава ЭНИ «М. М. Достоевский» на сайте Петрозаводского государственного университета или, по меньшей мере, перемещена в раздел *Dubia*. Во-вторых, этот факт должен быть в будущем учтен и в новом комментарии к статье Ф. М. Достоевского «Г-н –бов и вопрос об искусстве», который будет обновляться для нового академического Полного собрания сочинений писателя.

²¹ Викторович В. А. Соколовский Николай Михайлович // Там же. С. 720.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-180-191

© С. Н. Гуськов

**ЗАЧЕМ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» В 1863 ГОДУ ПРИЗЫВАЛА
РУССКИХ ДВОРЯН ВЕРНУТЬСЯ НА РОДИНУ?
(ЕЩЕ РАЗ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. А. ГОНЧАРОВА
НА ПОСТУ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ)***

Массовый отъезд в Европу русских дворян¹ в начале 1860-х годов стал заметным явлением для современников, нашел отражение в творчестве И. С. Аксакова, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, И. С. Тургенева и других авторов. Чувстви-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01858, <https://rscf.ru/project/22-28-01858/>, ИРЛИ РАН.

¹ Отмечалось, что миграционные потоки или «отливы» из России растут именно с 1860-х годов, когда начинается так называемая «вторая эпоха русской эмиграции». С 1860-го по 1890-й из России выехало примерно 1 млн. 130 тыс. человек, для сравнения, в предыдущую эпоху, с 1828 по 1859 год около 33 тыс. (Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. С. 11).

тельным отток подданных оказался и для правительства. Западник И. А. Гончаров, в 1850–1860-х годах активно трудившийся на различных административных нивах, в рассмотренном далее сюжете несколько неожиданно предстает оппонентом обосновавшихся в Европе соотечественников.²

6 апреля 1863 года правительенная газета «Северная почта», которой уже более полугода руководил Гончаров, перепечатала обличительную статью славянофильской газеты «День» о русских, длительно или постоянно проживавших за границей. В публикации выражалась озабоченность незавидным статусом соплеменников в Европе, осуждались их раболепство перед иноземцами, всегдашая готовность и даже стремление к ассимиляции, желание обучать своих детей как иностранцев, неспособность сохранить на чужбине национальную самобытность. Приводилась статистика 1860 года, согласно которой за границу выезжало около 275 000 русских (без малого четверть российских дворян), почти половина которых оставалась за границей длительное время.³ «Помещики и помещицы, до старости лет дожившие в своих деревнях на сытном хлебе, в барском неглиже, халатах, капотах и беличьих тулуках; потревоженные — как стая диких уток выстрелом охотничьего ружья — отменою крепостного права, поднялись стаей и опустились на Европу. Можно было думать, что вот они-то, по крайней мере, явят иностранцам что-нибудь свое, оригинальное — хотя бы и уродливое — ничуть не бывало! Они, действительно, очень оригинальны за границей, — но не самостоятельностью, а переизбытком душевного раболепства пред иностранцами вообще, пред французами в особенности»,⁴ — писал среди прочего И. С. Аксаков, скрывшийся за псевдонимом Касьянов.⁵

Перепечатке этой статьи в «Северной почте» было предпослано содержательное предисловие. Его анонимный автор конвертировал культурно-патриотический пафос Аксакова в сугубо экономические резоны: выражая общее согласие с публикацией «Дня», он переводил разговор в практическую плоскость, акцентируя не столько культурный и моральный, сколько финансовый ущерб, нанесенный Российской империи многочисленными туристами и эмигрантами: «Искренне желаем, чтобы разумный и патриотический голос русского путешественника достиг до слуха русских, поселившихся за границею; желаем, чтоб они поняли, что в настоящее именно время, когда преобразовывается весь гражданский строй нашего отечества, не за границею место нашим дворянам и помещикам; их место на родине, где они своею гражданской деятельностью и своими капиталами должны содействовать русскому правительству к обновлению России».⁶ Этот сюжет ранее был нами подробно рассмотрен, и по ряду признаков (идеологических, стилистических, лексических и биографических) установлено, что предисловие написано главным редактором «Северной почты» Гончаровым.⁷

Интересно, что апрельская антиэмigrantская (ре)публикация «Северной почты» имела продолжение. В указателе содержания газеты за 1863 год предисловие помещено

² Формально длительно жившие за границей русские не были эмигрантами: «Дореволюционный русский закон не допускал свободного перехода русских подданных в иностранное подданство, он ограничивал пребывание русских подданных за границей сроком в пять лет, по истечении которых надо было просить губернатора, выдавшего паспорт, об отсрочке. Нарушение этих положений каралось, <...> виновный считался навеки изгнанным из страны, а имущество его переходило в опекунское управление» (Там же. С. 5). См. также: Яновский С. Я. Русское законодательство и эмиграция // Журнал Министерства юстиции. 1909. № 4. С. 86–114.

³ Статистика въезда и выезда российских подданных через границы империи опубликовалась в статистических ежегодниках Министерства внутренних дел; см.: Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции. С. 6.

⁴ Северная почта. 1863. 6 апр. № 74. С. 294.

⁵ В газете «День» были опубликованы еще несколько писем из Парижа и Баден-Бадена; см.: Аксаков И. С. Письма в редакцию «Дня» // Аксаков И. С. Соч. СПб., 1891. Т. 2. Славянофильство и западничество. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». С. 96–134.

⁶ Северная почта. 1863. 6 апр. № 74. С. 294.

⁷ Гуськов С. Н. Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной почте») // Складчина. Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской, А. С. Федотова. М., 2019. С. 63–70.

в раздел «Редакционные статьи» и под заголовком «О русских, пребывающих за границею, и отношении их к своей национальности» объединено с более поздней публикацией от 14 мая того же года. Указатель составлялся квалифицированным библиографом:⁸ как правило, материалы из разных номеров, сгруппированные под общим названием, принадлежали одному автору. Например, из дневника фактического создателя газеты министра внутренних дел П. А. Валуева мы узнаем, что в пяти номерах «Северной почты» им публиковался проект организации земских учреждений. Об этих статьях сообщается в дневниковой записи от 29 июня 1863 года: «В „Северной почте“ сегодня напечатана последняя из 5-ти статей, помещенных в ней по моему распоряжению и отчасти из-под моего пера, о земских учреждениях».⁹ Все эти пять статей, анонимно вышедшие в № 138, 140, 141, 142 и 143, объединены в указателе содержания за 1863 год под названием «О земских учреждениях».

Исходя из этого, логично предположить, что и вторая статья о заграничных русских тоже была написана Гончаровым: тематически и риторически она связана с текстом предисловия, в ней повторяются мотивы экономической целесообразности возвращения русских эмигрантов на родину, унизительности их положения за границей, а также сопоставление русского и англичанина, в подробностях развернутое Гончаровым еще во «Фрегате „Паллада“».¹⁰ В тексте присутствуют лексические маркеры гончаровского идиомы. Показательно выражение «архимедов рычаг». При кажущейся общеупотребительности этого словосочетания (оно относится к общезвестному физическому закону), данные различных литературных корпусов указывают на то, что в таком виде именно Гончаров употреблял это словосочетание наиболее часто.¹¹ Оно встречается во «Фрегате „Паллада“»: «Кажется, довольно одного прикосновения к этим глыбам, чтоб они полетели вниз, между тем здесь *архимедов рычаг* бессилен. Нужно по крайней мере землетрясение...»;¹² в «Обломове»: «...любовь, с силою *архимедова рычага*, движет миром...» (4, 448), в «Обрыве»: «О газетах потише — это *Архимедов рычаг*: они ворочают миром...» (7, 209); в «Заметках о личности Белинского»: «В руках противников Белинского упрек в неучености, как известно, был *Архимедов рычаг*, которым они старались столкнуть его с места, но, конечно, безуспешно»;¹³ в «Литературном вечере»: «Газета — это не только живая хроника современной истории, но и *архимедов рычаг*,двигающий европейский мир политики, общественных вопросов...» (VII, 110); статье «Нарушение воли»: «Против гласности мудрено восставать, как против *Архимедова рычага*, по-своемудвигающего миром, но есть такие уголки в частной жизни, которых не должен касаться этот рычаг» (VIII, 121); а также в письмах: «Вопрос этот довольно важный: именно об образованности или необразованности, или, вернее, об учености и неучености Белинского. <...> У Вас это приводится, как простое свидетельство, в руках же противников его, как Вам известно, это был упрек,

⁸ Указатели содержания «Северной почты», скорее всего, были подготовлены Ю. М. Богушевичем, который к моменту его приглашения в газету Гончаровым уже имел немалый библиографический опыт. В частности, им был составлен: Указатель статей серьезного содержания, помещенных в русских журналах прежних лет: [В 5 вып.] / Изд. Н. Бенардаки и Ю. Богушевича. СПб., 1858.

⁹ Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1. 1861–1864. С. 233.

¹⁰ Отметим, что смысл двух этих сопоставлений различен. Вероятно, это указывает на эволюцию некоторых взглядов Гончарова к 1863 году.

¹¹ Любопытно, что другие авторы, упоминавшие об этом же открытии Архимеда, чаще говорили про «архимедову точку». См., например: Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 10. С. 328; Т. 17. С. 82; Т. 19. С. 46, 195; Т. 29. С. 222; Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 424. Встречается также «эврика!» и «архимедов винт».

¹² Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997. Т. 2. Фрегат «Паллада»: Очерки путешествия в двух томах / Текст подг. Т. И. Орнатская; ред. В. А. Туниманов. СПб., 1997. С. 208. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами. Курсив в цитатах здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, мой. — С. Г.

¹³ Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1955. Т. 8. Статьи, заметки, рецензии, автобиографии, избранные письма. С. 62. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами.

которым они, как *Архимедовым рычагом*, старались столкнуть его с места, и стараются даже до сих пор (недавно, кажется, Погодин)» (VIII, 462; из письма К. Д. Кавелину от 25 марта 1874 года). Всего в корпусе собраний сочинений (russian-literature.org) в текстах Гончарова словосочетание «архимедов рычаг» употреблено семь раз.

Кроме перечисленных текстов, в этом же корпусе словосочетание «архимедов рычаг» появляется один раз в романе «Рудин» (1856) И. С. Тургенева: «А Рудин заговорил о самолюбии, и очень дельно заговорил. Он доказывал, что человек без самолюбия ничтожен, что самолюбие — архимедов рычаг, которым землю с места можно сдвинуть, но что в то же время тот только заслуживает название человека, кто умеет овладеть своим самолюбием, как всадник конем, кто свою личность приносит в жертву общему благу...».¹⁴ Заметим в скобках, что тургеневский герой пересказывает мысль Печорина из «Героя нашего времени» («О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар»¹⁵). В Национальном корпусе русского языка (ruscorpora.ru) регистрируется меньше вхождений у Гончарова (три), у других авторов до конца XIX века словосочетание встречается в единичных случаях. Употребление словосочетания Тургеневым в тексте 1856 года гипотетически может объясняться довольно интенсивным общением писателей в период после возвращения Гончарова из морского похода, а также известным интересом Тургенева к творчеству Гончарова. Статья Н. В. Шелгунова, в которой также зафиксировано интересующее нас словосочетание, — это рецензия на роман Гончарова «Обрыв». «Архимедов рычаг» у Шелгунова — скрытая цитата, свидетельствующая, вероятно, о том, что Шелгунов воспринял это выражение как специфически «гончаровское».

Несколько меняет картину «Google Books»; согласно этому корпусу, словосочетание отмечается и у других авторов, но случаи эти неизменно единичны. Тем не менее, как кажется, это не опровергает предположения, что выражение «архимедов рычаг» является характерной приметой гончаровского идиостиля.

В тексте есть и другие лексические маркеры, которые могут указывать на авторство Гончарова: например, «эластичные понятия» (ср.: «А нас за стол садилось в этой каюте одиннадцать человек, да в другой, офицерской, шестеро. Не одни вещи эластичны!» («Фрегат „Паллада“»; 2, 629); «Как жизнь-то эластична! — задумчиво произнес Райский» («Обрыв»; 7, 228)); «вещественные и невещественные блага» (ср. знаменитое: «вещественные знаки... невещественных отношений...» («Обыкновенная история»; 1, 213)). Ироническое обыгрывание в статье словосочетания «неусыпные труды» («Не скажем ни слова о больных (не включая в это число «расстроивших здоровье *неусыпными трудами* на службе и в клубах», которых, может быть, не одна тысяча выедет каждый год за границу...)») использовалось Гончаровым как ранее, в тексте «Фрегата...» («Сколько трудов, терпения, внимания — на таких пространствах, куда никто почти не ездит, где никто почти не живет! Если б видели наши столичные чиновные львы, как здешние служащие (и сам генерал-губернатор) скачут по этим пространствам, они бы покраснели за свои так называемые *неусыпные труды...*»; 2, 660; курсив автора. — С. Г.), так и позже, в «Обрыве», причем во втором случае конструкция практически идентична употребленной в анонимной статье («Повыситься из статских в действительные статские, а под конец, за долговременную и полезную службу и „*неусыпные труды*“, как по службе, так и в картах, — в тайные советники и бросить якорь в порте, в какой-нибудь нетленной комиссии или в комитете, с сохранением окладов...»; 7, 8).

Основным препятствием для атрибуции текста Гончарову выглядит заголовок «Письмо в редакцию...», а также подпись: инициалы И. П., которые довольно трудно интерпретировать как инициалы Гончарова. Однако хорошо известно, что практика мнимых писем к издателью / в редакцию журнала или газеты существовала издавна. В качестве примера можно привести пушкинское «Письмо к издателью», опубликованное в «Современнике» (1836. Кн. 3) и подписанное инициалами «А. Б.». Как отмечают

¹⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980. Т. 5. Повести и рассказы 1853–1857 годов. Рудин. Статьи и воспоминания 1855–1859. С. 227.

¹⁵ Лермонтов М. Ю. Соч.: В 4 т. М.; Л., 1962. Т. 4. Проза. Письма. С. 376.

комментаторы этого текста, «маскировка выступления Пушкина против помещенной в его же издании статьи Гоголя „О движении журнальной литературы“ обусловлена была неудобством открыто полемизировать редактору „Современника“ с одним из ближайших его сотрудников, нежеланием обнаружить отсутствие единства мнений в новом журнале по основным вопросам литературной политики. Эта же маскировка позволяла Пушкину в нескольких строках делового примечания к якобы чужой статье подчеркнуть свою солидарность с нею и попутно отмежеваться от выступления Гоголя, которое ошибочно понято было многими читателями как программа „Современника“».¹⁶

Мотивы Гончарова могли быть в чем-то схожи. Первая публикация на тему «русские за границей» была перепечаткой из газеты «День», позиция которой по актуальной повестке не совпадала с позицией правительства. Это обстоятельство отчасти нивелировалось предисловием Гончарова. Вторая публикация на эту тему также поддерживала идеи, изначально высказанные лагерем славянофилов. Возможно, поэтому редакции «Северной почты» было удобнее представить публикацию как письмо читателя. Понятно, что, имитируя письмо в редакцию, Гончаров не стал бы подписываться собственным именем или хотя бы инициалами.

В пользу того, что «Письмо в редакцию „Северной почты“» было имитацией, свидетельствует и следующее обстоятельство. 20 июня 1863 года в московской газете «Наше время», которая была официозом МВД и с 1862 года получала дотации от министра Валуева,¹⁷ было опубликовано письмо «К редактору газеты», в котором буквально повторялись и развивались высказанные в «Письме в редакцию...» идеи.¹⁸ Предположение, что два разных читателя московской и петербургской газет синхронно написали довольно пространные и в нескольких пунктах сходные по содержанию письма в редакции, выглядит маловероятным. Более правдоподобно, что оба этих «письма» были подготовлены по инициативе Министерства внутренних дел и лично Валуева. Тем более что статьями в «Северной почте» и «Нашем времени» далеко не исчерпываются публичные события весны-лета 1863 года, прагматической задачей которых было возвращение задержавшихся в Париже русских дворян на родину.

К числу этих событий относилось постановление дворянского собрания города Самары, о котором говорилось в номере «Северной почты» от 26 апреля 1863 года. «Сообщаем с особенным удовольствием, — писала газета, — следующее известие, полученное сегодня по телеграфу из Самары <...> Вчера сделано дворянским депутатским собранием, вследствие заявления приехавших для составления всеподданнейшего письма дворян, постановление о вызове в Россию проживающих за границею самарских дворян. Постановление это будет напечатано в газетах и представлено г. министру иностранных дел для предъявления находящимся за границею самарским дворянам через наши посольства и дипломатических агентов».¹⁹

Постановление было опубликовано в «Северной почте» 7 мая. В нем отмечалось, что «хотя собрание предводителей и депутатов дворянства не имеет по закону никакой власти ограничивать в чем-либо предоставленную каждому личную свободу», тем не менее оно выражает «общественный голос самарского дворянского сословия». «Выслушав этот голос, — говорилось далее, — пусть каждый из пребывающих за границею решит по совести, может ли он в настоящую пору, когда земля русская нуждается в соединении всех своих нравственных и вещественных сил, оставаться более вне пределов отечества, не навлекая на себя укора в равнодушии к земскому делу».²⁰

¹⁶ Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. Критика и публицистика. С. 503 (прим. Ю. Г. Оксмана); см. также: Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Т. I–IV. Приложение к факсимильному изданию / Вступ. статья М. И. Гиллельсона; комм. и именной указ. М. И. Гиллельсона, В. А. Мильчиной; указ. литературы Т. И. Краснобордко. М., 1987. С. 9–11.

¹⁷ См.: Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепахова. М., 1959. С. 402–403.

¹⁸ См.: Наше время. Газета политическая и литературная. 1863. 20 июня. № 119. С. 471–472.

¹⁹ Северная почта. 1863. 26 апр. № 90. С. 359. Курсив автора. — С. Г.

²⁰ Там же. 7 мая. № 99. С. 2.

Самарский документ перепечатывали и активно обсуждали и в других изданиях как сторонники, так и противники этой общественной инициативы. Газета «День» сопроводила текст постановления таким комментарием: «Это не требование, а *приглашение*, которым самый обидчивый из дворян оскорбиться не может. Мы убеждены, что это приглашение будет встречено общим сочувствием...».²¹ Автор статьи в газете «Современная летопись», напротив, увидел в постановлении самарских дворян желание ограничить свободу передвижения: «Неужели не найдется из живущих в России семидесяти миллионов жителей, за исключением 250 000 отсутствующих путешественников, достаточно людей, могущих заняться службой земству, и неужели нужно вызывать для этого из-за границы людей неспособных или занятых другим делом, к которому они имеют более призвания...».²²

«Современной летописи» отвечал известный публицист, философ, государственный деятель Ю. Ф. Самарин, который в течение последних двух лет принимал участие, в качестве члена от правительства, в самарском Губернском по крестьянским делам присутствии. В его ответе говорилось, что дворяне-землевладельцы, «сословие по преимуществу подготовленное к общественной деятельности», уделяют ей слишком мало времени, не заглядывают в свои имения, в то время как «дело земское вообще и в настоящую минуту в особенности нуждается в людях».²³

В майском выпуске журнала «Современник» значительная часть хроники «Наша общественная жизнь» была посвящена «русским гулящим людям за границей».²⁴

Обсуждение уехавших стало горячей темой московских и петербургских периодических изданий. Эхо этой публичной дискуссии звучало и в более поздних литературных текстах, например в романах «Игрок» Ф. М. Достоевского и «Дым» И. С. Тургенева.

Не вызывает сомнений патриотический пафос кампании, начатой газетой «День», и то, что ее причиной были польские события и ухудшение отношений с европейскими странами. Однако антиэмигрантская кампания «Северной почты», хотя и началась с перепечатки пафосной славянофильской патриотической статьи, очевидно, преследовала иные цели. На них недвусмысленно указывал Гончаров еще в предисловии к статье Аксакова, когда отмечал, «что в настоящее именно время, когда преобразовывается весь гражданский строй нашего отечества, не за границею место нашим дворянам и помещикам; их место на родине». Еще более прозрачен намек самарских дворян, упрекавших отсутствующих в России дворян «в *разнодушии к земскому делу*». Говорилось об этом и в статьях С. Пенского (в «Современном обозрении») и Ю. Самарина.

В 1863 году комиссия при Министерстве внутренних дел под руководством Валуева завершала длительную (начатую еще в 1859 году Н. А. Милутиным) работу над проектом земской реформы.²⁵ В июне 1863 года ее основные положения были выработаны и изложены Валуевым в упомянутом выше цикле статей «О земских учреждениях» в «Северной почте». Несмотря на всесословный характер планировавшихся преобразований, важнейшая роль в их реализации предназначалась дворянству.

Однако если примерно четверть российских дворян (от 250 до 270 тысяч) в начале 1860-х годов постоянно или длительно проживала за границей, то земская реформа должна была столкнуться с неминуемыми трудностями. Критически сокращалась ее социальная и финансовая база. Некому было руководить органами местного самоуправления, а деньги на земские повинности непатриотично спускались в парижских

²¹ День. 1863. № 19. С. 6. Курсив автора. — С. Г.

²² Пенский С. Полезно ли было бы для России, если бы русские, проживающие за границей, возвратились в свое отчество // Современная летопись. 1863. № 22. С. 8.

²³ Самарин Ю. Ф. Два слова в ответ на статью «Современной летописи»... // День. 1863. № 31. С. 6.

²⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1968. Т. 6. Наша общественная жизнь. 1863–1864. Статьи. 1863. Журнальная полемика. 1864. С. 99–111.

²⁵ Гармиза В. В. Предложения и проекты П. А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862–1866) // Исторический архив. 1958. № 1. С. 138–153; см. также: Земское самоуправление в России, 1864–1918: В 2 кн. М., 2005. Кн. 1. С. 148–176.

ресторанах и магазинах. Для успешного проведения преобразований, над планом которых так долго работал Валуев, необходимо было возвращение уехавших.

Вероятно, именно эту цель преследовал главный редактор газеты «Северная почта», когда перепечатывал статью Аксакова из газеты «День» с собственным предисловием. Аналогичной была и прагматика другой статьи, названной «Письмом в редакцию...», которая также, вероятно, принадлежала Гончарову. Общественная кампания, начатая обращением самарского дворянства и продолженная публикациями в московских и петербургских газетах, как и кампания всеподданнейших адресов,²⁶ если не была инициирована Валуевым, то, по крайней мере, стимулировалась им с целью «информационной поддержки» земской реформы.

Таким образом, мы имеем некоторые основания утверждать, что публикуемый ниже текст написан Гончаровым или, во всяком случае, при его значительном участии. Не менее важно и другое: даже если бы Гончаров не писал этого текста, он в качестве главного редактора санкционировал его публикацию, понимал подоплеку и, как минимум, знал, зачем организована газетная кампания по возвращению уехавших русских дворян. Из этого следует, что Гончаров во время службы в правительственной газете принимал непосредственное участие в подготовке и осуществлении земской реформы. То же самое можно сказать и о подготовке реформы Государственного совета, которую министр внутренних дел направлял инспирированной им кампанией всеподданнейших адресов. Поэтому неоднократно высказанное Гончаровым сочувственное отношение к реформам 1860-х годов²⁷ предстает несколько в ином свете. Писатель был не пассивным свидетелем, но осведомленным и деятельным участником этих преобразований.

Вновь выявленные факты о деятельности Гончарова на посту главного редактора «Северной почты» опровергают сложившееся в науке представление о пустоте и бессодержательности этого периода жизни писателя. Однако общие для всей биографии Гончарова тенденции они скорее подтверждают. На всем протяжении служебной карьеры автор «Обломова» был активным участником важных государственных проектов: это касается и его пребывания в департаменте внешней торговли, и морской экспедиции в Японию, и, разумеется, цензорства. Должность редактора правительственной газеты не была исключением из этого ряда.

Конечно, для Гончарова-путешественника, участвовавшего в морском походе в Японию и в 1850–1860-х годах регулярно посещавшего европейские курорты, отрицательное мнение о поездках за границу, высказанное во вновь выявленных статьях «Северной почты», может показаться неорганичным. Ведь еще в «Обломове» (1859) желанная, хотя так и не состоявшаяся поездка героя за границу воспринимается как важный этап «пробуждения» к настоящей жизни. Но любопытно, что уже в «Обрыве» (1869) персонажи Гончарова, за редким исключением, относятся к путешествиям за границу без всякого энтузиазма. Например, Татьяна Марковна Бережкова осуждает Райского, когда тот сообщает, что собирается «за границу пожить» и для этого заложить или продать имение (7, 169), не соглашается бабушка отпустить за границу и Марфиныку с Викентьевым, опасаясь, что они наглядятся там «всякого нового распутства» (7, 489), и сама Марфиныку считает, что за границей она «бы умерла с тоски» (7, 251), Аянов равнодушно наблюдал, как «отплывали за границу битком набитые пароходы» (7, 7). Райский же, хотя и отправился к концу романа за границу, но там, как пишет Гончаров, он «не изменял своей семье, своей группе, не врастал в чужую почву, все чувствовал себя гостем и пришельцем <...> Часто в часы досуга от работ и отрезвлений от новых и сильных впечатлений раздражительных красот юга — его тянуло назад, домой. Ему хотелось бы набраться этой вечной красоты природы и искусства,

²⁶ См. об этом: Гуськов С. Н. И. А. Гончаров, П. А. Валуев и кампания всеподданнейших писем 1863 года // Русская литература. 2019. № 4. С. 72–80.

²⁷ См., например: «...реформы не возбуждают, а успокаивают умы: реформы, крестьянская, судебная, отмена телесного наказания и ряд других улучшений и преобразований — все это предупреждает потребности общества и народа, составляет славу великого Государя и приобретает Ему обожание подданных — вот одно господствующее возбужденное настроение в России!» (10, 116).

пропитаться насквозь духом окаменелых преданий и унести все с собой туда, в свою Малиновку...» (7, 772). И только комический персонаж романа, никчемный Николай Васильевич Пахотин, мечтает «поехать за границу, то есть в Париж, уже не с оружием в руках, а с золотом, и там пожить, как живали в старину» (7, 16). Стоит отметить, что и сам писатель именно в 1863 году за границу не поехал, хотя и раньше, и позже путешествовал регулярно. В письме Кирмаловым от 15 мая он объяснял свое решение тем, «что на границе неспокойно, а за границею к русским неласковы». «Я даже и министру сказал, — добавлял Гончаров, — что я едва ли поеду за границу, а скорее на Волгу, в ответ на что его превосход~~ительство~~ одобрительно кашлянул».²⁸

Ниже приводится текст «Письма в редакцию „Северной почты“» по публикации в газете (Северная почта. 1863. 14 мая. № 104). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; опечатки исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо в редакцию «Северной почты»

По всем почти газетам, между прочим и в «Сев~~ерной~~ почте», и в «Нашем времени», пробежал слух о патриотическом движении московских дам — отказаться от произведений английской и французской фабрикации. Мысль эта, не представляющаяся с первого взгляда важна, может, однако же, при настойчивом и дружном приведении ее в исполнение, нанести чувствительный удар Лиону, Монпелье, Седану, Манчестеру, Лидсу и другим важным фабричным пунктам Франции и Англии, особенно при нынешнем хлопчатобумажном кризисе. Торговые дела тесно связаны с политическими, и затруднения в первых не могут не отразиться и на последних, а поставить в затруднение или толкнуть в яму тех, кто роет ее нам самим, приятно и полезно.

Торговля для Англии — архимедов рычаг, которым она старается двигать целым миром, торговля одна из первых сил и для Франции.

Дамы поняли это, и одна из них, княгиня В. Вадольская, в письме к редактору газеты «Наше время» (№ 85), выражая живейшее сочувствие патриотическому движению московских дам, энергически порицает наше стародавнее пристрастие к французам, теперь осмеянное и униженное ими самими, «нашу охоту бесцельно странствовать по чужим краям», и надеется, что нынешний прием русских за границею отобьет желание ездить туда. «Пора, — пишет княгиня, — пора нам взяться за ум и не жертвовать достоинством нашим в пользу исконных врагов. В самом деле, не жалость ли, например, что в июле месяце прошлого года в одном Париже проживало более 9000 семейств. Если положить круглым числом, что каждое семейство проживало в месяц по 1000 франков, или 300 рублей, что весьма умеренно, то составится в один месяц огромная сумма в 2 700 000 русских серебряных рублей. Сколько добра можно бы сделать на эти деньги в России! Иностранные, приезжающие к нам, приезжают за тем, чтобы наживаться; мы, напротив, едем в чужие края, чтобы оставить там и деньги наши, и часто доброе имя».

Все это как нельзя более справедливо, и не согласиться с тем могут разве только те, кому очень хочется ехать за границу, несмотря ни на что.

Не следовало бы ездить нам толпами, не потому только, что от этого страдают экономические интересы государства и что мы возим огромный оброк «исконным врагам». Вражда дело случайное: сегодня враги, завтра друзья, особенно французы, — трудно сказать, что они: более ли исконные друзья или исконные враги. Прежде всего не следовало бы платить такого громадного оброка кому бы то ни было, как мы это делаем, платить непроизводительно, не получая ничего взамен. И кроме этого, есть другие нравственные жертвы, которые мы приносим, не краснея, за удовольствие посчитаться летом по чужим местам и людям: жертвы самолюбия, благородной гордости,

²⁸ РГАЛИ. Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 6.

потери сознания собственного достоинства. Не жертва ли терпеть то обидное снисхождение, с которым и в мирное время встречают наших путешественников за границей, тот покровительственный тон, небрежность, с которой на нас смотрят там?

Две только нации, русские и англичане, толпами посещают Европу. Сами французы странствуют или у себя, или по ближайшим к Франции местам; вообще они путешествовать не охотники. Немцы еще менее: те от тесноты и бедности или совсем выселяются из Германии, или ездят по торговым и другим необходимым делам. «Любопытный» путешественник немец — редкость. Прочие нации, по малочисленности и незначительности, незаметны в толпе туристов. Большинство везде русские и англичане, на них и обращено всеобщее внимание в Европе. Но какая разница в положении англичанина и русского как путешественника!

Англичанин везде как у себя дома: он ни на минуту не теряет права на всеобщее уважение; куда бы он ни явился, он смотрит на все гордо, с сознанием своих прав: он знает, что он представитель громадных нравственных сил и материальных средств. Если ездит он в гости, то и гости толпой ездят к нему; если он удивляется чему-нибудь за границей, и ему в свою очередь есть чем удивить гостей у себя. Он, путешествуя, поклоняется чужой науке, чужой торговле, чужим учреждениям, зная, что в то же время тысячи поклоняются в его отечестве и науке, и учреждениям, и торговле, и богатству, развитым, усовершенствованным на образец миру. Все у него есть: он всесвятый негоянант, турист, богач, писатель: пенаты его — гении родной земли, наделившие мир вещественными и невещественными благами. Англичанин не смущается ни перед какой знаменитостью, ни перед какой суммой человеческого творчества, силы и богатства. От этого он смело заимствует, приобретает, сыплет деньги, потому что все это возвращается к нему домой сторицею.

Русский путешественник в другом положении: он является как человек, которому оказали великую честь, позвавши в гости, и который, имея хоть каплю гордости, должен чувствовать себя в неловком положении. Ему некуда позвать гостей и нечем угостить. Везде, где гордо выступает интеллектуальная, коммерческая, промышленная сила, русский должен уступать место другим, сознаваться, что ему еще нечем гордиться, что надо смиренно выдерживать торжествующий и покровительственный взгляд иностранца. Наука его молода и бледнеет перед авторитетами Европы; языка и литературы его никто не знает, и даже сомневаются, есть ли последняя, тем более что русский с наслаждением говорит на чужом языке; торговля его медленно развивается и недалеко уходит от старых цифр; он выписывает все чужое, начиная от кружев, шелка, хлопчатой бумаги, которых у него нет, до железных, кожаных, пеньковых и других произведений, сделанных чужими руками из его материалов, и выписанных изделий он не покрывает и третьей части своим хлебом, салом, льном и кожами.

Конечно, иностранцы знают, сколько дала и дает Россия задатков великой будущности; но это еще все впереди, все пока задатки, все будущность, а между тем на русского туриста, чуть ли не с путешествия Карамзина, все еще продолжают смотреть «как на подающего надежду». Пора бы переменить эту роль, или, если еще не настала пора, то хоть бы не подвергаться добровольно тем снисходительным взглядам, какие взрослые кидают на невзрослых.

От всего этого русский является за границу в большей части случаев как младший к старшему, а не как равный к равному, с неотвязною мыслию о чужом превосходстве и о своей «неудовлетворительности». Вот то мучительное чувство, которое, кажется, должно бы между прочим удерживать от бесцельных прогулок и проживаний русских в Европе, не говоря уже о неуместности этих «прогулок» в настоящую пору.

Скажут, что у нас денег много, что мы сыплем ими и этим покупаем и уважение, и поклоны иностранцев.

Первое неправда: денег у нас немного, это не тайна ни для кого, следовательно мы, сыпля деньгами, остаемся верны старым нашим барским нравам, от которых пора отречься: нарядиться в бархат и перья, блеснуть модной (часто взятой в долг) каретой на гулянье, а дома, за кулисами, кормить скверно людей, не платить мяснику, портному и т. д.

И какие мы деньги везем или возили за границу? Двух-трехгодовой сбор с родных полей, чтобы потом жить в долг, который Бог знает когда и как заплатится?

Что касается до поклонов и уважения, покупаемого на наличные деньги... в отелях, то это совершенно справедливо: это, хотя и единственная, но зато вполне заслуженная дань удивления и восторга, платимая нам иностранцами. И не одни трактирщики платят ее: модистки, портные, ювелиры, отчали и доктора.

Конечно, много горькой иронии подавляют не заинтересованные в деле лица, не трактирщики, в отзывы о «русских путешественниках», «щедрых, великодушных, великолепных хер-баронах, и графах, и княгинях, и простых фонах», но ведь не в глаза же они смеются над нами, и если и дойдет до нас такой отзыв, то через третью руки, следовательно без французского жала и без немецкой грубости.

А поклоны — все-таки приятно получать: примеры этому можно видеть и дома. Посмотрите на лихого купеческого сынка, когда он с компанией является в трактире бить зеркала, когда стон и пыль поднимет широкая разгулявшаяся натура — трактирищи кланяются и только «смеются»!

Не скажем ни слова о больных (не включая в это число «расстроивших здоровье неусыпными трудами» на службе и в клубах), которых, может быть, не одна тысяча выедет каждый год за границу, — истинных больных: это не туристы, они заметны с первого взгляда. Половину лета они томятся на водах, а другую укрепляют ослабленные силы морскими ваннами или сывороткой: те слишком заметны, и если возбуждают сострадание, то сострадание должное и законное.

Мы бы прошли молчанием и о тех небогатых семействах, которые поселяются где-нибудь в тиши Саксонии или Швейцарии, во-первых, по ограниченности средств и по трудности содержать себя дома, а во-вторых, для воспитания детей... Но относительно этих двух категорий является следующее размыщление: образ жизни и дорожевизна — понятия относительные и до значительной степени эластичные. Одно семейство скажет, что с десятю тысячами дохода оно в России жить «прилично своему званию не может», т. е. ни принимать с достоинством у себя, ни выезжать, ни иметь «приличной» дачи и т. п. Другое говорит, что у него, по нынешним обстоятельствам, только три, четыре тысячи дохода, что с этими деньгами ни в Москве, ни в Петербурге прожить нельзя, что их станет только на необходимое, а о театре, о концерте, о прочих удовольствиях подумать нельзя, тогда как за границей все это доступно и с этими деньгами.

Вот что они скажут; но и это не совсем так. И за границей теперь все дороже; причем с иностранца, особенно с русского, за все требуют вдвое. Следовательно, эти семейства живут, в сущности, тесно, дурно и за границей, помещаются в двух, трех маленьких комнатах, экипажа не держат, стол берут из трактира, в театры и концерты ходят в дешевые места, но там некого им стыдиться, не с кем соперничать. Следовательно, они приносят жертву только ложному стыду, ибо театр, разные увеселения, наряды — не стоят на главном плане.

Можно, наконец, возразить и то, что есть же эпохи в жизни частной, когда человек отказывается от стремления к наслаждениям, когда самая способность наслаждаться замолкает: есть такие эпохи и в жизни общественной. Не может быть ни одного русского в настоящую минуту, на какой бы ступени общественной жизни он ни стоял, кто бы мог теперь отдаваться с беззаботной праздностью своим частным увлечениям, не сознавая, что и на него падает часть серьезного долга, что он, силою обстоятельств, замешан в каком-то широком, всеохватывающем деле, что в воздухе, во всей русской натуре разливается эпидемия патриотического настроения, что все около него иначе смотрит, ходит и говорит, и что вдруг и у него, у мелкого, праздного члена общества, является строгая мысль и дело. Если он трезво оглянется вокруг, он сознает, что он единица великого народа и что этот народ в настоящий момент судьба зовет на новый, роковой шаг к подвигу и жертвам.

В какой мелкий и низкий эгоизм надо уйти от этого торжественного голоса, какой порчей надо быть съедену до костей, чтобы думать только о своих собственных мелких заботах, да еще о театрах, об увеселениях!

О второй категории, т. е. о русских, воспитывающих за границею детей, — можно сказать только, что они «или не ведают, что творят», или очень равнодушны к имени русского.

Выражение «отчуждать от России детей» — не пустая фраза, не общее место: оно исполнено глубокого смысла. Удаление надолго от родного языка, от родных преданий, нравов — все это, без сомнения, стирает с юноши самобытную национальную печать. Если взрослый, пробывши долго вдали от отечества, теряет гибкость и утонченность речи и, воротясь, смотрит чужими глазами на родные места и обычаи, что должно сделаться с ребенком? Скажут, что речь русскую он слышит в семье родных: да это капля; человек с детства должен купаться, как в океане, в родном языке. С ним, с языком, ребенок невидимо и неслышимо впитывает в себя тысячи тысяч тонких, дробных понятий, оттенков, мимолетных молний и искр — не одной речи, но всего того, чего никакой учитель передать не может, всего склада своеобразной, коренной жизни, которая и есть драгоценный ковчег, хранящий веру, честь, традиции, славу и силу народа. Это он, могучий наставник и воспитатель — родной язык: он прежде и больше всего воспитывает человека; мать, отец, учителя — только его помощники. Преподавание наук, даже какой-нибудь географии, всеобщей (не говоря уже о своей) истории на иностранном языке, нерусское название лиц и вещей образует и другой, чуждый взгляд на самую науку, дает иной образ и склад представлению предмета в уме, сообщает другие, нерусские приемы мышления и т. д. Ужели могут быть люди, которым это все равно? Ужели для нас даром прошли примеры тех детей, воспитание которых, даже здесь, было вверяено исключительно иностранцам? Многие ли из них пригодились для России? Но для кого и для чего тогда готовить таких детей? Незнание ни хорошего, ни дурного у себя склонит ли потом русского по имени и чужого по воспитанию думать и чувствовать заодно с соотечественниками, будет ли и может ли он, при всем желании, стремиться к искоренению дурного, к усовершенствованию хорошего родного, когда его первые, лучшие впечатления, первая, нежная мысль, первое чувство прозябали и расцветали на чужой почве и одевались в чужой язык?

Не говорите, что вы пробудете с детьми только несколько лет в чужой земле, потом воротитесь: то, что родилось в душе на чужбине, в нежную пору, не изгладится, и что утрачено своего — не воротится.

Вы или ошибаетесь, не верите в силу отечественного воспитания, или, повторим, равнодушны к национальности ваших детей. Последнему мы не хотим верить и скорее допускаем первое.

Поэтому не должно ездить за границу? — спросят недовольные этим размышлением о наших набегах на чужие земли, — стало быть поездки эти вредны? Мы не боимся впасть в противоречие самим себе, когда скажем, что и набеги наших туристов на Европу, как всякое почти явление в жизни, имело свою хорошую сторону, даже не боимся указать ее, так мы уверены, что вредная сторона, особенно в настоящее время, перевешивает полезную, следовательно, в этой параллели все-таки должно восторжествовать доказываемое нами положение, т. е. что прогулки наши, а еще более постоянное проживание за границею, в настоящее время в особенности, наносят огромный вред России как в экономическом, так и в нравственном отношении.

Нет сомнения, что вместе с дурным, или если не с положительно дурным, то не нужным, мы вывезли немало и хорошего из наших поездок в чужие края. Землемеделец, фабрикант, ремесленник, ученый, художник, всякий, может быть, вынес — один капитальное знание, поучительный пример, лучший образ и способ труда, лучшее применение идеи к делу, другой практический урок, наглядность каких-нибудь приемов, третий во взгляде на чужой быт, на развитие промысла, благосостояния, хозяйственного устройства и проч. и проч. уловил тысячу полезных подробностей, даже праздный наблюдатель, бессознательно может быть, вынес каплю меда из человеческого улья, и все это собранное богатство, конечно, составит вклад в нашу русскую жизнь, даст ей новые, недостающие элементы, прибавит содержания и силы к дальнейшему развитию народа. Все это так, но не пора ли приступить к самодеятельной разработке своего и чужого материала и начать дело созидания? Дело нас зовет, работа закипает,

руки и деньги нужны здесь, на месте. Настала пора сознать это, особенно теперь, когда пребывание за границею отравлено диким и слепым предубеждением против русских, когда их встречают уже не снисходительным вниманием, а косыми взглядами, насмешливыми улыбками и другими, более или менее неприличными выходками.

Это утешительное сознание в необходимости поддержать свое достоинство перед Европой уже пробудилось и высказывается в нашем обществе тем или другим способом: по газетам видно много возвращающихся в Россию семейств; из Петербурга в мае месяце тянулись в прошлые года огромные поезды за границу: теперь, как слышно, отправляются четыре, пять вагонов, и те неполные.

Самарское дворянство, в собрании своем, сделало официальное воззвание к путешественникам с просьбой воротиться послужить родине.

Наконец, в патриотическом движении московских дам проявилось желание превратить сношение с иностранцами, заплатившими за нашу слепую щедрость слепой клеветой, за долговременное пристрастие внезапной враждой. Все это первоначальные, утешительные симптомы отрезвления от ребяческого пристрастия к авторитету иностранцев, первые сознательные шаги созревшего для самобытной деятельности общества.

Еще бы несколько лет терпения, горячего сознательного труда, каким стремятся к великим целям, еще несколько шагов по пути развития промышленности, земледелия, просвещения, дорог: сложимся окончательно, окрепнем в мыслях, в намерениях, силах, и тогда смело пойдем меняться визитами с иностранцами и приобретать уважение и поклоны — не одних трактирщиков.

И. П.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-191-207

© О. В. Макаревич

ОБ УМЕНИИ ПЛЕСТИ ЛАПТИ, ЛИТЕРАТУРНЫХ ЮЗНИКАХ И СЕКРЕТНОЙ ПЕЧАТИ (РЕЦЕНЗИИ Н. С. ЛЕСКОВА В «НОВОМ ВРЕМЕНИ» КОНЦА 1870-Х ГОДОВ)*

Актуальной проблемой современной лесковианы остается отсутствие полного корпуса текстов писателя, а важной задачей — «собирание и публикация не публиковавшихся ранее произведений (как правило, неоконченных) и атрибутированных вновь найденных в периодике статей Лескова».¹ Уже вышедшие в свет тома Полного собрания сочинений писателя, куда включены сотни текстов, принадлежность которых Н. С. Лескову установлена впервые, наглядно показывают, насколько значительный объем произведений, посвященных весьма широкому кругу проблем и относящихся к самым разным жанрам, находится за рамками исследовательского внимания. Они имеют не только фактологическую ценность, но и позволяют глубже осмыслить как творческую биографию самого Лескова, так и особенности развития литературы XIX столетия. Трудности, препятствующие атрибуции лесковских текстов, уже неоднократно были озвучены: корреспонденция сохранилась лишь частично, и даже отложившиеся в архивах письма изданы далеко не полностью, нет обстоятельной библиографии² и летописи жизни и творчества и т. п.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01858, <https://rscf.ru/project/22-28-01858/>, ИРЛИ РАН.

¹ Бидуэлл И. П. Между двумя юбилеями (итоги изучения творчества Н. С. Лескова за последние 25 лет и задачи, стоящие перед исследователями его творчества в настоящее время) // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения). М., 2010. С. 7.

² Первый указатель был составлен еще при жизни писателя в связи с подготовкой его Собрания сочинений: Библиография сочинений Николая Семеновича Лескова с начала его литературной

Между тем Лесков сотрудничал в самых разных периодических изданиях, писал и для газет, и для журналов — много, часто и иногда даже не без азарта, а потому воспринимать публикации в периодике как второстепенные, проходные и сводить цель автора этих текстов сугубо к необходимости обеспечить достойный уровень заработка было бы весьма ошибочно.³ Напомним мнение А. Н. Лескова: «Случилось однажды Лескову выслушать от Суворина укор в разбрасывании своих заметок по разным газетам, иногда достаточно досадительных другим. Пришлось изъяснять мотивы: „Прожив изрядное количество лет и много перечитав и много переглядев во всех концах России, я порою чувствую себя как «Микула Селянинович», которого «тяготила тяга» здания родной земли, и нет тогда терпения сносить в молчании то, что подчас городят пишущие люди, оглядывающие Русь <...> «летком летя», из вагона экстренного поезда. Все у них мимолетом — и наблюдения, и опыты, и заметки... <...> но опыт и знание все-таки своей цены стоят да и покоя не дают“».⁴ Одной из газет, на страницах которой появилось немало сочинений Лескова, было «Новое время», редактировавшееся адресатом процитированного письма А. С. Сувориным.⁵ Как показала О. Е. Майорова, сотрудничество писателя в этом издании, вполне вероятно, началось со сменой редактора в 1876 году.⁶ В то же время отношения Лескова как с самим Сувориным, так и с редакцией издания были сложными и противоречивыми. Их можно назвать отношениями одновременного притяжения и отталкивания — полагая Суворина «опытным журналистом», Лесков в то же время не мог ни принять некоторых из его решений (особенно касающихся отклонения ряда статей на религиозную тематику), ни простить позиции редакции, позволявшей себе «нападки» на него: «Я знаю, что у редакций есть свои причины унижать друг друга, но зачем же вмешивать в это лицо стороннее, обращающееся в газету с *случайно* статейкою... Конечно, если бы я сказал что-либо неосновательное или нечестное — зачем щадить меня, но гнаться за мною по пятам, на каждом шагу — какая в этом надобность? При том же я так недавно и так немало работал у Вас и то, что я делал в „Новом времени“, не было ни образцом глупости, ни образцом бездарности. И вот те же люди, которые читали у Вас мои строки б. может не без внимания, нынче читают эти угонки за мною и спрашивают: „Что у вас с Сувориным?“ Мне это противно, и я очень рад, что по-видимому — это и Вам противно. Мне это утешает».⁷

деятельности — 1860 г. по 1887 г. (включительно) / Сост. П. В. Быков. СПб., 1889; частично дополнен: Шестериков С. П. К библиографии сочинений Н. С. Лескова // Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР 1925 года. Л., 1926. Т. 30. С. 268–306. Наиболее полный на сегодняшний день указатель произведений Лескова см.: Muller De Morogues I. L’œuvre journalistique et littéraire de N. S. Leskov: Bibliographie. Bern; Frankfurt a/M.; New York, 1984.

³ Ср.: «Главное затруднение объясняется тем, что с самого начала своей писательской карьеры Лесков не придавал особого значения множеству своих бесподписных газетных статей. <...> На вопрос Быкова, почему он отдает едва ли не половину времени таким пустякам, Лесков ответил: „От житейской мудрости... Попишу с недельку в одной и другой газете — смотришь, квартира и оплачена. Еще недельку займешься мелочами — оплачен и стол. А удвоишь старание — успеешь и в запасный капитал отложить кое-что“» (Эддертон В. Затерянные статьи Лескова // Лит. наследство. 2000. Т. 101. Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2. С. 114).

⁴ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 1. С. 194.

⁵ Литература о «Новом времени» и Суворине как его издателе и редакторе весьма обширна. В частности, см.: Глинский Б. Б. «Новое время» (1876–1916 гг.). Исторический очерк. Пг., 1916; Соловьев И., Шитова В. А. С. Суворин. Портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. 1977. № 2. С. 162–189; Динерштейн Е. А. 1) А. С. Суворин и его газета «Новое время» // Новое литературное обозрение. 1995. № 15. С. 183–193; 2) Публицист «крайних убеждений». Путь А. С. Суворина к «Новому времени» // Лица: Биографический альманах. 1995. № 6. С. 238–274; Азарина Л. Е. Литературная позиция А. С. Суворина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008, и др.

⁶ См. подробнее: Лесков в суворинском «Новом времени» (1876–1880) / Вступ. статья, публ. и комм. О. Е. Майоровой // Лит. наследство. Т. 101. Кн. 2. С. 161–165. А. Н. Лесков относит начало сотрудничества к 1877–1878 годам: Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова... Т. 1. С. 94.

⁷ Marcadé J.-C. 63 письма Н. С. Лескова // Revue des Études Slaves. 1986. Vol. 58. Fasc. 3. P. 438. Об отношениях Лескова и Суворина подробнее см.: Майорова О. Е. К истории пожизнен-

Итак, согласно существующим указателям, первый однозначно принадлежащий Лескову текст на страницах «Нового времени» — заметка «Великосветский раскол (Письмо в редакцию)» — относится к 1877 году (2 марта. № 362). Не зафиксировано ни одной статьи, помещенной писателем в этой газете в 1878 году, однако уже в следующем, 1879-м, их больше десяти. Характеризуя тематику статей, помещенных Лесковым в «Новом времени», О. Е. Майорова отметила преобладание материалов, посвященных вопросам религиозной жизни общества и церковного быта, причем особенно — «религиозной розни» редстокизма и пашковства, проблемам брака и развода, а также преподаванию закона Божия в «народных» школах. На рубеже 1870–1880-х годов писатель, по словам исследовательницы, стал «летописцем „религиозного брожения“».⁸ Однако практически за рамками ее внимания остался вопрос о сотрудничестве Лескова в «Новом времени» как рецензента. Сплошной просмотр номеров газеты в этот период позволяет поставить вопрос о принадлежности писателю ряда отзывов и рецензий на книги.⁹ Оговоримся, что ни в одном из приведенных ниже случаев мы не можем говорить с абсолютной уверенностью об однозначной атрибуции интересующих нас текстов, прежде всего из-за отсутствия прямых документальных свидетельств. Наши разыскания позволяют скорее поставить вопрос об отнесении выделенных нами текстов к разделу *Dubia*, а потому мы посчитали необходимым поместить их в Приложении к статье, чтобы предоставить читателям возможность самостоятельно оценить обоснованность высказанных гипотез и предположений об авторстве Лескова.

Заметим, что рубрики «Новые книги» и «Библиография» в «Новом времени» соответствовали общей стилистике «композиционной неожиданности» (как характеризовали современники внешний вид и манеру подачи материала в газете). Иногда они сохраняли тематическую связь с актуальной общественной повесткой: к примеру, после ошибочного диагностирования С. П. Боткиным чумы у петербургского дворника Наума Прокофьева в разделе появилась рецензия на книгу «Что такое чума, чем спасться от нее и от других повальных болезней. Наставление народное и общедоступное П. Илинского» (1879. 6 (18) февр. № 1057. С. 2). Нередко заметки под этой рубрикой можно воспринимать как хрестоматийный образец скрытой рекламы — и такие случаи ярко демонстрируют общее несовпадение взглядов Лескова и Суворина. В качестве примера приведем рецензию на сочинения Л. М. Олкотт о девочке Розе. Напечатанная в типографии Суворина книга на страницах «Нового времени» была не просто высоко оценена, но рекомендовалась как издание весьма высокого качества. Более того, выход рецензии был приурочен к пасхальным праздникам — очевидно, чтобы увеличить спрос (заметка опубликована в воскресном номере за неделю до Пасхи, пришедшейся в 1878 году на 16 апреля): «К празднику появляется обыкновенно много книжек, рекомендуемых нежным родителям для подарков детям. Между этими книжками, как известно, довольно дребедени, вызываемой исключительно спекуляторскими расчетами книгопродавцев-издателей. Но бывают, однако же, и счастливые исключения, достойные внимания родителей и полезные для детей. К числу таких счастливых исключений можно отнести книжку „Юность Розы“, повесть известной английской писательницы мисс Олькотт⁸, прекрасно переведенную г-жою Бутеневой. Книга эта представляет столько же поучительное, сколько занимательное чтение для юных читателей, и нельзя не пожелать ей успеха среди детской публики».¹⁰ Двумя годами ранее на заседании особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения

ногого диалога (Из переписки Н. С. Лескова с А. С. Сувориным) // Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С. 78–101.

⁸ Лесков в суворинском «Новом времени». С. 179.

⁹ Тот факт, что Лесков мог выступать в роли не только автора рецензий, но и своего рода посредника между особым отделом Ученого комитета и редакцией «Нового времени», подтверждается и перепиской с Сувориным. Так, в письме, датированном мартом–апрелем 1880 года, Лесков обещал «добыть статью» о книге В. М. Флоринского «в будущий вторник», т. е. на следующем заседании отдела. См. подробнее: Майорова О. Е. К истории пожизненного диалога. С. 93–94.

¹⁰ Новое время. 1878. 9 (21) апр. № 759. С. 3 («Библиография»).

Лесковым был сделан доклад, посвященный первой части этой книги «Семь братьев и сестра» (пер. с англ. Е. Бутеневой, под ред. М. Цебриковой. СПб., 1876), в которой рассказывалось о детстве героини. Прежде всего было указано, что «повесть принадлежит к разряду новых произведений английских писателей, склоняющихся более к реальному и <от>части к демократическому направлению, что здесь и проведено, впрочем в весьма мягких формах». Изложив ее содержание, Лесков указал и на ряд удачных сюжетных поворотов, подающих «небесполезный пример доброй решимости» или рисующих «поразительную и мрачную черту современных нравов, которая, к прискорбию, выражается едва ли не повсеместно в Европе в самых молодых юношах, черта эта — страсть к наживе». Однако общее мнение оказалось отрицательным: «О художественной стороне этой повести говорить нечего: в ней нет и претензии на художественность, а неискусность переводчицы сделала повесть Олькот<т> в русском переводе прямо неудовлетворительной в этом отношении»¹¹ — как следствие, книга не была одобрена ученым комитетом. «Счастливое исключение», с точки зрения Лескова, качественно не отличалось от «дребедени, вызываемой исключительно спекуляторскими расчетами книгопродавцев-издателей».

Совершенно иной по стилю и по манере оценивания представляется рецензия на вторую часть «Книги для первоначального чтения» В. И. Водовозова, помещенная в разделе «Литературная летопись» в № 673 от 12 (24) января 1878 года (см. Приложение 1). Первая часть этой книги, появившаяся еще в 1871 году, к 1878-му выдержала уже 11 изданий, а к концу XIX столетия это количество достигнет 20-ти. Именно указанием на авторитет Водовозова — известного педагога и переводчика, составителя многочисленных пособий для школы — и его верность педагогической стезе открывается анонимная рецензия «Нового времени»: «Когда в одном из собраний Комитета грамотности была присуждена г. Водовозову золотая медаль, он, глубоко тронутый, обещал посвятить всю жизнь народной школе — и сдержал слово».

Композиционно рецензия явно делится на две части: если первая воспринимается не только как хвалебная, но даже как панегирическая («плод многих лет, усидчивого труда, кропотливой работы», «поразительное разнообразие», «чрезвычайно приятное впечатление»), то вторая опровергает эти кажущиеся несомненными достоинства: разнообразие оборачивается бессистемностью и сложностью для восприятия, труд одного автора приводит к стилистической бедности, а саму книгу оказывается предпочтительным заменить несколькими учебниками, предлагающими базовые знания по конкретным предметам.

Названные черты позволяют сопоставить оставшуюся неподписанной рецензию «Нового времени» с докладом Лескова, сделанным на заседании особого отдела учено-го комитета Министерства народного просвещения несколько позднее — 21 марта то-го же 1878 года — и посвященным одиннадцатому изданию первой части «Книги для чтения».¹² Этот доклад также открывается указанием на многочисленные награды, полученные Водовозовым за составление как первой части «Книги для первоначаль-ного чтения», так и сопутствующего ей, одновременно изданного методического посо-

¹¹ Доклад Лескова, прочитанный на заседании особого отдела Ученого комитета 28 сентября 1876 года, см.: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 31. Л. 307 об. — 312 об. О работе писателя в Министерстве народного просвещения см.: Чуднова Л. Г. Н. С. Лесков в Министерстве народного просвеще-ния // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2016. Т. 13. С. 534–565; см. также: Рейсер С. А. Н. С. Лесков и народная книга // Русская литература. 1990. № 1. С. 181–194.

¹² Далее доклад Лескова цитируется по авторизованной копии, сохранившейся в журналах заседаний особого отдела учено-го комитета Министерства народного просвещения: РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 35. Л. 146–156. Заметим также, что практика написания рецензий и обзоров на материале докладов, сделанных для особого отдела учено-го комитета, была для Лескова привычной. Так, по материалам докладов о сочинениях А. Ф. Погосского (21 июня и 2 августа 1876 года) опубликована заметка «Дикие фантазии (Современные заметки)» (Православное обозрение. 1877. Ноябрь. С. 516–525), по материалам доклада о «простонародной газете» М. М. Дмитриева «Народный листок» (20 января 1876 года) — очерк «Энергическая бес tactность» (Там же. 1876. Май. С. 128–149), по материалам доклада о журнале «Детский сад» (28 января 1875 года) — статья «Педагогическое юродство» (Там же. Июль. С. 509–524), и др.

бия «Книга для учителей» (СПб., 1871): «Первое же издание „Книги для чтения“ г. Водовозова (как значится на обертке) одобрено Ученым комитетом Министерства народного просвещения и Учебным комитетом при Св. Синоде для употребления в начальных школах и удостоено Педагогическим обществом премии, Вольн_{ым} экономическим обществом золотой медали и Министерством государственных имуществ тоже золотой медали». Далее Лесков приводит сведения об одобрении особым отделом ученого комитета для народных школ предшествующих десяти изданий (ему удалось обнаружить, впрочем, только доклады о трех изданиях, причем особое внимание он уделил самому раннему докладу о первом издании 1871 года), а затем, как и в опубликованной на страницах «Нового времени» рецензии, высказывает ряд критических замечаний.

По-видимому, не только этические, но и конъюнктурные соображения не позволили Лескову прямо сформулировать свою позицию в докладе для особого отдела ученого комитета. Кратко оговорив, что его взгляд на книгу совершенно иной, вместо собственных рассуждений он подробно перечисляет факты, свидетельствующие о популярности и одобрении издания авторитетными в сфере «народной» педагогики организациями: «Имея поручение просмотреть экземпляр одиннадцатого издания этой книги, уже многократно одобренной и увенчанной премиями и медалями, я не считал нужным входить в общую критику всего заключающегося в ней литературного материала и не стану излагать моих мнений о его достоинстве, и особенно о его группировке, которая местами мне кажется довольно странною и необъяснимою. Общие достоинства книги г. Водовозова уже оценены не один раз и признаны не только нашим Комитетом, но и Учебным комитетом Св. Синода, Педагогическим обществом и Комитетом грамотности Импер_иаторского вольн_{ого} экономич_{еского} общества и Ученым комитетом Министерства государственных имуществ». Большая часть доклада Лескова представляет собой перечень из 40 «заметок», носящих частный характер, но требующих внесения в «Книгу для чтения» изменений и дополнений. Отметим, что особое внимание в печатном отзыве и докладе рецензент уделяет этнографической проблематике: несмотря на значительный личный опыт автора «Книги для первоначального чтения» как путешественника, художественное изложение и представление этого опыта в книге оценивается как неудачное. Так, в «Новом времени» говорится о включении в книгу «этнографических статеек»: «Автор сам объездил некоторые местности России и довольно живо описал свои впечатления», однако будучи «искусным популяризатором», тем не менее не смог воплотить свои впечатления в художественной, увлекательной для читателя форме (см. упоминания о бессмысленных «нomenклатурных» статьях или курьезных иллюстрациях). Об этнографических материалах идет речь и в лесковском докладе в ученом комитете: например, «на 207 _{странице} в рассказе о почве и нравах много неточности и вообще независимость личности человека излишне умален_а перед значением местности. _{...} Мысль у автора очевидно была довольно верная, но он очень неискусно с нею распорядился и довел ее до абсурда»; «под № 19 в одной из пословиц „мизгир“ объяснен словом *паук*, но это неточно: простой паук никогда не называется „мизгиром“ ни в живой речи, ни в науке. Мизгир — это земляной *паук*, — *aranea tarantula*»; «На 39 стр. о корове говорится, что у коровы „не одно, а два копыта“, и „хвост висит как бечевка“. Ни в Библии, ни в учебниках зоологии, которые мне доводилось видеть, нигде не говорится, что на коровьей ноге „два копыта“. У нее *одно* копыто, но *раздвоенное*. В живой речи тоже не считают у коровы 8 копыт, а на каждой ноге считают одно „копыто двоено“ _{...}», и др. Итогом рассуждений о допущенных Водовозовым неточностях становится схожий вывод: в рецензии «Нового времени» утверждается, что «этнография должна выдвинуться в своих специалистах, история — в очерках своего мастера и т. д.; — тогда только книга для чтения приобретет живой интерес»; в отзыве особого отдела ученого комитета Лесков предлагает изменить порядок рецензирования следующего издания «Книги для первоначального чтения»: «Новое 12-е издание (если оно будет) рассмотреть при содействии специалиста по естествоведению, о котором я имею только дилетантские понятия, но и при них чувствую в книге некоторые ошибки».

Общим для рецензии «Нового времени» и отзыва особого отдела ученого комитета является акцент на стилистическом несовершенстве книг. В газетном тексте как недостаток упоминается тот факт, что вся книга написана одним автором: «Перелагать вся и все, это значит — обезличить вся и все, окрасить в один цвет, отлить в одну форму — отсюда скука, а в голове — хаос». Мелкие ошибки в подборе лексики приводятся и в докладе Лескова: к примеру, «на <странице> 192 весьма несовершенное стихотворение, в коем между прочим сказано, будто „легкие салазки со скрипом по снегу летят“. Что легко, как салазки, то не скрипит. Салазки на лету иногда *стучат*, но никогда *не скрипят*»; «Желая сказать, что великорус „человек *торговый*“, он говорит „купеческий“»; «Неясность выражений в книге порою доходит до того, что здесь же читаем: „Иные птицы обливают себя дождиком, махая крыльями по воде“. Это явилось вместо простых слов „птицы полощутся или брызжатся“»; отмечает Лесков и неудачный выбор передачи стихотворных текстов без соблюдения вертикальной организации текста, и многое другое.

Наконец, пуантом печатной рецензии становится сопоставление с немецкими «книгами для чтения», которое и объясняет отрицательную оценку предлагаемого издания. В докладе для особого отдела об этом не говорится, как кажется, прежде всего потому, что речь идет о разных изданиях, адресованных учащимся с разным уровнем подготовки. В то же время вопроса о том, что «книга для чтения», адресованная школьнику, не должна строиться по принципу энциклопедической всеохватности и не должна быть написана одним человеком, Лесков неоднократно касался и в целом негативно относился к подобному педагогическому опыту. Так, в отзыве от 12 октября 1876 года на изданную в том же году книгу Деркачева «Школьные ступени. Русская азбука и книга для чтения в начальной школе» он как раз упрекал автора аналогичной «книги для чтения» в недостатке простоты и чрезвычайной усложненности материала, так же как и в рецензии, ссылаясь на опыт учителя, а не ученика: «Метода его, может быть, имеющая свои теоретические достоинства, довольно должна и едва ли представляет достаточные ручательства, что сами учителя могут ее верно усвоить...».¹³ О схожих недостатках — бессистемности, стилистической невыдержанности и неудовлетворительности содержания — говорил Лесков и применительно к крайне бездарной «Золотой грамоте» Ф. В. Ливанова (М., 1875), ср.: «Едва ли удобная для чтения народного, она совсем неудобна для школ: 1) по своей бессистемности и недостатку педагогического спокойствия и скромности, столь необходимых в воспитательной книге; 2) по неполноте и несовершенству сообщаемых ею сведений, и 3) по ее образцовому безграмотству, бросающемуся в глаза почти на каждой странице».¹⁴ Можно найти параллели в других докладах Лескова, прочитанных на заседаниях особого отдела ученого комитета, и к размышлениям о недостаточной подготовке учителей в начальных школах, что не позволяет рассчитывать на их педагогическую самостоятельность, и о бедности народной школы. В качестве лейтмотивных элементов в оценке книг для «народного чтения», которые свойственны Лескову, отметим и такие затронутые в рецензии аспекты, как внимание к внешнему оформлению, высокие требования к языку, стилю и одновременно точности изложения, сопоставление с европейским опытом издания книг «для народа», придирчивая оценка включенных в книгу изображений, тезис о том, что «народная» школа должна не столько дать знания, сколько подготовить ученика к дальнейшему самообразованию и т. п.

Все вышесказанное, как кажется, позволяет допустить предположение о том, что автором рецензии на вторую часть «Книги для первоначального чтения» Водовозова был Лесков. Пожалуй, главное, что бросается в глаза — это общий вектор рассуждений. Да, необходимо, чтобы книги «для народа» были качественно подготовлены, удовлетворительны в художественном отношении, идеологически корректны, содержательно выверены и т. д. Но этого мало — ключевым при оценке издания для Лес-

¹³ РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 31. Л. 326 об. — 332 об.

¹⁴ Доклад прочитан на заседании особого отдела Ученого комитета 23 сентября 1875 года; цит. по: Лесков Н. С. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 311.

кова являлся вопрос о том, какой цели отвечает данная книга? Какую практическую пользу она может принести школе? Что ей дать? Авторские размышления об этом, побудившие отрицательно оценить издание Водовозова, позволяют поставить вопрос об атрибуции еще одного текста — напечатанной на первой полосе «Нового времени» заметки «Книжки для народа» (1879. 5 (17) авг. № 1233; см. Приложение 2). Здесь автор говорит о нескольких изданиях и оценивает их под тем же углом — «пригодности» и пользы «для народа». Прежде всего, обращает на себя внимание ее проблемно-тематическое сходство с помещенным в том же номере, на с. 2–3, фельетоном «Запретная печать»:¹⁵ в обоих упоминается «секретная печать», причем ей дается негативная оценка в силу не столько ее опасности, сколько «глупости». Если в заметке «Книжки для народа» как главный недостаток подобных текстов названо «чересчур прямолинейное направление», то в «Запретной печати» автор более категоричен: он не только характеризует «неподчиненные» издания как «пустые, глупые, вредные», но приводит их как пример «быстрого, но повсеместного распространения невежества и безграмотности в русской литературе», отсылая читателя к известной статье А. А. Григорьева (большая часть статьи Лескова, напомним, посвящена «Вестнику правды», издающемуся «истинным Мессией», пришедшему «от земли северская, из дома юзников», А. Пушкиным «из Перми» и «первенцем Сиона» А. Коробовым).

Принадлежность заметки «Книжки для народа» Лескову подтверждает и ряд указанных в ней фактов. Так, перевод книжки «О народном хозяйстве» был сделан М. Н. Вернадской, первой женой И. В. Вернадского, сыгравшего немалую роль в становлении писателя. Лесков жил в одной из комнат его квартиры на Моховой, 28 после приезда в Петербург в 1861 году. И именно благодаря ему сложился круг знакомств писателя, получившего возможность и побывать на заседаниях Вольного экономического общества, и принять участие в деятельности комитета грамотности «для распространения знаний в сельском населении», связанной с организацией воскресных школ и изданием «книг для народа».¹⁶ Вполне соответствует лесковскому «духу» и упоминание книжки Ж.-Б. Боссюэ (см. подробнее ниже, прим. 3 к Приложению 2).

Учитывая тот факт, что в течение какого-то периода Лесков сотрудничал в «Новом времени» на условиях помесячной оплаты, как кажется, можно поставить вопрос и о его участии в составлении рецензий на другие издания «для народного чтения». В частности, обращают на себя внимание помещенные в разделе «Новые книги» рецензии на «Новую русскую энциклопедию» А. Ф. Жолкевича (1878. 7 (19) марта. № 726. С. 3), на «Систематический обзор русской народно-учебной литературы», составленный по поручению Комитета грамотности (1878. 5 (17) мая. № 783. С. 4), на четвертый номер журнала «Сельская беседа» (1878. 12 (24) окт. № 942). К сожалению, нам неизвестны иные материалы Лескова, посвященные этим изданиям, поэтому невозможно сейчас представить хотя бы косвенные доказательства его участия в составлении названных рецензий. С определенной долей уверенности мы можем включать в этот список рецензию на «Энциклопедию ума или словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» Н. Макарова (1878. 10 (22) дек. № 1001; см. Приложение 3). Текст рецензии, кратко знакомящей читателей с вышедшим изданием, не представляет особых возможностей для тех или иных сопоставлений с взглядами и идеями Лескова. Однако стоит указать на тот факт, что экземпляр брошюры, еще и «без вымарок цензора», был подарен автором Лескову и сохранился в его мемориальной библиотеке в Орле.¹⁷

¹⁵ «Запретная печать» опубликована без подписи, указаны только место и дата написания — «Карлсбад, 25-го июля 1879 г.», однако включена в указатели как несомненно принадлежащая Лескову (см.: *Muller De Morogues I. L'œuvre journalistique et littéraire de N. S. Leskov. P. 27 (№ 223)*).

¹⁶ Подробнее см.: Чуднова Л. Г. Лесков в Петербурге. Л., 1975. С. 22–24; Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова... Т. 1. С. 196–201.

¹⁷ Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева. 610/128 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2.223. См. также: Афонин Л. Н. Книги из библиотеки Лескова в государственном музее И. С. Тургенева // Лит. наследство. 1977. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг. С. 145.

Дарственный инскрипт датирован 28 ноября 1878 года, поэтому вполне естественным кажется предположить, что писатель мог «отблагодарить» автора рецензии (вспомним о «рекламных» задачах раздела «Новые книги»). В издании немало помет, подчеркиваний и отметок на полях, и приведенные в рецензии «Нового времени» цитаты также Лесковым выделены красным и графитным карандашами — однако не только они.¹⁸

Нам хотелось бы отметить еще две рецензии, помещенные под рубрикой «Новые книги», которые также могут принадлежать Лескову, хотя и по иным причинам. В обеих речь идет об изданиях, очень разных, но так или иначе касающихся первых веков христианства. Как правило, рецензии на сочинения этой тематики на страницах «Нового времени» принадлежали В. И. Модестову. Ученому также был свойствен взгляд на исследования эпохи раннего христианства как на свидетельство интереса современного общества к нравственным проблемам (так, обзор исследований, посвященных раннехристианской литературе, был им красноречиво озаглавлен «Искание новых нравственных опор» — см.: *Новое время*. 1880. 22 янв. (3 февр.). № 1389). Однако рецензии Модестова обычно подписаны или его фамилией, или инициалами В. М.

Первая из рецензий — это весьма короткая заметка о выходе романа Г. Эберса «*Homo sum*», помещенная на страницах «Нового времени» в № 689 от 28 января (9 февраля) 1878 года (см. Приложение 4). О внимании Лескова к творчеству немецкого египтолога в лесковиане говорилось неоднократно. Сам писатель указывал на его романы как на один из источников своих сочинений: «...у них (немцев. — О. М.) есть такой писатель, как Эберс, которым я сам пользуюсь, ибо Египта не видал и знаю его по Житиям да по Масперо и по Эберсу».¹⁹ При этом Лесков шел тем же путем в выборе сюжетов для своих произведений, что и отмечен в рецензии («...основан на действительном факте, отысканном Эберсом в одном сочинении из первых времен христианства»; сюжеты «византийских» легенд почерпнуты Лесковым большей частью из Пролога). В то же время романы Эберса «Дочь египетского царя», «Уарда», «*Homo sum*» рассматривались в лесковиане как один из источников «проложных» легенд неоднократно, в том числе и с опорой на отложившиеся в архивах черновые материалы, содержащие многочисленные выписки из сочинений немецкого ученого.²⁰ Однако, как кажется, исследователи невольно попали в своеобразную ловушку, отталкиваясь от записных книжек, в которых романы Эберса «раздерганы на цитаты» и использованы для создания соответствующего колорита, «обстановочности», по выражению самого Лескова. А потому лейтмотивным стало сравнение самого разного рода описаний — внешности людей, местности, городов, эпох — в «византийских» легендах и в немецких романах. Опубликованная в «Новом времени» рецензия задает иной ракурс сопоставления романа «*Homo sum*» прежде всего с легендой «Скоморох Памфалон». Его можно обозначить как «идеологический» или «проблемный». В центре внимания газетного отзыва — вопрос о преодолении низменной человеческой природы

¹⁸ Отметим, что выделенные Лесковым в книге цитаты посвящены по большей части противоречивости и «греховности» женской природы, особенно женскому коварству, а также отношениям мужчины и женщины. Например: «Красивые женщины часто походят на большие города, которыми легко овладеть, но которые трудно сохранить»; «Женщина всегда сама бывает виной тому, что мужчина осмеливается высказывать ей свои чувства. Привлекает к себе не самая хорошенкая, а самая ветреная»; «Не ставьте женщину между ее долгом и нарядом»; «Золото пробуют огнем, женщину золотом, а мужчину женщиной»; «Супружество есть рабство мужчины и отпущение на волю женщины»; «Лесть губит женщин более, чем любовь»; «Честные женщины беспрестанно бывают обуреваемы двумя несогласными страстями: желанием нравиться и страхом бесчестия»; «У многих женщин честность есть не иное что, как леность, или недостаток темперамента», и др.

¹⁹ Лесков Н. Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 11. С. 398 (письмо В. А. Гольцеву 14 ноября 1888 года).

²⁰ См., к примеру: Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003; Буткевич А. А. Слово и изображение в творчестве Н. С. Лескова: поэтика «обстановочной» повести. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017; Макаревич О. В. Ритмы и вариации: еще раз о поэтике «византийских легенд» Н. С. Лескова // Русская литература. 2022. № 4. С. 153–162, и др.

отшельником, который становится ключевым в позднейшей легенде и задается уже в эпиграфе к ней: «Слабость велика, сила ничтожна» — и воплощается в судьбе скомороха, считающего себя не способным преодолеть человеческие слабости и привязанности, но именно этим и сильного. Совпадает и время действия — это IV век, эпоха императора Феодосия Великого. Наконец, краткое изложение судьбы Павла, главного героя романа Эбера, прочитывается как программное описание образа Ермия в лесковской легенде. Оба они отшельники, которые «подвергают себя всевозможным лишениям»: Павел живет в пещере, Ермий удаляется в пустыню; оба принимают христианство; оба стремятся к подлинному «христианскому смирению». Оба они не выдерживают испытания отшельничеством: Павел пострадал из-за женщины, Ермий не смог преодолеть гордыни. И о каждом герое можно сказать: в финале они осознают, что «в нем человек не умер» (ср.: «человек должен служить человеку»²¹), и это осознание становится кульминацией их духовного пути. Схож с лесковской оценкой романов Эбера и вывод рецензента «Нового времени»: недостаток действия в романе, акцент на психологии и переживаниях героев лишает его занимательности. Имея в виду ту же самую опасность, Лесков перерабатывал выбранные им проложенные сюжеты, добиваясь картинности и выразительности повествования, дополняя внутренние переживания персонажей неожиданными поворотами сюжета и драматизируя их поступки.

Как кажется, перечисленные сопоставления позволяют предположить, что отзыв на роман Г. Эбера был написан Лесковым. Даже если это не так, подобную интерпретацию романа неизвестным современником писателя стоит учитывать при рассмотрении творческой истории «проложных» легенд.

Схожей по манере оценивания и анализа представляется помещенная также под рубрикой «Новые книги» рецензия на другое издание, которое посвящено истории раннего христианства, — сочинение Г. Буасье «Римская религия от Августа до Антонинов» (1878. 8 (20) мая. № 786. С. 3; см. Приложение 5). Характер изложения материала указывает на то, что рецензия подготовлена человеком, не изучавшим профессионально этот период: подтверждает эту гипотезу не только завершающий пассаж рецензии («она легко читается и не специалистами»), но и ряд мелких деталей, в частности приведение общеизвестных фактов (например, указание на дату смерти Марка Аврелия), отсутствие сопоставления с предшествующими трудами (последнее свойственно рецензиям Модестова) и т. п.

Имя Буасье и его сочинения, посвященные первым векам христианства, в связи с Лесковым также упоминались неоднократно. Высоко оценены его работы в переписке.²² Как и в случае с Эбером, цитаты из Буасье присутствуют в записных книжках, в которых сохранились подготовительные материалы к «византийским» легендам, в частности к «Сказанию о Федоре-христианине и о друге его Абраме-жидовине». Показательно, что и цензурная судьба этого рассказа на страницах записной книжки осмыслилась писателем через факты из жизни римского общества, приведенные Буасье: «ФЕДОР ХР. И АБРАМ ЖИД. запрещен цензурою за „младопитателя“, который разъединяет христианских учеников и не дозволяет „еллинам“ учить их в своих школах. — цензура обнаружила этим свое удивительное невежество в истории, т. к. эта мера, которая тут описана, была установлена в IV в. императором Юлианом Отступником и вызвала против него *негодование христиан*, и прот. этого свят. Григорий Назионзин возражал имп. Юлиану: „Разве ты единственный эллин“.

Юлиан в насмешку „гнал христиан в церкви, где толкуют Матвея да Луку“ (Юлиан, Epist. 42). Церковь в IV в. стояла за *образование* и „никто, делаясь христианином, не отказывался изучать языческих философов и поэтов и *восхищаться* ими. Они были общим достоянием“, и св. Григорий стоял за это. (См. «Падение язычества» Буасье. Москва

²¹ Лесков Н. С. Собр. соч. Т. 8. С. 229.

²² См.: Лесков Н. С. Переписка с Т. Л. Толстой / Предисловие К. П. Богаевской и С. А. Розановой; подг. текста О. А. Голиненко и Б. М. Шумовой; комм. К. П. Богаевской и С. П. Шестерикова // Лит. наследство. Т. 101. Кн. 2. С. 383–384.

1892 г. Стр. 87 «Из всех мер, направленных против христианства, эта была всех искуснее обдумана, но она дала Юлиану врагов в обоих культурах» стр. 88 гл. V) и — прибавлю от себя — поддержку со стороны русских цензоров времен Победоносцева и Феоктистова».²³ Лесков здесь не только напоминает о необходимости для каждого образованного человека изучать и знать античную философию (напомним, сам он об этом говорил неоднократно, ссыпался на нее в беседах, а бюст Сенеки стоял в его кабинете²⁴), но и говорит о тесной связи между учениями различных философских школ и становлением христианства. Ее же подчеркивает и анонимный рецензент «Нового времени». Ключевой идеей в газетной рецензии становится тезис о том, что не принятие христианства изменило римское общество, но напротив, христианство оказалось для него естественным этапом развития после пережитого нравственного кризиса, иными словами — христианство становится способом разрешения «мучивших» общество «религиозных вопросов». Как кажется, подобный вектор рассуждений о христианстве, опирающемся на богатейшую предшествующую традицию, как «лекарство» для современного общества и как основе нравственности, был весьма характерен со второй половины 1870-х годов и для Лескова. При этом значимым для писателя представлялось противопоставление «мертвой» веры, усвоенной от предков по инерции, и искреннего, личностного отношения к христианству. Приведем фрагмент из воспоминаний А. И. Фаресова: «Беда в том, что человек верит потому, что так верили его мать, тетка и братья <...> Эволюция выработала такие правила, которыми одни поступки запрещаются как безнравственные, а другие поощряются как нравственные, — скажете вы... А я отвечу, что меня еще не коснулась эта „эволюция“ и я не признаю ее. А вот другое дело, если я буду говорить, что Бог запрещает мне делать дурное, вложив в меня совесть, через которую я распознаю добро и зло. Тогда этот Бог и будет моей нравственностью и той вечностью, к переходу в которую хотелось бы подготовить себя более добродетельно жизнью».²⁵ Как кажется, высказанную Лесковым мысль и напечатанную рецензию объединяет представление о том, что эволюционного развития недостаточно, и только приход христианства позволил дать ответы на неразрешимые до того вопросы. Различается лишь масштаб: в первом случае речь идет о личном решении человека, а во втором — о судьбе всего общества.

Можно указать и еще на два факта, которые весьма косвенно, но могут подтверждать возможное авторство Лескова. Первый — это упоминание Сенеки, который фигурирует в художественных произведениях и переписке Лескова многократно.²⁶ Второй — цитата из Пруденция, отсылающая к написанному двумя годами позднее рассказу Лескова «Христос в гостях у мужика». Впрочем, весьма характерно для писателя и внимание (пусть мимолетное) к таким темам, как благотворительность, устройство «питательных учреждений» и организация различных гражданских ассоциаций, «положение женщины в Риме». Однако это была та «актуальная повестка» времени, обращавшаяся к которой мог любой из современников Лескова.

Тексты рецензий, атрибутируемых Лескову, публикуются ниже по соответствующим номерам газеты (1878. № 673, 689, 786, 1001; 1879. № 1233). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; ошибки и описки исправлены без оговорок.

²³ РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. № 109.

²⁴ См., в частности, неоднократные упоминания в мемуарах: Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. М., 2018. С. 24, 239, 241, 362 и др.

²⁵ Там же. С. 241.

²⁶ См. подробнее: Макаревич О. В. Философия Сенеки в творческом сознании Н. С. Лескова: пометы к «Письмам Сенеки к Люцилию» (на материале изданий мемориальной библиотеки писателя в г. Орле) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–2. С. 147–150.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Книга для первоначального чтения.

Ч. II. Для старшего возраста и для взрослых. Издание 1-е.
Составил В. Водовозов. Ц. 80 к.

Г. Водовозов давно уже с честью подвизается на педагогическом поприще; наибольшую известность доставила ему «Книга для первоначального чтения», ч. I, появившаяся в 1871 году и распродавшаяся десятками тысяч экземпляров; по крайней мере она выдержала 10 изданий. Когда в одном из собраний Комитета грамотности¹ была присуждена г. Водовозову золотая медаль, он, глубоко тронутый, обещал посвятить всю жизнь народной школе — и сдержал слово... Все это обязывает сказать хотя несколько слов по поводу его последнего труда, составляющего продолжение первой части.

Взявшись в руки эту объемистую книгу и только перелистовавши ее, вы выносите чрезвычайно приятное впечатление: видно, что это плод многих лет, усидчивого труда, кропотливой работы; пробежавши, например, этнографические статейки, вы обратите внимание, что автор сам объездил некоторые местности России и довольно живо описал свои впечатления. Наконец, вы встречаете поразительное разнообразие: то опускаетесь на дно моря, то попадаете в Великий Новгород, потом в Хабаровку, Африку и т. д. Все это сначала подкупает вас в пользу книги, вы радуетесь за народную школу, думаете — вот энциклопедия, которая ей даст все. Но потом совершенно невольно приходит на память страшно громоздкий труд полк^{<овника>} Цирга,² который за 5 рублей обещает сделать юношу умным, поставить его на ноги и дать большие льготы в армии.³ По-видимому, ничего нет общего между г. Водовозовым и спекуляторским изданием полк. Цирга, — откуда же является это странное сближение? Долго вы от него отрекаитесь, но, наконец, выясняются общие признаки... Дело в том, что обе книги Водовозова, и ч. I-я, и ч. II-я, составлены по одному плану, и вовсе не книги для чтения; содержание их совершенно не отвечает своему названию, они дают материал не для чтения, а для изучения, они — учебники. Составитель, мы думаем, увлекся ложною идеей, которая у нас проповедывалась с высоких кафедр педагогии, что «Книга для чтения» должна заменить ученику все, дать ему все знания, хотя бы и в элементарной форме.⁴ Практическим результатом этой доктрины являются обе книги Водовозова со всеми теми недостатками, какие можно было предсказать a priori. Читатель, не знакомый с техническим термином «Книга для чтения», легко себе может представить, какое должно произойти столпотворение фактов, если нагромоздить в книгу и естественную историю со всеми ее подразделениями, и географию с этнографией, и статистику с политической экономией, и историю, как русскую, так и всеобщую, — все это в кусочках, сжато, иногда даже сбито и вылощено; описание преобладает над повествованием, сухость — полнотою, картинностью и увлекательностью; литература играет роль подчиненную; ее образцы только дополняют то или другое описание. Могут ли эти «кусочки» завлечь малограмотного человека, могут ли они заставить его полюбить книгу как разумную собеседницу? Мы сомневаемся. Если прототипом наших «Книг для чтения» послужили немецкие *Lesebuch*'и, то нужно помнить, что у немецких составителей на первом плане литературные цели и что окружающая природа дает только материал, а потому книга составляется из подлинников, хотя бы и в отрывках; там мы встречаем перо Андерсена, Гримма, Гумбольдта, Фогта, Лессинга, Гете, Шиллера, одним словом, всех представителей науки и литературы. Как бы хорошо ни владел первом г. Водовозов, тем не менее этнография должна выдвинуться в своих специалистах, история — в очерках своего мастера и т. д.; — тогда только книга для чтения приобретет живой интерес и тогда только она научит читать. Перелагать вся и все, это значит — обезличить вся и все, окрасить в один цвет, отлить в одну форму — отсюда скука, а в голове — хаос. Потом, идеальный народный учитель, по мнению таких честных педагогов, как г. Водовозов, тот, который все объяснит ученику, все

разжает, сблизит и обобщит отдельные факты, разбросанные в его книге; но г. Водовоз не знает, что наш хороший учитель сам учится из его книги, так как те крупицы, которые он вынес из семинарии — капля в море перед требованиями автора. Сегодня учитель хватается за ботанику, чтобы *объяснить* очередную статью, завтра — за историю и т. д., — где уж тут думать о сближении! Мы из опыта знаем, что в одной школе учитель, человек с хорошим образованием, едва был в состоянии прочитывать 80 статей из 1-й части, остальные положительно не мог переварить.

Мы не имеем возможности входить в подробности выполнения такого обширного плана, какой задуман г. Водовозом — это дело не газетной рецензии. Мы хотели только обратить внимание на основную мысль автора и остаемся в убеждении, что для нашей школы, для нашего грамотного простолюдина, было бы гораздо полезнее издать серию элементарных учебников по различным предметам, как это делается за границей; г. Водовоз, как искусный популяризатор, мог бы исполнить это с большим успехом, по крайней мере по отношению к некоторым предметам: выиграла бы наука и выиграла школа. Какая, например, у него связь между естественными рассказами в 1 части и во 2-й ч^{асти}? — Никакой. Только в «Книгу для чтения» могли попасть такие статьи, как «Русская земля на плане», «Части растения и его оплодотворение» (Часть 1-я), где, кроме голой номенклатуры, — ничего; только под этой фирмой они могли выдержать 10 изданий. Кто же не знает, что познание природы возможно только при изучении ее в стройной связи явлений, взаимодействии причин и последствий? — Знает это отлично и г. Водовоз, но он введен в заблуждение фальшивым догматом. Далее, какое учебное значение могут иметь такие карты, как Африки (Ч. II, стр. 298), Америки (стр. 504), или рисунки (стр. 557), где голова американца больше лодки с двумя гребцами? — Никакого. Эти промахи есть неизбежный результат ложного взгляда на книгу для чтения и вообще на задачу народной школы. Последняя состоит вовсе не в том, чтобы напичкать детей всевозможными знаниями, в гомеопатических дозах, а научить их читать так, чтобы они могли продолжать свое самообразование в длинные часы зимнего досуга. Отрывочные и сухие знания скоро улетучатся, а любовь к книге останется живым стимулом навсегда. Говоря выше о неизбежности таких крупных промахов в книге для чтения, мы опять думаем, что г. Водовоз не допустил бы их, если бы составил, после «Книги для чтения», что-нибудь в роде географических очерков; он наверно бы осилил и хорошо развел такой строго определенный план, при книге приложил бы, вероятно, подходящий атлас, с пропорциональными рисунками, ясными и верными картами... Могут возразить, что наша школа бедна, что она не имеет средств приобрести и книгу для чтения, и ряд популярных учебников. Действительно, наша школа бедна, но бедна прежде всего своим социальным положением: улучшится последнее, улучшатся и ее денежные средства. Все-таки эта бедность в деньгах не дает еще права кормить ее подачками с барского стола, а что книга г. Водовоза — подачка, это несомненно. Все равно бедная школа не в состоянии заплатить 80 коп. — цена баснословно дешевая, но дайте же что-нибудь цельное такой школе, которая не стесняется в средствах, а такие школы уже нарастают...

¹ Имеется в виду Санкт-Петербургский комитет грамотности, основанный в 1861 году. Среди наиболее известных его деятелей были А. Ф. Погорский, В. М. Яковлев, И. В. Вернадский, А. Ф. Петрушевский, И. И. Паульсон и др.

² Вероятно, имеется в виду издание: *Цирг Е. П. Практическое наставление к изготовлению домашними средствами всех совершеннейших и признанных полезными в русском хозяйстве машин, орудий и снарядов. СПб., 1855.*

³ При введении всеобщей воинской повинности в ходе реформ Александра II предполагались льготы для тех, кто получил образование. Закон предоставлял как отсрочку для некоторых групп учащихся, так и сокращение срока службы, вплоть до отмены ее, при получении образования определенного уровня. См., например: *Рудник С. Н. Всесословная воинская повинность и вопросы образования в России в 1870–1890-е годы // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2. С. 80–91.*

⁴ О популярности жанра «книги для чтения» и ее достоинствах см., к примеру: «Книга для чтения в народной школе <...> должна служить основанием и центром всего обучения. Если

справедливо, что цель школы состоит не только в том, чтобы сообщить ученику те или другие знания и уменья, но и дать ему *общее образование* <...>, то вопрос о книге для чтения справедливо является самым жизненным вопросом народной школы. <...> ..., книга для чтения“ в наших народных школах необходимо должно явиться в некоторой степени *энциклопедией*, дополняющую приобретение в школе необходимых сведений по тем предметам, которых в учебном курсе этих школ не полагается» (Миропольский С. И. К вопросу о книге для чтения в нашей народной школе (По поводу книги для чтения барона Н. А. Корфа «Наш друг». СПб., 1871 года) // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Т. 159. Отд. педагогии. С. 23, 24).

2

Книжки для народа

Прошлою зимою ходили упорные и вполне достоверные слухи об очень будто бы рачительных заботах некоторых лиц создать в *скором времени* совершенно новую народную литературу, с специальною целью — дать отпор тем произведениям секретной печати, которые, по слухам, распространяются в народе с намерением колебать его веру и послушание власти. Об этом было и писано в «Московских ведомостях», петербургский корреспондент которых сообщил эту новость за несомненное. И действительно, появилось 5–6 книжек в этом роде, они остались незамеченными, но на них прямо указывали как на результаты упомянутых забот. Все это были маленькие повести и рассказы, сочиненные в очень решительном направлении, но совсем без умения, которое необходимо даже для того, чтобы сплести народные лапти, а не только написать народную книгу. Главный недостаток книжечек, которые были выпущены с упомянутую целью, заключался, впрочем, по нашему мнению, в их чересчур прямолинейном направлении, через что зло, против которого они назначались, как бы обострялось.¹ Подобные книжечки, в изобилии выходящие за границею (особенно в Германии), издаются там гораздо ловчее, и мы, слушая про наши домашние хлопоты с этим делом, часто недоумевали: почему озабоченные таким издательством люди не хотят просто взять и приспособить для русского читателя брошюры иностранцев, далеко более нас опытных в борьбе с социалистическою пропагандою, которая на Западе известна не со вчерашнего дня и имеет там несравненно более удобную почву. Из всех мнений о книгах, которые у нас задумывались и предлагались, нам целесообразнее многих казалось издание небольшой, но очень толково изложенной книжечки Гопкинса «О народном хозяйстве», некогда изданной у нас в переводе М. Н. Вернадской.² Правда, там ничего не говорилось об агитаторах и о том, что с ними делать; но зато там очень просто и толково развивалось понятие о необходимости разных экономических мероприятий в государственном хозяйстве, что, по нашему мнению, весьма пригодно для русских людей, имеющих обо всем этом самые примитивные понятия, обыкновенно не выдерживающие смелых натисков противу-экономической критики. А этому-то по преимуществу и стремится служить секретная печать социалистического направления, об успехах которой в народе мы, впрочем, судить не можем, потому что ничего об этом не знаем. Мысль о книжке Гопкинса, однако, была отстранена, как не соответствующая острому характеру нынешних обстоятельств и замещена другою; нам достоверно известно, что уже изготовлена и в скором времени должна выйти в свет довольно замечательная народная книжечка в библейском духе. Она почти целиком составлена из подбора библейского текста, словами которого трактует о праве и власти правительства и о подданнических обязанностях народа. Прототипом для этой новой книжки послужило сочинение Боссюэта, переведенное и напечатанное у нас в 1802 году по Высочайшему повелению. В предисловии к сочинению Боссюэта было выражено такое преимущество этого сочинения: что в этой книге рассуждает с читателем не литератор и не государственный человек, а «тако глаголет Господь». В русском издании (императорской типографии в Петербурге) упомянутое сочинение, составляющее, впрочем, нынче большую библиографическую редкость, было озаглавлено: «Политика из слов священного писания, почерпнутая И. Б. Боссюэтом».³ По содержанию она представляет конспект библейского

учения о государственном праве и подданническом долге, составляющих в общей связи благо народное; все это сведено искусно рукою Боссюэта очень умно, и книга, конечно, может служить полезным чтением для народа, особенно в виду того рокового обстоятельства, что у нас в теперешней поре в значительном числе народных школ закон божий вовсе не преподается.⁴ Это может быть очень на руку анархистам, для их излюбленных целей. Но не маловажный, конечно, вопрос представляет и то, какие меры будут приняты к широкому распространению книг для народа.

¹ Отчасти пояснить, дополнить и прокомментировать эти размышления автора заметки «Книжки для народа» позволяет сопоставление с мнением Лескова и фактами, указанными им в докладе на заседании особого отдела ученого комитета по поводу ходатайства издателя газеты «Народный листок» о распространении этого издания «чрез епархиальных архиереев, благочинных, попечителей учебных округов, директоров и инспекторов народных училищ»: «...коммунистические толки о разделе имущества поровну и об уничтожении или изводе людей достаточных проводятся теперь агитаторами в народе отнюдь не в такой простодушной проповеди коммунизма <так!>, как это представлено в „Листке“». Дело это ведется гораздо тоньше и осторожнее. Сколько известно, из книжечек этого sorta иные составлены очень хитро, вкрадчиво и осмотрительно: или самым радикальным образом подыгрывается авторитет церкви, причем не выражается никакой иной революционной мысли; а ныне царствующему Императору высказывается даже самая пламенная благодарность, верноподданническая преданность и сыновняя любовь. Такова, например, книжка, напечатанная в 1865 году в Женеве под заглавием „Вероисповедание духовных христиан“, где на X стр. с большою теплотою и искренностью исчислены благодеяния Императора Александра II и тут же говорится о повиновении властям и правителям; но в результате митрополит киевский Арсений в прошлом году писал в „Трудах Киевской духовной академии“, что крестьяне этого толка вопрошали его: „неужто и Закревский был от Бога“. И мне известно, как это установление властей от Бога низводится до шутовства, испрашивают „неужто и Гоголевский городничий был от Бога и от него же наш квартальный“. В других же книгах, применяясь к русским народным понятиям, проводятся так называемые экономические взгляды Лассалля — писателя недюжинного, борьба с которым далеко не так проста и легка, чтобы для нее годился всякий, самоуверенно считающий такую борьбу для себя по силам. Это отнюдь не требование извода имущественных людей и раздача всем поровну: а это в многоразличных видах усилия раскрыть народу механизм финансовых государственных операций и показать бесхозяйство и не-производительность многих затрат, устремить на это внимание народа, а также освободить народный капитал от произвола распорядителей и вызвать со стороны рабочих оппозицию и правительству, и хозяевам. Некоторые из книг этого sorta проникнуты, по-видимому, такою законностью и умеренностью всего в них развивающегося, что в них как будто ничего насильтственного и не рекомендуется...» (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 31. Л. 96–97).

² Речь идет об издании: *Марсеть Д. Х. Понятия Гопкинса о народном хозяйстве* / Пер. с англ. В <ернадская М. Н.>. М., 1856. Книгу Гопкинса и ее «полудетский перевод» М. Н. Вернадской Лесков упоминал также в докладе, прочитанном в особом отделе ученого комитета 27 июня 1878 года, о книге: Зеленый остров. Рассказ о том, что такие деньги, торговля и труд / Изд. журнала «Воспитание и обучение». СПб., 1878 (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 35. Л. 305–308).

³ Боссюэ Жак-Бенинь (Bossuet, 1627–1704) — французский епископ, проповедник, писатель; руководил изданием «Ad usum Delphini» — учебной библиотеки греческой и латинской классики, предназначеннной для воспитания сына Людовика XIV. Речь идет об издании: Политика из самых слов Священного Писания, почерпнутая Иаковом Бенигном Боссюэтом. СПб., 1802; высокая оценка которого встречается у Лескова неоднократно. Приведем весьма близкое высказывание, также из доклада Лескова в особом отделе ученого комитета, посвященного «книжке для народного чтения» «Святость царского имени» (Составил Иван Савченков, крестьянин с. Соловьевки, Радомыльского уезда, Киевской губернии. СПб., 1880): «...в этом роде у нас еще со времен императора Александра Первого есть очень полная и мастерски составленная книга. Она называется „Политика, из самых слов священного Писания, почерпнутая Иаковом Бенигном Боссюэтом. Напечатана по Высочайшему повелению в С<анкт->Петербурге в 1802 году, в Императорской типографии“ и посвящена усопшему Государю Александру Павловичу. В ней богоучрежденный порядок единодержавия выведен из Св. Писания обстоятельно и всесторонне, с глубоким знанием дела и с политическим тактом, которым был одарен французский придворный проповедник, справедливо почитаемый в своем роде „образцовым“. В целях доказать „святость царского имени“ и божественное происхождение единодержавной власти искать лучшего нечего, да и не нужно» (РГИА. Ф. 734. Оп. 3. № 39. Л. 680–721).

⁴ Нехватка учителей закона Божия в народных школах привела к дискуссиям о возможности допустить к его преподаванию светских лиц, чему воспротивилась церковь. Известно, что Лесков посвятил этому вопросу доклад на заседании ученого комитета Министерства народного

просвещения, впоследствии изданный в типографии Суворина: [Лесков Н. С.]. О преподавании закона Божия в народных школах: Выписка из «Журнала особого отдела ученого комитета Министерства народного просвещения» 4 дек^абря (1879 г. № 387). СПб., 1880. Заметим также, что вопросу дозволения не церковнослужителям преподавать этот предмет были посвящен ряд материалов «Нового времени» на протяжении 1879 года, причем в качестве аргумента приводилась невозможность для сельского священника совмещать и обязанности, связанные с исполнением треб, и преподавание в народной школе.

3

**Энциклопедия ума или словарь
избранных мыслей авторов всех народов и всех веков.
Составил по французским источникам и перевел Н. Макаров. СПб. 1878 г.**

Вышедшая на днях книга г. Макарова представляет попытку собрать разбросанные в бесчисленных томах перлы человеческого ума и остроумия. В книге содержится 8000 мыслей, выбранных из разных авторов всех времен и народов, с указанием, кому принадлежит та или другая мысль. Цель, которую составитель книги поставил своей «Энциклопедии», это служить пособием для людей образованных при недостатке огромной памяти и широкой начитанности, которые так редко встречаются в одном лице. И этой цели книга отвечает в значительной степени. Читатель найдет в ней мыслей *«так!»* знаменитых людей по весьма многим предметам, расположенным в алфавитном порядке. По некоторым предметам собрано множество таких мыслей. Например, под словом *«несчастие»* цитировано 44 мысли, под словом *«жизнь»* — 49, *«дружба»* — 42, *«закон»* — 61, *«народ»* — 63, *«женщина»* — 213 и т. д. Эти цитаты представляют бесконечное разнообразие идей, понятий, воззрений, часто противоречивых, взаимно отрицающих одно другое. Но, конечно, иначе и быть не могло при собрании мысли около 1000 различных авторов. Вот несколько образчиков таких противоречивых мыслей по одному и тому же предмету. *«Свобода»*. «Без свободы — спокойствие не жизнь; это — общественная смерть, это тишина могилы» (мысль принадлежит Bignon). О том же — выражение Balza^cа: «Свобода, данная развращенному народу — это девственница, преданная развратникам». Берем слово *«женщина»*: «Без женщины заря и вечер жизни были бы беспомощны, а ее полдень без радостей» (Boiste), а вот и другое нечто: «Большая часть женщин суть: павы на гулянье, ворчуны дома и голубки на свиданьях наедине» (D^ufresny)¹ и т. д. Эти же образчики дают некоторое понятие и о содержании словаря. Весьма пригодный для справок, он вместе может служить и приятным чтением, и мы не затрудняемся предсказать ему большой успех.

¹ Биньон Луи Пьер Эдуар (Bignon; 1771–1841) — французский историк и публицист. Цитата приводится по изд.: *Bignon M. Les cabinets et les peoples, depuis 1815 jusqu'à la fin de 1822*. Paris, 1823. Р. 359. Буаст Пьер-Клод-Виктор (Boiste; 1765–1824) — французский поэт, лексикограф. Цит. по изд.: *Boiste P.-C.-V. Dictionnaire universel de la langue française, avec le latin et l'etymologie, extrait comparatif, concordance, critique et supplément de tous les dictionnaires français; Manuel encyclopédique de grammaire, d'orthographe, de vieux langage et de néologie...* Paris, 1857. Р. 311. Источники цитат из О. де Бальзака и французского журналиста и драматурга Шарля Дюфресни (Dufresny; 1648–1724) неизвестны.

4

**«*Homo sum*», *Roman von Georg Ebers*
(*«Я человек», роман Г. Эбера*)**

Этот новый роман Эбера, появившийся в Германии в декабре прошлого года¹ и недавно вышедший уже третьим изданием, менее интересен, чем другие романы

того же автора «Дочь царя египетского» и «Уарда».² Сюжет «Homo sum» основан на действительном факте, отысканном Эберсом в одном сочинении из первых времен христианства. Действие романа происходит в четвертом веке, на Синайском полуострове; идея его та, что как бы человек ни умерщвлял свою плоть, он не может вполне отрешиться от своей природы. Эту идею Эберс воплотил в лице своего героя, отшельника Павла, который, приняв христианство, удаляется в пустыню, живет в пещере, подвергает себя всевозможным лишениям и, наконец, принимает на себя чужую вину ради спасения другого отшельника. За это его бьют плетьми, оскорбляют и даже исключают из общины. Но Павел переносит все с христианским смирением, и только когда судьба сталкивает его с женщиной, ради которой он невинно пострадал, он начинает сознавать, что в нем человек не умер. Однако ему удается с величайшими усилиями победить себя; но его натура не выдерживает этого последнего испытания, и он умирает. Перед смертью, стоя на коленах <так!> перед распятием, он начертал углем на стене: «Молитесь за меня, бедного; я был человеком».

Весь драматизм сюжета «Homo sum» лежит во внутреннем процессе, совершающемся в душе Павла, и, может быть, поэтому роман страдает отсутствием внешнего интереса.

¹ Ebers G. *Homo sum. Roman.* Stuttgart; Leipzig, 1878.

² Названные романы представляют собой первые книги «египетского цикла», который сделал Эберса, наряду с Ф. Даном, одним из известнейших представителей «профессорского романа» (материал для этих текстов авторы черпали в своей научной работе). Роман «Дочь царя египетского» («Дочь фараона», «Eine ägyptische Königstochter») вышел в 1864 году; первый русский перевод печатался в «Отечественных записках» в 1873-м. «Уарда» («Uarda», 1877) — вторая часть цикла, «Homo sum» (1878) — третья.

5

Гастон Буасье. Римская религия от Августа до Антонинов Перевод М. Корсак. Издание К. Солдатенкова. М. 1878

Сочинение Буасье «Римская религия» представляет исследование развития римского общества, литературы и философии в период от воцарения Августа до Марка Аврелия включительно. Оно имеет целью выяснить отношения между язычеством и христианством в течение двух первых веков, т. е. до того времени, когда апологисты открыто выступили с защитой христианства. Г. Буасье высказывает мнение, что реформы в римской религии, последовавшие уже в первом веке христианской эры за эпоху полного ее упадка, вследствие громадных политических вопросов, занимавших весь Рим в первом столетии до Р. Х., и перемена легкомысленного и насмешливого отношения к ней римского общества времен Цицерона на средневековую набожность времен Марка Аврелия (ум. 180 г.) произошли не под влиянием христианского учения, исповедников которого увидели в Риме при Нeronе, но явились результатом самостоятельного хода культурного развития римского общества того времени. Уже Август принял реформировать римскую религию; но при нем общество еще не начинало так сильно заниматься религиозными вопросами. Однако богообязанность возросла около половины первого столетия настолько, что уже Нерон не осмелился войти в храм Весты после убийства своей матери. Около этого же времени Сенека-философ стал проповедывать любовь и милосердие к ближним, даже рабам. (Г. Буасье не признает доказанным личное знакомство Сенеки с св. Павлом). Траян начал устраивать «питательные учреждения» для бедных детей. Богатые начали помогать неимущим не из тщеславных целей, но «как человек человеку» (*ut homo homini*). Более образованное общество не находило в своей смешанной религии ответа на волновавший его вопрос: есть ли единое высшее существо, или существует много богов. Философы распались на много школ, споривших между собою, причем стоики учили, что Бог един, но имеет разные имена, смотря по тому, в чем проявляется; они принимали все легенды, но

объясняли их аллегорически; платоники признавали, что Бог един, посредниками же между ним и людьми являются «демоны» разных названий; последователи же Эвгемера не признавали легенд о богах, говоря, что Юпитер, Сатурн и т. д. были цари на земле, о которых сохранились рассказы. Таким образом общество колебалось между суеверием, вкоренившимся в простом народе, и философскими школами. Тем с большей радостью приняло оно христианское учение, предложенное ему готовым, твердым и цельным и удовлетворительно разрешавшее все мучившие его тогда религиозные вопросы. «Философия поставила величайшие задачи и не разрешила их; религия возбудила умы, но не удовлетворила их». По словам Пруденция, «Христос мог прийти, ибо пути Ему были уготованы». Объем книги позволил автору коснуться многих вопросов, имеющих отношение к его теме; так он подробно рассматривает положение женщины в Риме, утверждая, что несмотря на законы, весьма ограничивавшие ее права, она в силу обычая еще до Р. Х. уже пользовалась в Риме образованием и большой свободой; доказывает относительную сносность положения рабов, отрицая, чтобы кто-нибудь в древности требовал уничтожения рабства; наконец, подробно разбирает «погоронные коллегии» и другие ассоциации римских граждан, признавая ассоциации солдат наиболее близкими к нашим благотворительным обществам.

Перевод книги очень хорош, и она легко читается и не специалистами.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-207-213

© В. Н. Быстро

А. А. БЛОК И ВЛ. В. ГИППИУС: ЗАВЕРШЕНИЕ ОДНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ

Хронология стихотворного диалога двух поэтов четко прослежена в мемуарах Владимира Гиппиуса «О Блоке, что помню», опубликованных в 2003 году А. М. Грачевой и О. А. Линдеберг. Следует отметить, что во вступительной статье к публикации затронуты существенные моменты этого обмена посланиями.¹

Предваряя содержание диалога, необходимо обратить внимание на то, что Вл. Гиппиус изначально выступал в статусе своего рода духовного наставника, учителя. Не случайно Зинаида Гиппиус в посвященном ему стихотворении «Псалмопевцу» (1912) писала: «О тайнах подземных и звездных / Поешь ты в пустынной тиши...».² Поэт ощущал себя обладателем неких сокровенных истин, едва ли не провидцем и пророком. В одном из стихотворений неопубликованного сборника «Затменья звезд» он, в частности, утверждал: «Срываю медленно туман судьбы / И вижу всё, что непременно будет... <...> Предсказывать — всё знать, всё знать заране — / О, Боже мой, какая тягота! <...> Открылась мне великая бескрайность; / Теперь ясна мне дней необычайность...»³

Как известно, исходным импульсом для Вл. Гиппиуса послужило стихотворение Блока «Всё на земле умрет — и мать, и младость...», написанное в 1909 году: «Как-то весной (1912), — вспоминал он, — я послал ему (Блоку. — В. Б.) свое возражение

¹ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню / Предисловие, публ. и комм. А. М. Грачевой и О. А. Линдеберг // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003. С. 48–51. См. также: Блок в поэзии его современников / Вступ. статья и публ. Ю. М. Гельперина // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3. С. 542–543, 553–554.

² Цит. по: Гиппиус З. Н. Сочинения. Стихотворения. Проза / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. К. М. Азадовского, А. В. Лаврова. Л., 1991. С. 171.

³ ИРЛИ. Ф. 79 (Р. В. Иванов-Разумник). Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 6, 7.

в стихах — со стороны оптимизма — на его формулу в стихах — пессимизма».⁴ «Формулу пессимизма» Вл. Гиппиус усмотрел в заключительной строфе:

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было *здесь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.⁵

Усеченную последнюю строку четверостишия Вл. Гиппиус взял в качестве эпиграфа. Его стихотворное «возражение» исходило именно из этого блоковского постулата:

Александру Блоку

...Оттуда ринутся лучи.

Ты думаешь — они оттуда ринутся?
Мне кажется, что — нет:
Но в час назначенный все опрокинутся —
Все зримые в незримый свет —

Незримый свет, который в зримом стелется,
Струится и молчит;
Он вдруг заговорит, — и всё изменится,
Всё неизменное в истоме лет!

Ты понял ли, что всё уже известное
Лишь неизвестно нам, —
Что мы идем в стране уже прелестной,
Но горестной очам,

Что мы струимся в самом сердце мира, —
Но мир еще не наш...
Что мы заждались в самом буйстве пира
Заветных чаш!

1912. Февраль⁶

Этот текст был опубликован первым в составе «поэтического диалога» между Вл. Гиппиусом и Блоком в журнале «Гиперборей». Вл. Гиппиус как бы размышлял в координатах соловьевского и блоковского «двоемирия»: «здесь» и «там», «всё видимое нами / Только отблеск, только тени от незримого очами» (из стих. Вл. Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь...», 1892).⁷ Но он убеждал Блока в том, что мир уже весь пронизан чудесными, но незримыми пока лучами, неземным светом. Не нужно их ждать «оттуда». Примечателен сходный образ в стихотворении Ахматовой «Помолись о нищей, о потерянной...», также опубликованном в «Гиперборее»:

Отчего же Бог меня наказывал
Каждый день и каждый час?
Или это Ангел мне указывал
Свет, невидимый для нас?⁸

⁴ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 63.

⁵ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 128.

⁶ Гиперборей. 1912. [Вып.] II. Ноябрь. С. 3.

⁷ Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. статья, сост. и прим. З. Г. Минц. Л., 1974. С. 93 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁸ Гиперборей. 1912. [Вып.] I. Октябрь. С. 5. Ср. близкую по семантике строку из стихотворения Гумилева «Фра Анжелико»: «И здесь есть свет, и там иные светы» (Там же. С. 11).

Образ «заветных чащ», возможно, восходит к «Чаше жизни» Лермонтова (1831): «Мы пьем из чаши бытия / С закрытыми очами, / Златые омочив края / Своими же слезами... / <...> Тогда мы видим, что пуста / Была златая чаша, / Что в ней напиток был — мечта, / И что она — не наша».⁹

Поэт, вспоминал Вл. Гиппиус, «отозвался — тогда же — ответным посланием со стороны пессимизма — пущего. По почте».¹⁰ Этим посланием явилось стихотворение «Владимиру Бестужеву. Ответ», в котором Блок, казалось бы, соглашался с ним:

Владимиру Бестужеву. Ответ

Да, знаю я: пронзили ночь отвека
Незримые лучи.
Но меры нет страданью человека,
Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне — мир прекрасен,
(Я знал Тебя, Любовь!).
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как кровь!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

Март 1912 г.¹¹

А. М. Грачева и О. А. Линдеберг справедливо отметили подспудную связь этого текста со стихотворением Пушкина «Странник» (1835), в котором фигурирует образ «некоего света», обещавшего «спасенья верный путь», а также со статьей Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910).¹²

Почему Вл. Гиппиус почувствовал в стихотворении еще больший пессимизм? Видимо, ему показалось, что Блок упорно не верит в метафизический божественный свет, в слияние в реальности двух разных миров.

Вл. Гиппиус решил продолжить полемику: «Я ответил длиннейшим поучением в стихах. По почте же».¹³ Подразумевается цикл из четырех стихотворений под названием «Александру Блоку. Ответ», созданный в апреле 1912 года. В первом из них («Таинственно люблю — и знаю сладость в розах...») он уверял:

<...>
И есть призыв в лесах, смелою пьяных,
Напев — в твоих стихах:
Всё — как в любви, — всё в золотых туманах
И золотых ручьях!

⁹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1989. Т. 1. С. 211 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁰ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 63.

¹¹ Гиперборей. 1912. [Вып.] II. Ноябрь. С. 3.

¹² Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 49–50.

¹³ Там же. С. 63.

Я осознаю мир так явственно и властно,
 Так чувственno — до дна,
 Что — вот сгорю в одной мечте бесстрастной —
 От счастья и вина...
 <...>
 Что — вот умру в одном порыве к счастью,
 Задуманном не мной!¹⁴

Залог оптимизма поэта — в вере в предустановленную гармонию, дарованную свыше.

Во втором стихотворении («Да, все признать! и безрассудно верить...») возникают мотивы возвышенного стоицизма:

Да, все признать! и безрассудно верить,
 Что есть обет во всем.
 Да, все принять — и не считать потери,
 Теряя день за днем!
 <...>
 Все дни забыть — и исступленно плакать
 В ночную темноту, —
 И быть слезой испытанного мрака,
 Сияющей в мечту!¹⁵

Но это было близко и миоощущению Блока. Недаром он высоко ценил стихотворение Тютчева «Два голоса»: «Тревога и труд лишь для смертных сердец... / Для них нет победы, для них есть конец». ¹⁶ «Смысл трагедии — БЕЗНАДЕЖНОСТЬ борьбы, но тут нет отчаяния, вялости, опускания рук. Требуется высокое посвящение». ¹⁷

В третьем стихотворении («Но мы забыли чувственную прелесть...») Вл. Гиппиус, по сути, невольно повторяет постулат из блоковского стихотворения; у Блока: «Да, знаю я, что в тайне — мир прекрасен...»; у Гиппиуса:

Но мы забыли чувственную прелесть,
 Завещанную нам,
 И — что в страстях людских иная цель есть,
 Неявная умам;
 <...>
 Мы раздвоили внутреннюю цельность
 Навек — лучей и тьмы...
 Но есть во всем иная безраздельность, —
 И безраздельны мы!¹⁸

Это стремление к гармонии, внутреннему равновесию, которые изначально присущи природе, миоощущению.

В заключительном стихотворении («Да, всё признать!.. любить с тоской пристрастной...») Гиппиус уверял «ослепшего в ночи» страдающего поэта:

Ты не ослеп — ты зарыдал в метелях, —
 Ты встретишь ночь в звездах!¹⁹

«Ночь в звездах» — один из важнейших символических образов в лирике Вл. Гиппиуса. Так назван его сборник, вышедший в 1917 году. Еще Н. К. Гудзий в конце

¹⁴ Гиперборей. 1912. [Вып.] II. Ноябрь. С. 5–6.

¹⁵ Там же. С. 6.

¹⁶ Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957. С. 178 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁷ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 89.

¹⁸ Гиперборей. 1912. [Вып.] II. Ноябрь. С. 7.

¹⁹ Там же. С. 8.

1920-х годов указал первоисточник этого образа: стихотворение Тютчева «Не то, что мните вы, природа...» (1836): «Лучи к ним в душу не сходили, / Весна в груди их не цвела, / При них леса не говорили / И ночь в звездах нема была».²⁰ Знаменательны в данном контексте строки стихотворений из упомянутого выше сборника Вл. Гиппиуса «Затмения звезд»: о поэте — «Ты должен, для того чтоб петь, / Лететь на крыльях ночи звездной!»; о Боге — «Дышит в небе ночная звезда, / Блещет тайна Твоя золотая...».²¹ Подобное восприятие макрокосма отражено, к примеру, в стихотворении Вяч. Иванова «Звездное небо» (1889):

Сердце ж алчет части равной
В тайне звезд и в тайне дна:
Пламенеет и пророчит,
И за вечною чертой
Новый мир увидеть хочет
С искупленной Красотой.²²

Владимир Васильевич считал свои послания Блоку оптимистичными поучениями. Парадокс заключается в том, что как раз в этом переломном для него 1912 году он сам мучительно раздваивался, боролся с неверием, с пессимизмом.

На мой взгляд, Блок не усомнился в стихах своего оппонента существенных возражений и счел поэтический диалог исчерпанным. «На это возражение он уже не ответил», — констатировал Гиппиус.²³ Но в качестве завуалированного ответа он воспринял надпись на подаренной ему книге. «А я ждал. И — дождался. Осенью — через моего младшего брата Васю — он передал мне только что вышедшее собрание своих стихотворений с надписью: „Вл<адимиру> Васильевичу:

И усыпительно, и сладко
Поет незвучная вода, —
Что сон ночной, что сумрак краткий —
Не навсегда, не навсегда...

Блок“

Четверостишие было взято из книги моих стихов „Возвращение“²⁴ — незадолго до того посланных мною Блоку. (По почте — опять же). Но я думаю, что понял верно эту выписку из моей книги — на Собрании его стихотворений — как ответ — на мое второе весеннее поучение.

И опять Мережковский же говорил, что моя книга стихов ему понравилась: „Благородная скука...“ Стало быть, Блок попрекнул меня моим <четверостишием?> — в ответ на второе поучение. <...> А меня еще раз подмыло — возражать Блоку на один из его новых пессимизмов <...> — в „Сирине“.²⁵

²⁰ Гудзий Н. К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. 1930. Т. 3. № 2. С. 526. Данная строфа послужила эпиграфом к разделу «Посвящение» в сборнике «Ночь в звездах» (Пг., 1917. С. <7>).

²¹ ИРЛИ. Ф. 79 (Р. В. Иванов-Разумник). Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 41 об., 52 об. Ср. в стихотворении Вл. Гиппиуса «Когда я прав, когда я прав, о Боже...» (1912): «Мне говорят — зачем ты в мире любишь / Лишь ночь в звездах?» (цит. по: Русский модернизм. Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст. СПб., 2022. С. 403; публ. В. Н. Быстрова). Ср. также в его поэме «Лик человеческий» (1922): «Всё видимое — думаешь, — пустое? / Оно — как „ночь в звездах“, — всё золотое, / Всё голубое... Слушай: всё — точь-в-точку, — / Как там! в раю, — где — мы уже с тобою!» (Гиппиус В. Лик человеческий. Пб.; Берлин: Эпоха, 1922. С. 71).

²² Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 525.

²³ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 63.

²⁴ Возвращение. Из книги «Завет» Вл. Бестужева (1896—1906 г.). СПб.: Цех поэтов, 1912. С. 91.

²⁵ Имеется в виду публикация в 3-м сборнике «Сирин» цикла «Седое утро» (СПб., 1914. С. LIII—LXVII), в который вошли следующие стихотворения: «Художник» («В жаркое лето и в зиму метельную...»), «Как свершилось, как случилось?..», «О, нет! не расколдуешь сердца ты...», «Седое

Я написал возражение в стихах. Третье поучение. И — не послал. Потом Шура (брать, Александр Васильевич Гиппиус) прочел.

— Что это ты всё Блоку возражаешь?

— Такая уж судьба...»²⁶

Таким образом, полемика продолжилась в 1914 году. Под не посланным поэту «третьим поучением» подразумевается стихотворение «А. Блоку». Этот текст Вл. Гиппиус включил в свой, до сих пор не изданный сборник «Звезды днем» (раздел «Днесъ»), рукопись которого хранится в архиве поэта в Пушкинском Доме. Сборник является третьей частью поэтической тетралогии «На семи путях».

Прочитируем текст автографа стихотворения по последнему слову правки:

А. Блоку

...Как исступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Как сладко ты поешь! какие звуки!
Но как неверно дрогнула струна,
О милый брат, едва протянем руки,
Уже поет ответная весна.

Какая? здешняя? — всегда живая?
Нездешняя, — жива или мертва?
О, знаю, мы изгнанники из рая, —
Но поняты ли веющие слова?

Кто поднял меч? кто закружил самумы
Вокруг воздушно-чувственных садов,
Что это, сон? ах, не тверди, не думай,
Что мы дрожим в оцепененье снов.

Завеса пала — очи ослепила,
Завесу снимем — и опять в раю,
Ты слышишь, кружит огненная сила
И грусть и страсть ослепшую твою?

Мы исступленно протянули руки,
Но не оглохла ночь, Бог не оглох:
Но явственно тревожат наши звуки
Не мертвых, нет! (не верь, не верь разлуке!) —
Лишь утаенных в сумраке дорог.

5 мая 1914 г.²⁷

Эпиграфом послужила предпоследняя строфа блоковского стихотворения «О, нет! не расколдуешь сердца ты...» (1913).

Судя по всему, прежде всего этот текст вызвал отклик Гиппиуса. Важно учитывать, что в стихотворении Блока его слова обращены к лирическому адресату, пребывающему в неких снах, «красивых мечтах», но ищущему подлинной жизни.

Главный пункт расхождения двух поэтов сохранялся и в этом, пантеистическом, по сути, «поучении». Символической «весне небытия» Гиппиус противопоставляет

утро» («Утреет. С Богом! По домам!..»), «Как растет тревога к ночи...», «Я вижу блеск, забытый мной...», «Когда ты загнан и забит...» (заключительная часть 3-й главы поэмы «Возмездие»).

²⁶ Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню. С. 63.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 77 (Вл. В. Гиппиус). Ед. хр. 9. Л. 130–131 об.

другую, «здесьнюю весну». В его восприятии, «утешенные весной небытия» Блока — это какие-то духовные мертвцы, которые «в глухую ночь» ждут спасения. Но, уверял он поэта, они не мертвые, поскольку «ночь не оглохла, Бог не оглох». Они — просто блуждающие в ночи «странники», которым доступны животворящие «звуки». Стоит только протянуть им руки... Но ведь об этом и блоковский финал стихотворения: «Ты проклянешь, в мученьях невозможных, / Всю жизнь за то, что некого любить! / Но есть ответ в моих стихах тревожных: / Их тайный жар тебе поможет жить».²⁸ Этот «ответ» поэта-предвидца — опора и надежда отчаявшемуся пессимисту, каковым сам Блок себя не считал, по крайней мере в то время.

Конечно, могут быть и другие трактовки гиппиусовского текста, который многоизначен и не исчерпывается перекличками со стихотворением Блока.

Почему Гиппиус не послал поэту свое «третье поучение», не опубликовал его? Во-первых, Вл. Гиппиус не мог не учитывать, что Блок в 1912 году никак не откликнулся на цикл из четырех стихотворений. Возврат к «диалогу» с очередным «поучением» мог восприниматься как нечто излишнее, докучное. Во-вторых, он, видимо, осознавал, что не стоит уже выступать в роли учителя поэта, авторитет, роль и значение которого возрастили с каждым годом.

²⁸ Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 3. С. 103.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-213-230

© К. А. Куман

НАД РУКОПИСЯМИ СТАТЕЙ ВЯЧ. ИВАНОВА.* ЧАСТЬ 1. «„РЕВИЗОР“ ГОГОЛЯ И КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА»

Огромный архив Вяч. Иванова разбирался и обрабатывался в течение нескольких десятилетий серьезными архивистами. Но, несмотря на все усилия, атрибутировать и описать все рукописи этого малоизученного тогда писателя было невозможно, и значительный их корпус после первой архивной обработки оставался неопознанным. Среди ивановедов за такими единицами закрепилось условное название «братских могил». В середине 2000-х годов коллективом исследователей была предпринята попытка максимально уточнить описание этого архива, на что был выделен грант. По ивановским материалам в Рукописном отделе ИРЛИ (ф. 609) эта работа была проделана знатоком Вяч. Иванова (особенно указанного фонда этого архивохранилища) Г. В. Обатниным; опись сейчас вводится в научный оборот. Что же касается Рукописного отдела РГБ (ф. 109), где хранится самая объемная часть архива писателя, то к ней приступила группа исследователей под руководством замечательного специалиста по творчеству Вяч. Иванова Н. В. Котрелева; но атрибутика так и не была проведена до конца во многом из-за огромного объема работы, на которую не хватило жизни ученого.

Поэтому условные названия единиц хранения и сейчас можно встретить в описях архива Вяч. Иванова, например, такие единицы, как «Заметки, выписки, наброски», «Наброски и заметки. Разрозненные листы», «Черновики статей (Отрывки, наброски и др.)» или несколько объемистых папок под заглавием «О Дионисе». Часто в названиях использовалась первая строчка рукописи, например: «Статья о „театре будущего“ («В судьбах искусства коллективное проявление самобытных творческих сил народа...»).¹ К настоящему времени эта рукопись опознана, оказавшись фрагментом (без

* Выражаю глубокую благодарность Г. В. Обатнину и А. Л. Соболеву за ряд ценных указаний.

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 5. № 6.

начала) доклада «К вопросу об организации творческих сил народного коллектива в области художественного действия».² Иногда на папке воспроизводится первоначальное название статьи или части статьи, поскольку под таким названием здесь хранится, среди прочего, титульный лист или первые страницы ранней редакции. Примером тому может служить папка под названием «Лирика Поликсены Соловьевой»,³ где перемешаны черновые и беловые автографы фрагментов разных редакций статьи, в окончательном виде получившей название «Поликсена Соловьева (Allegro) в песне и думе». Загадочной выглядит и рукопись, названная обработчиком «О гуманизме», которая на поверку оказалась вариантом второй главы статьи «Кручи».⁴ Затрудняет идентификацию автографов не только фрагментарность рукописей, но и тот факт, что в различных статьях, докладах, лекциях и других выступлениях Иванова за разные годы встречаются повторы одних и тех же цитат, излюбленных мыслей и имен — своего рода сигнатур его эссеистического дискурса.

Примеры условной или ошибочной атрибуции материалов в фонде Иванова можно умножить. Ясно одно: специальной подготовительной работы по *полистному описанию* всех единиц, хранящихся в архивах Вяч. Иванова, как это было сделано в преддверии академического собрания сочинений А. А. Блока или Ф. М. Достоевского (не говоря о классических «описаниях рукописей Пушкина»), так и не было проведено. Поэтому текстолог, готовящий статьи Вяч. Иванова для академического собрания сочинений, сталкивается с необходимостью большой предварительной работы.

Ему приходится иметь дело и с другими случаями неточного и ошибочного описания рукописных источников. Речь идет о неверном распознавании автографов / авторизованных копий, а также об определении характера автографа (черновой, частично перебеленный с синхронной правкой, беловой с последующей правкой и т. д.).

Большой предварительной работы требуют статьи, к которым сохранились целые папки автографов: как правило, листы в них сложены без должной сортировки, без попытки установить последовательность фрагментов относительно текста статьи или хронологии их написания. Для систематизации требуется распознать и расшифровать все наброски и черновики, что позволяет в ряде случаев выявить рукописи, не имеющие отношения к указанной в описи статье, а также отделить автографы ранней редакции от поздней и т. д. Кроме того, для идентификации рукописей желательно привлечь имеющиеся биографические сведения по истории создания того или иного произведения.

Можно предположить, что в случае особо значимых для Иванова философско-критических или историко-литературных статей, где формулировались его сокровенные мысли, автором были исписаны буквально пачки бумаги. Конечно, черновики со временем уничтожались и пропадали, и для ряда принципиальных статей (особенно ранних, собранных в авторских книгах) сохранились лишь наборные рукописи и корректуры, изредка — фрагменты беловиков или черновиков. Но для некоторых не собранных, но важных статей сохранилось множество рукописных источников.

И тут мы сталкиваемся с некой психологической особенностью одного из ведущих идеологов символизма. Известный говорун-златоуст, автор блестящих словесных импровизаций, «соответчик» и «совопросник» в многочасовых беседах на «башне» и в сложнейших спорах в религиозно-философских собраниях, он, как ни странно, писал тяжело и трудно, с неимоверной затратой сил и бумаги, многократно переписывая один и тот же фрагмент, одну и ту же строчку, меняя местами предложения и слова, заменяя, вставляя и вычеркивая фразы, возвращаясь к предыдущей формулировке и вновь зачеркивая ее. Подчас этот многократно переписанный фрагмент так и оставался в рукописи, не будучи включен в основной текст, но иногда Иванов возвращал-

² См. ее использование при достаточно спорной реконструкции полного текста доклада в публикации Р. Берда (Русская литература. 2006. № 2. С. 188).

³ ИРЛИ. Ф. 609. № 150. 24 листа.

⁴ ИРЛИ. Ф. 607. № 159.

ся к нему в последующих редакциях и переработках статьи. Заметим, что работа над текстом велась на всех этапах: и по перебеленному тексту, и по тщательно переписанной наборной рукописи, и по корректурам. И уже опубликованные ранее на русском языке тексты вновь переписывались и правились при переводе на иностранный язык.⁵ Это тщательное прописывание и последующая переработка текста, по всей видимости, отчасти объясняет репутацию Иванова как кункнктора, постоянно затягивающего сроки сдачи обещанной или заказанной работы.

Итак, обращаясь к рукописям, хранящимся в папках с многочисленными разрозненными материалами той или иной статьи, следует прежде всего понять, с каким типом автографа мы имеем дело, а именно: что за «грязный» автограф мы держим в руках: первоначальный черновой набросок (*ЧН*) или перебеленный текст с многочисленной правкой (*БАП*). Понять же это необходимо, чтобы в дальнейшем попытаться расшифровать нечитаемые черновые записи, сделанные в начале работы. Иногда это дает возможность, хотя бы гипотетически, представить историю создания того или иного произведения или его наиболее сложного для формулирования фрагмента, установить отправной импульс, порядок написания глав и частей статьи. Впрочем, это процессы взаимосвязанные: не разобрав и не прочитав все имеющиеся автографы той или иной статьи, невозможно систематизировать и разложить листы рукописи, надлежащим образом описать их в текстологической части комментария и отразить в разделе «Другие редакции и варианты».

Помогают установить тип рукописи и некоторые внешние данные. Например, первоначальный черновой текст Иванов часто набрасывал карандашом — не читаемой с первого взгляда скорописью. Характеристику этой скорописи оставил нам замечательный текстолог и специалист по Серебряному веку Н. А. Богомолов, занимавшийся расшифровкой самых трудных для прочтения рукописей — дневников и записных книжек поэта. «Всякий, работавший с текстами Иванова, — писал он, — знает, насколько тяжело бывает понять его записи, особенно сделанные для самого себя. Красивый летящий почерк то и дело стремится стать прямой линией, из которой только некоторые буквы выбиваются, но и они становятся похожими друг на друга. Некоторые буквы могут иметь по два варианта начертания, причем один из них может употребляться чрезвычайно редко, что делает догадки весьма затруднительными. <...> Окончания очень часто вообще не дописываются, буквы из середины слов пропускаются, нередки описки и неожиданные сокращения. К текстам такого рода приходится относиться, как к своего рода загадке...».⁶

Первоначальные черновые наброски (*ЧН*), которые писались исключительно для себя, относятся к рукописям такого рода. Но в данном случае разгадать некоторые «загадки»: нечитаемые слова, «стремящиеся стать прямой линией», или сокращения (подчас до одной буквы) — помогают последующие перебелки наброска. Это не только беловые автографы (*БА*), но чаще рукописи, которые можно определить как беловые автографы с многочисленной правкой (*БАП*). Начало нижнего слоя таких автографов является перебелкой предыдущего *ЧН*. Таким образом, несколько фраз или несколько абзацев, а иногда — одна-полторы страницы *БАП*, тождественные или почти тождественные соответствующему *ЧН*, записаны значительно более разборчивым почерком. В процессе дальнейшего заполнения листа эти перебеленные фрагменты почти всегда правились и дописывались, при этом и правка, и новые фрагменты, вписанные

⁵ Примером может служить история перевода Ольгой Ресневич-Синьорелли на итальянский язык книги «Переписка из двух углов». Судя по сохранившемуся объемному эпистолярию вокруг этого перевода, Иванов многократно перерабатывал и менял текст в своей части «Переписки», вплоть до существенной правки третьей корректуры, что вызвало определенные трения между ним и переводчиком и возмущение итальянского издателя (см.: Тройная переписка: Вячеслав Иванов и Ольга Шор в переписке с Ольгой Ресневич-Синьорелли (1925–1938) / Предисловие и подг. текста К. А. Кумпан; комм. А. д'Амелия, К. Кумпан и Д. Рицци // Русско-итальянский архив. Салерно, 2012. [Т.] IX/1. Ольга Синьорелли и русская эмиграция. Переписка. С. 251–425).

⁶ Богомолов Н. А. Проблематизация текста как способ чтения трудных мест // Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2010. С. 6.

на полях или между строками, с неизбежными сокращениями, оказываются столь же трудно читаемыми, как первоначальные черновые наброски, являя новые и новые загадки. Особенно это касается расшифровки сокращений.

Остановимся для примера на работе над сохранившимися источниками к двум статьям Вяч. Иванова: «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана» и «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт». Попытаемся систематизировать и уточнить автографы в папках к первой из них и отметим интересную находку в папке с материалами ко второй.

В первой части нашей работы речь пойдет о рукописях статьи «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана», заказанной Вяч. Иванову В. Э. Мейерхольдом в Риме, куда режиссер вместе с женой, З. Н. Райх, приехал в начале июля 1925 года. Статью эту, объемом немного более половины печатного листа, Вяч. Иванов отправил в редакцию задуманного режиссером журнала «Театральный Октябрь» 28 сентября того же года, т. е. между заказом и его исполнением прошло около двух с половиной месяцев, что для Иванова — рекордный срок. Автор считал статью «одной из важнейших»,⁷ написанных им, и отмечал, что она ему «стоила немало труда».⁸ Об этом же свидетельствуют более полусотни рукописных страниц, сохранившихся в Римском архиве Вяч. Иванова, которые разложены по двум папкам.⁹ Все страницы эти описаны, оцифрованы и вывешены на сайте Римского архива Вяч. Иванова.¹⁰ Таким образом, рукописи Римского архива, в отличие от рукописей в других хранилищах, полистно описаны, что облегчает работу исследователей и текстологов и не может не вызывать чувства благодарности к его хранителям и обработчикам. Тем не менее по мере прочтения листов становится очевидным, что их атрибуция и распределение по папкам и внутри папок подчас требует тех самых уточнений и систематизаций, о которых мы говорили выше. Общедоступность рукописей дает возможность уточнить описание, а желающим проверить наши исправления и соображения — обратиться к указанному сайту.

Первая папка является собой 15 пронумерованных архивистом рукописных листов с оборотами и имеет 8 аннотированных отделов, первый из которых отведен под титульный лист (л. 1), а последний восьмой — одна страница (л. 15 об.) — выделен как черновик начала главы VI. Шесть же основных разделов соотносятся с шестью главами основного (печатного) текста статьи. Рукопись первой главы (л. 3–4) в описании названа «беловым автографом», второй — пятой глав (л. 5–12) — «черновыми автографами», а рукопись шестой (л. 13–15) — беловым автографом с правкой. Рукопись же последней (седьмой) главы в папке отсутствует.

При распознании беловик/черновик обработчик явно руководствовался количеством правки. Между тем если внимательно присмотреться к почерку нижнего слоя этой рукописи, то в целом ее можно определить как перебеленный текст с позднейшей правкой всех шести глав (*БАП₁*). Конечно, в первой и в шестой главах меньше правки, но тут важна не степень загрязненности рукописи, а именно почерк нижнего слоя автографа, разборчивый, без сокращений, с прописанными словами и расставленными знаками препинания. Иначе говоря, первая и вторая главы, а также — четвертая, пятая и шестая являются целиком перебеленный текст (мы имеем в виду нижний слой рукописи) с последующей правкой. Что же касается третьей главы, то в основной части

⁷ См. письмо Вяч. Иванова З. Н. Райх от 23 августа 1926 года (Вяч. Иванов в переписке с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (1925–1926) / Публ. Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 275).

⁸ См. письмо Вяч. Иванова З. Н. Райх от 30 сентября 1925 года (Там же. С. 266).

⁹ Речь идет о двух первых папках с рукописными материалами (РАИ. Оп. 2. Карт. 14. № 1, 2), поскольку три следующие (№ 3–5) представляют собой машинописные или печатные переводы этой статьи на французский, итальянский и английский языки. Здесь же вывешены три последние страницы статьи в немецком переводе, опубликованном в журнале «Corona». Об этом см. далее.

¹⁰ См.: <http://www.v-ivanov.it/archiv/op2-k14.htm>; дата обращения: 31.07.2023.

это тоже перебеленный текст, вплоть до последнего листа 8. На нем в самом конце страницы автор начал править последние две фразы главы, и правка перекинулась на оборот этого листа. Изначально третью главу заключали две перебеленные фразы, с толкованием цитаты из гоголевского драматического этюда «Развязка „Ревизора“», где писатель следующим образом пытается оправдать критический пафос своей комедии: «„Посмеемся великолушно над мерзостью собственной!.. Не возмутимся духом, если какой-нибудь рассердившийся городничий, или, справедливее, сам нечистый дух, шепнул его устами: — Что смеешься? Над собой смеешься! — Гордо ему скажем: — Да, над собой смеемся..., потому что слышим приказанье высшее быть лучшими других“ («Развязка»).¹¹ Вот эти фразы:

«Мы слышим (и признаемся в том!), что в этих красноречивых тирадах Гоголя не все звучит верно и убедительно, кое-что, напротив, фальшиво, сентиментально и искусственно. Мы объясняем это узко-моралистическою точкою зрения, занятую мыслителем».¹²

^a Слово мыслителем перешло на оборот листа 8 и потом было зачеркнуто вместе со всей второй фразой.

Далее Иванов начал переделывать первую из них, приблизив ее к основному тексту, а также зачеркнул вторую фразу, а вместо нее на обороте листа начал писать продолжение абзаца. Это — незаконченный черновой набросок окончания главы III, записанный той самой скорописью, плохо читаемым, «летящим» (с поднимающимися вверх неровными строками) почерком, с недописанными словами, обильной синхронной правкой (вставками, вычеркиваниями, пометами о перестановке фрагментов и т. д.). Недописанной осталась большая вставка на нижнем поле этого листа (л. 8 об.).

Воспроизведем здесь этот заключительный фрагмент третьей главы (ЧН₁) послойно, вынося в сноски зачеркнутые фрагменты нижнего слоя.

ЧН₁

«Вопрос, относящийся^a к эстетической категории форм коллективного самосознания, нельзя безнаказанно обсуждать с точки зрения узко-моралистической.^a Восторг Гоголя всегда^b музикален, его рассудок моралистичен.^c

С другой стороны^d, ветхие меха традиционной комедии не могут вместить нового вина^e, предчувствуемого^f Гоголем: он морализирует поневоле, п^т отому ч^то в формы традиционной мировой^g комедии не умещается иное содержание всенародной идеи^h об

„Высокая“ комедия древности, морали чуждаяⁱ, была равно по формам, как и по духу, музикальна: сделав эту принципиальную оговорку, попытаемся показать^j, что гоголевский идеал всенародного Смеха^k в частности соответствует задачам, какие она себе ставила и столь же просто, сколь гениально^l, разрешала^m».

^a Вместо этой фразы было: ^a Нельзя безнаказанно занимать узко-моралистическую точку зрения в обсуждении вопроса, касаемого эстетических категорий форм коллективного самосознания ^b Нельзя безнаказанно обсуждать с точки зрения узко-моралистической вопроса, относящийся^к эстетической категории форм коллективного самосознания

^b всегда — вписано

^c Здесь стоял астериск (* знак вставки), и на нижнем поле была вписана следующая недописанная фраза: С другой стороны... и т. д.

^d Вместо: С другой стороны было начато: ^a Отчасти же и^т Притом и

^e Вместо: вина было: содержания

^f Было: интуитивно предчувствуемого

^g мировой — вписано

^h Было: мысли

ⁱ морали чуждая — вписано

¹¹ Цит. по: Иванов Вяч. «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана // Театральный Октябрь. Л.; М., 1926. Сб. 1. С. 93. Иванов цитирует Гоголя с неточностями.

¹² Буквами латинского алфавита здесь и далее отмечены текстологические сноски к цитатам из автографов Иванова; они следуют сразу после процитированного документа.

^j *Было:* можно утверждать

^k *Было начато:* соотв<етствует?>

^l *Вместо:* и столь же просто, сколь гениально *было:* и с гениальностью удачно

^m *Далее было начато и зачеркнуто:* Бросим взгляд

А вот как выглядит этот абзац в основном тексте статьи, с учетом переработанной первой фразы на л. 8 (см. выше):

«Признаемся, что в красноречивых похвалах очистительному смеху не все, на наш слух, звучит верно и убедительно, — кое-что, напротив, фальшиво: сентиментально, отвлеченно и искусственно. В обсуждении вопроса, относящегося к эстетической категории форм коллективного самосознания, нельзя безнаказанно быть только моралистом. Восторг Гоголя всегда музыкален, его рассудок моралистичен. „Высокая“ комедия древности, морали чуждая, была равно по формам, как и по духу, музыкальна. Сделав эту оговорку, попытаемся показать, что гоголевский идеал всенародного Смеха весьма близок задачам, какие она, комедия пятого века, себе ставила и столь же просто, сколь удачно, разрешала». ¹³

Отметим, что если первый (до вставки) и второй (после вставки) фрагменты ЧН₁ в доработанном виде вошли в заключительную часть последнего абзаца третьей главы, то незаконченная вставка (где традиционная драма сравнивается с «ветхими мехами») в него не вошла. Однако мысль эта, как мы увидим далее, будет учтена Ивановым при дальнейшей работе над статьей.

Черновым является и последний лист рукописи в этой папке (л. 15 об.). Ему справедливо отведен специальный раздел, так как написан он той же скорописью с синхронной правкой, как писались первоначальные черновые наброски. Лист описан так: «Начало части VI. „Хор и герой“. Текст зачеркнут». Все эти сведения считаются с самого листа, где автор указал номер главы (архивист именует ее то «главой», то «частью») и ее название, а весь автограф перечеркнул по диагонали сплошной чертой. По всей видимости, перебеливая шестую главу, Иванов воспользовался чистым оборотом этого листа, не обратив внимания, что на другой стороне был набросан первоначальный черновой фрагмент ее начала (назовем ЧН₂):

ЧН₂ (л. 15 об.)

«VI.

Хор и герой

В статье „Эстетическая норма театра“ («Бороды и Межи», стр. 260–278) пишущий эти строки уже наметил^a свой взгляд на общую схему драмы. Свои настоящие рассуждения заставляют его^b напомнить^c вкратце^d читателям^e, знакомым с названной статьей, ее основные положения.

В каждом произведении искусства есть^f начало, подлежащее оформлению, и^g начало оформляющее. В искусстве сцены»

^a *Над словом:* наметил — *вписан не зачеркнутый вариант:* обнажил

^b *Далее было начато:* при<помнить?>

^c *Далее было:* читателю ее основные положения

^d *Далее было:* темы написанного

^e *Далее было:* итоги

^f *Далее было:* то, что подлежит

^g *Далее было:* то, что придает энергию

¹³ Там же. Текст статьи был установлен и исправлен нами в соответствии с рукописью, в частности, в настоящем фрагменте слово «Смех» во фразе «всенародный Смех» должно было быть написано с прописной. На непозволительную редакторскую правку этой статьи Иванов указал в письме к З. Н. Райх от 23 августа 1926 года (Вяч. Иванов в переписке с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (1925–1926). С. 275).

Приведем также для сравнения этот фрагмент в печатном тексте, который был полностью идентичен началу главы VI (л. 13) настоящей рукописи (*БАП₁*):

«VI. Хор и герой.

„Всякое творение искусства, — писали мы¹⁴ — есть результат на взаимномискании основанного взаимодействия двух начал: вещественной стихии, подлежащей преобразованию, и действенной (актуальной) формы, как идеального образа, своим отпечатлением на вещественной стихии, поскольку она таковое приемлет, — ее преобразующего“.

В искусстве сценическом...

¹⁴ В статье „Норма Театра“ («Борозды и Межи», М., 1916, стр. 260–278), где намечаемая бегло схема отношений между хором и героем развита с надлежащим полнотой».¹⁴

Как мы видим, Иванов решил в окончательном тексте не пересказывать свои мысли, а процитировать соответствующий фрагмент из своей старой статьи, допуская (в постраничной сноске) неточность в ее названии.

Определение характера рукописей в папке существенно, так как он диктует способ их подачи в разделе «Другие редакции и варианты». Так, все расхождения с основным текстом на листах шести глав (*БАП₁*), благодаря близости верхнего слоя правки к окончательному тексту, можно представить в виде лексических вариантов к соответствующим строкам и словам основного текста (естественно, что вариативным является в большинстве случаев нижний зачеркнутый слой рукописи). В то же время указанные черновые наброски не имеют прямого соответствия с основным текстом, и их следует подать в разделе единым текстом, с указанием в сносках всех зачеркваний и вставок.

Итак, содержание первой папки следует описать таким образом: беловой автограф с правкой (*БАП₁*) первых шести глав статьи «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана», с черновыми набросками (*ЧН₁* и *ЧН₂*) на оборотах листов 8 и 15. Насколько правомерно выделение этой рукописи (из 15 листов) в отдельную папку, будет видно из дальнейшего изложения.

Теперь обратимся к материалам второй папки.¹⁵ Она по объему превосходит первую, и ее состав более пестрый. Однако будем следовать за порядком листов в ней, т. е. за порядком развески их на сайте, и лишь после атрибуции рукописей определим, как, с нашей точки зрения, следовало бы описать, сгруппировать и распределить материал.

Сразу бросается в глаза странность атрибуции первой рукописи в этой второй папке: «Беловой автограф рукою Шор <?>, чернила. Главы I–III». И здесь же обработчик, верно указав иное название второй главы, отмечает также и отличное от основного заглавие «части IV» (выше разделы статьи названы «главами»): «Теория всенародного смеха». И наконец, в этой же аннотации указано, что на последнем листе 6 «под текстом дописан фрагмент, отсутствующий в окончат<ельном> тексте». Все это общее описание требует уточнения.

Прежде всего, остается непонятным, что же за рукопись перед нами: автограф или авторизованная копия рукой О. Шор? С первого взгляда можно убедиться, что перед нами именно беловой автограф, выполненный старательным каллиграфическим почерком, по шаблону разлинованных листов, с равными интервалами между строками. Позднейшая правка тут минимальна. Такие идеальные беловые автографы являются исключением среди бумаг рукой Иванова. Как правило, так аккуратно и четко переписывались статьи его помощницами (в ранние годы — М. М. Замятниной, а в поздние — О. Шор) и обычно перед сдачей в типографию. Эта каллиграфичность и породила, вероятно, ошибку в описании. Но, внимательно присмотревшись к этому «беловику», невозможно не узнать авторский почерк по характерному написанию букв, в чем легко убедиться, сопоставив настоящий беловой автограф с рукописью

¹⁴ Иванов Вяч. «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана. С. 96.

¹⁵ РАИ. Оп. 2. Карт. 14. № 2.

первых трех глав в первой папке (*БАП₁*). Отметим, что именно как автограф идентифицирует эту рукопись и Д. В. Иванов в текстологическом комментарии к статье.¹⁶

Что касается другого названия «части IV», то тут мы имеем дело с механической ошибкой: перед нами рукопись только трех первых глав, что зафиксировано в предыдущем абзаце того же описания единицы: «Главы I–III». Речь, безусловно, идет о третьей главе «Теория всенародного Смеха», которая в основном тексте имеет то же заглавие, и его уточнения не требуется.

И наконец, указание в конце аннотации «дописанного» под текстом на последнем листе фрагмента (л. 6) также требует корректировки. Дело в том, что сверка этой беловой рукописи трех первых глав с тремя первыми главами печатного текста в «Театральном Октябре» выявляет существенное расхождение с печатным (основным) текстом. Иначе говоря, в ней содержится большое количество дописанных и переписанных фрагментов. Особенно это касается первой главы «Комедийный Город», текст которой почти вдвое больше основного. Имеются расхождения и в других главах. Так, например, в главе III среди прочего встречается прописанный текст того незавершенного фрагмента, который мы отметили в *ЧН₁*, как не попавший в основной (печатный) текст. Вот как он вставлен сюда (выделяем этот «дописанный» фрагмент курсивом):

«Восторг Гоголя всегда музыкален, его рассудок моралистичен, как и его религиозность^a. С другой стороны, ветхие меха традиционной комедии не могут вместить нового вина, предчувствуемого Гоголем: он морализирует поневоле, потому что в формы ее не умещается иное содержание всенародной идеи».

^a как и его религиозность — вписано.

Однако «дописанный» фрагмент на листе 6, в отличие от переработки всего текста, которая не бросается в глаза, вписан не каллиграфическим, а близким к скорописи почерком Иванова. Именно появление этой вставки повлекло за собой желание автора ее переработать, разив высказанную здесь мысль, что и было сделано на обороте того же листа 6. Таким образом, беловая рукопись завершается в конце третьей главы, так же как в случае с третьей главой рукописи первой папки (*БАП₁*), еще одним черновым наброском (*ЧН₃*), фиксирующим семантически очень значимое, но незаконченное размышление Иванова.

При внимательном рассмотрении можно установить, что этот «дополнительный» фрагмент является не последним, а предпоследним абзацем на листе 6: Иванов вписал его на нижнем поле последнего чистового листа рукописи, а потом стрелкой перенес наверх, вставив перед последним абзацем основного текста, начинающимся словом «Признаемся» (см. выше, с. 218, где мы приводим последний абзац, начинающийся этим словом). Он должен был следовать перед этим словом, т. е. после неточно приведенной Ивановым гоголевской цитаты из драматического этюда «Развязка „Ревизора“» («Посмеемся великолушно над мерзостью собственной. Да, над собой смеемся, потому что слышим приказанье высшее быть лучшими других!»). Далее шел указанный в описи «дописанный» фрагмент, толкующий эту цитату:

«Что значат эти последние слова? То же ли что Гомеровы ὑπερόχον ἔμμεναι ἄλλων?¹⁷ Нет, Гоголь <хочет>^a, чтобы всенародный Смех был христианским <преодо>лением всего того, что искажает подлинную (в <том?> же смысле) красоту человека. Совместим ли <Сме>x^b с христианским отношением ко злу в мире и в <собств>енной душе? Признаем<ся>»

^a Слова и фрагменты в угловых скобках срезаны на полях и являются конъектурными вставками при наложении этого текста с его переработкой на обороте (см. далее).

^b Было: этот <Смех>

¹⁶ Иванов Вяч. Собр. соч. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 753–754 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы). Правда, сын Иванова почему-то называет эту каллиграфическую рукопись «черновым автографом».

¹⁷ Быть выше всех (др.-греч.).

Поставленный в конце этого нового абзаца вопрос о совместимости Смеха с христианским отношением ко злу, мучительнейший вопрос для Гоголя, требовал пояснения и развития. И Иванов вернулся к нему в следующем черновом наброске на обороте листа 6, начав его с перебелки процитированного «дописанного» фрагмента, на лицевой его стороне:

ЧН₃(л. 6 об.)

«Что значат эти последние слова? То же ли что формально^a совпадающие с ними слова Гомеровы: ὑπέροχον ἔμμεναι ἄλλοι? Нет, Гоголь хочет, чтобы всемирный Смех был христианским преодолением всего того, что искажает истинную — в христианском смысле красоту людей. Совместим ли смех с христ^{ианским} отношени^{ем} ко злу в мире и в собстве^{нн}ой душе? И^b может ли эстетическ^{ая} по существу эмоция^c смеха быть не-посредствен^{енным} выражением морального пафоса?^d

Возможно ли см^{ешн}ая? карикатура черта, как предмет смеха^e

Не смеемся ли мы над чертом лишь как над мифическим образом и лишь^f в той мере, в какой этот образ не разоблачает, а напротив^g скрывает^h от нас его подлинную природуⁱ и усыпляет настороженность нашего нравственного сознания иллюзией его ничтожества».

^a формально — вписано

^b И — вписано

^c эстетическая по существу эмоция — вписано.

^d Далее было начато: ^a Где эстетический субстрат ^b Можно смеяться над чертом, но это же не ^c начато: И если ^d Если черт может быть полезным. Далее шел зачеркнутый вертикальной чертой текст:

[Если черт в известном смысле представляется смешным, предметом смеха является мифический образ, прикрывающий моралью смысл. Смешное в черте не есть [смешная ли чина?] его внешний образ

Смешным представляется в известных условиях *<обычный>* черт

Смешное в черте не есть ли *<названая?>* [его?] мифическость образа, [прикровенная] маскирующая [его] нравственное зло?

И не постольку ли смешон черт, поскольку мифический образ закрывает его нравственно.

Не в той ли только мере смешон черт, в какой его нравственная сущность [пр^{икрыта?>}] [покрыта] замаскирована мифическим образом?^j¹⁸

^e Далее было начато: имеющего

^f лишь — вписано

^g не разоблачает, а напротив — вписано

^h Далее было: обманывает нас — вписано и зачеркнуто

ⁱ Далее шел фрагмент, зачеркнутый одной чертой: и [обманывает] или создает иллюзию его [бессилия] ничтожества, т. е. усыпляет в нас [настороженность] чуткость к реальному божеству чтобы

Итак, цельная рукопись на листах 1–6 второй папки (впоследствии мы определили ее как *БА₃*) является беловым автографом первых трех глав, отличным от автографа трех первых глав основного текста статьи, с незаконченным черновым наброском на обороте листа 6 (*ЧН₃*) — попыткой переработки и осмысления вписанного в беловик предпоследнего абзаца.

Далее в описании второй папки шел пустой лист 7, а за ним — два черновых автографа, первый из которых (на л. 8) набросан простым карандашом, а второй (на л. 10 об., после пустого листа 9) является чернильной «переработкой» фрагмента на л. 8», т. е. первого чернового автографа. Эти записи не привязаны к главам основного текста и проаннотированы как «черновые наброски о хоровом начале».

Приведем расшифровку первого наброска, написанного почти не читаемой карандашной скорописью, о многих словах которой мы догадывались, благодаря более разборчивому началу переписанного чернильного варианта на л. 10 об. Итак, вот этот карандашный текст:

¹⁸ В прямые скобки здесь и далее заключены зачеркнутые фрагменты текста. Буквами русского алфавита в примечаниях отмечены последовательные варианты.

ЧН₄ (л. 8)

«Но сделаем дальнейшие выводы. Парабаза не только единственно возможна в хоро-
вой драме, но и составляет собственную задачу коллективного хора. Утверждая в „Ревизоре“^arudiment парабазы, мы утверждаем в нем^b подпочвенную хоровую основу,^c и так как
слова Гоголевой парабазы — слова Городничего, ^d этот последний разоблачает корифея
скрытого хора. Как это возможно, если уже с IV в^eека хор^f не только как архитекто-
н^gический принцип формы атрофируется,^f но и как внутренний нерв действия надолго^g
замирает? Это возможно потому, что именно как внутренний нерв действия, хору не
суждено было умереть,^h нерасчлененный и простой, и потомуⁱ выявленный как единое
собир^jательное лицо^k в^l драме античной, он ушел внутрь^m позднейшей драмы и диф-
ференцировался в зарождающуюся чуждⁿую среду; чем сплоченное эта среда^m и чем ак-
тивнее противостоит она в своей сплоченности герою,ⁿ тем явственнее слышен в драме пульс
хоровой волны^o. Гоголю не нужно было прибегать к новшествам, вроде <1 буква нрзб.>^p
<3 буквы нрзб.>^q, чтобы построить свою комедию существенно на хоре; явственно^r слышит-
ся в „Ревизоре“ прибой хоровой волны».

^a Далее было: присутствие

^b Далее было: ^a присутствие хора ^b скрытое присутствие хора

^c Было: энергию

^d Далее было: узнаем в этом наглядно корифея скрытого хора

^e Было: атрофируется

^f атрофируется — вписано

^g надолго — вписано

^h Далее было: но хор

ⁱ Далее было: непосредственный

^j как единое собир^kательное лицо^l — вписано

^k Было: в античной драме

^l Далее было: драмы

^m Далее было: ^a тем более ^b тем действеннее ^c тем ощущимее ее хоровая функция

ⁿ Далее было: ^a тем живее бьется в драме хоровая волна. И ^b тем напряженнее бьется
в драме хоровая волна. И ^c тем сильнее бьется в драме хоровая волна. И

^o Было: энергии

^p Далее шла неразборчивая прописная буква, которую мы условно читаем как: Ж?
или М? или Ш?

^q Далее шли неразборчивые три буквы, которые мы условно читаем как: Пет? или
Нет? или Пев? или Нев?

^r Было: столь явственно

Перед нами действительно фрагмент о скрытом хоре, наличие которого вытекает из обнаруженного Ивановым в тексте «Ревизора» элемента древнегреческой комедии — «парабазы». Парабазой являются, по мнению Иванова, инвективы Городничего в финале комедии, обращенные к толпе персонажей (на сцене) и к сидящим в зале зрителям, и, таким образом, Городничий превращался в корифея хора, а возникшая хоровая волна делает зрителей (в зале и на сцене) хором. Уразумев смысл этого шаг за шагом зачеркнутого и прописанного фрагмента, можно выдвинуть первое предположение, что перед нами начальный набросок статьи, где известный знаток и адепт древнегреческой драматургии, прозрев в финале комедии Гоголя полный аналог аристофановой парабазы, пытается отыскать и остальные элементы аттической комедии в «Ревизоре», а именно: хор и его корифея. То есть в качестве рабочей гипотезы мы предположили, что перед нами конструкт ядра статьи — запись сокровенной мысли Иванова, побудившей его обратиться к написанию заметки, иначе говоря, — первый подступ к статье «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана». Но эта гипотеза, как мы увидим далее, оказалась ошибочной.

На этом этапе работы не расшифрованными остались два загадочных буквенных сокращения в ЧН₄: (буква Ж? или М.? или Ш.? и далее сокращение: Пет? или Нет?
или Пев? или Нев?). Надежда, что эту загадку поможет разгадать следующий, уже чернильный, набросок «о хоровом начале», нижний слой первого абзаца которого — перебеленный ЧН₄, не оправдалась.

Вот как выглядит расшифровка следующего наброска (ЧН₅; л. 10 об.) на этот раз в транскрипции, поскольку транскрипция более наглядно дает картину мучительного поиска Ивановым формулировки второго абзаца:

ЧН₅ (л. 10 об.)

«[Но сделаем дальнейшие выводы.] [Но вышесказанное обязывает нас к дальнейшим выводам.] Но высказанные положения обязывают нас к дальнейшим выводам. Парабаза не только единственно возможна в хоровой драме, но и составляет собственную задачу комедийного хора. Утверждая в „Р^{евизоре}“ присутствие парабазы, мы утверждаем в нем скрытую <внутреннюю?> хоровую основу; и так как слова Гоголевой парабазы — слова Гогорничего, этот последний разоблачает корифеина скрытого хора. Как это возможно, если уже с IV в. хор не только как архитектонич^{еский} принцип формы атрофируется, но и как внутренний нерв действия [замирает] [почти замирает] надолго замирает? Это возможно потому, что именно как внутр^{енний} нерв действия хору не суждено было умереть [ибо].».

Далее шли два зачеркнутых и один не зачеркнутый фрагменты, которые являются первоначальными вариантами последнего не зачеркнутого здесь абзаца. Все они отражают попытку Иванова оформить мысль о соотношении драматического и эпического начал в зависимости от функции хора. Пронумеруем эти три варианта наброска второго абзаца:

«1. [^а Ослабление его функций есть ослабление собст^{венно} драматич^{еской} энергии, приближающейся в пользу эпич^{еского} выра^{жения?}] ^б Ослабление его функций есть ослабление собст^{венно} драматич^{еской} энергии, приближающее драму ^{в начато:} Усиление ^г Оживление его функции есть уже ^д Оживление его функции вызывает ^е Оживление его функции равно усиливает [его] драмат^{ическую} энергию; ослабление — приближает драму ^ж ослабление усиливает ^з ослабление приближает драму]

2. [^а Ослабление его функций приближает драму к эпосу ^б Ослабление его функций усиливает эпические элементы драмы, в ущерб ее драмат^{ическую} энергии; оживление усиливает последние ^в Ослабление его функций усиливает эпические элементы драмы, в ущерб собств^{еной} драмат^{ической} энергии; оживление восстанавливает ее природу: [и ож^{ивление}] делает драму снова драмой, в специфич^{еском} значении]

3. ^а Ослабление его функции усиливает эпич^{еский} элемент драмы [но] и ослабляет собственн^{ую} драмат^{ическую} энергию в драме. ^б Ослабление его функции ослабляет драмат^{ическую} энергию [и] [Оно] [усиливает] элемент эпический и приближает драму к эпосу ^в Оживление [не оживляет] впервые восстанавливает ее внутреннюю форму. Простой и нерасчлененный, а потому и выявленный как единое собирательное лицо в драме античной, хор уходит внутрь драмы позднейшей и дифференцируется в окружающую героя среду. Чем сплоченнее

Ослабление [жизненной функции] этого внутреннего органа в драме, усиливает [эп^ический^ь] ее эпический элемент, ослабляет [ее] собствен^{ные} драмат^{ические} энергии; оживление его восстанавливает ее внутр^{еннюю} форму и делает драму снова драмой».

Как мы видим, в этом наброске Иванов сосредотачивается на прописывании размышления о роли хора в балансе эпического и драматического начал комедийного текста и не возвращается к фразе с двумя загадочными и крайне неразборчивыми сокращениями.

Описание остальных разделов второй папки изначально никак не указывало на последующую проработку этого чернового и, как мы предполагали, хронологически первого фрагмента. Поэтому снова и снова пришлось мысленно возвращаться к неожиданно появившемуся и крайне неразборчивому сокращению в ЧН₄, пытаясь найти расшифровку в контексте творчества Гоголя, подставляя к этим буквам произведения писателя. И вдруг неожиданно прояснился смысл слов «Гоголю не нужно было прибегать к новшествам, вроде» — здесь речь должна идти не о произведениях Гоголя, а о каком-то чужом драматическом тексте. И сразу пришла в голову возможная разгадка: это буквы «М Нев» — сокращение названия драмы Ф. Шиллера «Мессинская невеста» («Die Braut von Messina oder die feindlichen Brüder», 1803), где хор присутствует среди действующих лиц как самостоятельный «персонаж», причем Иванов учитывает и предисловие Шиллера к драме, где тот излагает причины, побудившие его вывести на сцену древний хор.

Об этой драме Иванов упоминает в finale своей статьи «О Шиллере». Утверждая, что Шиллеру был присущ «пафос соборного искусства», критик здесь пишет: «Шиллеру-драматургу предносятся картины всенародных зрелищ; таково было

вдохновение, внушившее ему „Вильгельма Телля“. Отсюда глубокая потребность воскресить античный хор драмы: эта потребность сказалась в замысле „Мессинской невесты“¹⁹. Определение «искусственно» в расшифрованной фразе первого чернового наброска с негативной коннотацией, возможно, восходит к оценке этой новации (как неудачной попытки «воскрешения» античного хора Шиллером) в трактате Ф. Ницше «Рождение трагедии из духа музыки», бывшем на слуху у Иванова всю его жизнь.¹⁹

Но требовалось подтверждение нашей гипотезы, и ее удалось верифицировать при дальнейшей работе над автографами второй папки. Кроме того, в процессе расшифровки произвольно разложенных (развешанных) автографов второй папки удалось установить, что же, в конце концов, являются собой два приведенных выше черновика ($ЧH_4$ и $ЧH_5$), как, впрочем, и указанный выше беловой каллиграфический автограф (BA_3) первых трех глав.

Но вернемся к листам рукописей в порядке их развески на сайте.

Лист 11 снова отсутствует, и далее идет рукопись на листах 12–13 об., с аннотацией: «„Комедийный город“ — Беловой автограф, чернила». С этим описанием можно было бы согласиться, уточнив, однако, что этот беловой автограф (назовем его BA_4) является ранним, недописанным (без трех последних абзацев) вариантом текста первой главы («Комедийный город») той самой каллиграфической рукописи (BA_3), которая, как мы отмечали, сильно отличается от первой главы основного текста. По отношению к тексту BA_3 этот беловой автограф (BA_4) содержит лишь 12 ранних лексических вариантов.

На следующем листе 14 содержится только две строки из второй главы:

«лишенную жизненной правды и, следовательно, несостоительной. Впрочем, у „сочинителя“ — колдуна или»

Сравним этот фрагмент с соответствующими фрагментами основного текста, но восстановим фразу целиком, чтобы понять смысл, и выделим курсивом соответствующее место:

«Не замечает он (Гоголь. — К. К.), что его упрямое: „одним словом, такого города нет!“ — выставляет комедию *лишенную жизненной правды, и, следовательно, несостоительной*. Впрочем, у „сочинителя“ — *хитреца* припасен „ключ“...»

И также сравним с этим же местом в редакции каллиграфической рукописи (BA_3):

«Не замечает он, что его упрямое: „одним словом, такого города нет!“ — выставляет комедию *лишенную жизненной правды, и, следовательно, несостоительной*. Впрочем, у „сочинителя“ — *фокусника, или и в самом деле колдуна?* — припасен „ключ“»

Можно констатировать большую лексическую близость записи на л. 14 к последней процитированной фразе и, таким образом, описать ее как более ранний вариант фрагмента фразы из главы II в редакции BA_3 .

Наибольший интерес для нас представили следующие два фрагмента, а именно текст на л. 15 и 16. Описаны они как «черновые наброски к пятой части», но лексической близости с пятой главой основного текста в них не просматривается, разве что речь идет также о «хоровом начале» в «Ревизоре». Но зато просматривается несомненная близость к тем двум черновым наброскам $ЧH_4$ и $ЧH_5$, которые мы воспроизвели выше и которые считали первоначальными набросками «ядра» статьи. При этом набросок на л. 15 написан чернилами, а на л. 16 фиолетовым карандашом, т. е. можно предположить, что карандашный набросок, вывешенный (идущий в папке) вторым, написан раньше. Так это и оказалось.

¹⁹ См. подробнее об этом в нашем комментарии к статье «О Шиллере» (Иванов Вяч. Собр. соч. М., 2018. Т. 1. По Звездам. Кн. 2. Примечания. С. 167–168; указанную цитату см.: Там же. Кн. 1. С. 69).

На верхнем поле этого карандашного автографа выделяется значок, похожий на римскую цифру V, что послужило, вероятно, основанием идентифицировать набросок в описании как «черновой набросок к пятой части». Но при расшифровке оказалось, что это не цифра, а знак вставки вписанной здесь фразы, место этой вставки также отмечено «птичкой» в середине листа. Тем не менее, как мы увидим далее, ошибка заключалась не в нумерации главы, а в идентификации самой рукописи.

Приведем расшифровку этого наброска на л. 16 (назовем его ЧН₆) и сразу отметим, что перед нами переработанный и дополненный черновик ЧН₄:

ЧН₆ (л. 16)

«Но сделаем^a какие должно <выводы>^b. Парабаза не только единственно возможна в хоровой драме, каковою была комедия Аристофана, но и составляет собственную задачу комедийного хора. С IV века хор^c не только атрофируется как архитектонический принцип формы, но и как внутренний нерв действия надолго^d почти замирает. Гоголь^e следовал традиционным приемам драматургии и ни о каких новшествах вроде Мессинской Невесты <sic!> не думал. Вообще хора в форм<альном> смысле у него нет^f. Однако мы встречаем^g в „Ревизоре“^hrudiment парабазы: следовательно,ⁱ хоровая энергия, именно^j как внутренний нерв действия в этой комедии^k жива. Да и как может быть иначе, когда^l цель автора выводить не отдельные лица, а Город, т. е. собирательное лицо, имя которому в терминологии драмы — хор, который ворзод<ился>^l: не умер, хор античной драмы, где он был нерасчлененный и прост<ой>, но ушел внутрь и дифференцировался в окружающую героя среду.^m Она давно ослабела, эта хоровая волна, но здесьⁿ редчайший случай в истории новой драмы — мы явственно слышим ее напряженный прибой. Весь город движется и настороженно гудит уже в то время, когда Городничий совещается с чиновниками о роковом госте. Толпа настороживая заявляет о себе в 3-м действии; с рокотом^o осаждает она дом Городничего, а в конце пьесы вся перед нами, и к ней, бессловесно торжествующей,^p а через нее и к нам, обращает негодующий Городничий свой обличительный монолог. Но кто же Городничий, если слова хоровой^q парабазы вложены в его уста? Разве он не противополагает себя хору? Да, хор „Ревизора“ — дифференцированный^r и сама эта дифференциация — свидетельство его жизненности, но^s он все же един, несмотря на все^t иерархические различия в нем и на его внутреннюю борьбу, и его корифей ничтожный как Городничий. Гоголова парабаза вложена в уста корифея. Такова простая схема комедии: ее единство<еинный>^u герой — Хлестаков, ее сложный хор — весь^v Город, предводи<мы>й Городничим. Когда корифей в момент парабазы^x предлагает сбросить личины (ничего не вижу, — вижу какие-то свиные рыла вместо лиц), обнаруживается не толь<ко>^y тожество^z Города с Городнич<им>, но и последнего со зрителем».

^a Далее было: дальнейшие выводы

^b Слово оказалось механически вычеркнутым.

^c Далее было: как известно

^d Было: замирает

^e Было: пользовался

^f Вообще хора в форм<альном> смысле у него нет — вписано

^g Далее было: у него

^h Было: ^arudiment ^bэквивалент

ⁱ Далее было начато: в пьесе есть хор, как

^j именно — вписано

^k Было: в пьесе

^l Далее было: [в прин<ципе?>] автор хочет

^m Да и как может быть иначе ~ дифференцировался в окружающую героя среду. — фрагмент вписан на верхнем и левом полях.

ⁿ Далее было: в самом деле

^o Далее было: подступает она к берегам сценической площадки

^p Далее было: обращает он

^q хоровой — вписано

^r Далее было начато: Да, он и есть корифей хор<a>

^s Далее было: хор, что только увеличивает его жизненные

^t Далее было: Город

^u Далее было: его иерархические различия

^v единство<еинный> — вписано

^w весь — вписано

^x в момент парабазы — вписано

^у не толь^{ко} — вписано^з Было: его с жителями Города, но и Городничего со зрителями

Итак, именно в этом более позднем и распространенном черновом фрагменте мы встречаем подтверждение нашей догадки при расшифровке непонятных буквенных сокращений на л. 8 в ЧН₄, а именно — «Мессинская невеста».

Следующий черновой текст на л. 15, написанный чернилами, повторяет и расширяет текст приведенного выше карандашного фрагмента (ЧН₆), включая и мысли из наброска ЧН₅ (о роли хора в соотношении эпического и драматического начала в комедии), и более внятно их формулирует. Кроме того, автограф содержит меньше сокращений, хотя все же в нем имеются зачеркивания и фразы, написанные скорописью, в основном во второй части рукописи. Однако это некий законченный и прописанный текст, который можно описать не как набросок, а как цельный черновой автограф главы о хоровом начале в «Ревизоре», а при описании и атрибуции всех листов первой и второй папки он окажется ЧА₂. Для дальнейших целей, в качестве эксперимента, разделим его на абзацы:

ЧА₂(л. 15)

«Но высказанное положение обязывает к дальнейшим выводам. Парабаза не только единственно возможна в хоровой драме, но и составляет собственную задачу комедийного хора. Утверждая в „Ревизоре“ присутствие парабазы, мы утверждаем в нем имманентную хоровую основу; и так как слова гоголовой парабазы вложены в уста Городничего, этот последний разоблачается корифеем скрытого^а хора.

Как это возможно, если уже с IV века хор не только как архитектонический принцип формы атрофируется, но и как внутренний нерв действия надолго замирает? Это возможно потому, что именно как внутреннему нерву действия ему^б не суждено было умереть. Ослабление этого внутреннего органа в драме, давая преобладание в ней элементу эпическому, ослабляет ее собственную драматическую энергию; оживление его восстановляет^в внутреннюю форму драмы, как таковую^д, и как бы возвращает^е ее ей самой. Хор, простой и нерасчененный^ф в драме античной, а потому и действующий в ней как единное собирательное лицо, уходит внутрь позднейшей драмы и дифференцируется в окружающую героя среду. Чем сплоченнее и активнее^г эта среда^h, тем явственнее слышится в драмеⁱ прибой хоровой волны.

Гоголю не нужно было прибегать к новшествам вроде Месс^{—инск}ой Невесты: в самом замысле „вывести Город“ как собирательное лицо уже был в принципе^{—пес?} дан хор; оставалось найти^к соответству^{—ющего} хору героя.¹ И хор этот почти нельзя назвать скрытым: столь напряженно пульсирует его жизнь^м; весь Город движется и настороженно гудит уже в то время, как Городничий совещается с чиновниками о роковом госте; толпа настойчиво заявляет о себе в третьем действии, с ропотом осаждает она дом Городничего, где пребывает гость, а в конце пьесы вся перед нами, и не столько^н к ней, сколько через нее к нам обращает Городничий свой обличит^{—ель} и^{—ый} монолог. Но разве Городничий, являющий^{—ся} корифеем хора, не противополагает себя ему. Да, поскольку^о хор „Ревизора“ дифференцированный хор; и тем не менее он все же внутренне един, несмотря на все иерархические различия в нем и на его внутреннюю борьбу, и как некое единство противостоит он мнимому^р Ревизору^т, единственному^у герою пьесы, как в конце и подлинному^у Ревизору^с, заключающему действие как *deus ex machina*.

Такова грандиозно^у простая схема комедии: ее герой Хлестаков, ее сложный хор — весь город, предводимый своим Городничим^и, когда корифей в момент парабазы предлагае скинуть личины («ничего не вижу, — вижу какие-то свиные рыла вместо лиц») обнаруживается окончате^{—льно}^в тожество как тако^{—вое?}^в Города с хором^х, но и комедийный Город с^у обществом, наполнившим зрительный зал».

^а скрытого — вписано^б Было: хору^с Далее было: ее^д драму, как таковую, — вписано^е Далее было: драму^ф Было начато: Простой и нерасчл^{—ененный}^г и активнее — вписано^h Далее было: ^а и чем активнее ее ^б и чем противодействие активнее ^в и чем взаимодействие этой компактной массы ^г и чем активнее взаимодействие [этой] ее компактной массы к чужому

- ⁱ Было: пульс хоровой
^j Вписанное неразборчиво сверху, это слово с предлогом читается предположительно.
^k Было: надумать
^l Было начато: весь Город
^m Вместо: столь напряженно пульсирует его жизнь было начато: столь громко он заявлял
ⁿ не столько — вписано
^o поскольку — вписано
^p Было: ^aедино-^bму одному
^q Здесь был фрагмент: [а потом] и настоящему [Ревизору], который дублирует продолжение мысли и, по-видимому, случайно оказался не весь зачеркнут.
^r Было: настоящем-^y
^s Было: уже ка-^x
^t грандиозно — вписано
^u Было: Городничим. И
^v Было: и Городничим
^w как так-^{оное?} — вписано
^x В черновике описка: городом
^y Было: со зрительным залом

Судя по первой фразе во всех этих четырех черновых набросках, перед нами текст, идущий после рассуждений автора о «парабазе» в комедии Гоголя, т. е. после четвертой главы основного текста «Парабаза в „Ревизоре“». При этом, как мы указывали выше, он отличен от текста пятой главы («Хоровое начало в „Ревизоре“») основного текста. Отличен от соответствующих трех первых глав и текст каллиграфической рукописи. Это позволяет предположить, что перед нами какая-то другая редакция статьи.

В одном из писем к З. Н. Райх Иванов просил прислать ему оттиски из «Театрального Октября», объясняя, что «статья будет переводиться на немецкий язык».²⁰ Не могут ли каллиграфически переписанные три главы (БА₃) явиться переработанной для немецкого перевода поздней (начала 1930-х годов) редакцией статьи, а все приведенные нами черновые наброски о хоровом начале на л. 8, 10 об. и 16, а также черновой автограф на л. 15 — этапами работы над заново написанной финальной пятой главой для немецкой статьи?

Нашу догадку подтверждают вписанные слабым карандашом в некоторых местах над текстом каллиграфической рукописи БА₃ плохо читаемые немецкие эквиваленты слов. Полную ясность дает сравнение немецкого текста, опубликованного в журнале «Corona» (1932/1933. Т. 5) под заглавием «Gogol und Aristophane»,²¹ с этой поздней редакцией статьи.

Конечно, немецкий и сделанный с него французский²² переводы не могли полноценно передать все особенности идиостиля Вяч. Иванова. Однако при сравнении переводов с указанными рукописями поздней редакции можно констатировать, что переводы и по объему, и по содержанию соответствуют указанным текстам рукописи.

Статья в переводах имела тоже только пять глав. Автор отказался от последней седьмой главы в редакции 1925 года «Мыслимая постановка „Ревизора“», поскольку она была написана как рекомендация для грядущей постановки комедии в театре Мейерхольда и потеряла актуальность, особенно для немецкого/французского читателя. А что касается главы VI, посвященной проблеме соотношения «героя» (Хлестакова) и «хора» (Города), то тема эта в редуцированном виде прозвучала в двух абзацах пятой главы немецкого и французского текста. В редуцированном и не до конца

²⁰ См. письмо Вяч. Иванова З. Н. Райх от 23 августа 1926 года (Вяч. Иванов в переписке с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (1925–1926). С. 275).

²¹ По свидетельству сына писателя Д. В. Иванова в примечаниях к публикации указанной статьи (IV, 752), перевод на немецкий язык был сделан Бенно Лессеном с участием автора. Впоследствии этот немецкий перевод был включен в кн.: *Iwanow W. Das alte Wahre. [Frankfurt a/M.], 1955 (Bibliothek Suhrkamp; Bd. XXIV)*.

²² С этого немецкого текста в 1946 году сыном Иванова был сделан французский перевод, также просмотренный и верифицированный автором. Он был опубликован значительно позже в «Revue des Études slaves» (1982. Т. 65. № 1–2. Р. 97–104).

прописанном виде эта мысль звучит в приведенном выше черновом автографе, но только в последнем абзаце, где единственный раз упоминается имя Хлестакова.

Таким образом, перевод в целом соответствовал объему и изложению мыслей (логике изложения) в рукописях поздней редакции. Но поскольку Иванов, как мы говорили, правил свои тексты на всех стадиях работы, то и текст поздней русской редакции при переводе претерпел некоторые, впрочем, небольшие изменения. Иногда это сокращения нескольких фраз, иногда мелкие дополнения и доработки незаконченных рукописных фрагментов.

Так, текст каллиграфической рукописи первой главы (*БА₃*), почти полностью переписанный и существенно расширенный в этой поздней редакции, при переводе был лишь слегка сокращен. Вторая же глава, которая отличалась от основной редакции только стилистически, не претерпела значимых изменений. Четвертую главу («Парабаза в „Ревизоре“») Иванов вообще не подверг переделке, что объясняет ее отсутствие в каллиграфическом списке. Основой для ее перевода послужил текст в редакции 1925 года.

Совершенно отличными от основного текста оказались не только пятая глава, но и окончание третьей главы: это была доработка чернового наброска поздней редакции на обороте л. 6 каллиграфической рукописи (*ЧН₃*). Этот фрагмент, ставящий вопрос о «совместимости Смеха с христианским отношением ко злу в мире и в собственной душе», доработан и дополнен одним предложением после последней его фразы. Приведем его (выделив курсивом в финальном отрывке) в обратном переводе с немецкого, сделанном Д. В. Ивановым и опубликованном им в примечаниях к статье в Брюссельском издании:²³

«Не смеемся ли мы над чертом лишь как над мифическим образом и лишь в той мере, в какой этот образ не разоблачает, а, напротив, скрывает от нас его подлинную природу и усыпляет настороженность нашего нравственного сознания иллюзией его ничтожества. Гоголь знал все это слишком хорошо, и тирады об очистительном смехе его самого не до конца убеждали, и, во всяком случае, не могли разрешить фатальный для него конфликт между художником и христианином в его душе» (IV, 754).

Что касается перевода пятой главы, то в нем присутствует и фрагмент о хоре в «Мессинской невесте»: с него в соответствии с текстом в рукописи *ЧА₂* начинается третий абзац пятой главы:

«Ohne alle Absicht gab Gogol dem Chor seine einstige Bedeutung wieder; er suchte nicht Neuerungen, wie Schiller es tut in der „Braut von Messina“. In seinem Grundgedanken, nicht einzelne Personen, sondern eine ganze Stadt auf die Bühne zu bringen, war der Chor von vornherein gegeben; es blieb nur noch übrig, einen ihm geistig angepaßten Helden zu finden».

Дословный перевод: «Без всякого умысла Гоголь вернул хору его былое значение; он не искал новшеств, как это сделал Шиллер в „Мессинской невесте“». По его основному замыслу — вывести на сцену не отдельных личностей, а целый город, — хор был дан изначально; оставалось лишь найти соответствующего ему по духу героя».²⁴

²³ Заметим, что сын поэта, готовивший в этом собрании статью о Гоголе, в примечаниях сделал недопустимую контаминацию двух редакций. Приведенные им наиболее значимые варианты из поздней рукописной редакции (*БА₃*, здесь она обозначена как черновая рукопись «А») и немецкого перевода (здесь обозначенного как текст «С») он подключил к условно выбранным местам основного текста 1925 года, т. е. более ранней редакции, по сути дела, к другому тексту. Сюда же он подключил и варианты из рукописи ранней редакции (*БАП*, здесь она обозначена как черновик «В»), что как раз было бы корректно, если бы не интерполяция в основной (печатный) текст фрагментов сразу всех трех рукописей.

²⁴ Iwanow W. Gogol und Aristophanes // Corona. 1933. Т. 5. С. 621. Этот фрагмент (в обратном и более сжатом переводе с немецкого) был приведен в самом конце текстологических примечаний Д. В. Иванова: «Без предвзятого умысла Гоголь вернул хору его былое значение; он не искал новшеств, как Шиллер в „Мессинской Невесте“». Хор присутствовал в его первоначальном замысле показать на сцене не отдельные личности, а Город как собирательное лицо...» (IV, 754).

Сравним этот немецкий перевод с соответствующим местом в вышеприведенном автографе ЧА₂:

«Гоголю не нужно было прибегать к новшествам вроде Месс^{<инск>}ой Невесты: в самом замысле „вывести Город“ как собирательное лицо уже был в принци^{<пе?>} дан хор; оставалось найти соответству^{<ющегого>} хору героя».

Отметим, что вообще текст пятой главы в переводах (немецком и французском) в целом очень близок к этому черновому автографу.

Подытоживая все сказанное, заметим, что имело бы смысл отделить рукописи поздней редакции от ранней, поскольку это была, по сути дела, другая статья, имевшая в переводе даже другое название: «Гоголь и Аристофан».²⁵ Автографы к ней мы сочли бы уместным оставить в папке № 2, указав, что в ней хранятся рукописи поздней редакции статьи. Сюда должны были бы попасть следующие беловые и черновые автографы:

1) каллиграфическая рукопись трех первых глав на л. 1–6 (БА₃), с черновым автографом на л. 6 об. (ЧН₃),

2) черновые наброски на л. 8, 10 об., 16 (ЧН₄, ЧН₅, ЧН₆) и черновой автограф на л. 15 (ЧА₂), являющиеся рукописными источниками главы V этой поздней редакции,

3) атрибутированная нами на л. 12–13 об. ранняя версия редакции 1930-х годов главы I «Коллективный Город» (БА₄),

4) фрагмент фразы второй главы на л. 14 (БА₅).

Все последующие рукописи во второй папке относятся к стадии работы над основным текстом, т. е. к 1925 году. Думаем, что их было бы логичнее перенести в первую папку. Перечислим их опять же в порядке развески на сайте.

1) Л. 17. Перебеленная рукопись с правкой (БАП₂) окончания главы I: большая часть предпоследнего абзаца (со слов: «тяжбы и дрязги, наветы и ябеды») и последний абзац.

2) Л. 17 об. Беловой автограф (БА₁) начала главы II (до слов: «город, который выведен в...»).

3) Л. 18–18 об. Выписки из «Ревизора» и «Театрального разъезда» (БА₂).

Далее вывешены рукописи (л. 19–21 об.), которые названы беловыми автографами и описаны как единый текст: «Беловой автограф, финальные страницы части VI и части VII». Однако, судя по почерку, перед нами перебеленный текст окончания главы VI, с правкой и вписанной на полях вставкой, и черновой автограф последней главы VII, написанный той самой неразборчивой скорописью, которой писались первоначальные наброски. То есть эти листы следовало бы разделить на два следующих автографа:

4) Л. 19–19 об. Перебеленная рукопись с правкой (БАП₃) трех последних абзацев главы VI, с вписанными на левом и верхнем полях вставками.

5) Л. 20–21 об. Черновой автограф (ЧА₁) главы VII целиком, с двумя вариантами третьего абзаца (один из которых зачеркнут) и с подписью на последнем л. 21 об.: «Вячеслав Иванов».

Итак, все эти пять автографов, относящиеся к первой (основной) редакции статьи «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана», логично было бы присоединить к 15 листам первой папки, т. е. перебеленным шести главам (БАП₁) с указанными двумя

Он не был нами сразу опознан, будучи инкорпорирован в произвольно выбранное место в основной редакции пятой главы (1925 года), а также будучи неполным и лексически и стилистически отличным от приведенного фрагмента в ЧА₂. Мы обратили на него внимание уже после расшифровки черновых рукописей (ЧН₄, ЧН₅, ЧН₆ и ЧА₃) и после того, как поняли, что эти фрагменты вместе с каллиграфической рукописью трех первых глав относятся к поздней редакции статьи, сделанной для немецкого перевода, и, соответственно, после того, как сверили рукописи поздней редакции с текстами переводов. Д. В. Иванов не учел и не использовал эти черновые автографы.

²⁵ Представляется неочевидной принадлежность к каллиграфической рукописи порванного титульного листа, приложенного к ней во второй папке, с первоначальным названием статьи. Заметим также, что последний лист в ней (л. 22 и его оборот) с рисунками пирамид вообще не имеет отношения к настоящей статье.

черновыми набросками (окончанием главы III и началом главы VI). Мы бы предложили разместить за *БАП*, черновой автограф главы VII (*ЧА*, л. 20–21 об.), который, вероятно, завершал эту рукопись, о чем свидетельствует и авторская подпись на последнем листе.

Дальше можно было бы разместить три перечисленных выше фрагмента раннего текста в порядке глав, т. е. в логике следования тексту (л. 17, 17 об., 19–19 об.). Последними в папке окажутся выписки из «Ревизора» и «Театрального разъезда» (л. 18–18 об.), т. е. не авторский текст (впрочем, эти листы можно было бы поместить и в начало папки). Было бы желательно листы — соответственно новому местонахождению в каждой папке, — перенумеровав в указанной последовательности, переместить и на сайте.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-230-235

© Л. В. Хачатуриан

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЛЕФА. РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ АЛЕКСЕЯ КРУЧЕНЫХ 1927–1930 ГОДОВ*

Огромный корпус творческого наследия Алексея Крученых принято делить на два практически изолированных кластера, обусловленных диаметрально различными стратегиями жизнетворчества, первая из которых — акцентируемая «прагматика действия»,¹ вторая — продиктованная цензурой «прагматика неучастия». На рубеже между ними кипучая активность Крученых в создании новых форм художественного высказывания — языка, перформанса, артефакта — стремительно перешла в свою полную противоположность — архивный или «рукописный период». Фактография творчества Крученых эпохи футуризма исследована в ряде научных работ, посвященных русскому авангарду.² Публикаций поздних текстов Крученых известно мало.

* Исследование подготовлено в рамках проекта РНФ № 22-28-01569, НИУ ВШЭ.

¹ Применительно к русскому авангарду термин «действенность» (привокативное продвижение идеи) предложен в программной статье М. И. Шапира: «Главным становится действенность искусства — оно призвано поразить, растромошить, взбудоражить, вызвать активную реакцию у человека со стороны. При этом желательно, чтобы реакция была немедленной, мгновенной, исключающей долгое и сосредоточенное переживание эстетической формы и содержания <...> Ситуация в целом отчасти напоминает корриду, а ее создатели — своего рода тиреадоров» (*Шапир М. И. Эстетический опыт XX века. Авантгард и постмодернизм // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 137–138*). В современных исследованиях «прагматика действия» актуализирована в работах Д. Г. Иоффе («шокирующий праксис»). См.: «При осмыслении семиотической основы русского футуризма упор делается на открыто акцентируемую им прагматику действия, на восприятие авангарда как некоего особого шокирующего праксиса и, прежде всего, на сложный дейксис воинственного авангардного жеста» (Иоффе Д. Г. К вопросу о радикальной эстетике Второго русского авангарда. Поэтика Михаила Гробмана: живопись, жизнетворчество и кинематический террор // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 287). См. также: Иоффе Д. Г. Символический капитал посмертного наследия Хлебникова и Маяковского *sub specie* авангардной перформативности скандала. Семиотическая прагматика авангардного поведения и жизнетворчества // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 228–272.

² Память теперь многое разворачивает: Из литературного наследия Крученых / Сост., послесловие, публ. текстов и комм. Н. Гурьяновой. Berkeley, 1999; Розанова О. «Лефанта чил...» / Вступ. статья, публ. писем и комм. В. Н. Терехиной. М., 2002; Книги А. Е. Крученых кавказского периода из коллекции Государственного музея В. В. Маяковского: каталог / Авт.-сост. Л. Г. Жукова, Д. В. Карпова. М., 2002; Крученых А. Е. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. Гурьяновой. М., 2006; Харджиев Н. От Маяковского до Крученых: Избр. работы о русском футуризме. С приложением «Кручинхиады» и других материалов. М., 2006; Архив Н. И. Харджиева. Русский авангард. Материалы

Рабочее название второй стратегии было впервые предложено Н. И. Харджиевым в статье «Полемическое имя».³ В качестве условной границы Харджиев указал судьбоносный 1930 год, ассоциируемый не столько со смертью Маяковского, сколько с публикацией последних тиражируемых книг:⁴ «Его последние сборники были изданы в 1930 году, в количестве 150 и 130 экземпляров: я имею в виду два цикла „Ирониада“ и „Рубиниада“ — лучшие образчики любовной лирики Крученых, перекликающиеся с поэмой Маяковского „Облако в штанах“». Таким образом, последние 38 лет жизни Алексея Крученых были „рукописным“ периодом его творчества. <...> Когда „все сочиненное“ Алексеем Крученых будет собрано и издано, то станет очевидным, что русская поэтическая культура обогатилась такими произведениями, которые принято называть классическими».⁵ Контрастное противопоставление двух этапов творчества прослеживается до новейших исследований, посвященных наследию Крученых. Н. Гурьянова подчеркнула, что «рукописное время» Крученых в равной степени означало прекращение творческого процесса на стадии беловика (автор под давлением обстоятельств отказывался от полноты издательского цикла)⁶ и архивирование рукописных документов — создание коллекции артефактов, которым, следуя часто цитируемым самим Крученых строкам, «как драгоценным винам, настает свой черед».

Собрание рукописей русского модернизма от футуризма и авангарда в целом до материалов формальной школы и будущих классиков XX века⁷ затмило поэтическое наследие самого Крученых позднего периода, оставляя в стороне важнейшую часть его личного архива — рабочие тетради, содержащие оригинальные тексты. В сознании современников коллекционирование представлялось наиболее плодотворным полем деятельности Крученых, а поэтическое творчество — второстепенным. Н. Гурьянова резюмировала это так: «В его творчестве появляется новый „прибавочный элемент“: поэт в это время работает *прежде всего* как исследователь, историк и хранитель».⁸

и документы из собрания РГАЛИ: В 3 т. / Сост. А. Парнис; науч. ред. А. Сарабьянов. М., 2017–2019.

³ Харджиев Н. Полемичное имя // Памир. 1987. № 2. С. 168.

⁴ Д. В. Карпов датирует работу Крученых в технике стеклопечати 1928 — серединой 1930-х годов. К этим книгам, помимо указанных Харджиевым, Карпов относит три первых выпуска сборника «Живой Маяковский» (июнь–август 1930), сборник «Неизданный Хлебников» (1928–1934, вып. 1–19, 23, 24) и ряд других изданий. См.: «В 1928 году 3-е издание его книги „Приемы ленинской речи“ становится последней авторской книгой, отпечатанной в типографии. С этого времени и до середины 1930-х годов Крученых использует стеклопечать. Позже начинается „альбомный“ период его творчества, продолжавшийся до самой смерти поэта <...> Техника стеклографии позволяет сохранить естественную непосредственность почерка автора и композиционное единство текста и рисунка на плоскости листа» (Карпов Д. «Неизданный Хлебников» Алексея Крученых и другие стеклографированные издания Алексея Крученых // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2005. № 1–2 (24). С. 90).

⁵ Цит. по: Харджиев Н. И. От Маяковского до Крученых: Избр. работы о русском футуризме. С. 398.

⁶ «В 1930 г. вышли в свет два последних поэтических сборника Алексея Крученых „Ирониада“ и „Рубиниада“, изданных автором тиражом 150 и 130 экземпляров. После этого в творчестве „вождя заумцев“ и вдохновителя русского футуризма, „острейшего полемиста и виртуоза эпатажных выступлений“ наступил тот особый период, длившийся до конца жизни поэта, который Николай Харджиев, близкий друг Крученых, назвал „рукописным“ (Из солидного поэтического наследия Крученых 1930–1960-х гг., требующего отдельного исследования и издания, было посмертно опубликовано лишь несколько стихотворений и стихотворных циклов» (Гурьянова Н. Биография дичайшего. Воспоминания Крученых в литературном контексте 1920–1930-х годов // Крученых А. Е. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы. С. 7–8).

⁷ РГАЛИ. Ф. 1338. Оп. 1, 2. Ед. хр. 1–2472.

⁸ Ср. в оценке А. А. Шемшурина: «Крученых отошел в сторону, но не пропал» (Шемшурин А. Слишком земной человек // Алексей Крученых в свидетельствах современников / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. С. Сухопарова. München: Verlag Otto Sagner, 1994. С. 63). Похожую характеристику можно найти и в других воспоминаниях, от наиболее сдержаных (М. М. Синяковой) до самых жестких характеристик, попутно обесценивающих и архивное собрание Крученых (Н. Н. Асеева). См.: «По специальности он певец, хотя давно бросил это занятие.

Постепенно образ «историка и хранителя» начал обрастать легендами. На смену концептуалисту и заумнику Кручу, более радикальному в акционизме и языковых новациях,⁹ чем Маяковский и Бурлюк, пришел новый — поэт превратился в филистера (здесь не случайна параллель с А. Рембо), торговца подержанными рукописями: «Звали его Лексей Елисеич, Кручка, но больше подошло бы ему — Курчонок. <...> Одевался в отрепья. Плюшкин бы рядом с ним выглядел завсегдатаем модных салонов. <...> Он продавал рукописи Хлебникова. Долго расправляя их на столе, разглаживал, как закройщик. „На сколько вам?“ — деловито спрашивал. „На три червонца“. И быстро, как продавщик ткани в магазине, отмерив, отхватывал ножницами кусок рукописи — ровно на тридцать рублей. / В свое время он был Рембо российского футуризма. <...> Когда-то и Рембо примерно в том же возрасте так же вдруг бросил поэзию и стал торговцем. <...> Он прикидывался барыгой, воришкой, спекулянтом. Но одного он не продал — своей ноты в поэзии. Он просто перестал писать. Поэзия дружила лишь с его юной порой. С ней одной он остался чист и честен».¹⁰

Созданный Андреем Вознесенским портрет, в котором поэзия почти синонимически связана с юностью, закрепил не только метаморфозу Круч — Курчонок, но и новый статус: Крученых — коллекционер. Ревизия наследия поэта Алексея Крученых произошла только в работах последнего десятилетия, когда исследовательский фокус сосредоточился на неопубликованных текстах, и новой *terra incognita* стали рабочие тетради позднего периода.

Для публикации отобраны записи из рабочих тетрадей 1927 — июня 1930 года (РГАЛИ. Ф. 1338. Оп. 1. Ед. хр. 47, 49). В журнальной версии практически невозможно передать графику и последовательность трех слоев правки, поэтому воспроизводится только окончательный текст: каллиграфия/машинопись с последней правкой. При публикации сохранены особенности авторского стиля Крученых: оставлены без изменения строчные и прописные буквы, пунктуация, фонетическая запись, новообразования и намеренные искажения слов. В стихотворных текстах передана строфика.

Субботний вечер —
Всякой работе —
шабаш!
А в парикмахерской
шипучий ад
Там старичишке
пятнадцать лет
Весь в пне он
И ножницы в носу торчат:
Высоченный подмастерье
в ноздре отыскивает бороду
и подстригает.
Когда же чист,
и выбрит

<...> Он носит чужие ботинки, я уверен, не только от скучности, но и с тем расчетом, чтобы оставлять после себя оттиск чужих следов. / Он ест, как кошка, придавливая еду лапой к земле, жмуряясь и урча; причем после сладкого может есть мясо, если оно осталось на столе недоеденным. <...> Он собирает подписи, наброски, черновики, фотографии всех мало-мальски известных режиссеров, наклеивая их, составляя из них альбомы, собирая огромный архив отбросов <...> Вот откуда пошло в народе поверье о вурдалаках и упырях» (Асеев Н. Н. Собр. соч.: В 5 т. М., 1964. Т. 5. С. 23–24, 26).

⁹ См. отзыв Романа Якобсона: «...Крученых, к нему я никогда не относился как к поэту; мы переписывались как два теоретика, два заумных теоретика» (Якобсон-Будетлянин. Сборник материалов / Сост., подг. текста, предисловие и комм. Б. Янгфельдта. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1992. С. 48 (Acta Universitatis Stockholmiensis; 29. Stockholm Studies in Russian Literature)).

¹⁰ Вознесенский А. На виртуальном ветру. М., 1998. С. 26–28.

И шиворот в одеколоне —
 старик встает,
 кряхтя сугробно, —
 Ему навстречу
 хозяин заведения
 виляет:
 Молло-дой
 челло-век,
 с вас тридцать пять,
 благодарю покорно! —
 Пра-а-шу <перейти?> направо,
 Пожалуйста, присядьте
 Эй, щипцы!
 Парикимахер
 уже встает
 над новой жертвой
 умильно пробривая
 левый
 глаз.¹

* * *

О Пастернаке

В жизни — обнаженная правдивость (пафос ее). [Всегда ли?]² Пильняк³ и к°: какая же это революция: свободы слова нет и т. д. Пастернака прорвало: это вы говорите о революции, что вам до революции (длинная речь).

М. Левидов:⁴ Я ведь в сущности еретик.

Пастернак (подняв с полу окурок):⁵ если М. Л. еретик, то это — Савонаролла! <так!>⁶

Пастернак (о книге «Все о Есенине»⁷): со временем забудут, спутают и будут считать, что стихи Есенина написал Крученых.⁸

* * *

Мне снилось (или сквозь сон) — это он написал новую поэму!

Воспоминания

Владимир —
 длинное имя какое,
 пред смертью так трудно
 водить пером!
 Ма-я-ков-ски-й —
 еще потруднее,
 Его прочитал я
 с трудом...

17.IV.30⁹

* * *

Не дам я работы крематорию
 не буду затруднять родных, знакомых.
 На зло поклонникам

ПРИ ЖИЗНИ

сам

все сожгу

до последней косточки, —

пусть кричат:

веселый был покойничек...¹⁰

* * *

Уже роковые тени заката
 набросили сетку на нашу голову
 Вот уже старый друг протянул пятки, —
 не вмещается в нормальном гробу.

Рокот моря, гуд земли,
 мор небесный, град и гром
 поразить нас больше не смогли-б
 чем МАЯК, упавший среди комнаты.

Чуть-чуть пролив,
 остальные раздавивши слезы,
 говорю я не как нежный друг и брат,
 говорю я прямо, крепко, грозно:

МАЯКОВА!
 Что-ж ты сделал?
 Во всю комнату
 на локоть —
 «дуба дал».

Из-за драмы,
 из-за бабы
 два набоба
 пыжат морды...
 Грязный бантик
 дряблых губок
 надо-б —
 с корнем!

А ТЫ
 ДУЛО ВДВИНУЛ! —
 наповал!..

МАЯКОВА!
 В небе бомбы
 гляди в оба!
 Многотонный
 перегрызывает небо
 грузный газовоз...
 Сторож, сторож!
 Нет, не в пору!
 Двинул горы.
 Врагу в радость,
 нам на горе,
 рано, рано,
 рокот моря —
 крупнокалибровый загромыхал...¹¹

* * *

Цокает цинком осень,
 Воздух — стекло.
 Холостит.
 Дайте мне добродить
 по холодной степи,
 дослушать пронизывающие стихи.
 Там
 — смотришь —
 Старуха костлявой клюкою
 Ко мне постучит...

(Холодный май 6/V-30)¹²

* * *

ДНЕВНИК¹³

Еще раз обмануть
 голод и войну —
 злейших скелетов,
 поиздевавшись над смертью, —
 и тогда —
 капут...

7/VI-30

Мрач^{<ные>} мысли
 и всем известно...¹⁴

¹ РГАЛИ. Ф. 1338. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 13–13 об.² Так в оригинале.³ Пильняк Борис Андреевич (1894–1938; арестован 28 октября 1937-го, расстрелян 21 апреля 1938 года). В июне 1926 года в журнале «Новый мир» была опубликована рецензия на «Повесть непогашенной луны» Пильняка, в которой она была названа контрреволюционной и порочащей партию. В январе 1927 года в этом же журнале было помещено покаянное письмо Пильняка.⁴ Левидов Михаил Юрьевич (1891–1942) — писатель, драматург и журналист. Сотрудничал с журналом «ЛЕФ». В 1941 году арестован, расстрелян 5 мая 1942 года.⁵ Черновой вариант: «другому лицу, указывая на окурок на полу».⁶ Савонарола Джироламо (1452–1498), монах-доминиканец. Последователи Савонаролы скжигали на «кострах тщеславия» картины, светские книги, зеркала и предметы роскоши.⁷ Речь идет о серии из 7 книг Крученых 1925–1926 годов: «Лики Есенина. От херувима до хулигана. Есенин в жизни и в портретах» (1925), «Гибель Есенина. Как Есенин пришел к самоубийству» (1926), «Есенин и Москва кабацкая» (1926), «Новый Есенин. О первом томе собрания стихотворений» (1926), «Проделки есенистов» (1926), «Хулиган Есенин» (1926) и «Черная тайна Есенина» (1926).⁸ РГАЛИ. Ф. 1338. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 34.⁹ Там же. Ед. хр. 49. Л. 3.¹⁰ Там же. Л. 24.¹¹ Там же. Л. 25–26.¹² Там же. Л. 57.¹³ Подчеркнуто пунктиром.¹⁴ Там же. Л. 77.

**А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН И СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК.
ДИАЛОГ РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ В КОЛЛЕКЦИИ
Ю. А. КРАСОВСКОГО***

Сопряжение намеченных сюжетов, далеких, на первый взгляд, друг от друга, объясняется в первую очередь единой временной шкалой, второй половиной 1930-х годов, началом Гослитмузея, общим временем формирования персональных фондов, поступлением — среди прочих — материалов тех авторов, упоминание которых в лучшем случае было нежелательно или совсем запрещено. Материалы практически сразу попадали в спецхран и до середины 1970-х годов на внутримузейном лексиконе хранителей именовались «выморочным, отчужденным имуществом». Но данная статья не об этой драме — она требует отдельного осмысления и анализа — а скорее о драматургии источников, вступающих в «разговор» друг с другом поверх своих «фондовых ячеек», персональных «гнезд». Такое взаимодействие нуждается в постановке проблемы, в привлечении разных методологий, в разном аналитическом инструментарии, аргументации. Риск заключается и в том, что непросто выбрать правильную последовательность и логику изложения, поскольку в данной теме существует несколько «точек входа».

Как известно, в гуманитарных науках практика коллекционирования и систематизации имеет давнюю традицию изучения, рассматривает процесс и результат коллекционирования в антропологической перспективе — на перекрестье нарратологии и тезаурусной стратегии, выявляя «рассказчиков» историй, связанных с экспонатами, сами истории и «тезаурусы», апелляцию к политике памяти, мемориальному ресурсу общества, самоидентификации индивидуума, проявляя их представления о самих себе и задавая в какой-то степени жизненные ориентиры.¹

Не в последнюю очередь обращение к предметам и рукописям прошедшей эпохи, а также к недавней современности, спасение их от гибели и забвения в 1920–1930-е годы рассматривается и как ответ на катастрофы революции и Гражданской войны. Действие живой памяти учитывает оппозицию двух категорий — «канона» и «архива». По определению А. Ассман, если «канон присваивает определенным артефактам особую ценность и ориентирующую значимость для будущего», то «накопительная память архива, напротив, включает в себя все те следы и реликты прошлого, которые не являются содержанием активной мемориальной культуры».²

В. Беньямин предложил следующую антропологическую интерпретацию собирателя и собирательства: «...в каждом из предметов коллекционеру предстает мир, притом мир упорядоченный. Упорядоченный поразительными — более того, профану непонятными — связями. Достаточно вспомнить, насколько значим для любого коллекционера не только его объект, но и все прошлое объекта, так что для его происхождения и характеристики важны и детали вроде бы несущественной истории. Все это, эти „фактические“ данные, как и другие, смыкаются для истинного коллекционера в каждом из его владений в целую магическую энциклопедию, в миропорядок, контуры которого — судьба этого предмета. И вот здесь, на этом узком поле, оказывается возможно понять то, как великие физиогномисты (а коллекционеры — физиогномисты вещного мира) становятся толкователями судьбы».³

Рассматривая прозу 1910–1920-х годов, литературоведы нередко отмечают общую тенденцию — склонность к составлению каталогов, перечней, списков.⁴ Думает-

* Работа выполнена при поддержке РНФ. Проект 19-18-00353, НИУ ВШЭ.

¹ См. об этом, например: Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2019.

² Там же. С. 34.

³ Беньямин В. О коллекционерах и коллекционировании. М., 2018. С. 79–80.

⁴ Каминская Ю. В. Коллекционирование как основополагающий творческий принцип поэтики К. Вагинова // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 463. С. 32–41.

ся, что все это вещи одного порядка, легитимизирующие дихотомию понятий: «поэтика коллекций», «коллекционирование — конструктивный механизм поэтики».

Поэтика литературной коллекции подразумевает описание закономерностей в истории ее возникновения, законов, позволяющих увидеть сложившееся целое, морфологические особенности языка. Отдельная вещь, рукопись, документ, собрание обретают статус артефакта, вступающего во взаимодействие с соседним объектом; их валентности динамичны и в силу этой подвижной эволюции преодолевают замкнутую единичность, раскрывают герметичность контекста и составляющих его компонентов. Концепт коллекционирования как таковой исследователи нередко связывают с концептом самодокументирования, отражающего тот образ самих себя, который есть у данного человека или сообщества, выделяя подвиды «официального» коллекционирования (основывается на решении о том, что следует сохранять) и «личного» коллекционирования.

Частные коллекции никогда не бывают статичны, они играют важную роль во взаимодействии, смене музейного и внемузейного контекста.⁵

Ниже речь пойдет о коллекции рукописей, собранной критиком, архивистом, редактором Юрием Александровичем Красовским (1909–1987). Две его ипостаси — собирателя и архивиста-музейщика — позволяют проследить дискурсивную организацию нескольких профессиональных полей — институциональных и личных биографических.

Ю. А. Красовский — фигура, хорошо известная в советском архивно-музейном мире 1940–1980-х годов.⁶ В 1920-х годах он окончил московскую школу № 70 на Садово-Кудринской ул. (до 1918 года в этом здании была женская гимназия). А в 1927 году получил свидетельство об окончании Общественно-педагогических курсов при этой школе. В 1929–1930 годах сдал экстерном экзамены на Высших Государственных литературных курсах при факультете литературы и искусства Московского государственного университета. Литературная деятельность Красовского началась в 1924–1925 годах, когда, еще учась в школе, он стал членом литературного кружка Московской Ассоциации Пролетарских писателей. Его первая печатная работа «Проблемы жизни и смерти в творчестве Л. Н. Толстого» легла в основу предисловия к изданию повести «Смерть Ивана Ильича» (ОГИЗ, 1930). С 1929 по 1932 год Красовский состоял в РАПП, работал рецензентом, публиковался в отделе критики журнала «На литературном посту». В это время он активно печатался и в журнале «Художественная литература» Критико-библиографического института ОГИЗ.

В 1931–1933 годах Красовский как библиограф участвовал в издательской деятельности Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, а в 1934–1935 годах он — сотрудник журнала «Борьба классов» (позднее переименован в «Исторический журнал»). После ликвидации РАПП в 1932 году переходит в Институт истории Академии наук, где участвует в подготовке сборников «Восстание Костюшко 1794 г.», «Материалы по истории Северного Кавказа в первой половине XIX в.» и др. К середине 1930-х годов он уже достаточно опытный литератор, исследователь, его имя становится известным, статьи, эссе, литературные консультации, переводы часто появляются на страницах журналов. В 1937 году по приглашению В. Д. Бонч-Бруевича, инициатора создания и первого директора ГЛМ, Красовский был принят на работу в Государственный литературный музей и руководил группой по научному описанию фондов писателей-символистов, составлял обзоры других фондов, готовил материалы для «Известий Литературного музея» и других изданий.

В 1941 году ушел на фронт и прошел всю войну. Демобилизовавшись в конце 1945 года, вернулся в Москву. К этому времени Бонч-Бруевич был отстранен от руководства музеем, а материалы ГЛМ, над которыми Красовский работал прежде, переданы в Центральный государственный литературный архив, созданный в марте

⁵ Мениш П. ван. Коллекционирование // Вопросы музеологии. 2014. № 1 (9). С. 222–228.

⁶ Автор статьи работала в Государственном литературном музее с 1978 по 1992 год и нередко слышала от старейших сотрудников музея воспоминания о Красовском, «личности легендарной».

1941 года и находившийся в то время в подчинении МВД. По рекомендации Бонч-Бруевича его направили в Главное архивное управление СССР, а там он получил назначение в ЦГЛА, в будущем — ЦГАЛИ, где в круг его занятий вошли комплектование и описание личных фондов, работа в экспертных комиссиях, подготовка путеводителей по архиву, участие во многих документальных изданиях архива, нередко совместно с другими научными институциями. Перечень его обязанностей и трудов широк. Наиболее значительные — «Описание рукописей Ф. М. Достоевского» (1957), сборник «А. С. Серафимович. Неопубликованные произведения и материалы» (1959), собрания сочинений С. М. Эйзенштейна (1964–1971, т. 1–6), А. П. Довженко (1966–1969, т. 1–4), М. И. Ромма (1980–1982, т. 1–3). Он стоял у истоков замысла уникальной серии — «Встречи с прошлым», входил в состав редколлегии. Был «душой» каждого сборника.

Ему во многом принадлежит и разработка концепции, отличающей «Встречи с прошлым» от других академических изданий, и обоснование поисков «новой формы подачи архивных материалов» и стиля, предполагающего сочетание «строгой научности с популярностью изложения, с широким тематическим охватом». Тогда же была очевидна двойная ориентация издания не только на предъявление интересных и значительных документов, но и на расширение границ, допуск в недра архива, его внутреннюю лабораторию.⁷ Поэтому «Встречи с прошлым» создавали особый способ рассказывания об архивной жизни. Тематика научных интересов Красовского, как видим, была широкой. Как отмечала Н. Б. Волкова, «из всего штата ЦГЛА Красовский был наиболее подготовленным сотрудником для решения задач, стоящих перед новым архивом. За годы предыдущей учёбы и работы он накопил знания по истории русской литературы и общественного движения XIX — начала XX вв.»,⁸ необходимые для архивиста, имеющего дело с историко-литературными памятниками, для разработки методики, экспедиций сотрудников по заповедникам и музеям.

Собирание рукописей — несомненно, длительный процесс. Генезис его в случае Юрия Красовского восходит к периоду более раннему, чем сотрудничество с Гослитмузеем, когда обозначилась «архивная» склонность характера, бытовые привычки, которым позднее отвечали и профессиональные интересы, и служебные обязанности.

В разрозненных листах «Автобиографии» Красовского находим наброски (очевидно сделанные после 1937 года) самоописания — осмыслиения «проснувшейся страсти коллекционирования». Он вспоминает любимое чтение прежних лет — журнал «Среди коллекционеров», подшивки которого 1921–1924 годов «пылились на книжных полках» московской квартиры, комната в которой превратилась «в какой-то ли музейный запасник, то ли свалку ненужных вещей, давно отживших свой срок <...> С началом службы в музее эта бытовая привычка приобрела назначение и профессиональное постоянство <...> Дух копирования и систематизации пронизывает множество предметов, бумажных клочков, интересных, а иногда и забавных, но все-таки порядка и общей мысли не было и нет вокруг. Но все, что оседает, невозможно выпустить из рук <...> Коллекционеру нужно одиночество на первых порах, а затем начинается разработка „осколков“ в различных направлениях. И эта стадия уже не зависит от первоначальных намерений...».⁹ Рассуждения «для себя», о себе, внутренний разговор с самим собой, автопортрет коллекционера сопровождаются цитатой:

Вы не откажетесь пройтись со мною
И осмотреть собранье небольшое
Диковинок? Изъездил всю Европу
Я с юных лет; в Египте даже был.
Образовался маленький музей, —

⁷ Встречи с прошлым. М., 1972. Вып. 1. С. 9.

⁸ Волкова Н. Б. Жизнь, отданная архиву. Юрий Александрович Красовский (1909–1987) в ЦГАЛИ // Вестник архивиста. 1998. № 4 (46). С. 134–137.

⁹ Красовский Ю. А. Автобиографические заметки. Разрозненные листы // РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. № 1. Л. 17.

Меж хламом есть занятные вещицы,
И я, как всякий коллекционер,
Ценю внимание; без разделенья,
Как все другие, эта страсть — мертвa.¹⁰

Архив Красовского передан в РГАЛИ его женой Н. Г. Королевой в самом начале 1990-х годов и составляет 395 единиц хранения — переписка, фотографии, служебные документы, записные книжки, дневники.¹¹ Безусловная жемчужина в нем — его личная коллекция. Она составлялась на протяжении нескольких десятилетий со второй половины 1930-х годов. В ней 210 единиц: 78 автографов литературных произведений — рукописных, машинописных источников нередко с авторской правкой и 132 эго-документа, переписка третьих лиц — русских и европейских писателей, ученых, государственных деятелей XVIII—XX веков. Это «архив в архиве», самостоятельный фонд в фонде, пополнявшийся благодаря находкам у букинистов, в домашних архивах, приобретению остаточных материалов закупочных комиссий ГЛМ, в которых Красовский принимал участие в 1937—1940 годах.

В широком диапазоне персоналий — писателей, художников, артистов, философов, журналистов — представлен русский и советский интеллектуальный мир, а в двухчастной структуре коллекции просматриваются внутренние закономерности — содержательные, хронологические: корпус писем 1917—1925 годов А. Аверченко, А. Амфитеатрова, А. Куприна, адресованных прозаику и публицисту А. А. Яблоновскому (1870—1934); письма 1920—1930-х годов историческому романисту, писателю-биографу, директору Румянцевского музея (1921—1925) А. К. Виноградову. Среди его корреспондентов — М. Горький, И. Грабарь, Е. Замятин, Б. Пильняк, А. Моруа, С. Сергеев-Ценский, Е. Тарле, Ю. Тынянов. Вокруг В. Мейерхольда сложилось также «эпистолярное гнездо». Среди его адресатов — В. Сахновский, И. Ильинский, А. Барбюс и др. «Политическая эпистолярная панорама» содержит письма П. Шувалова, Г. Потемкина П. Румянцеву-Задунайскому, Л. Дубельта, И. Делянова, О. Бисмарка, Наполеона III.

В рукописном разделе коллекции присутствует самостоятельная конфигурация документов, обнаруживаются их «рифмовки», переклички. Ее ядро образуют поэтические автографы Н. Гумилева, В. Брюсова, А. Белого, А. Блока, М. Волошина.

Документы Серебряного века имеют узнаваемые контуры в собрании Красовского, что отвечает его предпочтениям, сложившимся в первые годы работы в музее, и реальному положению фондовой стратегии ГЛМ в 1930-е годы.

В своем докладе «Рукописные фонды Государственного литературного музея» (1937) Красовский подготовил обозрение практически всех материалов, поступивших в музей к этому времени, и выделил наиболее заметные и богатые по составу фонды. Среди них он отметил «огромный архив драматурга А. В. Сухово-Кобылина, достигающий 19.000 лл., главным образом черновики его философских работ и отрывки „Трилогии“ <...> Одним из наиболее значительных фондов Рукописного отдела является фонд символистов — 754 000 лл., — тут есть и целые архивы: *Андрея Белого* (18 800 лл.) — почти все его творческие рукописи, в том числе ряд неопубликованных; сб. стихотворений „Зовы времени“, II том „Путевых заметок“, автобиография и дневники; *Иннокентия Анненского* (24 200 лл.), его работы по античности и рукописи всех его стихотворений; *М. А. Кузьмина* <так!> (5800 лл.), а также очень ценные собрания по крупнейшим представителям этой литературной школы: *А. А. Блоку* (9150 лл.) — 30—40% всех его творческих рукописей, *К. Д. Бальмонту* (2100 лл.), *В. Я. Брюсову* (1700 лл.), *Ф. Сологубу*. В Рукописном отделе хранится и полное собрание стихотворений *Максимилиана Волошина* — подготовленное по рукописям его Коктебельского архива».¹²

¹⁰ Кузмин М. А. Форель разбивает лед. Стихи 1925—1928. Л., 1929. С. 23.

¹¹ Российский государственный архив литературы и искусства: Путеводитель. М., 2018. Вып. 10. С. 160.

¹² РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. № 10. Л. 5—7.

Особое место в коллекции Красовского занимает неопубликованный черновой отрывок из философской работы драматурга А. В. Сухово-Кобылина «Запись о самосознании»:¹³

«...есть Чувствительность, а будучи опосредовано квадратная степень рефлексирования дает результат Сознания. Самосознание как бесконечность есть такое опосредованное Сознание для которого упругое одухотворение переплавляется через Единство и воображаемую Силу в общую Копилку и Единство Человеческого Духа. Самосознание есть Понятие способное проявить Себя вообще только через Разум либо через Жизнь внизу. Низ Жизни есть Душа Тела — т. е. в Теле Человека — есть Душа Человека. „Взор Бытия“ или Око, через которое Душа смотрит на Себя, обвнутряет себя в Себе. Формула бытования Сознания или Единство Тела, которое будет потреблением своего Телесного Начала. Мыслительная рефлексия Сознания посредством Общего приключения бухгалтерии Духа — дает Демаркацию Человека и Инкарнацию Бога».

Философский набросок сделан на обратной стороне выписок из нескольких явлений комедии-шутки «Смерть Тарелкина», созданной в 1869 году и получившей цензурное разрешение к постановке в 1899 году. На первом листке карандашом вверху слева написано наискосок: «Расплюевские веселые дни».¹⁴

«Явление 2. Тарелкин. Сыру не угодно ли? Расплюев (переходя к сыру). Мы — и сыру. (Берет хлеб, отламывает кусок сыру, пропускает все и опоражнивает бутылку.) Тарелкин (в сторону). Что за пасть такая? Расплюев (жуёт). Имено... справедливо вы давеча в вашей речи упомянули, что *душа-то та бессмертна*. Тарелкин (осматривая на свет пустую бутылку). Бессмертна... сударь, — бессмертна... Расплюев (берет еще сыру). И знаете, — что с ее стороны обязательно: *ни она ест, ни она пьет*. (Жуёт.). Тарелкин (обирает пустые тарелки). Да, действительно обязательно. Расплюев (жуёт). Ну, если бы татпер *душа да еще кушать* попросила, так что бы это было... Ложись да умирай. <Явление 2.> Расплюев. Я вам про себя скажу. Отчего я человеком стал? Голод пронял. Доложу вам — желудок мой особой конструкции: не то что волк, а волкан, то есть три волка. Он каши-то меру просит, а ему подают наперсток, — вот я и взялкал. Да как взялкал, — до исступления. Хожу по улицам да зубами и щелкаю... буду, мол, усерден, буду и ревностен, — только *душу-то вы мою, святые угодники и архистратиги, из этого ада изведите...* ЯВЛЕНИЕ 5. Расплюев. Однако Тарелкин этот, стало, прожженная была персона. Ишь ты, умел пожить, умел вовремя и дух испустить... Куда б ему татпер? Не миновать бы беды горючей! И из службы бы выгнали — и раздели бы — и в сибирке бы насидался. А татпер что ему: слава богу, *бухгалтерия в прорядке*, <так!> лежит себе вверх брюшком и лапочки сложил. Все тихо — все довольны... а что тело? *Навоз, потроха одни*. ЯВЛЕНИЕ 10. Варравин (постоявши в раздумье). Умер! Несомненно умер, ибо и пропух!.. Нет вести, которая принесла бы мне такое удовольствие, скажу, такую сладость... Самая омерзительная жаба ушла в свою нору; самая ядовитая и злоносная гадина оползла свой цикл и на указанном судьбою месте преткнулась и околела!.. Умер!.. Самая гнилая душа отлетела из самого протухлого тела; как не вонять — по-моему, он мало воняет — надо бы больше. ЯВЛЕНИЕ 16. Расплюев. Именно —

¹³ Там же. № 218. Л. 1–3. Орфография приведена к современной норме, с сохранением ряда авторских особенностей. Текст дается по верхнему слою правки, т. е. удалено вычеркнутое и затемненное чернилами. Печерк Сухово-Кобылина, по свидетельству современников и тех, кому приходилось разбирать его наследие, напоминал немецкий готический шрифт и всегда был сложен для прочтения.

¹⁴ Там же. Л. 11. Под таким названием пьеса была поставлена в 1900 году в Театре Литературно-художественного общества (Суворинском). Использование обратной стороны черновиков для размещения философской записи дает основания предположить, что последняя была сделана между 1869 и 1899 годами.

вы справедливо, государь мой, заметили: душа *бессмертна*. Тарелкин (в духе; берет его за руки). А, — не правда ли? Бессмертна, то есть *мертвые не умирают*. Расплюев. Так, так! Не умирают!! (Подумавши.) То есть как же, однако, не умирают??! Тарелкин (твердо). Живут... но, знаете, там (указывая) — далеко!!»

Эти соположения художественного и философского текста в практике Сухово-Кобылина нередки. На полях рукописей «Учения Всемир» мы обнаруживаем реплики персонажей из его трилогии, а также наоборот, в свои переводы Гегеля он вставляет фрагменты пьес.¹⁵ О сознании и самосознании Сухово-Кобылин упоминает лишь однажды в «Первом наброске социологии как философии истории в его трехмоментном теллурическом человечестве, солярном и сидерическом» в разделе «Две бесконечности — математическая и спекулятивная»: «Математическая бесконечность есть наружная, сама себе внешняя протяженность — природа, Вселенная. Спекулятивная, или философская, бесконечность есть беспространственная духовная бесконечность, или углубление, инволюция конечного сознания в бесконечность самосознания, или бесконечное процессование человечества как конечного сознания в бесконечный разум или бесконечный дух — в самосознание, т. е. в знание себя бесконечным духом, или бесконечное одухотворение человечества, т. е. потребление в себе своей видимой телесности. Необходимость для конечного разума быть тем, чем он себя знает, и потому бесконечное движение в абсолютную духовность. В этом именно смысл абсолютной власти самосознания».¹⁶

Данный смысловой и графический артефакт Сухово-Кобылина, его природа, место в собрании рукописных источников в коллекционном контексте нуждаются в пояснении.

В настоящее время в целом изучены пути формирования документальных комплексов в музеях и архивах. В частности, восстановлена траектория поступления, соединения, а затем и раздробления наследия Сухово-Кобылина и его семьи по разным архивным институциям в военное и послевоенное время.¹⁷

Соположение двух собраний, их взаимные отражения — государственного, официального и личного — к которым на разных уровнях функционально причастно одно и то же лицо, позволяет семантически реконструировать не только историко-литературные факты, оценить масштабы, но в то же время открыть и дополнительные пересечения в социокультурной перспективе.

При всей внешней хаотичности, кажущейся спонтанности коллекции Красовского в ней прослеживается некоторая тенденция: наличие маргиналий в черновиках — чужих или авторских — свидетельствует о коллекционной специализации, двойном «регистре», двойной оптике, совмещении текста и его продолжения в ремарке, уточнении. И сухово-кобылинский автограф принадлежит некоторому внутреннему ряду. Так, в фонде Красовского хранится несколько уникальных рукописей, принадлежащих Александру Блоку, не публиковавшихся ранее. Среди них — стихотворения А. Блока¹⁸ — «Мне снилась снова Ты, в цветах на шумной сцене...» (л. 2) и «Этюды песен Офелии (Импровизация)» (л. 2 об.). Автографы помещены в пергамент и светло-розовый оборот, на титульном листе которого рукой Ю. А. Красовского печатными буквами воспроизводится текст:

«Александр Блок.
„Мне снилась снова ты, в цветах
на шумной сцене...“
стихотворение. (1898) Автограф.

¹⁵ См. об этом: Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: Поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухово-Кобылина. М., 2000. С. 99–101.

¹⁶ Сухово-Кобылин А. В. Учение Всемир. Инженерно-философские озарения. М., 1995. С. 47.

¹⁷ Александр Сухово-Кобылин. Материалы из собрания Государственного литературного музея: Альбом-каталог. М., 2021.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. № 166.

Карандаш
на 1 л<исте>

На обороте „Этюды песен Офелии“ — автограф Л. Д. Блок (Менделеевой).¹⁹

Атрибуция автографов и рисунков, сделанных поэтом, позволила современным исследователям сформулировать концепцию о «двойной авторизации» списка «Этюдов песен Офелии», выдвинуть ряд гипотез об обстоятельствах и версиях появления редакции стихотворения, датировке.¹⁹

В той же рукописной коллекции имеется автограф Мандельштама с подписью «„В хрустальном омуте какая крутизна...“ Коричн. чернила. Б. д. С правкой в ст. 10: „Крутое «верую» и [псалмопева] часослова роздых“».²⁰ Нижняя часть листа отрезана, остаток с автографом имеет квадратный вид. На обороте — цифры карандашом и список красными чернилами неустановленного лица с наброском содержания издания, для которого, по-видимому, предназначалось данное стихотворение. (Прочитывается: «Театр. Дневник — Черонский, Долинов; 7. Мандельшт[ам]. Гротеск; 8. Музыка<.> 9—10. Ис[кусство] и жизнь. 11. Кино. 12. Хроника. 13. У Шаляпина. 14, 15, 16, 17 — Фельетоны Чепорова (?). 17. У рампы»).²¹

Черновики Сухово-Кобылина тоже относятся к этой группе «двойных автографов», примечаний, автомаркингов, расшифровка которых «моделирует» не просто сам документ, а создает прецедент, текстологическую коллизию в другом объеме и обнаруживает дополнительные смысловые слои.

Жизнь материалов этой коллекции сейчас реконструировать непросто. Тем не менее можно предположить, что она не была статичной. Свои приобретения и «показы» гостям, домашним посетителям Красовский фиксирует время от времени в записных книжках. Судя по такого рода пометам,²² порой мемуарного характера, документы из «фонда символистов» и рассуждение Сухово-Кобылина «О самосознании» обрели свое место в собрании практически синхронно в мае—июне 1938 года.²³ Отчасти восстановить данный срез бытования интересующих нас материалов в частном и официальном музейно-архивном пограничье помогают свидетельства Н. И. Туркус, коллеги и друга Красовского по ГЛМ. Их связывали и общие задания, получаемые от руководства музея. Красовский был среди тех, кто принимал и описывал в 1937 году архив Сухово-Кобылина, передаваемый в ГЛМ его дочерью Луизой де Фальстан, Н. И. Туркус разбирала и описывала материалы в отделе комплектования, через ее руки проходили все новые поступления в музей.

Наталья Ивановна Туркус (1907–1993) пришла в Литературный музей практически одновременно с Красовским 5 января 1937 года, оставалась там почти четыре года до начала Великой Отечественной войны, а затем несколько раз вынужденно прерывала сотрудничество (в 1941 году эвакуация, в 1948 году отъезд в Воркуту к ссыльному мужу) и снова возвращалась (в 1946–1948 и в 1957 годах после реабилитации мужа).²⁴

Как удалось установить, Туркус принадлежит первое прочтение дневников А. В. Сухово-Кобылина вскоре после поступления архива драматурга в Государственный Литературный музей (1937).²⁵ Речь идет о ее неопубликованной статье «Первое

¹⁹ Чугунова Е. Е. Ранняя поэзия А. Блока: Неизвестные автографы стихотворений в собрании РГАЛИ. М., 2005. Т. 1. С. 447–457.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. № 194. Л. 1.

²¹ См.: <https://mandelstam.hse.ru/archive/201882611>; дата обращения: 31.07.2023.

²² Запись от 27 июля 1938 года (Красовский Ю. А. Записные книжки. Автобиографии и автобиблиографии // РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. № 11. Л. 9).

²³ Запись от 12 апреля 1944 года (Красовский Ю. А. Записные книжки с автобиографическими записями // Там же. № 17. Л. 38).

²⁴ Туркус Н. И. Мои воспоминания (фрагменты рукописи) / Подг. текста И. А. Гладыш // «Магический кристалл литературы». Исследования. Находки. Публикации: Юбилейный сборник научных трудов. М., 2004. С. 314–333.

²⁵ Соколова Т. В. Н. И. Туркус о первом представлении пьесы А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского»: статья для не вышедшего выпуска сборника «Звенья» // Новые звенья. М., 2023 (в печати).

представление „Свадьбы Кречинского“ А. В. Сухово-Кобылина», предназначавшейся для не вышедшего сборника «Звенья». Седьмой выпуск планировался до войны, а затем был перенесен на 1946 год. Но публикация Н. И. Туркус так и не была осуществлена, а к моменту ее последнего возвращения в ГЛМ вышла монография К. Л. Рудницкого, в которой были использованы сухово-кобылинские дневники.²⁶

В письмах Красовскому на фронт и в первые послевоенные годы Туркус рассказывает о своей «поглощенности» Сухово-Кобылиным. Он присутствует как фон, «за кадром» в ее сообщениях и выступает мерилом в сложившихся обстоятельствах — безусловно, субъективным, — камертоном подлинности живого слова: «Получила Вашу открытку, Юра. Спасибо. Очень рада, что Пастернак дошел до Вас. С оценкой его согласна. Стихи его ни к дьяволу, — те, что о войне. И это говорит об очень, очень многом в личности поэта, а не только о том, что стихи плохи. Случилось мне побывать за это время на его творческом вечере в ГЛМ — он читал свои переводы Шекспира — очень талантливо читал, одушевляясь изнутри и внезапно обрисовывая образ ловчее актера. Напоследок он прочел стихи „Дрозды“, и мне очень понравилось, но все же он „без царя в голове“, честное слово!.. После вечера, когда толпа народу стала расходиться, разговорилась с Левой Горнунгом. Он снова приносил в музей сухово-кобылинское и рассказывал о своих дальнейших планах... А у меня, как Вы знаете, ничего нет на уме, кроме философствований Сухово-Кобылина, ну еще могу думать о Гегеле. И в голове долбит немыслимое, корявое, искореженное — но такое живое сухово-кобылинское слово. Так что у меня свои „дрозды“, или вернее „дрозд“... А еще точнее — „дятел“. И он пробуровливает мертвую оболочку, и в этом отверстии, оказывается, свежая струя, свежий воздух. И как-то это мое ощущение сухово-кобылинской материи отвечает моменту. Как ни странно, поверю Сухово-Кобылиным и сегодняшнее. В 1 номере журнала „Знамя“ за 45 год напечатан дневник В. Инбер периода блокады Ленинграда. Не столь Инбер, сколь факты жизни ленинградцев интересны и от дневника не оторвешься. Это „Пулковский меридиан“ в прозе. После него вновь перечла ее поэму. Все же в ней много достойного. Мне нравится 1 глава — обобщенья, поданные остро... В „Новом мире“ напечатана пьеса Алигер — „сказка о правде“ — о Зое. Спорить и спорить бы на основании этой фальшивой идиллии. Хочется воскликнуть вслед за Тарелкиным: „Долой вся эта фальшь. Давайте мне натуру! Да здравствует натура!“²⁷ ...> Юрочка, высказав все это, я поняла, что не поздравила Вас с победой! <...> — 25–27–28–30 <апреля> — 1 мая — 8 мая и 9 мая, мне кажется, в биографии каждого современника будут такими потрясающе горячими, полнозвучными, ослепительными, как дни любви, сложившей личную жизнь, о которых всегда будешь говорить, как <о> только что пережитом, самом замечательном, живом! Во всей глубине факт этот не осознать сразу. Нет! Одно пытаюсь понять, что больше не убивают наших людей...»²⁸

В конце 1945 года Туркус пишет Красовскому о новых поступлениях материалов Сухово-Кобылина и о том, что ей необходимо их обработать. Нельзя исключить, что главным источником пополнения сухово-кобылинского фонда в ГЛМ в то время был Л. В. Горнунг (1902–1993), поэт, переводчик, фотограф, мемуарист. Он был женат на Анастасии Васильевне Петрово-Соловово, внуки которой племянница Сухово-Кобылина; поддерживал связи с оставшимися родственниками. Нередко навещал Марию Михайловну Петрово-Соловово (1858–1941), племянницу Сухово-Кобылина и тетку А. В. Петрово-Соловово. Хранительница семейного архива, она жила в том же доме, что и Красовский: в Плотниковом переулке рядом со знаменитым писательским домом с барельефами. Думается, что все были знакомы. После войны для Горнунга продажа рукописей, предметов быта, семейных альбомов музею, Ленинской библиотеке стала заработком средств к существованию: «10.12.1945<.> Отнес материю о Сухово-Кобылине и Лермонтове в Литературный музей. Оценили около 5 тысяч. Должен

²⁶ Рудницкий К. Л. А. В. Сухово-Кобылин. Очерк жизни и творчества. М., 1957.

²⁷ Цитата из «Смерти Тарелкина» (д. 1, явл. 1).

²⁸ РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. № 82. Л. 7–8 (письмо Н. И. Туркус Красовскому от 16 мая 1945 года).

скоро вернуться, чтобы возглавить и возродить их издательство, Владимир Дмитриевич. Когда его сняли, он заболел. На его место назначили Боева. Этот проходимец растратил деньги музея, развалил все. Ушел с треском... <...> Спился. При нем отданы все рукописи в Главное архивное управление. (Хлопочут, чтобы вернуть). Старым опытным сотрудникам пришлось уйти из музея. В <19>41<году> музей эвакуировали, а в <19>43<-м> в 3 дня предложили освободить помещение и ночью на грузовой машине перебросили материал в Ленинскую библиотеку на чердак. В эвакуации пострадало меньше, чем тут. Писатели во главе с Толстым писали Сталину, и педагогический институт освободил помещение. Все обратно».²⁹

В своих письмах Красовскому 1945–1946 годов Туркус нередко передает фразы, замечания Горнунга. Когда в 1946 году осенью Красовский попал в больницу, Туркус, видимо желая его отвлечь, напоминала о последних посещениях его в Плотниковом переулке, о том, какое впечатление — в очередной раз — произвела на нее домашняя коллекция, а «немецкая готика сухово-кобылинского почерка откликалась в почерк-кушках и виньетках Гумилева, Блока, Белого. Прав, тысячу раз прав Лева в том, что Сухово-Кобылин нам пророчество писал, как Кречинский Муромскому — помните, Юра, вот это: „Господи ... как, Даниил, вверженный в ров львиный... вот она, волчьято яма. Ей-ей, — точно пророчество писал... (читает с выражением и ударением)... но бывает уголовная или капканная взятка, — она берется до истощения, догола... (осматривает себя)... догола... производится она по началам и теории Стеньки Разина и Соловья Разбойника; совершается она под сению и тению дремучего леса законов... (осматривает обстоящие его шкафы и читает) свод законов... свод законов... так!.. (продолжает) помощью и средством капканов, волчьих ям и удилищ правосудия, — и в эти-то ямы (опять осматривается) попадают без различия пола, возраста и звания, ума и неразумия, старый и малый, богатый и сирый...“».³⁰

Поздравляя Красовского с наступившим Новым годом, Туркус делится своим образным восприятием его коллекции и тем, какие ассоциации вызывают автографы, словно бы ожившие и «беседующие друг с другом». Наделенная богатым поэтическим воображением, художественной чуткостью и легким литературным слогом (Туркус сама пишет стихи и нередко отправляет их адресату), она, используя эпистолярный жанр, выступает в роли посредника и свободного собеседника, оставив в стороне хорошо знакомую и освоенную ею функцию музеяного архивиста, систематизатора, призванного передать как можно точнее «букву» документа. В переписке же Туркус воспроизводит «дух» коллекции, свое отношение. В ее «архивном воображении» звучат «голоса» автографов. Сухово-Кобылин — открытый и распознанный символистами — это лейтмотив писем Туркус, сосредоточенной в то время на расшифровке его завораживающего почерка, «который поглощает полностью. Привыкнув к нему, ничто другое читать не можешь. Не знаю, видел ли Блок сухово-кобылинские рукописи, знал ли о них, но догадка о том, что он „неожиданно и чудно соединил в себе Островского с Лермонтовым“³¹ — „неожиданно и чудно“, Юра, как сказано, а? — свидетельствует о глубоком проникновении Блока в загадку языка Сухово-Кобылина, запечатленную в этой паутине букв — графических виньеток. Блок „подарил“ Сухово-Кобылина своему кругу, как бы он — этот круг — ни сопротивлялся, списывая в глубокую архаику „Отжитое время“. Не вышло! Что и подтверждает коллекция Ваша. В ней недаром живет „сосед“ Сухово-Кобылина по высоким космическим — Циolkовский. Ведь его „Запись о реактивных двигателях“³² словно бы логическое про-

²⁹ Горнунг Л. В. Дневник. 1945 // Лев Горнунг. «Свидетель терпеливый». Дневники, мемуары / Подг. текста, предисловие, комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2019. С. 485.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. № 82. Л. 11 (письмо Н. И. Туркус Красовскому от 23 октября 1946 года). Туркус неточно передает монолог Муромского из третьего явления драмы «Дело», сокращает, опускает ремарки. Ср.: Сухово-Кобылин А. В. Трилогия. Свадьба Кречинского. Дело. Смерть Тарелкина. М.; Л., 1927. С. 89.

³¹ Цитата из статьи «О списке русских авторов», см.: Блок А. А. О списке русских авторов // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6. С. 139.

³² РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. № 225.

должение „Записи о самосознании“. А вот третий „сосед“ в Вашем Рукописном Пантеоне, пожалуй, шуточный Александр Митрофанович Федоров и его „Напутствие А. И. Куприну, летящему на шаре“ — „...Воздушный шар, надутый газом, / Тебя, что цвел, как олеандр, / Тебя, утратившего разум, / Умчит, Куприн. О, Александр!..“ Так что, Юра, кого там у Вас — „неожиданно и чудно“ — соединил Сухово-Кобылин? А я чем больше увязаю в нем, тем яснее понимаю, что Серебряный век вслед за Сухово-Кобылиным видел смерть и знал про смерть не понаслышке, а „смертный сон наяву“ воплотил на сцене. И здесь С<ухово>-К<обылин> „неожиданно и чудно“ связал театр и смертное пространство, показал на деле, как устроен мир иной со всеми его атрибутами, масками. Учитель. Учил, как обращаться со смертью, веселым потустороннем. Юрий Александрович, попросите у Горнунга Francis de Jourvenot, H. Micard. *Fin de siècle pièce en quatre actes.* P. Ollendorff, 1888, с сухово-кобылинскими пометами. <...> Не прогадаете...»³³

У нас нет сведений о том, выполнено ли пожелание Туркус, осуществлена ли ее наводка, однако мысль о Сухово-Кобылине, видимо отчасти ею зароненная, продолжилась и в других «маршрутах» Красовского по литературным местам, запечатленных в фотографиях 1970-х годов: среди писательских домов есть и особняк на Страстном бульваре, 9, в котором жил драматург в 1850-х годах,³⁴ а на одном из снимков Введенского кладбища в Лефортове угадывается надпись: «...предположительно склеп убитой Луизы Деманш».³⁵

Символично, что в третьем выпуске сборника «Встречи с прошлым» впервые опубликованы — с детальным комментарием Н. Б. Волковой — фрагменты дневников Сухово-Кобылина. Красовский — редактор, а рядом в том же контексте несколько его сообщений — «„Город и камни люблю...“ (Письмо В. Я. Брюсова к А. А. Коринфскому)», «„Моя вторая страсть...“ (М. Н. Тухачевский и музыка)». Одно из принципиальных высказываний здесь — статья Красовского «Архивные эксперты» — о природе архива и коллекций, его составляющих, о том, что такое «человек архива», о специфике внутренних и внешних коммуникаций с той средой, которую архив порождает.³⁶ Этот выпуск оказался последним. В 1987 году Юрий Александрович Красовский ушел из жизни. «Архивный нарратив» дает возможность проследить влияние жанров и конвенций, принятых критериях отбора, систематизации документов на процесс формирования структуры эго-документов,³⁷ отложившихся в нем, и в то же время показать, как вся инфраструктура архива, научно-справочный аппарат комплектования, архивные практики, составление коллекции могут быть прочитаны как целостный эго-документ, автобиография, память личная и память культуры, содержащая следы архивного воображения. Оркестровка рукописей, документов в личном собрании, со-поставление архива частного и архива государственного создают авторскую версию историко-литературной реальности, а обнаруженные автографы не просто бесценны: они являются тем достоверным культурным кодом, с помощью которого современный исследователь может обнаруживать сложно устроенные семантические связи в культурном наследии.

³³ Там же. № 82. Л. 17–18 (письмо Н. И. Туркус Ю. А. Красовскому от 18 ноября 1946 года).

³⁴ Красовский Ю. А. Фотографии домов в Москве, в которых жили С. Т. Аксаков, В. Я. Брюсов, М. Ю. Лермонтов, К. Ф. Рылеев, А. Н. Скрябин, С. М. Соловьев, К. С. Станиславский, В. И. Суриков, А. В. Сухово-Кобылин и др. // РГАЛИ. Ф. 3265. Оп. 1. № 143. Л. 28.

³⁵ Красовский Ю. А. Фотографии могил и памятников деятелей литературы и искусства и др. на Ваганьковском, Введенском, Новодевичьем и др. кладбищах в Москве // Там же. № 142. Л. 63.

³⁶ Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 3. С. 19–47, 69–73, 220–224, 398–407.

³⁷ Ромашова М. В. «Мой многострадальный дневник»: как эго-документ становится архивным документом (случай пермской общественницы Валентины Соколовой) // Эго-Документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах. М.; Екатеринбург, 2021. С. 255–270.

ПУШКИНДОМЦЫ В БОРЬБЕ ЗА БУНИНСКОЕ НАСЛЕДСТВО. К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧЕНЫХ И СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ В 1960-е ГОДЫ

Интерес ученых Пушкинского Дома к личности и творчеству Ивана Алексеевича Бунина, к судьбе его архива и мемориальных предметов проявился еще при жизни В. Н. Буниной. В октябре 1960 года научные сотрудники ИРЛИ Л. Н. Назарова, Т. П. Голованова и Е. И. Кийко навестили в Париже В. Н. Муромцеву-Бунину и Л. Ф. Зурова.¹ Встреча была теплой, жена писателя показала его кабинет, подарила несколько фотографий. Назарова впоследствии делилась своими впечатлениями: «...наглядно проступала нужда во всем, чего касался глаз. Вера Николаевна и не скрывала этого: пенсии, на которую они жили вместе с Л. Ф. Зуровым, не хватало, проблемой были даже почтовые марки для переписки с друзьями».² Между участниками встречи завязалось дружеское общение. «Мы переписывались, старались помочь, чем могли — словом участия, посыпками интересующих ее статей и книг. Однажды послали с кем-то из отъезжающих буханку ржаного хлеба, — вспоминала Назарова. — Мы хлопотали и об увеличении пенсии Вере Николаевне, обратились с письмом о положении вдовы Бунина в Союз писателей...».³

Людмила Николаевна Назарова (1910–2005), историк русской литературы, библиограф и мемуарист, проработала в ИРЛИ более тридцати лет, с 1960 года возглавляла Тургеневскую группу. Она проявляла интерес к литературе эмиграции, вела переписку со многими деятелями русского зарубежья. Несомненна ее заслуга в возвращении в российское пространство запрещенных в советское время имен. Вернувшись из Франции, Назарова предприняла ряд важных шагов. Предметом ее заботы стали трудное материальное положение Буниной, издание ее книг в СССР и судьба архива писателя. Эти вопросы она обсуждала с И. Л. Андрониковым, Л. И. Раковским, И. С. Соколовым-Микитовым: «Ираклий Луарсабович обещал поговорить в Гослитиздате о переиздании „Жизни Бунина“ и сходить к Фурцевой относительно архива Бунина и положения Веры Николаевны <...> 1 декабря на Ученом совете я расскажу о поездке и о Вере Буниной и архиве, а Кийко покажет кинопленку нашей поездки».⁴

В письме к министру культуры Е. А. Фурцевой от 27 ноября 1960 года (см. Приложение 1) Назарова выражает опасения за сохранность рукописного наследия классика, поскольку его вдова — престарелый больной человек; обращает внимание на ее бедность и ставит вопрос о возможности возвращения Буниной и Зурова на родину. Благодаря ходатайству Назаровой пенсия Буниной в феврале 1961 года была увеличена. Зуров рассказывал: «...я прочел Вере Николаевне письмо Людмилы Николаевны, обрадовал ее, она улыбнулась. Прочел ей письмо Виктора Андроновича <Мануйлова>, и это было большое утешение!»⁵

¹ См.: Голованова Т. П., Назарова Л. Н. 1) В парижской квартире Буниных // Лит. наследство. 1973. Т. 84. Кн. 2. С. 440–444; 2) Парижские встречи с далеким и недальным прошлым // Бунинский сборник. Материалы науч. конф., посвященной столетию со дня рождения И. А. Бунина. Орел, 1974. С. 295–307; Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 261–265.

² Голованова Т. П., Назарова Л. Н. В парижской квартире Буниных. С. 441.

³ Там же. С. 442.

⁴ Письмо Л. Н. Назаровой к Л. Н. Афонину от 27 ноября 1960 года // ИРЛИ. Ф. 851 (Архив Л. Н. Назаровой). Научно-техническая обработка фонда не закончена, поэтому номера единиц хранения и листов при ссылке на него не приводятся.

⁵ «Сердца открылись...»: Переписка Л. Ф. Зурова и Л. Н. Назаровой (1960–1971) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. М. Любомудрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020. С. 610.

Переписывались с Буниной также В. А. Мануйлов и П. П. Ширмаков. В письме от 13 ноября 1960 года Мануйлов предложил ей прислать рукопись новой мемуарной книги («Беседы с памятью») и несколько бунинских рассказов, надеясь организовать их публикацию в России. (Книга, как ответила вдова писателя, еще не готова, и напомнила, что ее мемуары «Жизнь Бунина» планировал переиздать в Москве А. К. Бабореко,⁶ но ему не позволили это сделать). В завершение того же письма Мануйлов задает «смелый и очень важный вопрос: не хотели бы Вы вернуться в Советский Союз?» — и заверяет, что в случае согласия будет сделано «все необходимое».⁷

Известно, что с 1956 года Вера Николаевна начала по частям передавать материалы архива в Советский Союз. Они попадали в специальную комиссию при Союзе писателей, а оттуда — в различные московские хранилища.⁸ Однако, по свидетельству советника посольства во Франции В. И. Ерофеева, «у нее была идея, чтобы в Пушкинском Доме в Ленинграде был отдел Бунина (а она приезжала бы в СССР и наблюдала за его работой)».⁹

Всем этим планам не суждено было осуществиться: 3 апреля 1961 года Бунина скончалась. Владельцем бунинского наследия стал Зуров. Сотрудники Пушкинского Дома старались поддержать оставшегося в одиночестве литератора, присыпали подарки. В ходе эпистолярного общения у них сложились самые дружеские, доверительные отношения. В силу открытого характера, душевной доброты Зуров быстро сближался со своими корреспондентами.¹⁰

Как только Зуров стал обладателем бунинских вещей и архива, к нему стали поступать предложения разных лиц и учреждений об их передаче в Советский Союз. В обсуждение этой темы постепенно оказались втянуты десятки фигур и организаций, а сами переговоры, окончившиеся безрезультатно, растянулись почти на десять лет. Главной причиной неудачи стала позиция высших партийных органов, не пожелавших поддержать приобретение меморий.¹¹

Весьма интересны подробности истории, в которых раскрываются дела и облик представителей российской научной и литературной элиты. И если роль Л. Н. Афонина, а также Бабореко и других столичных деятелей уже освещалась в ряде публикаций,¹² то сотрудники ИРЛИ остаются в незаслуженной тени. Между тем пушкинодомцы были самыми активными участниками кампании по возвращению наследства Бунина на родину. Известно, что одним из первых инициативу по приобретению бунинских мемориалов проявил директор Государственного музея И. С. Тургенева в Орле Афонин, — он обратился за поддержкой к руководителю Союза писателей К. А. Федину и к министру культуры Фурцевой. Однако побудила его к составлению этих писем именно Назарова. Двух ученых объединял давний интерес к тургеневской

⁶ Бабореко Александр Кузьмич (1913–1999) — литературовед, текстолог, исследователь жизни и творчества Бунина. Начиная с 1956 года переписывался с Буниной, а затем и с Зуровым, который хотел, чтобы для получения наследия Бунина к нему прибыл именно этот ученый. Историю своей несостоявшейся поездки в Париж он описал в книге: Бабореко А. К. Дороги и звонь: Воспоминания, письма. М., 1993. С. 98–109.

⁷ ИРЛИ. Ф. 713. Архив В. А. Мануйлова. Научно-техническая обработка фонда не закончена, поэтому номера единиц хранения и листов при ссылке на него не приводятся.

⁸ Бунинские материалы в архивах Советского Союза // Лит. наследство. Т. 84. Кн. 2. С. 448.

⁹ См.: Иванова Гладильщикова Н. Детективная история с открытым финалом. Как вернулись в Россию архив Ивана Бунина // Известия. 2001. 12 янв. № 3 (25841). С. 11.

¹⁰ Многолетняя дружеская переписка связывала Зурова с еще одним пушкинодомцем — Владимиром Ивановичем Малышевым (1910–1976), археографом, историком древнерусской литературы, основателем Древлехранилища в ИРЛИ. См.: «Знаю, что вы любите древний Псков»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева (1957–1971) / Предисловие, подг. текста и комм. А. М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М., 2016. С. 441–517.

¹¹ См.: Бабореко А. К. Дороги и звонь. С. 98–109. Новые факты приведены в публикации: Максименков Л. Битва за Бунина. Как советские власти готовили возвращение живого классика в Россию // Огонек. 2020. № 42. С. 38–40.

¹² Бабореко А. К. Дороги и звонь. С. 98–109; Костомарова И. А. Судьба парижского архива И. А. Бунина // Тургеневский ежегодник 2016–2017. Орел, 2018. С. 352–362.

и бунинской теме, многолетняя дружеская переписка. Назарова, можно сказать, курировала своего орловского коллегу, составляя программу действий и призывая его к большей решительности: «Напишите-ка еще раз К. А. Федину и затем Е. А. Фурцевой. <...> „И капля камень точит“, а Вы ведь и не капля, а директор музея! Крепко жму Вашу руку!»¹³ Афонин, как прилежный ученик, выполнял задания, копии своих обращений присыпал Назаровой, получая ее одобрение.

Видя, что дело не движется, Назарова сама обращается за содействием к известным ленинградским литераторам, Андроникову и Раковскому, а также к директору Гослитмузея Н. Ф. Пияшеву. О предпринятых ими шагах она информирует и Зурова, и Афонина. В декабре 1961 года пишет в Париж: «К сожалению, Л. Н. Афонин до сих пор не получил ответа на свое письмо в Министерство культуры СССР. Он собирается написать в самые высокие инстанции... Л. И. Раковский также не получил письма-ответа от К. А. Федина. <...> Дорогой Леонид Федорович, только не подумайте, что мы ничего не предпринимаем и не делаем в отношении вещей И. А. Бунина. Мне трудно объяснить это в письме, но поверьте, что все это не так легко выполнить, как это, может быть, кажется Вам».¹⁴ Видя безрезультатность попыток достучаться до чиновников, Назарова советует Афонину пойти на крайнюю меру: «Мне кажется, дорогой Леонид Николаевич, что Вам следовало бы теперь обратиться (по поводу бунинских вещей) непосредственно к Н. С. Хрущеву и одновременно в ЦК с жалобой на то, что Министерство культуры до сих пор ничего не ответило на Ваше заявление <...> Л. Ф. Зуров очень надеется именно на Вас!»¹⁵ Генеральному секретарю компартии Афонин не написал, но в Москву съездил и поделился с Назаровой и Мануйловым своими впечатлениями от встреч с партийными функционерами.

Соратником и единомышленником Назаровой в попытках получить бунинский архив стал ее старший коллега и друг, к тому времени авторитетный ученый Виктор Андроникович Мануйлов.¹⁶ Он прекрасно понимал ценность наследия нобелевского лауреата и вскоре после кончины Буниной предложил Зурову передать архив в Рукописный отдел Пушкинского Дома: «Это было бы самое верное и достойное место хранения и изучения. Сейчас на месяц уехал в Париж академик Михаил Павлович Алексеев.¹⁷ В Посольстве, конечно, знают его парижский адрес. Может быть он обратится к Вам сам, а м^{ожет} б^{ыть} Вы сообщите ему, если захотите встретиться, чтобы выяснить вопрос о материалах Веры Николаевны».¹⁸ И такая встреча состоялась. Летом 1961 года Алексеев во время своей командировки в Париж навестил Зурова, передал ему подарки от сотрудниц Пушкинского Дома. Он помог в перевозке обстановки бунинских комнат в хранилище, а также привез в институт фотографии интерьера квартиры. Зуров отзывался о его визите: «Михаил Павлович Алексеев всех очаровал».¹⁹

В начале 1960-х годов Мануйлов постоянно запрашивает Зурова о том, как обстоит дело с передачей вещей, разбором архива, и обещает свою помощь. Так, в письме от 13 марта 1962 года сообщает: «...принял самые энергичные меры. Связался с директором Орловского музея Л. Н. Афониным. Завтра он уезжает в Москву с рядом решительных писем в весьма авторитетные инстанции и добьется того, что завещанные Советскому Союзу вещи Ивана Алексеевича будут отправлены нашим посольством для помещения их в Орловском музее. Прошу Вас держать меня в курсе всех дальнейших

¹³ Письмо Л. Н. Назаровой к Л. Н. Афонину от 2 ноября 1961 года // ИРЛИ. Ф. 851.

¹⁴ «Сердца открылись...». С. 620.

¹⁵ Письмо Л. Н. Назаровой к Л. Н. Афонину от 3 января 1962 года // ИРЛИ. Ф. 851.

¹⁶ В 1960-е годы ИРЛИ не был основным местом работы Мануйлова, но называть его «пушкинодомцем» можно с полным правом: в общей сложности ученый проработал в институте более десяти лет, в годы блокады спасал музейные, архивные ценности и само здание Пушкинского Дома, постоянно сохранял тесные научные связи с ИРЛИ и участвовал в его изданиях.

¹⁷ Литературовед, академик АН СССР, зам. директора ИРЛИ по научной работе, Алексеев летом 1961 года был командирован во Францию для ознакомления с архивами Тургенева.

¹⁸ Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. А. Мануйлова (1961–1967) // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 132.

¹⁹ «Сердца открылись...». С. 613.

событий. Если будет какая-либо еще задержка, извещайте меня немедленно».²⁰ На следующий же день Зурову отправляет письмо и Назарова: «...приехал Леонид Николаевич Афонин и сообщил мне, что получил письменный ответ на свои обращения в Министерство культуры СССР. Ему написали, что советское посольство в Париже согласно отправить вещи И. А. Бунина в г. Орел для музея И. С. Тургенева, а Л. Ф. Зуров согласен передать их в посольство. Л. Н. Афонин будет сам писать Вам об этом. <...> Возвращаясь снова к вопросу о вещах И. А. Бунина, я хотела еще сообщить Вам о том, что Н. Ф. Пияшев,²¹ которому я написала подробное письмо, ответил мне 17.1.62 г., что „отоспал в посольство письмо, но, что из этого выйдет, аллах ведает“ Я его просила мне сообщить, когда будут известия, но пока ответа нет».²²

Фраза «ответа нет» все чаще звучит в переписке. Настроения, возобладавшие во властных инстанциях по отношению к Зурову, наблюдал Афонин во время своей поездки в Москву. Он подробно изложил их в письме к Мануйлову²³ от 19 марта 1962 года: чиновники из аппарата ЦК говорили о корыстолюбии Зурова и малоценностии архива, опираясь на сведения Л. В. Никулина,²⁴ и Афонин приложил немалые усилия, пытаясь их переубедить. Ему обещали, что от Союза писателей в советское посольство в Париж будет направлена телеграмма с просьбой ускорить приобретение вещей, но это был откровенный обман. Из Союза писателей в Париж ушел документ совсем иного содержания — записка секретаря правления Союза писателей К. В. Воронкова советскому послу во Франции С. А. Виноградову от 4 апреля 1962 года. Воронков, отвечавший за идеологические вопросы и курировавший переговоры о бунинском наследстве, рекомендовал посольству не выплачивать никаких денег Зурову — на том основании, что Зуров якобы ведет «тактику различных домогательств и попыток сбыть нам ненужные вещи».²⁵

Не посвященный в суть этих интриг, Зуров шлет в Пушкинский Дом обнадеживающие письма: «Благодаря Вам, — пишет он Мануйлову 14 апреля 1962 года, — дело сдвинулось с мертвой точки. У меня был представитель культурного отдела посольства Пастухов, долго со мной беседовал. Спросил, каковы мои условия, просил меня составить подробную опись не только находящихся на складе вещей, но и хранящихся у меня, и подготовить вещи для передачи, сказал, что через 2 недели он мне позвонит. Этот срок уже прошел, но звонка еще не было. Отложив все дела, я взялся за составление подробных описей. Копии Вам посылаю».²⁶

Звонка так и не последовало. Очередные переговоры вновь закончились ничем. Однако Мануйлову удалось добиться от Зурова составления описи бунинских меморий. Эту подробную опись вместе с планом квартиры ученым получил в апреле 1962 года и благодарил корреспондента: «План будет сфотографирован, опись перепечатана,

²⁰ Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 146.

²¹ Николай Федорович Пияшев (1923–2004) в 1960–1966 годах был директором Гослитмузея. В письме к Зурову от 16 июня 1961 года он предлагал передать в музей все наследие Бунина, включая вещи, мебель, рукописи и книги: «У нас это все может сохраниться, а у Вас в Париже может затеряться и в конце концов пропасть» (Архив Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (далее — ДРЗ). Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 91. Л. 24).

²² Письмо Л. Н. Назаровой к Л. Ф. Зурову от 14 марта 1962 года // «Сердца открылись....». С. 623.

²³ ИРЛИ. Ф. 713.

²⁴ Писатель Лев Вениаминович Никулин (1891–1967) неоднократно бывал за границей, встречался с Буниной и Зуровым, вел переговоры о приобретении архива. Неоднозначная роль Никулина в «бунинском деле» очерчена, в частности, в публикации В. Хазана: «Ваше письмо... меня очень, очень тронуло»: Переписка С. Ю. Прегель с Л. В. Никулиным и П. Л. Вячеславовым / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. В. Хазан // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. В Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М., 2015. С. 405–407.

²⁵ Черниговский Д. Е. «Советская хроника» Ивана Бунина // Рощин М. М. Иван Бунин. М., 2000. С. 325–326.

²⁶ Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 148.

и все эти материалы я передам в Пушкинский Дом и Л. Н. Афонину в Орловский музей. Это представляет несомненную ценность. Л. Н. Афонин ждет не дождется все эти вещи поместить в специальной бунинской комнате в Орловском литературном музее. Покажите это мое письмо товарищам из нашего посольства, конечно, если в этом будет необходимость. <...> Союз писателей, „Литературная газета“ давно следят за этим делом, и всем нам непонятно и неприятно, что дело так затянулось. Министерство культуры давно уже сообщило Министерству иностранных дел свое мнение о том, что эти вещи, завещанные Советскому Союзу, в самое ближайшее время должны быть перевезены в Орел. Поэтому смело и решительно напоминайте работникам посольства о необходимости срочно довести дело с бунинскими вещами до конца». ²⁷

Пересылая описание Афонину, Мануйлов говорит о потенциальной ценности каждого предмета: «Конечно, много бытового мелкого мусора на первый взгляд нет необходимости мемориально консервировать. Но, как знать, может быть все это через несколько лет уже приобретет большую историко-бытовую ценность и понадобится комментаторам текстов Бунина и историкам быта. Вот почему не только плед Бунина, но и старые ассигнации могут пригодиться, если будут заботливо сохранены в фондах. Пользуясь этой описью, немедленно пишите в Министерство культуры и просите, чтобы посольство препроводило Вам все, а Вы уж разберетесь на месте». ²⁸

Спустя год после того, как Зуров стал владельцем наследия, передача меморий так и не началась. Настроение у всех заинтересованных лиц падает. Афонин сетует на «мучительно-нелепую историю с бунинскими вещами», и Мануйлов уже не столь оптимистичен, как прежде: «С большим нетерпением жду известий о судьбе вещей Ивана Алексеевича. Если их до сих пор не взяли, то уж, видно, никакие экстра-меры, принятые нами, не в силах сдвинуть с мертвой точки решение этого, казалось бы, простого вопроса». ²⁹ В письмах ученого находим весьма справедливое суждение: «Есть ли какое-либо движение с отправкой вещей квартиры Ивана Алексеевича? Сделано все возможное. Если и теперь движения не будет, Вы, думается мне, имеете полное моральное право поступать по своему усмотрению». ³⁰ «Движения» не случилось до самой кончины Зурова, и поэтому он считал себя вправе не менять завещания, согласно которому и бунинское, и его собственное литературное наследие переходило к доценту Эдинбургского университета М. Э. Грин. ³¹

Впечатлительного, душевно ранимого Зурова эта многолетняя обширная переписка изматывала, приводила к неврозам и депрессии. Он часто жалуется своим адресатам: «Меня утомил разнобой. Я все время пытаюсь объединить людей, занятых бунинскими делами. Пастухов, а об этом я уже писал Вам, сказал мне, что бунинские вещи решено взять. Он тогда же спросил меня: „каковы ваши условия?“ На этот вопрос я ему дал ясный и точный ответ. Надеюсь, что Пастухов известил обо всем К. В. Воронкова, с которым связан А. К. Бабореко. Л. Н. Афонин ведет переписку с Бабореко?» ³²

В переписке Мануйлова с Зуровым открылось обстоятельство, которое для ученого стало новостью. Долгое время он полагал, что Зуров — лишь посредник в деле передачи наследия, которое Бунина завещала Советскому Союзу. Но Зуров уточнил: во-первых, Бунина завещала вещи и архив лично ему, во-вторых, речь идет не о безвозмездной передаче, а о получении денежной компенсации, в том числе за понесен-

²⁷ Там же. С. 151.

²⁸ Архив Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева (ОГЛМТ). Ф. 14. Ед. хр. 5788/18 оф. Л. 43. При жизни Зурова вещи Бунина так и не были приобретены Советским Союзом. Они оказались в орловском музее много лет спустя благодаря доброй воле Н. В. Кодрянской и М. Э. Грин.

²⁹ Письмо В. А. Мануйлова к Л. Ф. Зурову от 13 апреля 1962 года // Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 148.

³⁰ Письмо В. А. Мануйлова к Л. Ф. Зурову от 7 апреля 1962 года // Там же. С. 147.

³¹ Завещание Зурова опубл.: Белобровцева И. З. Леонид Зуров. В тени Бунина. М., 2020. С. 188.

³² Письмо Л. Ф. Зурова к В. А. Мануйлову от 29 мая 1962 года // Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 155.

ные Зуровым расходы. Мануйлов откровенен: «...дело несколько усложняется, тут нужны ассигнования, а получить их сейчас не так-то просто».³³ Однако в 1962 году Союз писателей все-таки переслал в советское посольство 12 000 франков для приобретения и пересылки вещей Бунина в Россию.³⁴ Этот факт остался неизвестным участникам описываемой истории. Зуров так и не получил ни франка.

Между тем к архиву проявила интерес, видимо, под нажимом Назаровой и других коллег, и дирекция Пушкинского Дома. Любопытную информацию обнаруживаем в письме Назаровой к Афонину от 16 апреля 1962 года: «Наш директор (А. С. Бушмин), кажется, решил (наконец-то!) начать хлопоты о рукописях И. А. Бунина. Он ждет официального отношения от Зурова, которому мы об этом сообщили».³⁵ Но такого отношения не последовало.

К переписке о бунинском наследстве подключился еще один сотрудник ИРЛИ, Павел Петрович Ширмаков.³⁶ В письме к Зурову от 3 октября 1962 года он интересуется ходом переговоров с Москвой касательно парижского архива и в случае неуспеха предлагаает передать его Пушкинскому Дому (см. Приложение 2). Эту же тему Ширмаков развивает в следующих посланиях от 6 декабря 1962-го и 13 февраля 1963 года.³⁷ Реакция Зурова разочаровала пушкинодомцев. «А теперь о бунинских делах, — делятся Назарова с Афониным в письме от 25 ноября 1962 года. — К сожалению, Л. Ф. Зуров отозвался на письмо-запрос научного сотрудника нашего Рукописного отдела (П. П. Ширмакова) лишь тем, что прислал ему какой-то свой оттиск (статью). Ширмаков же каким-то косвенным путем узнал, что Зуров ждет приезда в Париж Бабореко и, очевидно, не хочет пока вести какие бы то ни было переговоры с Пушкинским Домом. Ужасно грустно, что все это дело таким сложным и запутанным сделалось...».³⁸

Назарова была совершенно права. Действительно, Зуров рассчитывал на приезд Бабореко, которому хотел доверить и разбор, и приобретение архива. Кстати, Мануйлов поначалу настороженно отнесся к личности и миссии этого литературоведа, но, обменявшись с ним письмами, увидел в нем порядочного и достойного единомышленника. Один из первых советских буниноведов, Бабореко был хорошо знаком Буниной и Зурову, вел с ними обширную переписку. На протяжении двух лет он обнадеживал Зурова известиями о своем скором приезде, поэтому тот не стремился обсуждать тему архива с кем-то иным. Но поездку ученому так и не разрешили, вместо него во Францию командировали писателя В. Н. Ажаева, миссия которого окончилась полной неудачей.³⁹

Между тем свои обещания Зурову «оказать нажим в этом деле» Мануйлов выполнил, предприняв два важных шага. В письме от 23 сентября 1962 года он обратился к первому секретарю Союза советских писателей Федину, где затронул тему архива: «Есть еще один — третий сюжет, который меня давно и очень волнует. Никак не удается добиться, чтобы были перевезены из Парижа дневники, записные книжки, прочие рукописи и личные вещи Ивана Алексеевича Бунина, находящиеся сейчас в ведении Л. Ф. Зурова. Я все время переписываюсь и с Зуровым, и с Б. К. Зайцевым. В свое время переписывался с В. Н. Буниной. У меня есть опись того, что там находится. Мне представляется, что товарищи, занимающиеся этим делом в Министерстве культуры СССР и в нашем посольстве, не совсем справедливо относятся к Л. Ф. Зурову и не в полной мере используют свои возможности, чтобы не упустить эту часть наследия Бунина. Если рукописи нужны нашим литературным архивам, то вещи нужны Орловскому Литературному музею (директор Леонид Николаевич Афонин). Дело движется

³³ Письмо В. А. Мануйлова Л. Ф. Зурову от 6 июня 1962 года // Там же. С. 158.

³⁴ Черниговский Д. Е. «Советская хроника» Ивана Бунина. С. 328.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 851.

³⁶ Ширмаков Павел Петрович (1919–1994) — кандидат филологических наук, в 1953–1975 годах — сотрудник Пушкинского Дома. Работал в Рукописном отделе, занимался разбором и комплектацией архивов советских писателей.

³⁷ ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 121.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 851.

³⁹ Подробнее об этом см.: Бабореко А. К. Дороги и звоны. С. 108; Максименков Л. Битва за Бунина. С. 38–40.

очень медленно и есть опасность, что все это наше и только наше в конце концов уйдет в США. Если это дело Вас заинтересует, готов предоставить в Ваше распоряжение мою переписку с Зуровым, из которой ясно видно, что больше года он никак не может добиться, чтобы все, остававшееся в квартире Бунина, попало бы наконец в СССР. Пишу пока об этом вкратце, опасаясь замучить Вас всеми этими моими горестями. А их у меня немало». ⁴⁰ В ответном письме Федин, морально поддержав Мануйлова, попросил его выслать материалы на имя секретаря Союза писателей Воронкова — куратора «бунинского дела», который, судя по его официальным запискам, был настроен по отношению к Зурову весьма скептически, если не сказать враждебно.⁴¹

Спустя год В. Мануйлов вновь спрашивает Зурова: «...каковы Ваши дальнейшие намерения, если до сих пор вещи на сохранении и нет движения с их перевозом в СССР? Какие условия Вы сейчас ставите, и как велика сумма, накопившаяся за это время, денег, уплаченных Вами за хранение? Все это мне нужно знать, чтобы еще раз поставить вопрос о перевозе вещей и материалов Ивана Алексеевича в Советский Союз в Министерстве культуры СССР и в других, не менее авторитетных инстанциях».⁴²

Авторитетной инстанцией, в которую обратился ученый, был Центральный комитет КПСС. В конечном итоге именно там принимались важные решения, в том числе по вопросам науки и культуры. С требованиями приобрести бунинское наследие обращались в ЦК не только Афонин и Бабореко, но и влиятельные литераторы А. Т. Твардовский, А. А. Прокофьев, Л. И. Раковский. Примечательно, что ЦК направил запрос в Пушкинский Дом. Об этом сообщает Назарова в письме Афонину от 30 мая 1963 года: «Дирекция наша на днях получила запрос от Ильичева о том, стоит ли покупать архив И. А. Бунина. Наш сотрудник (из Рукописного отдела) подготовил ответ, кратко охарактеризовав парижские рукописи Бунина, и за подпись членов дирекции он отправлен в Москву. Вероятно, Вам следовало бы сделать то же самое относительно вещей И. А. Бунина, т. е., не дожидаясь даже запроса Ильичева, поставить перед ним этот вопрос».⁴³

19 декабря 1963 года Мануйлов отправил письмо секретарю ЦК Л. Ф. Ильичеву (см. Приложение 3).⁴⁴ Это яркий документ, мужественный шаг: ученый прямо возлагает ответственность за остановку переговоров на советские органы. Подробно изложив историю дела, он отвергает мнение о корыстных намерениях Зурова и настаивает на принятии мер к тому, чтобы «как можно скорее благополучно закончилась затянувшаяся печальная история с вещами и материалами И. А. Бунина». Ответа на письмо не последовало.

Несмотря на обращения Твардовского и других маститых литераторов, представителей научной и культурной элиты, те идеологические органы, от которых зависел исход дела, снова и снова тормозили переговоры с Зуровым. Показателен недавно опубликованный документ из партийных анналов — решение Идеологического отдела ЦК КПСС от 19 марта 1963 года. Рассмотрев предложение Федина о приобретении рукописей Бунина, комиссия отклонила его: «Архив находится у белоэмигранта Л. Ф. Зурова. Как выяснилось, Л. Ф. Зуров настроен враждебно к СССР, а имеющиеся у него архивные материалы не представляют большой ценности». Решение подписано влиятельными партийными чиновниками — А. В. Романовым, Д. А. Поликарповым и И. С. Черноуцаном.⁴⁵

⁴⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 440. Оп. 2. Ед. хр. 355. Л. 3.

⁴¹ Ответ Федина Мануйлов привел в своем письме к Зурову от 27 ноября 1962 года (Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 163–164).

⁴² Письмо В. А. Мануйлова к Л. Ф. Зурову от 28 октября 1963 года // Там же. С. 157.

⁴³ ИРЛИ. Ф. 851.

⁴⁴ Ильичев Леонид Федорович (1906–1990) — партийный деятель. В 1958–1961 годах — зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС; в 1961–1965 — секретарь ЦК и председатель Идеологической комиссии ЦК; в 1965–1989 — зам. министра иностранных дел СССР. Академик АН СССР (1962). Автор работ по диалектическому и историческому материализму, внешней политике и международным отношениям.

⁴⁵ Цит. по: Максименков Л. Битва за Бунина. С. 39.

Для номенклатуры Бунин по-прежнему оставался идеологически чуждым писателем. В конце 1964 года советская сторона окончательно отказалась от приобретения бунинского наследия. Но эта тема вновь возникает в переписке частных лиц. Корреспонденты Зурова не теряют надежды, вынашивают совместные планы новых акций. Инициативу проявляют Бабореко и Афонин, Мануйлов ее поддерживает. В поисках новых влиятельных союзников Бабореко обращается к Мануйлову: «Глубокоуважаемый Виктор Андроникович! Сегодня я встретился с Вадимом Андреевичем Сафоновым,⁴⁶ говорили об архиве Бунина. Вадим Андреевич согласился с тем, что надо обратиться с письмом в ЦК КПСС — от имени видных деятелей литературы. Я заготовлю письмо на имя Л. И. Брежнева — краткое, с изложением сути дела, и пришлю его Вам. Попытаюсь получить подписи Федина и Твардовского. К вам просьба: заручитесь поддержкой видных ленинградских писателей и ученых».⁴⁷

Вскоре после этой беседы Сафонов сообщил Мануйлову: «Я не забыл о бунинских делах. Дело это вопиющее. Вчера говорил с Косолаповым⁴⁸ и с редактором нового собрания сочинений Бабореко. Они не находят слов. Считают, что время не ждет — можем навсегда упустить бесценное. Говорил с Никулиным. Говорить с ним *нечего*. Буду говорить в Союзе, в „Известиях“, вплоть до ЦК. Что выйдет — не знаю. Старания Никулина (и Ажаева!) были весьма энергичны. Мы вот что решили. Организовать письмо видных писателей — москвичей, ленинградцев, по Ленинграду — при Вашем содействии. Бабореко будет Вам писать. Это необходимо сделать — наш общий долг. Во всяком случае — сделать, что можем. Орловский музей (если не Пушкинский Дом) мечтает о кабинете Бунина («стулья», «рухлядь» — по Никулину). Крепко жму Вашу руку!»⁴⁹

Мануйлов выразил согласие помочь со сбором подписей, выслал Сафонову и Бабореко копии своего письма к Ильичеву. Но новых обращений ученых в высшие инстанции уже не последовало. О неутешительных результатах этих проектов Мануйлов написал Зурову 1 сентября 1965 года: «Недавно в Коктебеле я виделся с В. А. Сафоновым. Он мне рассказал о беседах с В. Ажаевым и с А. К. Бабореко. Общими силами мы предприняли недавно еще одну попытку сдвинуть с мертвоточки вопрос о получении вещей и материалов Ивана Алексеевича, но, как ни трудно этому поверить, дело это сноса и снова увязает в непонятном болоте».⁵⁰

После 1965 года вопрос о бунинском наследии в переписке Зурова с пушкинодомцами возникает редко. В письме к Мануйлову от 12 февраля 1967 года Зуров жалуется на новые туманные, расплывчатые обещания Бабореко приобрести мемориальные вещи.⁵¹ Получив это письмо, Мануйлов делится с Афониным: «Я полагаю, что такие безответственные и общие ни к чему никого не обязывающие фразы могут Зурова в его бедственном положении только безмерно раздражать и выводить из себя. Либо надо эти разговоры кончать и признаться, что мы бессильны получить нам принадлежащие и нам завещанные вещи, или наконец возместить расходы, понесенные Зуровым за их хранение, и взять их в СССР. Просто неприличная, позорная история. <...> После того, что я подробно писал Ильичеву и даже не получил ответа, я уже никуда больше обращаюсь не хочу».⁵²

⁴⁶ В. А. Сафонов (1904–2000) — прозаик, автор около сорока книг; лауреат Сталинской премии третьей степени (1949), Гос. премии СССР (1979).

⁴⁷ Письмо А. К. Бабореко к В. А. Мануйлову от 1 июля 1965 года // ИРЛИ. Ф. 713.

⁴⁸ Косолапов Валерий Алексеевич (1910–1982) — главный редактор «Литературной газеты» (1960–1962) и журнала «Новый мир» (1970–1974), глава издательства «Художественная литература». Поддерживал необходимость получения архива в ряде высших советских инстанций. По совету Бабореко к нему обратился с письмом (от 22 января 1962 года) и сам Зуров, подробно изложив историю переговоров (Русский архив Лидского университета (РАЛ). MS. 1068/3331).

⁴⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 440. Оп. 2. Ед. хр. 1662. Л. 1 об. — 2. Курсивом выделен подчеркнутый автором текст.

⁵⁰ Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 171.

⁵¹ См.: Письмо Л. Ф. Зурова к В. А. Мануйлову от 12 февраля 1967 года // Там же. С. 176.

⁵² Письмо В. А. Мануйлова к Л. Н. Афонину от 21 февраля 1967 года // ИРЛИ. Ф. 713.

Попытки получить архив предпринимались и позже, но уже со стороны редакторов бунинского тома «Литературного наследства», для которого Зуров прислал ряд материалов. В переписке с Зуровым 1969–1970 годов А. Н. Дубовиков и С. А. Макашин постоянно возвращаются к теме бунинского наследия, убеждают его хранителя в том, что оно должно попасть на родину писателя. Однако к тому времени Зуров окончательно отказался от идеи передать архив в СССР. Зайцев писал Назаровой в 1967 году: «...опасаемся, как бы это все просто не пропало у него — ни в Россию, ни в Америку он отдавать не хочет, а все мы под Богом ходим, ему за шестьдесят перевалило, и порядочно». ⁵³ В итоге архив и вещи Буниных после кончины Зурова, последовавшей в 1971 году, перешли к Грину.⁵⁴

Мечта жены писателя о создании Бунинского отдела в Пушкинском Доме не осуществилась. Итог многих усилий подвел Мануйлов: «Это одно из самых грустных дел, которыми мне когда-либо приходилось заниматься».⁵⁵

Отдадим должное настойчивости, энергии, целеустремленности и известной смелости, с которой сотрудники ИРЛИ вели многолетние переговоры как с владельцем архива, так и с функционерами, чиновниками и партийной номенклатурой, доказывая ценность наследия нобелевского лауреата и добиваясь, чтобы оно оказалось на его родине.

Ниже публикуются письма из архивов ИРЛИ и ДРЗ, иллюстрирующие участие сотрудников Пушкинского Дома — Назаровой, Ширмакова и Мануйлова — в решении судьбы бунинского наследия. Первое и третье письмо печатаются по машинописным копиям, отложившимся в Рукописном отделе ИРЛИ (Ф. 713), второе — по авторизованной машинописи из архива Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына (Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 121). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам; ошибки и описки исправлены без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Л. Н. Назарова — Е. А. Фурцевой

Ленинград, 27/XI — 60 г.

Глубокоуважаемая Екатерина Алексеевна!

Недавно (в конце октября — начале ноября с. г.) во время научно-туристической поездки во Францию я познакомилась с проживающей в Париже вдовой замечательного русского писателя Ивана Алексеевича Бунина — Верой Николаевной Муромцевой-Буниной.

В советском консульстве в Париже нам сказали, что В. Н. Бунину травит реакционная русская пресса во Франции за то, что в СССР издаются произведения И. А. Бунина. Позже от сотрудников советского посольства мы узнали, что В. Н. Бунина категорически отказалась продать в Америку архив своего мужа,¹ хотя ей предлагали за него большие деньги. И нам В. Н. Бунина также подтвердила, что архив И. А. Бунина будет передан после ее смерти только в Советский Союз.

Судьба этого архива внушиает, однако, серьезные опасения. Дело в том, что В. Н. Буниной, очевидно, около восьмидесяти лет, и она часто болеет. Живет она, если говорить совершенно откровенно, в большой бедности. (В. Н. Бунина получает четыре раза в год небольшие деньги от издательств СССР, переиздающих произведения ее

⁵³ Зайцев Б. К. Собр. соч.: [В 11 т.]. М., 2001. Т. 11. С. 248.

⁵⁴ Считалось, что Зуров завещал бунинское наследие Милице Грин лишь незадолго до своей кончины. Теперь известно, что такое завещание Зуров составил еще в августе 1961 года, но об этом почти никто не знал (Белобровцева И. З. Леонид Зуров. С. 188).

⁵⁵ Письмо В. А. Мануйлова к Л. Ф. Зурову от 13 октября 1965 года // Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное». С. 172.

мужа,² — других доходов она не имеет). Скромные суммы (очевидно, это получается в результате перевода рублей на франки), получаемые ею, не могут обеспечить даже самого необходимого. Так, например, В. Н. Бунина в ее преклонном возрасте вынуждена сама стирать белье, убирать комнаты и пр. и т. п. Она призналась нам, что не в состоянии отвечать своим многочисленным корреспондентам, так как часто не имеет денег даже на почтовые расходы!

Между тем В. Н. Муромцева-Бунина является автором интересной книги «Жизнь Бунина», основанной на неопубликованных материалах из архива И. А. Бунина. Эта книга была издана в Париже в 1958 г. В СССР имеется, по-видимому, лишь несколько экземпляров этой книги, охватывающей ранний период жизни Бунина (до 1906 г.). Думается (мое мнение разделяют многие писатели и литературоведы Ленинграда, например, Л. И. Раковский, В. А. Мануйлов, Л. В. Крутикова и др.), что эту книгу следовало бы переиздать у нас, в СССР.³

А для того, чтобы обеспечить получение нами архива И. А. Бунина, лучше всего было бы предложить Вере Николаевне Муромцевой-Буниной и проживающему вместе с ней писателю Л. Ф. Зурову возвратиться на родину, в Советский Союз.

При этом были бы обеспечены, к сожалению, вероятно, уже последние годы жизни вдовы и биографа замечательного русского писателя (что бы ни писал о нем И. Эренбург!⁴) И. А. Бунина, а также сохранность для нас — советских людей — его ценного рукописного наследия.

С глубоким уважением

Л. Назарова,

старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР, кандидат филологических наук

Адрес: Ленинград, Д-25, Невский пр., д. 114, кв. 25. Назаровой Людмиле Николаевне

P. S.

Адрес Веры Николаевны Буниной: Франция, Париж 16, улица Ж. Оффенбаха, 1. M-me Bounine, 1, rue de J. Offenbach, Paris, 16, France

Ответ Л. Назаровой пришел от секретаря Правления Союза писателей Воронкова, он датирован 4 марта 1961 года:

«Уважаемая Людмила Николаевна!

В Секретариат Правления Союза писателей СССР было переслано Ваше письмо, которое Вы адресовали Екатерине Алексеевне Фурцевой.

Мы сердечно благодарны Вам за заботу о памяти замечательного русского писателя И. А. Бунина и заботу о его вдове.

Хотим сообщить Вам, что Союз писателей подробно извещен о жизни Веры Николаевны. Представители Союза писателей за последние годы неоднократно навещали ее. По нашей просьбе Правительство Советского Союза установило В. Н. Муромцевой-Буниной пенсию, а в феврале т^{екущего} г^{ода} эта пенсия была увеличена почти вдвое.

К сожалению, Ваше предложение о возвращении Веры Николаевны и Л. Ф. Зурова на родину решить сейчас не представляется возможным по многим обстоятельствам и, прежде всего, потому что Вера Николаевна и Зуров пока еще не изъявили такого желания.

С уважением К. Воронков» (ИРЛИ. Ф. 851).

¹ В последние годы жизни Бунин начал готовить свой архив для передачи на хранение Колумбийскому университету, с тем чтобы в будущем он был перемещен в Россию. По его кончине Бунина прекратила дела с Колумбийским университетом, вернула аванс и стала по частям передавать материалы в СССР (см.: Максименков Л. Битва за Бунина. С. 39).

² Начиная с 1956 года Бунина получала от Советского Союза ежемесячную пенсию в размере 70 тысяч старых франков, а также единовременные выплаты в счет гонорара за изданные в СССР произведения писателя.

³ Бунина надеялась, что ее книга «Жизнь Бунина» (Париж, 1958) будет переиздана в России. В 1960 году Бабореко предлагал ее издательству «Советский писатель», хлопотала об издании и Назарова, но печатать ее отказались. Она вышла в России только в 1989 году (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина, 1870–1906; Беседы с памятью / Сост. А. К. Бабореко. М., 1989*).

⁴ В мемуарах И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» рассыпаны нелицеприятные оценки Бунина (покинул родину «с мелкой злобой») и его книги «Воспоминания» (1950): «Бунину захотелось очернить всех писателей, правых и левых, советских и эмигрантов» (Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: В 3 кн. М., 2007. Кн. 1. С. 132–133, 384).

2. П. П. Ширмаков — Л. Ф. Зурову

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Два года тому назад в Бюллетенях Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР было опубликовано составленное мной описание рукописей и писем И. А. Бунина,¹ хранящихся в Рукописном отделе Института. Тогда же я послал Вере Николаевне оттиск описания бунинских материалов.

От Виктора Андрониковича Мануйлова, Людмилы Николаевны Назаровой и Тамары Павловны Головановой² Институту известно о давних, к сожалению, пока безуспешных Ваших переговорах с московскими архивными организациями относительно передачи парижского архива И. А. Бунина в Советский Союз. Рукописный отдел Института, как и Пушкинский Дом в целом, естественно, не могут оставаться безучастными к судьбе рукописного наследия И. А. Бунина, тем более что у нас хранится, пожалуй, наиболее значительная по сравнению с другими архивохранилищами Советского Союза часть архива И. А. Бунина.

Поэтому прошу Вас, многоуважаемый Леонид Федорович, написать мне или же заведующему Рукописным отделом Николаю Васильевичу Измайлова,³ в каком состоянии находятся сейчас Ваши переговоры с Москвой. Если они почему-либо приостановлены или же далеки от успешного исхода, прошу Вас сообщить Ваши условия передачи парижского архива И. А. Бунина Пушкинскому Дому.

Ни Рукописный отдел, ни дирекция Института, как Вы понимаете, не могут обратиться к Вам официально и начать соответствующие переговоры с вышестоящими академическими учреждениями, пока не будет получено от Вас предварительное согласие. В случае положительного ответа прошу выслать в Рукописный отдел опись хранящихся у Вас рукописей И. А. Бунина, если не подробную, то хотя бы на основные материалы.

Летом этого года Виктор Андроникович Мануйлов передал в Рукописный отдел копии плана парижской квартиры И. А. Бунина и описания мемориальных вещей писателя, любезно присланных Вами Орловскому музею.⁴ Эти материалы очень ценные для Института. Конечно же, в Орле должна быть организована мемориальная комната И. А. Бунина и, насколько я знаю энтузиазм, исключительную любовь орловцев, директора музея И. С. Тургенева Л. Н. Афонина к своему писателю-земляку, эта комната с получением мемориальных вещей будет создана.⁵

Мы в Пушкинском Доме ценим Вашу преданную и терпеливую заботу о сохранении архива и мемориальных вещей И. А. Бунина, Ваше настойчивое стремление к тому, чтобы они были переданы на Родину. Понимаем и те лишения и материальные затруднения, которые приходится Вам претерпевать, сохраняя в целости все, что связано с дорогим именем И. А. Бунина.

С глубоким почтением

научный сотрудник Рукописного отдела,
кандидат филологических наук

П. Ширмаков
3.X.62 г.

СССР, Ленинград, В-164, наб. Макарова 4. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, Павлу Петровичу Ширмакову (или Николаю Васильевичу Измайлова).

Р. С. Людмила Николаевна Назарова, Владимир Иванович Малышев и Виктор Андроникович Мануйлов просили передать Вам свои сердечные приветы и наилучшие пожелания.

¹ Имеется в виду публикация: Ширмаков П. П. Рукописи и переписка И. А. Бунина // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Вып. 8. С. 115–136.

² Голованова Тамара Павловна (1919–2004) — сотрудник ИРЛИ с 1952-го по 1979 год, специалист по творчеству Тургенева и Лермонтова. Вместе с Назаровой и Кийко встречалась с Буниной и Зуровым в 1960 году.

³ Измайлова Николай Васильевич (1893–1981) — пушкинист, текстолог. На протяжении более тридцати лет заведовал Рукописным отделом Пушкинского Дома. Был председателем текстологической комиссии и членом редколлегии академического издания Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева.

⁴ В действительности опись и план Зуров выслал в конце апреля 1962 года Мануйлову, который отправил их в Орел, а взамен получил копии, которые и отдал в Рукописный отдел ИРЛИ.

⁵ В 1957 году в музее писателей-орловцев открылся бунинский зал. Интерьер парижского кабинета Бунина был воссоздан после получения мебели, присланной Н. В. Кодрянской в дар музею в 1973 году. Кабинет стал частью экспозиции основанного в 1991 году литературно-мемориального музея Бунина.

3. В. А. Мануйлов — Л. Ф. Ильичеву

СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС
товарищу Л. Ф. ИЛЬИЧЕВУ

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

В Париже, в одной из комнат бывшей квартиры И. А. Бунина у наследника писателя Л. Ф. Зурова находится личная библиотека Бунина, его письма, дневники, записные книжки и другие рукописные материалы, а также личные вещи писателя. Кроме того, под Парижем, в Буживале, вот уже третий год в нетопленом и неприспособленном складе хранится мебель последней парижской квартиры Бунина. Все это по желанию покойного Ивана Алексеевича Бунина было завещано Советскому Союзу его вдовой Верой Николаевной Муромцевой, которая умерла в Париже 3 апреля 1961 года. Однако все эти ценные и памятные вещи до сих пор не перевезены в Советский Союз и находятся под угрозой или гибели, или продажи их американским антикварам и коллекционерам, которые предлагают Л. Ф. Зурову большие деньги. Пора положить конец недопустимой медлительности Министерства культуры СССР и Посольства СССР во Франции, перевезти бунинские материалы и вещи в Советский Союз и передать их Институту русской литературы и Государственному музею И. С. Тургенева в Орле, где имеется специальная экспозиция, посвященная писателям-орловцам, а среди них представлено и творчество И. А. Бунина.

История дела такова:

Вскоре после смерти В. Н. Буниной-Муромцевой Л. Ф. Зуров, наследник Буниных, обратился с письмом в Гос. музей И. С. Тургенева в Орле к его директору Л. Н. Афонину, в котором писал: «На моих руках остались архивы Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Вся жизнь Буниных: Вера Николаевна мечтала, что когда-нибудь будет создан и музей имени И. А. Бунина. В этот музей я хотел бы передать письменный стол Ивана Алексеевича (за которым работала потом и Вера Николаевна). Он (как и другие вещи Ивана Алексеевича) находится сейчас в нашей парижской квартире (1, rue Jacque Offenbach, Paris, 16^о)».¹

После этого директор музея И. С. Тургенева в Орле Л. Н. Афонин обратился с письмами в Правление Союза советских писателей к К. А. Федину (23 мая 1961 года) и к министру культуры СССР Е. А. Фурцевой (6 ноября 1961 и 23 декабря 1961).² В этих письмах обосновывалась необходимость срочно перевезти в Советский Союз принадлежащие ему материалы и вещи Бунина.

К. А. Федин всячески поддержал Л. Н. Афонина в ответном письме от 3 июня 1961 года, но сообщил, что этим делом должно заниматься Министерство культуры СССР, т.к. в уставе Союза советских писателей такого рода приобретения не предусмотрены, а Е. А. Фурцева поручила заняться бунинскими материалами

и вещами начальнику Отдела внешних сношений В. Степанову, который 15 февраля 1962 года сообщил Л. Н. Афонину (но не в Орел, а в Тулу!): «Мы обратились в Советское посольство в Париже с просьбой помочь литератору Л. Ф. Зурову отправить в Ваш адрес рабочую мебель писателя И. А. Бунина и его архив. Как сообщило посольство, Л. Ф. Зуров готов передать рабочую мебель писателя, и она будет отправлена в Ваш адрес». К счастью, письмо, посланное в Тулу, было переслано в Орел, Л. Н. Афонин письмом от 22 февраля 1962 года к начальнику Отдела внешних сношений уточнил адрес музея И. С. Тургенева в Орле. Казалось, что вопрос о бунинских материалах и вещах разрешен положительно. Однако с февраля 1962 года и до сих пор никакого движения в этом деле не произошло, и Посольство СССР во Франции так и не смогло организовать отправку вещей и материалов Бунина в Советский Союз, в Орловский музей или в Институт русской литературы в Ленинграде.

За вещи, хранящиеся на складе, Л. Ф. Зуров из своих весьма ограниченных средств и с помощью своих друзей, русских эмигрантов,³ платит владельцу склада вот уже третий год. Поэтому теперь Зуров, составивший подробную опись вещей, подлежащих передаче, просит уплатить ему 7500 новых франков в возмещение понесенных им расходов. Кроме того, в эту сумму входят 1310 франков — компенсация расходов, связанных с похоронами В. Н. Муромцевой-Буниной.

Для того чтобы ускорить решение затянувшегося вопроса о передаче бунинских вещей и материалов в Советский Союз, Союз советских писателей предполагал командировать в Париж А. К. Бабореко, хотя все можно было уладить через наше Посольство в Париже, но поездка Бабореко не состоялась, а Посольство ограничилось тем, что представители Посольства тов. Пастухов, а затем О. А. Поленов посетили Л. Ф. Зурова в бывшей бунинской квартире. Об этом последнем посещении Зурова советник Посольства СССР во Франции 19 апреля 1962 года писал начальнику отдела внешних сношений Министерства культуры СССР В. Т. Степанову:

«На Ваши №№ 461 от 15.2.62 и 653 от 2.3.62 г. сообщаем Вам, что во время беседы атташе Посольства Поленова О. А. с литератором Зуровым Л. Ф. у него в квартире относительно передачи мебели, личных вещей и архивов писателя Бунина И. А. выяснилось следующее.

Мебель из квартиры Бунина И. А. (шкафы, столы, кресла и др.) хранятся на складе в течение почти целого года. По словам Зурова Л. Ф., условия хранения плохие, так как склад не отапливается. Зуров Л. Ф. регулярно платит за хранение мебели.

Личные и мемориальные вещи Бунина И. А. (одежда, картины, письменные принадлежности, чемоданы, трости и др.) хранятся в квартире Зурова Л. Ф. и содержатся в плохом состоянии.

Архивы Бунина И. А. (его личная библиотека, письма и дневники) хранятся также на квартире Зурова Л. Ф. в неразобранном виде.

Зуров Л. Ф. согласен вначале продать нам мебель и личные вещи Бунина И. А., при условии, что при передаче их ему заплатят (исключая расходы на упаковку и перевозку) 7500 новых франков.

Зуров Л. Ф. согласен составить список вещей с краткой их характеристикой, приложить к нему план и фотографии квартиры Бунина И. А. и передать все по списку квалифицированному специалисту, который бы принимал вещи, следил за упаковкой и отправкой.

Зуров Л. Ф. отказался принять 1310 новых франков, переведенных на его имя Министерством социального обеспечения РСФСР для компенсации расходов, связанных с похоронами В. Н. Муромцевой-Буниной, заявив, что он включает эти расходы в указанную выше сумму 7500 нов~~ых~~ фр~~анков~~.

Архивы Бунина И. А. после их разборки и приведения в порядок Зуров Л. Ф. предполагает продавать нам по частям, явно преследуя этим корыстные цели. Зуров Л. Ф. не сообщил, какую сумму он хочет получить за архив. Мы будем поддерживать связь с Зуровым Л. Ф. для решения вопроса о сроках разборки архива и условиях приобретения.

По получении списков мебели и вещей, которые думает передать нам Зуров Л. Ф., мы их Вам вышлем.

Советник Посольства СССР во Франции
В. Вдовин».⁴

Не будучи лично знаком с Л. Ф. Зуровым, я переписываюсь с ним с 1961 года и из его писем могу установить, что советник Посольства СССР во Франции В. Вдовин не совсем верно понимает настроения Л. Ф. Зурова и его требования. Список вещей, подлежащих передаче, находится в архиве Института русской литературы Академии наук СССР в Ленинграде, в Музее И. С. Тургенева в Орле и у меня (в копии). Л. Ф. Зуров имеет все основания быть недовольным столь затянувшимися с ним переговорами о передаче бунинских вещей и материалов в Советский Союз. Он вправе ставить вопрос о возмещении понесенных расходов за хранение вещей на складе в Буживале. Никаких корыстных целей Л. Ф. Зуров, на мой взгляд, не преследует. Больше того, с ущербом для себя он продолжает хранить вещи и материалы и отказывается продать их кому-либо на сторону. Если мы по нашей нерасторопности затянули отправку вещей Бунина из Парижа в Советский Союз, вряд ли целесообразно перекладывать ответственность за эту задержку на Л. Ф. Зурова.

Прошу Вас принять необходимые меры, чтобы как можно скорее благополучно закончилась затянувшаяся печальная история с вещами и материалами И. А. Бунина и чтобы наконец они оказались бы в Орле, что, несомненно, имело бы хороший резонанс в нашей стране и за ее пределами.

Буду весьма признателен за ответ.

19 декабря 1963

В. Мануйлов

Мануйлов Виктор Андроникович, член КПСС с 1945 года, п/б № 00548934, доцент кафедры русской литературы филологического факультета Ленинградского гос. университета, Ленинград С-36, 4-я Советская, 31, кв. 12.

¹ Из письма Зурова Афонину от 30 апреля 1961 года // ОГЛМТ. Ф. 14. Ед. хр. 5788/7 оф. Л. 2–2 об.

² Эти письма хранятся в ОГЛМТ (Ф. 14. Ед. хр. 5788 оф.).

³ В письме к Никулину от 28 июля 1961 года Зуров сообщает, что при содействии И. В. и Н. В. Кодрянских на склад были перевезены мебель, портьеры, пледы и дорожный чемодан Бунина. Деньги за перевозку (10 000 франков) и хранение (6000 франков) заплатили Кодрянские (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. Карт. 2. Ед. хр. 84. Л. 15 об.). Впоследствии в оплате складских услуг принимала участие и С. Ю. Прегель (см.: «Душевно Ваша С. Прегель»: Переписка С. Ю. Прегель с Л. Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. П. А. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014/2015. М., 2015. С. 525).

⁴ Копию этого документа Мануйлов получил от Афонина, которому В. Т. Степанов отправил ее вместе с сопроводительной запиской 14 июня 1962 года (ОГЛМТ. Ф. 14. Ед. хр. 5788/22 оф. Л. 47–49). Донесение Вдовина опубл.: Черниговский Д. Е. «Советская хроника» Ивана Бунина. С. 326–327.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-260-261

© Т. И. Акимова

«КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ, РОССИЙСКИХ СТРАН ПИСАТЕЛЬ...»*

Книга Н. Л. Васильева и Д. Н. Жаткина «Творчество П. А. Вяземского: известное и неизвестное», — с одной стороны, — продолжение серии трудов двух ученых, объединенных сверхзадачей выявить, благодаря архивным разысканиям и их «неторопливому изучению», неизвестное в наследии русских писателей,¹ с другой стороны, — установка на осмысление этого «неизвестного» с учетом методологических и технических достижений современной науки.

В то же время представленная работа авторов — это не просто желание филологов «продолжить исследование творчества П. А. Вяземского на новом уровне научной методологии и литературоведческих возможностей» (с. 19), это последняя книга одного из видных ученых Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева, Николая Леонидовича Васильева, на протяжении долгого времени занимавшегося изучением лексики писателей «золотого века» русской литературы, учителя, наставника, сконцентрировавшего свои силы над решением важной научной проблемы «поэтического языка».

Книга о Вяземском поражает исследовательским размахом: двое ученых поставили себе целью исправить погрешности академического собрания сочинений писателя через его анализ и построение двухуровневой системы комментария, состоящей из алфавитно-справочного указателя поэтических текстов Вяземского, который насчитывает около 1350 произведений, и определения «структурно-смыслового целого периферийных текстов поэта» (с. 20). В связи с этим содержание книги получилось разнородным и требует подробного рассмотрения.

Широта замысла научного труда вкупе с обзором имеющихся собраний сочинений писателя воплощены в первой части, названной «По-

этническое наследие П. А. Вяземского». В ней анализируются все выходившие в свет собрания сочинений автора, прежде всего с точки зрения полноты состава произведений. Так, исследователи оценивают работу М. Н. Лонгинова, С. И. Пономарева, издание произведений поэта 1935 года, 1958 года, издание В. С. Нечевой 1963 года, издания 1982, 1986 и 2013 годов. Тщательно проводя текстологическую работу над литературными экспромтами Вяземского, Васильев и Жаткин утверждают, что вводят в научный оборот «поэтические фрагменты в его записных книжках, мемуарах и письмах, воспроизведившиеся лишь частично» (с. 36). Обращает внимание, что учеными выявлено и верифицировано «более 100 относительно законченных текстов 1810–1870-х гг., по разным причинам не обнародованных автором» (с. 40). Кроме того, Васильев и Жаткин указывают тексты, которые ошибочно приписывались поэту ранее, и атрибутируют новые архивные материалы. Все это говорит о глубокой предварительной работе исследователей над поэтическим наследием Вяземского, о стремлении его систематизировать, однако последующие главы книги свидетельствуют о незавершенности намерения вследствие преждевременного ухода главного идеолога научного тандема. Так, со второй по пятую главы книги читатель может найти только минимальный комментарий стихотворений поэта. В то же время публикация этого материала — безусловно, само по себе событие для ценителей поэзии Вяземского.

Во второй главе — «Опубликованные стихотворения П. А. Вяземского, не вошедшие в „Полное собрание сочинений“ и последующие издания его произведений» — содержится публикация тех неизвестных текстов, которые были отринуты академическими изданиями. По преимуществу, это эпиграммы, послания, притчи, стихи к портрету и басни. Особого внимания заслуживают автопародии, например: «Князь Вяземский, / Российских стран писатель...» (с. 104). В третью главу книги вошли «Анонимно напечатанные произведения поэта о Крымской войне («Партизанские наезды в журналы»)»; они представлены двумя поэтическими фрагментами, предваряющимися отрывком из письма Вяземского П. И. Барте-

* Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Творчество П. А. Вяземского: известное и неизвестное. СПб.: Издательство «Союз художников», 2022. 712 с.

¹ См.: Дубровская С. А., Осовский О. Е. «Великое несчастье родиться поэтом...»: неизвестные страницы творчества Д. И. Морского // Русская литература. 2022. № 3. С. 252–254.

неву: «Не желаю видеть имя мое в печати» (с. 106), что сразу вводит читателя в биографический контекст этих произведений.

Четвертая глава включает поэтические сочинения Вяземского, оставшиеся в рукописях, преимущественно альбомные стихи, послания, бурииме, шутки, стилизации и стихотворные заметки, наподобие: «Скажи, кого ты посещаешь, / И я скажу, ты сам таков» (с. 181). Именно здесь сосредоточены «атмосферные стихи», ярче всего передающие дух поэзии «золотого века», его по-бахтински карнавальный фимиам, который царил в литературных кружках и салонах того времени, прежде всего в «Арзамасе». То же самое можно сказать о шестой главе книги: «Архивные наброски, альбомные экспромты, шутливые дружеские послания П. А. Вяземского», — которая даже при отсутствии биографического и историко-литературного комментария расширяет представление как о творчестве самого писателя, так и о поэзии «золотого века» в целом.

Особую ценность для последующего издания сочинений писателя имеют пять («Малоизвестные редакции и варианты публиковавшихся произведений П. А. Вяземского») и седьмая («Приписываемое П. А. Вяземскому (DUBIA)») главы книги, которые могут быть интересны и текстологам в целом, и специалистам по творчеству писателя.

Самой научно весомой частью книги выглядит восьмая глава, названная «Текстологические этюды», в которую помещены исследования ученых по атрибуции произведений Вяземского: «На нынешнюю войну», «Кто кому нужнее», «Comlante», «Святая Русь», «Разгульное житье в Карлсбаде мы ведем»,

«Ответ вассалов», «Может и должен» — и которая сопровождается значительным по объему текстологическим комментарием. Пожалуй, только здесь можно увидеть воплощение предложенного в первой главе замысла книги.

Другой значительный фрагмент книги — это девятая глава — «П. А. Вяземский как драматург и переводчик французских комедий», которая открывается сценарием комической оперы, сочиненной Вяземским и В. Л. Пушкиным, с характерным галантным названием «Сельский праздник». Затем следует перевод другой комической оперы, «Певец и портной» П. Вилле и А. Гуффе, а также переводы комедии-водевиля «Помещик без поместья» Ж.-Г. Имбера и А.-Ф. Варнера и комедии «Бальдонские воды» О.-Э. Скриба с предваряющими публикацию исследовательскими комментариями. Вписываясь в представления о литературной ситуации того времени, в которой были актуальными русско-французские связи, содержащиеся в этой главе материалы также погружают в творческую лабораторию писателя.

Завершается монография «Алфавитным указателем поэтических произведений П. А. Вяземского» (с. 528–659) и Приложением — его прозаическим наброском о поэтическом языке, а также указателем имен.

Представленная структура книги, несомненно, вызывает много вопросов, но бесспорна необходимость данного издания и в качестве дополнения к Полному собранию сочинений Вяземского, и как отдельной книги о неизвестном в творчестве писателя-аристократа, всегдашней литературных салонов, острословия и замечательного поэта.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-261-265

© И. А. Лобакова

О РЕКОНСТРУКЦИИ РУКОПИСНОЙ БИБЛИОТЕКИ Ф. О. ПЛИГИНА*

История личных собраний рукописных книг в наших библиотеках всегда интересна, сложна, часто драматична. Многие из дошедших до наших дней частных коллекций сохранились достаточно хорошо; ряд из них является результатом пополнения библиофилем своего собрания за счет манускриптов из других собраний, а то и приобретения значительных частных библиотек рукописных книг у других собирателей (яркий пример тому — собрание М. П. Погодина в РНБ). О других собраниях нам известно лишь по отрывочным воспоминаниям

современников, видевших их у владельцев, после смерти которых они распродавались, «дробились», исчезали из внимания исследователей. Глухие замечания об их судьбе не дают возможности выявить источники подобных коллекций, представить их состав, узнать о принадлежности собранию бывшего коллекционера книг, не имевших записей о прежнем владельце и вошедших в состав других библиотек.¹

* Новикова О. Л. Купец Филипп Осипович Плигин и его собрание рукописных книг. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2021. 164 с., ил.

¹ Так, например, П. Н. Берков посвятил специальную работу П. Я. Актову и его коллекции, которая составляла около 5000 единиц (рукописей, старопечатных изданий, царских жалованных грамот), нашел архивные сведения

О. Л. Новикова, авторитетный специалист по истории русского летописания, решив уточнить историю бытования летописного сборника из собрания Н. П. Лихачева, принадлежавшего ранее Ф. О. Плигину, столкнулась с крайней скудостью сведений как о нем самом (не были даже известны даты рождения и смерти собирателя), так и о его библиотеке. В рецензируемой монографии исследовательница скромно определила основную задачу своей работы как «расследование истории „распыления“ интереснейшей по своему составу рукописной коллекции» (с. 3).

Сразу отметим, что в монографии получило решение значительно больше загадок. Необходимо подчеркнуть, что к числу важнейших достоинств исследования принадлежит найденная Новиковой убедительная методика определения на основе кодикологического и палеографического анализа тех признаков и параметров, которые позволяют объединить рукописи когда-то «распыленного» собрания, воссоздав значительную его часть. В результате оказались восстановлены важные фрагменты в истории создания коллекции, выявлены принципы ее формирования, интересы владельца и основные признаки, исходя из которых можно достаточно уверенно отнести их к собранию Плигина.

Новиковой удалось установить многие факты биографии своего героя. Благодаря ее исследованию мы узнаем о Плигине — волжском купце-судовладельце, старообрядце австрийского согласия, одном из богатейших людей Саратовской губернии, землевладельце, коллекционере, благотворителю, удостоенном за свою деятельность орденов Св. Анны 3-й и 2-й степеней и орденом Св. Станислава 2-й степени, активном члене Саратовской ученой архивной комиссии. В 1-й главе своей монографии «Филипп Осипович Плигин и его семейство» на основе архивных материалов, сведений статистических комиссий, упоминаний в отчетах попечительских учреждений, отчетов Саратовской ученой архивной комиссии автор смогла не только прояснить, как складывалась жизнь собирателя, но и обосновать время его смерти (до 1902 года) и, опираясь на известие о том, что прожил он 114 лет, датировать его рождение концом 1790-х годов. Новиковой удалось собрать данные о торговой деятельности коллекционера, дать представление о его характере, образе жизни и взаимоотношениях с подчиненными, о доме-усадьбе в Вольске, об активном участии в преобразовании города как

о владельце, попытался выяснить, в какие собрания попали проданные его вдовой книги (23 рукописи — в Императорскую публичную библиотеку; количество книг, которые были приобретены гр. С. Г. Строгановым, М. П. Погодиным, собирателями из Тулы и Казани, осталось неустановленным). См.: Берков П. Н. П. Я. Ак-тov, забытый собиратель рукописей и старопечатных книг // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 637–643.

самого купца, так и его сына (проведение водопровода, открытие реального училища, женской гимназии и учительской семинарии), проследить его родственные связи. Исследовательницей был выявлен источник, содержащий сведения о первых упоминаниях библиотеки Плигина, приведены материалы о взаимоотношениях с сыном Михаилом, стремление которого к независимой жизни, нежелание заниматься торговлей, равнодушие к вере отцов, отсутствие интереса к древним рукописям предопределило судьбу собрания волжского знатока древних книг.

Во второй главе «Хронология продажи и „распыления“ книжного собрания» Новикова, привлекая воспоминания П. П. Шибанова,² архив П. В. и П. П. Шибановых в РГБ,³ показала, каким образом шли переговоры наследника Плигина с антикваром в апреле 1904 года. Важным сведением о составе библиотеки и количестве книг собрания стало приведенное автором монографии признание книгопродавца в том, что первоначально он не мог поверить, что сможет «купить эту драгоценную библиотеку, равной которой не встречал на протяжении всей <...> жизни» (с. 22). Отметив, что о точном числе рукописей в собрании известий нет, исследовательница обратила внимание на упоминание покупателем библиотеки, что одних старопечатных изданий было около тысячи. Стоимость приобретенной коллекции Шибанов не назвал, однако она не досталась ему за реальную цену: сын собирателя не вступал в торги и был согласен на любую предложенную сумму, так как был удивлен дороговизной «этого хлама» (с. 24). Покупка всего собрания целиком могла бы оказаться большой удачей для ее сохранности, однако, как подчеркнуто Новиковой, «при всей любви к древнерусским рукописям, привитой антиквару его отцом, для П. П. Шибанова это был исключительно коммерческий проект, о чем позволяет судить весьма короткое время, прошедшее с момента покупки собрания до начала продажи книг» (с. 26). Уже 10 июля 1904 года, как было определено автором монографии по сохранившемуся закупочному каталогу московского коллекционера Е. Е. Егорова, Шибанов продал ему 21 рукопись XVI–XVII веков из собрания Плигина, выручив около 5000 рублей. Исследовательницей были отождествлены 15 плигинских рукописных книг в составе собрания Егорова в РГБ, так как на внутренней стороне нижних крышек их переплетов, в левом верхнем углу, сохранились зашифрованные цены рукописей, простоявшие в карандашом рукой Шибанова. Принципы шифровки сведений

² Шибанов П. П. 1) Полвека со старой книгой и ее друзьями (из воспоминаний) // Книга. Исследования и материалы. М., 1972. Сб. 24. С. 165–187; 2) Воспоминания старого библиофилы. Записки известного книжника-антиквара (1864–1935) // Московский журнал. 2011. № 1 (241). С. 57–65.

³ РГБ. Ф. 342 (Шибановы).

о стоимости книг позволили идентифицировать ряд записей в рукописях с подобными заметками в книгах из других собраний и свидетельствами о приобретении их новыми владельцами у Шибанова.

Вторым покупателем рукописных книг из Плигинского собрания оказался Н. П. Лихачев, уже в июле 1904 года сумевший стать владельцем рукописи XV века, в состав которой входят Хроника Георгия Амартола и русская летопись, доведенная до 1488 года. Исследовательница обратила внимание на запись нового владельца, который оставил карандашом свой комментарий «Помета Плигина» на внутренней стороне верхней крышки переплета над записью твердым карандашом, напоминающей такие же пометы в четырех книгах из собрания Егорова. Таким образом было выявлено свидетельство, позволяющее отличать записи Плигина от других. Всего, как удалось определить Новиковой на основе сплошного просмотра рукописей собрания Лихачева, можно говорить с уверенностью еще об 11 плигинских рукописях в коллекции собирателя, которые он купил у П. П. Шибанова.

Так начался процесс «распыления» собрания. Причем драматическая история «дробления» библиотеки (купли — продажи — перепродажи — попытка сбить цену — покупки через посредников и т. п.) распутывается Новиковой как детективный сюжет. Становится очевидным, что Егоров, например, не только покупал рукописи у Шибанова напрямую, но и через книготорговца из Вольска Е. И. Кириллова; один из плигинских манускриптов благодаря тому же Кириллову оказался у собирателя и антиквара Н. М. Вострякова, который в свою очередь в 1907 году перепродал его Егорову. Естественно, что перед Императорских библиотек наступил позже, так как Шибанов был осведомлен, что их финансовые возможности значительно ниже, чем у богатых коллекционеров. Публичная библиотека смогла купить всего 28 рукописей, еще одна была подарена антикваром. Первоначально Шибанов намеревался получить 5000 рублей (как определила исследовательница по записям их стоимости, оставленным книогородавцем), но ему заплатили 4500. Библиотекой Академии наук были приобретены 69 книг, из которых 10 относились к XV веку, около 30 — к XVI веку, за которые Шибанов выручил 4500 рублей (вместо ожидаемых им 6000).

Именно рукописи, которые вошли в фонды научных библиотек, предоставили автору монографии материал для выявления примет, позволяющих идентифицировать рукописи из собрания Плигина: даты покупки, простоявшие самим собирателем, клеймо «Ф. П.» на кожаных переплетах, бумажные наклейки на торце переплета с названием книги, наличие двойных помет Шибанова о цене манускрипта — букинистической (шифрованной) на нижней крышке и цифровой рублевой на верхней.

Переговоры о продаже рукописей с частными лицами антиквар мог вести в течение дли-

тельного времени. Новикова установила, что еще в мае 1904 года Шибанов сообщил богатейшему собирателю из Балакова П. М. Мальцеву о поступившей к нему новой коллекции. Уже продавший ему остатки библиотеки суконного фабриканта Н. И. Носова, Шибанов в конце 1909 года получил от Мальцева деньги за то, что осталось от собрания Плигина. Так как балаковский купец не имел наследников, он намеревался передать свое собрание, в которое входили 850 рукописей и 1000 старопечатных книг, Саратовскому университету еще в 1914 году. В это учреждение библиотека попала после трагической гибели Мальцева в 1919-м. Но, как удалось проследить исследовательнице, процесс «дробления» коллекции, в состав которой входила часть плигинской, не остановился: рукописная часть библиотеки оказалась разделена. Основная часть рукописных книг осталась в Саратовском университете, часть рукописей была передана в 1941 году в ЦГАЛИ (потом — в фонд рукописей РГАДА), наиболее ценные манускрипты попали в Отдел рукописей ГИМ (где еще в 1928-м оказались книги из сейфа Мальцева в Коммерческом банке). Используя набор признаков, который был определен Новиковой как отличающий рукописи коллекции Плигина, Ж. Л. Левшина по просьбе своей коллеги выявила в собрании Саратовского университета 76 книг, причем 40 из них одеты в плигинские переплеты.

Новикова предположила, что некоторые рукописи Плигина остались у Шибанова в качестве «запаса на черный день». Опираясь на сведения Описи, составленной М. Н. Мурзановой в 1940 году, исследовательница высказала гипотезу, что читающийся в рукописи БАН (Собр. Ф. О. Плигина. № 3) номер — «1036» — отражает фиксацию в более ранней описи или перечне книг. Это подтверждается наличием пометы Шибанова № 685 на рукописи из этого же собрания № 17. По мнению Новиковой, «в Инвентаре БАН попали номера „рабочего“ перечня рукописей (книги учета товара), составленного книготорговцем по рукописной части собрания после покупки библиотеки у М. Ф. Плигина» (с. 58). Данные факты позволили считать, что количество рукописей Плигина составляло не менее 1000 книг.

В третьей главе монографии «Из истории формирования „Плигинской библиотеки“: О продавцах рукописей и некоторых прежних владельцах» на основании помет, обнаруженных в 89 рукописях, Новикова выяснила, что рукописное собрание создавалось почти 50 лет, и составила список рукописей, в которых сохранились пометы о времени их приобретения. Как было установлено исследовательницей, Плигин имел связи в кругу антикваров-букинистов Санкт-Петербурга. Среди поставщиков-комиссионеров собирателя названы П. В. Шибанов (отец книогородавца П. П. Шибанова), И. И. Кириллов, А. И. Лепехин, С. Т. Большаков, Д. Ф. Болотов. Согласно выводу автора, «пути формирования Плигинской библиотеки раскрывают для нас

достаточно устойчивую среду бытования древнерусских рукописей в первой половине XIX столетия, откуда книги попадали и в другие частные собрания» (с. 82).

Четвертая глава монографии Новиковой названа «Плигин-читатель и Плигин-собиратель» и посвящена анализу книжных пристрастий коллекционера, который не просто приобретал книги, но внимательно их читал. Подтверждением этого положения стали пометы Плигина на полях «Зри» в принадлежавших ему рукописях, которые продолжают древнерусскую традицию маргиналий рядом с важным для читателя фрагментом текста и возникли под влиянием увиденных им в приобретенных манускриптах знаков на полях.

Особо отмечено, что на форзацных листах рукописей, входивших в библиотеку собирателя, часто встречаются выписки, отражающие интересы владельца. В отличие от фиксации времени покупок и названий книг, сделанных гражданским письмом, эти выписки всегда сделаны простым карандашом стилизованным полууставом. Они касаются важнейших положений в ее содержании, обнаруживают правку или добавления из других источников; иногда являются результатом сверки рукописи с другими списками или печатными изданиями. Приведенный автором богатый иллюстративный материал убедительно подтверждает сделанные выводы.

В качестве примера коллекционных экземпляров исследовательница рассмотрела 3 рукописи (Круг миротворный, Кормчая и Иерусалимский устав), прежде не связывавшиеся с именем Плигина, но известные специалистам в качестве вкладов книжника XVI века вологодского архиепископа Ионы Думина во Владимирский Рождественский монастырь. Впрочем, в библиотеке собирателя были различные уставы (Шибанов отметил 12, в настоящее время их известно 5, что свидетельствует как об особом интересе коллекционера к такого рода памятникам, так и о знании о нем его поставщиков).

Наличествуют в собрании Плигина «строгановские» рукописи, которые были перечислены автором монографии, восстановившей их принадлежность к особому книжному комплексу собрания, связанному с именами заказчиков — именитых сольвычегодских купцов Строгановых.

Новиковой отмечен особый интерес ее героя к Кормчим, Уставам и сборникам канонического содержания, которые «и сейчас занимают заметное место в собрании Ф. О. Плигина» (с. 90).

Наблюдения исследовательницы, изложенные в пятой главе «Плигинский переплет как критерий атрибуции и образец книжного искусства конца XIX в.», открывают возможный путь воссоздания «распыленного» собрания на основе внимательного изучения книжных переплетов, в которые их одевал владелец библиотеки у своего мастера. Археографы обнаружили клеймо с инициалами «Ф. П.» на корешках ряда

плигинских рукописей (оно видно на 48 книгах). Новикова отнесла к их числу еще 10, на которых клеймо было заклеено или сохранилось частично, и еще на одной оказалось срезано ножом. Проанализировав оформление переплетов, исследовательница выделила использование желтой (или светло-коричневой) кожи; вид кованых элементов (застежек, петель накладок, круглых жуковин на нижней обложке), скосы на крышках, оставленное место при тиснении корешка для названия книги, выполненного каллиграфическим полууставом чернилами. На основании скрупулезного изучения переплетов рукописей, безусловно принадлежавших коллекции Плигина, Новикова выделила характерные для них элементы тиснения (средники, уголки, таблички, накатки, басмы), рассмотрев особенности их использования на переплетах рукописей разных форматов (F^o — «в лист»; Q^o — «в четверку»; O^o — «в восьмерку»). В результате был сделан вывод о том, что мастер со своими инструментами работал прямо в усадьбе купца в Вольске.

Последняя, шестая глава монографии «Перечень древнерусских рукописей», происхождение которых из собрания Ф. О. Плигина не вызывает сомнений» является итогом большой исследовательской работы Новиковой. В ней представлен оформленный в виде таблицы список, в который вошли шифры рукописей БАН (приобретенных в 1905 году у Шибанова); сохранившиеся в коллекциях Егорова, Лихачева и Мальцева (купленные у Шибанова в 1904–1905 годах); приобретенные Егоровым через посредников Кириллова и Вострякова; поступившие из собрания Мальцева в РГАЛИ и ГИМ; проданные наследниками Шибанова в ГИМ. Все они обладают характерными для рукописей из коллекции Плигина чертами, выявленными исследовательницей. Всего в приведенном перечне указаны 217 книг XV–XVIII веков, бывших частью этого собрания. Необходимо отметить удачную организацию таблицы, которая дает возможность увидеть наличие в каждой из рукописей признаков, обнаруженных автором при изучении особенностей оформления и записей плигинских манускриптов. В первой из семи граф приведены шифры рукописей и дополнительные сведения о них, сохранившиеся в Инвентаре БАН, каталоге Егорова, нумерации А. А. Гераклитова, присвоенной поступившим в Саратовский университет книгам Мальцева. Во второй графе указано название, в третьей — датировка рукописи. В четвертой — денежная оценка Шибанова в рублях, в пятой — зашифрованная, которые хоть и являются обычными в практике антиквара, но в совокупности с другими приметами позволяют отнести книгу к собранию вольского купца. Шестая графа отмечает наличие записи Плигина о дате приобретения рукописи, а седьмая — содержит сведения о клейме «Ф. П.» на переплете. После таблицы Новикова привела список исследователей, обращавшихся к рукописям или отмечавших их в своих описаниях. Эта глава,

безусловно, носит характер столь необходимого медиевистам справочника.⁴

В Заключении автором монографии подчеркнуто, что пока воссоздана лишь небольшая часть значительного книжного собрания коллекционера, но выявленные критерии позволяют продолжить работу «для дальнейших атрибуций древнерусских рукописей, принадлежавших этому человеку» (с. 148). Часть из них в XX веке могли переместить в рукописные фонды других собирателей, часть оказалась в малодоступных частных собраниях, другие были утрачены во время Гражданской или Великой Отечественной войны. Наиболее актуальной и важной задачей современных археографов Новикова называет необходимость «воссоздать биографии крупнейших коллекционеров рукописных книг, реконструировать состав их библиотек, определить ценность каждой входящей в них рукописи и проследить ее дальнейшую судьбу» (с. 149). И хотя исследовательница полагает, что изучение жизни и собирательской деятельности Плигина только начато, представляется, что ее работа открывает новые перспективные методы комплексного подхода в анализе рукописных книжных коллекций.

Особо хочется подчеркнуть богатый иллюстративный материал, представленный в исследовании, который дает возможность читателю убедиться в выводах автора.

В рецензии принято отмечать недостатки работы. Делать это в нашем случае чрезвычай-

⁴ На это обратили внимание авторы каталога. См.: *Корогодина М. В., Сапожникова О. С., Сергеев А. Г. Описание рукописей XV века. М.; СПб., 2022. Вып. 1. Священное Писание (Славяно-русские рукописи Библиотеки Российской Академии наук).* С. 204.

но сложно и не очень хочется. Они незначительны.

Так, хотя Новикова определила, что запись о приобретении 23 ноября 1877 года рукописного Апостола XV века (БАН. Собр. Ф. О. Плигина. № 51 (21.4.9)) читается еще на трех рукописях (с. 70), однако данная рукопись в итоговую таблицу не попала.

Представляется, было бы удобнее для читателя, если бы ссылки на конкретные рукописи в тексте монографии сразу шли с указанием их датировки. Возможно, это несколько увеличило бы объем монографии, но с большей наглядностью продемонстрировало бы ценность каждой рукописи собрания Плигина.

Остается ряд вопросов о «плигинских» переплетах. Были ли приемы в их оформлении разработаны только для рукописей коллекции конкретного мастера? Или существовала какая-то региональная традиция, которой этот мастер или мастера придерживались? Отметим, что исследовательница корректна в выводах и решает вопрос об атрибуции только опираясь на комплекс выявленных ею признаков.

Монография Новиковой — чрезвычайно интересный и важный шаг в решении проблемы воссоздания «распыленных» собраний рукописных памятников. Установление фактов биографии Плигина, истории его собрания и принципов формирования библиотеки является данью памяти замечательному волжскому коллекционеру. Она будет интересна не только медиевистам, но и специалистам по истории русской литературы XIX–XX веков, так как помогает увидеть уровень культуры, круг интересов и традиции семейного уклада значительной части русского старообрядческого купечества той поры.

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-265-266

© A. M. Грачева

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ РАЗНООБРАЗНЫХ СНОВИДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-СНОВИДЦЕВ»*

Монография Анны Возняк — авторитетного специалиста по русской литературе XIX и XX веков, профессора *emeritus* Католического университета Люблинского имени Иоанна Павла II — раскрывает существенные параметры онейрического «кода» русской литературы Нового вре-

* Woźniak Anna. Два мира: Сны и онирические мотивы в русской литературе XIX–XX веков / Dwa światy: Sny i motywy oniryyczne w literaturze rosyjskiej XIX–XX wieku. Lublin: Wydawnictwo Werset, 2022. 330 s.

мени. Теме снов в произведениях российских классиков посвящено значительное количество литературоведческих трудов, разных как по объему, так и по глубине научного анализа. Однако адекватное изучение отражения и изображения литературных сновидений требует междисциплинарного подхода: соединения теорий и методологий филологии, философии, культурологии, психологии, психиатрии да и, наконец, авторского «бессознательного», т. е. художественного чутья. Парадоксально, что в практике исследования сновидений в русской

литературе есть только один уникальный предшественник, соответствующий необходимым критериям и созданный не ученым, а писателем. Имеется в виду авангардная книга А. М. Ремизова «Огонь вещей: Сны и предсные. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский».¹ По своей структуре это — сложный по составу, но концептуально завершенный коллаж, образованный из текстов разнообразных малых форм (эссе, статей, миниатюр). В этой книге, представляющей собой единое, эстетически самодостаточное художественное целое, автор изложил свои взгляды на семантику и поэтику сновидений в произведениях русских классиков. При этом он рассматривал их как жанр, как прием, как проявление психологии и психопатологии автора. В «Огне вещей» Ремизов выступил одновременно как бы во многих ипостасях: писателя, ученого-филолога, философа, психоаналитика.

Возвращаясь к анализу монографии, надо отметить, что Возняк — один из самых авторитетных современных исследователей творчества Ремизова, автор посвященных ему статей и монографий.² Уникальность новой книги заключается в том, что в ней Возняк использует и фактически развивает далее методологию, созданную и апробированную Ремизовым в книге «Огонь вещей», применив и «адаптировав» ее к области научного изучения онейрических опытов русских писателей.

В первой главе «Георетические установки и концепции на тему сна и сновидений» автор монографии определяет и обосновывает базовую установку своего исследования — использование психоаналитических, философских, семиотических, филологических методов анализа сновидений, и в том числе особо останавливается на онейрической концепции Ремизова. Возняк кратко, но глубоко разбирает концепцию этого «знатока и оригинального теоретика сновидческого литературного искусства», который пытался «определить онтологическую природу и феномен сновидения» (с. 39). Далее, в главах, посвященных литературе XIX века, автор почти точно идет вслед за Ремизовым, вычленяя фактически ту же магистральную «линию» писателей-сновидцев XIX столетия (А. С. Пушкин — Н. В. Гоголь — Ф. М. Достоевский — И. С. Тургенев). В этой части монографии примечательна своеобразная «перекличка» исследовательницы с автором «Огня вещей». Зачастую используя его приемы художественного анализа текста и многократно ссылаясь на своего предшественника,

¹ Ремизов А. Огонь вещей: Сны и предсные. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский. Париж, 1954.

² Woźniak A. 1) Tradycja ruska według Aleksego Riemizowa. Lublin, 1996; 2) Aleksy Riemizow na rozdrożach literatury. Studia i szkice o twórczości pisarza. Lublin, 2015.

Возняк рассматривает уже иные сновидения тех же писателей-классиков, что добавляет новые составляющие в понимание природы онейрической стороны их творчества.

Однако далее исследовательница продолжает начатую Ремизовым тему, применяя в трансформированном виде его приемы познания сновидений к писателям уже следующего, XX века (И. А. Бунин — И. В. Одоевцева — Б. Вильде — Абрам Терц / Андрей Синявский). Возняк обращается к творчеству писателей-эмигрантов, смотревших на свою жизнь в чужом мире «сквозь призму сна, который стал эквивалентом памяти и воспоминания» (с. 304). Наиболее оригинально выглядит выполненный ею с помощью ремизовской методики анализ снов в произведениях Бунина — многолетнего оппонента Ремизова, не приемлемого его фантасмагорическое авангардное творчество в целом и, в частности, его практику публикации своих сновидений, героями которых были многие парижские эмигранты, их общие знакомые, и в том числе сам нобелевский лауреат. Главы монографии, посвященные литературе XX века, отличаются новаторским характером и убедительно доказывают плодотворность междисциплинарного подхода к исследованию данной проблематики. Они также являются созданным ученым-филологом как бы *научным продолжением «Огня вещей»*, демонстрирующим актуальность художественной методологии, намеченной Ремизовым.

Особо надо отметить легкий стиль Возняк, иногда приближающийся к свободному движению художественной прозы. Как пример можно привести первую фразу, которой открывается финальная главка «Вместо заключения», содержащая четко структурированные научные выводы из проведенного исследования: «Мы просыпаемся теперь и на этом заканчиваем наше путешествие по стране разнообразных сновидений русских писателей-сновидцев: Пушкина, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Бунина, Одоевцевой, Вильде и Синявского-Терца» (с. 303). В добавление необходимо отдельно подчеркнуть оригинальность немногочисленного, но нетривиально-го иллюстративного материала: текст дополнен воспроизведением цветных репродукций картин Ф. Лейтона «Палящий июнь» (1895) и Й. Г. Фюссли «Кошмар» (1781). Строгий и изящный стиль отличает художественное оформление книги в целом.

Монография Возняк — незаурядное и ценное научное исследование, во всей полноте демонстрирующее мировой научный уровень польской русистики XXI века. Эта книга будет востребована не только филологами и специалистами других областей гуманитарного знания, но также всеми, кто интересуется, перефразируя выражение К. Юнга, научным искусством «толкования сновидений».

ТЕРРИТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ ПРОФЕССОРА И. Н. СУХИХ*

В прошлом году в издательстве «Нестор-История» вышел сборник статей «Территория словесности...» — фестшрифт в честь 70-летия профессора Санкт-Петербургского государственного университета Игоря Николаевича Сухих. Профессор Сухих для кафедры истории русской литературы, где он преподает с 1979 года, для филологического факультета, университета да и, осмелюсь предположить, для современной русистики в целом — фигура знаковая, поэтому удивляться, что посвященный ему сборник получился очень солидным (он включает почти полсотни статей и других материалов, написанных многими авторитетными исследователями), не приходится. Отражающая, как подсказывает аннотация, научные интересы юбиляра обширная и разнообразная тематика книги впечатляет. Открывает ее подготовленная одним из составителей и редакторов сборника А. Д. Степановым «curriculum vitae» профессора Сухих, завершает — библиография трудов юбиляра, занимающая тридцать четыре страницы, а исследовательская часть содержит несколько больших тематических разделов.

Для того чтобы вполне оценить все достоинства сборника, потребовался бы целый отряд специалистов как по истории литературы нескольких периодов, так и по достаточно разным областям гуманитарного знания. Да и объем рецензии тогда бы превысил все допустимые жанром границы. Но можно попытаться, по крайней мере, чуть точнее очертить сам предметный круг и спектр подходов, объединяющие исследователей, близких профессору Сухих в понимании того, какой должна быть наука о литературе. Не будет большой ошибкой сказать, что до известной степени такой обзор может стать отражением, если можно так выразиться, «кафедрального канона» — тех исследовательских предпочтений, которые разделяют сотрудники кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского университета и вовлеченные в ее орбиту коллеги.

Поэтические штудии (первый раздел сборника называется «Поэтика») представлены в книге прежде всего интервенцией в сферу теории металитературы: А. К. Жолковский в своей статье предлагает добавить к таким категориям, как персонаж положительный или отрицательный, комический или трагический, маленький и лишний человек и т. п., распределение героев по литературным ро-

лям: писатель, читатель, критик, актер, режиссер... Далее А. А. Карпов на примере сказки И. В. Киреевского «Опал» демонстрирует, как в конце 1820-х — начале 1830-х годов на практике реализовывались споры между «реальной» и «идеальной» поэзией. М. В. Отрадин, анализируя прием «подготовленная неожиданность», оспаривает мнение В. Г. Белинского о романе И. А. Gonчарова «Обыкновенная история» как о произведении с испорченным финалом-эпилогом. Н. А. Карпов посвящает свою работу поэтике стихотворения В. В. Набокова «Какое сделал я дурное дело...», рассматривая последнее в свете интертекстуальности и противопоставляя эту перспективу известному мнению о пародийности набоковского текста. Но больше всего статей в поэтическом разделе, как и в книге в целом, посвящены Чехову. Н. В. Капустин, как и Отрадин, тоже заинтересован проникновением идиллического начала в реалистическую литературу: только на этот раз речь идет о «Душечке». (Хотя реалистом автор статьи писателя не называет, осмелюсь отнести его к таковым для контрастности.) А. С. Собенников ставит перед собой задачу, обращаясь к поэтике «Чайки» в ее соотнесении с идеями Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, выявить чеховскую «философию времени». О. В. Спачиль формулирует вопрос о роли повтора в прозе Чехова, которую выявляет анализ перевода одного из его текстов — рассказа «Страх».

Биографические разыскания, собранные во втором разделе под титулом «Биографика», фокусируются на А. С. Пушкине (О. В. Астафьева, В. М. Файбисович), Чехове (В. Б. Катаев, А. Д. Степанов) и М. А. Булгакове (А. Г. Головачева).

Внимание авторов раздела «Литературные связи, интертекст» в первую очередь привлекли отношения между Пушкиным, Ф. В. Булгариным и В. И. Карлгофом (А. С. Степанова); А. П. Чеховым и М. Горьким (Л. Димитров), И. А. Буниним и Л. И. Шестовым (Е. Р. Пономарев); А. Бирсом и Набоковым (А. А. Аствацатуров); Пастернаком и Пушкиным, Достоевским, Чеховым и некоторыми русскими писателями XX века в свете палимпсеста (В. И. Тюпа); Чехова с деревенской прозой (Е. Н. Петухова); Чехова с В. А. Слепцовым (Л. Е. Бушканец); Чехова с Э. Ожешко (Н. Ф. Иванова); наконец, Чехова с Ромой Зверем (Ю. В. Доманский).

Несколько статей составители сборника вынесли отдельно в раздел «Проблемы и гипотезы». Под этой рубрикой рассматривается криптоэпистика чеховских «Трех сестер», скрывающая, по мнению С. А. Кибальника,

* Территория словесности: Сборник в честь 70-летия профессора И. Н. Сухих / Под ред. А. Д. Степанова, А. С. Степановой. СПб.: Нестор-История, 2022. 448 с.

биографический подтекст; чеховская же концепция фатализма, о которой пишет Р. Е. Лапшин; концепт «юг» у Чехова и Достоевского, заинтересовавший Н. Няголову; традиционная культура и национальная самобытность — снова в связи с творчеством Чехова (М. Ч. Ларionова), а также медицинские работники у М. М. Зощенко, характеризуемые А. Д. Семкиным.

В разделе «Театр и кино» доминирует Чехов. Г. В. Коваленко в своей статье, говоря о «новом театральном тексте» (три спектакля петербургского театрального сезона 2021–2022 годов), сталкивает между собой имена, тексты и практики Чехова, Х.-Т. Лемана, В. Вигга, Р. Габриа, Д. Хуснирова. Л. Бюклинг рассматривает, если воспользоваться словами самого автора, «театр Антона и Михаила Чеховых». Е. И. Стрельцова выявляет, какое влияние на режиссерское творчество не чуждого Чехову А. Я. Таирова оказал акмеизм. А. О. Ковалова прослеживает историю первой экранизации рассказа Чехова «В море» — несохранившийся фильм «За право первой ночи» (1916) А. Н. Уральского.

Наконец, в разделе «Заметки, размышления» Ф. Н. Двинягин рассуждает об истоках строк «На святой Руси петухи поют, / Скоро

будет день на святой Руси». П. С. Глушаков представляет наблюдения над сходством некоторых образов и сюжетов у таких авторов, как Пушкин, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Булгаков, В. М. Шукшин. В. Я. Звиняцковский вспоминает о своей встрече с Довлатовым-экскурсоводом в Пушкинских Горах в 1977 году и о завтраке в кафе таганрогской гостиницы 14 сентября 2013 года с Сухих, который, по словам Звиняцковского, «впервые в истории издания Довлатова тщательно его откомментировал» (с. 390). К. Каспер излагает «некоторые мысли о новаторстве „Жизни Климова Самгина“» (с. 396). А. М. Мелихов на примере творчества М. М. Зощенко показывает, почему «Мы должны любить ложь» — так называются его заметки по данному поводу.

Как мы видим, в книге, несмотря на множество имен и контекстов, два главных героя: Чехов и Сухих, что не удивительно, поскольку Чехов для профессора Сухих — главный из культурных героев. Если же вернуться к методологическим предпочтениям авторов книги и к условному «кафедральному канону», то это добротное «традиционное» литературоведение, ориентирующееся прежде всего на анализ поэтики, выявление литературных связей и прояснение историко-культурных реалий.

ХРОНИКА

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-269-272

ХІ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ

6–7 октября 2022 года в Ярославском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике прошли XI Чтения по истории и культуре Древней и Новой России. Традиция Чтений, организуемых раз в четыре года, была заложена после открытия в 1985 году в этом музее экспозиции «„Слово о полку Игореве“ — выдающийся памятник древнерусской культуры», созданной при участии и поддержке коллег из Пушкинского Дома — Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и О. В. Творогова.

Участниками XI Чтений стали сотрудники Ярославского музея-заповедника и Ростовского Кремля, Отдела древнерусской литературы ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, специалисты из вузов Ярославля и Москвы, независимые исследователи.

На сей раз Чтения были посвящены 90-летию Лилии Афанасьевны Костериной (1931–1991), которая, став заведующей отделом древнерусской литературы Ярославского музея-заповедника, вместе с двумя сотрудниками этого отдела — Л. М. Зуб и Е. Я. Османкиной (Зотовой) — разрабатывала концепцию экспозиции по «Слову» и создавала ее. Поэтому после открытия конференции первым прозвучал доклад Л. М. Зуб «Стоявшая у истоков», посвященный Л. А. Костериной и истории открытия экспозиции, называемой неофициально, с легкой руки Лихачева, музеем «Слово о полку Игореве». Выступавшая подчеркнула, что ярославская экспозиция на протяжении четырех десятилетий привлекает внимание любителей древнерусской культуры со всех уголков мира; в ней более трех тысяч единиц хранения, датируемых XI–XXI веками.

Дневное заседание первого дня Чтений по традиции было посвящено изучению «Слова о полку Игореве».

А. Н. Ужанков (Москва) выступил с докладом по «Слову о полку Игореве»: итоги историко-культурного исследования, изложив основные выводы, которые содержатся в его третьей книге по «Слову»: «„Слово о полку Игореве“. Историко-филологическое исследование» (М., 2022). Выступавший убежден, что автор «Слова» — участник событий, описанных в этом произведении, один из пятнадцати оставшихся в живых воинов — Беловолод Просович, якобы постригшийся после похода в монахи и ставший затем известным как игумен Выдубицко-

го Киевского монастыря Моисей. По мнению Ужанкова, «Слово о полку Игореве» является глубоко религиозным произведением. Вслед за Р. Пиккио он предложил рассматривать «Слово» как назидательную историю о возгордившемся и наказанном за это князе, автор которой использовал библейский мотив, цитируя Книгу пророка Иеремии.

В докладе Л. В. Соколовой (Санкт-Петербург) были проанализированы два «темных места» в «Слове о полку Игореве»: «вльцы грозу въсрожать по яругамъ» и «дльго ночь мръкнеть», до сих пор не получивших общепринятого толкования. Так, глагол «въсрожать» образован автором «Слова», по мнению выступавшей, от слова «рог», по аналогии со словом «въструбить», образованном от слова «труба». Волки воем, сходным со звуком сигнального рога, использовавшегося как в битвах, так и во время посовой охоты, дают знать о скорой грозе-битве. Словосочетание «дльго ночь» во фразе «дльго ночь мръкнеть» исследовательница понимает, согласно словарным данным, как «поздняя ночь», а всю фразу переводит как «поздняя ночь (т. е. густая тьма поздней ночи) меркнет, бледнеет, теряет интенсивность, рассеивается». Известно, что поздней ночью, в последний час перед рассветом, тьма сгущается, что нашло отражение в поговорке «самый темный час перед рассветом».

Ли Цзивэй (Москва) выступила с докладом на тему «Роль образа границы в пространственной организации „Слова о полку Игореве“». Метафорическая выразительность образа границы и мотива ее пересечения были проанализированы ею с точки зрения их связи с реальным историко-географическим пространством.

Об одном из переводчиков «Слова о полку Игореве», своем родственнике, рассказала Е. Е. Румянцева (Москва) в сообщении, названном «Аркадий Васильевич Скульский, представитель древнего дворянского рода, известный государственный деятель Ярославской губернии и мой прапрадед, как один из переводчиков „Слова о полку Игореве“». Проанализировав около 200 архивных дел, хранящихся в Государственном архиве Ярославской области, выступавшая привела интересные биографические сведения о Скульском и кратко охарактеризовала его работу над переводом/переложением «Слова о полку Игореве», сославшись на статью о переводе Скульского в Энциклопедии «Слова о полку Игореве».

М. М. Федорова (Ярославль) прочла доклад на тему «„Слово о полку Игореве“ в произведениях ростовской финифти из собрания Ярославского музея-заповедника». Ею были рассмотрены предметы тематической коллекции, выполненные ведущими мастерами промысла, проанализировано значение «Слова о полку Игореве» для творчества отдельных мастеров и древнерусского прикладного искусства в целом.

Вечернее заседание первого дня конференции открыл доклад Т. Л. Никитиной (Ростов Великий) на тему «Лицевой синодик из ростовского Рождественского монастыря», посвященный рукописному лицевому синодику из собрания ГМЗ «Ростовский кремль» (инв. № Р-967). Рукопись включает цикл из 64 миниатюр, текстовую часть и помянник. На основании помянника исследовательница устанавливает происхождение рукописи из ростовского Рождественского девичьего монастыря и предположительно датирует рукопись началом XVIII века, а точнее началом 1720-х годов. Основу текстовой части составляют две главы из «Книги о вере» (главы 13 и 14, о поминовении усопших и о чистилище). Никитина охарактеризовала также миниатюры, указав, какие сюжеты были иллюстрированы, и отметив особенности художественной манеры мастера. Кроме того, она реконструировала первоначальный порядок листов с миниатюрами, перепутанных в рукописи.

Одной из ярославских рукописей был посвящен доклад А. В. Пигина (Санкт-Петербург) «К изучению рукописного „Алфавита российских чудотворцев...“ старообрядческого книжника Ионы Керженского (Ярославский музей-заповедник, № 15544)». «Алфавит» (рубеж XVIII–XIX веков) представляет собой сборник житий русских святых, повестей о монастырях, сказаний о чудотворных иконах и гимнографических сочинений. Многие тексты приводятся здесь в новых, составленных самим Ионой редакциях. Выступавший проанализировал структуру сборника, более подробно остановился на месяцеслове, который находится в начале рукописи. Ценность «Алфавита» заключается, по мнению Пигина, помимо его содержания, в возможности изучения приемов старообрядческого писателя нового времени при редактировании агиографических текстов, при выборе и обработке источников.

О ярославских рукописях шла речь и в докладе М. В. Кужлевы (Санкт-Петербург) «К истории сложения ярославских сборников с Житием протопопа Аввакума». Он рассмотрел вопрос о текстологическом взаимоотношении трех сборников: два из них хранятся в Ярославском музее-заповеднике (Яр. 965 и 121), а третий, письма ярославского иконописца и книжника А. А. Великанова, — в Древлехраннице ИРЛИ РАН (Отдельные поступления. Оп. 24. № 16). Указанные списки были введены в научный оборот В. И. Малышевым и исследованы Н. С. Демковой, по мнению которой списки восходят к общему источнику, но не связаны друг с другом непосредственно. В ходе

работы по составлению полистного описания этих сборников Кужлев установил, что все три ярославских сборника связаны друг с другом именно непосредственно, восходят один к другому.

А. В. Зубатенко (Ярославль) выступил с докладом на тему «Новые источники по истории Ярославля XVII века». Он опирался на четыре разнородных документа. Первый из них, известный по публикациям XIX века, — небольшой перечень сведений, связанных с перестройкой церкви Власьевского прихода. Сохранившийся в Государственном архиве Ярославской области подлинник документа позволил уточнить даты, ранее прочитанные неверно. Второй источник — купчая на двор в заволжской слободе Тверицы середины 1680-х годов, находящаяся сейчас в частном собрании. Третий источник, фрагментарно сохранившийся документ из коллекции В. В. Лукьянова (БАН), рассказывает о конфликте «людей» ростовского митрополита Иоасафа и архимандрита ярославского Спасо-Преображенского монастыря Иосифа в 1692 году, закончившемся избиением главы монастыря. Наконец, самый ценный и объемный источник — опись имущества гостя Стефана Лузина, одного из богатейших людей Ярославля конца XVII века (собрание РГАДА). Опись сообщает уникальные подробности домашнего быта купца и его торговых связей. Так, в ней есть данные о книжном собрании Лузина, в том числе о частично сохранившейся Библии Пискатора (сейчас в собрании Ярославского музея-заповедника) и о Хронографе, упоминающемся и в других источниках, но до нас, вероятно, не доделавшем.

Доклад Е. С. Данилова (Ярославль) «Лексема кумиръ в Летописце Еллинском и Римском» был посвящен греко-римской религии и ее восприятию древнерусскими книжниками. Предметом исследования явились отдельные пассажи «Летописца», связанные с описанием античных богов, а также употреблением соответствующих лексем. Как оказалось, в «Летописце Еллинском и Римском» второй редакции отсутствуют слова «болван», «ваяние» и «истуканъ». Зато часто встречаются «идол» и его производные (идолъбъсовства, идолослужение, идолобъсования, идолослужитель). «Кумиръ» — самая распространенная лексема, которая фигурирует в летописце, по крайней мере, 37 раз. По наблюдению выступавшего, «кумиръ» — более многогранное понятие по сравнению с «идолом». «Кумиръ» — это изображение не только языческого бога, но также Христа и правителя. Хронологический охват тех эпизодов, где упоминается данный термин, довольно широк, от 60-х годов I века до 70-х годов IX столетия.

Ю. Н. Макин (Москва) прочел доклад на тему «Текстологический анализ загадки перевозахоронения князя Глеба Васильковича Белозерского из Соборной церкви Ростова Великого в Спасский монастырь в 1278 году». В нем были приведены сведения об этом событии, произо-

шедшем через девять недель после смерти князя по инициативе епископа Игнатия, а также о мотивах поступка последнего, почерпнутые из различных исторических источников. Макин предложил также свои версии перезахоронения, в том числе довольно неожиданную.

Л. Л. Полушкина (Ярославль) охарактеризовала в своем сообщении раму 1741 года от иконы Казанской Божией Матери (со Сказанием) из собрания Ярославского музея-заповедника.

Доклад «К вопросу о родословной Спасо-Ярославского архимандрита Иосифа (1703–1714)» прочел А. Ю. Быков (Рыбинск). На основании анализа данных синодиков XVIII века Ростовского Успенского собора и Ярославского Спасо-Преображенского монастыря, а также других документов выступавший идентифицировал членов рода архимандрита Иосифа, определил его семейные связи и сделал вывод о ярославском происхождении архимандрита.

7 октября, во второй день конференции, были прочитаны доклады, касающиеся истории и культуры Нового времени, а также проблем сохранения и популяризации культурного наследия.

Доклад М. А. Федотовой (Санкт-Петербург) был посвящен научной деятельности профессора Санкт-Петербургского университета, исследователя древнерусской литературы И. А. Шляпкина (1858–1918) и прежде всего рассмотрению его магистерской диссертации «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709)», которую он защитил 17 марта 1891 года и издал в том же году отдельной монографией. Выступавшая проанализировала процесс работы Шляпкина над диссертацией и рассказала о диспуте, который состоялся в университете во время ее защиты, об отзывах на его сочинение, обратив внимание на то, что некоторые рецензенты обвинили Шляпкина в излишней увлеченности описанием биографии Димитрия Ростовского и отсутствии литературного анализа его трудов. Федотова показала, что Шляпкин с самого начала отказался от характеристики сочинений Димитрия Ростовского, он написал научную биографию митрополита Димитрия Ростовского на широком историко-культурном фоне эпохи, введя в научный оборот огромный архивный и рукописный материал. По мнению исследовательницы, труд Шляпкина остается уникальным в качестве наиболее полной биографии ростовского митрополита.

И. А. Лобакова (Санкт-Петербург) рассказала об одном не осуществленном замысле Д. С. Лихачева на основе обнаруженного ею в фонде ученого (ИРЛИ. Ф. 769) материала. Это рукописные шестистраничные заметки о содержании, составе, форме издания и основной теме новой книги. По его замыслу, выборка из произведений древнерусской литературы XI–XVIII веков, а также некоторых переводных памятников должна была раскрыть «поиски человечности» их авторами (редакторами и переписчиками). Лихачев предполагал назвать задуманную книгу «Пчела», продолжая тем

самым традицию византийских и древнерусских сборников, содержащих поучительные высказывания из греческих памятников и Священного Писания. Обнаруженные заметки не имеют датировки, однако на основе анализа их содержания Лобакова привела аргументы в пользу появления замысла после 1985 года.

Творческой биографии Родиона Хрусталева, «меднолитного художника»-старообрядца, был посвящен доклад Е. Я. Зотовой (Москва). Она познакомила слушателей с целым рядом открытий, связанных с деятельностью художника, с сохранившимися произведениями меднолитой пластики, отмеченными монограммами мастера Родиона Семеновича Хрусталева, полное имя которого выявлено исследовательницей на нескольких меднолитых произведениях. Ряд предметов с монограммой Хрусталева находится в собрании Ярославского музея-заповедника. Новой страницей в истории русского прикладного искусства стало открытие собрания медного художественного литья, сохраненного старообрядцами Преображенской общиной феодосиевского соглашения Москвы, состоящего из 65 произведений, благодаря которым удалось ввести в научный оборот уникальные модели работы Хрусталева, датированные 1872–1886 годами, узнать новые факты из его творческой биографии.

Е. А. Федорова (Ярославль) прочла сообщение «„Дом заслуженного собеседника“ А. А. Ухтомского: концепция экспозиции в Рыбинском музее-заповеднике». Соавторами докладчика, соразработчиками концепции экспозиции явились заведующая Мемориальным домом-музеем академика А. А. Ухтомского Н. Н. Бикташева и преподаватель рыбинского Авиационного колледжа Е. И. Васильева. Выступавшая рассказала о проекте новой экспозиции в Доме-музее, которую предполагается открыть в 2025 году к 150-летию выдающегося физиолога и мыслителя. По мнению разработчиков проекта, в обновленной экспозиции необходимо создать Комнату «заслуженного собеседника» для знакомства посетителей с основными понятиями этического учения Ухтомского и сформулированным им законом «заслуженного собеседника», который используется в настоящее время в психологии, социологии, философии, педагогике и литературоведении.

Опытом Ярославского музея-заповедника по созданию интерактивной выставки на материале диалектов Ярославского края поделилась Ю. В. Ушакова (Ярославль). Выставка, прошедшая в Ярославском музее-заповеднике с 18 марта по 10 мая 2022 года, стала итогом большого проекта «Следи за языком», целью которого было формирование «лингвопозитивного» общества. Участники этого проекта использовали при работе «Ярославский областной словарь» под редакцией Г. Г. Мельниченко в 10 томах (Ярославль, 1981–1991), аудиозаписи Фонограммархива Пушкинского Дома 1911 года и 1960-х годов, аудиоматериал Института этнологии и антропологии РАН. Проект, поддержанный благотворительным

фондом В. В. Потанина, включал разные этапы работы: знакомство с литературой по диалектологии, историю изучения ярославских говоров, расшифровку аудиозаписей, разработку интерактивных игр для знакомства с диалектными словами, открытие выставки.

И. Б. Зубатенко (Ярославль) посвятила свой доклад фильмам ярославской кинофабрики Г. И. Либкена. Ярославская кинофабрика, образованная в марте 1914-го и просуществовавшая до июля 1918 года, выпустила около 70 художественных фильмов. Среди картин на исторические сюжеты наибольший коммерческий успех имела картина «Стенька Разин» (1914), выпущенная в повторный прокат в 1916 году. Популярный лубочный сюжет про атамана и персидскую княжну был усложнен появлением новых персонажей и сюжетных линий, акцент делался не на достоверности исторических событий, а на страстих героев. В 1916 году вышла вторая серия фильма под названием «Степан Удалой» (о разбойнике, называвшемся Стенькой Разиным), в том же году «Русскую народную серию» открыла лента «Ванька-ключник» («Быль про молодую княгиню и Ивана-ключника») с артисткой московского Камерного театра А. Г. Коонен в главной роли. Исторические постановки Либкена отличались зрелищностью массовых сцен, из костюмерной мастерской частной оперы С. И. Зимина выписывались театральные костюмы, декорациями служили павильоны бывшей Юбилейной показательной выставки 1913 года за Романовской заставой.

Н. С. Землянская (Ярославль) проанализировала списки заказчиков архитектора И. М. Левенгагена — первого губернского архитектора Ярославского наместничества (1777–1789). Три списка заказчиков Левенгагена, составленные им самим, выступавшая обнаружила

в Государственном архиве Ярославской области. Третий, итоговый список, состоит из перечня имен заказчиков архитектурных проектов за 1781–1789 годы. Заказчики — люди разных сословий: дворяне, служители церкви, купцы, мещане и т. д., всего более 460 человек. Используя данные всех трех списков, привлекая дополнительные источники, исследовательнице удалось уточнить время строительства и принадлежность ряда домов в Ярославле.

Завершились XI Чтения по истории и культуре Древней и Новой России круглым столом на тему «„Слово о полку Игореве“ — проблемы изучения и перспективы» и подведением итогов конференции.

Ярким финалом двухдневных XI Чтений стало открытие выставки заслуженного художника России Ю. К. Люкшина «В сиянии Фаворского света». На выставке были представлены картины из графических циклов «Святой преподобный Сергий Радонежский», «Псково-Печорские старцы», «Валаамские старцы». Выставку подготовила и провела по ней экскурсию хранитель фонда редких книг Ярославского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Т. И. Гулина. Интересной была и культурная программа. Участники Чтений познакомились с новой выставкой «400 лет церкви Николы Надеина», развернутой в Спасо-Преображенском соборе, и посетили Мемориальный дом-музей Л. В. Собинова.

Материалы конференции, как и материалы всех предыдущих Чтений, будут опубликованы в отдельном сборнике «XI Чтения по истории и культуре Древней и Новой России», издание которого предполагается в 2023 году.

© Л. В. Соколова

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-272-276

ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО РЕСАЙКЛИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»*

15–16 октября 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошел четвертый ежегодный Междисциплинарный семинар «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интер-

претации», на котором состоялась презентация промежуточных результатов работы научного коллектива проекта «Советское сегодня (Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы)» (руководитель В. Ю. Вьюгин).¹

* Хроника подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00414 (Советское сегодня: Формы культурного ресайклинга в российском искусстве и эстетике повседневного. 1990–2010-е годы), https://rscf.ru/prjcard_int?19-18-00414, в ИРЛИ РАН.

¹ Подробнее о проекте см.: <http://pushkinskijdom.ru/vv-recycling-mainpage> (дата обращения: 31.08.2023). Деятельность участников проекта нашла также отражение в хрониках: Секущина Ю. А. Междисциплинарный науч-

Тематика семинара объединила специалистов различных профилей — филологов, музыколов, искусствоведов, культурологов.

Заседание открыло доклад Е. Ю. Андреевой (Санкт-Петербург) «Ресайкинг советского авангарда и соцреализма в „Патриархе“, посвященный жилому дому, спроектированному группой архитекторов под руководством С. Б. Ткаченко. Здание 2000–2002 годов постройки, которое искусствовед и архитектурный критик Г. И. Ревзин называет произведением в «дуже постмодернизма», считается характерным примером «лужковского стиля» в архитектуре Москвы. Особенность «Патриарха» состоит в декларативном, «гибридном» примирении противоречий и соединении образов советского авангарда и соцреализма. «Патриарх», замысленный как дополненная реальность находящегося по соседству здания гостиницы «Пекин» (1939–1956), увенчан деревянной версией Башни Татлина. К проекту Ткаченко можно применить его же тактику обозначения многих современных построек как «симулякр» в терминологии Ж. Бодрийяра. Очевидно, что таким симулякром, т. е. «неистинным подобием», является именно модель «Памятника III Коммунистическому Интернационалу» В. Е. Татлина на крыше жилого комплекса. С другой стороны, «Патриарх» в цепи зданий, сооруженных в Москве в духе «сталинского ампира», наиболее оригинал и не зависит от конкретных советских прабразов, в отличие, например, от построенного позже бизнес-центра «Оружейный» (2017). Предметом постмодернистской иронии в стилизации Ткаченко оказывается не Башня Татлина, не утопия конструктивизма и реализованный вместо нее сталинский ампир, а сама архаичная «башенная» матрица власти, восходящая к образу Вавилонской башни.

Н. В. Семенова (Санкт-Петербург) в докладе «„Петя и волк“ recycled (интерпретации симфонической сказки С. С. Прокофьева)» сосредоточилась на различных трактовках произведения, созданного Прокофьевым в 1936 году для Центрального детского театра. Приключение Пети стало универсальной историей, которая за 85 лет существования подвергалась многочисленным переработкам. В то же время дидактизм симфонической сказки позволял ей выступать проводником различных, в том числе полярных ценностей (например, общеизвестно противостояние американской и совет-

ный семинар «Формы культурного ресайкинга в современной России: тенденции и интерпретации» // Русская литература. 2020. № 2. С. 240–242; Андрианова М. Д. Второй Междисциплинарный научный семинар «Формы культурного ресайкинга в современной России: тенденции и интерпретации» // Там же. 2021. № 3. С. 279–283; Кокорин А. В. Третий Междисциплинарный научный семинар «Формы культурного ресайкинга в современной России: тенденции и интерпретации» // Там же. 2022. № 3. С. 274–277.

ской мультиликационных экranизаций 1946 и 1958 годов; в 2002–2003 годах был выпущен диск с записью симфонической сказки Прокофьева и ее альтернативной вариации «По следам волка» («Wolf Tracks») Ж.-П. Бейнтуса (Beintus), где рассказчиками были бывшие президенты СССР и США — М. С. Горбачев и Б. Клинтон). Наибольший интерес для анализа представляют те версии, в которых сюжет сказки, ее пространство и музыкальное начали кардинально трансформируются. К таким относятся «Петя и волк в Голливуде» (2015) и спектакль «Мобильного художественного театра» (МХТ) «Петя и walk» (2021). В последнем действие перемещается в современный мегаполис. Петя — курьер, который доставляет заказы и, коллекционируя окружающие звуки, пытается почувствовать ритм города, выстроить его мелодию. В спектакле МХТ полностью снимается конфликт с волком-антагонистом, добавляется любовная линия, намекающая на пару Сергея и Лины Прокофьевых, происходит деидеологизация симфонической сказки и утверждение новой аксиологической системы, построенной на принципах осознанности, экологического воспитания и мультикультурализма.

В выступлении Л. А. Купец (Петрозаводск) был представлен анализ концепции русской музыки XX столетия, запечатленной в фундаментальной коллективной монографии «Русская музыка и XX век» (изданной под ред. М. Г. Арановского в 1997 году в Государственном институте искусствознания, Москва). Находясь в эпицентре пересмотра советского канона русской музыки данного периода, эта книга служит образцом применения стратегии историко-культурного ресайкинга. Авторы обратились к сознательно забытым или же трансформированным концепциям Серебряного века и раннесоветской музыкальной культуры, в частности феномену русского музыкального зарубежья и фигуре С. П. Дягилева, сочинениям С. С. Прокофьева и Д. Д. Шостаковича 1920-х годов. Подобная концепция русской музыки XX века принципиально дистанцируется от всего «советского» (песен И. О. Дунаевского и т. п.). Предпочтение отдается прилагательному «русское», и таким образом выстраивается единая линия исторического развития от М. П. Мусорского и А. Н. Скрябина до русского послевоенного авангарда. В результате, наиболее значимым критерием «русского» становится идея музыкально-языковых инноваций, чему посвящены две из трех частей монографии. Портреты исполнителей (пианистов, вокалистов, дирижеров, скрипачей и др.), собранные в третьей части, не только отражают историко-культурный контекст эпохи: подчеркивается значение этих музыкантов (как правило, эмигрантов) для мировой музыкальной культуры. Именно такая интегративная концепция русской музыки стала основой для дальнейшей интерпретации этого периода в отечественном музыковедении как в научных исследованиях, так и в образовательных трендах.

В том числе, например, в онлайн-лекциях видеокурса о русских композиторах на портале *Muzium.org*, чье появление в 2017 году было приурочено к 100-летию двух революций.

Блок «музыкальных» докладов завершил комплексный обзор Д. А. Журковой (Москва) «Отзвуки советской эстрады в телепроекте „Голос“». Исследовательница проанализировала средства, с помощью которых осуществляется реинкарнация советской популярной музыки в чрезвычайно успешном телешоу (выходит с 2012 года). Журкова выделила четыре параметра, ключевых для понимания особенностей российской версии вокального состязания: география участников, репертуарная политика, фигура наставника, тембры голосов участников проекта. В частности, была отмечена следующая закономерность: среди конкурсантов помимо исполнителей из разных регионов России оказывались и представители бывших советских республик. Претендую на географическую всеохватность, проект наследует традиции всесоюзных фестивалей советской эпохи, и идея большого многонационального общества возрождается в новой форме. Обратившись к прозвучавшим на шоу композициям, Журкова пришла к выводу, что на протяжении 10 сезонов шоу количество песен советской эстрады в среднем колебалось в пределах 16 %. Из этой тенденции выпадают три сезона, когда уход Александра Градского из проекта привел к определенному уменьшению доли советских песен (до 11,7 %), а его возвращение в проект и смерть в процессе записи шоу — к существенному увеличению «советского» репертуара (более 20 %). Также в докладе была затронута проблема интерпретации советских шлягеров и обозначены два направления. Первое направление стремится к полной идентичности, неотличимости современного исполнения от оригинальной, «канонической» записи песни. Второе направление (гораздо менее многочисленное), напротив, пробует «переозвучить», трансформировать хорошо известные хиты с помощью неожиданных аранжировок в различных музыкальных стилях.

В докладе С. Г. Маслинской (Санкт-Петербург) «Гайдар шагает впереди: трансформация советского канона детской литературы в 2000–2022 годах» были представлены результаты изучения переизданий советской детской литературы. Среди републикуемых произведений заметное место занимают повести и рассказы А. П. Гайдара, который к середине 1980-х годов находился в десятке лидеров (наряду с С. Я. Маршаком, К. И. Чуковским, С. В. Михалковым, А. Л. Барто и др.) по совокупному тиражу изданий произведений для детей и по общему количеству наименований изданий прозы для детей. Начиная с 2005 года заметно растет количество книжных изданий повести «Тимур и его команда», рассказов «Чук и Гек» и «Голубая чашка», напротив, резко снизилось количество изданий повестей «Школа» и «Р. В. С.». Мобилизационный нарратив, свойственный в целом творчеству Гайдара,

утрачивает историческую обусловленность (революцией и Гражданской войной). Вместе с тем произведения о мирной жизни, которая протекает в непосредственной близости от военных действий, требующих мобилизационных усилий как от взрослых, так и от детей, продолжают оставаться в текущем книжном предложении для юных читателей. В качестве иллюстрации данной тенденции Маслинская привела серию издательства АСТ «Бессмертный полк. Детям о войне», в рамках которой была опубликована повесть «Тимур и его команда», тематически и на визуальном уровне (рисунки Г. А. Мазурина) выпадающая из общего контекста серии (сборник «Стихи и рассказы о войне для детей», С. Алексеев «От Москвы до Берлина» и др.).

Л. Д. Бугаева (Санкт-Петербург) в своем докладе «Ресайклинг в кинематографе» подняла вопрос о языке описания и рефлексии феномена ресайклинга, приобретающего в кино разнообразные формы: от детального воссоздания исторической реальности через вещный и звуковой мир определенного периода до тонкого контрапункта — исторического «комментария» к происходящему и / или метафорического осмысливания событий прошлого. Так, в фильме «Спутник» (2020, реж. Е. Абраменко), действие которого происходит в 1983 году, инопланетянин, образовавший с советским космонавтом симбиотическую связь, представляет метафорой неизжитого чудовищного прошлого. Инструментальным в плане описания ресайклинга, как считает Бугаева, является также понятие «атмосфера», разработанное Г. Бёме (2018). Атмосфера, характерная для контекста фильмов одной эпохи и воспроизведенная в другом контексте, заставляет реципиента терять привычные пространственные и временные координаты. Кроме того, ресайклингу может подвергаться система ценностей и отношения внутри определенной эпохи. Бугаева предположила, что для описания подобного типа ресайклинга применимо введенное Т. Мортоном (2013) понятие «гиперобъект», в качестве которого могут выступать, в частности, социальные отношения. Тогда, например, в фильме «Мама, я дома» (2021, реж. В. Битоков) имеет место ресайклинг гиперобъекта — фрагмента системы отношений сталинского времени. Этим картина Битокова отличается от драмы К. Балагова «Дылда» (2019), в которой документально воссозданная атмосфера послеблокадного Ленинграда вступает в конфликт с совершенно невозможным в советскую эпоху с точки зрения аксиологии содержанием фильма.

Доклад Ю. А. Секушиной (Санкт-Петербург) «Ресайклинг советской материальности современных российских санаториев» был посвящен конструированию образа санатория в исследовательско-прикладных и художественных проектах последних нескольких лет. В частности, Секушина обратилась к высказываниям дискутантов встречи «Санатории как пространства заботы» (Минская урбанистиче-

ская платформа, 2021), выставке «История болезни. Право на отдых» К. Ковалевой (РОСФОТО, 2021–2022), экспозициям Л. Касперовичюте в санатории «Сестрорецкий курорт» (2022). В качестве теоретической рамки использовался концепт М. Муравски «застывший» социализм (still-socialism), позволяющий осмысливать влияние сооружений советской эпохи на сегодняшние представления о них. В проанализированных исследовательницей материалах санаторий оказывается местом «законсервированного» прошлого или воображаемого советского. Такой образ санатория, где его материальность связывается с (советской) темпоральностью, способствует тому, что санаторий воспринимается в проектах как «неуместный» в текущем времени объект. Секущина продемонстрировала, как авторы художественных проектов справляются с этой «неуместностью», осуществляя культурный ресайклинг советской материальности санаториев (документальные арт-объекты К. Ковалевой, выставка-«трибют» В. Цою «Солнечные дни»). В конечном итоге ресайклинг может быть как дискурсивным, так и материальным, а его pragmatикой становится работа с советским временем.

М. Д. Андрианова (Санкт-Петербург) в своем выступлении, обозначенном как «*Dolce vita* в ретроспективе. Советское в прозе и мемуарах шестидесятников», сфокусировалась на отражении эпохи «оттепели» в поздней автобиографической прозе писателей-«шестидесятников». Особое внимание докладчица уделила трансформации восприятия советской эпохи при сопоставлении художественных текстов 1960-х годов и мемуаров XXI века. Материалом исследования послужила повесть А. Т. Гладилина «Хроника времен Виктора Подгурского» (1956) и его автобиографический роман «Улица генералов. Попытка мемуаров» (2008), а также произведения В. Г. Попова из сборников «Жизнь удалась» (1981), «Южнее, чем прежде» (1969), «Две поездки в Москву» (1985) и биография С. Довлатова, выпущенная Поповым в серии «Жизнь замечательных людей» (2010). В ходе анализа Андрианова пришла к выводу, что в ранней прозе Гладилина отсутствует антисоветская составляющая, а образ молодого бунтаря достаточно ун普遍的, сама же сюжетная коллизия — постепенное взросление героя и встраивание его в социум — является типичной для жанра романа-воспитания. В «Улице генералов» автор позиционирует себя уже как «антисоветчика», который, однако, не борется с советской системой, а лишь активно выражает недовольство ее антигуманностью и косностью. Иначе обстоит дело с прозой Попова. Советское мироустройство предстает в ней абсурдным и комичным, герой принципиально не интегрируется в этот универсум. В книге «Довлатов» Попов, напротив, описывает жизнь своего поколения в эпоху «оттепели» в ностальгическом ключе, как прекрасную, состоящую из праздников, застолий, дружеских

бесед и творческого соревнования. В результате выявляется разница мировоззрений: жизненным модусом Гладилина становится борьба, вызов и преодоление, нежелание мириться с внешними ограничениями, в то время как для Попова более важной оказывается внутренняя свобода, которой наделены лучшие герои его прозы и которая была неотъемлемой частью культурной атмосферы «оттепели», может быть впервые четко осознанной поколением «шестидесятников» именно в условиях относительной внешней несвободы.

А. В. Кокорин (Санкт-Петербург) в своем докладе «Литература в российской школе: база данных официальных документов» представил базу данных, отражающую содержание официальных документов, которые с конца 1990-х годов формируют постсоветский школьный литературный канон. На современном этапе это «Временные требования к обязательному минимуму содержания основного общего образования» и «Обязательный минимум содержания среднего (полного) общего образования» 1998–1999 годов, «Федеральный компонент государственных образовательных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования» 2004 года, а также примерные основные и рабочие программы по литературе за 2015–2022 годы. База данных содержит более 1200 позиций, причем приблизительно 20 % из них те, что в наивысшей степени вбирают вариативную часть школьной программы, например, «два стихотворения по выбору»; оставшаяся часть — конкретные произведения, перечисленные в источниках, с указанием классов, в которых их рекомендуется изучать. Предварительный анализ сформированной базы позволил исследователю выявить тексты, представленные в Кодификаторе содержания ЕГЭ по литературе, но ни разу напрямую не названные в официальных документах («Полдень» Ф. И. Тютчева и «Фабрика» А. А. Блока), а также произведения, составлявшие основу советского канона преподавания литературы в школе, но исключенные из перечней после распада СССР и возвращенные в 2015–2016 годах («Мать» М. Горького, «Донские рассказы» М. А. Шолохова, «Разгром» и «Молодая гвардия» А. А. Фадеева и др.). Последнее открытие позволило Кокорину говорить о факте ресайклинга советского на современном этапе пересмотра школьного литературного канона.

Итоги семинара подвел В. Ю. Вьюгин (Санкт-Петербург) в теоретическом выступлении на тему «Культурный ресайклинг в XXI веке. Перспектива постмодерна». Докладчик остановился на вопросе о том, как поменялось отношение к понятию «культурный ресайклинг» за последние два десятилетия. По мнению Вьюгина, два фундаментальных отношения к культурному ресайклингу можно охарактеризовать метафорически как «космогоническое» и «эсхатологическое». Первое отношение подразумевает под ресайклингом то, что присуще культуре изначально (например,

регулярная переработка сюжета или жанра). Второе — то, что характерно для определенного этапа ее существования, когда культура претерпевает фундаментальные изменения, своего рода «катастрофу» или «кризис истории» (оно сочетается, в частности, с феноменами ностальгии и травмы). В некоторых исследовательских работах отмечается симбиоз двух видов отношений. В своем докладе Вьюгин детально рассмотрел эволюцию «эсхатологического» подхода к культурному ресайклингу («между ностальгией и новыми медиа»), в рамках которого негативное отношение к последнему, восходящее к критике позднего капитализма, по мнению исследователя, постепенно заменяется на нейтральное или даже позитивное. Был сделан обзор монографий С. Рейнольдса («Ретромания. Поп-культура в пленау собственного прошлого», 2011), Э. Наваса («Теория ремикса: эстетика сэмплирования», 2012),

П. Грейнджа («Монохромные воспоминания: ностальгия и стиль в Америке 1990-х годов», 2002), сборников «Культуры ресайклинга» (2008, под ред. С. Мартин) и «Культура ресайклинга / Ресайклинг культуры» (2011, под ред. В. Калаги, М. Кубиш, Я. Мыдлы). По мысли Вьюгина, «культурный ресайклинг» — не изобретение какого-либо времени, он не принадлежит исключительно периоду позднего капитализма, постмодерна или модерна. Какие бы смыслы в это выражение ни вкладывались, «культурный ресайклинг» представляет собой *открытие*, поскольку этот термин все-гда лишь по-новому описывает целый ряд давно известных практик повтора / переработки, которые прежде казались очень разными и междудо собой мало связанными.

© Н. В. Семенова

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-276-279

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ КРИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ А. С. ПУШКИНА»*

24 ноября 2022 года в рамках исследовательского проекта «Критическая проза А. С. Пушкина: проблемы изучения и эдакционная практика», реализуемого в Отделе пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, состоялось заседание научного семинара «Проблемы издания критико-публицистической прозы А. С. Пушкина». Основной задачей семинара стало обсуждение принципов публикации корпуса критической прозы в составе нового академического издания Полного собрания сочинений, начатого Пушкинским Домом в 1999 году, на основании комплексного изучения более чем полуторавековой эдакционной практики.

Заседание открылось докладом ученого секретаря Пушкинской комиссии РАН А. Ю. Балакина (Санкт-Петербург) «История публикации критической прозы Пушкина: от посмертного издания до первого академического издания». Охарактеризовав дареволюционную эдакционную практику в области издания критической прозы Пушкина в целом, докладчик уделил особое внимание сопоставлению результатов работы двух ключевых редакторов того времени — П. А. Ефремова и П. О. Морозова. Ефремов, занимавшийся изучением жиз-

ни и творчества Пушкина с начала 1860-х годов, был привлечен к подготовке собрания сочинений поэта издателем и книгопродавцем Я. А. Исааковым, владевшим правами на издание пушкинских текстов. Одна из основных задач нового редактора заключалась в исправлении многочисленных ошибок двух предыдущих исаковских изданий, вышедших под редакцией Г. Н. Геннади (СПб., 1859–1860; СПб., 1869–1871) и признанных современниками крайне неудачными. В собрании сочинений Пушкина 1880–1881 годов Ефремов постарался учесть отмеченные критикой недостатки, а также значительно расширил корпус пушкинской критики, включив в него ряд нехудожественных текстов, относящихся к разным жанрам: так, критико-публицистическая проза оказалась в одном ряду с историческими и биографическими материалами. В последующих изданиях Ефремов лишь уточнял датировки и незначительно изменял состав тома материалов non-fiction, так и не решившись на его кардинальную перестройку. Первое издание сочинений Пушкина под редакцией Морозова (СПб., 1887), внешне повторявшее композицию изданий Ефремова, стало настоящим прорывом в области пушкинской текстологии: обратившись к описанию пушкинских рукописей, выполненному В. Е. Якушкиным, редактор внес существенные исправления в публиковавшиеся ранее тексты и ввел в собрание сочинений новые произведения. Балакин отметил, что процесс подготовки Морозовым тома критической прозы Пушкина особенно нагляд-

* Хроника подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01616: «Критическая проза А. С. Пушкина: проблемы изучения и эдакционная практика», <https://rscf.ru/project/22-28-01616/>, ИРЛИ РАН.

но отражен в наборной рукописи, где редактор работал поверх расклейки соответствующего тома ефремовского собрания сочинений. В начале XX века в издании Товарищества «Просвещение» (СПб., 1903–1906) Морозов предложил принципиально новый взгляд на структуру корпуса критико-публицистической прозы, которая позволяла представить Пушкина как участника литературного процесса 1820–1830-х годов. На ряде примеров Балакин продемонстрировал, как опыт структурирования корпуса текстов в издании Морозова был перенят новым поколением пушкинистов, которые готовили собрания сочинений в начале 1930-х годов.

Модератором второй, дискуссионной, части заседания выступила ответственный секретарь редколлегии академического Полного собрания сочинений Пушкина С. Б. Федотова (Санкт-Петербург). Предваряя обсуждение, она обозначила два принципа композиции томов критической прозы, наметившиеся уже в первых советских изданиях. Один из них, называемый условно «оксмановским», предполагает деление корпуса текстов на опубликованное при жизни Пушкина и неопубликованное (неизданное и черновое). Этот принцип композиции был предложен одним из ведущих текстологов-пушкинистов того времени Ю. Г. Оксманом и реализован в томе «Критика, история, автобиография» полного собрания сочинений, вышедшего приложением к журналу «Красная нива» на 1930 год (М.; Л., 1931. Т. 5). В дальнейшем ученый неуклонно следовал этому принципу в редактируемых им томах собраний сочинений ГИХЛ и «Academia». В полной мере реализация данного принципа достигнута, с точки зрения модератора, в восьмом и девятом томах полного собрания сочинений, вышедшего в издательстве «Academia» (М.; Л., 1936, 1937). Второй принцип — хронологический — реализован в одиннадцатом и двенадцатом томах полного академического собрания сочинений ([М.; Л.], 1949): он заключается в строго хронологическом представлении корпуса критико-публицистической прозы и не учитывает ни завершенности текстов (опубликованные либо подготовленные к печати vs оставшиеся незаконченными), ни их pragmatики (для какого издания предназначались). Федотова напомнила участникам семинара о трагической судьбе советского академического издания, обратив особое внимание на судьбу томов критической прозы. Оба тома (одиннадцатый и двенадцатый) в соответствии с изначальным планом полного собрания сочинений должны были выйти в двух книгах каждый, при этом одиннадцатый том отводился полностью критике и публицистике, а двенадцатый (его первоначальное название — «Литературные и биографические материалы») должен был состоять из двух разделов: биографической прозы и «рукой Пушкина». Уже после войны, в преддверии очередного пушкинского юбилея 1949 года, к которому предполагалось завершить академическое издание,

коллектив исследователей столкнулся с серьезным сопротивлением Издательства АН СССР, требовавшего наполовину сократить двенадцатый том — биография этой «многострадальной» книги была подробно изучена Т. И. Краснобородько в статье 1989 года «„Нетворческие“ тексты А. С. Пушкина: проблемы издания». Впоследствии оба тома были уменьшены в объеме, а корпус критической прозы вобрал в себя ряд «инородных» текстов, которые редакторы пытались спасти, поскольку было принято решение не печатать раздел «рукой Пушкина». История подготовки этих томов, восстановленная преимущественно по архивным источникам, позволяет нам сегодня объективно оценить сложности, с которыми столкнулись редакторы томов, и учитывать насилиственное издательское вмешательство в собственно научный процесс. Хронологический принцип композиции томов критико-публицистической прозы, обоснованный одним из их редакторов В. В. Гиппиусом в 4–5 томе сборника «Пушкин: Временник Пушкинской комиссии», вслед за «большим» академическим изданием представлен и в так называемых малых академических десятитомниках под редакцией Б. В. Томашевского (Л., 1949. Т. 7; 2-е изд.: 1958; 3-е изд.: 1964; 4-е изд.: 1978).

Заслушав докладчиков, участники семинара в первую очередь остановились на обсуждении названия тома критики нового академического издания. Каждое из бесспорных традиционное заглавие «Критика и публицистика», которое фигурирует как в упомянутых ранее академических изданиях, так и в послевоенном издании под общей редакцией московских пушкинистов Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова и Ю. Г. Оксмана (М., 1962. Т. 6), вызвало дискуссию. А. Ю. Балакин предложил рассмотреть вариант «Критика и журналистика», обратив внимание на то, что слово «публицистика» во времена Пушкина почти не использовалось. Напротив, слово «журналистика» было в ходу повсеместно; это понятие включало в себя весь комплекс повседневной журнальной работы — от редакционных заметок, примечаний и дополнений до полноценных журнальных статей. Участники семинара, не придая к единой точке зрения, договорились продолжить дискуссию в рамках следующих встреч.

Наиболее острый, как и предполагали организаторы семинара, оказался вопрос о композиции тома критической прозы. Единственно правильное решение, по мнению главного научного сотрудника Отдела пушкиноведения С. А. Фомичева (Санкт-Петербург), было принято Ю. Г. Оксманом: разделив корпус на опубликованное и предназначение для публикации, с одной стороны, и незавершенное (включая отрывки, наброски и планы) — с другой, исследователь вычленил в составе опубликованной критической прозы ряд подразделов, которые наглядно представляют эволюцию критико-публицистической деятельности Пушкина.

Сторонницей противоположной точки зрения выступила ученый хранитель рукописей Пушкина Т. И. Краснобордко (Санкт-Петербург), указав на непоследовательность про- ведения принципа, предложенного Оксманом и реализованного им в ряде изданий. Так, им были выделены разделы «Публикации в „Современнике“» и «Статьи и заметки, предназначенные для „Современника“»; при этом раздел «Публикации в „Литературной газете“» не сопровождается аналогичным — «Статьи и заметки, предназначенные для „Литературной газеты“». Между тем в него могут быть включены и большой массив литературо-критических, полемических и автобиографических заметок «<Оправдание на критики>», и незавершенный цикл «Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», и незавершенные статьи «<Баратынский>», «<О на- родной драме и драме „Марфа Посадница“>» и др. Все они — важные журнальные замыслы, которые Пушкин не смог реализовать из-за за- крытия «Литературной газеты». В структуре оксмановского тома им отводится место среди мелочей в разделе «Незавершенное, отрывки, наброски, планы». Краснобордко выразила глубокое убеждение в том, что редакторы одиннадцатого тома академического издания В. В. Гишиус и Б. М. Эйхенбаум, а позднее и Б. В. Томашевский сознательно избежали де- ления на опубликованное и неопубликован- ное, ведь хронологический принцип подачи этого разнородного материала, с трудом подда- ющегося систематизации, позволяет показать эволюцию Пушкина-критика.

Соглашаясь с необходимостью введения раздела «Статьи и заметки, предназначенные для „Литературной газеты“», С. А. Фомичев предложил еще два подраздела: публикации для «Северных цветов» («Отрывки из писем, мысли и замечания», «Отрывок из литературных летописей», «<О „Ромео и Джульете“ Шекспира>» и др.), а также заметки и мате- риалы для газеты «Дневник» 1832 года. Иссле- дователь подчеркнул, что расположение тек- стов блоками, едиными комплексами — мате- риали для «Северных цветов», «Литературной газеты», «Дневника», «Современника» — по- зволяет ясно увидеть движение Пушкина к «Современнику» как критика, публициста и издателя. Логика этой эволюции, по мнению Фомичева, должна быть обязательно показана в структуре тома.

Важным критерием для принятия реше- ния о композиции тома, по мнению главно- го редактора нового академического издания, члена-корреспондента РАН М. Н. Виролайнен (Санкт-Петербург), должны стать общие прин- ципы построения томов в собрании сочинений. В предшествующем академическом издании критика и публицистика были даны в хроноло- гическом порядке потому, что так были по- строены все тома, включая тома лирики. Глав- ный редактор обратила внимание участников семинара на принципиально иную структуру нового издания и предложила ввести в том

критики раздел «Оставленное в рукописях» — по аналогии с разделом «Оставленное в черно- виках» в томах лирики. Алтернативное мнение высказала старший научный сотрудник Отдела пушкиноведения Т. А. Китанина (Санкт-Петербург), предложив (вслед за С. А. Фомичевым) деление всего корпуса на «Опубликован- ное и подготовленное к печати» и «Неопубли-кованное». Несмотря на то, что запрещенные цензурой статьи (к примеру, «Александр Ради- щев») остались неопубликованными, их следу- ет включить в первый раздел в соответствии с практикой вышедших томов лирики, где запрещенные цензурой стихотворения включены в основной корпус. Эта точка зрения в итоге нашла поддержку у значительной части ауди- тории.

За обсуждением композиции тома послед- довала дискуссия непосредственно о корпусе текстов. По справедливому замечанию С. А. Фомичева, тома критики в разное время напол- нялись редакторами разножанровым мате- риалом. Наряду с историческими и автобио- графическими материалами туда включались даже художественные произведения — напри- мер, «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», прозаический текст, долгое время вос- принимавшийся как рутинная журнальная публикация (ему Фомичев посвятил отдель- ный обстоятельный очерк в своей книге «Пушкинская перспектива»). «Очистка» корпуса критико-публицистической прозы от инород- ного материала была признана участниками семинара крайне необходимой. Однако наряду с очевидными примерами, такими как «<Во- ображаемый разговор с Александром I>», пе- ренос которого в автобиографическую прозу не вызывает сомнений, жанровая принадлеж- ность ряда текстов остается по-прежнему спор- ной. Так, автобиографическая составляющая болдинских «Оправданий на критики» по- зволила Я. Л. Левкович включить их в корпус мемуарной (автобиографической) прозы, не- смотря на, казалось бы, устоявшуюся тради- цию печатать эти заметки в составе критиче- ской прозы.

Участниками семинара было высказано предложение решить этот вопрос дублировани- ем текста (в зависимости от его pragmatики) в разных томах одного издания. А. Ю. Балакин напомнил присутствующим, что текст, кото- рый при жизни Пушкина печатался под за- головком «Отрывок из письма А. С. Пушкина к Д.», был опубликован в советском академи- ческом издании трижды (в 4, 8 и 13 томах). Ис- следователь обратил внимание на заметку «Мои мысли о Шаховском», которая в разных изданиях публиковалась как в составе дневни- ков, так и в составе критической прозы, пред-ложив напечатать этот опус в новом академи- ческом издании дважды. В поддержку этой точки зрения выступила Т. И. Краснобордко, отметив, что «Мои мысли о Шаховском» — не только первая проба Пушкиным «критиче- ского» пера, но и часть единого автографиче- ского комплекса, который принято называть

«Лицейским дневником 1815 года», и произвольное изъятие какого-либо фрагмента из него недопустимо. Однако к единому мнению по вопросу дублирования текстов участники семинара не пришли.

Отдельная дискуссия была посвящена проблеме включения в корпус критической прозы пушкинских «заметок на полях». Балакин отметил, что в двенадцатом томе прежнего академического издания в этом разделе напечатано только пять текстов — в действительности же их значительно больше, и среди них есть не публиковавшиеся ранее маргиналии. Краснобородко призывала проводить четкую границу между тем, что сам Пушкин называл «надстрочной критикой» (это, например, заметки на «Опытах в стихах и прозе» К. Н. Батюшкова, пометы на полях рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фон-Визине», обнаруженные В. Э. Вацуро и М. И. Гильельсоном, и др.), и замечаниями историка (обильные пометы на полях книги «Заметки

о жизни и службе Александра Ильича Бибикова») или переводчика (замечания на переводе А. Ф. Вельтмана «Слова о полку Игореве»). Все читательские маргиналии Пушкина были учтены исследователями предыдущих поколений, однако в то время Издательство Академии наук сочло избыточным публиковать корпус этих текстов. По мнению хранителя рукописей, собственно «надстрочная критика», не оформленная в связный текст, но отражающая важные мысли и наблюдения Пушкина, вполне может быть включена в корпус критической прозы.

Заседание семинара завершилось обсуждением дальнейших перспектив проекта: в частности, исследовательский коллектив анонсировал выпуск в 2023 году аннотированной библиографии научных и научно-популярных работ, посвященных критико-публицистической прозе Пушкина.

© В. В. Турчаненко

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-279-282

ОДИННАДЦАТЫЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

7 декабря 2022 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошел Одиннадцатый Агиографический семинар, посвященный широкому спектру вопросов изучения русской агиографии и гимнографии, а также проблемам формирования и развития культов святых. Открывшая заседание М. А. Федотова напомнила присутствующим о задачах и тематике семинара и рассказала о новом проекте «Русская агиография: текстология, источники, поэтика» (РНФ, № 22-18-00174, <https://rscf.ru/projekt/22-18-00174/>), разрабатываемом учеными Пушкинского Дома (в нем принимают участие не только сотрудники Отдела древнерусской литературы, но и Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур и Лаборатории цифровых исследований литературы и фольклора) с привлечением коллег из Государственного исторического музея (Москва) и Московской духовной академии. В рамках этого проекта были подготовлены прочитанные на семинаре доклады С. А. Семячко, Т. Н. Галашевой, А. В. Волкова.

Открыл работу Агиографического семинара доклад Т. Б. Карбасовой (Санкт-Петербург) «К вопросу о почитании митрополита Петра в XV веке». Исследовательница дополнила систематическое описание истории почитания митрополита Петра, выполненное А. Г. Мельником, теми сведениями, которые содержат памятники литературы указанного периода.

Были проанализированы произведения, посвященные другим святым и святыням (Жития митрополита Алексия и Никона Радонежского, «Сказание о Темир-Аксаке»); литературные тексты о перенесении мощей митрополита Петра («Похвальное слово», «Слово на перенесение мощей»); памятники, созданные тезкой святого, священником московского кремлевского собора «любомудрецом Кифой» («Чудеса митрополита Петра» и Второе «Слово на перенесение мощей»). Подробнее были рассмотрены ключевые житийные тексты о святом — Краткое Житие и Житие, написанное Киприаном. Поставлен вопрос: на каком основании Краткое Житие считается самым ранним агиографическим памятником о святом, созданным до 1328 года (Клосс Б. М. Избр. труды. М., 2001. Т. 2. С. 18) и предшествующим Киприанову Житию? Датировка сохранившихся рукописей и анализ разночтений, по мнению исследовательницы, скорее указывает на то, что Краткое Житие было написано в конце 50-х — начале 60-х годов XV века. Это предположение требует дополнительных обоснований, особенно лингвистических, однако несомненно, что и гипотеза о раннем происхождении Краткого Жития, как показала Карбасова, больше не может «приниматься на веру» и требует доказательств.

С. А. Семячко (Санкт-Петербург) в докладе «К истории текста Жития Дионисия Глушиц-

кого» пересмотрела представленные ею ранее, в работе «Житие Дионисия Глушицкого» (Святые подвижники и обители Русского Севера: Усть-Шехонский Троицкий, Спасо-Каменный, Дионисьев Глушицкий и Александров Куштский монастыри и их обитатели / Изд. подг. Г. М. Прохоров и С. А. Семячко. СПб., 2005. С. 77–217), наблюдения относительно истории текста Жития. Причиной нового обращения к этому вопросу стало изучение истории текста Сказания о Спасо-Каменном монастыре, безусловно связанного с Житием Дионисия, и Службы преподобному. Исследовательница пришла к заключению, что Сказание вторично по отношению к Житию Дионисия Глушицкого, что позволило ей упростить стемму, отражающую историю текста Жития, избавившись от лишнего текстологического звена. По мнению Семячко, все совпадающие элементы наиболее ранних Основной и Минейной редакций Жития относятся к его первоначальному тексту, а названные редакции независимо друг от друга восходят к архетипу без каких-либо посредствующих звеньев. Другое изменение стеммы 2005 года касается местоположения Особого варианта Основной редакции Жития, представленного двумя списками XVI века: РНБ. Собр. ОЛДП. Q.94 и РНБ. Собр. Погодина. № 652. Изучение более раннего сборника ОЛДП. Q.94, в котором Житие Дионисия читается вместе со Службой преподобному, привело исследовательнице к выводу о том, что оба эти текста возникли в результате контаминации, а создателем контаминированных текстов мог быть писец рукописи поп Василий Гуща, вложивший книгу в Спасо-Рабангский монастырь.

П. В. Островский (Сергиев Посад) выступил с докладом «Источники Службы преподобному Александру Свирскому», в котором наглядно продемонстрировал, что с середины XVI века наступает «золотой век» русской гимнографии. По благословению митрополита Макария создаются десятки новых служб в честь святых, прославленных на Московских Соборах 1547 и 1549 годов, в их числе служба на представление преподобного Александра Свирского, самый ранний список которой датируется 1553 годом (ГИМ. Синодальное собр. № 883). Написанная неизвестным автором служба по составу молитвословий соответствует всенощному бдению и представляет собой текст, созданный на основе большого количества заимствований. Докладчику известно 16 источников. Ими стали службы из Минеи в честь преподобных, основателей крупных монастырей: Афанасия Афонского, Варлаама Хутынского, Сергия Радонежского, Илариона Нового, Стефана Чудотворца, Пахомия Великого и др. Работая с заимствованными песнопениями, гимнограф не делает механической компиляции, но подходит к написанию службы творчески, обильно дополняет молитвословия собственными предложениями, создает сложные конструкции из текстов. Особенно интересен способ, когда автор предваряет начальными стро-

ками стихир преподобному Варлааму заимствованные из другого источника стихиры, нанизывая таким образом разные тексты на единую нить. Пример рассмотренного Островским богослужебного произведения показывает, что русская гимнография XVI века, безусловно, заслуживает внимания.

Завершал утреннее заседание семинара доклад А. Е. Соболевой (Москва) «Источники Косинской редакции Жития Александра Свирского». Житие преподобного входит в корпус новгородских текстов, которые, будучи существенно переработанными новгородским подьячим Борисом Козынином, вошли в «Трехполигон новгородских чудотворцев», составленный специально для Косинского монастыря к 1687 году (РНБ. Ф. I. 729). Все житийные тексты сборника сопровождаются службами. Выявлено два источника редакции: Житие из Старопечатного пролога (в изданиях с 1660 года) и Минейная редакция Жития, как в рукописи РГБ. Ф. 236. № 91 третьей четверти XVII века. О рукописи как непосредственном источнике можно говорить достаточно уверенно, поскольку, подробно останавливаясь на посмертных чудесах преподобного, книжник пропускает только одно чудо, об отроке Аристе, а указанный список — единственный с таким же составом. Богословское новаторство Козынина проявляется в аллюзиях, возникающих благодаря введенным им цитатам из Священного Писания: например, он косвенно сравнивает мать преподобного Александра с матерью пророка Самуила Анной. Косинская редакция Жития известна в единственной рукописи, и предназначалась она, с большой долей вероятности, для чтения во время службы. Эта цель объясняет комплексную работу редактора над текстом, причем в том же русле, что и над житиями преподобных Михаила Клопского, Саввы Вишерского, архиепископа Моисея Новгородского. Козынин избавляет текст от повторов, делая его «легким» для чтения и восприятия на слух. К этой легкости приводит работа с языком: существенно упрощается синтаксис, при этом строго соблюдаются книжные грамматические нормы, употребляются новые, пришедшие с книжной справой, лексемы. Можно смело сказать, что перед нами удачный редакторский опыт в выведении литературного языка из Средневековья в Новое время, пусть и на ограниченном одним сборником материале.

Вечернее заседание семинара открылось докладом Т. Н. Галашевой (Санкт-Петербург) «К вопросу о композиции Жития Ефрема Новоторжского», в котором была проанализирована Пространная редакция текста, наиболее часто встречающаяся в рукописной традиции. В Житии, составленном в Новоторжском Борисоглебском монастыре в первой половине XVII века (до конца 1640-х годов), нет заимствований из других агиографических памятников; не нашла отражения и традиционная структура преподобнического жития. Подобающие топосы распределены неравномерно:

они преобладают во вступлении и в главке о преставлении святого. В остальном тексте точно передается содержание более ранней Краткой редакции, дополненное не столько агиографическими, сколько новеллистическими чертами. Традиционные агиографические формулы получают в тексте новые смыслы (и связанные не столько с прославлением Ефрема, сколько с фактом написания его первоначального Жития, т. е. прославлением монастырской святыни). Традиционные для жанра библейские цитаты претерпевают инверсию (цитата о таланте) или наделяются значением, противоположным библейскому (уподобление князя Михаила Иисусу Навину). Все это говорит о Житии как о тексте, по мнению исследовательницы, составленном вне книжной традиции, без ориентации на письменные источники, однако человеком, обладающим «церковной памятью» и владеющим соответствующим жанру языком.

Доклад М. С. Егоровой (Санкт-Петербург) «Риза, Триодь и Василий Московский: об одном гимнографическом „сюжете“» был посвящен уникальному пеанопению из службы блаженному Василию Московскому от 2 августа, которое известно всего лишь по двум музыкальным кодексам конца XVI — середины XVII века, — стихире-славнику на «Господи, возвозах»: «Тебе одеяющагося» 5-го гласа знаменного роспева. Художественная структура стихирь отсылает к пеанопению из Триоди постной с тем же инципитом — стихире великой вечерни службы Великой Пятницы «Тебе одеяющагося», посвященной прославлению Христа, его крестных страданий и грядущего воскресения. Анализ поэтического текста и его интонационного воплощения показал, что неизвестный русский гимнограф положил в основу пеанопения в честь «блаженного нагоходца» ту версию великопостного текста, которая представляет собой расширенную в текстовом отношении стихире византийского происхождения, дополненную несколькими страстными мотивами, и встречается только в древнерусских певческих рукописях с XII века. Выбор музыкально-поэтической модели из чинопоследования Великой Пятницы обусловлен, по-видимому, совокупностью мотивов *imitatio Christi*, группирующихся вокруг культурной оппозиции тела и духа, реализованной в образах «одежды нетления». Гимнограф уподобляет подвиг юродивого Жертве Христа, выстраивая антitezу обнаженности как символа телесной смерти и одновременно — «небесной ризы», «одеяния вечной жизни». Амбивалентный образ наготы характерен и для иконографии юродивого, в частности, мотив «одежды нетления» играет важную роль в известном надгробном лицевом покрове святого Василия конца XVI века из одноименного придела собора Покрова на Рву. Некоторые детали музыкальной структуры текста свидетельствуют о том, что создатель поэтического текста стихирь мог быть также и роспевщиком, хорошо

знакомым с певческой традицией Страстного богослужения.

Два последних сообщения были посвящены творчеству святителя Димитрия Ростовского. А. В. Волков (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Жития святых в „Келейном летописце“ Димитрия Ростовского: к постановке проблемы». «Келейный летописец» — масштабное сочинение святителя, над которым он трудился в последние годы жизни, с 1707-го по 1709-й. «Келейный летописец» представляет собой изложение Книги Бытия (1–32-я главы), снабженное многочисленными толкованиями; также в нем уделено внимание истории государств Древнего Востока и античной мифологии. Работа над «Келейным летописцем» началась вскоре после завершения издания «Книги житий святых» в четырех томах — грандиозного агиографического свода, составление которого Димитрий Ростовский посвятил два десятилетия. Столь масштабная работа не могла не отразиться и на дальнейшем творчестве святителя: на всем протяжении «Келейного летописца» встречаются как отсылки к житиям святых, так и точные цитаты из них, причем Димитрий Ростовский с присущей ему скрупулезностью точно указывает местоположение этих цитат по «Книге житий святых» в издании 1689–1705 годов. Кроме того, в нем присутствуют ссылки на Великие Минеи-Четыре митрополита Макария, московский печатный Пролог 1685 года, Лимонарь и Патерик Скитский. Отсылки к житиям святых в «Келейном летописце» выполняют ряд различных функций, связанных как с комментированием эпизодов священной или светской истории, требующих тех или иных пояснений фактологического характера, так и с дидактическими целями. Жития святых выступают в качестве важной инстанции для разрешения спорных вопросов, касающихся библейской истории, и установления достоверности сведений, заимствованных из теологических и исторических сочинений западноевропейских авторов. В «иерархии источников», которую можно выделить в «Келейном летописце», жития святых занимают высокое место, наряду с сочинениями Отцов Церкви, и сведения, сообщаемые в них, по мнению святителя, заслуживают безусловного доверия. Так, при рассмотрении вопроса о существовании земного рая после всемирного потопа Димитрий Ростовский обращается к житиям Дорофея Кесарийского и Евфросина Палестинского, приходя к выводу, что земной рай остался невредим после потопа. Ссылками на жития сопровождается рассмотрение таких библейских сюжетов, как вавилонское столпотворение, гибель Содома и Гоморры и др. Кроме того, Димитрий Ростовский ссылается на жития святых, комментируя эпизоды, связанные с античной мифологией. Основываясь на житиях мученика Понтия и десяти мучеников критских, он опровергает распространенное у западноевропейских историографов мнение о тождестве библейского Нимрода

и мифологического Сатурна. Наконец, ссылки на жития святых постоянно встречаются во фрагментах дидактического характера, не имея непосредственного отношения к событиям, излагаемым в «Келейном летописце». Подобно тому, как упоминания Христа и святых апостолов постоянно поддерживают связь ветхозаветных событий, описанных в «Келейном летописце», с евангельской историей, так и упоминания святых подвижников различных стран и эпох создают многомерную картину развития христианства.

А. В. Духанина (Москва) продолжила разговор об агиографических трудах святителя Дмитрия, выступив с докладом «Житие Стефана Пермского в редакции Дмитрия Ростовского». В ходе работы над Четымы Минеями Дмитрий Ростовский составил новую редакцию Жития Стефана Пермского, ставшую продолжением одновременно и рукописной, и старопечатной традиций сочинения. Основным ее источником было Житие, написанное Епифанием Премудрым, в списке из Успенского комплекса Великих Миней Четырех середины XVI века. Обширный епифаниевский текст Дмитрий превратил в краткую минейную редакцию, существенно переработав источник в свойственной ему манере: сделав повествование более динамичным, логичным и назидательным.

Дополнительным источником новой редакции стала Проложная редакция Жития Стефана Пермского в составе печатного Пролога 1685 года издания, из которой Димитрий Ростовский позаимствовал отдельные исторические детали и фрагменты, при этом в тексте появилась и другая информация, неизвестная из сочинений о Стефане Пермском. В середине XVIII века, при переиздании «Книги житий святых», входящие в нее произведения, в том числе и Житие Стефана Пермского, подверглись правке, частично осовременившей язык и убравшей из него характерные для текста Дмитрия украинизмы. Этот новый вариант текста Жития многократно переиздавался в составе «Книги житий святых» на протяжении второй половины XVIII — начала XX века. Редакция Дмитрия Ростовского получила распространение и в рукописях и стала основой новой месячесловной редакции в середине XVIII века.

Завершая работу Одиннадцатого Агиографического семинара, С. А. Семячко подвела его итоги и напомнила присутствующим, что Двенадцатый семинар состоится через год, как всегда, в первую среду декабря.

© С. А. Семячко

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-282-284

XLII НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

6–7 февраля 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН прошла XLII Некрасовская конференция. С приветственным словом обратился к участникам и слушателям директор Института В. В. Головин, подчеркнув значимость некрасоведения в Пушкинском Доме.

Открыли утреннее заседание первого дня П. Ф. Успенский и А. С. Федотов (Москва) докладом «Социализм Некрасова: „Когда из мрака заблужденья...“ в свете французского утопизма». По мнению исследователей, великие утописты (К. А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн) оказали существенное влияние на развитие русской общественной мысли 1830–1860-х годов. Некоторые из их тезисов получили осто рожное развитие в творчестве Некрасова: так, прогрессивно поддерживая дискурс о «падшей женщины», поэт одновременно стремится сохранить сложившийся гендерный порядок, его героиня возвращается к роли моногамной хозяйствы в нормативном патриархальном мире.

М. С. Макеев (Москва) в докладе «Григорий Добросклонов: поэт или революционер? О проблеме „основного текста“ „Пира на весь мир“» поделился текстологическими наблюдениями,

возникшими в ходе работы над второй частью третьего тома «Полного собрания стихотворений» Некрасова. Изучение прижизненного оттиска в «Отечественных записках» и корректуры фрагмента главы «Доброе время — добрые песни» позволяет предположить, что конечный текст рассматриваемого отрывка не является результатом только цензурного вмешательства и имеет следы творческой правки. Определяя субъекта выскакивания, Некрасов прорабатывает три ипостаси Григория Добросклонова: человек, поднимающийся из низов до вершин просвещения («рыбак Архангельский»), «народный заступник» и, наконец, поэт («песня новая в полуслоне слагается»).

В докладе «Климент Лавин в рукописях „Последы“: эволюция образа» А. С. Федотов (Москва) проанализировал четыре автографа главы поэмы «Кому на Руси жить хорошо», хранящиеся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Все черновые материалы подтверждают, что к началу работы над текстом у Некрасова уже сложилась вся система персонажей. Значительные изменения претерпевает только образ подставного бурмистра Клима. В наборной рукописи заметна эволюция его характера:

одномерный отрицательный герой усложняется, утрачивает сатирическое амплуа, получает эмблематическую функцию посредника.

Доклад Г. В. Зыковой (Москва) «„К Николай Алексеичу, — на Литейной живет“: имя поэта в его стихах (XVIII—XX вв.)» продемонстрировал, что имя собственное — заметная часть некрасовского словаря в лирических произведениях. Чаще всего фамилии и отчества используются автором в фельетонном контексте, что согласуется с эстетической концепцией классицизма о несовместимости областей возвышенного и конкретного. Однако в цикле «О погоде» можно наблюдать случай «нежанрового» употребления имени, что становится литературным «прецедентом» для ряда авторов XX века.

Завершилось утреннее заседание презентацией второго тома «Полного собрания стихотворений» Некрасова в серии «Новая библиотека поэта».

Вечерняя сессия продолжилась докладом Т. И. Печерской (Новосибирск) «„Бывают странные сближения“: общие места в мемуарах о Чернышевском и Писареве». В корпусе мемуарных текстов, сформировавшихся в основном в 1880-е годы, выступавшей удалось обнаружить несколько тематических совпадений в описании фигур Чернышевского и Писарева. Подобные сходства можно объяснить тем, что к началу XIX века в мемуаристике уже существовала модель для создания образа выдающегося общественного деятеля-революционера.

Е. И. Самородницкая (Москва) в сообщении «„В глухи забытого селенья“: эволюция дикарки в прозе А. Я. Панаевой» предположила, что реализация брачного сюжета в произведениях писательницы обусловлена жанрово: там, где она следует за привычной жанровой моделью («Пасека», 1849), судьба героини складывается трагично, если же автор пытается обыграть готовый шаблон («Сельская барышня», 1855), возрастает возможность счастливого финала.

В докладе Г. А. Шпилевой (Воронеж) «О нарративе в очерке В. А. Соллогуба „Тарантас. Путевые впечатления“ (1845)» было рассмотрено сингулятивное и итеративное повествование в названном произведении. Чередование в «Тарантасе» планов неперсонифицированного рассказчика (всезнающего автора) и дидетического нарратора дает писателю свободу ассоциаций, возможность пародировать и иронизировать.

Е. В. Шашкова (Санкт-Петербург) в докладе «Публицистические аспекты творчества И. И. Панаева» выделила круг тем, интересовавших писателя на каждом из этапов его журнальной деятельности, а также подчеркнула, что на протяжении всего пути Панаев остается верен установке на демократическую направленность.

Завершился первый день конференции докладом Ю. И. Красносельской (Москва) «„Чижа не уничожай“: к вопросу о критическом осмыслении „Современника“ в комедии Л. Н. Тол-

стого „Зараженное семейство“», где были рассмотрены основные текстовые источники символического образа чижка-семинариста. Одним из них мог быть рассказ Н. С. Преображенского «Простые люди», напечатанный в «Современнике» за 1859 год (№ 12). Указанный номер журнала сохранился в Яснополянской библиотеке и содержит пометы Толстого.

Утреннее заседание второго дня конференции открылось докладом Е. Н. Пенской (Москва) «„Поэты ссыхаются“: Н. А. Некрасов на языке „живых картин“», познакомившим слушателей со сложившимися в XX веке критериями отбора произведений Некрасова для последующего переведения их на язык драматургии. Воссозданные таким образом «живые картины» часто использовались для дидактических и просветительских нужд, сохраняя в себе побудительные перфомативы, свойственные лирике Некрасова.

Доклад О. Ю. Школьниковой (Москва) «„Я посыпал Париж, Неаполь, Ниццу, / Но я ни- где так сладко не дышал, Как в Грешневе...“: итальянцы и галлицизмы в языке Н. А. Некрасова» показал, что заимствования составляют важную часть словаря поэта и используются им в художественных целях. При этом итальянцы чаще встречаются в нейтральном контексте, а французская лексика применяется в просторечном дискурсе.

Л. Е. Бушканец (Казань) в выступлении «Гении уныния или „жить хочется“: к проблеме самосознания разночинца у Некрасова и Чехова» поделилась наблюдением о том, что приписываемое Некрасову поэтическое «уныние» — не только личное частное чувство поэта, а часть целого эмоционального комплекса, резонирующего с настроениями разночинной интеллигенции 60–70-х годов XIX века.

В фокусе доклада А. Е. Козлова (Новосибирск) «„В ожидании парома“: Д. В. Григорович между „Современником“ и „Отечественными записками“» оказалось сотрудничество писателя с А. А. Краевским и И. И. Панаевым. Обращаясь к метафорическому «паромному» сюжету (синониму прокрастинации), возникшему у Григоровича в 1857 году, исследователь приходит к выводу о том, что «Отечественные записки» больше соответствовали идеи Григоровича о профессиональном писательском труде.

Завершил утреннюю сессию доклад Е. Н. Долгих (Санкт-Петербург) «„Перескакивать, как я хочу, через время и пространство...“: путь и беспутство Аполлона Григорьева...». По мнению выступавшей, проекции представления жизни как странствия очевидны уже в названиях произведений Григорьева («Листки из рукописи скитающегося софиста», «Импровизации странствующего романтика» и т. п.). Слово «беспутство» также активно обыгрывается писателем в эпистолярии, символизируя в том числе предельную свободу в выражении мыслей и чувств.

Заседание второй половины дня открыло С. Н. Гуськов (Санкт-Петербург) — «Практика

атрибуции газетных текстов (на примере «Северной почты» 1862–1863 гг.). С помощью традиционных методов текстологического исследования и обращения к эпистолярию удалось установить авторство нескольких анонимных текстов, опубликованных в малоизученный период службы Гончарова в «Северной почте». Решение романиста стать главным редактором газеты Министерства внутренних дел может быть творчески мотивировано: во время работы над «Обрывом» Гончаров стремился познакомиться с внутренней жизнью России и ввел в структуру газетного номера постоянный отдел «Внутренние известия».

Доклад О. А. Воробьевой (Москва) «О программе журнала „Россия, временник отечественных событий, словесности, науки, искусств и художеств“ Л. А. Мая (1854–1856 гг.)» раскрыл особую тактику, которой придерживался Май при создании собственного периодического издания: сделать акцент на отделах, которые не обладают потенциальной остротой тем (новости правительства, подвиги армии, искусство, зодчество, музыка и театр), таким образом безобидными разделами закрыв те, что могут привлечь нежелательное внимание цензуры.

Ю. В. Веретнова (Санкт-Петербург) в сообщении «Проекты Литературного музея Пушкинского Дома, посвященные Н. А. Некрасову. От выставки в Музее железных дорог России к 200-летию со дня рождения поэта до интерактивной программы на фестивале „Детские дни“» рассказала, как с помощью подлинников документов и писем сотрудникам музея удалось воссоздать атмосферу железнодорожных путешествий Некрасова.

Уникальный опыт подготовки выставки, инсталлирующей творческую лабораторию поэта, представила М. А. Михайлова (Ярославль) в докладе «Литературная экспозиция в „Карабихе“ к 200-летию Н. А. Некрасова: от идеи к воплощению». В основу экспозиции легли 11 произведений Некрасова, написанных во время пребывания в Карабихе.

Завершилась конференция презентацией А. Е. Оторочкиной (Ярославль) «Сборник „Карабиха“ — научно-издательский проект с 30-летней историей», подробно описывающей историю развития издания.

© Е. М. Филиппова

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-284-287

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА СОЛОГУБА»

2 марта 2023 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась научная конференция, приуроченная к 160-летию со дня рождения Ф. Сологуба. Помимо научной части, собравшей исследователей русского модернизма из Санкт-Петербурга, Москвы, Астрахани, Томска, а также США, в рамках конференции состоялась передача инспекторской шпаги Сологуба, хранившейся у Е. Г. Щуки, внучки О. Н. Черносвитовой (урожд. Чеботаревской), в фонд Литературного музея ИРЛИ.

Первое заседание открыл доклад Ю. Е. Галаниной (Санкт-Петербург) «К истории постановок пьесы Ф. Сологуба „Победа смерти“», в котором творчество Сологуба 1900-х годов было введено в контекст театральных исканий начала XX века, поясняющих некоторые особенности его ранней драматургии и театральных взглядов, включая критическое усвоение трудов европейских теоретиков сценического искусства. В частности, положение Г. Крэга о единовластии режиссера в театре вызвало протест Сологуба: в статье «Театр одной воли» он писал о недопустимости вторжения режиссера в текст драматического произведения, о единовластии автора или чтеца, бесстрастно

читающего со сцены все ремарки пьесы («сценические пояснения»: название, имя автора, перечни действующих лиц, описание обстановки и пр.). Считая актера в абсолютном подчинении авторской воле драматурга, Сологуб распространяет это на требование повышенной выразительности сценической игры, позволяющей, по желанию автора, придавать разрешению конфликта противоположный смысл: освобождение героини пьесы «Победа смерти» Альгисты вместо ее гибели.

А. Б. Стрельникова (Томск) посвятила доклад «Сущность и назначение литературы: художественная концепция Ф. Сологуба» исследованию концепции литературного творчества, а также сопряженных с ней концепций чтения и поэтического языка, нашедших отражение в художественных и несобственно-художественных (критических и публицистических) высказываниях символиста. Согласно Сологубу, творчество единственное противостоит омертвлению окружающего мира; искусство и литература удерживают человека от соскальзывания в мир животный и позволяют создавать собственные миры, альтернативные данному. Открывающееся в творческом процессе поэту-модернисту иное метафизическое

измерение является пространством культуры, в котором одновременно сосуществуют образы всей мировой литературы. Приоритетность мира искусства относительно мира сущего возводит литературу в статус новой религии, что обуславливает невозможность разделения этики и эстетики. Сопричастным миру культуры оказывается читатель-писатель, который, в отличие от читателя-критика или «простого» читателя, способен превратить данное в произведении информационное сообщение в собственный духовный опыт. За литературой признается мощнейший гносеологический потенциал, поскольку художественная проза и поэзия не только закрепляют уже существующие языковые формы и смыслы, но и способствуют обогащению новыми: в языковых экспериментах, проводимых в рамках собственной творческой лаборатории, Сологуб по-своему предвосхитил открытия футуристов и обриутов.

В докладе Е. Р. Обатиной (Санкт-Петербург) «Сон Серафимы Павловны: о Сологубе» рассматривалась специфическая сфера рецепции творческой личности Ф. К. Сологуба и А. Н. Чеботаревской, получившая текстовое выражение в литературном жанре «снов». На материалах личного архива Ремизовых исследовательница раскрыла вклад в развитие жанра сновидений супруги писателя С. П. Ремизовой-Довгелло, в частности, записавшей в 1909 году свой сон, героем которого стал Федор Сологуб. Впервые литературная обработка этого бытового документа была введена в корпус художественных произведений Ремизова в седьмом томе Собрания сочинений (М.: Русская книга, 2002). Текст публиковался по первой и единственной печатной редакции, зафиксированной на страницах рижской газеты «Слово» в 1925 году в составе цикла, озаглавленного Ремизовым «Мои сны: Литературные». В ходе доклада был описан круговой путь текста: от документа бытовой культуры через литературную форму — к биографическому документу, статус которого сон С. П. Ремизовой-Довгелло получил в результате ремизовской обработки материалов ее архива, проведенной писателем во второй половине 1940-х годов. На основании текстологического анализа трех вариантов сна докладчица продемонстрировала смещения смысловых доминант и привнесенные Ремизовым в содержание дополнительные коннотации. Отдельное внимание Обатинина уделила поздним комментариям Ремизова к сновидению о Сологубе, в силу психологических мотивов 1945 года, искаживших реальную историю отношений двух писателей. Были представлены также два неизвестных автографа Сологуба и Чеботаревской, свидетельствующие о частых контактах с Ремизовыми и единодушном восприятии окружающей постреволюционной действительности в 1919 году.

Е. Л. Куранда (Санкт-Петербург) в выступлении «Ф. Сологуб и Г. Чулков» рассказала об истории взаимоотношений двух писателей. Описание встреч и личные связи зафиксиро-

ваны в мемуарах Чулкова, который первый (и единственный) опубликовал столь обширный текст о символисте после его смерти в советском издании («Звезда». 1928. № 1). Для воссоздания всей картины отношений привлекаются письма и рецензии писателей. Часть деталей реконструируется по записям в дневнике жены Г. Чулкова, Н. И. Чулковой, где нашли отражение ее непосредственные впечатления и зачастую те же события представлены в ином освещении.

Еще одному современному был посвящен доклад Т. В. Мисникевич (Санкт-Петербург) «Ф. Сологуб и В. Гиппиус: к истории отношений», построенный на архивных материалах, документирующих историю взаимодействия Федора Сологуба и одного из первых русских декадентов — Владимира Гиппиуса. В частности, неопубликованная заметка Гиппиуса «Суровый мечтатель», о Сологубе и его выступлении с чтением лекции «Искусство наших дней» в концертном зале Тенишевского училища 1 марта 1913 года, наглядно показывает, как воспринимался читательской аудиторией крупнейший русский символист в 1910-е годы. Рассуждения Гиппиуса о лекции Сологуба, где ставился вопрос о сущности искусства и его задачах в современном обществе, были рассмотрены в контексте размышлений писателя на данную тему в этот период. Очевидно, Гиппиус не мог не отозваться на публичное слово Сологуба в защиту символизма как мировоззрения и художественного метода, поскольку он находился в поле зрения младшего современника на протяжении всего творческого пути и сыграл важнейшую роль в его самоопределении. В докладе были использованы материалы переписки литераторов, которые пополняют их творческие биографии и служат иллюстрациями к ряду эпизодов периода становления и развития символизма в России. В прениях докладчица и слушатели отметили сложный почерк Вл. Гиппиуса, которым сделаны записи его мемуаров.

Джейсон Меррилл (США) представил исследование «Ф. Сологуб в англоязычных антологиях 1970–2015 годов» о месте Федора Сологуба в англоязычных литературных антологиях после 1960 года. Этот период особенно важен, поскольку в конце 1950-х годов интерес к русскому языку и литературе в англоязычном мире, по большей части в США, вырос астрономически. В первой половине 1960-х годов появилось несколько докторских диссертаций и научных статей, посвященных Сологубу, были подготовлены новые переводы его ключевых работ. Произведения Сологуба появились в нескольких новых типах специализированных антологий. Меррилл рассказал об одном конкретном типе: сборниках стихов, отредактированных и переведенных составителями, которые также были поэтами. Двое из троих знали русский язык, и один был специалистом по жизни и творчеству Сологуба. Все трое описывают свой подход к переводу стихов сконцентрированным и точным образом: ставят поэтичность выше буквального

соответствия. Ученые и читатели, знавшие русский язык, которых после 1960-х годов стало гораздо больше, обычно возражали против таких «поэтических переводов», что усугубляло разногласия в ходе современных споров о целях перевода, особенно поэзии.

Главный редактор издательства «Вита Нова» А. Л. Дмитренко (Санкт-Петербург) представил участникам конференции новую книгу: сборник рассказов, новелл, легенд Ф. Сологуба «Земные дети» (2023), куда вошли одни из лучших произведений писателя малого жанра. Неотъемлемой частью фолиантов серии «Рукописи» являются иллюстрации, созданные специально для каждой книги современными художниками. В графической форме свое восприятие и понимание Ф. Сологуба выразил заслуженный художник Российской Федерации В. А. Мишин. Рассказы снабжены комментариями, которые в свою очередь также частично визуализированы.

В докладе Л. В. Евдокимовой (Астрахань) «О пушкинском мифе Ф. Сологуба» было показано, что сологубовская манифестация пушкинского мифа стала одним из проявлений «жизненного пушкинианства» (И. Паперно) писателей Серебряного века, которым было свойственно проводить параллели между своей жизнью и жизнью Пушкина или людей из его окружения. В качестве мифологем Пушкинского мифа Сологуба выступают имена собственные самого автора. Исключительный характер взаимодействия псевдонима и автонима Ф. Сологуба (Ф. К. Тетерникова) выразился в том, что каждое имя идентифицирует какой-либо аспект (или компонент) мифотворческого пространства Сологуба, определяющий вектор отношения к Пушкину. Псевдоним отличался лишь долготой одного звука от фамилии прозаика XIX века, графа В. Сологуба, и актуализировал связи с пушкинской эпохой. В эссе «Демоны поэтов» мотивы гармоничного соотношения литературы и жизни, мотив искушения Пушкина просматриваются как аллюзии к «Воспоминаниям» В. Сологуба (в частности в финале). Совпадение имени и отчества поэта, Федор Кузьмич, с именем известного старца, который воспринимался как добровольно ушедший с престола Александр I, также могло стать катализатором полемики с Пушкиным, так как легенда о старце привносила новые нравственные и эстетические оттенки в конфликт поэта и царя. Общность имени со старцем обусловила некоторые особенности художественного мира Сологуба, направленные против эстетики Пушкина: лирическое «я» в образе странника, сюжет о царе, пребывающем в не соответствующих сану обстоятельствах, образ поэта-царя в метафорическом и прямом смыслах.

В сообщении «Ф. А. Васильев-Ушкуйник — исследователь творчества Ф. Сологуба» В. В. Филичева (Санкт-Петербург) рассказала об одном эпизоде изучения наследия писателя в 1930-е годы. Васильев-Ушкуйник (наст. фам. Васильев) окончил Петербургский учитель-

ский институт, занимался изучением литературы (см.: «Пушкинские уголки Псковской губернии», 1924), после смерти Сологуба обратился к изучению его жизни и творчества, потому что «почувствовал себя обязанным возложить венок на могилу покойного поэта». Опираясь на наблюдения, полученные в архиве писателя, а также собранные им воспоминания «институтцев» и жителей Великих Лук, Васильев написал статью «Ф. Сологуб в работе над „Мелким бесом“». Сохранившиеся тезисы доклада, который был представлен в научных организациях Москвы (ГАХН, Музей им. А. П. Чехова), и письма В. И. Анненскому-Кривичу, В. Д. Бонч-Бруевичу, Н. К. Гудзию позволяют реконструировать ход работы над статьей и воссоздать ее содержание.

А. Л. Соболев (Москва) в докладе «Еще раз о несостоявшейся эмиграции Ф. Сологуба» составил хронику событий 1921 года, когда поэт вместе с женой пытались выехать за границу. Новые архивные материалы, в частности документы из РГВА, позволили дополнить имеющиеся сведения об этом периоде жизни Сологубов. Знакомство с Л. Д. Троцким, Л. Б. Каиневым, А. В. Луначарским позволило обращаться к ним за ходатайством не только относительно своих паспортов и виз, но и документах для Г. Л. Лозинского. Однако различные препятствия (ограбление квартиры, отказ в обмене советских денег на золотые червонцы, отыск паспортов и, наконец, болезнь Ан. Н. Чеботаревской) помешали осуществить выезд.

В докладе «Ф. Сологуб в дневнике Е. П. Казанович» А. В. Востриков (Санкт-Петербург) и М. М. Павлова (Санкт-Петербург) представили новые мемуарные свидетельства о Федоре Сологубе, извлеченные из хранящегося в Отделе рукописей РНБ дневника Евлалии Павловны Казанович (1885–1942). Основная часть записей относится к 1920–1923 годам; диаристка фиксирует в них встречи с Сологубом — в Неофиологическом обществе на докладе С. А. Полякова о дуэли и смерти Пушкина (12 декабря 1920 года), вечере памяти А. Блока в Пушкинском Доме (2 сентября 1922 года), и др.; записывает содержание выступлений Сологуба (эти тексты в архиве писателя не сохранились) и отдельные, по большей части эпаптирующие, высказывания о А. Белом, В. Брюсове, А. Блоке и Пушкине; пытается составить мнение о личности писателя. Итогом этих встреч явился автограф Сологуба в «альбоме» Казанович — собрании автографов в подарок Пушкинскому Дому, получившем широкую известность благодаря первой записи — «прощальному» стихотворению А. Блока «Имя Пушкинского Дома в Академии наук...» (1921). Сологуб оставил в альбоме четыре строфы из первой части своей незаконченной «пушкинской» поэмы «Казарин» (1920, 1927). По наблюдению докладчиков, дневниковые записи Казанович тесно соотносятся с записями бессед с Сологубом П. Н. Медведева (1925–1926) и В. В. Смирнского (1926), более всего — с воспоминаниями Е. Я. Данько (1927). Вве-

денные в этот контекст мемуары Казанович позволяют составить более цельное представление о писательском и человеческом облике позднего Сологуба.

В заключительном выступлении «Один из последних собеседников Федора Сологуба: К биографии А. П. Могилянского (1909–2001)» М. П. Лепехин (Санкт-Петербург) рассказал и о своем общении с историком русской литературы, текстологом и библиографом, а также

поклонником поэзии символиста А. П. Могилянским, сопроводив историю необходимыми сведениями о жизни исследователя. Основываясь на его устных воспоминаниях середины 1990-х годов, докладчик передал впечатления от двух встреч Могилянского с Сологубом в 1927 году.

© В. В. Филичева

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-4-287-289

ХII КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ «ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС»

16–18 марта 2023 года состоялась очередная конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс», организованная филологическим факультетом МГУ имени М. В. Ломоносова. Мероприятие прошло в гибридном формате — участники и слушатели присутствовали как очно, так и дистанционно. Очная часть стала возможной благодаря Государственному литературному музею имени В. И. Даля, предоставившему площадку для заседаний, и лично К. В. Сарычевой.

На конференции выступили докладчики из Москвы, Новосибирска, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода, а хронология тем охватила диапазон от древней литературы до эпохи СССР; прозвучали две лекции — Я. З. Гришиной о М. М. Пришвине и С. Н. Гуськовой о И. А. Gonчарове; состоялся круглый стол, посвященный повести Л. Н. Толстого «Альберт».

А. А. Наширован (Новосибирск) в докладе «К вопросу о текстологии Слова о Тиверии-ке-саре» проанализировал 23 списка памятника и выделил две основные его редакции — «болгарскую» и «русскую», рассмотрел генеалогию Слова, затронул вопрос его бытования и взаимоотношений с другими апокрифами, связанными с Никодимовым Евангелием.

В сообщении «Славянский перевод „Константина дара“: история смешанной редакции» В. О. Пашкова (Москва) уточнила текстологию этого подложного акта, приписываемого Константину Великому: определила новую стадию формирования смешанной редакции и проследила ее дальнейшую судьбу.

В докладе М. А. Зенковой (Москва) «Семь свободных искусств в древнеисландской Cle-mens saga: латинская книжность в переводческой традиции средневековых исландцев» говорилось о содержательных изменениях, которые исландские книжники производили при переводе.

М. М. Орловская (Москва) разъяснила нарративную стратегию повествования о Торф-Эйнаре как первом ярле Оркнейских островов. Исследовательница проанализировала специфику легитимации власти Торф-Эйнара и его потомков, сравнила рассказы о нем в «Саге об оркнейцах» и «Круге Земном», сопоставила повествование с сюжетами о Харальде Прекрасноволосом.

В сообщении «Висы Торф-Эйнара: особенности композиции» М. О. Стражников (Москва) рассмотрел все пять вис в «Саге об оркнейцах», их связь с прозаическим окружением, а также затронул вопрос об авторстве вис.

В докладе «Непроизнесенные проповеди Стефана Яворского как феномен историко-литературного процесса переходной эпохи» А. И. Попович (Екатеринбург) описал авторскую работу с черновиками проповедей, восстановил историко-литературный контекст создания проповедей, сеть источников, предложил интерпретацию сочинений.

О судьбе сочинений Симеона Полоцкого в последней четверти XVII — XX веке поведала А. А. Преображенская (Москва). Общее представление о том, что сочинения Полоцкого исчезли из оборота после 1690 года, когда были запрещены на церковном соборе, оказалось ошибочным: списки, выписки и переиздания появлялись в более позднее время.

Е. В. Гайдукова (Санкт-Петербург) прочитала доклад о прагматике и контексте «Наставления младенцам» А. П. Сумарокова. Она установила, что текст составлен таким образом, чтобы воспитывать не образованного человека, а «правильного» подданного, и описала способы, которые Сумароков предлагал для воспитания в читателе нравственных качеств.

Второй день конференции открыла А. А. Полякова (Санкт-Петербург) докладом «К вопросу об источниках стихотворного наброска А. С. Пушкина „Полюби меня, девица...“ (1829)», где отметила фольклорную ориентацию

наброска, но так как схожих народных текстов не обнаружено, имеет смысл говорить о стилизации, а не о переработке конкретного текста.

В сообщении «Ритмика переводов романа в стихах „Евгений Онегин“ и поэм „Мцыри“ и „Демон“ на белорусский язык» М. В. Якимова (Москва) с помощью методов Digital Humanities представила данные, которые показывают степень близости переводных текстов или к белорусской стихотворной традиции, или к ритмике оригинала.

Д. И. Мишина (Москва) в докладе «Повесть Ф. В. Булгарина „Правосудие и заслуга“: к вопросу об источниках» обнаружила тесную связь повести с официальными документами — некрологом Н. М. Карамзина, запиской автора «О цензуре в России и книгопечатании вообще» и реескриптом Николая I Карамзину.

В докладе «Женская субъектность и ее нарративное воплощение в повести Н. Д. Хвошинской „Пансионерка“ (1860)» А. А. Агеева (Москва) показала, что невписывание некоторых героев повести в сюжет об «образовании» женщины мужчиной связан с сильной субъектностью героини и слабой — героя.

М. В. Молчанова (Москва) в докладе «„Царская невеста“ Л. А. Мая как источник „Василисы Мелентьевой“ А. Н. Островского (и С. А. Гедеонова)» указала на генетическое родство пьес Островского и Мая. Островский ориентировался на драму Мая, одновременно полемизируя с ней.

В выступлении Сун Цзясиюань (Москва) «Газетные сообщения попольскому вопросу 1863 г. в восприятии Л. Н. Толстого» с опорой на публикации из «Московских ведомостей» был восстановлен международный контекст и отмечено, что желание писателя вспомнить боевую молодость возникло в наиболее кризисные для европейской дипломатии моменты.

Сообщение Е. И. Вожик (Санкт-Петербург) было посвящено бытованию словосочетания «фламандская школа» («фламандский стиль») и всем упоминаниям фламандских живописцев в журнале «Современник» — в статьях об искусстве, художественных и критических произведениях.

Е. М. Алексеева (Новосибирск) представила доклад «„Кризис канона“ в повести А. О. Осиповича-Новодворского „Эпизод из жизни ни павы, ни вороны“» и показала, как во второй половине XIX века происходило слияние публицистического и художественного дискурсов и формировался альтернативный путь в литературе.

Третий день конференции начался с сообщения М. Н. Пиховской (Москва). В нем была предложена интерпретация маргиналии на fol. 76r Оксфордской рукописи «Песни о Роланде». Рукопись датируется XII веком, а маргиналия — предположительно XII—XIII века. Эта маргиналия — цитата из VIII сатиры Ювенала (III книга сатир).

Н. В. Преснова (Москва) рассказала о преемственности и новаторстве пьесы Грисельды

Гамбаро «Antígona furiosa» и заключила, что пьеса Гамбаро — постмодернистское произведение, предполагающее ряд интерпретаций и отсылающее к «Антигоне» Софокла и «Гамлету» У. Шекспира.

О восприятии переводов польских романов Г. Сенкевича и переориентации русской прозы в 1890-е годы поведал Д. В. Зайцев (Москва). Докладчик показал, как Сенкевич воспринимался в русской критике; описал парадигмы, в которые они встраивались, указал на то, что переводы повлияли на литературный процесс конца XIX века в России.

Сообщение «Стратегия и литературные мысли Н. С. Гумилева в журнале „Сириус“» представила Д. А. Капустина (Москва). По мнению исследовательницы, Гумилев стремился интегрироваться в литературное поле и встать на один уровень с мэтрами. «Сириус» был для него творческой лабораторией, в которой он вырабатывал основы своей поэтики.

С докладом «Анна Ахматова в „Листках из дневника (О Мандельштаме)“: между мемуаристкой и историком литературы» выступила Н. С. Киселева (Москва). Примеряя разные повествовательные роли, Ахматова формировалась важный для нее круг мандельштамовских текстов и «корректировала» концепцию литературного процесса начала XX века.

П. А. Мамышева (Санкт-Петербург) подвела итоги изучения трех версий «Одноэтажной Америки» И. Ильфа и Е. Петрова: первого издания (1937), редакции, которая вошла в собрание сочинений Ильфа и Петрова (1961), и книги, подготовленной А. И. Ильф (2003). Издание 1937 года можно считать наименее пострадавшим от правок и наиболее полным вариантом трактолога.

В докладе «Текстология и кинопрагматика: опыт тексто-фотографической реконструкции утраченных фильмов Пауля Вегенера „Голем“ (1915) и „Голем и танцовщица“ (1917)» А. А. Соломонова (Санкт-Петербург) проанализирована кинопоэтику, а также рассмотрела вопрос о работе с восстановленным материалом и о его фиксации.

К. И. Кочетов (Нижний Новгород) на примере цикла «Плац» М. И. Цветаевой проследил возможное влияние на нее М. А. Кузмина. Для этого докладчик обратился к историко-культурному контексту, привлек произведения, письма, записные книжки Цветаевой, а также эго-тексты и стихотворения Кузмина.

«Старому» и «новому» стилю в рассказе Н. Н. Берберовой «Здесь плачут» (из цикла «Биянкурские праздники») был посвящен доклад Д. А. Стрижковой (Москва), которая попыталась доказать, что стилистически Берберова оказывается близка И. Э. Бабелю.

О претекстах романа «Сады Семирамиды» С. М. Городецкого рассказал А. В. Филатов (Москва). Материалом послужили публикации Городецкого в «Русском слове» и «Кавказском слове» в 1916–1917 годах. Анализ показал, что Городецкий стремился использовать свои газетные работы при создании романа.

Д. М. Цыганов (Москва) в докладе «Соцреализм с женским лицом: гендерное измерение литературы сталинизма» описал обстоятельства присуждения женщинам-писателям сталинских премий по литературе и продемонстрировал, что проблема «женской литературы» в приложении к советскому материалу имеет социологическое измерение.

Сообщение «Голоса японских детей и подростков в советской печати» прочитала М. М. Громова (Москва). Докладчица представила образ Японии, который складывался из детских писем и художественных текстов, опубликованных в советской прессе. Впервые такие материалы появились в периодике в 1933 году.

О квире в советской литературной критике ранней «оттепели» говорилось в докладе В. Лесных (Москва). Исследованию подверглись художественные тексты из журналов «Юность» и «Огонек» за 1957–1958 годы: «Продолжение легенды» А. Кузнецова, «Казарки» и «Кто умрет сегодня» Н. Грибачева, а также его рассказ «Вечереет» из сборника «Августовские звезды».

А. В. Новицкая (Москва) в докладе «Ольга Перовская: судьба забытой детской писательницы» по архивным документам РГАЛИ реконструировала биографию О. В. Перовской (1902–1961). Материалом также послужили интервью с писательницей, опубликованные в журнале «Детская литература», и дневниковые записи Перовской и ее знакомых.

В завершении первого дня конференции перед слушателями и участниками выступила Я. З. Гришина, заведующая Домом-музеем имени М. М. Пришвина. В лекции она осветила многие аспекты литературной биографии

Пришвина, в том числе малоизвестные, рассказала о принципах, которыми руководствуется Музей в формировании фондов и архива писателя, и о работе по разбору рукописей Пришвина, его записей и проч.

Во второй день состоялся круглый стол к 195-летию Л. Н. Толстого «Повесть Л. Н. Толстого „Альберт“: опыт историко-литературной контекстуализации». В нем приняли участие доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Ю. И. Красносельская и студенты ее семинара С. М. Анохина, С. Я. Викторов, М. Ф. Асташенкова, М. В. Миронова и Г. О. Балашов. Они внимательно рассмотрели не только русский, но и мировой историко-литературный контекст произведения. Исследования были проведены с использованием текстологических методов.

В заключительный день С. Н. Гуськов (Санкт-Петербург) прочитал лекцию для участников и гостей конференции «Приручение Левиафана (Иван Гончаров — литератор и государственный чиновник)», в которой рассказал о взаимодействии литературы и власти в судьбе Гончарова: служба отнимала у него много сил и времени, но благодаря Гончарову приобрел литературные связи, кроме того, сослуживцы и знакомые чиновники становились героями его произведений. Статус литературного деятеля оказывал влияние на решения Гончаровца-цензора, а также проявлялся в формулировках его цензорских отзывов.

© О. А. Воробьев,
© Л. А. Новицкая

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА» В 2023 ГОДУ

№ Стр.

СТАТЬИ

Н. Ю. Алексеева, А. Ю. Соловьев. О становлении новой русской литературы в первую треть XVIII века	2	17
В. Е. Багно. Эссе И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», дописанное Ф. М. Достоевским (к истории идей в России)	4	5
А. А. Добрицын (<i>Швейцария</i>). Поиски счастья и фортуны: античные и французские источники сказки К. Н. Батюшкова «Странствователь и домосед»	1	5
Т. И. Краснобородько, В. В. Турчаненко. Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930–1940-е годы): по архивным источникам	3	5
М. А. Федотова. Гимнографические сочинения Димитрия Ростовского (вопросы атрибуции)	2	5

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Доклад П. Н. Беркова на заседании Комиссии по истории филологических наук 31 октября 1966 года (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. Д. Кочетковой)	1	83
А. В. Пигин. Дневники Л. А. Дмитриева и Е. А. Маймина: археографическая экспедиция в Заонежье в 1948 году. Приложение. 1. Дневник Л. А. Дмитриева. 2. Полевой дневник экспедиции. 3. Перечень книг, приобретенных экспедицией 1948 года	3	65
М. А. Фролов. Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 1: 7 мая 1923 года — 28 мая 1924 года	2	29
М. А. Фролов. Н. К. Гудзий в Государственной Академии Художественных Наук: к истории сотрудничества. Часть 2: 26 ноября 1924 года — 7 декабря 1928 года	3	30

ЛИТЕРАТУРА И МЕДИЦИНА

В. М. Димитриев. Повесть В. С. Яновского «Челюсть эмигранта»: искусство памяти в стоматологическом кабинете	4	33
С. А. Кибальник. «Мнимый доктор» в русской литературе XIX века	4	12
И. А. Кравчук. Зناхарство против хирургии: Юрий Олеша на Второй Всесоюзной конференции авторских обществ	4	19

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»

М. А. Ариас-Вихиль, М. Ю. Любимова. М. Л. Лозинский и Е. И. Замятин о принципах художественного перевода на рубеже 1910–1920-х годов. Приложение. Заметки Ф. Д. Батюшкова и Е. И. Замятина о переводе	1	65
---	---	----

Л. Г. Жуховицкая. Неизвестное письмо А. И. Браудо к М. Горькому об аресте М. Л. Лозинского в августе 1921 года	1	78
Я. Д. Чечиёв. Как хотели издать «Шахнаме» Фирдоуси во «Всемирной литературе». Приложение. Полемика между Н. С. Гумилевым и Ф. А. Розенбергом вокруг перевода «Шахнаме» С. И. Соколова	1	56

**ФЕДОР СОЛОГУБ:
РАЗЫСКАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ**

Л. В. Евдокимова. О пушкинском мифе Ф. К. Сологуба	4	48
Т. В. Мисникевич. «Избранные» и «выбранные» стихи: к вопросу о композиционных принципах и составе книг переводов Ф. К. Сологуба из Поля Верлена . .	4	64
А. Л. Соболев. Еще раз о неудавшейся попытке эмиграции Ф. К. Сологуба и А. Н. Чеботаревской. Приложение. А. В. Карташев. Письмо к К. К. Энкелю (публикация М. М. Павловой)	4	73
Ф. К. Сологуб в дневнике Е. П. Казанович (подготовка текста А. В. Вострикова; вступительная статья и комментарии М. М. Павловой при участии А. В. Вострикова)	4	90

**ФОЛЬКЛОР БЕЛОГО МОРЯ
В ЭКСПЕДИЦИОННЫХ ЗАПИСЯХ ПУШКИНСКОГО ДОМА**

А. Б. Бильдюг. «Кому суждено, так тому суждено»: рассказы о спасении на море . .	1	21
А. И. Васкул. Заговоры, обереги и молитвы Верхней Золотицы	1	29
Н. Г. Комелина. Предания о кладах на Зимнем берегу Белого моря	1	40

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. С. Александров. «Идти по самому краю цензурного обрыва...»: А. В. Амфитеатров в газете «Русская воля» (письмо А. В. Амфитеатрова к М. М. Гаккебушу (Горелову) от 27 сентября 1916 года)	3	166
Н. Ю. Алексеева. К вопросу об участии А. П. Сумарокова в подготовке Большого маскарада («Торжествующая Минерва») 1763 года	4	139
М. Д. Андрианова. Производственный роман сегодня (к вопросу о ресайклинге жанра)	1	245
С. В. Березкина. «Двенадцать спящих дев» В. А. Жуковского в пародийных откликах современников (И. В. Проташинский, А. А. Воейкова, С. П. Шевырев) . .	1	112
А. С. Бодрова. Журналист Фиглярин и торжество дружбы в 1827 году: к интерпретации эпиграммы Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина	4	151
В. Н. Быстров. А. А. Блок и Вл. В. Гиппиус: завершение одной поэтической полемики	4	207
А. В. Вдовин. Был ли М. М. Достоевский автором рецензий на народные рассказы Марко Вовчок в журнале «Светоч»? (из комментария к статье Ф. М. Достоевского «Г-н бов и вопрос об искусстве»)	4	172
Ф. Н. Веселов. Падение Иерусалима и Повесть о взятии Киева в 1240 году: литература и история	2	51
Л. М. Видгоф. Мандельштам, Ильф и мотоцикл	1	191
Е. И. Вожик. Альманах в эпоху журналов: «Дагеротип» (1842) Н. В. Кукольника . .	2	89
В. Ю. Вьюгин. Что хотел сказать советский классик, но не сказал? (речь М. А. Шолохова на Втором Всесоюзном съезде советских писателей)	3	217
Т. Н. Галашева. Предания о трех братьях и главе Георгия Угрина в Житии Ефрема Новоторжского	3	85
Н. П. Генералова, В. А. Лукина. Луи Дьемер — корреспондент И. С. Тургенева (к истории литературно-музыкальных благотворительных концертов в Париже) . .	3	152

Е. А. Глуховская. Из истории литературной борьбы 1907–1908 годов: журнал «Русский артист»	205
А. М. Грачева. Опыт авангардной агиографии: повесть А. М. Ремизова «В розовом блеске: Из Прólogo»	210
Н. Ю. Грекалова. К разрешению одного текстологического казуса (неизвестное письмо А. А. Блока к Д. Н. Фридбергу)	168
С. Н. Гуськов. Зачем «Северная почта» в 1863 году призывала русских дворян вернуться на родину? (еще раз о деятельности И. А. Gonчарова на посту главного редактора правительственный газеты). Приложение. И. П. Письмо в редакцию «Северной почты»	180
К. Ю. Зубков. Репутация драматурга между государством и обществом: Театрально-литературный комитет и «Женитьба Бальзамина» А. Н. Островского	153
В. Б. Зусева-Озкан. Э. Ростан и романтическое в творчестве М. И. Цветаевой	214
Т. Г. Иванова. Ростово-Сузdalская земля в былинах и ее роль в сложении песенно-эпической традиции	111
Н. В. Калинина. Малиновка и Малиновец: портретная галерея слуг в произведениях И. А. Gonчарова и М. Е. Салтыкова-Щедрина	161
Ким Джун Соk (Республика Корея). Мотивы и культурные парадигмы в лагерной прозе В. Т. Шаламова (на примере сборника «Колымские рассказы»)	228
А. А. Кобринский. «Дорогой Никандр Андреевич...»: к биографии Н. А. Тювелева	239
М. Д. Кузьмина. Дружеская переписка И. В. Киреевского 1820–1830-х годов в литературном контексте	119
Е. Д. Кукушкина. Тема воспитания и изображение детей в притчах А. П. Сумарокова	95
К. А. Кумпан. Над рукописями статей Вяч. Иванова. Часть 1. «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана»	213
Г. В. Куницын, Д. К. Поливанова, К. М. Поливанов. Темы и вариации Книги Бытия: к интерпретации цикла Б. Л. Пастернака «Нескучный сад»	195
А. В. Курочкин. Литературные источники пушкинского наброска «Везувий зев открыл...»	134
Маша Левина-Паркер (США), Михаил Левин (США). Стиль Набокова, «искателя словесных приключений»	199
В. А. Лукина, В. И. Симанков. Неизвестный перевод И. С. Тургенева: «дело Сомова» в русской и иностранной периодике 1879 года. Приложение. Русская печать о «деле Сомова»	129
Лю На (КНР). Российская достоевистика 1844–2020 годов в зеркале больших данных	126
А. М. Любомудров. Пушкинодомцы в борьбе за бунинское наследство. К истории отношений академических ученых и советской номенклатуры в 1960-е годы. Приложение. Письма Л. Н. Назаровой, П. П. Ширмакова и В. А. Мануйлова	246
О. В. Макаревич. Об умении плести лапти, литературных юзниках и секретной печати (рецензии Н. С. Лескова в «Новом времени» конца 1870-х годов)	191
Б. А. Максимов. «И родной отец — враг мне»: о природе межпоколенческого конфликта в «малороссийских» циклах Н. В. Гоголя	141
Т. В. Мисникевич, А. С. Александров. А. А. Измайлова и И. И. Ясинский: эпистолярный диалог. Приложение. И. И. Ясинский. Памяти Александра Алексеевича Измайлова	157
Неизвестные рецензии В. В. Розанова (по материалам архива П. П. Перцова) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. И. Gonчаровой)	159
О смерти Андрея Тургенева по неопубликованным письмам Д. Н. Блудова к В. А. Жуковскому 1803 года (вступительная статья и комментарии С. В. Березкиной; подготовка текста С. В. Березкиной и Н. Л. Дмитриевой)	107
Е. Р. Обатнина. Вокруг книги «Посолонь»: сказка «Ночь темная» в контексте петербургских встреч А. М. Ремизова и М. В. Сабашниковой	180
М. В. Пантина (Франция). Письма Жозефа де Местра к Роксане Стурдза: к вопросу о коммуникативных стратегиях сардинского дипломата при российском дворе	98

Н. А. Паршукова, Е. А. Романова. «Вечная тьма» Себастьяна Баха: расплата или расправа? (к истокам идейного замысла новеллы В. Ф. Одоевского «Себастьян Бах»)	2	79
Е. Н. Пенская. А. В. Сухово-Кобылин и Серебряный век. Диалог рукописных источников в коллекции Ю. А. Красовского	4	236
Переписка Ю. П. Казакова с Архангельским книжным издательством (публикация А. Ю. Балакина)	1	236
А. М. Петров. «Красуйся, Петрозаводск, в славе сей!»: стихотворения Т. В. Баландина в контексте русской поэтической традиции XVIII века	2	62
Е. В. Петровская. Л. Н. Толстой и художник В. В. Верещагин: публицистика в слове и в красках	1	165
Письма В. П. Свенцицкого к Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)	2	191
Е. И. Погорельская. Рассказы И. Э. Бабеля «Мой первый гонорар» и «Справка»: к истории текста. Приложение. И. Э. Бабель. Мой первый гонорар	2	233
А. Н. Розов. Образ дьякона в русской литературе второй половины XIX — начала XX века в оценке церковной журналистики	2	118
А. В. Романова. «Литератор Майков» (из комментария к письмам И. А. Гончарова 1858–1859 годов)	3	145
А. Д. Савина, Я. Д. Чечнёв. Заседание памяти А. А. Блока во «Всемирной литературе» 26 августа 1921 года. Приложение. Заседание редакционной коллегии «Всемирной литературы», посвященное памяти А. А. Блока	3	178
М. В. Строганов. А. С. Грибоедов и М. Н. Загоскин, или О проблеме описания литературного процесса	3	117
В. П. Трыков. Русская литература, Россия и русские в статьях И. Делаво для журнала «Revue des Deux Mondes»	2	99
И. В. Федорова. Константинопольские легенды в русской паломнической литературе XII–XIX веков	4	130
С. Б. Федотова. Заметки А. С. Пушкина для первых номеров «Литературной газеты» (к проблеме датировки)	2	73
Е. Н. Филиппов (Словакия). «Красный смех» «Царя Голода»: миграция и трансформация художественных образов в творчестве Л. Н. Андреева 1900-х годов	2	174
Е. М. Филиппова. Об источниках образа волка-нигилиста в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	2	112
Финальные сцены драмы Ф. Шиллера «Дон Карлос» в неизданном переводе А. И. Куприна (публикация В. Н. Быстрова)	1	177
Л. В. Хачатуян. Жизнь после ЛЕФа. Рабочие тетради Алексея Крученых 1927–1930 годов	4	230
Юань Мяосюй (КНР). Китайская судьба творчества Б. Л. Пастернака (рецепция и переводы)	2	250
«Я имел право написать об Аввакуме...». Письма В. Т. Шаламова В. И. Малышеву (вступительная статья, подготовка текста и комментарии К. Н. Тимашова)	3	231

ЗАМЕТКИ

Д. М. Буланин. Переводчики Посольского приказа: школа литературы и литературная школа	1	257
О. А. Лекманов (Россия/Узбекистан). Мотив окна в поэзии Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки»	1	263
О. В. Макаревич. Почему нельзя ходить по чужим следам? (о литературном контексте «Необыкновенной истории» И. А. Гончарова)	2	259
Л. А. Трахтенберг. Источник басни И. И. Хемницера «Буквы»	1	260

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Т. И. Акимова.** «Князь Вяземский, Российских стран писатель...» (Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Творчество П. А. Вяземского: известное и неизвестное. СПб.: Издательство «Союз художников», 2022. 712 с.) 4 260
- А. С. Бодрова.** Пушкин и Тютчев *sub specie politicae* (Лейбов Р. Г., Осповат А. Л. Стихотворение Федора Тютчева «Огнем свободы пламенея...»: Комментарий. М.: Новое издательство, 2022. 154 с. (Новые материалы и исследования по истории русской культуры)) 1 268
- В. Ю. Вьюгин.** Территория словесности профессора И. Н. Сухих (Территория словесности: Сборник в честь 70-летия профессора И. Н. Сухих / Под ред. А. Д. Степанова, А. С. Степановой. СПб.: Нестор-История, 2022. 448 с.) 4 267
- А. М. Грачева.** «Верил в красивый вымысел, предпочитая ему жестокую правду жизни...» (Спирidonова Л. Максим Горький — мыслитель, художник, человек. М.: ИМЛИ РАН, 2022. 432 с.) 2 269
- А. М. Грачева.** «Путешествие по стране разнообразных сновидений русских писателей-сновидцев» (Woźniak Anna. Dwa świata: Sny i oniiryczne motywy w russkiej literaturze XIX–XX wieku / Dwa światy: Sny i motywy oniiryczne w literaturze rosyjskiej XIX–XX wieku. Lublin: Wydawnictwo Werset, 2022. 330 s.) 4 265
- О. Р. Демидова.** Еще раз о «забытых» авторах: жизнь и творчество М. Е. Лёвберг (Лёвберг М. Е. «Любовью и мечтой играя...»: Лирика. Театр. Проза / Сост., вступ. статья, комм. В. Б. Зусева-Озкан. М.: Водолей, 2022. 580 с., ил.) 1 273
- Е. Е. Дмитриева.** Русско-немецкое зазеркалье в интерпретации К. М. Азадовского (Aзадowski Konstantin. Russisch-deutsche Verflechtungen. Ausgewählte Beiträge zur Literatur- und Kulturgeschichte des 19. und 20. Jahrhunderts / Hrsg. von Fedor Poljakov und Natalia Bakshi. [Paderborn:] Brill Fink, 2022. 389 S.) 2 271
- Ирэн Зохраб** (*Новая Зеландия*). Изучение творчества Ф. М. Достоевского в англоязычных вузах (A Dostoevskii Companion: Texts and Contexts / Eds. Katherine Bowers, Connor Doak, and Kate Holland. Boston: Academic Studies Press, 2018. 535 p. («Cultural Syllabus»)) 2 263
- Т. В. Игошева, Г. В. Петрова.** О «срочной словесности» (Русская литература и журналистика в предреволюционную эпоху: формы взаимодействия и методология анализа: коллективная монография / Отв. ред. и сост. А. А. Холиков, при участии Е. И. Орловой. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 768 с.) 3 248
- В. А. Котельников.** Двойное зрение (Степанян-Румянцева Е. В. Глазами текста. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 312 с.) 3 243
- И. А. Лобакова.** О реконструкции рукописной библиотеки Ф. О. Плигина (Новикова О. Л. Купец Филипп Осипович Плигин и его собрание рукописных книг. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2021. 164 с., ил.) 4 261
- Т. В. Мисникевич.** «Четыре жизни» Николая Минского: опыт реконструкции (Сапожков С. В. По опасной тропе «холодных слов»: поэзия и судьба Николая Минского. М.: Дмитрий Сечин, 2021. 606 с.) 3 246
- О. Е. Осовский, С. А. Дубровская.** Литература как форма «русской мысли»: новый справочник по интеллектуальной истории России (The Palgrave Handbook of Russian Thought / Ed. by M. F. Bykova, M. N. Forster, L. Steiner. London; New York: Palgrave Macmillan; Springer Verlag, 2021. XXVII, 814 p.) 1 267
- М. В. Отрадин.** Первая полная биография А. А. Фета (Макеев М. С. Афанасий Фет. М.: Молодая гвардия, 2020. 443 с. (сер. «Жизнь замечательных людей»)) 1 271
- А. Ю. Соловьев.** Людвиг Хольберг и Россия (Люстров М. Ю. Людвиг Хольберг и русско-скандинавские литературные связи в XVIII веке. М.: ИМЛИ РАН, 2021. 272 с.) 3 240
- Л. В. Хачатурян.** Притяжение Бунина (Литература русского зарубежья, 1920–1940. Писатель в литературном процессе (к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина). М.: ИМЛИ РАН, 2022. 976 с.) 3 251

ХРОНИКА

Э. К. Александрова. Международная научная конференция «Критики и писатели: формирование литературной репутации в конце XIX — начале XX вв.»	2	286
Ю. Ю. Анохина, А. П. Дмитриев. Международная научная конференция «Ему чужая речь ясна...», посвященная 200-летию со дня рождения А. А. Григорьева	1	286
И. В. Аршинова. Международная научная конференция «Переходные эпохи в литературе: мотивация обновления»	3	260
А. Б. Белова. Научная конференция «Житийные топосы в русской литературе»	3	258
П. В. Бояркина. Третья Международные Набоковские чтения	2	281
О. А. Воробьева, Л. А. Новицкас. XII конференция молодых исследователей «Текстология и историко-литературный процесс»	4	287
С. В. Денисенко. Девятая Апрельская международная междисциплинарная научная конференция «Все озарения мира: анахорезис в литературе и искусстве»	1	280
Дин Лян (КНР). Международная научная конференция «„Мыслящие миры“ Ю. М. Лотмана», посвященная 100-летию со дня рождения ученого	3	272
В. В. Есипов, Т. В. Игошева. Международная научная конференция «В. Т. Шаламов и русская литература»	2	283
Н. Г. Комелина. Всероссийская научная конференция «Русский Север: Традиции. Преемственность. Память»	2	278
Е. Д. Конусова. XLVI Малышевские чтения	1	283
О. А. Линдеберг. Научно-практическая конференция «Наследие русских писателей XX в.: вопросы эдиционной практики»	3	265
Е. Р. Обатнина. XXVI Научные чтения Рукописного отдела Пушкинского Дома	3	269
Г. В. Петрова. Международная научная конференция «Миры Михаила Кузмина: к 150-летию со дня рождения»	2	289
Г. В. Петрова. Международный научно-практический Ахматовский семинар	1	275
Ю. А. Секушина. Международная научная конференция «Socialist Culture Recycled (Eastern Europe: from Disillusions to Nostalgia and Beyond)»	3	254
Н. В. Семенова. Четвертый Междисциплинарный научный семинар «Формы культурного ресайклинга в современной России: тенденции и интерпретации»	4	272
С. А. Семячко. Одиннадцатый Агиографический семинар	4	279
Л. В. Соколова. XI Чтения по истории и культуре Древней и Новой России	4	269
А. Ю. Сорочан. Международная научная конференция «Поколение как сюжет»	1	276
В. В. Турчаненко. Научный семинар «Проблемы издания критико-публицистической прозы А. С. Пушкина»	4	276
Е. М. Филиппова. XLII Некрасовская конференция	4	282
В. В. Филичева. Научная конференция «К 160-летию со дня рождения Федора Сологуба»	4	284
А. С. Пахомова. Письмо в редакцию	1	290
Памяти Ростислава Юрьевича Данилевского	3	276

SUMMARIES

Всеволод Евгеньевич Багно

научный руководитель Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН; член-корреспондент РАН;
профессор филологического факультета СПбГУ

Vsevolod Evgenyevich Bagno

Academic Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences;
Corresponding Member, Russian Academy of Sciences;
Professor, Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology,
St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0003-1408-5511

vsbagno@gmail.com

**ЭССЕ И. С. ТУРГЕНЕВА «ГАМЛЕТ И ДОН-КИХОТ»,
ДОПИСАННОЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКИМ (К ИСТОРИИ ИДЕЙ В РОССИИ)**

**HAMLET AND DON QUIXOTE, AN ESSAY BY I. S. TURGENEV,
EXPANDED BY F. M. DOSTOEVSKY
(TOWARDS THE HISTORY OF IDEAS IN RUSSIA)**

В статье анализируются высказывания Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» за 1877 год о сущности «русской идеи», непосредственно связанные с идеей донкихотовской. Обращение к творческой истории речи И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (1860) и контексту ее восприятия в русской критике позволило установить, что именно к эссе Тургенева восходят указанные мысли Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, «Дневник писателя», «Гамлет и Дон-Кихот», донкихотовская идея, «русская идея», история идей.

The article analyzes F. M. Dostoyevsky's pronouncements in his *Diary of a Writer* (1877) concerning the essence of the «Russian idea», those that are directly related to the Don Quixote idea. It is established, through the analysis of the creative history of I. S. Turgenev's speech *Hamlet and Don Quixote* (1860) and of the context of its perception in the Russian criticism, that Dostoyevsky had derived his thoughts from the essay by Turgenev.

Key words: F. M. Dostoyevsky, I. S. Turgenev, *Diary of a Writer*, *Hamlet and Don Quixote*, Don Quixote idea, «Russian idea», history of ideas.

Список литературы

1. Багно В. Е. Дорогами «Дон Кихота». М., 1988.
2. Багно В. Е. Русская идея Запада (к постановке проблемы) // К истории идей на Западе. «Русская идея». СПб., 2010.
3. Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.
4. Григорьев А. А. Собр. соч.: В 10 т. СПб., 2021. Т. 1.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1982–1984. Т. 24–26.
6. Левин Ю. Д. Гамлет и Дон-Кихот. План-конспект и наброски текста // Тургеневский сборник. Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1966.
7. Левин Ю. Д. Статья И. С. Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот» (К вопросу о полемике Добролюбова и Тургенева) // Н. А. Добролюбов. Статьи и материалы. Горький, 1965.
8. Тарасова Н. А. «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского (1876–1877). Критика текста. М., 2011.

9. Тертерян И. А. Философско-психологические истолкования образа Дон Кихота и борьба идеи в Испании XX в. // Сервантес и всемирная литература. М., 1969.
10. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1978–1980. Т. 1, 5.
11. Montero Diaz S. Cervantes, compañero eterno. Madrid, 1957.

References

1. Bagno V. E. Dorogami «Don Kikhota». М., 1988.
2. Bagno V. E. Russkaia ideia Zapada (k postanovke problemy) // K istorii idei na Zapade. «Russkaia ideia». SPb., 2010.
3. Billington D. Kh. Ikona i topor. Opyt istolkovaniia istorii russkoi kul'tury. М., 2001.
4. Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1982–1984. Т. 24–26.
5. Grigor'ev A. A. Sobr. soch.: V 10 t. SPb., 2021. Т. 1.
6. Levin Iu. D. Gamlet i Don-Kikhrot. Plan-konspekt i nabroski teksta // Turgenevskii sbornik. Materialy k Polnomu sobraniiu sochineneii i pisem I. S. Turgeneva. М.; L., 1966.
7. Levin Iu. D. Stat'ia I. S. Turgeneva «Gamlet i Don-Kikhrot» (K voprosu o polemike Dobroliubova i Turgeneva) // N. A. Dobroliubov. Stat'i i materialy. Gor'kii, 1965.
8. Montero Diaz S. Cervantes, compañero eterno. Madrid, 1957.
9. Tarasova N. A. «Dnevnik pisatelia» F. M. Dostoevskogo (1876–1877). Kritika teksta. М., 2011.
10. Terterian I. A. Filosofsko-psikhologicheskie istolkovaniia obraza Don Kikhota i bor'ba idei v Ispanii XX v. // Servantes i vsemirnaia literatura. М., 1969.
11. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. 2-е изд., испр. и доп. М., 1978–1980. Т. 1, 5.

Сергей Акимович Кибальник

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Akimovich Kibalnik

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5937-5339

kibalnik007@mail.ru

«МНИМЫЙ ДОКТОР» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

«THE FAKE DOCTOR» IN THE 19TH CENTURY RUSSIAN LITERATURE

В статье речь идет о героях-врачах, чьи прототипы никакого отношения к медицине не имеют. Такие «доктора» в художественных произведениях, как правило, никого не лечат, а только рассуждают, чаще всего с материалистических позиций. Этот тип «врача» можно назвать не столько «мнимым», сколько «условным» доктором. Иногда писатель делает своего героя «доктором» главным образом для того, чтобы читателе не догадался о его реальном прототипе. Именно так обстоит дело с тургеневским Базаровым, основным прототипом которого был Н. А. Добролюбов. Тип «мнимого доктора» также подробно рассматривается в статье на примере доктора Вознесенского из повести А. П. Чехова «Драма на охоте» (1885).

Ключевые слова: «условный доктор», прототип, Базаров, И. С. Тургенев, Н. А. Добролюбов, «Отцы и дети», «Драма на охоте», А. П. Чехов, доктор Вознесенский.

The article deals with the doctor characters whose prototypes have nothing to do with medicine. As a rule, in the works of art, such «doctors» never actually doctor, but reason, doing it, by the most part, from the standpoint of materialism. Thus, it is not a «fake» doctor, but rather a «conditional» one. Sometimes a writer makes his character a «doctor» in order to distract the reader from the actual prototype. This is the case with Turgenev's Bazarov who had N. A. Dobroliubov for his principal prototype. The article also discusses in detail the type of the «fake», or rather «conditional» doctor, using Doctor Voznesensky from Chekhov's novel *The Shooting Party* (1885) as the example.

Key words: «conditional doctor», prototype, I. S. Turgenev, N. A. Dobroliubov, *Fathers and Sons*, *The Shooting Party*, A. P. Chekhov, doctor Voznesensky.

Список литературы

1. *Batiuto A. I.* K istorii sozdaniia romana I. S. Turgeneva «Ottsy i deti» (Po povodu odnoi publikatsii) // Russkaia literatura. 1985. № 4.
2. *Bogdanov K. A.* Vrachi, patsienty, chitateli. Patograficheskie teksty russkoi kul'tury XVIII–XIX vekov. M., 2005.
3. *Volchekov M.* «Чудесный доктор»: эволюция образа врача в дореволюционной и советской литературе // Filologicheskie nauki. 2023. № 2.
4. *Generalova N. P., Khitrovo L. K.* K rodoslovnoi glavnogo geroia romana «Ottsy i deti» (Kto dal filialiu Evgeniiu Bazarovu?) // I. S. Turgenev. Novye issledovaniia i materialy / Otv. red. N. P. Generalova, V. A. Lukina. SPb., 2012. Vyp. III. K 150-letiiu romana «Ottsy i deti».
5. *Domanskii V. A.* Turgenev i Dobrolubov: polemicheskii dialog i kontekst // Turgenev i liberal'naia ideia v Rossii. Perm', 2018.
6. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 35 t. SPb., 2020. T. 9.
7. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1974. T. 10.
8. *Kibal'nik S. A.* Doktor Dorn protiv pisatelia Mopassana (ob intertekstual'nom podtekste chekhovskoi «Chaiki») // Filologicheskie nauki. 2022. № 1.
9. *Kibal'nik S. A.* Iz istorii detektivnoi literatury v Rossii: sluchai Chekhova. Literaturovedcheskoe rassledovanie. SPb., 2022.
10. *Kibal'nik S. A.* «Poetika meditsiny» v tvorchestve A. P. Chekhova // Russkaia literatura. 2022. № 3.
11. *Kleman M. K.* Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva / Pod obshch. red. N. K. Piksanova. M., 1934.
12. *Kubasov A. B.* Prozra A. P. Chekhova: poetika stiliizatsii. Ekaterinburg, 1998.
13. *Lermontov M. Yu.* Sобр. soch.: V 4 t. 2-e izd., ispr. i dop. L., 1981. T. 4.
14. *Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva (1859–1862)* / Otv. red. N. P. Generalova; avt.-sost. N. P. Generalova, S. A. Ipatova, V. A. Lukina. SPb., 2018.
15. *N. A. Dobrolubov* v vospominiyakh sovremenников / Cest., podgr. teksta i komm. S. A. Reysera. M., 1986.
16. *Nazirov R. G.* Dostoevskii i Chekhov: Preemstvennost' i parodii // Nazirov R. G. Russkaya klassicheskaya literatura: srovnitel'no-istoricheskiy podkhod. Issledovaniia raznykh let. Ufa, 2005.
17. *Petukhova E. N.* Doktora v proze i p'iesakh Chekhova // Petukhova E. N. O Chehove. Prudolzhение razgovora. SPb., 2023.
18. *Rebel' G. M.* Iskusheniia russkogo romana: «Nakonune» I. S. Turgeneva v dobrilubovskoi interpreratsii // Voprosy literatury. 2006. № 2.
19. *Sedakova O. A.* «Neudavashchaya epifaniia»: dva hristian'skix romana — «Iдиот» i «Doktor Zhivago» // Kontinent. 2002. № 112.
20. *Smirnov I. P.* Roman tain «Doktor Zhivago». M., 1996.
21. *Turgenev I. S.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Sotch.: V 12 t. M., 1981. T. 7, 11, 12.
22. *Chernov N. M.* Ob odnom znakomstve I. S. Turgeneva // Voprosy literatury. 1961. № 8.
23. *Chekhov A. P.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Sotch.: V 18 t. M., 1985. T. 3, 7, 10.

References

1. *Batiuto A. I.* K istorii sozdaniia romana I. S. Turgeneva «Ottsy i deti» (Po povodu odnoi publikatsii) // Russkaia literatura. 1985. № 4.
2. *Bogdanov K. A.* Vrachi, patsienty, chitateli. Patograficheskie teksty russkoi kul'tury XVIII–XIX vekov. M., 2005.
3. *Chekhov A. P.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Sotch.: V 18 t. M., 1985. T. 3, 7, 10.
4. *Chernov N. M.* Ob odnom znakomstve I. S. Turgeneva // Voprosy literatury. 1961. № 8.
5. *Domanskii V. A.* Turgenev i Dobrolubov: polemicheskii dialog i kontekst // Turgenev i liberal'naia ideia v Rossii. Perm', 2018.
6. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1974. T. 10.
7. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch.: V 35 t. SPb., 2020. T. 9.
8. *Generalova N. P., Khitrovo L. K.* K rodoslovnoi glavnogo geroia romana «Ottsy i deti» (Kto dal filialiu Evgeniiu Bazarovu?) // I. S. Turgenev. Novye issledovaniia i materialy / Otv. red. N. P. Generalova, V. A. Lukina. SPb., 2012. Vyp. III. K 150-letiiu romana «Ottsy i deti».
9. *Kibal'nik S. A.* Doktor Dorn protiv pisatelia Mopassana (ob intertekstual'nom podtekste chekhovskoi «Chaiki») // Filologicheskie nauki. 2022. № 1.
10. *Kibal'nik S. A.* Iz istorii detektivnoi literatury v Rossii: sluchai Chekhova. Literaturovedcheskoe rassledovanie. SPb., 2022.
11. *Kibal'nik S. A.* «Poetika meditsiny» v tvorchestve A. P. Chekhova // Russkaia literatura. 2022. № 3.
12. *Kleman M. K.* Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva / Pod obshch. red. N. K. Piksanova. M., 1934.

13. Kubasov A. V. Proza A. P. Chekhova: poetika stilizatsii. Ekaterinburg, 1998.
14. Lermontov M. Iu. Sobl. soch.: V 4 t. 2-e izd., ispr. i dop. L., 1981. T. 4.
15. Letopis' zhizni i tvorchesvya I. S. Turgeneva (1859–1862) / Otv. red. N. P. Generalova; avt.-sost. N. P. Generalova, S. A. Ipatova, V. A. Lukina. SPb., 2018.
16. N. A. Dobroliubov v vospominiakh sovremenников / Sost., podg. teksta i komm. S. A. Reisera. M., 1986.
17. Nazirov R. G. Dostoevskii i Chekhov: Preemstvennost' i parodiia // Nazirov R. G. Russkaia klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod. Issledovaniia raznykh let. Ufa, 2005.
18. Petukhova E. N. Doktora v proze i p'esakh Chekhova // Petukhova E. N. O Chekhove. Prodolzhenie razgovora. SPb., 2023.
19. Rebel' G. M. Iskusheniia russkogo romana: «Nakanune» I. S. Turgeneva v dobrolubovskoi interpretatsii // Voprosy literatury. 2006. № 2.
20. Sedakova O. A. «Neudavshaiasia epifaniiia»: dva khristianskikh romana — «Idiot» i «Doktor Zhivago» // Kontinent. 2002. № 112.
21. Smirnov I. P. Roman tain «Doktor Zhivago». M., 1996.
22. Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. M., 1981. T. 7, 11, 12.
23. Volchkevich M. «Chudesnyi doktor»: evoliutsiia obrazu vracha v dorevoliutsionnoi i sovetskoi literature // Filologicheskie nauki. 2023. № 2.

Игорь Александрович Кравчук

научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Igor Alexandrovich Kravchuk

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-6799-1967

kolesovan@gmail.com

ЗНАХАРСТВО ПРОТИВ ХИРУРГИИ: ЮРИЙ ОЛЕША НА ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ АВТОРСКИХ ОБЩЕСТВ

QUACKERY AGAINST SURGERY: YURY OLESZA AT THE SECOND ALL-UNION CONFERENCE OF THE AUTHORS' SOCIETIES

В статье дается историко-литературный комментарий к выступлению Ю. К. Олеша на II Всесоюзной конференции авторских обществ в Ленинграде в январе 1932 года. В частности, реконструируется контекст использованных им образов «знахарства» и «хирургии» применительно к автономии творческого процесса. Идеи выступления связываются с новой фазой конфликта между писателями-попутчиками и РАПП во второй половине 1931-го — начале 1932 года.

Ключевые слова: Ю. К. Олеша, знахарство, хирургия, РАПП, конференция авторских обществ.

The article provides a historical and literary commentary to Yu. K. Olesha's speech at the Second All-Union Conference of the Authors' Societies in Leningrad in January 1932. It reconstructs the context of the images of «quackery» and «surgery» he used to describe the autonomous nature of the creative process. The ideas of the speech seem to be related to the new phase of the conflict between the «fellow writers» (*poputchiki*) and RAPP in the late 1931 — early 1932.

Key words: Olesha, quackery, surgery, RAPP, Conference of Authors' Societies.

Список литературы

1. Белая Г. А. Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. М., 1989.
2. Белинков А. В. Сдача и гибель советского интеллигента. Юрий Олеша. Мадрид, 1976.
3. Блюмбаум А. Оживающая статуя и воплощенная музыка: контексты «Строгого юноши» // Новое литературное обозрение. 2008. № 1.
4. Воспоминания о Юрии Олеше. М., 1975.
5. Гофман К. Можно ли сделать золото? Мошенники, обманщики и ученые в истории химических элементов. Л., 1987.

6. Гроссман Л. П. Достоевский и правительственные круги 70-х годов // Лит. наследство. 1934. Т. 15.
7. Гудкова В. Юрий Олеша и Всеволод Мейерхольд в работе над спектаклем «Список благодеяний». М., 2008.
8. Гуськов Н. А., Кокорин А. В. Чудотворец, завистник и «истинный нищий» — Олеша // Олеша Ю. К. Зависть. Заговор чувств. Строгий юноша. СПб., 2017.
9. Дневник Елены Булгаковой. М., 1990.
10. Добренко Е. А. Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999.
11. Добренко Е. А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
12. Добренко Е. Становление института советской литературной критики в эпоху культурной революции: 1928–1932 // История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. М., 2011.
13. Исаев А. А. На литературных баррикадах. М., 1964.
14. Кларк К. РАПП и институционализация советского культурного поля в 1920-х — начале 1930-х годов // Соцреалистический канон: Сб. статей. СПб., 2000.
15. Комия М. «Факт» и «беллетристика» в творчестве Ю. Олеши // Вестник Тамбовского гос. ун-та. 2013. № 3 (119).
16. Комия М. Романы Ю. К. Олеши «Зависть» и «Три Толстяка» как метапроза. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2013.
17. Маркина П. В. Творчество Ю. К. Олеши в литературно-эстетическом контексте 1920–1930-х годов (И. Э. Бабель, В. П. Катаев, М. М. Зощенко). Барнаул, 2012.
18. Мильчина В. А. Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие течения. М., 2019.
19. Олеша Ю. К. Зависть // Олеша Ю. К. Избранное. М., 1974.
20. Олеша Ю. К. Книга прощания. М., 1999.
21. Олеша Ю. К. О «Страхе» А. Афиногенова // Олеша Ю. К. Пьесы. Статьи о театре и драматургии. [М.,] 1968.
22. Подлубнова Ю. С. Метажанры в русской литературе 1920 — начала 1940-х годов (коммунистическая агиография и «европейская» сказка-аллегория). Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
23. Соловьева И. Н. Художественный театр: Жизнь и приключения идеи. М., 2007.
24. Сталин И. В. Соч.: В 18 т. М., 1949. Т. 9, 10.
25. «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг.: Документы. М., 1997.
26. Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1991.
27. Фельдман Д. М. Салон-предприятие: Писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов. М., 1998.
28. Чудакова М. О. Мастерство Юрия Олеши. М., 1972.
29. Шешуков С. И. Неистовые ревнители: Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1970.
30. Шкловский В. Б. Энергия заблуждения. Книга о сюжете. М., 1981.
31. Юрганов А. Л. Как товарищ Сталин стал руководить литературным фронтом // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96).

References

1. Belaia G. A. Don-Kikhety 20-kh godov: «Pereval» i sud'ba ego idei. M., 1989.
2. Belinkov A. V. Sdacha i gibel' sovetskogo intelligenca. Iurii Olesha. Madrid, 1976.
3. Blumbaum A. Ozhivaiushchaia statuia i voploschchennaia muzyka: konteksty «Strogogo iunoshi» // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 1.
4. Chudakova M. O. Masterstvo Iuriia Oleshi. M., 1972.
5. Dnevnik Eleny Bulgakovoi. M., 1990.
6. Dobrenko E. A. Formovka sovetskogo chitatelia: Sotsial'nye i esteticheskie predposyлki reseptsiy sovetskoi literatury. SPb., 1997.
7. Dobrenko E. A. Formovka sovetskogo pisatelja: Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury. SPb., 1999.
8. Dobrenko E. Stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki v epokhu kul'turnoi revolutsii: 1928–1932 // Istorija russkoi literaturnoi kritiki: sovetskaia i postsovetskaia epokhi. M., 2011.
9. Fel'dman D. M. Salon-predpriятие: Pisatel'skoe ob edinenie i kooperativnoe izdatel'stvo «Nikitinskie subbotniki» v kontekste literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov. M., 1998.
10. Gofman K. Mozhno li sdelat' zoloto? Moshenniki, obmanshchiki i uchenye v istorii khimicheskikh elementov. L., 1987.
11. Grossman L. P. Dostoevskii i pravitel'stvennye krugi 70-kh godov // Lit. nasledstvo. 1934. T. 15.
12. Gudkova V. Iurii Olesha i Vsevolod Meierkhol'd v rabote nad spektaklem «Spisok blagodeianii». M., 2008.

13. *Gus'kov N. A., Kokorin A. V. Chudotvorets, zavistnik i «istinnyi nishchii»* — Olesha // Olesha Iu. K. *Zavist'*. Zagovor chuvstv. Strogii iunosha. SPb., 2017.
14. *Isbakh A. A. Na literaturnykh barrikadakh*. M., 1964.
15. *Iurganov A. L. Kak tovarishch Stalin stal rukovodit' literaturnym frontom* // Rossiia i sovremennyi mir. 2017. № 3 (96).
16. *Klark K. RAPP i institutsionalizatsiia sovetskogo kul'turnogo polia v 1920-kh* — nachale 1930-kh godov // *Sotsrealisticheskii kanon: Sb. statei*. SPb., 2000.
17. *Komia M. «Fakt» i «belletristika» v tvorchestve Iu. Oleshi* // *Vestnik Tambovskogo gos. un-ta*. 2013. № 3 (119).
18. *Komia M. Romany Iu. K. Oleshi «Zavist'» i «Tri Tolstiaka» kak metaproza*. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2013.
19. *Markina P. V. Tvorchestvo Iu. K. Oleshi v literaturno-esteticheskem kontekste 1920–1930-kh godov (I. E. Babel', V. P. Kataev, M. M. Zoshchenko)*. Barnaul, 2012.
20. *Mil'china V. A. Khroniki postsovetskoi gumanitarnoi nauki: Bannye, Lotmanovskie, Gasparovskie i drugie chtenia*. M., 2019.
21. *Olesha Iu. K. Kniga proshchaniia*. M., 1999.
22. *Olesha Iu. K. O «Strakhe» A. Afinogenova* // *Olesha Iu. K. P'esy. Stat'i o teatre i dramaturgii*. [M.,] 1968.
23. *Olesha Iu. K. Zavist'* // *Olesha Iu. K. Izbrannoe*. M., 1974.
24. *Podlubnova Iu. S. Metazhanry v russkoj literature 1920 — nachala 1940-kh godov (komunistscheskaia agiografia i «evropeiskaiia» skazka-allegoria)*. Dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg, 2005.
25. «Schast'e literature». Gosudarstvo i pisateli. 1925–1938 gg.: Dokumenty. M., 1997.
26. *Sheshukov S. I. Neistovye revnitieli: Iz istorii literaturnoi bor'by 20-kh godov*. M., 1970.
27. *Shklovskii V. B. Energiia zabluzhdeniiia. Kniga o siuzhete*. M., 1981.
28. *Solov'eva I. N. Khudozhestvennyi teatr: Zhizn' i prikliucheniia idei*. M., 2007.
29. *Stalin I. V. Soch.: V 18 t.* M., 1949. T. 9, 10.
30. *Trotskii L. D. Literatura i revoliutsiiia*. M., 1991.
31. *Vospominaniia o Iurii Oleshe*. M., 1975.

Виктор Михайлович Димитриев

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Viktor Mikhaylovich Dimitriev

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-2801-3511

ganthenbein@gmail.com

ПОВЕСТЬ В. С. ЯНОВСКОГО «ЧЕЛЮСТЬ ЭМИГРАНТА»: ИСКУССТВО ПАМЯТИ В СТОМАТОЛОГИЧЕСКОМ КАБИНЕТЕ

EMIGRANT JAW BY V. S. YANOVSKY: THE ART OF MEMORY IN THE DENTAL OFFICE

Статья посвящена пересечениям медицинского и литературного дискурсов в повести Яновского «Челюсть эмигранта» (1957). Нас будет в первую очередь интересовать, почему рассказ об изгнаннической жизни главного героя мотивирован походом к стоматологу, а также каким образом в повествовании соединяются темы эмиграции, врачебной практики и памяти.

Ключевые слова: В. С. Яновский, память в литературе, стоматологический сюжет, русский Монпарнас, эмигрантская литература, литература и медицина.

The article deals with the confluence of the medical and literary discourses in the *Emigrant Jaw* (1957) by Vasily Yanovsky. Our primary interests are the reason why the narrative of the protagonist's life in exile is motivated by a visit to the dentist, and the merging of the emigration, medical practice and memory themes in the narrative.

Key words: V. S. Yanovsky, memory in literature, dental plot, Russian Montparnasse, émigré literature, literature and medicine.

Список литературы

1. Адамович Г. «Челюсть эмигранта», повесть В. Яновского // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1957. 8 дек.
2. Анисимова Е. Е. Стоматологический код в романе Владимира Набокова «Пнин» // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2017. № 49.
3. Багно В. Е. Кarmelitskaia mistika (Sviataia Teresa i San Khuan de la Krus) v восприятии russkogo religiozного Renessansa // Bagno V. E. Russkaia poezia Serebrianogo veka i romanskii mir. SPb., 2005.
4. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры. СПб., 2017.
5. Век диаспоры. Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020) / Под ред. М. Рубинс; пер. с англ. А. Степанов, Н. Махлаюк, Е. Гудвин. М., 2021.
6. Гарапола Л. Русский балет Дягилева / Пер. с англ. М. Ивониной и О. Левенкова. М., 2021.
7. Димитриев В. М. «Медицина, наука и жизнь» в литературном проекте В. С. Яновского // Русская литература. 2022. № 3.
8. Димитриев В. М. О социализме и религии: Ф. М. Достоевский в восприятии В. С. Варшавского // Достоевский и мировая культура. 2019. № 2 (6).
9. Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 5.
10. Завалишин В. Литература и чувство нового // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1961. 7 сент.
11. Красавченко Т. Н. Л.-Ф. Селин и русские писатели-младоэмигранты первой волны (В. Набоков, Г. Газданов, В. Яновский и др.) // Русские писатели в Париже. Взгляд на французскую литературу: 1920–1940. М., 2007.
12. Линник Ю. Философские искания в прозе В. Яновского // Новый журнал (Нью-Йорк). 1994. № 194.
13. Рубинс М. О. Странный писатель русского зарубежья // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. М., 2014.
14. Рубинс М. Русский Монпарнас: Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма / Пер. с англ. М. Рубинс, А. Глебовской. М., 2017.
15. Степун Ф. А. В. С. Яновский. Челюсть эмигранта // Новый журнал (Нью-Йорк). 1958. № 54.
16. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М., 2007.
17. Яковлева Н. «Человеческий документ»: история одного понятия. Helsinki, 2012.
18. Яновский В. Елена и ее «Третий час» / Пер. с англ. М. Рубинс // Яновский В. Любовь вторая: Избр. проза. М., 2014.
19. Яновский В. С. Время Николая Федорова // Третий час (Нью-Йорк). 1946. Вып. 1.
20. Яновский В. С. Из дневника 1955–1959 гг. / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал (Нью-Йорк). 1997. № 209.
21. Яновский В. С. Из дневника 1960–1964 / Публ. и прим. В. Крейда // Новый журнал (Нью-Йорк). 1999. № 214.
22. Яновский В. С. Мимо незамеченного поколения // Варшавский В. С. Незамеченное поколение / Сост. О. А. Коростелева и М. А. Васильевой. М., 2010.
23. Яновский В. С. Соч.: В 2 т. М., 2000.
24. «Я с вами привык к переписке идеологической...». Письма Г. В. Адамовича В. С. Варшавскому (1951–1972) / Предисловие, подг. текста и комм. О. А. Коростелева // Ежегодник Дома russkogo зарубежья им. А. Солженицына. М., 2010.
25. Livak L. How It Was Done in Paris. Russian Émigré Literature and French Modernism. Madison, 2003.
26. Morard A. De «l'émigré» au «déraciné»: la «jeune génération» des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920–1940). Genève, 2009.
27. Rubins M. Transnational Identities in Diaspora Writing: The Narratives of Vasily Yanovsky // Slavic Review. 2014. Vol. 73. Issue 1.

References

1. Adamovich G. «Cheliust' emigranta», povest' V. Ianovskogo // Novoe russkoe slovo (N'iu-York). 1957. 8 dek.
2. Anisimova E. E. Stomatologicheskii kod v romane Vladimira Nabokova «Pnin» // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Filologiya. 2017. № 49.
3. Bagno V. E. Karmelitskaia mistika (Sviataia Teresa i San Khuan de la Krus) v восприятии russkogo religiozного Renessansa // Bagno V. E. Russkaia poezia Serebrianogo veka i romanskii mir. SPb., 2005.
4. Bogdanov K. A. Vrachi, patsienty, chitateli. Patograficheskie teksty russkoi kul'tury. SPb., 2017.
5. Dimitriev V. M. «Meditisina, nauka i zhizn'» v literaturnom projekte V. S. Ianovskogo // Russkaia literatura. 2022. № 3.

6. *Dimitriev V. M.* O sotsializme i religii: F. M. Dostoevskii v vospriiatii V. S. Varshavskogo // Dostoevskii i mirovaia kul'tura. 2019. № 2 (6).
7. *Dostoevskii F. M.* Zapiski iz podpol'ia // Dostoevskii F. M. Poln. sobr. soch.: V 30 t. L., 1973. T. 5.
8. *Garafta L.* Russkii balet Diagileva / Per. s angl. M. Ivoninoi i O. Levenkova. M., 2021.
9. «Ia s vami privyk k perepiske ideologicheskoi...». Pis'ma G. V. Adamovicha V. S. Varshavskomu (1951–1972) / Predislovie, podg. teksta i komm. O. A. Korosteleva // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna. M., 2010.
10. *Iakovleva N.* «Chelovecheskii dokument»: istoriia odnogo poniatiiia. Helsinki, 2012.
11. *Ianovskii V.* Elena i ee «Tretii chas» / Per. s angl. M. Rubins // Ianovskii V. Liubov' vtoraiia: Izbr. proza. M., 2014.
12. *Ianovskii V. S.* Iz dnevnika 1955–1959 gg. / Publ. i prim. V. Kreida // Novyi zhurnal (N'iu-Iork). 1997. № 209.
13. *Ianovskii V. S.* Iz dnevnika 1960–1964 / Publ. i prim. V. Kreida // Novyi zhurnal (N'iu-Iork). 1999. № 214.
14. *Ianovskii V. S.* Mimo nezamechennogo pokolenii // Varshavskii V. S. Nezamechennoe pokolenie / Sost. O. A. Korosteleva i M. A. Vasil'evoi. M., 2010.
15. *Ianovskii V. S.* Soch.: V 2 t. M., 2000.
16. *Ianovskii V. S.* Vremia Nikolaiia Fedorova // Tretii chas (N'iu-Iork). 1946. Vyp. 1.
17. *Khal'vaks M.* Sotsial'nye ramki pamiatii / Per. s fr. S. N. Zenkina. M., 2007.
18. *Krasavchenko T. N.* L.-F. Selin i russkie pisateli-mldaoemigranty pervoi volny (V. Nabokov, G. Gazdanov, V. Ianovskii i dr.) // Russkie pisateli v Parizhe. Vzgliad na frantsuzskuiu literaturu: 1920–1940. M., 2007.
19. *Linnik Ju.* Filosofskie iskaniia v proze V. Ianovskogo // Novyi zhurnal (N'iu-Iork). 1994. № 194.
20. *Livak L.* How It Was Done in Paris. Russian Emigré Literature and French Modernism. Madison, 2003.
21. *Morard A.* De «l'émigré» au «déraciné»: la «jeune génération» des écrivains russes entre identité et esthétique (Paris, 1920–1940). Genève, 2009.
22. *Rubins M. O.* Strannyi pisatel' russkogo zarubezh'ia // Ianovskii V. Liubov' vtoraiia: Izbr. proza. M., 2014.
23. *Rubins M.* Russkii Monparnass: Parizhskaia proza 1920–1930-kh godov v kontekste transnatsional'nogo modernizma / Per. s angl. M. Rubins, A. Glebovskoi. M., 2017.
24. *Rubins M.* Transnational Identities in Diaspora Writing: The Narratives of Vasily Yanovsky // Slavic Review. 2014. Vol. 73. Issue 1.
25. *Stepun F. A. V. S.* Ianovskii. Cheliust' emigranta // Novyi zhurnal (N'iu-Iork). 1958. № 54.
26. Vek diaspory. Traektorii zarubezhnoi russkoi literatury (1920–2020) / Pod red. M. Rubins; per. s angl. A. Stepanov, N. Makhliuk, E. Gudvin. M., 2021.
27. *Zavalishin V.* Literatura i chuvstvo novogo // Novoe russkoe slovo (N'iu-Iork). 1961. 7 sent.

Людмила Викторовна Евдокимова

доцент филологического факультета
Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева

Liudmila Viktorovna Evdokimova

Associate Professor, Department of Philology,
Tatishchev Astrakhan State University

ORCID: 0009-0006-9418-7401

evdokim_lud@mail.ru

О ПУШКИНСКОМ МИФЕ Ф. К. СОЛОГУБА

PUSHKIN MYTH BY F. K. SOLOGUB

Автор показывает, что мифологемами сологубовской манифестации Пушкинского мифа стали имена собственные поэта-символиста, которые были созвучны или совпадали с именами исторических или мифических персонажей Золотого века русской культуры. Отношение В. А. Сологуба к А. С. Пушкину могло стать прообразом позиции Ф. Сологуба в эссе «Демоны поэтов», которое содержит аллюзии к «Воспоминаниям» известного прозаика XIX века. Совпадение имени

поэта-символиста (Федор Кузьмич) с именем легендарного старца предопределило появление отдельных элементов художественного мира Сологуба, полемически направленных против Пушкина.

Ключевые слова: Пушкинский миф, Ф. Сологуб, В. А. Соллогуб, старец Федор Кузьмич, псевдоним, художественное пространство.

The article shows that the mythologemes of Pushkin Myth manifest themselves in Sologub through the proper names of the Symbolist poet, those assonated with or corresponding to the names of the historical or mythical characters of the Golden Age of Russian culture. V. A. Sollogub's attitude to A. S. Pushkin might have predetermined the stance of F. Sologub in his essay *The Poets' Demons* that contains certain allusions to the *Memoirs* of the famous prose writer of the 19th century. The fact that the Symbolist poet (Fyodor Kuzmich) bears the same name as the legendary *starets* might account for the emergence of certain elements of Sologub's fictional universe that are polemically directed against Pushkin.

Key words: Pushkin's myth, F. Sologub, V. A. Sollogub, *starets* Fyodor Kuzmich, pseudonym, artistic space.

Список литературы

1. А. С. Пушкин: *pro et contra*. Личность и творчество А. Пушкина в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: В 2 т. СПб., 2000. Т. 1.
2. Агапкина Т. А. Имя // Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.
3. Аксаментова Е. А. Скульптурная презентация Александра I и стихотворение А. С. Пушкина «К бюсту завоевателя» // Русская литература. 2022. № 2.
4. Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих: В 2 т. М., 2004.
- T. 2.
5. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М., 1993.
6. Бежин Л. Усыпальница без праха: Записки сентиментального созерцателя // Новый мир. 1992. № 8.
7. Бенчич Ж. Псевдоним (имя и «идентитет») // Russian Literature. 2001. Vol. 49. № 2.
8. Брайтман С. Н. Поэтика русской классической и неклассической лирики. М., 2008.
9. Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6.
10. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1999.
11. Вожди умов и моды. Чужое имя как наследуемая модель жизни / Отв. ред. В. Е. Багно. СПб., 2003.
12. Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб., 1999.
13. Гаспаров М. Л. Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
14. Гей Н. К. Имя в русском космосе Вячеслава Иванова («Повесть о Светомире царевича») // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996.
15. Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб., 1998.
16. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1999. Т. 4.
17. Дворяншина Н. А. «Весь живой»: Ф. Сологуб о Пушкине // Творчество А. С. Пушкина. Вопросы содержания и поэтики. Сургут, 2001.
18. Долгополов Л. К. Символика личных имен в произведениях Андрея Белого // Культурное наследие Древней Руси (Истоки. Становление. Традиции) / Под ред. В. Г. Базанова. М., 1976.
19. Дорофеев Д. Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Вестник культурологии. 2010. № 1 (52).
20. Загидуллина М. В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск, 2001.
21. Ильев С. П. Русский символистский роман. Аспекты поэтики. Киев, 1991.
22. Клейман Л. Ранняя проза Федора Сологуба. Ann Arbor, 1993.
23. Кожевникова Н. А. Язык Андрея Белого. М., 1992.
24. Кожевникова Н. Н. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.
25. Кока Г. М. Стихотворение «К бюсту завоевателя» // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2.
26. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Лосев А. Ф. Миф — число — сущность. М., 1994.
27. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1995.
28. Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Бытие — имя — космос. М., 1993.
29. Лотман Ю. М. Идейная структура поэмы Пушкина «Анджело» // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллинн, 1992.
30. Максимов Д. Е. Поэзия и проза Александра Блока. Л., 1981.
31. Мескин В. А. А. Пушкин в зеркале философской критики Ф. Сологуба. О типологии поэтического творчества // Вестник РУДН. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2016. № 4.
32. Миниц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000.
33. Миниц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004.

34. *Муравьева О. С.* Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине: Сб. статей. СПб., 1995.
35. *Мусатов В. В.* Пушкинская традиция в русской поэзии первой половины XX века. М., 1998.
36. *Павлова М. М.* Писатель-Инспектор: Федор Сологуб и Ф. К. Тетерников. М., 2007.
37. *Панерно И.* Пушкин в жизни человека Серебряного века // Современное американское пушкиноведение. СПб., 1999.
38. *Петровский Н. А.* Словарь русских личных имен. 3-е изд. стереотипное / Специальный науч. ред. О. Д. Митрофанова. М., 1984.
39. *Пильд Л.* Пушкин в «Мелком бесе» Ф. Сологуба // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2000. Вып. 2.
40. *Полоцкая Э.* Статьи о Пушкине // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 7.
41. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1948. Т. 3. Кн. 1.
42. Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX века / Сост., вступ. статья, библиографические справки Р. А. Гальцевой. М., 1990.
43. Словарь языка Пушкина: В 4 т. / Отв. ред. В. В. Виноградов. М., 1961. Т. 4.
44. *Смиренский В. В.* Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и комм. И. С. Тимченко // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997.
45. *Сологуб В. А.* Повести. Воспоминания / Сост., подг. текста, вступ. статья, комм. И. Чистовой. Л., 1998.
46. *Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2012–2014. Т. 1 / Изд. подг. М. М. Павлова; Т. 2: В 2 кн. / Изд. подг. Т. В. Мисникевич (сер. «Литературные памятники»).
47. *Сологуб Ф.* Творимая легенда: В 2 кн. / Сост., подг. текста, послесловие Л. Соболева; комм. А. Соболева. М., 1991.
48. *Топоров В. Н.* Имена // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1991. Т. 1.
49. *Флоренский П.* Имена. СПб., 2007.
50. *Ханзен-Леве А.* Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм. СПб., 1999.
51. *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступ. статья, публ. и комм. М. М. Павловой // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997.
52. *Шаталина Н. Н.* Библиотека Ф. Сологуба: Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997.
53. *Шеметова Т. Г.* Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2011.
54. *Шишкин А.* К философии литературного имени: Вячеслав, Вольфинг, Велимир и другие // Чужое имя. СПб., 2001 (Альманах «Канун»; вып. 6).
55. *Эткинд А.* Хлыст (Секты, литература и революция). М., 1998.
56. *Якобсон Р.* Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.

References

1. A. S. Pushkin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo A. Pushkina v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologija: V 2 t. SPb., 2000. T. 1.
2. Agapina T. A. Imia // Slavianskaia mifologija: Entsiklopedicheskii slovar'. M., 1995.
3. Aksamentova E. A. Skul'pturnaiia reprezentatsiia Aleksandra I i stikhotvorenie A. S. Pushkina «K biustu zavoevatelia»// Russkaia literatura. 2022. № 2.
4. Amfiteatrov A. V. Zhizn' cheloveka, neudobnogo dlia sebia i dlia mnogikh: V 2 t. M., 2004. T. 2.
5. Baran Kh. Poetika russkoi literatury nachala XX veka. M., 1993.
6. Benchich Zh. Psevdonim (imia i «identitet») // Russian Literature. 2001. Vol. 49. № 2.
7. Bezhin L. Usypal'nitsa bez prakha: Zapiski sentimental'nogo sozertsatelia // Novyi mir. 1992. № 8.
8. Briusov V. Sobr. soch.: V 7 t. M., 1975. T. 6.
9. Broitman S. N. Poetika russkoi klassicheskoi i neklassicheskoi liriki. M., 2008.
10. Chernosvitova O. N. Materialy k biografiia Fedora Sologuba / Vstup. stat'ia, publ. i komm. M. M. Pavlovoi // Neizdannyi Fedor Sologub. M., 1997.
11. Dal' V. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: V 4 t. M., 1999. T. 4.
12. Dolgopolov L. K. Simvolika lichnykh imen v proizvedeniiakh Andreia Belogo // Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi (Istoki. Stanovlenie. Traditsii) / Pod red. V. G. Bazanova. M., 1976.
13. Dorochev D. B. Fenomen strannichestva v zapadnoevropeiskoi i russkoi kul'turakh // Vestnik kul'turologii. 2010. № 1 (52).
14. Dvoriashina N. A. «Ves' zhivoi»: F. Sologub o Pushkine // Tvorchestvo A. S. Pushkina. Voprosy soderzhaniia i poetiki. Surgut, 2001.
15. Etkind A. Khlyst (Sekty, literatura i revoliutsiia). M., 1998.

16. *Florenskii P. Imena*. SPb., 2007.
17. *Gasparov B. M. Poeticheskii iazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo iazyka*. SPb., 1999.
18. *Gasparov M. L. Russkie stikhi 1890-kh — 1925-go godov v kommentariakh*. M., 1993.
19. *Gei N. K. Imia v russkom kosmose Viacheslava Ivanova («Povest' o Svetomire Tsareviche») // Viacheslav Ivanov. Materialy i issledovaniia*. M., 1996.
20. *Gollerbach E. Vstrechi i vpechatleniia*. SPb., 1998.
21. *Iakobson R. Statuia v poeticheskoi mifologii Pushkina // Iakobson R. Raboty po poetike*. M., 1987.
22. *Il'ev S. P. Russkii simvolistskii roman. Aspekty poetiki*. Kiev, 1991.
23. *Khanzen-Leve A. Russkii simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Rannii simvolizm*. SPb., 1999.
24. *Kleiman L. Ranniaia proza Fedora Sologuba*. Ann Arbor, 1993.
25. *Koka G. M. Stikhovorenie «K biustu zavoevatelya» // Pushkin: Issledovaniia i materialy*. M.; L., 1958. T. 2.
26. *Kozhevnikova N. A. Iazyk Andreia Belogo*. M., 1992.
27. *Kozhevnikova N. N. Slovoupotreblenie v russkoi poezii nachala XX veka*. M., 1986.
28. *Losev A. F. Dialektika mifa // Losev A. F. Mif — chislo — sushchnost'*. M., 1994.
29. *Losev A. F. Filosofia imeni // Losev A. F. Bytie — imia — kosmos*. M., 1993.
30. *Losev A. F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo*. M., 1995.
31. *Lotman Iu. M. Ideinaia struktura poemy Pushkina «Andzhelo» // Lotman Iu. M. Izbr. stat'i: V 3 t. Tallinn, 1992.*
32. *Maksimov D. E. Poeziia i proza Aleksandra Bloka*. L., 1981.
33. *Meskin V. A. A. Pushkin v zerkale filosofskoi kritiki F. Sologuba. O tipologii poeticheskogo tvorchestva // Vestnik RUDN. Ser. «Literaturovedenie. Zhurnalistika»*. 2016. № 4.
34. *Mints Z. G. Aleksandr Blok i russkie pisateli*. SPb., 2000.
35. *Mints Z. G. Poetika russkogo simvolizma*. SPb., 2004.
36. *Murav'eva O. S. Obraz Pushkina: istoricheskie metamorfozy // Legendy i mify o Pushkine*. Sb. statei. SPb., 1995.
37. *Musatov V. V. Pushkinskaia traditsiia v russkoi poezii pervoi poloviny XX veka*. M., 1998.
38. *Paperno I. Pushkin v zhizni cheloveka Serebrianogo veka // Sovremennoe amerikanskoe pushkinovedenie*. SPb., 1999.
39. *Pavlova M. M. Pisatel'-Inspektor: Fedor Sologub i F. K. Teternikov*. M., 2007.
40. *Petrovskii N. A. Slovar' russkikh lichnykh imen. 3-e izd. stereotipnoe / Spetsial'nyi nauch. red. O. D. Mitrofanova*. M., 1984.
41. *Pil'd L. Pushkin v «Melkom bese» F. Sologuba // Pushkinskie chteniia v Tartu*. Tartu, 2000. Vyp. 2.
42. *Polotskaia E. Stat'i o Pushkine // Briusov V. Sobr. soch.: V 7 t. M., 1975. T. 7*.
43. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]*. M.; L., 1948. T. 3. Kn. 1.
44. *Pushkin v russkoi filosofskoi kritike: Konets XIX — pervaia polovina XX veka / Sost., vstup. stat'ia, bibliograficheskie spravki R. A. Gal'tsevoi*. M., 1990.
45. *Shatalina N. N. Biblioteka F. Sologuba: Materialy k opisaniiu // Neizdannyi Fedor Sologub*. M., 1997.
46. *Shemetova T. G. Biograficheskii mif o Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov. Avtoref. dis. ... doktora filol. nauk*. M., 2011.
47. *Shishkin A. K filosofii literaturnogo imeni: Viacheslav, Vol'fing, Velimir i drugie // Chuzhoe imia*. SPb., 2001 (Al'manakh «Kanun»; vyp. 6).
48. *Slovar' iazyka Pushkina: V 4 t. / Otv. red. V. V. Vinogradov*. M., 1961. T. 4.
49. *Smirenskii V. V. Vospominania o Fedore Sologube / Vstup. stat'ia, publ. i komm. I. S. Timchenko // Neizdannyi Fedor Sologub*. M., 1997.
50. *Sologub V. A. Povesti. Vospominania / Sost., podg. teksta, vstup. stat'ia, komm. I. Chistovoi*. L., 1998.
51. *Sologub F. Poln. sobr. stikhovoreniia i poem: V 3 t. SPb., 2012–2014. T. 1 / Izd. podg. M. M. Pavlova; T. 2: V 2 kn. / Izd. podg. T. V. Misnikevich (ser. «Literaturnye pamiatniki»).*
52. *Sologub F. Tvorimaia legenda: V 2 kn. / Sost., podg. teksta, posleslovie L. Soboleva; komm. A. Soboleva*. M., 1991.
53. *Toporov V. N. Imena // Mify narodov mira. Entsiklopedia: V 2 t. M., 1991. T. 1*.
54. *Vinogradov V. V. Stil' Pushkina*. M., 1999.
55. *Vozhdi umov i mody. Chuzhoe imia kak nasleduemaya model' zhizni / Otv. red. V. E. Bagno*. SPb., 2003.
56. *Zagidullina M. V. Pushkinskii mif v kontse XX veka*. Cheliabinsk, 2001.

Татьяна Владимировна Мисникевич

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tatiana Vladimirovna Misnikovich

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences
ORCID: 0000-0001-6430-2778
tamisnikovich@yandex.ru

**«ИЗБРАННЫЕ» И «ВЫБРАННЫЕ» СТИХИ: К ВОПРОСУ
О КОМПОЗИЦИОННЫХ ПРИНЦИПАХ И СОСТАВЕ
КНИГ ПЕРЕВОДОВ Ф. К. СОЛОГУБА ИЗ ПОЛЯ ВЕРЛЕНА**

**«SELECTED» AND «CHOSEN» POEMS:
CONCERNING THE COMPOSITIONAL PRINCIPLES AND CONTENT
OF F. K. SOLOGUB'S BOOKS OF TRANSLATIONS FROM PAUL VERLAINE**

В статье рассматриваются пять редакций перевода Ф. Сологуба стихотворения П. Верлена «Il pleure dans mon cœur...». Анализ отбора и порядка расположения вариантов в изданиях 1908 и 1923 годов позволяет проследить корреляцию переводов и созданных в тот же период оригинальных произведений. В частности, на выбор основного текста для книги 1923 года повлияло переживание смерти Ан. Н. Чеботаревской (одновременно создавался цикл «Анастасия»).

Ключевые слова: Ф. Сологуб, П. Верлен, перевод, биографичность.

The article deals with the five versions of F. Sologub's translation of P. Verlaine's poem «Il pleure dans mon cœur...». Analyzing the selection and arrangement of the variants in the 1908 and 1923 editions, the correlation between the translations and the original texts from the same period is established. Thus, the experience that seems to have influenced the choice of the principal text for the 1923 book was the death of A. N. Chebotarevskaya (the cycle *Anastasia* was being created at the same time).

Key words: F. Sologub, P. Verlaine, translation, biography.

Список литературы

1. Багно В. Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов // Багно В. Е. «Дар особенный»: Художественный перевод в истории русской культуры. М., 2016.
2. Багно В. Е., Мисникевич Т. В. Верлен в подстрочниках и Верлен в переводе: творческая лаборатория Федора Сологуба // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3.
3. Волошин М. А. Лики творчества / Изд. подг. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. Л., 1988 (сер. «Литературные памятники»).
4. Гаспаров М. Л. Брюсов и подстрочник. Попытка измерения // Гаспаров М. Л. Избр. труды: В 4 т. М., 1997. Т. 2.
5. Гиндин С. И. Из ранней верленианы Валерия Брюсова // *De visu*. 1993. № 8.
6. Мисникевич Т. В. Основной текст и вариант: стихотворение Поля Верлена «L'ombre des arbres dans la rivière embrumée...» в переводческой практике Федора Сологуба // Русский модернизм: Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст: коллективная монография. СПб., 2022.
7. Мисникевич Т. В. Лирика Федора Сологуба 1890-х годов: источники текста // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2: В 2 кн. / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. Кн. 1. Стихотворения и поэмы 1893–1899 (сер. «Литературные памятники»).
8. Стрельникова А. Б. Ф. Сологуб — переводчик поэзии П. Верлена. Томск, 2010.
9. Стрельникова А. Б., Филичева В. В. Библиография художественных переводов, выполненных Ф. Сологубом. Неизданные и несобранные поэтические переводы // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016.
10. Шаталина Н. Н. Библиотека Ф. Сологуба: Материалы к описанию // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997.

References

1. *Bagno V. E.* Fedor Sologub — perevodchik frantsuzskikh simvolistov // Bagno V. E. «Dar oso-bennyi»: Khudozhestvennyi perevod v istorii russkoi kul'tury. M., 2016.
2. *Bagno V. E., Misnikevich T. V.* Verlen v podstrochnikakh i Verlen v perevode: tvorcheskaia laboratoriia Fedora Sologuba // Studia Litterarum. 2020. T. 5. № 3.
3. *Gasparov M. L.* Briusov i podstrochnik. Popytka izmereniiia // Gasparov M. L. Izbr. trudy: V 4 t. M., 1997. T. 2.
4. *Gindin S. I.* Iz rannei verleniany Valeriiia Briusova // De visu. 1993. № 8.
5. *Misnikevich T. V.* Lirika Fedora Sologuba 1890-kh godov: istochniki teksta // Sologub F. Poln. sobr. stikhovtorenii i poem: V 3 t. SPb., 2014. T. 2: V 2 kn. / Izd. podg. T. V. Misnikevich. Kn. 1. Stikhovtorenii i poemy 1893–1899 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
6. *Misnikevich T. V.* Osnovnoi tekst i variant: stikhovtorenie Polia Verlena «L'ombre des arbres dans la rivière embrumée...» v perevodcheskoi praktike Fedora Sologuba // Russkii modernizm: Poetika. Tekstologiiia. Istoriko-literaturnyi kontekst: kollektivnaia monografiiia. SPb., 2022.
7. *Shatalina N. N.* Biblioteka F. Sologuba: Materialy k opisaniiu // Neizdannyi Fedor Sologub. M., 1997.
8. *Strel'nikova A. B. F.* Sologub — perevodchik poezii P. Verlena. Tomsk, 2010.
9. *Strel'nikova A. B., Filicheva V. V.* Bibliografiiia khudozhestvennykh perevodov, vypolnenykh F. Sologubom. Neizdannye i nesobrannye poeticheskie perevody // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy. M., 2016.
10. *Voloshin M. A.* Liki tvorchestva / Izd. podg. V. A. Manuilov, V. P. Kupchenko, A. V. Lavrov. L., 1988 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).

Александр Львович Соболев

независимый исследователь

Alexander Lvovich Sobolev

Independent Researcher

ORCID: 0000-0003-3820-4263

trirodov@gmail.com

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0500-6113

mmpavlova@gmail.com

ЕЩЕ РАЗ О НЕУДАВШЕЙСЯ ПОПЫТКЕ ЭМИГРАЦИИ Ф. К. СОЛОГУБА И А. Н. ЧЕБОТАРЕВСКОЙ

MORE ON F. K. SOLOGUB AND A. N. CHEBOTAREVSKAYA'S FAILED ATTEMPT TO EMIGRATE

В этой статье предпринята попытка реконструировать самый драматический эпизод заката жизни Ф. Сологуба и Ан. Чеботаревской — нескончаемые попытки эмигрировать из Советской России, предпринятые между 1919 и 1921 годами. Благодаря использованию недавно обнару-

женных документов (прежде всего из Российского государственного военного архива) хроника этих попыток обогащается новыми документами и действующими лицами; роли Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева и других высокопоставленных большевиков предстают в ином свете. В Приложении публикуется письмо А. В. Карташева к К. К. Энкелю с просьбой о разрешении въезда в Финляндию (март 1919 года).

Ключевые слова: Ф. Сологуб, Ан. Н. Чеботаревская, эмиграция, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев.

The article attempts to reconstruct the most dramatic episode of Sologub's and Chebotarevskaya's later days, their persistent efforts to emigrate from the Soviet Russia between 1919 and 1921. The recently discovered documents (primarily from the Russian State Military Archive), enrich the chronicle of these attempts with new documents and characters; the role of L. D. Trotsky, L. B. Kamenev and other prominent Bolsheviks appears in a different light. A letter from A. V. Kartashev to K. K. Enkel, requesting an entrance permit to Finland (March 1919), is published in the Appendix.

Key words: F. Sologub, An. N. Chebotarevskaya, emigration, L. D. Trotsky, L. B. Kamenev.

Список литературы

1. Аванесов В. А. Статьи. Доклады. Материалы / Сост. и автор прим. С. У. Саркисян. Ереван, 1985.
2. Автобиография Антона Владимира Карташева (1875–1960) // Вестник русского студенческого христианского движения (Париж–Нью-Йорк). 1960. № 58–59.
3. Альбрехт Г. фон. От народной песни к дodeкафонии / Под общ. ред. М. фон Альбрехта; пер. Е. Федоровой. М., [2006].
4. Блок А. Записные книжки, 1901–1920 / Сост., подг. текста, предисловие и прим. Вл. Орлова. М., 1965.
5. Витухновская-Каунпала М. Карл Энкель, последний министр статс-секретарь Финляндии (апрель–ноябрь 1917 г.), и его российские политические контакты // Петербургский исторический журнал. 2015. № 3.
6. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. / Сост. А. Артизов и О. Наумов. М., 1999.
7. Гиппиус З. Н. Стихотворения. Живые лица / Вступ. статья, сост., подг. текста, комм. Н. А. Богомолова. М., 1991.
8. Голлербах Е. А. Федор Сологуб и «Отечество» З. И. Гржебина // Русская литература. 2016. № 1.
9. Козьменко М. В. Полузабытый «Голос жизни» — «пораженческий» еженедельник // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: Политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013.
10. Константинов С. В. «В неверном озаренье славы...». Реформаторы и жертвы. М., 2008.
11. Мищенко-Атэ М. Д. День испытания. М., 2009.
12. Обатин Г. В. Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // Русская литература. 1997. № 2.
13. «Он будет писать стихи против нас». Правда о болезни и смерти Александра Блока / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. 1995. № 2.
14. Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...». Материалы к поздней биографии Федора Сологуба // «Радость ждет сокровенного слова...»: Сборник научных статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига, 2013.
15. Павлова М. М. Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014.
16. Переписка З. Н. Гиппиус с В. А. Злобиным. 1916–1919 / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Лит. наследство. 2021. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 2.
17. Письма Ан. Н. Чеботаревской к Е. А. Ляцкому (1912–1917) / Вступ. статья, публ. и прим. Дж. Меррилла // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016.
18. Письма З. Н. Гиппиус к Федору Сологубу и А. Н. Чеботаревской (1894–1917) / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус: В 2 кн. Кн. 1.
19. Письма Федора Сологуба в Совнарком, В. И. Ленину и А. В. Луначарскому / Публ. Ф. Федорова // Континент. 1992. № 2 (72).
20. Сологуб Ф. Богдыхан: Эпизоды из романа, который может быть написан / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010.
21. Сологуб Ф. Публицистика Первой мировой войны / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны. Публикации, исследования и материалы. М., 2014.
22. Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997.

23. «Шиение Сологуба не прибавит ничего» / Публ. В. Шепелева и В. Любимова // Источник. 1995. № 5.
24. «Я очень прошу пересмотреть вопрос о разрешении мне... выехать временно за границу». Документы российских архивов о писателе Ф. Сологубе. 1920-е гг. / Публ. подг. Н. А. Мышков // Отечественные архивы. 2006. № 6.
25. *Miscenko-Ate*. Ein neuentdeckter Dichter des Silbernen Zeitalters / Urtextausg. u. Erstübers. von H. Hammer; hrsg. von M. von Albrecht. Frankfurt a/M., 1987–1988.

References

1. *Al'brekht G. fon*. Ot narodnoi pesni k dodekafonii / Pod obshch. red. M. fon Al'brekhta; per. E. Fedorovoi. M., [2006].
2. *Avanesov V. A. Stat'i. Doklady. Materialy / Sost. i avtor prim. S. U. Sarkisian*. Erevan, 1985.
3. *Avtobiografiia Antona Vladimirovicha Kartasheva (1875–1960)* // Vestnik russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniiia (Parizh–N'iu-Iork). 1960. № 58–59.
4. *Blok A. Zapisnye knizhki, 1901–1920* / Sost., podg. teksta, predislovie i prim. Vl. Orlova. M., 1965.
5. *Fedor Sologub i Anastasiia Chebotarevskaia / Vstup. stat'ia, publ. i komm. A. V. Lavrova* // Neizdannyi Fedor Sologub. M., 1997.
6. «Ia ochen' proshu peresmotret' vopros o razreshenii mne... vyekhat' vremенно za granitsu». Dokumenty rossiiskikh arkhivov o pisatelye F. Sologube. 1920-e gg. / Publ. podg. N. A. Myshev // Otechestvennye arkhivy. 2006. № 6.
7. *Gippius Z. N. Stikhotvoreniia. Zhivye litsa / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta, komm. N. A. Bogomolova*. M., 1991.
8. *Gollerbach E. A. Fedor Sologub i «Otechestvo» Z. I. Grzhebina* // Russkaia literatura. 2016. № 1.
9. *Konstantinov S. V. «V nevernom ozaren'e slavy...»*. Reformatory i zhertvy. M., 2008.
10. *Koz'menko M. V. Poluzabytyi «Golos zhizni» — «porazhancheskii» ezhenedel'nik* // Russkaia publitsistika i periodika epokhi Pervoi mirovoi voiny: Politika i poetika. Issledovaniia i materialy. M., 2013.
11. *Miscenko-Ate*. Ein neuentdeckter Dichter des Silbernen Zeitalters / Urtextausg. u. Erstübers. von H. Hammer; hrsg. von M. von Albrecht. Frankfurt a/M., 1987–1988.
12. *Mishchenko-Ate M. D. Den' ispytaniia*. M., 2009.
13. *Obatin G. V. Shtrikhi k portretu Viach. Ivanova epokhi revoliutsii 1917 goda* // Russkaia literatura. 1997. № 2.
14. «On budet pisat' stikhi protiv nas». Pravda o bolezni i smerti Aleksandra Bloka / Publ. V. Shepeleva i V. Liubimova // Istochnik. 1995. № 2.
15. *Pavlova M. «Otchego zh, dusha-rabynia, Ty na voliu ne letish'...»*. Materialy k pozdnei biografiia Fedora Sologuba // «Radost' zhdet sokrovennogo slova...»: Sbornik nauchnykh statei v chest' professora Latviiskogo universiteta Liudmily Vasil'evny Sproge. Riga, 2013.
16. *Pavlova M. M. Pervaia mirovaya voina v publitsistike Fedora Sologuba* // Politika i poetika: russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny. Publikatsii, issledovaniia i materialy. M., 2014.
17. *Perepiska Z. N. Gippius s V. A. Zlobinym. 1916–1919* / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. M. M. Pavlovoi // Lit. nasledstvo. 2021. T. 106. Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius: V 2 kn. Kn. 2.
18. *Pis'ma An. N. Chebotarevskoi k E. A. Liatskomu (1912–1917)* / Vstup. stat'ia, publ. i prim. Dzh. Merrill // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy. M., 2016.
19. *Pis'ma Fedora Sologuba v Sovnarkom, V. I. Leninu i A. V. Lunacharskomu* / Publ. F. Fedorova // Kontinent. 1992. № 2 (72).
20. *Pis'ma Z. N. Gippius k Fedoru Sologubu i A. N. Chebotarevskoi (1894–1917)* / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. M. M. Pavlovoi // Lit. nasledstvo. 2018. T. 106. Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius: V 2 kn. Kn. 1.
21. «Shipenie Sologuba ne pribavit nichego» / Publ. V. Shepeleva i V. Liubimova // Istochnik. 1995. № 5.
22. *Sologub F. Bogdykhan: Epizody iz romana, kotoryi mozhet byt' napisan* / Publ. M. M. Pavlovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2007–2008 gody. SPb., 2010.
23. *Sologub F. Publitsistika Pervoi mirovoi voiny* / Vstup. stat'ia, podg. teksta i prim. M. M. Pavlovoi // Politika i poetika: russkaia literatura v istoriko-kul'turnom kontekste Pervoi mirovoi voiny. Publikatsii, issledovaniia i materialy. M., 2014.
24. *Vitukhnovskaia-Kauppala M. Karl Enkel'*, poslednii ministr stats-sekretar' Finliandii (aprel'–noiabr' 1917 g.), i ego rossiiskie politicheskie kontakty // Peterburgskii istoricheskii zhurnal. 2015. № 3.
25. *Vlast' i khudozhestvennaia intelligentsiia. Dokumenty TsK RKP(b) — VKP(b), VChK-OGPU-NKVD o kul'turnoi politike. 1917–1953 gg.* / Sost. A. Artizov i O. Naumov. M., 1999.

Маргарита Михайловна Павлова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Margarita Mikhailovna Pavlova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0500-6113

mmpavlova@gmail.com

Алексей Викторович Востриков

заведующий сектором «Библиотека Бестужевских курсов»
Научной библиотеки им. М. Горького СПбГУ

Alexey Viktorovich Vostrikov

Senior Curator, Bestuzhev Courses Library,
Research Library, St. Petersburg State University

ORCID: 0009-0005-0821-9511

bestuzhevka@gmail.com

Ф. К. СОЛОГУБ В ДНЕВНИКЕ Е. П. КАЗАНОВИЧ**F. K. SOLOGUB IN THE DIARY OF E. P. KAZANOVICH**

В публикацию включены фрагменты из дневника Е. П. Казанович за 1920–1923 годы, посвященные встречам и разговорам с Ф. Сологубом (особый интерес представляют записи высказываний о Пушкине, А. Блоке, А. Белом и др.). Вступительная статья знакомит с личностью диаристки, ее представлениями о современной литературе, которые в значительной степени сформировались под влиянием ее наставника и старшего коллеги по Пушкинскому Дому Н. А. Котляревского, имевшего свою историю отношений с Сологубом (в публикации использованы фрагменты их двухсторонней переписки), и постепенно выверялись личными впечатлениями. Дневниковые записи Казанович дополняют известные мемуарные свидетельства и позволяют составить более цельное представление о писательском и человеческом облике позднего Сологуба.

Ключевые слова: Ф. Сологуб, мемуары, дневник Е. П. Казанович, Н. А. Котляревский, А. С. Пушкин, А. А. Блок.

The publication includes excerpts from the diary of E. P. Kazanovich (1920–1923) that describe her encounters and conversations with F. Sologub (his recorded statements about Pushkin, A. Blok, A. Bely etc. are of particular interest). The introductory article offers an outline of the diarist's personality and her ideas concerning contemporary literature, largely suggested by her mentor and senior colleague at the Pushkin House N. A. Kotlyarevsky who had his own record of relations with Sologub (excerpts from their correspondence are used in the publication), and gradually verified by her own personal impressions. Kazanovich's diary entries supplement the well-known memoirs and present a more comprehensive picture of Sologub's artistic and human self in his late years.

Key words: F. Sologub, memoirs, diary of E. P. Kazanovich, N. A. Kotlyarevsky, A. S. Pushkin, A. A. Blok.

Список литературы

1. Аверьянова-Дидерихс Л. И. Запись о «вторнике» «неоклассиков» 16 ноября 1926 года / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007.

2. Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и комм. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подг. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998.
3. *Белый А. Стихотворения и поэмы: В 2 т.* СПб.; М., 2006. Т. 2 (Новая Библиотека поэта).
4. Блок в архиве В. А. Рождественского / Предисловие и публ. М. В. Рождественской; комм. Р. Д. Тименчика // Лит. наследство. 1987. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 4.
5. *Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники.* М., 2009.
6. *Брюсов В. Я. Письма к Ф. Сологубу / Публ. В. Н. Орлова и И. Г. Ямпольского // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1973 год.* Л., 1976.
7. В. В. Вересаев о Федоре Сологубе. Воспоминания. Переписка (1924–1927) / Вступ. статья, публ. и комм. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014.
8. В. В. Смиренский и Л. И. Аверьянова. Переписка (1925–1929, 1935). Неизданные стихотворения Владимира Смирнского из собрания Лидии Аверьяновой / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // Литературный архив советской эпохи. СПб., 2018. Т. 1.
9. *Верховский Ю. Струны. Собр. соч. / Сост., статья, комм. В. Калмыкова.* М., 2008.
10. Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Щуко / Публ. М. М. Павловой // *Memento Vivere. Сборник памяти Л. Н. Ивановой.* СПб., 2009.
11. *Востриков А. В. Евлалия Павловна Казанович и ее «Записки о виденном и слышанном» // История отечественной культуры в архивных документах: Сб. статей.* СПб., 2021. Вып. 2.
12. *Галанина Ю. Вокруг «Заложников жизни» // Мейерхольд и другие: Документы и материалы.* М., 2000.
13. *Данько Е. Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и комм. М. М. Павловой // Лица: Биографический альманах.* М.; СПб., 1992. Вып. 1.
14. *Зильберштейн И. С. О встречах с Любовью Дмитриевной Блок и судьбе хранившегося у нее архива поэта // Лит. наследство.* 1978. Т. 89. Александр Блок. Письма к жене.
15. Иванов-Разумник в переписке с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской (1910–1927) / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // *Федор Сологуб: Разыскания и материалы.* М., 2016.
16. Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982.
17. Из эпистолярного наследия А. С. Полякова (Письма к С. А. Венгерову, А. Г. Фомину и Н. К. Никольскому) / Публ. М. Д. Эльзона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006.
18. Издания с дарственными надписями из собрания библиотеки Пушкинского Дома: каталог / Сост. Н. С. Беляев; сост. имен. указ. Г. В. Бахарева, Н. С. Беляев. СПб., 2016. Вып. 2.
19. *Измайлова Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918–1928 гг. / Публ. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год.* СПб., 2003.
20. *Казанович Е. П. Как было написано А. Блоком стихотворение «Пушкинскому Дому» / Публ. и прим. В. Сажина // Звезда. 1977. № 10.*
21. *Кукушкина Т. А. «Всеобъемлющий и широко гостеприимный...».* Дом литераторов (1918–1922) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998–1999 год. СПб., 2003.
22. *Лавров А. В. Иван Коневской — полемист // Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации.* М., 2015.
23. *Лошинская Н. В. Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография.* Л., 1982.
24. *Медведев П. Н. УФ. Сологуба // Медведев П. Н. Собр. соч.: В 2 т. / Изд. подг. Ю. П. Медведев, Д. А. Медведева.* СПб., 2018. Т. 1.
25. *Мисникевич Т. В. Федор Сологуб, его поклонницы и корреспондентки // Эротизм без бегров / Сост. М. М. Павлова.* М., 2004.
26. *Мисникевич Т. В., Филичева В. В. Становление литературной репутации Федора Сологуба (по материалам переписки с современниками) // Писатель — критика — читатель (Механизмы формирования литературной репутации в России во второй половине XIX — первой трети XX вв.).* СПб., 2022.
27. *Модзалевский Б. Л. Из записных книжек 1920–1928 гг. / Публ. Т. И. Краснобородько и Л. К. Хитрово // Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005.* СПб., 2005.
28. *Орлова Н. Х. Дневник одного живого существа: Из жизни бестужевки.* СПб., 2018.
29. *Павлова М. «Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...».* Материалы к поздней биографии Федора Сологуба // «Радость ждет сокровенного слова...»: Сборник научных статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига, 2013.
30. *Павлова М. М. «Путеводная нить».* Поэтическое творчество Федора Сологуба последнего десятилетия в контексте биографии // Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2020. Т. 3. Стихотворения и поэмы, 1914–1927 / Изд. подг. М. М. Павлова (сер. «Литературные памятники»).

31. Переписка З. Н. Гиппиус с Н. М. Минским (1891–1912) / Вступ. статья, прим. С. В. Сапожкова; сост. и подг. текстов А. В. Сысоевой, С. В. Сапожкова // Лит. наследство. 2018. Т. 106. Эпистолярное наследие З. Н. Гиппиус. Кн. 1.
32. Письма Федора Сологуба В. Я. Брюсову / <Публ. А. Л. Соболева> // Соболев А. Л. Страннолюбский перебарщивает. Сконопель истоар. М., 2013 (Летейская библиотека: очерки и материалы по истории русской литературы XX века; т. 2).
33. Письмо О. Н. Черносвитовой Т. Н. Чеботаревской от 13 апреля 1928 года / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993.
34. Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005.
35. Смирнский В. В. Воспоминания о Федоре Сологубе / Вступ. статья, публ. и комм. И. С. Тимченко // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997.
36. Сологуб Ф. Мелкий бес / Изд. подг. М. М. Павлова. СПб., 2004 (сер. «Литературные памятники»).
37. Сологуб Ф. Полн. собр. стихотворений и поэм: В 3 т. СПб., 2014. Т. 2: В 2 кн. / Изд. подг. Т. В. Мисникевич. Кн. 1 (сер. «Литературные памятники»).
38. Сологуб Ф. Собр. соч.: В 6 т. М., 2002. Т. 4, 6.
39. Тименчик Р. Д., Лавров А. В. Материалы А. А. Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976.
40. Ф. Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с В. Э. Мейерхольдом (1906–1927) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Ю. Е. Галаниной // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016.
41. Федор Сологуб и Ан. Чеботаревская: Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999.
42. Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997.
43. Хопрова Т. А. Музыка в жизни и творчестве А. Блока. Л., 1974.
44. Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. М., 1997. Т. 1. 1938–1941.
45. Юбилей Федора Сологуба (1924 год) / Публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006.
46. Fedor Sologub's Speech in Memory of V. Ja. Brjusov / Introduction and Notes by J. D. Grossman // Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University. Jerusalem, 1981. Vol. 5–6.

References

1. Andrei Belyi i Ivanov-Razumnik. Perepiska / Publ., vstop. stat'ia i komm. A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada; podg. teksta T. V. Pavlovoi, A. V. Lavrova i Dzh. Mal'mstada. SPb., 1998.
2. Aver'ianova-Diderikhs L. I. Zapis' o «vtornike» «neoklassikov» 16 noiabria 1926 goda / Publ. M. M. Pavlovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2003–2004 gody. SPb., 2007.
3. Belyi A. Stikhotvorenii i poemy: V 2 t. SPb.; M., 2006. T. 2.
4. Blok v arkhive V. A. Rozhdestvenskogo / Predislovie i publ. M. V. Rozhdestvenskoi; komm. R. D. Timenchika // Lit. nasledstvo. 1987. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 4.
5. Bogomolov N. A. Viacheslav Ivanov v 1903–1907 godakh: Dokumental'nye khroniki. M., 2009.
6. Briusov V. Ia. Pis'ma k F. Sologubu / Publ. V. N. Orlova i I. G. Iampol'skogo // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1973 god. L., 1976.
7. Chukovskia L. Zapiski ob Anne Akhmatovoi: V 3 t. M., 1997. T. 1. 1938–1941.
8. Dan'ko E. Ia. Vospominaniia o Fedore Sologube. Stikhotvorenii / Vstop. stat'ia, publ. i komm. M. M. Pavlovoi // Litsa: Biograficheskii al'manakh. M.; SPb., 1992. Vyp. 1.
9. F. Sologub i An. N. Chebotarevskia. Perepiska s V. E. Meierkhol'dom (1906–1927) / Vstop. stat'ia, podg. teksta i komm. Iu. E. Galaninoi // Fedor Sologub: Razyskaniia i materialy. M., 2016.
10. Fedor Sologub i An. Chebotarevskia: Perepiska s A. A. Izmailovym / Publ. M. M. Pavlovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1995 god. SPb., 1999.
11. Fedor Sologub i Anastasia Chebotarevskia / Vstop. stat'ia, publ. i komm. A. V. Lavrova // Neizdannyi Fedor Sologub. M., 1997.
12. Fedor Sologub's Speech in Memory of V. Ja. Brjusov / Introduction and Notes by J. D. Grossman // Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University. Jerusalem, 1981. Vol. 5–6.
13. Galanina Iu. Vokrug «Zalozhnikov zhizni» // Meierkhol'd i drugie: Dokumenty i materialy. M., 2000.
14. Iubilei Fedora Sologuba (1924 god) / Publ. A. V. Lavrova // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2002 god. SPb., 2006.

15. Ivanov-Razumnik v perepiske s Fedorom Sologubom i Anastasiei Chebotarevskoi (1910–1927) / Vstup. stat'ia, publ. i komm. A. V. Lavrova // Fedor Sologub: Razyskania i materialy. M., 2016.
16. Iz dnevnikov E. P. Kazanovich / Publ. V. N. Sazhina // Pushkinskii Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografija. L., 1982.
17. Iz epistoliarnogo nasledia A. S. Poliakova (Pis'ma k S. A. Vengerovu, A. G. Fominu i N. K. Nikol'skomu) / Publ. M. D. El'zona // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2001 god. SPb., 2006.
18. Izdaniia s darstvennymi nadpisiami iz sobraniiia biblioteki Pushkinskogo Doma: katalog / Sost. N. S. Beliaev; sost. imen. ukaz. G. V. Bakhareva, N. S. Beliaev. SPb., 2016. Vyp. 2.
19. Izmailov N. V. Vospominania o Pushkinskom Dome. 1918–1928 gg. / Publ. N. A. Prozorovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1998–1999 god. SPb., 2003.
20. Kazanovich E. P. Kak bylo napisano A. Blokom stikhovorenie «Pushkinskomu Domu» / Publ. i prim. V. Sazhina // Zvezda. 1977. № 10.
21. Khropova T. A. Muzyka v zhizni i tvorchestve A. Bloka. L., 1974.
22. Kukushkina T. A. «Vseob'emliushchii i shiroko gostepriimnyi...». Dom literatorov (1918–1922) // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1998–1999 god. SPb., 2003.
23. Lavrov A. V. Ivan Konevskoi — polemist // Lavrov A. V. Simvolisty i drugie: Stat'i. Razyskania. Publikatsii. M., 2015.
24. Loshchinskaiia N. V. Aleksandr Blok i Pushkinskii Dom // Pushkinskii Dom: Stat'i. Dokumenty. Bibliografija. L., 1982.
25. Medvedev P. N. U F. Sologuba // Medvedev P. N. Sobr. soch.: V 2 t. / Izd. podg. Iu. P. Medvedev, D. A. Medvedeva. SPb., 2018. T. 1.
26. Misnikevich T. V. Fedor Sologub, ego poklonnitsy i korrespondentki // Erotizm bez beregov / Sost. M. M. Pavlova. M., 2004.
27. Misnikevich T. V., Filicheva V. V. Stanovlenie literaturnoi reputatsii Fedora Sologuba (po materialam perepiski s sovremennikami) // Pisatel' — kritika — chitatel' (Mekhanizmy formirovaniia literaturnoi reputatsii v Rossii vo vtoroi polovine XIX — pervoi treti XX vv.). SPb., 2022.
28. Modzalevskii B. L. Iz zapisnykh knizhek 1920–1928 gg. / Publ. T. I. Krasnobarod'ko i L. K. Khitrovo // Pushkinskii Dom: Materialy k istorii. 1905–2005. SPb., 2005.
29. Orlova N. Kh. Dnevnik odnogo zhivogo sushchestva: Iz zhizni bestuzhevki. SPb., 2018.
30. Pavlova M. «Otchego zh, dusha-rabinya, Ty na voliu ne letish'...». Materialy k pozdnei biografi Fedora Sologuba // «Radost» zhdet sokrovennogo slova...: Sbornik nauchnykh statei v chest' professora Latviiskogo universiteta Liudmily Vasil'evny Sproge. Riga, 2013.
31. Pavlova M. M. «Putevodnaia nit». Poeticheskoe tvorchestvo Fedora Sologuba poslednego desiatiletii v kontekste biografii // Sologub F. Poln. sobr. stikhovorenii i poem: V 3 t. SPb., 2020. T. 3. Stikhovorenia i poemy, 1914–1927 / Izd. podg. M. M. Pavlova (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
32. Perepiska Z. N. Gippius s N. M. Minskim (1891–1912) / Vstup. stat'ia, prim. S. V. Sapozhko; sost. i podg. tekstov A. V. Sysoevoi, S. V. Sapozhko // Lit. nasledstvo. 2018. T. 106. Epistoliarnoe nasledie Z. N. Gippius. Kn. 1.
33. Pis'ma Fedora Sologuba V. Ia. Briusovu / <Publ. A. L. Soboleva> // Sobolev A. L. Strannolubskii perebarshchivaet. Skonopel' istoar. M., 2013 (Leteiskaia biblioteka: ocherki i materialy po istorii russkoi literatury XX veka; t. 2).
34. Pis'mo O. N. Chernosvitovo T. N. Chebotarevskoi ot 13 aprelia 1928 goda / Publ. M. M. Pavlovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1990 god. SPb., 1993.
35. Pushkinskii Dom: Materialy k istorii. 1905–2005. SPb., 2005.
36. Smirenskii V. V. Vospominania o Fedore Sologube / Vstup. stat'ia, publ. i komm. I. S. Timchenko // Neizdannyi Fedor Sologub. M., 1997.
37. Sologub F. Melkii bes / Izd. podg. M. M. Pavlova. SPb., 2004 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
38. Sologub F. Poln. sobr. stikhovorenii i poem: V 3 t. SPb., 2014. T. 2: V 2 kn. / Izd. podg. T. V. Misnikevich. Kn. 1 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
39. Sologub F. Sobr. soch.: V 6 t. M., 2002. T. 4, 6.
40. Timenchik R. D., Lavrov A. V. Materialy A. A. Akhmatovoi v Rukopisnom otdele Pushkinskogo Doma // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1974 god. L., 1976.
41. V. V. Smirenskii i L. I. Aver'ianova. Perepiska (1925–1929, 1935). Neizdannye stikhovorenii Vladimira Smirenskogo iz sobrania Lidii Aver'ianovoi / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. M. M. Pavlovoi // Literaturnyi arkhiv sovetskoi epokhi. SPb., 2018. T. 1.
42. V. V. Veresaevo o Fedore Sologube. Vospominania. Perepiska (1924–1927) / Vstup. stat'ia, publ. i komm. M. M. Pavlovoi // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2013 god. SPb., 2014.
43. Verkhovskii Iu. Struny. Sobr. soch. / Sost., stat'ia, komm. V. Kalmykova. M., 2008.
44. Vospominania T. N. Chernosvitovo o smerti A. N. Chebotarevskoi-Sologub, zapisannye L. N. Shchuko / Publ. M. M. Pavlovoi // Memento Vivere. Sbornik pamiatii L. N. Ivanovoi. SPb., 2009.

45. *Vostrikov A. V. Evlaliiia Pavlovna Kazanovich i ee «Zapiski o vidennom i slyshannom» // Istorija otechestvennoi kul'tury v arkhivnykh dokumentakh: Sb. statei. SPb., 2021. Vyp. 2.*

46. *Zil'bershtein I. S. O vstrechakh s Liubov'iu Dmitrievnoi Blok i sud'be khranivshegosia u nee arkhiva poeta // Lit. nasledstvo. 1978. T. 89. Aleksandr Blok. Pis'ma k zhene.*

Татьяна Григорьевна Иванова

главный научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Tat'iana Grigor'evna Ivanova

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-3679-4634

tgivanova@inbox.ru

РОСТОВО-СУЗДАЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ В БЫЛИНАХ И ЕЕ РОЛЬ В СЛОЖЕНИИ ПЕСЕННО-ЭПИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ROSTOV-SUZDAL LAND IN EPICS AND ITS CONTRIBUTION TO THE EMERGENCE OF THE EPIC TRADITION

В свете положения о «материнских», «колониационных», «региональных» и «локальных» метрополиях формирования былин рассматривается традиция Ростово-Суздальско-Владимирских земель. Несмотря на то, что в данном крае записаны только осколки былинной традиции, Владимирский регион являлся одной из территорий, где складывались былины. Анализируются редкие упоминания Ростова и сузальские следы в былинных текстах. Дается обзор немногочисленных записей былин, сделанных во Владимирском крае.

Ключевые слова: былины, былинные метрополии, формирование песенно-эпической традиции, Ростово-Суздальско-Владимирский регион.

The epic tradition of the Rostov-Suzdal-Vladimir lands is considered in the light of the thesis concerning the «maternal», «colonial», «regional» and «local» metropolises of the formation of epics. Even though only fragments of the epic tradition have been recorded in the area, Vladimir Region was one of those territories where epics were originally shaped. Scarce mentions of Rostov and traces of Suzdal in the epic texts are analyzed. An overview of the few records of epics made in the Vladimir Region is provided.

Key words: epics, epic metropolises, formation of the song-epic tradition, Rostov-Suzdal-Vladimir Region.

Список литературы

1. Азбелев С. Н. Былины: Новые книги // Русский фольклор: Проблемы «Свода русского фольклора» / Отв. ред. А. А. Горелов. Л., 1977. Т. 17.
2. Аникин В. П. Об историческом изучении былин // Русская литература. 1984. № 1.
3. Бернштам Т. А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973.
4. Былины Зимнего берега Белого моря / Изд. подг. А. Н. Власов, С. А. Жадовская, Н. Г. Комелина, Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков; отв. ред. тома А. Н. Власов. СПб.; М., 2018 (Свод русского фольклора. Былины; т. 8).
5. Былины Зимнего берега Белого моря: Сказительница Марфа Семеновна Крюкова / Изд. подг. М. В. Рейли, Ю. И. Марченко, А. Н. Розов. СПб.; М., 2020 (Свод русского фольклора. Былины; т. 9).
6. Былины Кулоя / Изд. подг. Ю. И. Марченко, Ю. А. Новиков, Л. И. Петрова, А. Н. Розов. СПб.; М., 2011 (Свод русского фольклора. Былины; т. 6).
7. Былины Печоры / Корпус текстов подг. В. И. Еремина, В. И. Жекулина, В. В. Коргузлов, А. Ф. Некрылова. СПб.; М., 2001 (Свод русского фольклора. Былины; т. 1–2).
8. Былины Пинеги / Изд. подг. Т. Г. Иванова, А. Ю. Кастрев, М. В. Рейли. СПб.; М., 2012 (Свод русского фольклора. Былины; т. 7).

9. Былины Пудоги / Изд. подг. М. Н. Власова, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Ю. Кастров, Ю. А. Новиков, Т. А. Новиковна, Е. И. Якубовская. СПб.; М., 2013–2016 (Свод русского фольклора. Былины; т. 16–18 (2)).
10. Гордиенко О. В. Былинный напев, записанный на Владимирщине // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 31.
11. Дмитриева С. И. Географическое распространение русских былин по материалам конца XIX — начала XX в. М., 1975.
12. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е изд., доп. / Подг. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.
13. Земля Владимирская: Географический словарь. Владимир, 1991.
14. Иванова Т. Г. «Большие» и «малые» метрополии северорусской былинной традиции // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике — проблемы и перспективы: Сб. науч. статей. М., 2015.
15. Иванова Т. Г. Былины в Великоустюжском регионе // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения — 2003»). Петрозаводск, 2003.
16. Иванова Т. Г. Заонежская былинная традиция и проблема географического распространения былин // Международная научная конференция по проблемам изучения, сохранения и актуализации народной культуры Русского Севера «Рябининские чтения — 95»: Сб. докладов. Петрозаводск, 1997.
17. Иванова Т. Г. «Малые» очаги северорусской былинной традиции. СПб., 2001.
18. Ипатьевская летопись. М., 1998 (Полн. собр. русских летописей; т. 2).
19. Лаврентьевская летопись. М., 1997 (Полн. собр. русских летописей; т. 1).
20. Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года / Подг. текста и комм. А. И. Никифорова и Г. С. Виноградова. М.; Л., 1949. Т. 1.
21. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым / Изд. подг. А. П. Разумова, И. А. Разумова, Т. С. Курец. Петрозаводск, 1989. Т. 1.
22. Путилов Б. Н. К вопросу о составе Разинского песенного цикла (былина о Соколе-корабле) // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1961. Т. 6.
23. Рабинович Б. И. Музыкальные записи народных песен во Владимирской области // Традиционный фольклор Владимирской деревни (в записях 1963–1969 гг.). М., 1972.
24. Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока / Изд. подг. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1991 (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
25. Рыбаков Б. А. Русский эпос и исторический нигилизм // Русская литература. 1985. № 1.
26. Смирнов Я. Е. Титов Андрей Александрович // Энциклопедия Ярославского края с древнейших времен до 1917 г. Антология. Ярославль, 2009.
27. Филипповский Г. Ю. Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. XI — первая половина XIV вв.
28. Юрасов М. К. «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом (Продолжение) // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. 2013. № 1.

References

1. Anikin V. P. Ob istoricheskem izuchenii bylin // Russkaia literatura. 1984. № 1.
2. Azbelev S. N. Byliny: Novye knigi // Russkii fol'klor: Problemy «Svoda russkogo fol'klora» / Otv. red. A. A. Gorelov. L., 1977. T. 17.
3. Bernshtam T. A. Rol' verkhnevolzhskoi kolonizatsii v osvoenii Russkogo Severa (IX–XV vv.) // Fol'klor i etnografija Russkogo Severa. L., 1973.
4. Byliny Kuloia / Izd. podg. Iu. I. Marchenko, Iu. A. Novikov, L. I. Petrova, A. N. Rozov. SPb.; M., 2011 (Svod russkogo fol'klora. Byliny; т. 6).
5. Byliny Pechory / Korpus tekstov podg. V. I. Eremina, V. I. Zhekulina, V. V. Korguzalov, A. F. Nekrylova. SPb.; M., 2001 (Svod russkogo fol'klora. Byliny; т. 1–2).
6. Byliny Pinegi / Izd. podg. T. G. Ivanova, A. Iu. Kastrov, M. V. Reili. SPb.; M., 2012 (Svod russkogo fol'klora. Byliny; т. 7).
7. Byliny Pudogi / Izd. podg. M. N. Vlasova, V. I. Eremina, V. I. Zhekulina, A. Iu. Kastrov, Iu. A. Novikov, T. A. Novichkova, E. I. Iakubovskaia. SPb.; M., 2013–2016 (Svod russkogo fol'klora. Byliny; т. 16–18 (2)).
8. Byliny Zimnego berega Belogo moria / Izd. podg. A. N. Vlasov, S. A. Zhadovskaia, N. G. Komeolina, Iu. I. Marchenko, Iu. A. Novikov; otv. red. toma A. N. Vlasov. SPb.; M., 2018 (Svod russkogo fol'klora. Byliny; т. 8).
9. Byliny Zimnego berega Belogo moria: Skazitel'nitsa Marfa Semenovna Kriukova / Izd. podg. M. V. Reili, Iu. I. Marchenko, A. N. Rozov. SPb.; M., 2020 (Svod russkogo fol'klora. Byliny; т. 9).

10. *Dmitrieva S. I.* Geograficheskoe rasprostranenie russkikh bylin po materialam kontsa XIX — nachala XX v. M., 1975.
11. Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym. 2-e izd., dop. / Podg. A. P. Evgen'eva i B. N. Putilov. M., 1977.
12. *Filippovskii G. Iu.* Zhitie Leontiia Rostovskogo // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L., 1987. Vyp. 1. XI — pervaia polovina XIV vv.
13. *Gordienko O. V.* Bylinnyi napev, zapisannyi na Vladimirshchine // Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia. SPb., 2001. T. 31.
14. Ipat'evskia letopis'. M., 1998 (Poln. sobr. russkikh letopisei; t. 2).
15. *Iurasov M. K.* «Deiania vengrov» magistra P., kotorogo nazvavt Anonimom (Prodolzhenie) // Peterburgskie slavianskie i balkanskie issledovaniia = Studia Slavica et Balkanica Petropolitana. 2013. № 1.
16. *Ivanova T. G.* «Bol'shie» i «malye» metropolii severnorusskoi bylinnoi traditsii // Regional'nye issledovaniia v fol'kloristike i etnolingvistike — problemy i perspektivy: Sb. nauch. statei. M., 2015.
17. *Ivanova T. G.* Byliny v Velikoustiuzhskom regione // Lokal'nye traditsii v narodnoi kul'ture Russkogo Severa (Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Riabininskie chtenia — 2003»). Petrozavodsk, 2003.
18. *Ivanova T. G.* «Malye» ochagi severnorusskoi bylinnoi traditsii. SPb., 2001.
19. *Ivanova T. G.* Zaonezhskia bylinnaia traditsia i problema geograficheskogo rasprostraneniia bylin // Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsia po problemam izuchenia, sokhraneniia i aktualizatsii narodnoi kul'tury Russkogo Severa «Riabininskie chtenia — 95»: Sb. dokladov. Petrozavodsk, 1997.
20. Lavrent'evskia letopis'. M., 1997 (Poln. sobr. russkikh letopisei; t. 1).
21. Onezhskie byliny, zapisannyi A. F. Gil'ferdingom letom 1871 goda / Podg. teksta i komm. A. I. Nikiforova i G. S. Vinogradova. M.; L., 1949. T. 1.
22. Pesni, sobrannye P. N. Rybnikovym / Izd. podg. A. P. Razumova, I. A. Razumova, T. S. Kurets. Petrozavodsk, 1989. T. 1.
23. *Putilov B. N.* K voprosu o sostave Razinskogo pesennogo tsikla (bylina o Sokole-korable) // Russkii fol'klor: Materialy i issledovaniia. M.; L., 1961. T. 6.
24. *Rabinovich B. I.* Muzykal'nye zapisи narodnykh pesen vo Vladimirskoi oblasti // Traditsionnyi fol'klor Vladimirskoi derevni (v zapisakh 1963–1969 gg.). M., 1972.
25. Russkaia epicheskia poeziai Sibiri i Dal'nego Vostoka / Izd. podg. Iu. I. Smirnov i T. S. Shentalinskaia. Novosibirsk, 1991 (Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka).
26. *Rybakov B. A.* Russkii epos i istoricheskii nigelizm // Russkaia literatura. 1985. № 1.
27. *Smirnov Ia. E.* Titov Andrei Aleksandrovich // Entsiklopediia Iaroslavskogo kraia s drevneishikh vremen do 1917 g. Antologiya. Iaroslavl', 2009.
28. Zemlia Vladimirskaia: Geograficheskii slovar'. Vladimir, 1991.

Ирина Владимировна Федорова

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Vladimirovna Fedorova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-2149-9395

irirad@mail.ru

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЕ ЛЕГЕНДЫ В РУССКОЙ ПАЛОМНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XII–XIX ВЕКОВ

CONSTANTINOPLE LEGENDS IN THE RUSSIAN PILGRIMAGE LITERATURE OF THE 12–19TH CENTURIES

В статье рассмотрен репертуар и специфика передачи легендарных сюжетов, связанных с Константинополем и его реликвиями, в описаниях русских паломников. Так как паломнический

маршрут на Святую Землю из Руси проходил через Царьград-Константинополь, то местный фольклор, услышанный русскими писателями-паломниками, уже с XIII века стал частью паломнических описаний. На широком материале паломнических рассказов (XIII–XIX веков) показано, что легендарные сюжеты, переданные отечественными паломниками, условно могут быть разделены на три тематические группы: легенды об иконах и других реликвиях константинопольских церквей; легенды-пророчества о падении Византии и ее возвращении христианам; легендарное сказание о построении храма Святой Софии. Если в эпоху Средневековья писателями-паломниками использовалась полноюжетная легенда и форма топографической заметки для ее фиксации, то в текстах Нового времени преобладают сюжетные описания, осложненные подробностями и диалогами, что позволило авторам драматизировать повествование и придать ему динамизм.

Ключевые слова: паломническая литература, Константинополь, Царьград, Византия, легенда, сюжет, храм Святой Софии, хождения.

The article examines the repertoire and the specific features of the transmission of legendary narratives related to Constantinople and its relics. Since the pilgrimage route from Russia to the Holy Land passed through Tsargrad-Constantinople, the local folklore, overheard by the Russian pilgrim writers, began to be integrated into the pilgrimage records as early as the 13th century. Extensive studies of the pilgrimage stories (13–19 centuries) show that the legendary narratives transmitted by the Russian pilgrims can be thematically divided into three groups: legends about icons and other relics from the Constantinople churches; legends prophesizing the fall of Byzantium; epic legends concerning the construction of Hagia Sophia. While in the Middle Ages writers used a full-scale legendary narrative and the form of a topographic note to record it, the texts of the Early Modern Times were dominated by the narrative descriptions, augmented by dialogue and details that added drama and dynamics to the story.

Ключевые слова: pilgrimage literature, Constantinople, Tsargrad, Byzantium, legend, narrative, Hagia Sophia, pilgrimage.

Список литературы

1. Белоброва О. А. Сказание о построении храма святой Софии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2.
2. Давыдова С. А. «Сказание о св. Софии цареградской» в Летописце Еллинском и Римском // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2001. Т. 52.
3. Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима (Суханова) в 1858 и 1859 гг. в Иерусалим и гору Афонскую: Дневники, зарисовки. М., 2014.
4. Летописец Еллинский и Римский: В 2 т. / Изд. подг. О. В. Твороговым, С. А. Давыдовой. СПб., 1999. Т. 1. Текст.
5. Малето Е. И. Антология хожений русских путешественников XII–XV века: Исследования, тексты, комментарии. М., 2005.
6. Малето Е. И. Константинополь в русских средневековых хождениях: К вопросу о взаимоотношениях империи и ойкумены // Русский исторический сборник. М., 2013. Вып. 5.
7. «Путевые записки» подпоручика Ильи Сысоева / Подг. текста, комм. И. В. Федоровой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2020. Т. 20.
8. Путешествие крестьянина Якима Васильева // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2020. Т. 20.
9. Хождение в Святую землю московского священника Иоанна Лук'янова. 1701–1703 / Изд. подг. Л. А. Ольшевская, А. А. Решетова, С. Н. Травников. М., 2008.

References

1. *Belobrova O. A. Skazanie o postroenii khrama sviatoi Sofii* // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. L., 1989. Vyp. 2. Ch. 2.
2. *Davydova S. A. «Skazanie o sv. Sofii tsaregradskoi» v Letopistse Ellinskem i Rimskom* // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. SPb., 2001. T. 52.
3. *Khozhdenie v Sviatuiu zemliu moskovskogo sviashchennika Ioanna Luk'ianova. 1701–1703* / Izd. podg. L. A. Ol'shevskia, A. A. Reshetova, S. N. Travnikov. M., 2008.
4. *Kniga stranstvii ieromonakha Nikolo-Peshnoshskogo monastyria Jeronima* (Sukhanova) v 1858 i 1859 gg. v Ierusalim i goru Afonskuiu: Dnevniki, zarisovki. M., 2014.
5. *Letopisets Ellinskii i Rimskii: V 2 t.* / Izd. podg. O. V. Tvorogovym, S. A. Davydovoi. SPb., 1999. T. 1. Tekst.
6. *Maleto E. I. Antologiia khozhenii russkikh puteshestvennikov XII–XV veka: Issledovaniia, teksty, kommentarii.* M., 2005.
7. *Maleto E. I. Konstantinopol' v russkikh srednevekovykh khozhdeniakh: K voprosu o vzaimootnosheniakh imperii i oikumeny* // Russkii istoricheskii sbornik. M., 2013. Vyp. 5.

8. Puteshestvie krest'ianina Iakima Vasil'eva // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 2020. T. 20.
9. «Putevye zapiski» podporuchika Il'i Sysoeva / Podg. teksta, komm. I. V. Fedorovoi // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 2020. T. 20.

Надежда Юрьевна Алексеева

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Iurievna Alekseeva

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0009-0009-0516-5908

alexenad18@gmail.com

**К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ А. П. СУМАРОКОВА В ПОДГОТОВКЕ
БОЛЬШОГО МАСКАРАДА («ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ МИНЕРВА») 1763 ГОДА**

**A. P. SUMAROKOV'S PARTICIPATION IN THE PREPARATION
OF THE GREAT MASQUERADE («MINERVA IN TRIUMPH»), 1763**

В статье рассматриваются обстоятельства, связанные с подготовкой и проведением Большого маскарада 1763 года («Торжествующая Минерва»). Для исполнявшихся на этом празднестве «хоров» были использованы тексты, написанные не А. П. Сумароковым, а другими авторами, прежде всего Ф. Г. Волковым. Сумароков был автором первоначального проекта маскарада.

Ключевые слова: А. П. Сумароков, Ф. Г. Волков, М. М. Херасков, «Торжествующая Минерва», хоры, атрибуция.

The article analyzes the circumstances associated with the preparation and holding of the Great Masquerade of 1763 («Minerva in Triumph»). The «choruses» performed at the festival used the texts that were not written by A. P. Sumarokov, but by the other authors, primarily F. G. Volkov. Sumarokov only authored the original project.

Key words: A. P. Sumarokov, F. G. Volkov, M. M. Kheraskov, «Minerva in Triumph», choruses, attribution.

Список литературы

1. Алексеева Н. Ю. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005.
2. Ивинский Д. П. М. М. Херасков и русская литература XVIII — начала XIX веков. М., 2018.
3. Костин А. А. Московский маскарад «Торжествующая Минерва» (1763) глазами иностранца // Русская литература. 2013. № 2.
4. Костин А. А. Участие А. П. Сумарокова в подготовке фейерверка на новый 1760 год (по материалам архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи) // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Четвертой Международной научно-практической конференции. 15–17 мая 2013 года. СПб., 2013. Ч. 2.
5. Михайлов А. В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII–XIX вв. // Михайлов А. В. Языки культуры. М., 1997.
6. Петрова Л. А. Новонайденный список песни Ф. Г. Волкова и социально-утопические легенды о «Золотом веке» // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб., 2020. Вып. 8.
7. Погогян Е. Момус и Превратный свет в маскараде «Торжествующая Минерва» // И время и место: К 60-летию А. Л. Осповата. М., 2008.
8. Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006.
9. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века 1725–1800. М., 1966. Т. 3. Р–Я.

10. Словарь русского языка XVIII века. СПб., 2004, 2007. Вып. 14, 17.
11. Сумароков А. П. Избр. произведения / Вступ. статья, подг. текста и прим. П. Н. Беркова. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер.).
12. Сумароков А. П. Письма / [Подг. В. П. Степанов] // Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980.
13. Успенский Б. А. Заумная речь у Сумарокова // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1.
14. Ф. Г. Волков и русский театр его времени. Сб. статей / Отв. ред. Ю. А. Дмитриев. М., 1953.

References

1. Alekseeva N. Iu. Russkaia oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh. SPb., 2005.
2. F. G. Volkov i russkii teatr ego vremeni. Sb. statei / Otv. red. Iu. A. Dmitriev. M., 1953.
3. Ivinskii D. P. M. M. Kheraskov i russkaia literatura XVIII — nachala XIX vekov. M., 2018.
4. Kostin A. A. Moskovskii maskarad «Torzhestvuiushchaia Minerva» (1763) glazami inostrantsa // Russkaia literatura. 2013. № 2.
5. Kostin A. A. Uchastie A. P. Sumarokova v podgotovke feierverka na novyi 1760 god (po materialam arkhiva Voenno-istoricheskogo muzeia artillerii, inzhenernykh voisk i voisk sviazi) // Voina i oruzhie. Novye issledovaniia i materialy. Trudy Chetvertoi Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 15–17 maia 2013 goda. SPb., 2013. Ch. 2.
6. Mikhailov A. V. Ideal antichnosti i izmenchivost' kul'tury. Rubezh XVIII–XIX vv. // Mikhailov A. V. Iazyki kul'tury. M., 1997.
7. Petrova L. A. Novonaidennyi spisok pesni F. G. Volkova i sotsial'no-utopicheskie legendy o «Zolotom vekе» // Materialy i soobshcheniya po fondam Otdela rukopisei BAN. SPb., 2020. Vyp. 8.
8. Pogosian E. Momus i Prevratnyi svet v maskarade «Torzhestvuiushchaia Minerva» // I vremia i mesto: K 60-letiiu A. L. Ospovata. M., 2008.
9. Proskurina V. Mify imperii: Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II. M., 2006.
10. Slovar' russkogo iazyka XVIII veka. SPb., 2004, 2007. Vyp. 14, 17.
11. Sumarokov A. P. Izbr. proizvedeniia / Vступ. stat'ia, podg. teksta i prim. P. N. Berkova. L., 1957 (Biblioteka poeta. Bol'shiaia ser.).
12. Sumarokov A. P. Pis'ma / [Podg. V. P. Stepanov] // Pis'ma russkikh pisatelei XVIII veka / Otv. red. G. P. Makogonenko. L., 1980.
13. Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka 1725–1800. M., 1966. T. 3. R–Ia.
14. Uspenskii B. A. Zaumnaia rech' u Sumarokova // Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii. 2013. № 1.

Алина Сергеевна Бодрова

доцент

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alina Sergeevna Bodrova

Associate Professor, National Research University *Higher School of Economics*;
Research Assistant, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4048-1908

abodrova@hse.ru

ЖУРНАЛИСТ ФИГЛЯРИН И ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ В 1827 ГОДУ: К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭПИГРАММЫ Е. А. БАРАТЫНСКОГО И А. С. ПУШКИНА

THE JOURNALIST FIGLYARIN AND THE TRIUMPH OF FRIENDSHIP IN 1827:
TOWARDS THE INTERPRETATION OF AN EPIGRAM
BY E. BARATYNSKY AND A. PUSHKIN

Предмет исследования в статье — совместная эпиграмма Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина «Журналист Фиглярин и Истина» (1827), которая рассматривается в свете истории литературных отношений обоих авторов с адресатом текста — Ф. В. Булгариным, а также вписывается в контекст напряженной полемики «Московского телеграфа» и «Северной пчелы». Подробная реконструкция обстоятельств создания и публикации эпиграммы позволяет показать ее парадоксальную роль в истории журнальных споров 1825–1827 годов: несмотря на полемическую провокативность, эта эпиграмма способствовала примирению Н. А. Полевого с Булгариным и его изданиями.

Ключевые слова: А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Н. А. Полевой, Ф. В. Булгарин, литературная полемика, эпиграмма.

The article studies the joint epigram by Baratynsky and Pushkin *The Journalist Figlyarin and the Truth* (1827). The epigram is analyzed in the light of the history of literary relations of its authors with the addressee of the text, Faddey Bulgarin, and is placed in the context of the tense polemics between *Moskovsky Telegraf* and *Severnaya Pochta*. A detailed reconstruction of the circumstances of the epigram's creation and publication reveals its paradoxical role in the history of the journal debates of 1825–1827: despite its polemical and provocative character, this epigram contributed to the reconciliation of Nikolay Polevoy with Bulgarin and his editions.

Key words: A. Pushkin, E. Baratynsky, N. Polevoy, F. Bulgarin, literary polemics, epigrams.

Список литературы

1. Базанов В. Г. Ученая республика. М.; Л., 1964.
2. Бодрова А. С. Туркманчайский мир и окололитературные войны: О некоторых контекстах письма Баратынского к Вяземскому // *Studio Slavica*: Сб. науч. трудов молодых филологов. Таллинн, 2007. Вып. 7.
3. Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 2002–2012. Т. 1; Т. 2. Ч. 1; Т. 3. Ч. 1.
4. Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.
5. Вацуро В. Э. Пушкин в московских литературных кружках середины 1820-х годов (Эпиграмма на А. Н. Муравьева) // Вацуро В. Э. Пушкинская пора. СПб., 2000.
6. Вацуро В. Э. Страница из жизни Грибоедова (Неизданные письма Ф. В. Булгарина к Н. А. Полевому) // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997.
7. Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение / Изд. подг. А. И. Рейтблат. М., 1998.
8. Гильельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969.
9. Гиппиус В. В. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830–1831 гг. // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941. [Вып.] 6.
10. Ларинова Е. О. «Услыхши суд глупца...» (Журнальные отношения Пушкина в 1828–1830 гг.) // Пушкин в прижизненной критике. СПб., 2001. [Вып. 2]. 1828–1830.
11. Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. М., 1999. Т. 2.
12. Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков; подг. текста Е. Э. Ляминой, А. М. Пескова. М., 1998.
13. Мазур Н. Н. Пушкин и «московские юноши»: Вокруг проблемы гения // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001.
14. Мартыненко А. И. Е. А. Боратынский в журнале «Московский Телеграф» // Мурановские чтения — 2016: Материалы научных конференций 3–4 марта и 1–2 декабря 2016 года. М., 2016.
15. Мордовченко Н. И. Русская критика первой четверти XIX века. М.; Л., 1959.
16. Песков А. М. Пушкин и Баратынский: Материалы к истории литературных отношений // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацуро. М., 1995–1996.
17. Проскурин О. А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. М., 2000.
18. Пушкин в дневнике К. С. Сербиновича / Публ. [и прим.] В. Нечаевой // Лит. наследство. 1952. Т. 58.
19. Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Лит. наследство. 1952. Т. 58.
20. Пушкин в прижизненной критике. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001. [Вып. 1]. 1820–1827; [Вып. 3]. 1828–1830.
21. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. М.; Л., 1937–1949. Т. 11, 13.
22. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2004–2019. Т. 2. Кн. 1, 2; Т. 3. Кн. 1; Т. 7.
23. Пушкин А. С. Соч. Комментированное издание / Под общ. ред. Д. Бетеа. М., 2008. Вып. 2. Борис Годунов.
24. Рейтблат А. И. Видок Фиглярин (История одной литературной репутации) // Рейтблат А. И. Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. Статьи и материалы. М., 2016.

25. Рогов К. Ю. (Не)известная эпиграмма Пушкина: К творческой истории VII главы «Евгения Онегина» // Лотмановский сборник. М., 2004. Вып. 3.
26. Рогов К. Ю. Из истории учреждения «Московского Вестника» (К проблеме «Пушкин и Вяземский»: осень 1826 года) // Пушкинская конференция в Стенфорде, 1999: Материалы и исследования. М., 2001.
27. Селезнев М. Б. Литературная полемика Ф. В. Булгарина и Н. А. Полевого в 1825–1827 годах // Ф. В. Булгарин — писатель, журналист, театральный критик. Сб. статей. М., 2019.
28. Селезнев М. Б. Роль эпиграммы в создании «булгаринского мифа» // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2004. Т. 2. № 1.
29. Теребенина Р. Е. Новые поступления в пушкинский фонд Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР за 1958–1968 гг. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1969 год. Л., 1971.
30. Флейшман Л. С. Из истории элегии в пушкинскую эпоху [1968] // Флейшман Л. С. От Пушкина к Пастернаку. Избр. работы по поэтике и истории русской литературы. М., 2006.
31. Хмелецкая Л. А. Журнал «Московский телеграф». Дис. ... канд. филол. наук. М., 1948. Т. 1.
32. Цяловская Т. Г. Новонайденный автограф Пушкина (Эпиграмма на Булгарина) // Русская литература. 1961. № 1.
33. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989.

References

1. Bazanov V. G. Uchenaia respublika. М.; Л., 1964.
2. Bodrova A. S. Turkmanchaiskii mir i okololiteraturnye voiny: O nekotorykh kontekstakh pis'ma Baratynskogo k Viazemskomu // Studia Slavica: Sb. nauch. trudov molodykh filologov. Tallinn, 2007. Vyp. 7.
3. Boratynskii E. A. Poln. sobr. soch. i pisem. М., 2002–2012. Т. 1; Т. 2. Ch. 1; Т. 3. Ch. 1.
4. Chereiskii L. A. Pushkin i ego okruzhenie. Л., 1989.
5. Fleishman L. S. Iz istorii elegii v pushkinskuiu epokhu [1968] // Fleishman L. S. Ot Pushkina k Pasternaku. Izbr. raboty po poetike i istorii russkoj literatury. М., 2006.
6. Gillel'son M. I. P. A. Viazemskii: Zhizn' i tvorchestvo. Л., 1969.
7. Gippius V. V. Pushkin v bor'be s Bulgarynym v 1830–1831 gg. // Vremennik Pushkinskoi komissii. М.; Л., 1941. [Vyp.] 6.
8. Khmeletskaia L. A. Zhurnal «Moskovskii telegraf». Dis. ... kand. filol. nauk. М., 1948. Т. 1.
9. Larionova E. O. «Uslyshish' sud gluptsa...» (Zhurnal'nye otnosheniia Pushkina v 1828–1830 gg.) // Pushkin v prizhiznennoi kritike. SPb., 2001. [Vyp. 2]. 1828–1830.
10. Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Pushkina: V 4 t. М., 1999. Т. 2.
11. Letopis' zhizni i tvorchestva E. A. Boratynskogo / Sost. A. M. Peskov; podg. teksta E. E. Laiminoi, A. M. Peskova. М., 1998.
12. Martynenko A. I. E. A. Boratynskii v zhurnale «Moskovskii Telegraf» // Muranovskie chteniia — 2016: Materialy nauchnykh konferentsii 3–4 marta i 1–2 dekabria 2016 goda. М., 2016.
13. Mazur N. N. Pushkin i «moskovskie iunoshi»: Vokrug problemy geniia // Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniia. М., 2001.
14. Mordovchenko N. I. Russkaia kritika pervoi chetverti XIX veka. М.; Л., 1959.
15. Peskov A. M. Pushkin i Baratynskii: Materialy k istorii literaturnykh otnoshenii // Novye bezdelki: Sbornik statei k 60-letiiu V. E. Vatsuro. М., 1995–1996.
16. Proskurin O. A. Literaturnye skandalы pushkinskoi epokhi. М., 2000.
17. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: [V 16 t.]. М.; Л., 1937–1949. Т. 11, 13.
18. Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 20 t. SPb., 2004–2019. Т. 2. Kn. 1, 2; Т. 3. Kn. 1; Т. 7.
19. Pushkin A. S. Soch. Kommentirovannoe izdanie / Pod obshch. red. D. Betea. М., 2008. Vyp. 2. Boris Godunov.
20. Pushkin v dnevniku K. S. Serbinovicha / Publ. [i prim.] V. Nechaevoi // Lit. nasledstvo. 1952. Т. 58.
21. Pushkin v neizdannoi perepiske sovremennikov (1815–1837) // Lit. nasledstvo. 1952. Т. 58.
22. Pushkin v prizhiznennoi kritike. 2-e izd., ispr. i dop. SPb., 2001. [Vyp. 1]. 1820–1827; [Vyp. 3]. 1828–1830.
23. Reitblat A. I. Vidok Figliarin (Istoriia odnoi literaturnoi reputatsii) // Reitblat A. I. Faddei Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsul'tant sekretnoi politsii. Stat'i i materialy. М., 2016.
24. Rogov K. Iu. (Ne)izvestnaia epigramma Pushkina: K tvorcheskoi istorii VII glavy «Evgeniiia Onegina» // Lotmanovskii sbornik. М., 2004. Vyp. 3.
25. Rogov K. Iu. Iz istorii uchrezhdenia «Moskovskogo Vestnika» (K probleme «Pushkin i Viazemskii»: osen' 1826 goda) // Pushkinskaia konferentsiia v Stenforde, 1999: Materialy i issledovaniia. М., 2001.

26. *Seleznev M. B.* Literaturnaia polemika F. V. Bulgarina i N. A. Polevogo v 1825–1827 godakh // F. V. Bulgarin — pisatel', zhurnal'nyi kritik. Sb. statei. M., 2019.
27. *Seleznev M. B.* Rol' epigrammy v sozdaniii «bulgarinskogo mifa» // Vestnik Cheliabinskogo gos. un-ta. 2004. T. 2. № 1.
28. *Terebenina R. E.* Novye postupleniiia v pushkinskii fond Rukopisnogo otdela Instituta russkoj literatury (Pushkinskogo Doma) AN SSSR za 1958–1968 gg. // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1969 god. L., 1971.
29. *Tsiavlovskaja T. G.* Novonaidennyi avtograf Pushkina (Epigramma na Bulgarina) // Russkaja literatura. 1961. № 1.
30. *Vatsuro V. E.* «Severnye tsvety». Istorija al'manakha Del'viga — Pushkina. M., 1978.
31. *Vatsuro V. E.* Pushkin v moskovskikh literaturnykh kruzhkakh serediny 1820-kh godov (Epigramma na A. N. Murav'eva) // Vatsuro V. E. Pushkinskaja pora. SPb., 2000.
32. *Vatsuro V. E.* Stranichka iz zhizni Griboeedova (Neizdannye pis'ma F. V. Bulgarina k N. A. Pol'evomu) // Pushkin i drugie: Sb. statei k 60-letiiu prof. S. A. Fomicheva. Novgorod, 1997.
33. Vidok Figliarin: Pis'ma i agenturnye zapiski F. V. Bulgarina v III otdelenie / Izd. podg. A. I. Reitblat. M., 1998.

Надежда Викторовна Калинина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Viktorovna Kalinina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9084-5191

hope.kalinina@gmail.com

МАЛИНОВКА И МАЛИНОВЕЦ: ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ СЛУГ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. ГОНЧАРОВА И М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

MALINOVKA AND MALINOVETS: THE PORTRAIT GALLERY OF SERVANTS IN THE WORKS BY I. A. GONCHAROV AND M. E. SALTYKOV-SHCHEDRIN

В статье прослеживается многолетний творческий диалог И. А. Гончарова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. Личностные и литературные связи писателей анализируются в аспекте противостояния их ценностно-смысовых позиций. Особое внимание уделено явным и скрытым аналогиям с прозой Гончарова в книге «Пошехонская старина».

Ключевые слова: автобиографическая проза, публицистика, очерковый цикл, роман, семейная хроника, «Обрыв», «Пошехонская старина», «Слуги старого века».

The article traces the long-term creative dialogue between I. A. Goncharov and M. E. Saltykov-Shchedrin. The writers' personal and literary connections are analyzed from the standpoint of the confrontation of their values and attitudes. Special emphasis is laid on the explicit and hidden analogies with Goncharov's prose from the book *The Old Times of Poshekhonye*.

Key words: autobiographical prose, journalism, essay cycle, novel, family chronicle, *The Precipice*, *The Old Times of Poshekhonye*, *Men Servants of Other Days*.

Список литературы

1. *Багаутдинова Г. Г.* «Слуги старого века» И. А. Гончарова: поэтика композиции в аспекте пространственно-временной точки зрения // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер. Языкоизнание и литературоведение. 2015. № 3 (18).
2. *Балакин А. Ю.* Вокруг завещания И. А. Гончарова // Летняя школа по русской литературе. 2020. Т. 16. № 3–4.
3. *Беспалова Е. К.* И. А. Гончаров и симбирские масоны (К вопросу о реалиях очерка «На родине») // Русская литература. 2002. № 1.

4. Валкин М. Х. Тайна великого писателя (И. А. Гончаров и А. К. Трейгут). Ульяновск, 2006.
5. Гейро Л. С. «Сообразно времени и обстоятельствам...» (Творческая история романа «Обрыв») // Лит. наследство. 2000. Т. 102. И. А. Гончаров. Новые материалы и исследования.
6. Гейро Л. С. И. А. Гончаров и М. Е. Салтыков-Щедрин (О «Литературном вечере» Гончарова // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. 1967. Вып. 3. № 14.
7. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. Былое и думы. 1852–1868. Ч. I–III.
8. Гинзбург Л. Я. О документальной литературе и принципах построения характера // Вопросы литературы. 1970. № 7.
9. Гончаров И. А. Письма к С. А. Никитенко / Публ. Л. С. Гейро // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 год. Л., 1978.
10. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997–2017. Т. 2, 6, 7; Т. 8. Кн. 1, 2; Т. 15.
11. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7.
12. Гродецкая А. Г. Иван Александрович Гончаров // М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники: Энциклопедический словарь / Сост. и ред. Е. А. Строганова. СПб., 2021.
13. Гус'ков С. Н. Почему был обруган «Обрыв»? (О некоторых причинах негативной критической рецепции романа) // Материалы V Междунар. науч. конф., посвященной 200-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2012.
14. Жданова М. Б. И. А. Гончаров и Трейгуты (новые материалы) // Материалы Междунар. конф., посвященной 180-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1994.
15. Лобкарева А. В. О чем молчат экспонаты? // Мономах. 2002. № 2 (29).
16. М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957.
17. Макашин С. А. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е — 1870-е годы: Биография. М., 1984.
18. Минц З. Г. Функция реминисценций в поэтике Ал. Блока // Минц З. Г. Блок и русский символизм. Избр. труды: В 3 кн. СПб., 1999. Кн. 1. Поэтика Александра Блока.
19. Прокопенко З. Т. Концепция национального менталитета в творчестве русских писателей XIX века // https://ruskline.ru/analitika/2011/04/09/konsepciya_nacionalnogo_mentaliteta_v_tvorchestve_russkih_pisatelej_xix_veka; дата обращения: 12.07.2023.
20. Прокопенко З. Т. М. Е. Салтыков-Щедрин и И. А. Гончаров в литературном процессе XIX века. Воронеж, 1989.
21. Романова А. В. Письма И. А. Гончарова к А. К. Трейгут // Русская литература. 2016. № 2.
22. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1969–1975. Т. 8, 9, 17.
23. Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. М., 1950.

References

1. Bagautdinova G. G. «Slugi starogo veka» I. A. Goncharova: poetika kompozitsii v aspekte prostranstvenno-vremennoi tochki zreniia // Vestnik Mariiskogo gos. un-ta. Ser. Iazykoznanie i literaturovedenie. 2015. № 3 (18).
2. Balakin A. Iu. Vokrug zaveshchaniia I. A. Goncharova // Letniaia shkola po russkoi literature. 2020. Т. 16. № 3–4.
3. Bespalova E. K. I. A. Goncharov i simbirskie masonry (K voprosu o realiiaakh ocherka «Narodine») // Russkaia literatura. 2002. № 1.
4. Geiro L. S. «Soobrazno vremeni i obstoiatel'stvam...» (Tvorcheskaia istoriia romana «Obryv») // Lit. nasledstvo. 2000. Т. 102. I. A. Goncharov. Novye materialy i issledovaniia.
5. Geiro L. S. I. A. Goncharov i M. E. Saltykov-Shchedrin (O «Literaturnom vechere» Goncharova // Vestnik LGU. Ser. Istoriiia, iazyk, literatura. 1967. Vyp. 3. № 14.
6. Gertsen A. I. Sобр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. Byloe i dumy. 1852–1868. Ch. I–III.
7. Ginzburg L. Ia. O dokumental'noi literature i printispakh postroeniiia kharaktera // Voprosy literatury. 1970. № 7.
8. Goncharov I. A. Pis'ma k S. A. Nikitenko / Publ. L. S. Geiro // Ezhegodnik Rukopisnogo otseila Pushkinskogo Doma na 1976 god. L., 1978.
9. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 1997–2017. Т. 2, 6, 7; Т. 8. Kn. 1, 2; Т. 15.
10. Goncharov I. A. Sобр. соч.: В 8 т. М., 1954. Т. 7.
11. Grodetskaia A. G. Ivan Aleksandrovich Goncharov // M. E. Saltykov-Shchedrin i ego sovremenники: Entsiklopedicheskii slovar' / Sost. i red. E. A. Stroganova. SPb., 2021.
12. Gus'kov S. N. Pochemu byl obrugan «Obryv»? (O nekotorykh prichinakh negativnoi kriticheskoi retseptsii romana) // Materialy V Mezhdunar. nauch. konf., posviashchennoi 200-letiiu so dnia rozhdeniya I. A. Goncharova. Ul'ianovsk, 2012.
13. Lobkareva A. V. O chem molchat eksponaty? // Monomakh. 2002. № 2 (29).
14. M. E. Saltykov-Shchedrin v vospominaniiaakh sovremennikov. M., 1957.
15. Makashin S. A. Saltykov-Shchedrin. Seredina puti. 1860-е — 1870-е годы: Biografia. M., 1984.

16. Mints Z. G. Funktsii reministsentsii v poetike Al. Bloka // Mints Z. G. Blok i russkii simvolizm. Izbr. trudy: V 3 kn. SPb., 1999. Kn. 1. Poetika Aleksandra Bloka.
17. Prokopenko Z. T. Kontseptsiiia natsional'nogo mentaliteta v tvorchestve russkikh pisatelei XIX veka // https://ruskline.ru/analitika/2011/04/09/koncepciya_nacionalnogo_mentaliteta_v_tvorchestve_russkikh_pisatelei_xix_veka; data obrashcheniia: 12.07.2023.
18. Prokopenko Z. T. M. E. Saltykov-Shchedrin i I. A. Goncharov v literaturnom protsesse XIX veka. Voronezh, 1989.
19. Romanova A. V. Pis'ma I. A. Goncharova k A. K. Treigut // Russkaia literatura. 2016. № 2.
20. Saltykov-Shchedrin M. E. Sobr. soch.: V 20 t. M., 1969–1975. T. 8, 9, 17.
21. Tseitlin A. G. I. A. Goncharov. M., 1950.
22. Valkin M. Kh. Taina velikogo pisatelia (I. A. Goncharov i A. K. Treigut). Ul'ianovsk, 2006.
23. Zhdanova M. B. I. A. Goncharov i Treiguty (novye materialy) // Materialy Mezhdunar. konf., posviashchennoi 180-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova. Ul'ianovsk, 1994.

Алексей Владимирович Вдовин

доцент

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)

Alexey Vladimirovich Vdovin

Associate Professor,

National Research University *Higher School of Economics* (Moscow)

ORCID: 0000-0003-0800-0577

avdovin@hse.ru

БЫЛ ЛИ М. М. ДОСТОЕВСКИЙ АВТОРОМ РЕЦЕНЗИЙ НА НАРОДНЫЕ РАССКАЗЫ МАРКО ВОВЧОК В ЖУРНАЛЕ «СВЕТОЧ»? (ИЗ КОММЕНТАРИЯ К СТАТЬЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «Г-Н –БОВ И ВОПРОС ОБ ИСКУССТВЕ»)

WERE THE REVIEWS OF MARKO VOVCHOK'S STORIES IN THE *SVETOCH* JOURNAL AUTHORED BY M. M. DOSTOEVSKY? (COMMENTARY TO F. M. DOSTOEVSKY'S ESSAY MR. –BOV AND THE QUESTION OF ART)

В сообщении на основании идейного, стилистического и биографического единства доказывается, что две анонимные рецензии на народные рассказы Марко Вовчок в предпочвенническом журнале «Светоч» 1860 года, скорее всего, были написаны не М. М. Достоевским, как указано в комментарии к Полному собранию сочинений Ф. М. Достоевского в 30 томах, а фактическим редактором журнала А. П. Миликовым, автором программной статьи 1864 года «Вопрос о малороссийской литературе» в журнале «Эпоха».

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. М. Достоевский, А. П. Миликов, Марко Вовчок, «Светоч», атрибуция, комментарий, украинская литература.

The article offers a proof that the author of the two anonymous reviews of Marko Vovchok's stories from peasant life in the journal *Svetoch* (1860) was not Mikhail Dostoevsky, as was stated in the commentary to the Academic 30-Volume Edition of Fyodor Dostoevsky's Works, but Alexander Miliukov, the *de facto* editor of *Svetoch* and the author of the manifesto article *A Question on Minor Russian Literature* in the journal *Epoch* (1864).

Key words: F. M. Dostoevsky, M. M. Dostoevsky, A. P. Miliukov, Marko Vovchok, *Svetoch*, attribution, commentary, Ukrainian literature.

Список литературы

1. Александровский И. С., Лескинен М. В. Некоторые вопросы этнографического изучения и полемики о статусе малороссийского языка в российской литературной и научной публицистике XIX в. // Русские об Украине и украинцах. СПб., 2012.

2. *Берков П. Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени (1750–1765). М.; Л., 1936.
3. *Берков П. Н.* Об установлении авторства анонимных и псевдонимных произведений XVIII в. // Русская литература. 1958. № 2.
4. *Викторович В. А.* Соколовский Николай Михайлович // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5.
5. *Дорошкевич О. К.* Реализм і народність української літератури XIX ст. Київ, 1986.
6. *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1978. Т. 18.
7. *Лескинен М. В.* Великорос / Великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016.
8. *Миллер А. И.* «Украинский вопрос» в политике российских властей и общественном мнении (вторая половина XIX века). СПб., 2000.
9. *Орехов Б. В., Великанова Н. П.* Цифровая текстология: атрибуция текста на примере романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» // Мир Шолохова. Научно-просветительский общенациональный журнал. 2019. № 1.
10. *Рейсер С. А.* Основы текстологии. 2-е изд. Л., 1978.
11. *Сайкина Н. В. Сниткин Алексей Павлович* // Русские писатели, 1800–1917. Биографический словарь. М., 2007. Т. 5.
12. *Тумиманов В. А.* Творчество Достоевского 1854–1862 годов. Л., 1980.
13. *Фридлендер Г. М.* У истоков «почвенничества» (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч») // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. 1971. Т. 30. Вып. 5.

References

1. *Aleksandrovskii I. S., Leskinen M. V.* Nekotorye voprosy etnograficheskogo izuchenia i polemiki o statuse malorossiiskogo iazyka v rossiiskoi literaturnoi i nauchnoi publitsistike XIX v. // Russkie ob Ukraine i ukraintsakh. SPb., 2012.
2. *Berkov P. N.* Lomonosov i literaturnaia polemika ego vremeni (1750–1765). М.; Л., 1936.
3. *Berkov P. N.* Ob ustanovlenii avtorstva anonomnykh i psevdonomnykh proizvedenii XVIII v. // Russkaia literatura. 1958. № 2.
4. *Doroshkevich O. K.* Realizm i narodnist' ukraїns'koї literaturi XIX st. Kiїv, 1986.
5. *Dostoevskii F. M.* Poln. sobr. soch. i pism: V 30 t. L., 1978. Т. 18.
6. *Fridlender G. M.* U istokov «pochvennichestva» (F. M. Dostoevskii i zhurnal «Svetoch») // Izvestiia Akademii nauk SSSR. Ser. literatury i iazyka. 1971. Т. 30. Vyp. 5.
7. *Leskinen M. V.* Velikoross / Velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX. М., 2016.
8. *Miller A. I.* «Ukrainskii vopros» v politike rossiiskikh vlastei i obshchestvennom mnenii (vторая половина XIX века). SPb., 2000.
9. *Orekhov B. V., Velikanova N. P.* Tsifrovoia tekstologija: atributsiia teksta na primere romana M. A. Sholokhova «Tikhii Don» // Mir Sholokhova. Nauchno-prosvetitel'skii obshchenatsional'nyi zhurnal. 2019. № 1.
10. *Reiser S. A.* Osnovy tekstologii. 2-e izd. L., 1978.
11. *Saikina N. V. Snitkin Aleksei Pavlovich* // Russkie pisateli, 1800–1917. Biograficheskii slovar'. M., 2007. Т. 5.
12. *Tunimanov V. A.* Tvorchestvo Dostoevskogo 1854–1862 godov. L., 1980.
13. *Viktorovich V. A. Sokolovskii Nikolai Mikhailovich* // Russkie pisateli, 1800–1917. Biograficheskii slovar'. M., 2007. Т. 5.

Сергей Николаевич Гус'ков

зам. директора по научной работе
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Sergei Nikolaevich Gus'kov

Deputy Director, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5921-9926

sgouskov@gmail.com

**ЗАЧЕМ «СЕВЕРНАЯ ПОЧТА» В 1863 ГОДУ
ПРИЗЫВАЛА РУССКИХ ДВОРЯН ВЕРНУТЬСЯ НА РОДИНУ?
(ЕЩЕ РАЗ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И. А. ГОНЧАРОВА НА ПОСТУ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ГАЗЕТЫ)**

**WHY DID SEVERNAYA POCHTA URGE THE RUSSIAN ARISTOCRATS
TO RETURN TO THEIR HOMELAND IN 1863?
(MORE ON I. A. GONCHAROV'S EXPERIENCE
AS AN EDITOR-IN-CHIEF OF A GOVERNMENT'S NEWSPAPER)**

В статье рассмотрена роль газеты «Северная почта» и ее главного редактора И. А. Гончарова в кампании 1863 года за возвращение российских дворян на родину. Вновь выявленные обстоятельства и тексты корректируют устоявшееся мнение об этом этапе биографии писателя. Предложена атрибуция неизвестной статьи Гончарова в газете.

Ключевые слова: И. А. Гончаров, П. А. Валуев, заграница, эмиграция, атрибуция, газета, русская литература XIX века, идиостиль.

The article analyzes the role of the newspaper *Severnaya Pochta* and its editor-in-chief I. A. Goncharov in the 1863 campaign for the return of the Russian aristocrats to their homeland. Newly revealed circumstances reshape the established opinion concerning this period of the writer's biography. The attribution of an unknown text by Goncharov in the newspaper is suggested.

Key words: I. A. Goncharov, P. A. Valuev, abroad, emigration, attribution, newspaper, Russian literature of the 19th century, idiostyle.

Список литературы

1. Валуев П. А. Дневник министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961. Т. 1. 1861–1864.
2. Гармиза В. В. Предложения и проекты П. А. Валуева по вопросам внутренней политики (1862–1866) // Исторический архив. 1958. № 1.
3. Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1966. Т. 10, 17, 19, 29.
4. Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 1997–2014. Т. 1, 2, 7, 10.
5. Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1954–1955. Т. 7, 8.
6. Гуськов С. Н. И. А. Гончаров, П. А. Валуев и кампания всеподданнейших писем 1863 года // Русская литература. 2019. № 4.
7. Гуськов С. Н. Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной почте») // Складчиня. Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева / Под ред. Ю. И. Красносельской, А. С. Федотова. М., 2019.
8. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1963. Т. 6.
9. Земское самоуправление в России, 1864–1918: В 2 кн. М., 2005. Кн. 1.
10. Лермонтов М. Ю. Соч.: В 4 т. М.; Л., 1962. Т. 4. Проза. Письма.
11. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1962. Т. 6. Критика и публицистика.
12. Русская периодическая печать (1702–1894): Справочник / Под ред. А. Г. Дементьева, А. В. Западова, М. С. Черепахова. М., 1959.
13. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1968. Т. 6. Наша общественная жизнь. 1863–1864. Статьи. 1863. Журнальная полемика. 1864.
14. Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Т. I–IV. Приложение к факсимильному изданию / Вступ. статья М. И. Гиллельсона; комм. и именной указ. М. И. Гиллельсона, В. А. Мильчиной; указ. литературы Т. И. Краснобородько. М., 1987.
15. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980. Т. 5. Повести и рассказы 1853–1857 годов. Рудин. Статьи и воспоминания 1855–1859.

References

1. Dobroliubov N. A. Sobr. soch.: V 9 t. M.; L., 1963. T. 6.
2. Garmiza V. V. Predlozheniia i proekty P. A. Valueva po voprosam vnutrennei politiki (1862–1866) // Istoricheskii arkhiv. 1958. № 1.
3. Gertsen A. I. Sobr. soch.: V 30 t. M., 1954–1966. T. 10, 17, 19, 29.
4. Goncharov I. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 1997–2014. T. 1, 2, 7, 10.
5. Goncharov I. A. Sobr. soch.: V 8 t. M., 1954–1955. T. 7, 8.
6. Gus'kov S. N. Ekonomika patriotizma (I. A. Goncharov v «Severnoi pochte») // Skladchchina. Sb. statei k 50-letiiu professora M. S. Makeeva / Pod red. Iu. I. Krasnosel'skoi, A. S. Fedotova. M., 2019.

7. *Gus'kov S. N. I. A. Goncharov, P. A. Valuev i kampaniia vsepoddanneishikh pisem 1863 goda* // Russkaia literatura. 2019. № 4.
8. *Lermontov M. Iu. Soch.: V 4 t. M.; L., 1962. T. 4. Proza. Pis'ma.*
9. *Pushkin A. S. Sobr. soch.: V 10 t. M., 1962. T. 6. Kritika i publitsistika.*
10. Russkaia periodicheskia pechat' (1702–1894): Spravochnik / Pod red. A. G. Dement'eva, A. V. Zapadova, M. S. Cherepakhova. M., 1959.
11. *Saltykov-Shchedrin M. E. Sobr. soch.: V 20 t. M., 1968. T. 6. Nasha obshchestvennaia zhizn'. 1863–1864. Stat'i. 1863. Zhurnal'naia polemika. 1864.*
12. Sovremennik, literaturnyi zhurnal, izdavaemyi Aleksandrom Pushkinym. T. I–IV. Prilozhenie k faksimil'nomu izdaniiu / Vstup. stat'i M. I. Gil'el'sona; komm. i imennoi ukaz. M. I. Gil'el'sona, V. A. Mil'chinoi; ukaz. literatury T. I. Krasnoborod'ko. M., 1987.
13. *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: V 30 t. Soch.: V 12 t. M., 1980. T. 5. Povesti i rasskazy 1853–1857 godov. Rudin. Stat'i i vospominaniia 1855–1859.*
14. *Valuev P. A. Dnevnik ministra vnutrennikh del: V 2 t. M., 1961. T. 1. 1861–1864.*
15. *Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918: V 2 kn. M., 2005. Kn. 1.*

Ольга Владимировна Макаревич

научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ol'ga Vladimirovna Makarevich

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0244-5797

philologolga@gmail.com

**ОБ УМЕНИИ ПЛЕСТИ ЛАПТИ, ЛИТЕРАТУРНЫХ ЮЗНИКАХ
И СЕКРЕТНОЙ ПЕЧАТИ
(РЕЦЕНЗИИ Н. С. ЛЕСКОВА В «НОВОМ ВРЕМЕНИ» КОНЦА 1870-Х ГОДОВ)**

**CONCERNING THE CRAFT OF MAKING LAPTI,
LITERARY INMATES AND SECRET PRINTING
(N. S. LESKOV'S REVIEWS PUBLISHED IN *NOVOYE VREMENYE* IN THE LATE 1870s)**

Статья посвящена проблеме сотрудничества Н. С. Лескова в газете «Новое время» в конце 1870-х годов как рецензента. Ставится вопрос об атрибуции писателю отзывов на вторую часть «Книги для первоначального чтения» В. И. Водовозова, «Энциклопедию ума, или Словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» Н. Макарова, роман «*Homo sum*» Г. Эберса, книги «Римская религия от Августа до Антонинов» Г. Буасье, а также заметки «Книжки для народа».

Ключевые слова: Н. С. Лесков, А. С. Суворин, «Новое время», атрибуция, рецензии.

The article analyzes N. S. Leskov's contributions as the reviewer to the newspaper *Novoye Vremya* in the late 1870s. It challenges the attribution of the reviews of the second part of the *Book for the Early Reading* by V. I. Vodovozov, *Encyclopedia of the Mind, or Dictionary of Selected Thoughts by the Writers of all Nations and all Times* by N. Makarov, the novel *Homo Sum* by G. Ebers, the book *Roman Religion from Augustus to the Antonines* by G. Boissier, as well as of the notes *Books for the People*.

Key words: N. S. Leskov, A. S. Suvorin, *Novoye Vremya*, attribution, reviews.

Список литературы

1. Азарина Л. Е. Литературная позиция А. С. Суворина. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
2. Афонин Л. Н. Книги из библиотеки Лескова в государственном музее И. С. Тургенева // Лит. наследство. 1977. Т. 87. Из истории русской литературы и общественной мысли 1860–1890 гг.

3. *Буткевич А. А.* Слово и изображение в творчестве Н. С. Лескова: поэтика «обстановочной» повести. Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017.
4. *Видуэцкая И. П.* Между двумя юбилеями (итоги изучения творчества Н. С. Лескова за последние 25 лет и задачи, стоящие перед исследователями его творчества в настоящее время) // Н. С. Лесков в пространстве современной филологической мысли (к 175-летию со дня рождения). М., 2010.
5. *Динерштейн Е. А. А. С.* Суворин и его газета «Новое время» // Новое литературное обозрение. 1995. № 15.
6. *Динерштейн Е. А.* Публицист «крайних убеждений». Путь А. С. Суворина к «Новому времени» // Лица: Биографический альманах. 1995. № 6.
7. *Лесков А. Н.* Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 1.
8. Лесков в суворинском «Новом времени» (1876–1880) / Вступ. статья, публ. и комм. О. Е. Майоровой // Лит. наследство. 2000. Т. 101. Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2.
9. *Лесков Н. С.* Переписка с Т. Л. Толстой / Предисловие К. П. Богаевской и С. А. Розановой; подг. текста О. А. Голенишко и Б. М. Шумовой; комм. К. П. Богаевской и С. П. Шестерикова // Лит. наследство. 2000. Т. 101. Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2.
10. *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2021. Т. 14.
11. *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. 8–11.
12. *Майорова О. Е.* К истории пожизненного диалога (из переписки Н. С. Лескова с А. С. Сувориным) // Новое литературное обозрение. 1993. № 4.
13. *Макаревич О. В.* Ритмы и вариации: еще раз о поэтике «византийских легенд» Н. С. Лескова // Русская литература. 2022. № 4.
14. *Макаревич О. В.* Философия Сенеки в творческом сознании Н. С. Лескова: пометы к «Письмам Сенеки к Юлиоцилию» (на материале изданий мемориальной библиотеки писателя в г. Орле) // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 1–2.
15. *Минеева И. Н.* Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова. Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003.
16. Н. С. Лесков в воспоминаниях современников. М., 2018.
17. *Рейсер С. А. Н. С. Лесков и народная книга* // Русская литература. 1990. № 1.
18. *Рудник С. Н.* Всесословная воинская повинность и вопросы образования в России в 1870–1890-е годы // Социология науки и технологий. 2016. Т. 7. № 2.
19. *Соловьева И., Шитова В. А. С.* Суворин. Портрет на фоне газеты // Вопросы литературы. 1977. № 2.
20. *Чуднова Л. Г.* Лесков в Петербурге. Л., 1975.
21. *Чуднова Л. Г. Н. С. Лесков в Министерстве народного просвещения* // Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 2016. Т. 13.
22. *Эджертон В.* Затерянные статьи Лескова // Лит. наследство. 2000. Т. 101. Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 2.
23. *Marcadé J.-C.* 63 письма Н. С. Лескова // Revue des Études Slaves. 1986. Vol. 58. Fasc. 3.
24. *Muller De Morogues I.* L'œuvre journalistique et littéraire de N. S. Leskov: Bibliographie. Bern; Frankfurt a/M.; New York, 1984.

References

1. *Afonin L. N.* Knigi iz biblioteki Leskova v gosudarstvennom muzee I. S. Turgeneva // Lit. nasledstvo. 1977. Т. 87. Iz istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli 1860–1890 gg.
2. *Azarina L. E.* Literaturnaia pozitsiia A. S. Suvorina. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008.
3. *Butkевич А. А.* Slovo i izobrazhenie v tvorchestve N. S. Leskova: poetika «obstanovochnoi» povesti. Dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2017.
4. *Chudnova L. G.* Leskov v Peterburge. L., 1975.
5. *Chudnova L. G. N. S. Leskov v Ministerstve narodnogo prosveshcheniiia* // Leskov N. S. Poln. sobr. soch.: В 30 т. М., 2016. Т. 13.
6. *Dinershtein E. A. A. S.* Suvorin i ego gazeta «Novoe vremia» // Novoe literaturnoe obzrenie. 1995. № 15.
7. *Dinershtein E. A.* Publitsist «krainikh ubezhdenii». Put' A. S. Suvorina k «Novomu vremeni» // Litsa: Biograficheskii al'manakh. 1995. № 6.
8. *Edzherton V.* Zateriannye stat'i Leskova // Lit. nasledstvo. 2000. Т. 101. Neizdannyi Leskov: V 2 kn. Kn. 2.
9. *Leskov A. N.* Zhizn' Nikolaia Leskova po ego lichnym, semeinym i nesemeinym zapisiam i pamiatiam: V 2 t. M., 1984. Т. 1.
10. *Leskov N. S.* Perepiska s T. L. Tolstoi / Predislovie K. P. Bogaevskoi i S. A. Rozanovoi; podg. teksta O. A. Golenishko i B. M. Shumovoi; komm. K. P. Bogaevskoi i S. P. Shesterikova // Lit. nasledstvo. 2000. Т. 101. Neizdannyi Leskov: V 2 kn. Kn. 2.

11. *Leskov N. S. Poln. sobr. soch.: V 30 t. M., 2021. T. 14.*
12. *Leskov N. S. Sobr. soch.: V 11 t. M., 1958. T. 8–11.*
13. *Leskov v suvorinskem «Novom vremeni» (1876–1880) / Vstup. stat'ia, publ. i komm. O. E. Maiorovo / Lit. nasledstvo. 2000. T. 101. Neizdannyi Leskov: V 2 kn. Kn. 2.*
14. *Maiorova O. E. K istorii pozhiznennnogo dialoga (iz perepiski N. S. Leskova s A. S. Suvorinym) // Novoe literaturnoe obozrenie. 1993. № 4.*
15. *Makarevich O. V. Filosofia Seneki v tvorcheskom soznanii N. S. Leskova: pomey k «Pismam Seneki k Liutsiliu» (na materiale izdanii memorial'noi biblioteki pisatelia v g. Orle) // Vestnik Nizhegorodskogo un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2012. № 1–2.*
16. *Makarevich O. V. Ritmy i variatsii: eshche raz o poetike «vizantiiskikh legend» N. S. Leskova // Russkaia literatura. 2022. № 4.*
17. *Marcadé J.-C. 63 письма Н. С. Лескова // Revue des Études Slaves. 1986. Vol. 58. Fasc. 3.*
18. *Mineeva I. N. Drevnerusskii Prolog v tvorchestve N. S. Leskova. Dis. ... kand. filol. nauk. Petrozavodsk, 2003.*
19. *Muller De Morogues I. L'œuvre journalistique et littéraire de N. S. Leskov: Bibliographie. Bern; Frankfurt a/M.; New York, 1984.*
20. *N. S. Leskov v vospominaniakh sovremennikov. M., 2018.*
21. *Reiser S. A. N. S. Leskov i narodnaia kniga // Russkaia literatura. 1990. № 1.*
22. *Rudnik S. N. Vseslovnaya voinskaia povinnost' i voprosy obrazovaniia v Rossii v 1870–1890-e gody // Sotsiologiya nauki i tekhnologii. 2016. T. 7. № 2.*
23. *Solov'eva I., Shitova V. A. S. Suvorin. Portret na fone gazety // Voprosy literatury. 1977. № 2.*
24. *Viduetskaia I. P. Mezhdu dvumia iubileiami (itogi izucheniiia tvorchestva N. S. Leskova za poslednie 25 let i zadachi, stoiaschchie pered issledovateliami ego tvorchestva v nastoiaschchee vremia) // N. S. Leskov v prostranstve sovremennoi filologicheskoi mysli (k 175-letiiu so dnia rozhdeniiia). M., 2010.*

Вячеслав Николаевич Быстров

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Viacheslav Nikolaevich Bystrov

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5033-9737

bysvn@mail.ru

А. А. БЛОК И ВЛ. В. ГИППИУС: ЗАВЕРШЕНИЕ ОДНОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПОЛЕМИКИ

A. A. BLOK AND VL. V. GIPPIUS: THE OUTCOME OF A POETIC POLEMICS

Сообщение представляет собой историю обмена поэтическими посланиями между А. Блоком и Владимиром Гиппиусом. Этот диалог в стихах был опубликован в журнале «Гиперборей» в 1912 году. Итоговым в полемике стало стихотворение Вл. Гиппиуса «А. Блоку» («Как сладко ты поешь...»), написанное в мае 1914 года. Оно не было послано адресату. Стихотворение вошло в состав неизданного сборника Вл. Гиппиуса «Затменья звезд» и публикуется впервые. В сообщении сделана попытка проанализировать это послание в общем контексте полемики.

Ключевые слова: А. Блок, Владимир Гиппиус, поэтическая полемика, журнал «Гиперборей», контекст цикла, интерпретация.

The note deals with the exchange of poetic messages between A. Blok and Vladimir Gippius. This dialogue in verse was published in the *Hyperborean* magazine in 1912. The polemics ended with the poem by Vl. Gippius „To A. Blok“ («How sweetly you sing...»), written in May 1914. It was never sent to the addressee. The poem was included into Vl. Gippius's unpublished collection *Eclipses of the Stars* and is being published for the first time. The note attempts to analyze this message within the general framework of the polemics.

Key words: A. Blok, Vladimir Gippius, poetic polemics, the *Hyperborean* magazine, the context of the cycle, interpretation.

Список литературы

1. Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1997. Т. 3.
2. Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7.
3. Блок в поэзии его современников / Вступ. статья и публ. Ю. М. Гельперина // Лит. наследство. 1982. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3.
4. Гиппиус Вл. В. О Блоке, что помню / Предисловие, публ. и комм. А. М. Грачевой и О. А. Линдеберг // Писатели символистского круга. Новые материалы. СПб., 2003.
5. Гиппиус З. Н. Сочинения. Стихотворения. Проза / Вступ. статья, сост., подг. текста и комм. К. М. Азадовского, А. В. Лаврова. Л., 1991.
6. Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1971. Т. 1.
7. Лермонтов М. Ю. Полн. собр. стихотворений: В 2 т. Л., 1989. Т. 1 (Библиотека поэта. Большая сер.).
8. Русский модернизм. Поэтика. Текстология. Историко-литературный контекст. СПб., 2022.
9. Соловьев В. Стихотворения и шуточные пьесы / Вступ. статья, сост. и прим. З. Г. Минц. Л., 1974 (Библиотека поэта. Большая сер.).
10. Тютчев Ф. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1957 (Библиотека поэта. Большая сер.).

References

1. Blok A. A. Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. M., 1997. T. 3.
2. Blok A. Sobr. soch.: V 8 t. M.; L., 1963. T. 7.
3. Blok v poezii ego sovremennikov / Vstup. stat'ia i publ. Iu. M. Gel'perina // Lit. nasledstvo. 1982. T. 92. Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: V 5 kn. Kn. 3.
4. Gippius Vl. V. O Bloke, chto pomniu / Predislovie, publ. i komm. A. M. Grachevoi i O. A. Lindeberg // Pisateli simvolistskogo kruga. Novye materialy. SPb., 2003.
5. Gippius Z. N. Sochineniya. Stikhotvoreniiia. Proza / Vstup. stat'ia, sost., podg. teksta i komm. K. M. Azadovskogo, A. V. Lavrova. L., 1991.
6. Ivanov Viach. I. Sobr. soch.: V 4 t. Briussel', 1971. T. 1.
7. Lermontov M. Iu. Poln. sobr. stikhotvorenii: V 2 t. L., 1989. T. 1 (Biblioteka poeta. Bol'shaja ser.).
8. Russkii modernizm. Poetika. Tekstologija. Istoriko-literaturnyi kontekst. SPb., 2022.
9. Solov'ev V. Stikhotvoreniiia i shutochnye p'esy / Vstup. stat'ia, sost. i prim. Z. G. Mints. L., 1974 (Biblioteka poeta. Bol'shaja ser.).
10. Tiutchev F. I. Poln. sobr. stikhotvorenii. L., 1957 (Biblioteka poeta. Bol'shaja ser.).

Ксения Андреевна Кумпан

младший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ksenia Andreevna Kumpman

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5975-1042

kumpan1947@gmail.com

НАД РУКОПИСЯМИ СТАТЕЙ ВЯЧ. ИВАНОВА.
ЧАСТЬ 1. «„РЕВИЗОР“ ГОГОЛЯ И КОМЕДИЯ АРИСТОФАНА»

WORKING ON THE MANUSCRIPTS OF VYACH. IVANOV'S ARTICLES.
PART 1. «THE INSPECTOR GENERAL BY GOGOL
AND THE COMEDY BY ARISTOPHANES»

Работа демонстрирует механизмы освоения исследователем сложного и кажущегося хаотическим корпуса текстового материала, относящегося к статье Вяч. Иванова «„Ревизор“ Гоголя и комедия Аристофана»: систематизацию, прочтение, анализ и публикацию (расшифровку) черновых автографов писателя. Тем самым настоящая статья важна не только для дальнейшего исследования рукописного наследия Вяч. Иванова, но и для иных текстологических практик.

Ключевые слова: текстология, Вяч. Иванов, статья о Гоголе, расшифровка, систематизация автографов.

The article outlines the mechanisms of the academic approach to the complex and seemingly chaotic corpus of textual material related to Vyach. Ivanov's article «*The Inspector General* by Gogol and the Comedy by Aristophanes»: systematization, reading, analysis and publication (decoding) of the writer's draft autographs. The article is thus important not only for further studies of the manuscript legacy of Vyach. Ivanov, but also for the other textual practices.

Key words: Textology, Vyach. Ivanov, article about Gogol, decoding, systematization of autographs.

Список литературы

1. *Берд Р. Вяч. Иванов и массовые празднества ранней советской эпохи* // Русская литература. 2006. № 2.
2. *Богомолов Н. А. Проблематизация текста как способ чтения трудных мест* // Богомолов Н. А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2010.
3. Вяч. Иванов в переписке с В. Э. Мейерхольдом и З. Н. Райх (1925–1926) / Публ. Н. В. Котрелева и Ф. Мальковати // Новое литературное обозрение. 1994. № 10.
4. *Иванов Вяч. Собр. соч. М., 2018. Т. 1. По Звездам: В 2 кн.*
5. *Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4.*
6. Тройная переписка: Вячеслав Иванов и Ольга Шор в переписке с Ольгой Ресневич-Синьорелли (1925–1938) / Предисловие и подг. текста К. А. Кумпан; комм. А. д'Амелия, К. Кумпан и Д. Рицци // Русско-итальянский архив. Салерно, 2012. [Т.] IX/I. Ольга Синьорелли и русская эмиграция. Переписка.
7. *Ivanov V. Gogol' et Aristophane* // Revue des Études slaves. 1982. Т. 65. № 1–2.
8. *Iwanow. W. Das alte Wahre*. [Frankfurt a/M.], 1955 (Bibliothek Suhrkamp; Bd. XXIV).

References

1. *Bird R. Viach. Ivanov i massovye prazdnestva rannoi sovetskoi epokhi* // Russkaia literatura. 2006. № 2.
2. *Bogomolov N. A. Problematizatsiia teksta kak sposob chteniiia trudnykh mest* // Bogomolov N. A. Sopriazhenie dalekovatykh: O Viacheslave Ivanove i Vladislave Khodaseviche. M., 2010.
3. *Ivanov V. Gogol' et Aristophane* // Revue des Études slaves. 1982. Т. 65. № 1–2.
4. *Ivanov Viach. Sобр. соч. М., 2018. Т. 1. По Звездам: В 2 кн.*
5. *Ivanov Viach. Sобр. соч.: В 4 т. Briussel', 1987. Т. 4.*
6. *Iwanow. W. Das alte Wahre*. [Frankfurt a/M.], 1955 (Bibliothek Suhrkamp; Bd. XXIV).
7. Тройная переписка: Viacheslav Ivanov i Ol'ga Shor v perepiske s Ol'goi Resnevich-Sin'orelli (1925–1938) / Predislovie i podg. teksta K. A. Kumpan; komm. A. d'Amelia, K. Kumpan i D. Ritstsi // Russko-ital'ianskii arkhiv. Salerno, 2012. [Т.] IX/I. Ol'ga Sin'orelli i russkaia emigratsiia. Perepiska.
8. Viach. Ivanov v perepiske s V. E. Meierkhol'dom i Z. N. Raikh (1925–1926) / Publ. N. V. Kotreleva i F. Mal'kovati // Novoe literaturnoe obozrenie. 1994. № 10.

Любовь Валерьевна Хачатуян

докторант Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
доцент Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

Liubov' Valerievna Khachaturian

Doctoral Student, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences; Docent, National Research University
Higher School of Economics (Moscow)

ORCID: 0000-0002-2689-5186

rgali2010@yandex.ru

**ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ЛЕФА:
РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ АЛЕКСЕЯ КРУЧЕНЫХ 1927–1930 ГОДОВ**

**LIFE AFTER LEF:
ALEXEY KRUCHENYKH'S WORKBOOKS OF 1927–1930**

В статье идет речь о поэтическом наследии А. Крученых позднего периода. В воспоминаниях современников об этом времени Крученых-коллекционер затмевает Крученых-поэта. Рабочие же тетради, избранные записи из которых публикуются, свидетельствуют о том, что в это время Крученых продолжал творческие поиски.

Ключевые слова: А. Крученых, рабочие тетради, портрет поэта.

The article deals with the late-period poetic legacy of A. Kruchenykh. In the memoirs of his contemporaries, Kruchenykh the Collector outshines Kruchenykh the Poet. The workbooks indicate that at this time Kruchenykh went on with his creative endeavors; selected entries from the workbooks are published herein.

Key words: A. Kruchenykh, workbooks, portrait of a poet.

Список литературы

1. Архив Н. И. Харджиева. Русский авангард. Материалы и документы из собрания РГАЛИ: В 3 т. / Сост. А. Парнис; науч. ред. А. Сараб'янов. М., 2017–2019.
2. Асеев Н. Н. Собр. соч.: В 5 т. М., 1964. Т. 5.
3. Вознесенский А. На виртуальном ветру. М., 1998.
4. Гурьянова Н. Биография дичайшего. Воспоминания Крученых в литературном контексте 1920–1930-х годов // Крученых А. Е. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. Гурьяновой. М., 2006.
5. Из литературного наследия Крученых / Сост., послесловие, публ. текстов и комм. Н. Гурьяновой. Berkeley, 1999.
6. Иоффе Д. Г. К вопросу о радикальной эстетике Второго русского авангарда. Поэтика Михаила Гробмана: живопись, жизнетворчество и кинический террор // Новое литературное обозрение. 2016. № 4.
7. Иоффе Д. Г. Символический капитал посмертного наследия Хлебникова и Маяковского sub specie авангардной перформативности скандала. Семиотическая прагматика авангардного поведения и жизнетворчества // Критика и семиотика. 2022. № 1.
8. Карпов Д. «Неизданный Хлебников» Алексея Крученых и другие стеклографированные издания Алексея Крученых // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. 2005. № 1–2 (24).
9. Книги А. Е. Крученых кавказского периода из коллекции Государственного музея В. Б. Маяковского: каталог / Авт.-сост. Л. Г. Жукова, Д. В. Карпова. М., 2002.
10. Крученых А. Е. К истории русского футуризма: Воспоминания и документы / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. Гурьяновой. М., 2006.
11. Розанова О. «Лефанта чиол...» / Вступ. статья, публ. писем и комм. В. Н. Терехиной. М., 2002.
12. Харджиев Н. От Маяковского до Крученых: Избранные работы о русском футуризме. С приложением «Кручёныхиады» и других материалов. М., 2006.
13. Харджиев Н. Полемичное имя // Памир. 1987. № 2.
14. Шапир М. И. Эстетический опыт XX века. Авангард и постмодернизм // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4.
15. Шемшиурин А. Слишком земной человек // Алексей Крученых в свидетельствах современников / Сост., вступ. статья, подг. текста и комм. С. Сухопарова. München: Verlag Otto Sagner, 1994.
16. Якобсон-Будетляин. Сборник материалов / Сост., подг. текста, предисловие и комм. Б. Янгфельдта. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1992 (Acta Universitatis Stockholmensis; 29. Stockholm Studies in Russian Literature).

References

1. Arkhiv N. I. Khardzhieva. Russkii avangard. Materialy i dokumenty iz sobraniia RGALI: V 3 t. / Sost. A. Parnis; nauch. red. A. Sarab'ianov. M., 2017–2019.
2. Aseev N. N. Sobr. soch.: V 5 t. M., 1964. T. 5.
3. Gur'ianova N. Biografia dichaishego. Vospominaniiia Kruchenykh v literaturnom kontekste 1920–1930-kh godov // Kruchenykh A. E. K istorii russkogo futurizma: Vospominaniiia i dokumenty / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. N. Gur'ianovoi. M., 2006.

4. Iakobson-Budetlianin. Sbornik materialov / Sost., podg. teksta, predislovie i komm. B. Iang-fel'dta. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1992 (Acta Universitatis Stockholmiensis; 29. Stockholm Studies in Russian Literature).
5. Ioffe D. G. K voprosu o radikal'noi estetike Vtorogo russkogo avangarda. Poetika Mikhaila Grobmana: zhivopis', zhiznetvorchestvo i kinicheskii terror // Novoe literaturnoe obozrenie. 2016. № 4.
6. Ioffe D. G. Simvolicheskii kapital posmertnogo naslediia Khlebnikova i Maiakovskogo sub specie avangardnoi performativnosti skandala. Semioticheskaiia pragmatika avangardnogo povedeniiia i zhiznetvorchestva // Kritika i semiotika. 2022. № 1.
7. Iz literaturnogo naslediia Kruchenykh / Sost., posleslovie, publ. tekstov i komm. N. Gur'yanovoi. Berkeley, 1999.
8. Karpov D. «Neizdannyi Khlebnikov» Alekseia Kruchenykh i drugie steklografirovannye izdaniia Alekseia Kruchenykh // Antikvariat, predmety iskusstva i kollektcionirovaniia. 2005. № 1–2 (24).
9. Khardzhiev N. Ot Maiakovskogo do Kruchenykh: Izbrannye rabot o russkom futurizme. S prilozheniem «Kruchenykhia» i drugikh materialov. M., 2006.
10. Khardzhiev N. Polemichnoe imia // Pamir. 1987. № 2.
11. Knigi A. E. Kruchenykh kavkazskogo perioda iz kollektsiy Gosudarstvennogo muzeia V. V. Maiakovskogo: katalog / Avt.-sost. L. G. Zhukova, D. V. Karpova. M., 2002.
12. Kruchenykh A. E. K istorii russkogo futurizma: Vospominaniia i dokumenty / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. N. Gur'yanovoi. M., 2006.
13. Rozanova O. «Lefanta chiol...» / Vstup. stat'ia, publ. pisem i komm. V. N. Terekhinoi. M., 2002.
14. Shapir M. I. Esteticheskii opty XX veka. Avangard i postmodernizm // Philologica. 1995. T. 2. № 3/4.
15. Shemshurin A. Slishkom zemnoi chelovek // Aleksei Kruchenykh v svidetel'stvakh sovremennikov / Sost., vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. S. Sukhoparova. München: Verlag Otto Sagner, 1994.
16. Voznesenskii A. Na virtual'nom vetrue. M., 1998.

Елена Наумовна Пенская

профессор Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва);
руководитель научной группы Центра междисциплинарных исследований
Московского физико-технического института

Elena Naumovna Penskaya

Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow);
Head of the Academic Department, Center for Interdisciplinary Research,
Moscow Institute of Physics and Technology

ORCID: 0000-0003-2469-584X

lpenskaya@hse.ru

**А. В. СУХОВО-КОБЫЛИН И СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК.
ДИАЛОГ РУКОПИСНЫХ ИСТОЧНИКОВ В КОЛЛЕКЦИИ Ю. А. КРАСОВСКОГО**

**A. V. SUKHOVO-KOBYLIN AND THE SILVER AGE.
DIALOGUE OF THE MANUSCRIPT SOURCES IN YU. A. KRASOVSKY'S COLLECTION**

В статье речь идет о коллекции рукописей, собранной критиком, архивистом, редактором Юрием Александровичем Красовским (1909–1987). В документах Серебряного века — центральной группе в этом собрании — обнаружен неопубликованный черновой отрывок из философской работы драматурга А. В. Сухово-Кобылина «Запись о самосознании». Данный набросок сделан на обратной стороне выписок из нескольких явлений комедии-шутки «Смерть Тарелкина». Эти черновики Сухово-Кобылина, как и другие рукописи в коллекции, содержат примечания, автографии. Расшифровка реконструирует не просто сам документ, но создает текстологическую коллизию и обнаруживает дополнительные смысловые слои, что позволяет проследить влияние

жанров и конвенций, принятых критериев отбора, систематизации документов на процесс формирования структуры эго-документов и показать, как вся инфраструктура архива, научно-справочный аппарат комплектования, архивные практики, составление коллекции могут быть прочитаны как целостный эго-документ, автобиография, память личная и память культуры.

Ключевые слова: архив, коллекция, музей, рукопись, символизм, Красовский, Сухово-Кобылин, память.

The article deals with the manuscripts collected by the critic, archivist, editor Yuri Alexandrovich Krasovsky (1909–1987). An unpublished draft excerpt from the *Record of Self-Consciousness*, a philosophical essay by the playwright A.V. Sukhovo-Kobylin, was discovered amid the documents of the Silver Age — the core of the collection. The draft was penned on the reverse side of the extracts from a comical farce *The Death of Tarelkin*. Same as the other manuscripts from the collection, these drafts by Sukhovo-Kobylin contain notes, auto-marginalia. When decoded, they create a textual collision and reveal additional semantic layers, allowing to trace the influence of genres, conventions, accepted selection criteria and systematization of documents on the process of shaping the structure of egodocuments and to show that the entire archival infrastructure, the apparatus of academic reference, archival practices, compilation of collections can be interpreted as a coherent egodocument, autobiography, personal and cultural memory.

Key words: archive, collection, museum, manuscript, symbolism, Krasovsky, Sukhovo-Kobylin, memory.

Список литературы

1. Александр Сухово-Кобылин. Материалы из собрания Государственного литературного музея: Альбом-каталог. М., 2021.
2. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М., 2019.
3. Беньямин В. О коллекционерах и коллекционировании. М., 2018.
4. Блок А. А. О списке русских авторов // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 6.
5. Волкова Н. Б. Жизнь, отданная архиву. Юрий Александрович Красовский (1909–1987) в ЦГАЛИ // Вестник архивиста. 1998. № 4 (46).
6. Встречи с прошлым. М., 1972. Вып. 1.
7. Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 3.
8. Горнунг Л. В. Дневник. 1945 // Лев Горнунг. «Свидетель терпеливый». Дневники, мемуары / Подг. текста, предисловие, комм. Т. Ф. Нешумовой. М., 2019.
9. Каминская Ю. В. Коллекционирование как основополагающий творческий принцип поэтики К. Вагинова // Вестник Томского гос. ун-та. 2021. № 463.
10. Мениш П. Ван. Коллекционирование // Вопросы музеологии. 2014. № 1 (9).
11. Пенская Е. Н. Проблемы альтернативных путей в русской литературе: Поэтика абсурда в творчестве А. К. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. В. Сухово-Кобылина. М., 2000.
12. Ромашова М. В. «Мой многострадальный дневник»: как эго-документ становится архивным документом (случай пермской общественницы Валентины Соколовой) // Эго-Документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах. М.; Екатеринбург, 2021.
13. Российский государственный архив литературы и искусства: Путеводитель. М., 2018. Вып. 10.
14. Рудницкий К. Л. А. В. Сухово-Кобылин. Очерк жизни и творчества. М., 1957.
15. Соколова Т. В. Н. И. Туркус о первом представлении пьесы А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского»: статья для не вышедшего выпуска сборника «Звенья» // Новые звенья. М., 2023.
16. Сухово-Кобылин А. В. Учение Всемир. Инженерно-философские озарения. М., 1995.
17. Туркус Н. И. Мои воспоминания (фрагменты рукописи) / Подг. текста И. А. Гладыш // «Магический кристалл литературы». Исследования. Находки. Публикации: Юбилейный сборник научных трудов. М., 2004.
18. Чугунова Е. Е. Ранняя поэзия А. Блока: Неизвестные автографы стихотворений в собрании РГАЛИ. М., 2005. Т. 1.

References

1. Aleksandr Sukhovo-Kobylin. Materialy iz sobraniia Gosudarstvennogo literaturnogo muzeia: Al'bom-katalog. M., 2021.
2. Assman A. Zabvenie istorii — oderzhimost' istorie. M., 2019.
3. Ben'iamin V. O kollektcionerakh i kollektcionirovani. M., 2018.
4. Blok A. A. O spiske russkikh avtorov // Blok A. A. Sobl. soch.: V 8 t. M.; L., 1962. T. 6.
5. Chugunova E. E. Ranniaia poeziia A. Bloka: Neizvestnye avtografy stikhotvorenii v sobraniii RGALI. M., 2005. T. 1.

6. *Gornung L. V. Dnevnik. 1945* // Lev Gornung. «Svidetel' terpelivyi». Dnevnik, memuary / Podg. teksta, predislovie, komm. T. F. Neshumovoi. M., 2019.
7. *Kaminskaiia Iu. V. Kollektsirovanie kak osnovopolagaiushchii tvorcheskii printsip poe-tiki K. Vaginova* // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. 2021. № 463.
8. *Mensh P. Van. Kollektsirovanie* // Voprosy muzeologii. 2014. № 1 (9).
9. *Penskaia E. N. Problemy al'ternativnykh putei v russkoj literature: Poetika absurdna v tvor-chestve A. K. Tolstogo*, M. E. Saltykova-Shchedrina i A. V. Sukhovo-Kobylina. M., 2000.
10. *Romashova M. V. «Moi mnogostradal'nyi dnevnik»: kak ego-dokument stanovitsia ar-khivnym dokumentom (sluchai permskoi obshchestvennitsy Valentiny Sokolovoi)* // Ego-Doku-menty: Rossiiia pervoi poloviny XX veka v mezhistochinovkakh dialogakh. M.; Ekaterinburg, 2021.
11. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva: Putevoditel'. M., 2018. Vyp. 10.
12. *Rudnitskii K. L. A. V. Sukhovo-Kobylin. Ocherk zhizni i tvorchestva*. M., 1957.
13. *Sokolova T. V. N. I. Turkus o pervom predstavlenii p'esy A. V. Sukhovo-Kobylina «Svad'ba Krechinskogo»: stat'ia dlia ne vyshedshego vypuska sbornika «Zven'ia»* // Novye zven'ia. M., 2023.
14. *Sukhovo-Kobylin A. V. Uchenie Vsemir. Inzhenerno-filosofskie ozareniiia*. M., 1995.
15. *Turkus N. I. Moi vospominaniiia (fragmenty rukopisi)* / Podg. teksta I. A. Gladyshev // «Magi-cheskii kristall literatury». Issledovaniia. Nakhodki. Publikatsii: Iubileinyi sbornik nauchnykh tru-dov. M., 2004.
16. *Volkova N. B. Zhizn', otdannaia arkhivu. Iurii Aleksandrovich Krasovskii (1909–1987)* v TsGALI // Vestnik arkhivista. 1998. № 4 (46).
17. Vstrechi s proshlym. M., 1972. Vyp. 1.
18. Vstrechi s proshlym. M., 1987. Vyp. 3.

Алексей Маркович Любомудров

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alexei Markovich Lyubomudrov

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4351-6774

anketaspb@yandex.ru

**ПУШКИНОДОМЦЫ В БОРЬБЕ ЗА БУНИНСКОЕ НАСЛЕДСТВО.
К ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ АКАДЕМИЧЕСКИХ УЧЕНЫХ
И СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРЫ В 1960-е ГОДЫ**

**SCHOLARS FROM THE PUSHKIN HOUSE AS THE CHAMPIONS OF THE BUNIN
LEGACY. TOWARDS THE HISTORY OF RELATIONS BETWEEN ACADEMIA
AND THE SOVIET NOMENCLATURE IN THE 1960s**

В статье освещены главные инициативы сотрудников Пушкинского Дома, направленные на возвращение в Россию архива и мемориальных вещей И. А. Бунина. Работа основана на архивных источниках — переписке ученых с В. Н. Буниной и Л. Ф. Зуровым, а также с представителями советского правительенного и партийного аппарата. Ряд писем впервые вводятся в научный оборот и публикуются в Приложении.

Ключевые слова: русское зарубежье, советская культурная политика, архив И. А. Бунина, Л. Ф. Зуров, В. А. Мануйлов, Л. Н. Назарова, П. П. Ширмаков, Пушкинский Дом.

The article outlines the main initiatives of the scholars from the Institute of Russian Literature who advocated the return of I. A. Bunin's archive to Russia. The work is based on their correspondence with the archive's inheritors V. N. Bunina and L. F. Zurov, as well as with the Soviet governmental officials and Communist Party bureaucrats. The most representative letters of the Pushkin House employees pertaining to this issue are published in the Appendix.

Key words: Russian emigration, Soviet cultural policy, Ivan Bunin's archive, L. F. Zurov, V. A. Manuilov, L. N. Nazarova, P. P. Shirmakov, Pushkinskij Dom.

Список литературы

1. Бабореко А. К. Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993.
2. Белобровцева И. З. Леонид Зуров. В тени Бунина. М., 2020.
3. Бунинские материалы в архивах Советского Союза // Лит. наследство. 1973. Т. 84. Кн. 2.
4. «Ваше письмо... меня очень, очень тронуло»: Переписка С. Ю. Прегель с Л. В. Никулиным и П. Л. Вячеславовым / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. В. Хазана // Метрополия и диаспора: две ветви русской культуры. В Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». М., 2015.
5. Голованова Т. П., Назарова Л. Н. В парижской квартире Буниных // Лит. наследство. 1973. Т. 84. Кн. 2.
6. Голованова Т. П., Назарова Л. Н. Парижские встречи с далеким и недальним пошлым // Бунинский сборник. Материалы науч. конф., посвященной столетию со дня рождения И. А. Бунина. Орел, 1974.
7. «Душевно Ваша С. Прегель»: Переписка С. Ю. Прегель с Л. Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / Публ., подг. текста, вступ. статья и комм. П. А. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014/2015. М., 2015.
8. Зайцев Б. К. Собр. соч.: [В 11 т.]. М., 2001. Т. 11.
9. «Знаю, что вы любите древний Псков»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. И. Малышева (1957–1971) / Предисловие, подг. текста и комм. А. М. Любомудрова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. М., 2016.
10. Иванова-Гладильщикова Н. Детективная история с открытым финалом. Как вернуть в Россию архив Ивана Бунина // Известия. 2001. 12 янв. № 3 (25841).
11. Костомарова И. А. Судьба парижского архива И. А. Бунина // Тургеневский ежегодник 2016–2017. Орел, 2018.
12. Любомудров А. М. «Все простое и ясное было кем-то превращено в неимоверно сложное»: Переписка Л. Ф. Зурова и В. А. Мануйлова (1961–1967) // Литературный факт. 2020. № 2 (16).
13. Максименков Л. Битва за Бунина. Как советские власти готовили возвращение живого классика в Россию // Огонек. 2020. № 42.
14. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина, 1870–1906; Беседы с памятью / Сост. А. К. Бабореко. М., 1989.
15. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. 1870–1906. Париж, 1958.
16. Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004.
17. «Сердца открылись...»: Переписка Л. Ф. Зурова и Л. Н. Назаровой (1960–1971) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. М. Любомудрова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб., 2020.
18. Черниговский Д. Е. «Советская хроника» Ивана Бунина // Рошин М. М. Иван Бунин. М., 2000.
19. Ширмаков П. П. Рукописи и переписка И. А. Бунина // Бюллетени рукописного отдела Пушкинского Дома. М.; Л., 1959. Вып. 8.
20. Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь: В 3 кн. М., 2007. Кн. 1.

References

1. Baboreko A. K. Dorogi i zvony: Vospominaniia, pis'ma. M., 1993.
2. Belobrovtsseva I. Z. Leonid Zurov. V teni Bunina. M., 2020.
3. Buninskie materialy v arkhivakh Sovetskogo Soiuza // Lit. nasledstvo. 1973. T. 84. Kn. 2.
4. Chernigovskii D. E. «Sovetskaia khronika» Ivana Bunina // Roshchin M. M. Ivan Bunin. M., 2000.
5. «Dushevno Vasha S. Pregel'»: Perepiska S. Iu. Pregel's L. F. Zurovym, 1938–1971 gg. / Publ., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. P. A. Tribunskogo i V. Khazana // Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2014/2015. M., 2015.
6. Erenburg I. G. Liudi, gody, zhizn': V 3 kn. M., 2007. Kn. 1.
7. Golovanova T. P., Nazarova L. N. Parizhskie vstrechi s dalekim i nedal'nim poshlym // Buninskii sbornik. Materialy nauch. konf., posviashchennoi stoletiiu so dnia rozhdeniya I. A. Buniina. Orel, 1974.
8. Golovanova T. P., Nazarova L. N. V parizhskoi kvartire Buninykh // Lit. nasledstvo. 1973. T. 84. Kn. 2.
9. Ivanova-Gladil'shchikova N. Detektivnaia istoriia s otkrytym finalom. Kak vernut' v Rossiiu arkhiv Ivana Bunina // Izvestia. 2001. 12 ianv. № 3 (25841).
10. Kostomarova I. A. Sud'ba parizhskogo arkhiva I. A. Bunina // Turgenevskii ezhegodnik 2016–2017. Orel, 2018.
11. Liubomudrov A. M. «Vse prostoie i iasnoe bylo kemi-to prevrashcheno v neimoverno slozhnoe»: Perepiska L. F. Zurova i V. A. Manuilova (1961–1967) // Literaturnyi fakt. 2020. № 2 (16).

12. *Maksimenkov L.* Bitva za Bunina. Kak sovetskie vlasti gotovili vozvrashchenie zhivogo klassika v Rossiiu // Ogonek. 2020. № 42.
13. *Muromtseva-Bunina V. N.* Zhizn' Bunina, 1870–1906; Besedy s pamiat'iu / Sost. A. K. Baboreko. M., 1989.
14. *Muromtseva-Bunina V. N.* Zhizn' Bunina. 1870–1906. Parizh, 1958.
15. *Nazarova L. N.* Vospominaniia o Pushkinskom Dome. SPb., 2004.
16. «Serdtsa otkrylis'...»: Perepiska L. F. Zurova i L. N. Nazarovoi (1960–1971) / Vstup. stat'ia, podg. teksta i komm. A. M. Liubomudrova // Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2020 god. SPb., 2020.
17. *Shirmakov P. P.* Rukopisi i perepiska I. A. Bunina // Biulleteni rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma. M.; L., 1959. Vyp. 8.
18. «Vashe pis'mo... menia ochen', ochen' tronulo»: Perepiska S. Iu. Pregel's L. V. Nikulinym i P. L. Viacheslavovym / Publ., podg. teksta, vstup. stat'ia i komm. V. Khazana // Metropolia i diaspora: dve vetyi russkoi kul'tury. V Kul'turologicheskie chteniia «Russkaia emigratsiia XX veka». M., 2015.
19. *Zaitsev B. K.* Sobr. soch.: [V 11 t.]. M., 2001. T. 11.
20. «Znaiu, chto vy liubite drevnii Pskov»: Perepiska L. F. Zurova i V. I. Malysheva (1957–1971) / Predislovie, podg. teksta i komm. A. M. Liubomudrova // Ezhegodnik Doma russkogo zaru-bezh'ia imeni Aleksandra Solzhenitsyna, 2016. M., 2016.

Татьяна Ивановна Акимова

профессор

Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева

Tatyana Ivanovna Akimova

Professor, National Research Ogarev Mordovia State University

ORCID: 0000-0002-6120-1784

akimova_ti@mail.ru

«КНЯЗЬ ВЯЗЕМСКИЙ, РОССИЙСКИХ СТРАН ПИСАТЕЛЬ...»

«KNYAZ' VYAZEMSKY, WRITER OF RUSSIAN LANDS...»

Рец. на: *Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н.* Творчество П. А. Вяземского: известное и неизвестное. СПб.: Издательство «Союз художников», 2022. 712 с.

[Review:] *Vasil'ev N. L., Zhatkin D. N.* Tvorchestvo P. A. Vyazemskogo: izvestnoe i neizvestnoe. SPb.: Izdatel'stvo «Soyuz hudozhnikov», 2022. 712 s.

Ирина Анатольевна Лобакова

старший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Irina Anatol'evna Lobakova

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-5232-5569

irliran@mail.ru

О РЕКОНСТРУКЦИИ РУКОПИСНОЙ БИБЛИОТЕКИ Ф. О. ПЛИГИНА

RECONSTRUCTING THE F. O. PLIGIN MANUSCRIPT LIBRARY

Рец. на: *Новикова О. Л. Купец Филипп Осипович Плигин и его собрание рукописных книг.* М.; СПб.: Альянс-Архео, 2021. 164 с., ил.
[Review:] *Novikova O. L. Kupets Filipp Osipovich Pligin i ego sobranie rukopisnykh knig.* M.; SPb.: Al'ians-Arkheo, 2021. 164 s., il.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4708-098X

ichnelat@rambler.ru

«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ РАЗНООБРАЗНЫХ СНОВИДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-СНОВИДЦЕВ»

**«A JOURNEY THROUGH THE LAND OF VARIOUS DREAMS
OF THE RUSSIAN DREAMING WRITERS»**

Рец. на: *Woźniak Anna. Dwa świata: Sny i onietyczne motywy w literaturze rosyjskiej XIX–XX wieku.* Lublin: Wydawnictwo Werset, 2022. 330 s.

[Review:] *Woźniak Anna. Dva mira: Sny i oniricheskie motivy v russkoi literature XIX–XX vekov* / Dwa światy: Sny I motywy onirycczne w literaturze rosyjskiej XIX–XX wieku. Lublin: Wydawnictwo Werset, 2022. 330 s.

Валерий Юрьевич Выugin

ведущий научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;
профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Valerii Iurevich Viugin

Leading Researcher,

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences;
Professor, St. Petersburg State University

ORCID: 0000-0002-5806-4264

valeryvyugin@gmail.com

ТЕРРИТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ ПРОФЕССОРА И. Н. СУХИХ

PROFESSOR I. N. SUKHIKH'S TERRITORY OF LITERATURE

Рец. на: Территория словесности: Сборник в честь 70-летия профессора И. Н. Сухих / Под ред. А. Д. Степанова, А. С. Степановой. СПб.: Нестор-История, 2022. 448 с.

[Review:] *Territoriaiia slovesnosti: Sbornik v chest' 70-letiia professora I. N. Sukhikh / Pod red. A. D. Stepanova, A. S. Stepanovoi. SPb.: Nestor-Istoriia, 2022. 448 s.*

Лидия Викторовна Соколова

ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Lidiia Viktorovna Sokolova

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Science

ORCID: 0000-0003-2220-0049

liiso@mail.ru

**ХI ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССИИ****11TH READINGS ON THE HISTORY AND CULTURE OF ANCIENT
AND NEW RUSSIA**

[*Meeting Abstract*]

Наталья Валерьевна Семенова

доцент кафедры истории русской литературы
Санкт-Петербургского государственного университета;
младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Natalia Valeryevna Semenova

Docent, St. Petersburg State University;
Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-0315-9044

nathalja.v.semenova@gmail.com

**ЧЕТВЕРТЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ НАУЧНЫЙ СЕМИНАР
«ФОРМЫ КУЛЬТУРНОГО РЕСАЙКЛИНГА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ТЕНДЕНЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ»****FORMS OF CULTURAL RECYCLING IN MODERN RUSSIA:
TRENDS AND INTERPRETATIONS
FOURTH INTERDISCIPLINARY RESEARCH SEMINAR**

[*Meeting Abstract*]

Турчаненко Владимир Владимирович

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Turchanenko Vladimir Vladimirovich

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID 0000-0003-0573-4583
vladimir.turchanenko@mail.ru

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР

**«ПРОБЛЕМЫ ИЗДАНИЯ КРИТИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
А. С. ПУШКИНА»**

**PROBLEMS OF PUBLISHING PUSHKIN'S CRITICAL
AND JOURNALISTIC PROSE
RESEARCH SEMINAR**

[Meeting Abstract]

Светлана Алексеевна Семячко

ведущий научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Svetlana Alekseevna Semiachko

Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-0697-4418
svetlanasm08@mail.ru

ОДИННАДЦАТЫЙ АГИОГРАФИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

THE ELEVENTH HAGIOGRAPHIC SEMINAR

[Meeting Abstract]

Елена Михайловна Филиппова

младший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Elena Mihajlovna Filippova

Junior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-5347-2293

efilippova69@gmail.com

XLII НЕКРАСОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**42ND NEKRASOV CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Вера Владимировна Филичева

научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Vera Vladimirovna Filicheva

Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0003-2942-4846

lntfmd@rambler.ru

**НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ФЕДОРА СОЛОГУБА»**

**CELEBRATING THE 160TH ANNIVERSARY OF FYODOR SOLOGUB
RESEARCH CONFERENCE**

[*Meeting Abstract*]

Оксана Александровна Воробьева

старший преподаватель
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
(Москва)

Oxana Aleksandrovna Vorobyova

Senior Lecturer, National Research University *Higher School of Economics*
(Moscow)

ORCID: 0009-0006-6676-4654

oxalvo@gmail.com

Любовь Александровна Новицкас

доцент

Института общественных наук Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Liubov' Aleksandrovna Novitskas

Associate Professor,

Institute for Social Sciences,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ORCID: 0000-0001-5238-6417

novitskasla@mail.ru

**ХII КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
«ТЕКСТОЛОГИЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС»**

TEXTOLOGY AND HISTORICAL AND LITERARY PROCESS

12th CONFERENCE FOR THE YOUNG RESEARCHERS

[Meeting Abstract]

Учредители:

Российская академия наук

Отделение историко-филологических наук РАН

119991, Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а

Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64

oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук

199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40

irliran@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Журнал зарегистрирован

Министерством печати и информации Российской Федерации

Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Телефон/факс: (812) 328-16-01, rusliter@mail.ru; www.pushkinskijdom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*

Редакторы *О. В. Макаревич, В. В. Филичева, А. Ю. Соловьев*

Корректор *Т. А. Румянцева*

Компьютерная верстка *Е. А. Назаровой*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательство „Чистый лист“»

Сдано в набор 09.08.23. Подписано к печати 20.10.23. Дата выхода в свет 30.11.23.

Формат 70 × 100 $\frac{1}{16}$. Гарнитура SchoolBook. Цифровая печать.

Уч.-изд. л. 31. Тираж 220 экз.

Тип. зак. № 16/4а. Цена свободная

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-131-22

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

16+